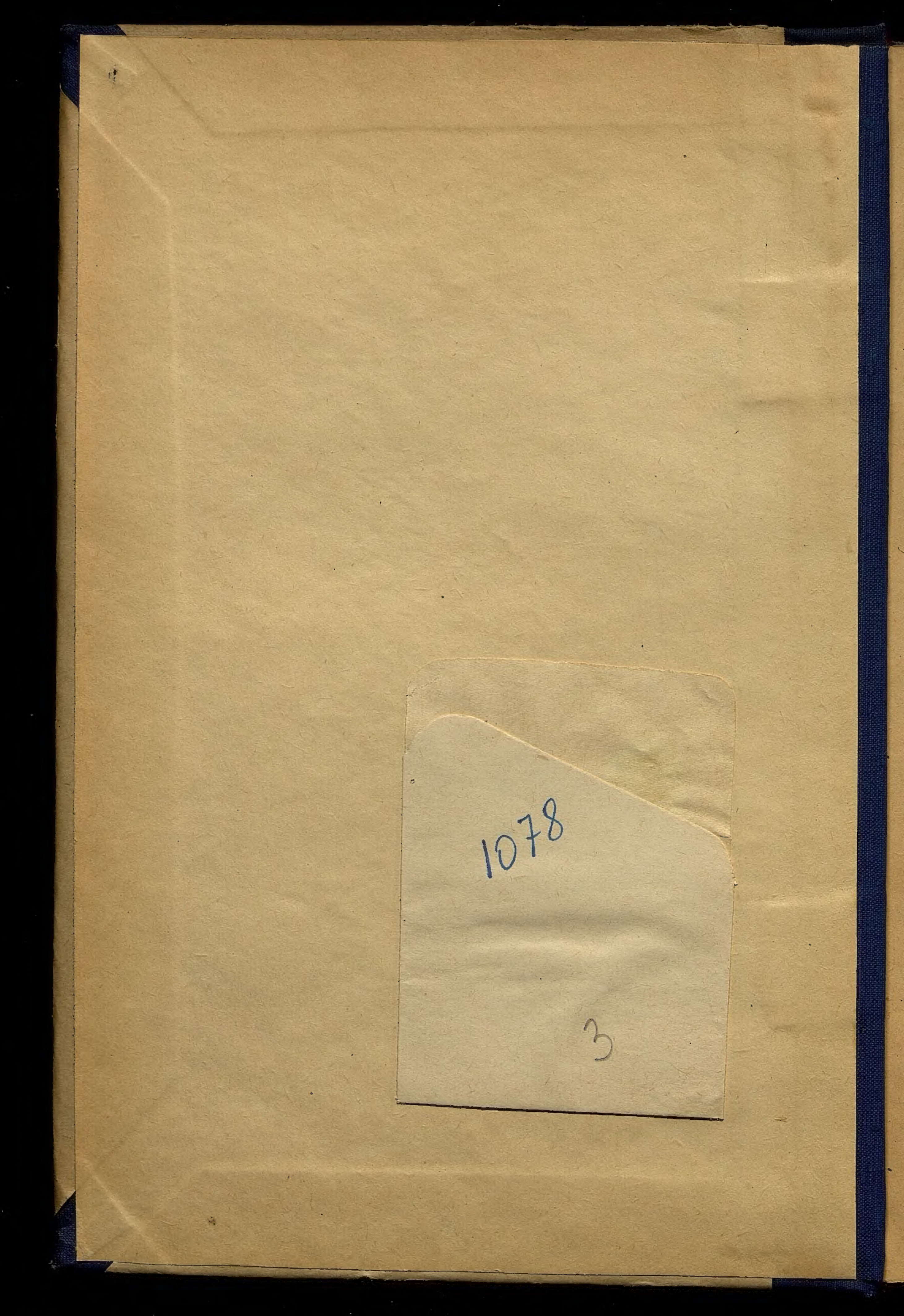
355.4
А.23

Агапеев. А.

Опыт истории развития стратегии.


1078

3

ПРОВЕРЕНО 1965 г.
Проверено 2015

Многоуважаемому Григорію Григорьевичу Христіани, на добрую память отъ автора

О 118

Александръ Агапѣевъ.

Библіотека ГМШ ВМФ СССР

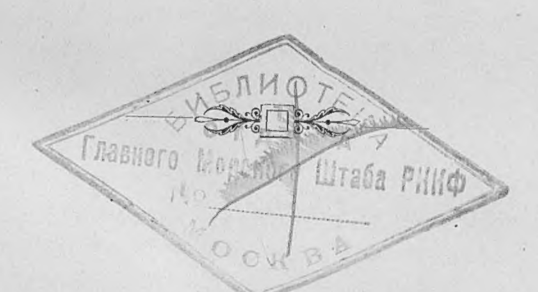
ОПЫТЪ
ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ
СТРАТЕГІИ и ТАКТИКИ

наемныхъ и постоянныхъ армій новыхъ государствъ.

ВЫПУСКЪ I.

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ НАУКЪ и ИСКУССТВЪ.

1078



Филиал Центральной ВМБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Столичная Скоропечатня» С. Х. Золотухина,
уг. Б. Морской и Гороховой ул., д. № 23—12.
1902.

355.4
А 23

ПРО ЕРЕНО 1960 г.

Печатано по распоряженію Начальника Николаевской академіи Генеральнаго Штаба.

Предисловіе

КЪ ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ.

Настоящій выпускъ составляетъ первую часть диссертаціи, представленной въ Николаевскую академію Генеральнаго Штаба, въ февралѣ мѣсяцѣ 1900 года, на соисканіе каѳедры по исторіи военнаго искусства.

Послѣдовавшая затѣмъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ того-же года, командировка на Дальній Востокъ и участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ, задержали печатаніе книги, а также дальнѣйшую разработку той-же темы, которую предполагалось довести до великой французской революціи, а затѣмъ, по мѣрѣ возможности, и до современной намъ эпохи. Эти причины, а также желаніе переработать свой трудъ соотвѣтственно своимъ теперешнимъ взглядамъ, нѣсколько измѣнившимся, за эти два года, столь полныхъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній,—обусловили также задержку въ печатаніи второй половины диссертаціи, которая, впрочемъ, подготовляется къ печати и, вѣроятно, выйдетъ осенью текущаго года.

Свою работу я назвалъ «опытомъ», такъ какъ рѣшился, при изслѣдованіи развитія стратегіи и тактики новыхъ европейскихъ государствъ, принять нѣсколько отличный отъ преобладавшаго до послѣдняго времени метода военно-историческихъ изслѣдованій.

Военное дѣло принято, большею частью, разсматривать, какъ нѣчто замкнутое, обособленное, не имѣющее непосредственной связи съ обще-государственными учрежденіями и независимое отъ духа времени и по-

литической жизни всего общества. Между тѣмъ, казалось-бы, что именно теперь, когда армія стала «вооруженнымъ народомъ», когда обще-обязательная воинская повинность привлекла въ ряды арміи всѣ классы и сословія государства, — вооруженныя силы, болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде, должны отражать въ себѣ характерныя черты всего строя общественной жизни соотвѣтствующей страны и должна испытывать на себѣ вліяніе всей совокупности политическихъ условій, при которыхъ развился и окрѣпъ государственный организмъ, выдѣлившій изъ собственной плоти и крови эту вооруженную силу, для защиты своихъ жизненныхъ интересовъ. Я попытался, прослѣдить, въ настоящемъ изслѣдованіи, *не сказывалось-ли и прежде вліяніе общей политической жизни страны на организацію ея вооруженной силы, не замѣтны-ли слѣды этого вліянія даже на внѣшнихъ формахъ, въ которыхъ вылилось военное искусство въ соотвѣтствующую эпоху, не было-ли во взглядахъ на войну, въ стратегіи и въ тактикѣ, — элементовъ, явившихся естественными слѣдствіями того уровня обще-государственной идеи, до котораго достигла, въ данное время, соотвѣтствующая національность.*

Изслѣдованіе начато съ эпохи возрожденія наукъ и искусствъ, которая является, вмѣстѣ съ тѣмъ, началомъ новыхъ вѣковъ, и временемъ, когда ясно обозначились существующія до-нынѣ государства западной Европы; разсмотрѣніе политическаго роста этихъ государствъ и, параллельно ему, роста ихъ вооруженныхъ силъ представляется, такимъ образомъ, возможнымъ вести, начиная съ этой эпохи, для всѣхъ современныхъ намъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ и довести его до переживаемыхъ нынѣ временъ, не дѣлая перерыва, вызываемаго появленіемъ на историческомъ поприщѣ новой народности, новаго государства: возникшія въ концѣ среднихъ вѣковъ государства западной Европы не исчезли до сихъ поръ, и не явились на смѣну имъ новые народы, съ новой культурой, а потому и въ наше время приходится считаться съ вооруженной силой тѣхъ-же государствъ, которыя утвердились въ западной Европѣ къ началу эпохи возрожденія.

Это приводитъ и къ утилитарной, такъ сказать, цѣли принятаго метода изслѣдованія: не дадутъ ли возможности такія историческія сопоставленія вывести сравнительную оцѣнку и современныхъ намъ европейскихъ армій, съ перваго взгляда, столь сглаженныхъ по своему внѣшнему виду, столь одновременно усвоивающихъ разнообразныя техническія усовершенствованія, которыя такъ быстро дѣлаются нынѣ обще-извѣстными всему міру; чувствуется однако, что подъ этимъ однообразнымъ обликомъ современныхъ армій кроются, тѣмъ не менѣе, крупныя внутреннія различія, которыя именно и обусловятъ побѣду или пораженіе въ будущей неминуемой борьбѣ. Можетъ быть, выводы настоящаго «опыта» могутъ послужить первымъ шагомъ къ раскрытію разнообразныхъ внутреннихъ сторонъ вооруженной силы, путемъ опредѣленія существовавшихъ и въ прежнее время различій между арміями, различій, обусловленныхъ, главнымъ образомъ, разницей въ географическихъ особенностяхъ соотвѣтствующихъ государствъ, въ національномъ характерѣ ихъ обитателей, во всемъ политическомъ строѣ выработанной ими народной жизни...

Избранный методъ изслѣдованія «исторіи развитія стратегіи и тактики» отличается отъ принятаго бывшимъ преподавателемъ Берлинской военной академіи, М. Іенсомъ, выдающійся трудъ котораго по исторіи всѣхъ вообще военныхъ наукъ («Geschichte der Kriegswissenschaften»; томы I, II и III; 1889—1895) касается только одной литературы военныхъ наукъ, но не разсматриваетъ примѣненія выработанныхъ теоріей положеній этихъ наукъ на практикѣ, т. е., совершенно не изслѣдуетъ военно-историческихъ фактовъ, относя ихъ къ военному искусству, которое, по его мнѣнію, слѣдуетъ разсматривать совершенно независимо отъ исторіи военныхъ наукъ *). Съузивъ рамки своей работы изслѣдованіемъ лишь исторіи развитія *стратегіи* и *тактики* разсматриваемой эпохи, намъ казалось однако, что современное ей со-

---

*) Тотъ-же авторъ издалъ впрочемъ еще раньше тоже весьма солидную работу по исторіи всего вообще военнаго дѣла («Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens, von der Urzeit bis zur Renaissance». Leipzig. 1880) которая, къ сожалѣнію, доведена лишь до конца XVI вѣка.

стояніе этихъ наукъ характеризуется не только тѣми данными, которыя проводятся въ военной литературѣ того времени, но еще въ большей мѣрѣ развитіе ихъ опредѣляютъ тѣ формы, въ которыхъ явились стратегія и тактика на театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ сраженія, т. е., въ дѣйствительномъ примѣненіи ихъ на практикѣ. Вотъ почему, наряду съ параллельнымъ изученіемъ литературы по стратегіи и тактикѣ даннаго времени, мы привели и важнѣйшіе военно-историческіе факты, отдавая имъ даже предпочтеніе въ сужденіяхъ о состояніи указанныхъ военныхъ наукъ, такъ какъ такое изслѣдованіе скорѣе даетъ возможность привести къ извѣстнымъ выводамъ и можетъ быть удобнѣе поставлено въ связь съ обще-историческимъ ходомъ событій.

Заканчивая настоящее предисловіе, считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь мою глубокую признательность почетному члену конференціи Николаевской академіи Генеральнаго Штаба, Генералу отъ инфантеріи *А. К. Пузыревскому,* за сообщеніе мнѣ весьма цѣнныхъ для моего изслѣдованія источниковъ, а также ординарному профессору той-же академіи, Генералъ-Маіору *П. А. Гейсману,* за сдѣланныя имъ, по представленной мною рукописи, указанія о моей работѣ, которыми я и воспользовался отчасти при переработкѣ своего труда для печати.

А. Агапѣевъ.

10 мая 1902 г.
С.-Петербургъ.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВЪ.

I. Источники, современные изслѣдуемой эпохѣ.

1. **Niccolo Macchiavelli.** «I sette libri del'arte della guerra». Firenza. 1521. Нѣмецкій переводъ Ziegler'а: «Die Kriegskunst in sieben Büchern». Karlsruhe. 1833.
2. **Его-же.** «Dei discorsi sul Tito Livio». Нѣмецкій переводъ Ziegler'а: «Vom Staate». Karlsruhe. 1833.
3. **Его-же.** «Il. Principe». Русскій переводъ Заттлера «Монархъ». С.-Петербургъ. 1869.
4. **Gvillaume dv Bellay, Seigneur de Langey.** «Discipline militaire». Lyon 1592. (Библіотека Николаевской академіи Генеральнаго Штаба). Первое изданіе этой книги относится къ 1535 году и носитъ другое заглавіе: «Instructions sur le faict da la guerre extraites de livres de Polybe, Frontin, Vegece, Cornazzani, Machiavel et plusieurs autres bons auteurs»; авторъ этого изданія не былъ указанъ.
5. **Martin dv Bellay, Seigneur de Langey.** «Memoires». Paris. 1569. (Императорская публичная библіотека—залъ 12, шк. VII, п. 2, № 14; кромѣ того, имѣется также изданіе 1573 г.—залъ 12, шк. XXVIII, п. 6, № 43).
6. **Philippe de Cleve.** «Instruction de toutes manières de guerroyer tant par terre que par mer et choses y servantes». Paris. 1558. Нѣмецкій переводъ Fronsperger'а «Hertzog Philipsen von Cleue Kriegszordnung». Wien 1596.
7. **Leonhardt Fronsperger.** «Kriegszbuch» Wien. 1596. (Императорская публичная библіотека. Залъ 5, шк. VIII, п. I, № 100; экземпляръ того-же изданія, но съ болѣе

многочисленными гравюрами, имѣется также въ библіотекѣ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба). Первое изданіе этой книги относится къ 1566 году, написана она между 1555 и 1560 годомъ.

8. **Lazarus Schwendi.** «Kriegs Discurs. Von Bestellung des ganzen Kriegswesens». Frankfurt am Mayn. 1600. (Императорская публичная библіотека. Залъ 5, шк. XXII, п. 10, № 139) Первое изданіе относится къ 1575 г.; написана книга около 1558 года.
9. **Hanns Lohr**. «Kriegs Feldbüchlin von allerlay Schlachtordnungen». Dillingen. 1569. (Библіотека Главнаго Штаба; 11a—2—26—№ 2619).
10. **Daniel Wintzenberger**. «Krieges Ordnung zu Rosz und Fusz sampt der Artalerey». Dreszden. 1594. (Императорская публичная библіотека. Залъ 4; шк. IV; п. 2; № 108).
11. **Blaise de Montluc**, maréchal de France. «Commentaires». Paris. MDCVII. (Библіотека Николаевской академіи Генеральнаго Штаба; въ Императорской публичной библіотекѣ имѣется изданіе 1760 г. «nouvelle edition»; залъ 14, шк. IV, п. 3, № 4). Мемуары касаются періода 1521—1574 годовъ.
12. **Guicciardini**. «Storia d'Italia. 1494—1534». Firenza. 1561. Французскій переводъ: «Histoire des guerres d'Italie traduite de l'italien, de François Guichardin». I, II, III tomes. Londres. MDCCXXXVIII. Итальянскій оригиналъ написанъ до 1540 года (года смерти Гюичардини).

II. Источники по исторіи военнаго искусства, военной исторіи, стратегіи и тактикѣ.

а) на русскомъ языкѣ:

13. **Рюстовъ**. «Исторія пѣхоты»; т. I и II, перев. Пузыревскаго, подъ редакціей Станкевича. (Военная библіотека, т. XV и XVI). Спб. 1876.
14. **Голицынъ**. «Всеобщая военная исторія»; ч. II и III; 1876—1878 г. Спб.
15. **Пузыревскій**. «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка» (V—XVI) стол.) Ч. I и II. Спб. 1884.
16. **Марковъ**. «Исторія конницы». Ч. 2-я. Тверь. 1886. Ч. 3-я, отд. I и II. Тверь, 1887—1888.

17. **Н. С. (ухотинъ).** «Исторія военнаго искусства» (Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ). Т. Ш; Вып. 3. Спб. 1888.
18. **Лееръ.** «Стратегія» (Тактика военныхъ дѣйствій). Ч. I. Главныя операціи. Изд. 6-е. Спб. 1898. Ч. II. Подготовительныя и дополнительныя операціи. Изд. 5-ое. Спб. 1898 г. Ч. III. Операціи — типы частнаго характера. Изд. 2-е. Спб. 1899.
19. **Гейсманъ.** «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе вѣка». Спб. 1893.
20. **Михневичъ.** «Исторія военнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ до начала девятнадцатаго столѣтія». Спб. 1895.
21. **Масловъ.** «Научныя изслѣдованія по тактикѣ». Выпуски I и II. Спб. 1896.
22. **Денисонъ.** «Исторія конницы». Переводъ съ нѣмецкаго изданія Брикса, барона Е. А. Раушъ фонъ Траубенберга, подъ редакціей В. А. Сухомлинова. Т. I. и II. С.-Петербургъ. 1897.
23. **Михневичъ.** «Стратегія». Книга I. Спб. 1899. Книга II. Спб. 1901.
24. **Гейсманъ.** «Записки военной администраціи». Историческій отдѣлъ. Петербургъ. 1902.
25. **Гейсманъ.** «Генеральный Штабъ». Военный Сборникъ 1902. №№ 1, 2 и 3.

б) на французскомъ языкѣ:

26. **Rocquancourt.** «Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires» Paris. 1834.
27. **Liskenne et Sauvan.** «Bibliothéque historique et militaire»; t. IV. Paris. 1864.
28. **Prince Napoléon-Louis Bonaparte.** «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie»; t. I. Paris. 1846.
29. **Favé.** «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie». Ouvrage continué à l'aide des notes de l'Empereur; t. III. Histoire des progrés de l'artillerie. Paris. 1862.
30. **Susane.** «Histoire de la cavalerie française», t. I. Paris. 1874.
31. **Viollet le Duc.** „Dictionnaire raisonné du mobilier français". Paris. 1874. t. II, V и VI.
32. **Susane.** «Histoire de l'infanterie française», t. I. Paris. 1876.

33. **Bernard.** «Traité de tactique. Tactique experimentale»; t. I. Tarbes. 1878.
34. **Quarré de Verneuil.** «L'armée en France depuis Charles VII jusqu'à la révolution». (1493—1789). Paris. 1880.
35. **Hardy.** «Origines de la tactique française»; t. II. Paris. 1881.
36. **Veynante.** «Historique de la tactique de l'infanterie française». Paris—Limoges. 1892.
37. **Gerôme.** «Essai historique sur la tactique de l'infanterie». Paris—Limoges. 1895.
38. **Lavisse, Guiraud, Langlois, Gebhardt.** «L'armée à travers les âges». Paris. 1899.

в) на нѣмецкомъ языкѣ:

39. **Brandt.** «Geshichte des Kriegswesens»; t. III. Berlin. 1838.
30. **Carl von Clausevitz.** «Vom Kriege»; t. I, II и III. Berlin. 1857.
41. **Dr. Hermann Meynert.** «Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa»; t. II. Wien. 1868.
42. **Hermann Weiss.** «Kostümkunde. Geschichte der Tracht und des Geräthes». Stuttgart. 1872. Abth. I и II.
43. **Max Jähns.** «Atlas zur Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zum Ende des 16 Jahrhunderts». Berlin. 1878 (для картографическихъ приложеній).
44. **Max Jähns.** «Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance». II Lieferung. Leipzig. 1880.
45. **Max Jähns.** «Geschichte der Kriegswissenschaften, vornehmlich in Deutschland». Erste Abtheilung. München und Leipzig. 1889.
46. «**Leitfaden** der allgemeinen Kriegsgeschichte». Verfasst im Auftrage des k. u. k. Reichs-Kriegsministeriums. Wien. 1896.
47. **Carl Bleibtreu.** «Zur Geschichichte der Taktik und Strategie». Berlin.
48. **Reichenau.** «Einflusz der Kultur auf Krieg und Kriegsrüstung. Berlin. 1897.

III. Источники обще-историческіе.

49. **Шлоссеръ.** «Всемірная исторія». Переводъ Л. М. М., подъ редакціей Зайцева. Т. XIII и XIV. Спб. и Москва 1867.
50. **Кольбъ.** «Исторія человѣческой культуры». Переводъ Пад. Бѣлозерской и Марка Вовчка. Спб. 1872. Т. I и II.
51. **Карѣевъ.** «Исторія Западной Европы въ новое время». Т. I—IV. Спб. 1890—1892.
52. **Guizot.** «Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en Europe». Bruxelles. 1847.
53. **Joseph Aschbach**, «Geschichte Spaniens und Portugals zur Zeit der Herrschaft der Almoraviden und Almohaden». Frankfurt am Main; t. I и II. 1833—1837.

IV. Источникъ библіографическій.

54. **Pohler.** «Bibliotheca historico-militaris». Cassel-Leipzig. 4 тома. 1895—1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

Эпоха возрожденія наукъ и искусствъ.

(1450—1550 г.).

Стр.

Предисловіе III

Перечень источниковъ VII

Введеніе 1

Глава I. Постоянныя и наемныя войска до эпохи возрожденія включительно 7

Арміи Рима; войска феодальной эпохи. Развитіе наемныхъ войскъ въ Италіи; пѣхота; конница; артиллерія. Попытка Маккіавелли создать народную армію. Выводы.

Глава II. Первыя постоянныя войска во Франціи 38

Паденіе феодальнаго строя. Армія при Карлѣ VII.

Людовикъ XI (1461—1483). Армія Карла Смѣлаго. Наемныя войска Людовика XI. Сраженія при Монлери (1465 г.) и при Гинегаттѣ (1479).

Карлъ VIII (1483—1498). Походъ 1494—1495 г.

Людовикъ XII (1498—1515). Сраженіе при Аньяделло (14 мая 1509 г.). Походъ 1512 года. Сраженіе при Равеннѣ (11 апрѣля 1512); разборъ. Ля-Ріотта и Теруанъ (1513 г.).

Францискъ I (1515—1547). Сраженіе при Мариньяно (13—14 сентября, 1515 г.); разборъ. Походы 1521—1522 г. Сраженіе при Ля-Бикокѣ (27 апрѣля 1522 г.); разборъ. Кампанія 1524—1525 г. Осада Павіи. Сраженіе подъ Павіей (24 февраля 1525 г.); разборъ.

Глава III. Организація вооруженныхъ силъ Испаніи, въ XV и XVI вѣкахъ 132

Вліяніе арабовъ. Образованіе испанскаго государства и первыя испанскія войска. Гонзальвъ Кордуанскій.

Стр.

Глава IV. Наемныя арміи въ Германіи, при Максимильянѣ I и при Карлѣ V 148

Причины преобладанія феодализма въ Германіи до XV вѣка. Организація арміи при императорѣ Максимильянѣ I. (1493—1516). Конница. Пѣхота. (Ландскнехты). Артиллерія. Инженерныя войска. Организація обще-имперской арміи. Вліяніе эпохи возрожденія наукъ и искусствъ на организацію вооруженной силы.

Глава V. Французская армія въ концѣ правленія Франциска I и при Генрихѣ II 174

Учрежденіе легіоновъ. Конница. Артиллерія. Инженерныя войска. Кампанія 1536 года. Война 1542—1544 г. Сраженіе при Черизолѣ (11 апрѣля 1544 г.). Разборъ сраженія. Генрихъ II (1547—1559). Выводы.

Глава VI. Стратегія и тактика конца XV и первой половины XVI вѣка 207

Политика и стратегія. Тактика (пѣхота; конница; вагенбурги; артиллерія). Соединеніе трехъ родовъ оружія на отдыхѣ, на походѣ и въ бою. (Расположеніе на отдыхѣ—лагери; сторожевая служба; походные порядки; боевые порядки трехъ родовъ оружія).

Общій выводъ о стратегіи и тактикѣ въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ

Приложеніе I.

«Le rozier des guerres». (Розанъ войнъ).

Приложеніе II.

Письмо Франциска I своей матери, Луизѣ Савойской, послѣ сраженія при Мариньяно, 14 сентября 1515 г.

Картографическія приложенія.

Табл. I. № 1. Схема къ походамъ французовъ въ Италію въ началѣ XVI вѣка.
№ 2. Схема къ походу 1509 года.
№ 3. Сраженіе при Аньяделло, 14 мая 1509 года.
№ 4. Пикинеръ при встрѣчѣ атаки пѣхоты.
№ 5. Пикинеръ при встрѣчѣ атаки конницы.
№ 6. Строй швейцарцевъ «ежомъ».

Табл. II. № 7. Схема къ походу Гастона де-Фуа, 1512 года.
№ 8. Сраженіе при Равеннѣ, 11 апрѣля 1512 года.
№ 9. Боевой порядокъ арабовъ.
№ 10. Бой ландскнехтовъ XVI вѣка.

Табл. III. № 11. Схема къ походу Франциска I въ Италію, 1515 года.

Табл. IV. № 12. Схема сраженія при Мариньяно, 13 сент. 1515 года.
№ 13. Схема сраженія при Ля-Бикокѣ, 27 апр. 1522 года.
№ 14. Сраженіе при Мариньяно (По барельефу на гробницѣ короля Франциска I).

Табл. V. № 15. Осада Павіи и ср. подъ Павіей, 1525 года.
№ 16. Сраженіе подъ Павіей, 24 февр. 1525 г. (второй періодъ боя).
№ 17. Сраженіе при Черизолѣ, 11 апрѣля 1544 года.
№ 18. Боевой порядокъ чеховъ-гуситовъ.

Табл. VI. № 19. Боевой строй полка ландскнехтовъ.
№ 20. Квадратный строй, съ двумя стрѣлковыми крыльями.
№ 21. Квадратный строй, съ 4-мя стрѣлковыми крыльями.
№ 22. Квадратный строй, съ 4-мя стрѣлковыми крыльями и внѣшнимъ поясомъ стрѣлковъ.

Табл. VII. № 23. Наступленіе боевого порядка, прикрытаго съ фланговъ боевыми повозками.

Табл. VIII. № 24. Лагерь подъ стѣнами осажденной крѣпости.

Табл. IX. № 25. Ордоннансовый латникъ.
№ 26. Вооруженіе рыцаря 1450 года.
№ 27. Императоръ Максимильянъ I.
№ 28. Легко-конный всадникъ (шево-лежеръ).
№ 29. Стратіотъ.
№ 30. Конный аркебузеръ (аргулетъ).

Табл. X. № 31., № 32. Полное рыцарское предохранительное вооруженіе.
№ 33. Пѣшій латникъ 1520 года.
№ 34. Ландскнехты.
№ 35. Легіонеръ.
№ 36. Капитанъ пѣшей дружины.
№ 37. Аллебардистъ.
№ 38. Стрѣлокъ съ 3-хъ ствольной аркебузой, 1550 года.

Табл. XI. № 39. Фоконно.
№ 40. Боевая повозка, съ разными видами пѣхотинцевъ на ней.
№ 41. Боевая повозка съ орудіями.
№ 42. Полевое орудіе временъ Максимильяна I (1493—1519).
№ 43. 15-ти дюймовая нѣмецкая мортира середины XVI вѣка.
№ 44. Копія барельефа на гробницѣ короля Франциска I (Полевое орудіе на фонѣ редута подъ Павіей).
№ 45. Заряжаемое съ казны орудіе XVI вѣка.
№ 46. Копія барельефа на гробницѣ Гальо де-Женульяка († 1546 г.). Орудіе съ запряжкой въ 11 лошадей.

Введеніе.

Главнымъ орудіемъ для борьбы, главнымъ матерьяломъ арміи всѣхъ временъ и народовъ, является человѣкъ. Тактика и стратегія должны поэтому, прежде всего, считаться со свойствами этого важнѣйшаго элемента всякой вооруженной силы.

Основные законы государства, опредѣляющіе ту или другую систему образованія и организаціи вооруженныхъ силъ, указываютъ элементы, комплектующіе армію, устанавливаютъ, слѣдовательно, тотъ или другой качественный составъ арміи а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляютъ и ея численность.

Такимъ образомъ, совокупность законовъ, опредѣляющихъ комплектованіе и организацію вооруженной силы данной страны (то, что на западѣ принято называть «военной администраціей»), должна вліять и на дѣйствіе этой силы, т. е., на ея тактику и стратегію.

Тактика войскъ представляетъ, какъ-бы, пробный камень ихъ организаціи и не можетъ быть разсматриваема, какъ нѣчто независимое и тѣсно съ нею несвязанное. Стратегія не можетъ задаваться тѣми или другими цѣлями, если она не имѣетъ въ своемъ распоряженіи соотвѣтствующихъ по качеству и по количеству войскъ, т. е., она находится въ зависимости отъ ихъ организаціи и комплектованія.

Но организація и комплектованіе вооруженной силы страны представляетъ собой лишь часть общихъ государственныхъ законовъ, которая, очевидно, должна находиться съ послѣдними въ полной гармонической связи; такимъ образомъ, вся государственная система, вся внутренняя политическая жизнь общественнаго организма, все направленіе его культуры, выработавшія въ результатѣ его основные законы, накладываютъ свою

печать на организацію вооруженной силы страны, а потому даютъ тотъ или другой характеръ тактикѣ и стратегіи ея арміи.

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы постараемся опредѣлить эту зависимость,—*уловить связь между государственнымъ строемъ страны, ея политическими учрежденіями и состояніемъ культуры съ одной стороны, и тѣми формами, въ которыя выливались боевыя дѣйствія войскъ соотвѣтствующей эпохи—съ другой.*

При этомъ, конечно, необходимо имѣть ввиду и другой факторъ, непосредственно вліяющій на боевыя дѣйствія войскъ,—ихъ вооруженіе, усовершенствованія матерьяльнаго характера; тактика, во многомъ, зависитъ отъ свойствъ того оружія, которымъ владѣютъ въ данную эпоху войска, и отъ свойствъ театра борьбы; но, во-первыхъ, состояніе вооруженія и снаряженія войскъ также находятся въ значительной зависимости отъ культуры страны, отъ общаго уровня ея интеллектуальныхъ и матерьяльныхъ средствъ, а во вторыхъ, эти данныя все-же уступаютъ, по своему вліянію на исходъ вооруженной борьбы,—главному ея элементу — человѣку. Почти четыре вѣка тому назадъ, Маккіавелли, перечисляя элементы войны, на первомъ планѣ поставилъ человѣка *); на сколько работа духа и мысли служитъ болѣе могучимъ рычагомъ культурной общественной жизни, чѣмъ механическій трудъ,—на столько-же и въ военномъ дѣлѣ, составъ и качество войскъ, духовная работа вождя и его помощниковъ сильнѣе вліяетъ на исходъ борьбы, чѣмъ матерьяльные факторы, въ видѣ вооруженія, снаряженія, обмундированія войскъ, фортификаціонныхъ сооруженій и т. п.

Дѣйствительно, не столько перевороты въ области вооруженія, не столько усовершенствованія техники и изобрѣтеніе новыхъ матерьяльныхъ орудій для борьбы, сколько перевороты политико-государственные, сколько реформы основныхъ, соціальныхъ законовъ и ломка внутренней жизни государства,—сопровождаются обыкновенно и переворотами въ области военнаго искусства, являются, въ большинствѣ случаевъ, одновременными съ крупными измѣненіями въ области тактики и стратегіи, или непосредственно предшествующими такимъ измѣненіямъ.

Казалось-бы, что въ исторіи развитія техники вооруженія

*) «Люди, желѣзо, золото и хлѣбъ составляютъ нервы войны. Но изъ этихъ четырехъ, два первыхъ—важнѣйшіе, такъ какъ съ людьми и желѣзомъ найдется золото, а съ хлѣбомъ и золотомъ не найти людей и желѣза». «I sette libri dell'arte della guerra», di Niccolo Macchiavelli. Переводъ Ziegler'а: Die Kriegskunst in sieben Büchern. Karlsruhe, 1883, стр. 184).

войскъ нѣтъ болѣе крупнаго переворота, какъ вызваннаго изобрѣтеніемъ пороха; слѣдовало-бы поэтому ожидать, что съ введеніемъ этого могущественнаго средства, какъ орудія для борьбы, явится полный переворотъ употреблявшихся до него боевыхъ формъ и тактическихъ порядковъ. А между тѣмъ, мы ничего подобнаго въ дѣйствительности не находимъ, тогда какъ непосредственно *передъ* изобрѣтеніемъ пороха, втеченіи столѣтія, предшествовавшаго примѣненію пороха къ военнымъ цѣлямъ, совершается дѣйствительно значительный переворотъ въ исторіи развитія военнаго искусства, заключавшійся въ *возрожденіи пѣхоты,* какъ рода оружія, и обусловленный паденіемъ феодальнаго порядка и ленной системы, ниспроверженіемъ рыцарства, упроченіемъ государственной власти и первымъ пробужденіемъ къ политической жизни средняго сословія—горожанъ и мѣщанъ. Ополченія освободившихся отъ феодальнаго ига городскихъ и отчасти сельскихъ общинъ образуютъ ядро войскъ новой организаціи; будучи лишены средствъ и времени, чтобы обучаться рыцарскому способу веденія боя и обзавестись дорого стоющимъ конемъ, доспѣхами, латами и щитомъ, эти ополченцы вооружаются легкими копьями, пиками, аллебардами (швейцарская пѣхота) или луками, арбалетами и гёдендагомъ *) (фламандская пѣхота) и рѣшаются въ пѣшемъ строю встрѣтить гордыхъ латниковъ, которые ихъ настолько презираютъ вначалѣ, что и не считаютъ за достойныхъ противниковъ и, какъ бы изъ снисхожденія, атакуютъ ихъ.

И вотъ, происходитъ странное, повидимому, явленіе: гордые рыцари побѣждены въ цѣломъ рядѣ сраженій презираемыми ими горожанами, сельскими жителями и ремесленниками, которые ничего не понимали въ военномъ искусствѣ рыцарей.

Сраженія при Куртрэ (11 іюля, 1302 г.), при Моргартенѣ (16 ноября, 1315 г.), при Лаупенѣ (21 іюля, 1339 г.), при Земпахѣ (9 іюля, 1386 г.), и другія представляютъ побѣды фламандской и швейцарской пѣхоты надъ рыцарями, причемъ съ обѣихъ сторонъ еще нѣтъ и помину объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія. Побѣды эти, поразившія современниковъ и особенно потерпѣвшихъ пораженія рыцарей, трудно объяснить матерьяльными данными, тѣмъ болѣе, что численное превосходство почти всегда оставалось на сторонѣ рыцарей (при

*) Палица съ желѣзнымъ наконечникомъ и шаровиднымъ утолщеніемъ у передняго конца; ею можно было драться, оглушая противника ударомъ, или употреблять гёдендагъ, какъ колющее оружье.

Моргартенѣ это превосходство выражалось отношеніемъ 9: 1!) Данныя же моральнаго порядка заключались въ томъ сильномъ двигателѣ, побуждавшемъ горожанъ бороться за свои права, за тѣ льготы и привиллегіи, которыя должны были служить наградой въ случаѣ побѣды надъ ненавистными феодалами, до сихъ поръ душившими ихъ жалкую жизнь; это была борьба за свободу вѣ жаго, почувствовавшаго свою силу сословія съ одряхлѣвшимъ, отжившимъ рыцарствомъ, вдобавокъ потерявшимъ свои лучшія силы въ предшествовавшую эпоху крестовыхъ походовъ.

Сознаніе трудности неравной борьбы заставляетъ начальниковъ общинныхъ ополченій принимать особыя мѣры для обезпеченія успѣха противъ грозныхъ рыцарей; работа мысли въ этомъ направленіи даетъ указанія: на искусное пользованіе мѣстностью (Куртрэ), на возможность вознаградить неравенство силъ внезапностью атаки (Моргартенъ), на принятіе новыхъ способовъ атаки, неожиданныхъ для противника (залпъ камнями подъ Лаупеномъ), на нравственную подготовку войскъ передъ боемъ. Увѣренные въ побѣдѣ рыцари пренебрегаютъ всѣмъ этимъ и атакуютъ шаблоннымъ порядкомъ, не дающимъ однако ожидаемыхъ результатовъ, и неуклюжія, неповоротливыя фаланги рыцарей разстраиваются и гибнутъ подъ ударами подвижной, легкой и примѣняющейся къ мѣстности новой пѣхоты, и такимъ образомъ рушится одинъ изъ предразсудковъ феодальной эпохи, въ силу котораго единственнымъ войскомъ, единственной имѣющей значеніе вооруженной силой считали рыцарскую конницу и полагали пѣхоту годной только для охраненія обозовъ.

Итакъ, явился новый (или вѣрнѣе забытый со временъ исчезновенія римскихъ легіоновъ) родъ оружія, явилась новая тактика пѣхоты, новыя формы боевыхъ построеній,—не задолго *до введенія огнестрѣльнаго оружія*, которое начало входить въ употребленіе въ половинѣ XIV вѣка, но и то въ видѣ образцовъ, стрѣлявшихъ менѣе мѣтко и на болѣе близкія дистанціи, чѣмъ современные имъ арбалеты и камнеметныя машины, а потому и не могло вліять на тактическія формы войскъ. Дальнѣйшія усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, въ концѣ XIV, въ XV и особенно въ XVI вѣкахъ вызываютъ уже извѣстныя реформы въ военномъ искусствѣ: является новый видъ пѣхоты, вооруженной огнестрѣльнымъ оружьемъ (сперва аркебузеры, потомъ, съ 1521 г., мушкетеры); появляется затѣмъ и новый родъ оружія—артиллерія; окончательно падаетъ и сходитъ со сцены

рыцарство; облегчаются и кавалерія и пѣхота, постепенно снимая тяжелое предохранительное вооруженіе, которое становится проницаемымъ для пуль, а слѣдовательно безполезнымъ, вырабатывается окончательно типъ легкой, подвижной, способной къ маневрированію пѣхоты...

Но такого рода усовершенствованія въ области военнаго искусства получили уже зародышъ, какъ мы видѣли, въ эпоху, предшествовавшую изобрѣтенію пороха, и явились только естественными слѣдствіями главной первоначальной причины— паденія феодальнаго строя и возникновенія сильной центральной государственной власти, обратившейся, для своей борьбы съ вассалами, къ среднему и низшему сословіямъ—городскимъ и сельскимъ жителямъ, которые и выдвинули изъ своей среды новыя средства для борьбы съ рыцарствомъ, а именно подвижную, легкую пѣхоту...

Черезъ $4^1/_2$ столѣтія, западная Европа испытываетъ новый политическій переворотъ; въ развитіи общественныхъ законовъ человѣчества наступаетъ новый фазисъ, такъ какъ провозглашенныя французской революціей «свобода, равенство и братство» всѣхъ сословій не ограничились предѣлами одной лишь Франціи, но оказали неотразимое вліяніе на общественные взгляды и на государственную политику всего культурнаго міра.

И вотъ, новый крутой переворотъ въ области тактики и стратегіи сопровождаетъ коренную ломку государственнаго организма; во Франціи-же зарождаются новыя боевыя формы, является цѣлый рядъ выдающихся полководцевъ, которые успѣваютъ разрушить вѣками установившійся предразсудокъ о преимуществахъ линейныхъ порядковъ и, смѣло вступивъ въ вооруженную борьбу, во главѣ необученныхъ конскриптовъ, противъ вымуштрованныхъ наслѣдниковъ славы Фридриха Великаго, съ честью выходятъ изъ этой борьбы; обойдя всю Европу, французы оказываются побѣжденными только тогда, когда противникъ успѣлъ усвоить, втеченіи 25-лѣтней, почти безпрерывной борьбы, основы новыхъ тактическихъ формъ и сосредоточилъ противъ геніальнаго полководца-императора подавляющее численное превосходство силъ.

Здѣсь, какъ и въ началѣ XIV вѣка, нельзя указать причинъ новаго фазиса, въ развитіи военнаго искусства, въ данныхъ матерьялнаго порядка; нѣтъ никакого замѣтнаго усовершенствованія вооруженія, которое могло-бы вызвать переворотъ тактики и старатегіи; нельзя указать и на случайность—

появленіе великаго полководца—Наполеона, какъ на причину, обусловившую этотъ переворотъ, такъ какъ совершился онъ и успѣлъ уже принести замѣтные плоды и весьма ощутительные результаты *до* выступленія Бонапарте на политическую арену. Бонапарте только упорядочилъ и усовершенствовалъ тѣ формы веденія войны, которыя примѣнялись цѣлымъ рядомъ выдающихся республиканскихъ генераловъ,—его предшественниковъ и современниковъ. Словомъ, не единичная личность, не талантъ полководца обусловилъ зарожденіе новыхъ боевыхъ формъ, но опять-таки ломка всего общественнаго строя, государственный переворотъ, выдвинувшій, между прочимъ, и новые законы комплектованія и организаціи вооруженной силы, установившіе всеобщую обязательную воинскую повинность и тѣмъ измѣнившіе коренымъ образомъ составъ войскъ, качество бойца и его отношеніе къ дѣлу защиты отечественныхъ интересовъ.

Ограничиваясь пока двумя приведенными примѣрами неотразимаго вліянія на военное искусство обще-государственнаго строя современнаго ему общества, мы постараемся, при дальнѣйшемъ историческомъ изслѣдованіи развитія стратегическихъ и тактическихъ формъ, прослѣдить зависимость таковыхъ отъ современнаго имъ политическаго роста государствъ, начиная со времени образованія существующихъ до-нынѣ постоянныхъ армій главнѣйшихъ европейскихъ державъ.

ГЛАВА I.

Постоянныя и наемныя войска до эпохи возрожденія включительно.

Зависимость состава арміи, ея устройства и боевой дѣятельности отъ внутренней и внѣшней политической жизни государственнаго организма возросла въ значительной мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ армія стала постоянной и начала комплектоваться исключительно изъ состава подданныхъ того государства, оборона котораго на нее возложена; еще тѣснѣе стала связь арміи съ народной жизнью, когда начала примѣняться всеобщая воинская повинность.

Первыя постоянныя войска, объ устройствѣ и дѣятельности которыхъ намъ даетъ достовѣрныя свѣдѣнія исторія, были войска древняго Рима, при первомъ императорѣ—Августѣ.

Римъ, во времена республики, имѣлъ армію милиціоннаго характера; съ объявленіемъ войны, всѣ римскіе граждане, до 45-лѣтняго возраста, могли быть призваны подъ знамена, но, какъ только кончалась война, всѣ, отъ диктатора до послѣдняго солдата, обращались въ первобытное состояніе.

Громадное пространство, на которомъ раскинулось римское государство при цезаряхъ, побуждало имѣть армію, готовую во всякое время предупредить вторженіе противника на самыхъ границахъ; Марій и Сулла, Цезарь и Октавій нуждаются въ сильной, преданной имъ арміи, которая поддержала-бы ихъ честолюбивыя стремленія, и наконецъ, достигнувшему власти, при помощи арміи, Августу она нужна уже не для новыхъ завоеваній, но для удержанія своего престижа и власти; и вотъ, армія становится постоянной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, военная служба обращается изъ обще-гражданскаго долга въ ремесло; вербовка становится нормальнымъ способомъ попол-

ненія арміи и доставляетъ въ среду ея крайне ненадежный въ нравственномъ отношеніи элементъ; падаетъ строгость древнеримскихъ нравовъ, ухудшается и римскій солдатъ, который не служитъ уже родинѣ, но личности цезаря и притомъ того, который больше ему платитъ.

Римскій гражданинъ отвыкаетъ смотрѣть на военную службу, какъ на свой долгъ: богатство и распущенность нравовъ являются результатомъ тріумфовъ побѣдителей, а суровая служба солдата становится не по сердцу разнѣженному римлянину; въ армію проникаютъ чуждые Риму элементы: наемники, варвары, люди безъ чести и любви къ родинѣ. Армія становится ненадежной, и послѣдовавшее быстрое паденіе западной римской имперіи является законнымъ возмездіемъ за разрывъ общества съ арміей, за передачу священнаго гражданскаго долга—защиты родины—въ руки наемниковъ и иностранцевъ.

И тутъ, слѣдовательно, мы видимъ, какъ видоизмѣненіе формы правленія, условій народной жизни и народныхъ нравовъ отразилась на устройствѣ, составѣ и дѣятельности арміи. Съ гибелью римской имперіи гибнетъ и постоянная армія; печальная слава ея перваго появленія, можетъ быть, явилась причиной того, что военные организаторы долго затѣмъ не прибѣгаютъ къ ея учрежденію.

На развалинахъ западной римской имперіи являются новые народы, нарождаются новыя государства, и образованіе ихъ сопровождается многочисленными войнами. Но война ведется снова по образцу римскихъ республиканцевъ: народъ идетъ весь на войну (самое названіе главнаго изъ новыхъ народовъ является синонимомъ арміи: «Heer mannen»—люди войска-германы); но наступаетъ зима, кончился походъ, и народъ отдыхаетъ по своимъ хижинамъ, а весной снова происходитъ сосредоточеніе къ заранѣе указаннымъ мѣстамъ, подъ предводительствомъ избранныхъ вождей.

Какъ въ этотъ періодъ, такъ и въ непосредственно слѣдующій за нимъ, когда народные вожди упрочили за собой власть надъ народомъ, уже независимо отъ войны, и стали владѣтельными и наслѣдственными князьями, герцогами *) и королями, обязательная военная служба не только не оплачивалась, но еще, вдобавокъ, требовала многихъ заботъ отъ самого воина—по вооруженію, одеждѣ и пропитанію.

*) «Heer-zog», т. е., «войско велъ»—полководецъ.

Начиная съ VIII вѣка, въ арміяхъ франковъ является конница, а къ концу IX вѣка она уже рѣшительно преобладаетъ въ составѣ армій, но и лошадей ставитъ не государство, а поставкой ихъ обязаны сами воины.

Естественно, что королевская власть должна была принять мѣры для опредѣленія обязанностей своихъ подданныхъ по несенію военной службы, въ зависимости отъ ихъ матерьяльныхъ средствъ, и вотъ являются капитуляріи Карла Великаго, устанавливающія отношеніе между доходами частныхъ лицъ и тѣмъ снаряженіемъ, вооруженіемъ, запасомъ продовольствія и количествомъ свиты, съ которыми они должны являться при выступленіи въ походъ. Капитуляріи Карла Великаго ввели посредниками между императоромъ и народомъ «сеньоровъ» — сановныхъ графовъ и бароновъ, отвѣчавшихъ за своевременное и соотвѣтственное, по числу, прибытіе подчиненныхъ имъ людей.

Съ раздѣленіемъ монархіи Карла Великаго, павшая власть короля не въ силахъ воспрепятствовать быстрому усиленію «сеньоровъ»; они уже перестаютъ быть обязанными отправлять военную службу безъ вознагражденія, и король долженъ давать имъ «бенефиціи», т. е., ленъ. Народъ привыкаетъ къ власти своего сеньора и, хотя, по прежнему, обязанъ отправлять военную службу, но уже по требованію своего графа—вассала *), а не короля.

Словомъ, нарождается феодальная или ленная система, породившая безпрерывныя междоусобія вассаловъ, другъ противъ друга, и возстанія вассаловъ противъ своихъ королей. Теоретически, въ случаѣ нужды, глава феодальнаго государства имѣлъ, по прежнему, право призвать на службу всѣхъ жителей своей страны; но короли почти вовсе не прибѣгали къ этой крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ потому, что трудно было-бы даже организовать и направить это громадное ополченіе, и кромѣ того, короли были стѣснены цѣлымъ рядомъ различныхъ исключеній и льготъ, данныхъ ими разнымъ общинамъ, вольнымъ городамъ и т. п. Гораздо удобнѣе было условиться съ жителями о числѣ вооруженныхъ и снаряженныхъ людей, которые должны быть поставлены отъ каждой общины, или о той суммѣ денегъ, которую должна была уплатить община взамѣнъ этой личной повинности.

*) Такимъ образомъ, вначалѣ «вассалъ» являлся, такъ сказать, лишь чиновникомъ короля, и только, мало по малу, они присвоили себѣ владѣтельныя права.

Съ теченіемъ времени, короли стали предпочитать послѣднее, такъ какъ полученный выкупъ позволялъ имъ набрать и содержать армію изъ воиновъ, болѣе опытныхъ, испытанныхъ въ бояхъ, и назначать начальниковъ по своему усмотрѣнію, а не тѣхъ, которые выставлялись-бы общинами.

Вассаламъ подобные выкупы отъ несенія военной службы, въ предѣлахъ ихъ леновъ, тоже были на руку, такъ какъ они взимали съ населенія сумму, нѣсколько превышавшую ту, которая требовалась королемъ, и разница, понятно, шла въ ихъ пользу. Мало по малу, короли поняли, какъ важно не прерывать непосредственной связи съ народомъ и, стремясь усилить свою власть, стали собирать этотъ выкупъ, обратившійся въ постоянную подать, на защиту страны, «pro defensione regni», прямо съ жителей, черезъ своихъ комиссаровъ, а феодалы, получавшіе за это разрѣшеніе—взимать подать—извѣстное вознагражденіе, не оцѣнили будущихъ результатовъ этой мѣры и допустили этотъ сборъ, который избавлялъ ихъ отъ лишнихъ хлопотъ.

Противодѣйствовать, впрочемъ, подобнымъ мѣрамъ феодалы были не въ силахъ, такъ какъ послѣ крестовыхъ походовъ рыцарство начало оскудѣвать; дворяне, принявшіе въ нихъ самое дѣятельное участіе, обѣднѣли, а во время долгаго отсутствія вассаловъ многія владѣнія ихъ отошли къ королямъ, власть которыхъ поэтому значительно возросла.

Паденіе феодальнаго строя, завершившее рядъ систематическихъ усилій королей XIV и XV вѣковъ и достигнутое, главнымъ образомъ, союзомъ королей съ общинами и поддержкой этихъ послѣднихъ, *должно было неминуемо привести королей къ необходимости организовать и содержать армію, которая замѣнила-бы войско, собиравшееся, до тѣхъ поръ, при помощи феодаловъ.*

Обладаніе достаточными денежными средствами указывало самый простой и удобный способъ созданія арміи: надо было только найти подходящаго человѣка, который собралъ-бы армію за извѣстное вознагражденіе и взялъ-бы на себя всѣ хлопоты по ея организаціи; въ числѣ сановниковъ, окружавшихъ короля, обыкновенно, безъ особыхъ затрудненій, пріискивался такой вождь, извѣстный своей минувшей боевой дѣятельностью и имѣвшій въ своемъ распоряженіи извѣстное число людей, связанныхъ почему-либо съ его судьбой, съ его состояніемъ; онъ самъ выбиралъ себѣ помощниковъ изъ своихъ бывшихъ боевыхъ товарищей, которые, въ свою очередь, нанимались за опредѣленную плату выставить опредѣленное число

вооруженныхъ людей, организовать извѣстной силы наемный отрядъ; продолженіемъ до самыхъ низшихъ войсковыхъ подраздѣленій такой передачи права набирать войска, создавалась наемная вооруженная сила. То, что прежде былъ обязанъ сдѣлать вассалъ, безъ особаго вознагражденія (кромѣ права на ленъ), теперь дѣлалъ избранный королемъ военачальникъ, за извѣстную наемную плату.

Наемныя войска конца среднихъ и начала новыхъ вѣковъ являлись, до извѣстной степени, элементомъ чуждымъ народу и его идеаламъ; они стали орудіемъ государственной политики, объ интересахъ которой, въ сущности, сами имѣли очень смутное представленіе; они боролись, побѣждали и гибли, не будучи побуждаемы къ тому любовью къ родинѣ, стремленіемъ къ ея славѣ и ея возвеличенію, но просто желая получить кусокъ хлѣба, сдѣлавъ себѣ ремесло изъ войны, и потому нерѣдко войска эти являлись бичемъ того-же народа, за благо котораго они боролись, если только не получали обѣщаннаго имъ вознагражденія, и война не доставляла имъ добычи, для удовлетворенія своихъ нуждъ и прихотей. Грабежи и опустошенія, возмутительныя насилія и мародерство, побѣги массами и переходъ на службу противнику цѣлыми отрядами... являлись обычными слѣдствіями несоблюденія условій договора между наемниками и той властью, которая ихъ нанимала; и подобные переходы не считались даже измѣной, а лишь печальнымъ результатомъ недостатка средствъ для выполненія контракта, въ силу котораго были наняты войска.

Понятно, что вліяніе внутренней жизни государства на арміи подобнаго типа не могло быть значительнымъ, и зависимость ихъ устройства отъ развитія государственной власти сказывалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что, такъ какъ эта послѣдняя была еще далеко не утвердившейся на прочныхъ началахъ, то и не могла предъявлять населенію тѣ требованія по отправленію воинской повинности, которыя впослѣдствіи, укрѣпляясь и централизуясь, она, мало по малу, начала считать вполнѣ нормальными и удобопримѣнимыми.

Такъ какъ наемныя войска, не будучи постоянными, нанимались лишь на опредѣленное время, то по истеченіи его, или съ окончаніемъ войны, являлась опасность, чтобы они не сохранили своей организаціи и не начали-бы «работать на себя».

Самымъ удобнымъ средствомъ избавиться, въ такомъ трудномъ положеніи, отъ наемниковъ—это послать ихъ въ новый

походъ, или сдать союзнику-сосѣду, за соотвѣтственное вознагражденіе; новый походъ давалъ имъ снова пропитаніе, доставлялъ имъ практику въ военномъ дѣлѣ и освобождалъ страну отъ грозной саранчи, доставляя попутно владѣтелю далеко не лишній для него финансовый доходъ. И вотъ, мы видимъ постоянную поддержку наемными войсками, оказываемую другъ другу европейскими государями, за опредѣленную субсидію. Дю Гесклэнъ ведетъ при Карлѣ V «Великую роту» (Grande compagnie) въ Испанію; при Карлѣ VII удаляется изъ Франціи въ Швейцарію, подъ начальствомъ Луи де Бейля, наемный отрядъ, извѣстный подъ внушительнымъ названіемъ «écorcheurs» (живодёры). Среди германскихъ владѣтелей открылась настоящая торговля своими наемниками.

Сплошь и рядомъ случалось, что наемные отряды переходили на сторону противника только потому, что онъ предлагалъ имъ болѣе выгодныя условія, или гарантировалъ болѣе аккуратную выдачу жалованья, и потому естественно, что, желая избѣгнуть подобнаго приращенія непріятельскихъ вооруженныхъ силъ на счетъ собственнаго ослабленія, правительство, нанимавшее войска, не будучи въ состояніи, порой, удовлетворить ихъ нужды, не могло принимать слишкомъ суровыя мѣры противъ того, чтобы войска доставляли-бы себѣ необходимое продовольствіе и деньги какими-бы то ни было другими путями, хотя бы даже грабежами и насиліями. Въ результатѣ, грабежи нерѣдко дѣлались цѣлью похода, такъ какъ взятая добыча давала возможность удовлетворять наемниковъ и алчность ихъ военачальниковъ.

Стремленія мирныхъ граждан избавиться отъ опустошеній, производимыхъ наемными войсками, привели, въ XIV и XV вѣкахъ, къ довольно оригинальному составленію договоровъ между сельскими и городскими общинами, съ одной стороны, и наемными отрядами, квартировавшими и дѣйствовавшими въ раіонѣ этихъ общинъ—съ другой. Этими договорами, получившими во Франціи общее названіе «patis» (отъ «pactis»—договоръ), начальникъ наемнаго отряда, за опредѣленную плату, обязывался не только не позволять своимъ подчиненнымъ грабежей имущества обывателей, но и защищать ихъ отъ насилій другихъ наемныхъ отрядовъ.

Въ интересахъ наемныхъ начальниковъ было заключить какъ можно больше подобныхъ patis *), которые являлись для

*) Откуда и французскій глаголъ: appatisser—накормить, насытить.

нихъ чѣмъ-то вродѣ ежегодной ренты, и явились искусники, которые только этимъ и жили; одинъ изъ такихъ виртуозовъ XIV вѣка, Арно де Серволь, потребовалъ заключенія такого patis отъ самаго папы, когда онъ находился въ Авиньонѣ *).

Развитіе наемныхъ войскъ въ Италіи.

Самое полное развитіе, самую, такъ сказать, утонченную организацію наемныя арміи получили въ Италіи, а такъ какъ, въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ, эти арміи столкнулись съ арміями другихъ государствъ, заключавшими уже первые зачатки постоянныхъ войскъ, то, для правильнаго пониманія условій этой борьбы, необходимо болѣе подробное разсмотрѣніе устройства вооруженной силы Италіи съ XIII по XVI вѣкъ. Намѣтимъ, прежде всего, основныя историческія причины наемной системы, принятой итальянскими государствами, которая привела Италію на край гибели и печальныя послѣдствія которой лишили ее политической самобытности вплоть до середины текущаго столѣтія.

Послѣ паденія западной римской имперіи и нашествія варваровъ, начинается полное раздробленіе Италіи: лангобарды, готы, византійцы, германцы, позднѣе арабы, норманны и испанцы... захватываютъ бóльшія или меньшія лакомыя части Аппенинскаго полуострова. Иностранныя расы, чуждые мѣстному населенію государи являются господствующими на немъ, а ослабѣвшіе, потерявшіе свои лучшія жизненныя силы потомки римскихъ гражданъ терпѣливо сносятъ это иго полурабства.

Съ XII вѣка начинается въ Италіи борьба Гвельфовъ и Гибеллиновъ; папа и вообще духовная власть стала во главѣ первыхъ; потомки старинныхъ германскихъ родовъ, утвердившихся, со времени основанія варварами новыхъ государствъ, на развалинахъ западной римской имперіи, не желаютъ признавать папу, какъ свѣтскаго государя, и призываютъ германскихъ императоровъ; медленная, но настойчивая междоусобная война, страшная по своимъ жестокостямъ и по упорству сторонъ, раздѣлила на двѣ враждующія партіи всю Италію, каждую область, каждый городокъ.

Виновниками послѣдовавшихъ несчастій Италіи, въ значительной степени, явились папы; желая, во что-бы то ни стало, захватить въ свои руки свѣтскую власть, они не оказались настолько сильными, чтобы объединить всю Италію

*) «L'armée à travers les âges». Paris. 1899, стр. 100. Langlois. Le service militaire soldé. Сборникъ лекцій, прочитанныхъ въ С. Сирской военной школѣ, въ 1898 г., подъ руководствомъ Lavisse'a.

и сдѣлаться ея государями; съ другой стороны, они не были и настолько слабыми, чтобы отказаться отъ этой заманчивой идеи и быть побѣжденными другою сильною властью; едва-же начинало обнаруживаться на Аппенинскомъ полуостровѣ чье-нибудь сильное преобладаніе, угрожавшее господству папъ, какъ они призывали сосѣднихъ государей, и, съ ихъ помощью, уничтожали или, по крайней мѣрѣ, сильно ослабляли своихъ противниковъ. Такъ, еще въ IX вѣкѣ, подорвали они господство объединившихъ подъ своею властью почти всю Италію, лангобардскихъ королей, призвавъ на помощь Карла Великаго, такъ сломили они, въ XVI вѣкѣ, силу Венеціи, вооруживъ противъ нея французскихъ королей. Не будучи въ силахъ завоевать всю Италію и не позволяя другимъ исполнить это, папы были причиной того, что изъ Италіи не образовалось одного цѣльнаго государства, и вся она раздробилась на массу самостоятельныхъ владѣній не бывшихъ поэтому въ состояніи сопротивляться нашествію иноземцевъ *).

Къ основной причинѣ междоусобій городовъ Италіи скоро прибавились и другія, при чемъ изъ нихъ на первомъ планѣ стала рознь экономическихъ интересовъ: такъ, Флоренція, нуждаясь въ морскомъ пути для вывоза своихъ суконъ и бархата, ведетъ борьбу съ Пизой, владѣвшей устьемъ Арно и выходомъ къ морю; ей необходимы пути къ Милану и Риму, —и она воюетъ съ Пистоей и съ Ареццо, расположенными на этихъ путяхъ и въ рукахъ которыхъ находились главнѣйшіе проходы по нимъ. Главной соперницей Флоренціи, на міровомъ рынкѣ того времени, является Венеція, и вотъ, Флоренція участвуетъ во всѣхъ заговорахъ и союзахъ противъ цѣлости венеціанской республики **). Эта борьба мелкихъ торгашескихъ интересовъ не дала единства и сплоченности ни одной изъ двухъ главныхъ боровшихся партій, которыя дробились въ свою очередь на враждебныя другъ другу подраздѣленія; глава Гибеллиновъ—императоръ, даже послѣ рѣшительной побѣды надъ Гвельфами, не въ силахъ прочно утвердиться въ странѣ, чуждой его главнымъ политическимъ интересамъ, призывавшимъ его по ту сторону Альпъ. Папа ищетъ помощи противъ феодаловъ въ городскихъ и сельскихъ общинахъ, но не въ состояніи сплотить ихъ идеей общей родины

*) Macchiavelli. «Dei discorsi sul Tito Livio». Нѣмецкій переводъ Ziegler'a «Vom Staate». Karlsruhe. 1832, кн. 1-я, гл. XII, стр. 47—48.

**) Gebhart. «Les armées mercenaires de l'Italie», (изъ сборника Лависса, стр. 119).

и необходимостью забыть экономическую рознь, для достиженія національнаго единства; онъ самъ преслѣдуетъ свои личные, узкіе интересы и заботится лишь о признаніи его свѣтской власти. Нѣтъ вооруженной силы, способной противостать чужеземнымъ арміямъ, нѣтъ власти, которая объединила-бы общія усилія,—и уличная борьба, засады и убійства изъ за угла наполняютъ эту печальную эпоху исторіи Италіи.

Въ результатѣ, вся Италія раздѣлилась на множество отдѣльныхъ республикъ или княжествъ, вѣчно боровшихся другъ съ другомъ и совершенно позабывшихъ о національномъ единствѣ; понятно, что, при такихъ политическихъ условіяхъ, враждовавшія области не могли даже имѣть въ своемъ распоряженіи достаточнаго числа собственныхъ гражданъ, соотвѣтствующаго возраста, годныхъ къ военной службѣ, а потому, отчасти по необходимости, должны были прибѣгать къ наемникамъ.

Къ тому-же, богатыя своей торговлей итальянскія республики не были склонны къ учрежденію національной могущественной военной силы, такъ какъ эта послѣдняя являлась бы постоянной опасностью для цѣлости республиканскихъ учрежденій, способствовала-бы захвату власти честолюбцамъ, которые могли-бы опираться на эту военную силу. Вотъ почему устройство итальянской общины было строго цеховымъ, всѣ граждане приписывались къ какой-либо корпораціи, но цехъ военныхъ отсутствовалъ; венеціанскіе аристократы имѣли въ своей средѣ адмираловъ, дипломатовъ, государственныхъ чиновниковъ, судохозяевъ, но военныхъ между ними не было; не было мѣста военному сословію и въ другихъ городахъ Италіи, такъ какъ сдѣлался всеобщимъ предразсудокъ, что гражданскія доблести совершенно несовмѣстимы съ военнымъ дѣломъ *).

*) Такъ, даже знаменитый Маккіавелли въ своемъ трактатѣ «I sette libri dell'arte della guerra». Firenze. 1521, утверждаетъ, что «добро-порядочный гражданинъ не можетъ избрать своимъ ремесломъ военное дѣло» и что «хорошо управляемая республика или монархія не должна этого разрѣшать... Помпей и Цезарь и почти всѣ римскіе полководцы, вслѣдъ за послѣдней Пунической войной, сдѣлались славными, благодаря своей личной отвагѣ, но не прочимъ своимъ добродѣтелямъ, тогда какъ ихъ предшественники пріобрѣли двойную славу мужества и добродѣтели. И это различіе произошло потому, что послѣдніе никогда не дѣлали изъ войны ремесла, между тѣмъ какъ вышеназванные пользовались ею, какъ ремесломъ». Какъ образецъ исполненія гражданскаго долга Маккіавелли приводитъ далѣе примѣръ Атила Регула, который далекъ былъ отъ мысли считать войну доходной статьей подобно современнымъ кондотьерамъ, и, не смотря на то, что побѣды его въ Африкѣ доставляли ему огромныя сокровища кароагенянъ, тѣмъ не менѣе, просилъ римскій сенатъ позволенія вернуть въ Италію свою армію, такъ какъ до него до-

Въ Венеціи изданъ былъ даже законъ, воспрещающій венеціанскому аристократу ношеніе оружія; оно разрѣшалось только во время плаванья на морѣ.

Естественно, что не оставалось другаго выхода, какъ прибѣгнуть къ найму чужеземнаго военачальника, обязуя его образовать и содержать извѣстной силы отрядъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе оградить, во что бы то ни стало, свои мелкіе торгашескіе интересы отъ захвата власти національными героями-честолюбцами—привело скоро къ еще болѣе печальнымъ для Италіи послѣдствіямъ.

Нѣмцы, англичане, венгерцы, швейцарцы, испанцы и французы (гасконцы) стекаются со всѣхъ сторонъ, для поступленія въ ряды нанимавшихся отрядовъ, называвшихся, въ XIV вѣкѣ, «Gran Compagnia».

Замѣчательно, что, по отзывамъ современниковъ, эти наемники значительно ухудшались съ пребываніемъ ихъ въ рядахъ войскъ чуждой имъ страны, вдали отъ своей родины, такъ что создалась поговорка: «Tedesco italianizato—diavolo incarnato». (Итальянизированный нѣмецъ—воплощенный дьяволъ). Въ половинѣ XIV вѣка, въ Италіи сражалась за Николо Рьенци противъ папы, а затѣмъ была на службѣ у того-же папы, венгерская наемная банда подъ предводительствомъ Вернера фонъ Урслингена, на кольчугѣ котораго были выгравированы слѣдующія смущающія душу слова: «Я герцогъ Вернеръ, начальникъ великой роты, врагъ Бога, жалости и милосердія» *). Съ теченіемъ времени, преимущественно съ XII вѣка, итальянцы начинаютъ находить небезвыгоднымъ службу солдата; и среди нихъ явились даровитые военачальники, «кондотьеры», заключавшіе точныя условія (condotta) съ городскими общинами,

---

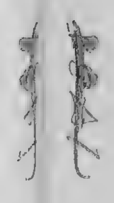
шли свѣдѣнія о томъ, что плебеи и поденщики бросили обработку полей, и что странѣ могли грозить неурожаи. Тѣмъ не менѣе, Маккіавелли, не хочетъ этимъ вовсе исключить въ мирное время солдатское званіе; онъ только вооружается противъ тѣхъ, которые продолжали жить войной, даже когда былъ заключенъ миръ, что въ его время было далеко не рѣдкостью. «Хорошо управляемая республика, говоритъ онъ, должна требовать, чтобы въ мирное время только упражнялись-бы для войны и чтобы, въ случаѣ разрыва мирныхъ сношеній, смотрѣли-бы на войну, какъ на необходимость и источникъ славы, но только государство можетъ вести ее, извлекая изъ нея свою пользу (т. е. для него война является какъ-бы ремесломъ). Такого взгляда держались во времена Рима (республики). Всякій гражданинъ, который ищетъ другихъ цѣлей въ военномъ дѣлѣ,—плохой гражданинъ, и всякая республика, гдѣ дѣло поставлено иначе, — имѣетъ неудовлетворительную организацію». (Нѣмецкій переводъ Ziegler'а, стр. 13—14).

*) «Duca Guarnieri, della gran compagnia, nimico di Dio, di pietá et di misericordia». (Brandt. Geschichte des Kriegswesens. Berlin. 1835, т. III, стр. 47).

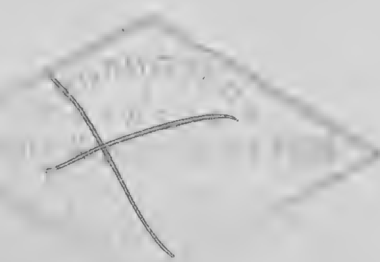
БИБЛИОТЕКА
ГМШ ВМФ СССР

обязывавшіеся защищать ихъ отъ враговъ, причемъ эти условія, конечно, нерѣдко нарушались кондотьерами, которые чувствовали свою полную безнаказанность. Происхожденіе этихъ кондотьеровъ было самое низкое: Карманьола, знаменитый венеціанскій кондотьеръ, былъ свинопасомъ; семья Сфорца происходила изъ простыхъ крестьянъ-контрабандистовъ.

Сила ихъ, соединенная съ умомъ и твердостью воли, а съ другой стороны, беззащитность городовъ, которые ихъ призывали, нерѣдко приводили къ захвату ими верховной власти, и тогда кондотьеры обращались въ владѣтельныхъ князей и тирановъ. Положеніе кондотьера было однако крайне непрочнымъ: представители той власти, которой онъ служилъ, не могли ему вполнѣ довѣрять и, опасаясь измѣны, окружали его шпіонами, слѣдившими за каждымъ его шагомъ; тайное убійство сильнаго кондотьера, или даже казнь, при малѣйшемъ подозрѣніи въ измѣнѣ или въ попыткѣ захватить власть, стали заурядными; побѣды его усиливали эту подозрительность, такъ какъ увеличивали его могущество. Въ городѣ Сіенѣ происходило совѣщаніе, какъ чествовать кондотьера, даровавшаго побѣду республикѣ; одинъ изъ наиболѣе осторожныхъ гражданъ посовѣтовалъ сперва убить побѣдителя, а потомъ сдѣлать ему торжественные похороны и установить культъ его, какъ патрона города. При подобныхъ условіяхъ, при постоянной двуличности правительства, которому служилъ кондотьеръ, онъ долженъ былъ съ крайней предусмотрительностью вести свои дѣла, тѣмъ болѣе, что враждующія стороны постоянно стремились подкупить, привлечь его на свою сторону и способствовать его измѣнѣ. Вотъ почему вполнѣ естественно грустное восклицаніе Данте (начало XIV в.): «Ahi, serva Italia di dolore ostello!» (Увы, порабощенная Италія, убѣжище печалей!).



Понятно, что и на боевыя дѣйствія наемныхъ армій той эпохи, на ихъ стратегію и тактику, подобныя условія вліяли самымъ неотразимымъ образомъ: стратегія не могла задаваться цѣлью разрушенія вооруженной силы противника, такъ какъ кондотьеръ, поневолѣ, долженъ былъ щадить своего врага, который, завтра, могъ сдѣлаться его повелителемъ. Война сдѣлалась, въ сущности, мнимой, такъ какъ, при боевыхъ столкновеніяхъ, главное вниманіе обращалось не на то, чтобы разбить противника, но на то, чтобы захватить у него побольше плѣнныхъ, за которыхъ можно было-бы получить затѣмъ хорошій выкупъ. Въ бою при Ангіари (1440 г.) миланцы были



разбиты флорентинскимъ кондотьеромъ, захватившимъ до 400 офиц. и 500 нижн. чиновъ плѣнными у миланцевъ, которые и должны были за нихъ заплатить крупный выкупъ; замѣчательно, что въ этомъ бою, увѣковѣченномъ картонами Леонардо де Винчи и Микеля Анджело, убитымъ оказался только 1 человѣкъ, упавшій съ лошади и задавленный своими же!

Полководецъ-кондотьеръ не могъ быть воодушевленъ ни чувствами патріотизма, любви или хотя-бы привязанности къ странѣ, защита которой была ему довѣрена, и къ ея повелителю, ни чувствомъ ненависти къ тѣмъ, съ которыми ему приходилось вести борьбу. А такъ какъ, съ теченіемъ времени, кондотьеры образовали родъ корпоративнаго братства и часто выходили изъ одной и той же школы *), то очевидно явилось между ними извѣстное чувство товарищества, которое не могло быть вполнѣ заглушено даже тогда, когда имъ приходилось бороться другъ противъ друга, потому что вчерашніе враги легко могли сдѣлаться союзниками. Отсутствіе сильнаго нравственнаго побудителя, въ видѣ страстнаго порыва преданности отчизнѣ и вражды къ ея врагамъ, являлось причиной того, что вся стратегія кондотьеровъ сводилась къ тому, чтобы сохранить свои войска, свое положеніе и получить возможно бóльшую личную выгоду отъ войны. Такимъ образомъ, съ стратегической стороны, получили извѣстное развитіе заботы по обезпеченію войскъ продовольствіемъ, искусство въ маневрированіи, устранявшемъ при томъ пролитіе крови, въ чемъ доходили даже до виртуозности. Быстрое окончаніе войны было кондотьерамъ вовсе не на руку, такъ какъ, съ прекращеніемъ ея, они переставали быть нужными государству, которому служили; чтобы не быть вынужденными пріискивать себѣ новаго повелителя, нуждавшагося въ нихъ, выгодно было возможно болѣе затягивать войну, не ради какой-либо политической цѣли, а ради самой войны, дававшей имъ пропитаніе; вотъ почему надо было вести ее медленно, избѣгая крупныхъ рѣшительныхъ столкновеній; безконечныя осады не имѣвшихъ никакого стратегическаго значенія пунктовъ, безчисленные марши и контръ-марши, безъ всякой боевой цѣли, сдачи въ открытомъ полѣ, безъ всякихъ потерь ранеными и убитыми, и при всемъ этомъ возмутительные грабежи и насилія надъ мирными жителями—представляютъ *главныя отличительныя черты урод-*

*) Такъ, знаменитая школа Барбіано считала своими учениками двухъ противниковъ: Брачьо и Сфорца.

ливой стратегіи кондотьеровъ, которыя однако стали естественными слѣдствіями устройства итальянскихъ государствъ и паденія народнаго духа въ итальянскомъ обществѣ, ослѣпленномъ эгоизмомъ, преслѣдовавшемъ исключительно личныя цѣли и нисколько не заботившемся о дѣйствительномъ благѣ родины.

Кондотьеры принуждены были скорѣе искать способы, чтобы наилучшимъ образомъ выйти изъ своего труднаго положенія и чтобы съ успѣхомъ бороться въ душной атмосферѣ недовѣрія и политическаго двуличія, чѣмъ думать о развитіи военнаго дѣла и о собственномъ самоусовершенствованіи въ немъ.

Тѣмъ не менѣе, въ самомъ началѣ XV вѣка, мы встрѣчаемъ въ числѣ ихъ энергичныя личности Брачьо ди Монтоне, Бартоломео Коллеони, Роберто и Сигизмондо Малятеста и особенно Сфорца (Аттендоло и Франческо), которые ввели въ современную имъ тактику многія улучшенія. Чтобы оцѣнить ихъ вліяніе на развитіе военнаго дѣла, необходимо сдѣлать сжатый очеркъ тактической организаціи и дѣятельности въ бою итальянскихъ армій XIV и начала XV вѣковъ.

Пѣхота составляла не болѣе $^1/_2$—$^1/_3$ армій кондотьеровъ, а порою еще менѣе; она дѣлилась на тяжелую пѣхоту, вооруженную пиками и кинжалами или шпагами, и легкую — стрѣлковъ, арбалетчиковъ и аркебузеровъ, число которыхъ впрочемъ было незначительнымъ (отъ $^1/_6$ до $^1/_{10}$ пикинеровъ). *) Тяжелая пѣхота носила предохранительное вооруженіе, состоявшее изъ кольчуги и нагрудника; у нѣкоторой части отборной пѣхоты были латы, прикрывавшіе руки и спину, но шлемовъ въ Италіи пѣхота почти не носила. Легкая пѣхота была вооружена частью еще метательнымъ оружіемъ — арбалетомъ. Пѣхота.

Въ бою тяжелая пѣхота строилась въ сомкнутой квадратной массѣ, численностью въ 6—8, иногда до 10 тысячъ человѣкъ. Впереди этой грузной фаланги наступала разсыпанная легкая пѣхота, завязывавшая бой.

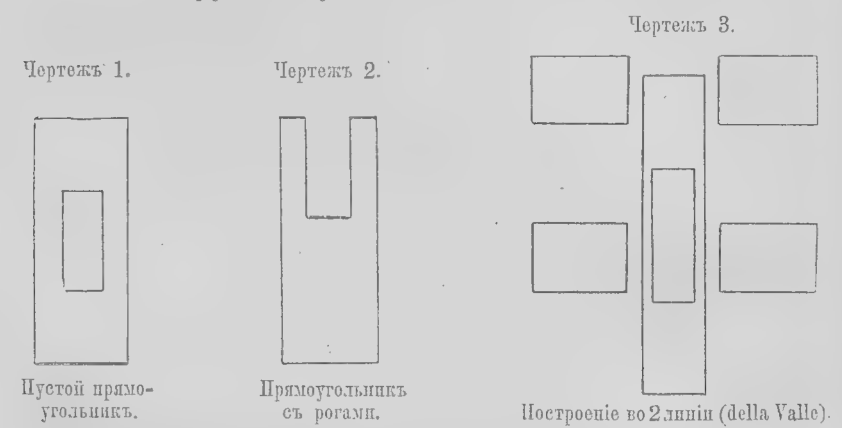
Маккіавелли, увлекаясь примѣромъ древнихъ римлянъ, сильно ратовалъ за введеніе щитовъ и мечей, которыми считалъ необходимымъ вооружить, по крайней мѣрѣ, половину пѣхоты **). Ни-

---

*) Vallo libro contenente appertenentie ad capitani (Jähns. «Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 472 и 702).

**) Около $^1/_3$ пѣхоты онъ предлагалъ вооружить пикой, а остальныхъ ($^1/_6$) имѣть аркебузеровъ.

киперы должны были становиться по наружнымъ частямъ фаланги, называвшейся батальономъ или батальей («battaglione», т. е., строй для боя), или вообще тамъ, гдѣ болѣе всего, слѣдовало ожидать кавалерійской атаки, а за пикинерами, въ серединѣ, становились аллебардисты и щитоносцы, которые вели рукопашный бой *). Если численность пѣхоты превышала 8—10 тысячъ, то она образовала нѣсколько (преимущественно три) батальи, называвшіяся авангардомъ, главными силами и арьергардомъ; однако, во время боя, всѣ три массы выстраивались рядомъ, въ одну линію, и, сталкиваясь одновременно **), встрѣчали другъ друга пиками, а затѣмъ схватывались въ рукопашную.



Пустой прямоугольникъ. Прямоугольникъ съ рогами. Построеніе во 2 линіи (della Valle).

Маккіавелли упоминаетъ впрочемъ о пустомъ прямоугольникѣ и о прямоугольникѣ съ рогами (черт. 1 и 2), но признаетъ батальонную квадратную колонну самой лучшей боевой формой.

Della Valle приводитъ боевые порядки пѣхоты болѣе сложнаго построенія; такъ, для отряда, численностью до 10.000 чел., дается построеніе изъ 4-хъ массъ, располагавшихся попарно, въ 2 линіи (черт. 3) и сплошь состоявшихъ изъ пикинеровъ; въ центрѣ-же этихъ 4-хъ массъ помѣщался прямоугольникъ изъ пикинеровъ и стрѣлковъ, въ серединѣ которыхъ располагались знамя, артиллерія и начальникъ отряда. Другое построеніе рекомендуется имъ тоже изъ 4-хъ массъ, располагае-

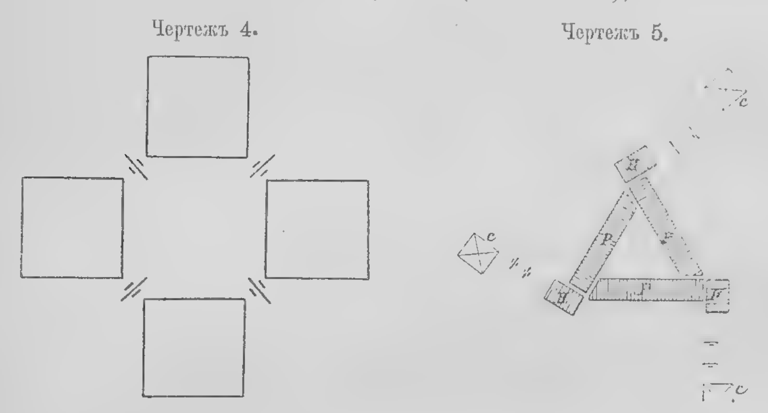
*) «Dell'arte della guerra». Перев. Ziegler'a, кн. II, стр. 45 и 55.

**) Ввиду этого иногда происходили, по теперешнимъ возрѣніямъ, курьезы: такъ, въ ср. при Черизолѣ (1544 г.), въ наступательномъ бою, первый сталкивается съ противникомъ арьергардъ итальянцевъ (подъ начальствомъ принца Салернскаго).

мыхъ въ видѣ креста (черт. 4); въ центрѣ его располагался обозъ и знамя а во входящихъ углахъ—артиллерійскія орудія, обстрѣливавшія фланги массъ. По желанію, этотъ крестообразный порядокъ могъ видоизмѣняться въ шахматное построеніе въ три линіи, причемъ дистанція между линіями не превышала глубины каждой отдѣльной массы.

Въ большомъ ходу было также построеніе «клиномъ» (свиная голова); въ первой шеренгѣ клина было 3—4 ряда, а въ каждой изъ слѣдующихъ на 2 ряда больше, чѣмъ въ впереди стоящей.

Валло рекомендуетъ также придавать такому клину съ каждаго изъ фланговъ, крылья или рукава (doi brazza), чтобы можно


Чертежъ 4. Крестообразное построеніе (della Valle).

Чертежъ 5. Треугольный боевой порядокъ.

было быстрѣе придти на выручку головѣ клинѣ, при проникновеніи ея въ непріятельскую массу. Впрочемъ, такія крылья имѣли также назначеніе, при столкновеніи съ противникомъ, охватывать и поражать фланговымъ огнемъ фронтъ противника, и съ этой цѣлью, они состояли, главнымъ образомъ, изъ стрѣлковъ; такія же крылья предлагаетъ онъ примѣнять и при квадратныхъ и крестообразныхъ построеніяхъ. Вообще Валло даетъ много образцовъ весьма искусственныхъ построеній, какъ-то: пустой клинъ, треугольный (черт. 5), эллиптическій и полулунный порядки, и даже *боевой порядокъ ввидѣ скорпіона* (a modo de scorpione) *), которые, конечно, принадлежали только къ теоретическимъ измышленіямъ и, вѣроятно, на практикѣ никогда не примѣнялись.

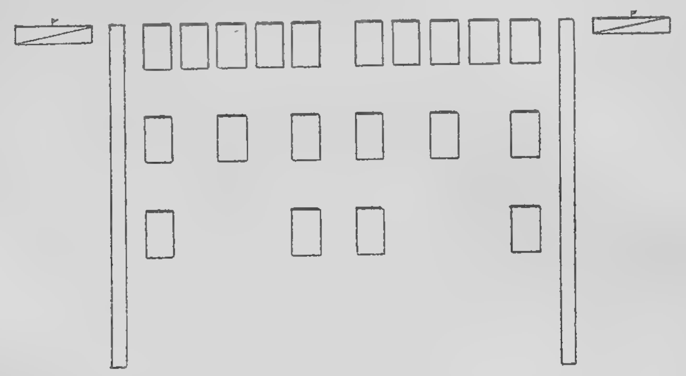
Боевые порядки пѣхоты, предлагавшіеся Маккіавелли, имѣли въ себѣ гораздо болѣе жизненныхъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что

*) M. Jähns. Geschichte d. Kriegswissenschaften, т. I, стр. 704.

они не принадлежали къ области фантазіи, какъ у Валло, а были основаны на изученіи военнаго искусства грековъ и римлянъ.

Маккіавелли особенно восторгается легіонарнымъ порядкомъ; указывая гибельную склонность полководцевъ своего времени строить боевой порядокъ изъ длинныхъ и тонкихъ линій, при которыхъ рѣшается сразу вся участь боя, онъ противоставляетъ этому примѣръ римлянъ, которые вводили свои силы въ бой последовательно и, постепенно усиливая свой ударъ, тѣмъ вѣрнѣе склоняли успѣхъ на свою сторону; три раза подрядъ счастье должно было измѣнить построенной такимъ образомъ арміи,

Чертежъ 6.



Боевой порядокъ по Маккіавелли.

чтобы она потерпѣла пораженіе *). Критикуя однако современные ему боевые порядки, указывая, что и при расположеніи нѣсколькихъ линій, полководцы его эпохи не умѣютъ устранить возможность пораженія заднихъ линій своими-же собственными войсками первой линіи, когда эти послѣднія принуждены къ отступленію, Маккіавелли, въ своихъ предложеніяхъ, довольно значительно уклоняется отъ построенія легіона и далеко не совершенствуетъ его при этомъ; принимая армію силой въ двѣ батальи (черт. 6), по 4000 чел. каждая, Маккіавелли ставитъ обѣ батальи рядомъ, причемъ дѣлитъ каждую на 10 значковъ («Fähnlein» у нѣмцевъ); пять изъ нихъ онъ ставитъ въ первую линію, въ видѣ колоннъ, по 20 рядовъ; въ каждой изъ нихъ 20 шеренгъ, причемъ первыя

*) Macchiavelli. «Dei discorsi sul Tito Livio». Нѣмецкій переводъ Циглера: «Vom Staate». Karlsruhe. 1832, стр. 201 (кн. II-я, гл. XVI). Также «Dell'arte della guerra», стр. 76—77.

5 шеренгъ вооружены пиками, а остальныя 15—мечами и щитами; интервалы между значками оставляются въ 10 футъ (4 шага); во 2-й линіи, въ 40 шагахъ за первой, три значка располагались въ затылокъ среднему и фланговымъ значкамъ; наконецъ, въ третьей линіи—остальные 2 значка, также на дистанціи въ 40 шаговъ отъ 2-ой линіи, въ затылокъ фланговымъ значкамъ 2-й линіи. Въ случаѣ неудачнаго боя, значки первой линіи могли отступить въ интервалы значковъ 2-й линіи и, не производя въ нихъ замѣшательства, возобновить бой; наконецъ, если обѣ первыя линіи были опрокинуты, то онѣ могли отступить на 3-ю линію и, вмѣстѣ съ ней, сдѣлать послѣднее рѣшительное усиліе. Желая прикрыть фланги своихъ значковъ отъ конной атаки, Маккіавелли снабжаетъ ихъ тоже пикинерами, для чего на каждую баталью придается 1000 «особыхъ» пикинеровъ, которые располагаются вдоль внѣшнихъ фланговъ обѣихъ баталій, въ глубокой колоннѣ, изъ 143 шеренгъ, по 7 рядовъ, такъ что хвостъ этой колонны прикрывалъ обозъ и нестроевыхъ *).

Въ боевыхъ порядкахъ пѣхоты того времени мы видимъ склонность къ оборонительнымъ формамъ; пѣхота все еще считается точно неспособной къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и въ этомъ нельзя не видѣть извѣстнаго предубѣжденія противъ пѣхоты и ложнаго взгляда на превосходство рыцарской конницы, хотя уже доказано было побѣдами швейцарцевъ, фламандцевъ и гуситовъ высокое значеніе пѣхоты и полная возможность для нея вести борьбу съ латниками, съ значительными шансами на успѣхъ, хотя бы внѣшнія условія боя, т. е., данныя силы, времени и пространства, не доставляли-бы ей исключительныхъ выгодъ. Этому взгляду, отчасти, подчиняется и Маккіавелли: и онъ считаетъ, что пѣхота нуждается въ созданіи выгодныхъ для нея условій обороны, полагая, что иначе она не въ силахъ бороться съ латниками, и потому его боевой порядокъ не достигаетъ высоты образца, къ которому Маккіавелли старался приблизиться. Въ легіонѣ ясно выступаетъ наступательная тенденція: интервалы между манипулами 1-й линіи позволяли *входить* между ними манипуламъ 2-й линіи, тогда какъ Маккіавелли заботится, чтобы 1-я линія могла бы *отойти* въ интервалы 2-й и даже 3-й линіи; интервалы-же 1-й линіи слишкомъ малы, чтобы сдѣлать возможнымъ переходъ 2-й линіи въ наступленіе.

*) Тамъ-же, стр. 81.

Конница. *Конница* итальянскихъ наемныхъ армій XIV и начала XV вѣковъ составляла отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ всей арміи; необходимость жить грабежами и добычей способствовала увеличенію численности конницы, такъ что она иногда составляла до $^9/_{10}$ численности арміи *), причемъ образовала обыкновенно «копья», въ 5 — 6 коней каждое: изъ латника, въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, его оруженосца (слуги), имѣвшаго большею частью облегченное вооруженіе, и двухъ или трехъ лучниковъ. Кромѣ этой тяжелой конницы, имѣлась средняя—конные арбалетчики, тоже имѣвшіе облегченные латы и сопровождавшіеся оруженосцами (съ арбалетами) и пажами. Представителями легкой конницы были *стратіоты* **), вооруженные копьемъ, а также частью арбалетами, частью аркебузами, и *венгерскіе гусары.*

Въ промежуткахъ между батальонами, а главнымъ образомъ на флангахъ, становилась конница, строившаяся въ глубокія массы, отъ 12 до 16 шеренгъ въ глубину.

Въ конницѣ также было въ ходу построеніе *клиномъ*, вытѣснившее прежній рыцарскій боевой строй «en haie», («частоколомъ»), по копьямъ, расположеннымъ въ одну шеренгу, спеціальное назначеніе котораго было доставленіе удобствъ въ поединкѣ рыцарей между собой.

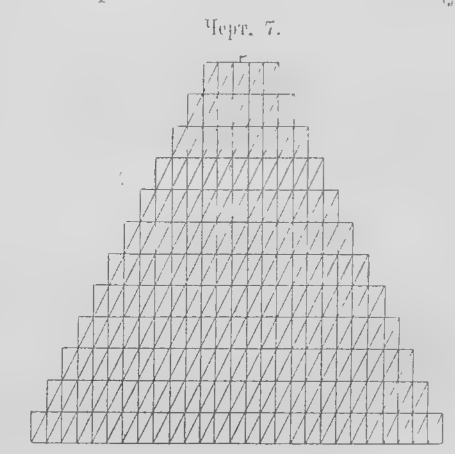
Въ клинообразномъ боевомъ строѣ (черт. 7), первую шеренгу составляли 5—7 всадниковъ, и въ каждой слѣдующей шеренгѣ становилось по 2 латника больше, чѣмъ въ находящейся впереди. Для двухъ-сотеннаго отряда, имѣя въ 1-й шеренгѣ 5 всадниковъ, понадобится, такимъ образомъ, 12 рядовъ. Знамя возилось въ серединѣ 4-й шеренги; при большей численности коннаго отряда, увеличивалось число латниковъ 1-й шеренги (до 9—11) и самое число шеренгъ.

*) Маккіавелли приводитъ составъ арміи кондотьеровъ изъ 20000 всадниковъ и 2000 пѣхотинцевъ («Il Principe», русскій переводъ Заттлера: «Монархъ». С.-Петербургъ. 1869 г., стр. 88). Въ сущности, войны той эпохи не даютъ уже такого крупнаго преобладанія конницы, и въ своемъ сочиненіи «Dell'arte della guerra» (стр. 73) Маккіавелли полагаетъ достаточнымъ имѣть на баталью 300 коней, (150 латниковъ и 150 легкихъ кавалеристовъ), что на 5000 чел. батальи составитъ всего $^1/_{17}$.

**) Такъ называлась греческая и албанская легкая конница, служившая, главнымъ образомъ, у венеціанцевъ; стратіоты были вооружены копьемъ, отъ 10 до 12 фут. длины, которое имѣло желѣзные наконечники съ обоихъ концовъ и называлось арцагаей (arzagaye). Итальянцы производятъ ихъ названіе отъ «strada»—дорога, указывая тѣмъ, что они высылались впередъ по большимъ дорогамъ, для развѣдки; («batteurs d'estrade», какъ говоритъ Роканкуръ, «Cours élémentaire». I, стр. 295); Іенсъ предполагаетъ болѣе правильнымъ происхожденіе ихъ имени отъ греческаго στρατιώτης—воинъ. (Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens. Leipzig. 1880, стр. 918, вып.).

Паденіе нравственнаго уровня прежняго рыцаря, со времени окончанія крестовыхъ походовъ, не замедлила, такимъ образомъ, отразиться на боевыхъ построеніяхъ тяжелой конницы: вмѣсто прежняго строя, открывавшаго широкое поле для частной иниціативы и, порой, даже излишней самостоятельности каждаго изъ отдѣльныхъ бойцовъ, явился грузный, неудобо-управляемый строй разсчитанный исключительно на дѣйствіе массой, на механическую поддержку тыльныхъ частей. И болѣе проницательные современники уже сознавали, что прежняя слава рыцарской конницы померкла, такъ, Маккіавелли *) говоритъ: «... нельзя теперь полагаться на конницу такъ, какъ прежде. Сколько разъ, въ наши времена, обратила пѣхота атаку конницы въ позорное бѣгство; и это будетъ постояннымъ явленіемъ, если ей будетъ противостоять пѣхота, вооруженная и построенная согласно оимъ указаніямъ... Народы и государства, полагающіе, что большее значеніе въ организаціи имѣетъ конница, чѣмъ пѣхота,—всегда слабы и подвержены такимъ-же случайностямъ, какъ, въ наши дни, Италія, которая опустошена, разграблена и пройдена иностранцами вдоль и поперекъ—только потому, что она не позаботилась учрежденіемъ стойкой пѣхоты... Безъ сомнѣнія, хорошо имѣть конницу, но лишь въ видѣ второстепеннаго рода оружія въ арміи. Очень полезно и необходимо на войнѣ посылать конницу на развѣдки, избороздить и опустошить ею непріятельскую страну, безпокоить и приводить въ замѣшательство его войска, держать противника постоянно на чеку въ боевой готовности, отрѣзывать его отъ жизненныхъ средствъ. Что касается однако сраженія, главнаго акта на войнѣ, и цѣли, для которой создаются арміи, то здѣсь конница полезнѣе для преслѣдованія разбитаго, приведеннаго въ безпорядокъ противника, чѣмъ для другихъ боевыхъ дѣйствій...».

Черт. 7.



Клинообразный строй.

*) «Dell'arte della guerra», пер. Ziegler'а, стр. 46—47.

Положительно не вѣрится, что такія мысли были высказаны уже почти четыре вѣка тому назадъ!

Но, конечно, Маккіавелли значительно опередилъ своихъ современниковъ, проповѣдуя такіе взгляды о конницѣ; въ дѣйствительности, она продолжала занимать первенствующее мѣсто, и наслѣдники славныхъ рыцарей, не имѣвшіе однако внутренней нравственной силы послѣднихъ, ревниво оберегали свои привиллегіи, не желая поступиться ими въ пользу презираемой пѣхоты, а организаторы армій все еще были загипнотизированы традиціоннымъ значеніемъ отжившаго рыцарства.

Артиллерія. *Артиллерія.* При арміи возились на быкахъ бомбарды, стрѣлявшія каменными ядрами: тяжелыя — 300 фунтовыя и облегченныя—200 фунтовыя; первыя возились на 8 быкахъ, вторыя на 5.

Въ большомъ ходу были такъ называемыя цербатаны (пищали), занимавшія среднее мѣсто между аркебузой и пушкой. Но, вообще, артиллерія была въ самомъ зачаткѣ; наемники ее не любили и называли чумой. Кондотьеръ Paolo Vitelli приказалъ выколоть глаза и обрубить руки всѣмъ плѣннымъ, захваченнымъ при артиллерійскихъ орудіяхъ. Подобнымъ варварскимъ способомъ кондотьеры противились введенію оружья, которое, поражая издали, нарушало разсчеты виртуозовъ въ маневрированіи, безъ потерь, и затрудняло разыгрывать безкровныя сраженія.

Ученикъ Франческо Сфорцы, Орсо дели Орсини, въ сочиненіи своемъ, помѣченнымъ 1477 годомъ и извѣстнымъ подъ именемъ «Trattato del governo e exercitio» (хотя на рукописи, хранящейся въ Парижской національной библіотекѣ, не имѣется этого заглавія), даетъ намъ полную картину вышеизложенной организаціи итальянской наемной арміи послѣдней четверти XV вѣка, при чемъ распредѣляетъ ее по родамъ оружья слѣдующимъ образомъ:

Конницы . . . . 12,000 ч.

(Изъ нихъ 1,000 коней по шести—и другая тысяча по пяти коней и 1,000 арбалетчиковъ).

Пѣхоты . . . . 6,000 »

(Изъ нихъ 1,000 арбалетчиковъ, 500 аркебузеровъ, остальные пикинеры, аллебардисты и вооруженные всякаго рода холоднымъ оружьемъ).

Рабочихъ саперъ	500	ч.
Прислуга при 2-хъ бомбардахъ и 200 цербатанахъ	400	»
Писарей, секретарей и лицъ свиты	100	»
Всего около	20,000	ч.*)

Изъ этого перечня видно, что главную массу составляла конница, которая вдвое превосходила пѣхоту: число тяжелыхъ бомбардъ очень ограничено, а мелкихъ цербатанъ, которыя, строго говоря, не могли даже считаться артиллеріей, очень много. Немудрено, что при такомъ жалкомъ состояніи артиллеріи, требовавшей при томъ цѣлой массы повозокъ (2 бомбарды, съ принадлежностью и снарядами, возились на 50 повозкахъ), значеніе ея было очень слабое. Тѣмъ не менѣе, въ сраженіи при Равеннѣ, 11 апрѣля 1512 года, она уже даетъ себя знать, и одна канонада вырываетъ около 1.000 человѣкъ изъ 8.000-ной массы батальи ландскнехтовъ (изъ арміи французскаго полководца Гастона де Фуа) **). Поэтому не вполнѣ понятно презрительное отношеніе Маккіавелли къ артиллеріи, высказанное имъ въ вышеупомянутомъ его трудѣ: «I sette libri dell'arte della guerra», хотя онъ и былъ законченъ уже послѣ сраженія при Равеннѣ.

Про дѣйствія артиллеріи Маккіавелли говоритъ, что она только и способна производить дымъ, пыль и шумъ, а про залпъ артиллерійскихъ орудій противника, въ описаніи примѣрнаго сраженія, увѣренно говоритъ: «но ядра безвредно пролетаютъ надъ головами нашихъ пѣхотинцевъ» ***). Въ этомъ презрѣніи къ артиллеріи видна, можетъ быть, слишкомъ страстная приверженность Маккіавелли къ античнымъ боевымъ формамъ, временъ грековъ и римлянъ, на которыхъ онъ постоянно ссылается; извѣстно, что введеніе баллистъ и катапультъ сопровождалось у нихъ упадкомъ военной доблести и мужества. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію Маккіавелли, современная ему артиллерія не препятствуетъ принятію древнеримскихъ боевыхъ построеній, которыя онъ считаетъ даже менѣе уязвимыми подъ огнемъ, чѣмъ явившіяся, по примѣру швейцарцевъ, сомкнутыя массы, въ 6—8000 пѣхотинцевъ [1]).

Самымъ лучшимъ средствомъ привести къ молчанію непріятельскую артиллерію Маккіавелли считаетъ дружную, бы-

*) Jähns. Geschichte der Kriegswissenschaften, т. I, стр. 363.
**) Подробности этого сраженія изложены ниже.
***) Книга IV-я, стр. 84. (переводъ Ziegler'a).
[1]) Тамъ-же, стр. 89—90.

трую атаку ея, и въ этомъ онъ былъ правъ, при тогдашнемъ слабомъ дѣйствіи артиллерійскихъ орудій. Онъ предлагаетъ имѣть всего 10 позиціонныхъ орудій, калибра не болѣе 50-ти фунтоваго, а остальную артиллерію—изъ 15 десяти фунтовыхъ орудій. Артиллерія не считается современниками за отдѣльный родъ оружія, и артиллеристы считаются наравнѣ съ погонщиками воловъ и прислугой при обозѣ.

Во время боя рекомендуется артиллерію ставить на флангѣ, на безопасномъ мѣстѣ, недоступномъ для атаки противника, а если это невозможно, то ее распредѣляютъ равномѣрно, по всему фронту.

Позиціонныя орудія не передвигались во время боя вслѣдствіе ихъ тяжести, да и легкую, если двигали, то съ тѣмъ, чтобы отвезти за пѣхоту. Впрочемъ, въ сраженіи при Равеннѣ, есть уже зачатки маневрированія артиллеріи, и талантливый герцогъ Феррарскій переводитъ ее съ одного фланга на другой, для продольнаго обстрѣливанія войскъ Фабриція Колонны.

Что касается *управленія войскъ во время боя*, то кондотьеры Брачьо и Сфорца примѣняли уже на дѣлѣ идею резерва и старались недопустить одновременнаго шока всѣхъ имѣвшихся въ ихъ распоряженіи войскъ, оставляя въ своихъ рукахъ отборную часть пѣхоты, для окончательнаго удара, что, какъ выше указано, требовалъ и Маккіавелли, порицавшій въ своихъ современникахъ необдуманность, съ которой они бросали всѣ свои силы сразу, рискуя всѣмъ успѣхомъ боя съ перваго-же столкновенія войскъ. Сфорца и Брачьо развивали также подготовку этого удара предварительнымъ утомленіемъ противника дѣйствіями легкой пѣхоты и прикрывали свое расположеніе высылкой сильной кавалеріи.

Оба противника Брачьо—Аттендоло и Франческо Сфорца—не менѣе замѣчательны своими заботами по организаціи хорошей пѣхоты, численность которой они стремились увеличить и довести до численности конницы. Въ подчиненныхъ имъ войскахъ они ввели суровую дисциплину и строгія наказанія за измѣну и возмущенія; зачинщики возстанія подвергались казни. Съ кончавшихъ свою службу наемниковъ бралась клятва, что они не будутъ служить противной сторонѣ. Побѣгъ считался измѣной, и поручитель наемника долженъ былъ уплатить казнѣ выданную бѣжавшему наемную плату.

Тѣмъ не менѣе, эти выдающіеся кондотьеры не могли создать ничего прочнаго, такъ какъ всѣ дѣйствія ихъ были

скованы, въ самомъ корнѣ, гибельной системой комплектованія вооруженной силы, вытекавшей, какъ мы старались выяснить, изъ самой политической исторіи Италіи, ея внутренняго разложенія. Сфорца, Брачьо, Коллеоне и Малятеста только боролись между собой, тратили на эту борьбу всѣ свои силы, *игнорировали развитіе военнаго дѣла во всей остальной Европѣ*, не заботясь ни о техническомъ усовершенствованіи своего вооруженія, ни, главное, *объ измѣненіи въ корнѣ всего внутренняго строя вооруженной силы*, для чего, впрочемъ, ихъ единичныя усилія были-бы слишкомъ слабы.

Италія получила первое грозное предостереженіе: 31 декабря 1494 года, король французскій, Карлъ VIII вступилъ въ Римъ, во главѣ арміи, которая, во многомъ, уже отличалась отъ наемныхъ итальянскихъ армій.

Во-первыхъ, не наемный кондотьеръ предводительствовалъ ею, но самъ король, представитель законной, постоянной и неизмѣнной власти. Свиту его составляли рыцари, дворяне, цвѣтъ французской молодежи, служившіе больше ради чести, уваженія и преданности королю, а не ради жалованья, которое получали (а часто, по бѣдности казны, и не получали) отъ министровъ короля, а не отъ наемнаго кондотьера. Самая армія, болѣе, чѣмъ на половину, состояла изъ чисто-національныхъ элементовъ и, хотя въ ней были наемники — шотландцы и швейцарцы *), но ядро въ ней — французы, дисциплинированные и также преданные своему королю, какъ и дворяне, а, главное, чувствующіе, что они исполняютъ народное дѣло для блага родины и своего собственнаго.

Армія эта была сплочена внутреннимъ единствомъ и дисциплиной, представляя собой уже прообразъ современныхъ народныхъ армій; кондотьеру не было никакихъ побудительныхъ причинъ, чтобы прекратить грабежи своими войсками чуждыхъ ему мирныхъ жителей, а порой ему это было прямо выгодно, чтобы вознаградить своихъ подчиненныхъ, за службу и за понесенные труды, и привлечь богатой добычей побольше такихъ-же искателей приключеній, какъ онъ самъ. Болѣе возвышенные идеалы преслѣдовалъ король вторгнувшейся французской арміи: онъ шелъ, какъ рыцарь, на освобожденіе униженной Италіи; призванный герцогомъ Миланскимъ онъ

*) Подробный составъ арміи Карла VIII, во время похода въ Италію, даетъ Quarré de Verneuil въ своемъ трудѣ «L'armée en France depuis Charles VII jusqu'à la révolution», стр. 67—70. Согласно приведенныхъ имъ данныхъ, иностранцевъ въ 60-тысячной арміи было 10.000, т. е. 1/6.

освободилъ Пизу отъ рабскаго подчиненія Флоренціи; откликнувшись на горячую проповѣдь Савонаролы, онъ обѣщалъ низложить папу Александра Борджіа и очистить церковь; въ головѣ его создаются туманныя, но высокія мечты объ освобожденіи Константинополя и Іерусалима—продолженіе тщетныхъ стремленій своихъ предковъ,—для отнятія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ *).

При такихъ широкихъ взглядахъ, итальянскіе народы не могли казаться чужими Карлу III; онъ явился съ благородною цѣлью освободить и вывести ихъ изъ состоянія рабства и угнетенія. Вотъ почему, какъ только начались неизбѣжные по тѣмъ временамъ грабежи, какъ только появились жалобы итальянцевъ на французскую армію, принимается рядъ мѣръ къ прекращенію мародерства и, подъ страхомъ висѣлицы, запрещенъ даже входъ насильно въ дома жителей.

Мы разсмотримъ нѣсколько ниже организацію арміи Карла VIII, но уже изъ приведеннаго очерка политическаго состоянія Италіи въ XV вѣкѣ и изъ намѣченной организаціи итальянскихъ наемныхъ войскъ становится понятнымъ, почему французская армія прошла всю Италію съ сѣвера на югъ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, почти безъ выстрѣла; по словамъ Карла VIII, онъ завоевалъ Италію мѣлкомъ квартирьера; правда, завоеваніе было-бы, можетъ быть, прочнѣе, еслибъ оно было закрѣплено кровью, потому что оно утратилось также легко, какъ легко стерся мѣлокъ квартирьера. Но примѣръ былъ данъ: жадные сосѣди увидали, какъ не трудно завладѣть той прекрасной страной, надъ которой разстилается «чудное итальянское небо»; французы, испанцы, нѣмцы и швейцарцы устремляются, какъ коршуны, на беззащитную добычу и рвутъ ее на части.

За нашествіемъ Карла VIII послѣдовательно совершаютъ походы въ Италію: въ 1498 г.,—Людовикъ XII, въ 1501 г.—французы и испанцы, въ 1509 г.—Фердинандъ католикъ, въ 1512 г.—французы (противъ Священной Лиги), въ 1515 и 1524 г.—Францискъ I, въ 1526 г.—коннетабль Бурбонъ, французскій кондотьеръ, поддерживаемый императоромъ Карломъ V; наемныя банды испанцевъ и нѣмцевъ (послѣднія подъ началь-

*) Гюнчардини проводитъ параллель между войсками Франціи и Италіи того времени и, будучи самъ итальянцемъ, все-таки сознается, что всѣ преимущества въ качествѣ войскъ были на сторонѣ французовъ. (Французскій переводъ, «Histoire des guerres d'Italie». Londres. 1738, томъ I, стр. 76).

ствомъ Георга фонъ Фрундсберга), предали грабежу и насиліямъ всю Италію и нанесли смертельный ударъ возрожденію въ ней наукъ и искусствъ, задержавъ на долго и ея политическую самобытность.

Походъ Карла VII долженъ былъ раскрыть итальянцамъ ихъ пагубныя заблужденія, ихъ вѣковые промахи. Но тогда какъ въ Россіи поняты были, до извѣстной степени, аналогичныя политическія причины (кромѣ только наемныхъ армій, которыхъ у насъ никогда не было), приведшія къ монгольскому игу, и народъ нашелъ въ себѣ мощь и силу объединиться и, слившись въ устойчивую массу, сбросить ненавистныя оковы, въ Италіи этихъ силъ не хватило, нравственное оскудѣніе и политическая рознь остались прежними.

Попытка Маккіавелли создать народную армію.

Лучшіе люди Италіи, истинные патріоты, возвысившіеся до идеи ея единства, призывали народъ и государей измѣнить въ корнѣ гибельный порядокъ вещей, но слова этихъ передовыхъ людей оказались «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Болѣе другихъ достигла результата страстная и убѣдительная проповѣдь даровитаго Маккіавелли. Въ своихъ трудахъ („Isette libri dell'arte della guerra“, „Dei discorsi sul Tito Livio“, „Il Principe“ и другихъ) онъ привелъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ, какъ ненадежна и непостоянна та сила, которая не зиждется на своихъ собственныхъ основахъ, какъ продажны и ненадежны наемныя арміи, какъ, напротивъ, живучи и устойчивы народныя арміи, составленныя изъ гражданъ той страны, которую они призваны защищать. Но онъ не ограничился одними теоретическими доводами. Будучи избранъ въ число десяти секретарей управленія флорентинской республики, онъ убѣдилъ стоявшаго во главѣ военныхъ силъ Флоренціи Гонфалоньера (знаменосца) Содерини организовать ядро постоянной арміи изъ народной милиціи; сперва былъ сформированъ, въ видѣ опыта, небольшой милиціонный отрядъ, въ надеждѣ, что флорентинцы убѣдятся въ пользѣ новаго учрежденія и поддержатъ реформу, а когда это дѣйствительно удалось, то, въ декабрѣ 1505 года, самъ Маккіавелли объѣхалъ всю Тоскану, съ цѣлью завербовать мѣстную молодежь въ свой отрядъ, и, уже черезъ годъ, реформа настолько привилась, что Содерини писалъ Маккіавелли: «кажется, дѣйствительно, этотъ порядокъ угоденъ Богу („questa ordinanza sit a Deo“), потому что, несмотря на злобныя противодѣйствія, онъ становится все болѣе и болѣе прочнымъ». Основы организаціи этой милиціонной арміи знаменитаго флорентинца

имѣются въ трудѣ Маккіавелли: „La cagione della ordinanza“; эти основы, возведенныя затѣмъ въ законъ, заключались, въ общемъ, въ слѣдующемъ:

Всѣ граждане Флоренціи, въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ, признанные годными къ службѣ, обязаны, по требованію республики, военной службой *). Особая коммиссія, назначенная изъ высшихъ сановниковъ республики, дѣлитъ страну на батальонные участки, и, съ помощью начальниковъ этихъ участковъ, организуетъ батальи (battaglie), которыя обучаются военному дѣлу и обязаны собираться по первому призыву.

Главными занятіями Маккіавелли считаетъ: движеніе шагомъ и бѣгомъ, плаваніе и стрѣльбу съ полнымъ боевымъ снаряженіемъ. Требуется желѣзная дисциплина, причемъ указывается примѣръ римлянъ, которые обязаны ей своими громадными успѣхами. Численность арміи считается достаточной въ 25—30.000 чел., такъ какъ такой силы армія можетъ избѣгнуть боя, если таковой не входитъ въ разсчеты полководца, и можетъ, въ то-же время, принудить противника держать сосредоточенною даже болѣе сильную армію, что легко можетъ сдѣлаться для него затруднительнымъ. А какъ только противникъ раздѣлитъ свои чрезмѣрно большія силы, съ цѣлью облегченія продовольствованія ихъ, такъ сейчасъ-же слѣдуетъ его атаковать и бить по частямъ.

Полководецъ долженъ быть отчетливо знакомъ съ топографіей и статистикой театра военныхъ дѣйствій: при немъ состоитъ генеральный штабъ изъ офицеровъ, обладающихъ обширными познаніями, прирожденнымъ разумомъ и, главное, сильнымъ характеромъ.

Чины штаба призываются полководцемъ, для общихъ совѣщаній съ нимъ, по всевозможнымъ вопросамъ; главныя-же ихъ обязанности заключаются въ сборѣ свѣдѣній о противникѣ и о мѣстности (разработка картъ), а также заботы о продовольствіи. Развѣдка страны и жителей вѣроятныхъ противниковъ должна быть организована уже въ мирное время, чему можетъ много способствовать толковая организація шпіонства; самыя точныя однако данныя полководецъ можетъ получить, выславъ впереди своей арміи сильные кавалерійскіе отряды, подъ предводительствомъ разумныхъ и смѣлыхъ кавалерійскихъ началь-

*) Вслѣдъ за окончательнымъ проведеніемъ реформы, предполагалось производить ежегодный наборъ 17 лѣтнихъ юношей.

никовъ *). Читая подобныя поученія, поневолѣ приходится изумляться, что такіе взгляды, считающіеся современными въ нашу эпоху, были высказываемы передовыми людьми (къ тому-же, не спеціалистами военнаго дѣла), почти четыре вѣка тому назадъ.

Законъ, обязывавшій военной службой всѣхъ флорентинскихъ гражданъ, конечно, не встрѣтилъ во многихъ изъ нихъ должнаго сочувствія; явились противники предложеній Маккіавелли, предпочитавшіе остаться при старыхъ наемныхъ войскахъ; многіе полагали, что ввѣрять главное командованіе войсками флорентинцу-же—крайне опасно, такъ какъ онъ легко могъ сдѣлаться узурпаторомъ, а потому республикѣ непремѣнно слѣдовало-де имѣть наемнаго военачальника. Для спасенія своей идеи о народной милиціи, Маккіавелли долженъ былъ въэтомъ, вопросѣ уступить и согласиться на врученіе власти чужестранцу-кондотьеру, какъ ни противно это было его собственнымъ убѣжденіямъ.

Воодушевленный горячимъ патріотизмомъ Маккіавелли безкорыстно посвятилъ всѣ свои силы, всю свою неутомимую энергію исполненію завѣтной мечты—создать ядро крѣпкой духомъ, сплоченной, народной вооруженной силы, при помощи которой достигнуть свободы и единенія сперва Флоренціи, а затѣмъ и всей Италіи.

Но не успѣли еще войти въ плоть и кровь нововведенія Маккіавелли, какъ противъ флорентинской республики образовалась „Священная Лига“. Содерини принужденъ былъ уда-

---

*) Jähns. Geschichte der Kriegswissenschaften, т. I, стр. 466. Въ заключеніе своего сочиненія о военномъ искусствѣ (Dell'arte della guerra) Маккіавелли приводитъ еще цѣлую серію военныхъ афоризмовъ, изъ которыхъ мы считаемъ не лишнимъ привести наиболѣе интересные.

Важность сохраненія въ тайнѣ плана кампаніи Маккіавелли выражаетъ словами: «лучшій планъ тотъ, который остается противнику неизвѣстнымъ, пока вы его не выполните». Поэтому «необходимо мѣнять первоначальные планы, лишь только противникъ начинаетъ ихъ разгадывать». Однако «никогда не слѣдуетъ дѣлать перемѣнъ въ назначеніи какого-либо отряда во время самаго сраженія». «Полезно узнать мнѣніе многихъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ, но немногіе должны знать, на что полководецъ рѣшился». «Новое и неожиданное страшно противнику; обычное-же и медленное (le cose consuete e lento) не можетъ на него дѣйствовать рѣшительно. Надо поэтому заранѣе обдумывать всевозможныя случайности обстановки». «Отъ природы немного людей надѣлены смѣлостью и мужествомъ, но искусство и опытность могутъ выработать такихъ людей». «Трудно побѣдить полководца, который умѣетъ правильно оцѣнить собственныя силы и силы противника». «Что полезно противнику—вредно вамъ и что полезно вамъ—вредно противнику. Лучше держать за первой линіей боеваго порядка сильные резервы, чѣмъ разбросать свои силы, изъ желанія занять ими возможно широкій фронтъ». . . . . . (Перев. Ziegler'а, стр. 182; сравни также: Пузыревскій, «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка»; ч. II, стр. 91).

литься; Медичисы возвратились во Флоренцію; законы, проведенные Маккіавелли, объявлены были уничтоженными, а онъ самъ заключенъ въ тюрьму, преданъ ссылкѣ, а затѣмъ изгнанъ *).

Не перенося бездѣятельности, Маккіавелли поступилъ вновь на службу—къ Медичисамъ; ему поручено было написать исторію Флоренціи, и затѣмъ онъ былъ назначенъ въ коммиссію по оборонѣ города; этимъ онъ навлекъ на себя подозрѣнія народной партіи, и когда, весной 1527 года, послѣ занятія Рима имперцами, Медичисы вновь пали, то Маккіавелли былъ опять изгнанъ и лишенъ всѣхъ должностей, а черезъ нѣсколько недѣль умеръ въ забвеніи. Уже 2 года спустя послѣ его смерти, при осадѣ Флоренціи многочисленной арміей Карла V, обнаружились плоды проведенной Маккіавелли реформы, и стойкость созданныхъ имъ народныхъ войскъ позволила оборонять городъ втеченіе 11 мѣсяцевъ. Но затѣмъ обще-народная воинская повинность, необходимость которой онъ впервые доказалъ практическимъ, нагляднымъ образомъ, безслѣдно исчезаетъ, и только слабые слѣды идей знаменитаго флорентинца остаются еще замѣтными въ организаціи военныхъ силъ тосканскихъ владѣтелей XVII вѣка. Господство наемныхъ арміи дѣлается всеобщимъ, во всей западной Европѣ; и только Фридрихъ II, а главное, великая французская революція облекли въ плоть и кровь самыя возвышенныя мечтанія Маккіавелли и дали окончательное торжество идеѣ народной постоянной арміи, пополняемой по обще-обязательной воинской повинности.

Выводы. Такимъ образомъ, эпоха возрожденія наукъ и искусствъ дала, повидимому, довольно слабые результаты въ смыслѣ развитія военнаго искусства въ Италіи. Начавшееся изученіе классическаго міра обратило вниманіе передовыхъ государственныхъ людей на несовершенство современной имъ военной организаціи и на превосходство въ этомъ отношеніи римлянъ и грековъ; явились впервые въ печати труды древнихъ военныхъ авторовъ (комментаріи Вегеція, Цезаря, Эліана, Фронтина и Модеста въ трудѣ, «Veteres de re militari», изданномъ въ 1487 году, и т. п.), но попытки упорядочить военное дѣло, на основаніи античныхъ образцовъ, ограничились теоретиче-

*) «Видалъ-ли ты мучимаго голодомъ орла», пишетъ, по этому поводу, Маккіавелли къ Содерини, «который, взлетѣвъ къ облакамъ, поднимаетъ въ когтяхъ своихъ черепаху, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ, бросивши ее на земь, разбить ея броню и насытиться ея мясомъ. Такъ поднимаетъ судьба человѣка, но не для того, чтобы онъ остался на верху—нѣтъ! Чтобы насладиться его паденіемъ и чтобы онъ затѣмъ оплакивалъ свою гибель».

скими трактатами и получили практическое примѣненіе въ очень слабой формѣ.

Причины этого, на первый взглядъ, страннаго явленія,—что Италія, болѣе другихъ европейскихъ странъ отдавшаяся изученію наукъ и искусствъ Греціи и Рима, менѣе всѣхъ извлекла изъ древняго міра поучительнаго въ военномъ отношеніи,—кроется въ государственномъ устройствѣ или вѣрнѣе неустройствѣ Аппенинскаго полуострова, въ эпоху возрожденія: *не было единства государственной мысли, не было еще итальянскаго возрожденнаго патріотизма, а потому не было и единой арміи—защитницы идеи объединенія Италіи—и не было образованныхъ военныхъ руководителей, которые заинтересовались-бы военнымъ искусствомъ римлянъ и грековъ и задались-бы цѣлью создать, по древнимъ образцамъ, могучую армію, способную защитить ихъ родину отъ послѣдовавшаго ряда нашествій.* Вотъ почему чуть-ли не единственнымъ проповѣдникомъ возрожденія военнаго искусства явился человѣкъ не военный—Маккіавелли; вотъ почему и горячая проповѣдь его не нашла себѣ примѣненія въ жизни: не нашлось практика-полководца, который проникся-бы цѣлями и идеями великаго флорентинца настолько страстно, чтобы создать армію, достойную великихъ предковъ итальянцевъ, измельчавшихъ въ своемъ торгашествѣ. Какое было дѣло кондотьеру до единой Италіи, до арміи Греціи и Рима, до Цезаря, Аннибала и Александра, когда онъ долженъ былъ посвящать всѣ свои силы на самые жизненные и роковые для него вопросы: будетъ-ли онъ еще нуженъ завтра своему правительству, или принужденъ будетъ искать себѣ другое, или вынужденъ будетъ спасаться бѣгствомъ отъ плахи? Поэтому, въ то время, когда Маккіавелли проникается необходимостью создать національную армію,—войска итальянскихъ кондотьеровъ пополняются почти всегда изъ подданныхъ «другихъ владѣтелей чѣмъ тотъ, за котораго они вели войну» *); въ то время, когда Маккіавелли указываетъ необходимость имѣть прежде всего сильную пѣхоту, сосредоточить на ней свое вниманіе и считать основой арміи,—на дѣлѣ, пѣхота пополняется подонками общества (la lie du peuple) и образуетъ порой меньше 1/10 войскъ кондотьеровъ; въ то время, когда Маккіавелли рекомендуетъ строи, приближающіеся къ древне-римскимъ построеніямъ,—кондотьеры строятъ свои войска въ грузныя колонны, дававшія имъ возможность, хотя бы

*) «...presque toujours sujets d'un autre Prince, que de celui pour lequel ils faisoient la guerre». Guicciardini, т. I, стр. 76.

внѣшнимъ образомъ, сплотить находившуюся въ ихъ распоряженіи ненадежную массу наемниковъ, которая, при малѣйшемъ послабленіи, разбѣгалась въ безпорядкѣ для грабежей *).

Итакъ, возрожденіе наукъ и искусствъ въ Италіи оживило и значительно возвысило (благодаря взаимной конкурренціи мелкихъ владѣтелей и правительствъ), всѣ процвѣтавшія въ классическое время проявленія народной дѣятельности, за исключеніемъ политической и военной. Не созрѣла еще государственная реформа,—не явилось и переворота въ военномъ дѣлѣ; слабыя правительства не могли создать сильныхъ армій, а роскошные плоды возрожденія на прочихъ поприщахъ привлекли въ Италію чужеземныя арміи тѣхъ странъ, въ которыхъ государственная идея сдѣлала бо́льшіе успѣхи, чѣмъ въ Италіи, и способствовала образованію болѣе сильныхъ армій; и эти нашествія, въ свою очередь, надолго задержали политическое и военное возрожденіе Италіи.

Нельзя однако отрицать извѣстнаго вліянія эпохи возрожденія наукъ и искусствъ на военное дѣло въ Италіи. Духъ ренессанса, какъ извѣстно, выразился въ освобожденіи взглядовъ современниковъ отъ средневѣковой схоластической условности и въ переходѣ отъ фантастическаго идеализированія къ жизненному реальному чувству, одухотворявшему древній классическій міръ. Условія военной дѣятельности кондотьеровъ, въ извѣстной мѣрѣ, способствовали воспріятію именно такого взгляда на постановку военнаго дѣла; взаимная борьба за существованіе, развивая самодѣятельность итальянскихъ военачальниковъ, при общемъ отказѣ отъ сковывающаго вліянія рыцарскихъ предразсудковъ, указывала на необходимость считаться съ реальными данными, побуждала къ заботамъ о сохраненіи силъ своихъ отрядовъ, о ихъ вооруженіи, продовольствіи, усовершенствованіи тактическихъ формъ и т. п. Обращеніе къ такимъ дѣйствительнымъ факторамъ войны способствовало въ Италіи еще то обстоятельство, что рыцарство и ленная система не получили въ ней такого развитія, какъ въ Германіи и Франціи, а потому отказъ отъ системы ленныхъ ополченій и переходъ къ наемникамъ совершился въ Италіи раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ западной Европы.

Начальники образовавшихся наемныхъ отрядовъ, сдѣлав-

*) Гвиччардини говоритъ даже, что итальянская пѣхота «совсѣмъ не сражалась на мѣстѣ и въ извѣстномъ порядкѣ, но разсѣивалась по полямъ и чаще всего скрывалась за укрѣпленіями или рвами». (Histoire des guerres d'Italie, т. I, стр. 77).

шіеся, такъ сказать, спеціалистами военнаго искусства, не смотря на выясненныя выше крайне неблагопріятныя условія, тормозившія дальнѣйшее развитіе военнаго дѣла, все-же могли, обратившись къ живой дѣйствительности, получать въ трудахъ своихъ современниковъ изучавшихъ античныхъ героевъ Греціи и Рима, весьма полезныя указанія для своего военнаго самоусовершенствованія. Въ ряду-же авторовъ, посвятившихъ свои силы подобному изученію, имя Маккіавелли является окруженнымъ такимъ блескомъ таланта и страстной любви къ родинѣ, какого не достигали писатели ни одного изъ европейскихъ государствъ того времени.

———

ГЛАВА II.

Первыя постоянныя войска во Франціи.

Феодальная система, по своему духу, была несовмѣстима съ идеей народнаго единства и общей родины, защита которой должна быть прямымъ долгомъ каждаго изъ гражданъ; дѣйствительно, ленныя войска собирались, двигались и боролись не для защиты отечественныхъ интересовъ, не съ цѣлью сохраненія національности и достиженія обще-государственной пользы, но просто, ради интересовъ ленныхъ владѣтелей, въ силу побужденій этихъ частныхъ лицъ, часто не только не согласныхъ съ интересами общей родины, но нерѣдко направленныхъ прямо во вредъ имъ *).

Короли Франціи, оцѣнивъ вредъ, приносимый феодальнымъ строемъ обще-государственной идеѣ, рядомъ вѣковыхъ усилій, систематически старались осуществить эту идею ослабленіемъ своихъ вассаловъ, сокрушеніемъ ихъ господства и замѣной феодальныхъ порядковъ централизаціей королевской власти и непосредственнымъ подчиненіемъ ей всего французскаго народа.

Съ постепеннымъ паденіемъ феодальнаго строя, они должны были однако принять мѣры, для созданія, съ этой цѣлью, вооруженной силы, способной замѣнить ополченія (ban и arrière ban), собиравшіяся въ силу леннаго права. Постепенно перейдя

---

*) Изъ этого общаго правила, конечно, имѣлись исключенія; энергичные, сильные своимъ вліяніемъ короли достигали объединенія феодальныхъ ополченій въ критическіе для жизни государства моменты. Такъ, въ 1214 году, Филиппъ II Августъ соединилъ, передъ ср. при Бувинѣ, рыцарскую конницу и городскія и сельскія ополченія 16 городовъ и общинъ (Quarré de Verneuil. «L'armée en France», стр. 6).

отъ права—собирать, въ случаѣ угрожавшаго странѣ непріятельскаго нашествія, для обороны страны (pro defensione regni), всѣхъ годныхъ къ службѣ подданныхъ,—къ праву ежегоднаго сбора подати, независимо отъ того, была-ли война или нѣтъ, французскіе короли получили необходимыя средства для созданія вооруженной силы, которая вначалѣ собиралась только въ случаѣ войны, а во время мира распускалась; выше было указано, какіе мотивы обусловили то, что эти войска сдѣлались наемными.

Войска, нанимаемыя на заранѣе опредѣленный промежутокъ времени, далеко однако не удовлетворяли цѣли, съ которой они собирались: они не давали возможности начать войну быстро, неожиданно для противника, такъ какъ организація ихъ требовала извѣстнаго времени; выборъ начальниковъ, сборъ наемниковъ, снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ для войны—все это, конечно, требовало не мало времени. Между тѣмъ, при желаніи округлить свои владѣнія, захватить владѣнія полу-независимаго вассала, или совсѣмъ независимаго сосѣдняго владѣтеля, зачастую требовался именно способъ дѣйствій, основанный на быстротѣ и неожиданности. Умиралъ-ли кто-нибудь изъ владѣтелей областей, на которыя имѣли виды французскіе короли, погибалъ-ли онъ въ бою съ сосѣдями, удалялся-ли изъ своихъ предѣловъ и терпѣлъ пораженія въ борьбѣ со своими противниками, попадалъ-ли случайно въ трудныя денежныя или политическія условія,—всѣми такими обстоятельствами надо было быстро пользоваться, для того, чтобы не давать времени его наслѣдникамъ, или ему самому опомниться и принять энергичныя мѣры для противодѣйствія захвату его владѣній.

И вотъ, еще съ конца XII вѣка, короли стремятся оставлять на болѣе продолжительное время лучшихъ начальниковъ, съ ихъ наемными отрядами. Имъ назначается постоянное жалованье, а для большаго порядка разсчетовъ съ ними и для устраненія произвола въ опредѣленіи наемной платы, устанавливается жалованье и нижнимъ чинамъ, задерживаемымъ по окончаніи похода; въ первый разъ они получаютъ названіе—*солдатъ* («soldats», или «soudoyers», отъ слова «solde»—жалованье) *).

*) Жалованье это, впрочемъ, войска получали далеко не аккуратно, такъ какъ финансовыя средства королей были ограничены; вотъ почему необходимость добыть себѣ пропитаніе побуждала этихъ наемниковъ, вмѣсто защиты родины, организовать нападенія цѣлыми шайками на

Съ другой стороны, сосѣдніе владѣтельные князья и полунезависимые вассалы сами пользовались затруднительными обстоятельствами короля и нерѣдко производили разгромы его владѣній, особенно, когда наемныя королевскія войска были распущены или отвлечены трудной войной. Съ цѣлью противодѣйствія такимъ набѣгамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, для полученія возможности обуздать ненадежныхъ наемниковъ, французскіе короли обнаруживаютъ стремленіе найти опору въ городскихъ общинахъ, которыя, въ свою очередь, вмѣстѣ съ духовенствомъ, видятъ именно въ сильныхъ вассалахъ и въ наемникахъ своихъ злѣйшихъ враговъ, болѣе всего угрожавшихъ ихъ мирному благосостоянію. Общность интересовъ, проявившаяся, такимъ образомъ, между городскими общинами и королемъ, очень довольнымъ, что найдено почти даровое средство для усиленія своей власти, способствовала тому, что обѣ стороны оказали другъ другу взаимную поддержку и, соединившись, общими силами окончательно побѣдили вассаловъ, усмиривъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наемниковъ и положивъ предѣлъ ихъ буйству и грабежамъ.

Такимъ образомъ, по выраженію Карѣева *), «сословный строй, вышедшій изъ феодализма, разрушался сверху и снизу, государствомъ и народомъ, но такъ, что первое разрушало, главнымъ образомъ, политическую сторону этого строя, послѣдній соціальную... Королевская политика стремится къ общественному нивеллированію какъ разъ въ то время, когда само общество, переросшее феодальныя рамки, призывается ходомъ событій къ участію въ государственной жизни».

Города не могли однако дать королю солидной силы, способной замѣнить наемниковъ; городскія милиціи, хотя и многочисленныя, но очень мало-обученныя и далеко не всегда дисциплинированныя, были способны почти исключительно къ оборонительнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе, что города, для собственной безопасности, окружали себя крѣпкими стѣнами, глубокими рвами и всякаго рода оборонительными постройками. Городскія ополченія, въ противоположность рыцарскимъ леннымъ войскамъ, состояли, главнымъ образомъ, изъ пѣхоты, вооруженной самымъ разнообразнымъ образомъ, при чемъ, съ

мирныхъ жителей, и король бывалъ иногда вынуждаемъ вести противъ нихъ настоящую войну (жакерія).

*) «Исторія Западной Европы въ новое время»; т. I, изд. 1898 г. Спб., стр. 405.

конца XIV вѣка, у нея явились уже и первые образцы огнестрѣльнаго оружія.

Нормальное систематическое развитіе королевской власти было однако сильно задержано и даже поколеблено столѣтней борьбой Франціи съ Англіей (1337—1437 г.). Французскія войска, состоявшія изъ: 1) рыцарской конницы эпохи паденія феодализма, 2) наемниковъ, въ числѣ которыхъ были отряды совершенно независимыхъ искателей приключеній, при случаѣ грабившихъ обѣ стороны, и 3) городскихъ ополченій,—не оказались на должной высотѣ и потерпѣли рядъ пораженій отъ англійской арміи, составленной на болѣе прочныхъ началахъ и болѣе сплоченной своимъ народнымъ единствомъ.

Армія при Карлѣ VII.

Неудачи французовъ въ борьбѣ съ Англіей не замедлили вызвать рознь и борьбу съ неустановившимся еще достаточно прочно во Франціи королевскимъ режимомъ; усмиренные, было, вассалы вновь подняли голову; явились партіи, державшія сторону противника и признавшія даже англійскаго короля своимъ государемъ. Англичане, въ союзѣ съ бургундцами, заняли бо́льшую половину Франціи и отбросили короля *Карла VII* *) къ Луарѣ, осадивъ Орлеанъ, послѣднюю его опору. Въ эту трудную минуту, когда вся Франція была на краю гибели, проснулось чувство національнаго самознанія въ самой глубинѣ наро́дной толпы... и изъ самаго сердца ея, изъ сельскаго сословія, бывшаго въ презрѣніи у надменныхъ феодаловъ, явилось спасеніе Франціи, въ лицѣ Жанны д'Аркъ. Король Карлъ VII ухватился, какъ утопающій за соломинку, за послѣднее средство, чтобы сломить врага, поднять религіозное и патріотическое чувство въ рядахъ оставшихся ему вѣрными подданныхъ, и обратился за помощью къ духу народной толпы. И вотъ, это средство, къ силѣ котораго онъ, вѣроятно, до того, не питалъ особаго довѣрія, вдругъ неожиданно дало самые блестящіе результаты. Орлеанской дѣвѣ удалось пробудить патріотизмъ всего французскаго народа; ея глубокая вѣра въ правоту своего святаго дѣла и ея одухотворенный порывъ образумили французовъ, а примѣръ ея привлекъ къ королю народную массу **).

---

*) Къ тому-же, еще не коронованнаго и не имѣвшаго поэтому должнаго престижа.

**) Замѣчателенъ отзывъ выдающагося французскаго писателя XVI вѣка, дю Беллэй-Лянжей, относительно этого критическаго момента, въ исторіи Франціи: «Du temps de Charles 7 en la gnerre qu'il auoit contre les Anglais fut Ianne la pucelle en France, reputée personne diuine et chacun affermoit qu'elle auoit estè enuoyée de Dieu: mais à ce que lon veut dire le

Освобожденіе Орлеана, коронація Карла VII въ Реймсѣ и изгнаніе англичанъ изъ Франціи быстро слѣдуютъ, въ награду народу, за его отзывчивость къ самымъ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ и за обращеніе на истинный путь исканія въ самомъ себѣ силъ, для защиты попранныхъ своихъ правъ на самобытность и самостоятельность. Выполнивъ свою миссію, Орлеанская дѣва погибаетъ, сожженная англичанами на кострѣ въ Руанѣ, но духъ ея остался живымъ, и не погибла съ нею вѣра въ указанное ею средство для борьбы съ вторгнувшимися чужеземцами. Бургундцы отшатнулись отъ англичанъ *), которые потеряли всѣ свои завоеванія во Франціи, за исключеніемъ Калэ, и война кончилась, даже безъ формальнаго заключенія мира.

Окончательно убѣдившись въ полной невозможности основывать защиту страны на ленной системѣ и давать рыцарямъ исключительную монополію на этотъ долгъ каждаго гражданина, французскіе короли обратились къ организаціи своихъ боевыхъ средствъ на другихъ началахъ. Прежде всего, нужны были денежныя средства, и вотъ, собравъ, въ 1439 г., въ Орлеанѣ, государственныхъ чиновъ, Карлъ VII добился утвержденія налога въ 1,200.000 ливровъ, для уплаты жалованья войскамъ, которыя предположено было содержать постоянно **).

Король утвердилъ лишь за собой однимъ право собирать войска и отнялъ это право у вассаловъ и владѣтельныхъ вельможъ, а также и у общинъ; мѣра эта вызвала бунтъ вельможъ, извѣстный подъ именемъ «прагеріи» (praguerie), впрочемъ скоро потушенный энергичнымъ коннетаблемъ Ришемонъ.

Затѣмъ послѣдовала мирная эпоха, во время которой спокойно совершалась реорганизація французской арміи. Реформа организаціи вооруженной силы, положившая прочное начало постояннымъ арміямъ современнаго характера, началась изданіемъ Карломъ VII, черезъ 2 года по окончаніи 100-лѣтней войны, Прагматики 2 ноября 1439 года (Pragmatique Lettre pour obvier aux pilleries et vexations des gens de guerre), упорядочившей строй войскъ наемныхъ Франціи. Прагматикой было опре-

---

Roy s'estoit aduisé de cests ruse pour ponner quelque bonne esperance auz Francois». «Discipline mihtaire de Messire Guillaume du Bellay Seigneur de Langey». Lyon. 1592 (кн. II, стр. 123—124).

*) Въ 1435 году, въ Аррассѣ былъ заключенъ договоръ между герцогомъ бургундскимъ и французскимъ королемъ.

**) Этотъ налогъ государственные чины утвердили на 1 годъ, но король продолжалъ его взимать ежегодно, уже безъ согласія чиновъ, и даже увеличилъ его, къ концу своего царствованія, до 1.800,000 ливровъ (Quarré de Verneuil, «L'armée en France», стр. 25 и 36).

дѣлено, чтобы всѣ начальники наемныхъ отрядовъ утверждались не иначе, какъ королевскими приказами или письмами («lettres royales»), при чемъ на службу короля принимались только люди, жизнь и поведеніе которыхъ были не запятнаны грабежами, поджогами и насиліями; прекращены были переходы съ мѣста на мѣсто наемныхъ отрядовъ, бродившихъ нерѣдко, до того времени, съ спеціальной цѣлью—доставать себѣ «patis»; расквартированіе королевскихъ войскъ по городамъ и пограничнымъ мѣстечкамъ было твердо установлено королемъ, и на всякія перемѣщенія требовалось его разрѣшеніе *). Постановленія прагматики 1439 года явились предвозвѣстниками цѣлаго ряда болѣе серьезныхъ реформъ, сдѣлавшихся возможными послѣ того, какъ наиболѣе безпокойные отряды авантюристовъ, числомъ до 50.000 чел., такъ называемые „арманьяки", оказавшіеся безъ дѣла, по окончаніи войны съ Англіей, были направлены въ Швейцарію, въ помощь австрійцамъ, которые, впрочемъ, просили всего отъ 5 до 10.000 чел., и тамъ, въ значительномъ числѣ, были вырѣзаны швейцарцами и эльзасцами.

Эдиктомъ 26 мая 1445 года, даннымъ Карломъ VII въ въ замкѣ Луппи (Louppy), близъ Шалона, съ одобренія королевскаго совѣта, были организованы *15 ордоннансовыхъ ротъ* (compagnies d'ordonnance), изъ которыхъ каждая состояла изъ 100 копій; каждое полное копье (lance fournie), организованное еще по рыцарскому способу, состояло изъ одного латника (homme d'armes), избраннаго изъ числа выдающихся и преданныхъ королю французскихъ дворянъ, одного пажа (page), тоже въ латахъ, трехъ конныхъ лучниковъ (archers) и одного вооруженнаго слуги (coustillier) **). Такимъ образомъ, ордоннансовая рота представляла, въ сущности, конный полкъ, смѣшаннаго состава, въ 600 коней; во главѣ ея были поставлены капитаны изъ наиболѣе способныхъ и отличившихся военачальниковъ; помощниками у нихъ были: поручикъ (lieutenant), хорунжій (enseigne), прапорщикъ (guidon) и квартермистръ (maréchal de logis). Въ бою капитанъ и хорунжій

---

*) «26. Ordonne le roy, que les capitaines et gens de guerre soient mis et establis en garnisons et places des frontières sur les ennemis qui leur seront ordonnez par le roy et illec demeureront et tiendront; et défend le roy à tous capitaines et gens de guerre que aucun ne se dépacte, ni à laisser en la forteresse et garnison, où il sera mis et establi, sans le mandement du roy; et qu'ils ne aucun d'eux ne aille vivre sur le pays en quelque manière que ce soit» . . . . (Тамъ-же, стр. 27).

**) *Rocquancourt.* Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires. Paris. 1834; т. I, стр. 292. *M. Jähns.* «Geschichte», т. I., стр. 314. *Quarré de Verneuil.*

вели тяжелую конницу ротъ, т. е., латниковъ (gensdarmes) съ ихъ оруженосцами, а поручикъ и прапорщикъ начальствовали легкой конницей—лучниками и кутильерами. Съ 1447 года составъ копья увеличился однимъ всадникомъ-оруженосцемъ *).

Для пополненія этой вновь сформированной конницы, общей численностью нѣсколько болѣе 9000 коней, были избраны лучшіе изъ ветерановъ наемныхъ отрядовъ, сражавшихся въ Швейцаріи и въ Эльзасѣ: на обширной Марнской равнинѣ, подъ Шалономъ, король съ коннетаблемъ—главой французской арміи—и 15-ю вновь назначенныхъ капитановъ, въ присутствіи конвоя изъ 3000 рыцарей, произвели смотръ возвратившимся съ похода войскамъ и избрали тѣхъ, которые, по ихъ мнѣнію, были достойны поступленія въ новыя войска; исключенные-же изъ рядовъ арміи были водворены на родину и, подъ страхомъ смертной казни, должны были приняться за полевыя работы.

Чтобы избѣгнуть возстанія, распускаемые наемники были раздѣлены на отряды, которые слѣдовали, по радіально расходившимся маршрутамъ, къ ихъ мѣстамъ рожденія, и по пути ихъ слѣдованія были выставлены особые этапные отряды, которые, вмѣстѣ съ ополченіями городскихъ общинъ, способствовали дальнѣйшему разсредоточенію отрядовъ наемниковъ и водворенію ихъ по мѣстамъ жительства. Такъ рѣшена была трудная задача распущенія до 70.000 чел., наемниковъ и утвержденія новой регулярной арміи. Правда, она еще заключала въ себѣ многіе слѣды предшествовавшей эпохи; кромѣ указанной уже рыцарской организаціи на копья, необходимо, въ этомъ отношеніи, отмѣтить и строй для боя, который также остался прежній, рыцарскій, т. е., «en haie», — «частоколомъ»; мотивомъ для этого, повидимому, служила также возросшая дѣйствительность артиллеріи, побуждавшая къ принятію болѣе тонкаго строя. (См. фиг. 25, на табл. IX).

Формированіе ордоннансовыхъ ротъ было закончено вполнѣ успѣшно, и не только былъ пополненъ весь личный составъ ротъ, но, съ теченіемъ времени, особенно во время войны, образовались роты, вдвое превосходившія численностью выше-указанный составъ (600 ч.), вслѣдствіе наплыва охот-

---

«L'armée en France», стр. 32—23. У полковника Гейсмана (краткій курсъ исторіи воен. искусства, ч. I, стр. 80) составъ копія указанъ нѣсколько иной, а именно: 1 жандармъ, 1 кутильеръ, 1 пажъ, 2 лучника и 1 слуга, изъ которыхъ боевое значеніе имѣли лишь 4: жандармъ, кутильеръ и два лучника.

*) Жандармъ получалъ въ мѣсяцъ 10 ливровъ, лучникъ—5 ливровъ, кутильеръ—4 ливра и пажъ—3 ливра.

ников, поступавшихъ добровольно въ ихъ ряды. Вначалѣ, не только латники, но и оруженосцы ихъ, а также лучники принадлежали къ благородному сословію; юноши, желавшіе посвятить себя военной службѣ, поступали къ извѣстному латнику въ копье, которое служило, такимъ образомъ, военной школой для молодыхъ людей *).

Въ самомъ комплектованіи ордоннансовыхъ ротъ допущены были впрочемъ и иностранцы, не только среди латниковъ, но даже въ числѣ начальствующихъ лицъ; была даже цѣлая испанская рота. Значеніе этого учрежденія, тѣмъ не менѣе, было огромное, потому что оно стало постепенно замѣнять рыцарство; дѣйствительно, титулъ рыцаря пересталъ, со времени образованія ордоннансовыхъ ротъ, давать какія-либо особыя права на начальствованіе войсками, или, какіе-бы то ни было прерогативы власти. И вотъ, хотя посвященіе въ рыцари встрѣчается еще вплоть до царствованія короля Карла IX, но рыцарскія знамена уже потеряли свою притягательную силу, и званіе рыцаря являлось лишь наградой за подвигъ, что впрочемъ, въ XVI вѣкѣ, также было постепенно замѣнено введеніемъ военной іерархіи и знаковъ отличій, причемъ награды чинами и орденами даровались исключительно королемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, учрежденіе постоянной конницы было лишь первымъ шагомъ дальнѣйшихъ мѣропріятій въ томъ-же направленіи, и съ постепеннымъ преобладаніемъ національнаго элемента **).

Черезъ три года послѣ учрежденія ордоннансовыхъ ротъ (въ апрѣлѣ 1448 г.), былъ произведенъ опытъ созданія національной пѣхоты; въ каждомъ приходѣ, изъ мѣстныхъ жителей, избирался одинъ лучникъ, полное боевое снаряженіе котораго поставлялось также приходомъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, лучники привлекались къ упражненіямъ въ стрѣльбѣ; по первому требованію они выступали въ походъ и тогда начинали получать жалованье отъ короля (4 франка въ мѣсяцъ). Такъ какъ эти люди были освобождены отъ податей то ихъ назвали «franc-archers» — «*вольными лучниками*» ***). Какъ видно,

*) Rocquancourt; т. I, стр. 294—5.

**) Кромѣ ордоннансовой тяжелой конницы, Карлъ VII, съ 1428 года, имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько наемныхъ ротъ карабинеровъ, соотвѣтствовавшихъ легкой конницѣ и, повидимому, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ испанской легкой конницѣ.

***) Quarré de Verneuil. «L'armée en France», стр. 38—39. Знаменательно приведенное въ этомъ трудѣ вступленіе къ приказу, учреждавшему «вольныхъ лучниковъ»: „Afin qu'il ne soit besoin de nous aider d'aultres que de nos

это была, пѣхота, хотя и національная, но чисто милиціоннаго характера, такъ какъ единственнымъ кадромъ вольныхъ лучниковъ были капитаны (учрежденные въ 1451 году), по одному на 500 лучниковъ.

Наконецъ, при Карлѣ VII, явились и первые *артиллеристы*, которыхъ, къ 1450 году, насчитывается уже 3000 чел., но, конечно, артиллерія была въ младенческомъ состояніи; сперва орудія были небольшихъ калибровъ и стрѣляли каменными ядрами; затѣмъ стали стремиться къ возможно большимъ калибрамъ, предполагая, что дѣйствіе такихъ орудій будетъ тѣмъ значительнѣе. Были орудія, требовавшія при перевозкѣ до 50 лошадей. При несовершенствѣ отливки, такія орудія были весьма опасны во время стрѣльбы для самихъ артиллеристовъ.

Людовикъ XI (1461—1483).

Въ царствованіе сына и преемника Карла VII, Людовика XI, продолжается борьба короля съ могущественными вассалами и владѣтельными князьями: во главѣ ихъ сталъ герцогъ бургундскій, Карлъ Смѣлый, который, послѣ нерѣшительнаго боя при Монлери (1465 г.), успѣлъ собрать армію до 100.000 ч. и принудилъ Людовика XI къ уступкѣ Соммскихъ горъ, Булони и другихъ городовъ. Трудная борьба, закончившаяся притомъ неудачно, побудила Людовика XI принять, прежде всего, мѣры къ усовершенствованію учрежденія вольныхъ лучниковъ, получившихъ болѣе сплоченную и опредѣленную организацію. Въ 1469 году, владѣнія французскаго короля были раздѣлены на 4 округа (2—къ сѣверу отъ Луары и 2—къ югу), и каждый изъ нихъ комплектовалъ отрядъ лучниковъ, въ 4000 чел., а каждый такой отрядъ подраздѣлялся на 8 ротъ, по 500 чел. въ каждой *). Всего было, такимъ образомъ, организовано 16.000 чел., подъ общимъ начальствомъ «главнаго начальника арбалетчиковъ» (Grand maitre des arbaletriers). Во главѣ отрядовъ были поставлены генералъ—капитаны (capitaine-général), которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, командовали и 1-й ротой своего отряда; остальными ротами командовали просто капитаны (capitaine). Учрежденіе вольныхъ лучниковъ не долго держалось; населеніе ему не сочувствовало, а дворяне-латники презирали; не смотря на стремленія Людовика XI сохранить организацію этой созданной его отцомъ милиціи, которая должна была замѣнить земскія ополченія, она была отмѣнена; послѣ сраженія при Гинегаттѣ (1479), гдѣ «вольные

sujets“ . . . («съ тѣмъ, чтобы не пользоваться услугами другихъ, какъ только нашихъ подданныхъ. . .»).

*) Тамъ-же, стр. 45—50, также Jähns, «Geschichte», т. I, стр. 836, и его-же «Handbuch», стр. 837.

лучники» не поддержали тяжелую конницу и предались паническому бѣгству, они были совершенно расформированы.

Армія Карла Смѣлаго.

Главный противникъ Людовика XI, герцогъ бургундскій, Карлъ Смѣлый, рѣшился, въ 1471 г., организовать свою армію, по французскому образцу, въ видѣ ордоннансовыхъ ротъ, но съ тою разницей, что свелъ въ копья и конныхъ и пѣшихъ людей. Согласно его «Grande Ordonnance», данной въ Аббевилѣ, 31 іюля 1471 г., каждое копье состояло изъ трехъ всадниковъ: латника (homme d'armes), его оруженосца и кутильера (coustillier), и изъ шести пѣхотинцевъ: 3 лучниковъ (archers), одного арбалетчика, одного кулевринера и одного пикинера. Впрочемъ, на маршѣ, 3 лучника должны были также быть верхами, но для боя они спѣшивались.

Вслѣдъ затѣмъ эта организація была нѣсколько измѣнена; копье образовали: латникъ, оруженосецъ, кутильеръ и 3 лучника; на каждое копье придавалась вьючная лошадь; 5 копій образовали палату (chambre), 5 палатъ составляли эскадронъ (escadre), а 4 эскадрона—роту (compagnie), во главѣ которой становился командиръ, подъ начальствомъ котораго было, такимъ образомъ, 100 копій *).

Пѣхота, состоявшая изъ лучниковъ, кулевринеровъ и пикинеровъ, была сведена въ самостоятельныя роты, численностью въ 6300 чел., подъ начальствомъ капитана, которому подчинялись: хорунжій (porte-enseigne) и прапорщикъ (guidon). Эта пѣхота имѣла особое назначеніе — служить прикрытіемъ артиллеріи, которая приняла уже типъ полевыхъ орудій и состояла преимущественно изъ серпантинъ и бомбардъ. Ротные командиры завѣдывали обученіемъ войскъ, которое стало систематическимъ въ мирное время; жалованье уплачивалось казной каждые 4 мѣсяца; продовольствіе люди доставляли себѣ сами. Расположены войска были преимущественно въ гостинницахъ и постоялыхъ дворахъ. На походѣ люди получали квартирные билеты, причемъ отъ хозяевъ поставлялось, безъ вознагражденія, сѣно и солома, а на продукты и овесъ утверждалась постоянная такса. Побѣгъ, на маршѣ, наказывался денежнымъ штрафомъ—лишеніемъ 8-ми дневнаго жалованья, а въ виду противника—смертной казнью.

---

*) По организаціи 1471 года, 6 копій образовали палату, 2 палаты—десятокъ, во главѣ котораго стоялъ десятникъ (dizainier), а одинъ изъ десятниковъ назначался начальникомъ всего отряда.

Подробности организаціи армія Карла Смѣлаго см. у Пузыревскаго: «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка»; ч. II-я, стр. 45—52.

Наемныя войска Людовика XI.

Побѣды, одержанныя надъ бургундской арміей швейцарцами, при Грансонѣ, Муртенѣ и Нанси, а также отчасти подозрительно-недовѣрчивый характеръ Людовика XI, опасавшагося слишкомъ явныхъ проявленій національнаго чувства, побудили его совершенно отказаться отъ способовъ, принятыхъ имъ и его противникомъ, для образованія народной пѣхоты, и обратиться къ старому средству—найму, причемъ король нашелъ наиболѣе соотвѣтственнымъ обратиться къ самимъ побѣдителямъ, т. е., къ швейцарцамъ. Въ 1479 году, съ ними былъ заключенъ оборонительно-наступательный союзъ, въ силу котораго они обязывались во всѣхъ войнахъ Людовика XI, а особенно противъ Карла бургундскаго, доставлять королю содержимое на его собственный счетъ войско; онъ давалъ имъ ежегодную субсидію въ 20.000 ливровъ (6000 р.), а швейцарцы обязывались отдать въ распоряженіе французскаго короля столько войскъ, сколько они въ состояніи выставить. Позднѣе, численность наемнаго швейцарскаго отряда была опредѣлена въ 6000 чел. и даже до 16.000 чел. *). Впрочемъ идея національной пѣхоты не была окончательно оставлена, такъ какъ швейцарцы должны были скорѣе служить инструкторами, и кромѣ нихъ, въ 1480 году, было набрано, при помощи добровольной вербовки, 10.000 чел. пѣхотинцевъ и 2500 піонеровъ, которые, вмѣстѣ съ 1500 ордоннансовыми латниками **) и значительнымъ обозомъ, присоединились къ 6000 швейцарцевъ, въ лагерѣ у Понъ-де-л'Аршъ, близъ Руана. Здѣсь войска (всего до 25.000 пѣхотинцевъ и 1500 латниковъ), въ первый разъ, обучались совмѣстному маневрированію, пріучались къ строгой дисциплинѣ и порядку. Это уже былъ значительный шагъ впередъ, такъ какъ, до того времени, войска обучались боевымъ дѣйствіямъ, только ведя дѣйствительный бой. Когда же выучка вновь сформированныхъ войскъ швейцарцами показалась Людовику XI достаточно совершенной, онъ отпустилъ бо́льшую часть швейцарскихъ войскъ, оставивъ лишь изъ нихъ отборную роту—для своей личной охраны.

Изъ войскъ, обучавшихся въ лагерѣ у Понъ-де-л'Аршъ, черезъ два года (въ 1482 г.), были сформированы такъ называемыя Пикардійскія дружины ***), численностью отъ

*) Brandt, т. III, стр. 7 и 8; Quarré de Verneuil, стр. 52.

**) Составъ копія былъ Людовикомъ XI уменьшенъ, и съ 1473 г., оно состояло изъ лучника, пажа, кутильера, двухъ лучниковъ и слуги,—всѣ 6 имѣли лошадей (Quarré de Verneuil, стр. 56.); это и есть составъ копія, указанный полковникомъ Гейсманомъ (выноска на стр. 44).

***) Такъ какъ изъ окрестностей Руана ихъ перевели въ Пикардію и расположили тамъ по городамъ и мѣстечкамъ.

500 до 1000 чел. Вооруженіе ихъ составляли: пика (gisarme) и аллебарда (vouge), а изъ метательнаго оружія, преимущественно, луки и арбалеты; первые образцы ручнаго огнестрѣльнаго оружья, хотя и имѣлись уже, въ ограниченномъ количествѣ, въ пѣхотѣ, но были тяжелы и мало дѣйствительны, такъ что Людовикъ XI предпочиталъ имъ пики и аллебарды. Предохранительнымъ вооруженіемъ пѣхотинца былъ небольшой круглый шишакъ (salade), кожаный колетъ до колѣнъ (jaque), подбитый сложеннымъ, въ 20 рядовъ, холстомъ; на колетъ одѣвалась кольчужная рубашка (бригантина); имѣлся также небольшой круглый щитъ (rondelle). Были уже первыя попытки установить однообразную форму; такъ, есть извѣстіе, что сформированный, для дѣйствій въ Арденнахъ, отрядъ, въ 1200 чел., имѣлъ однообразную, красную одежду.

Мало довѣряя значенію ручнаго огнестрѣльнаго оружія, Людовикъ XI однако удѣлилъ большое вниманіе изготовленію тяжелыхъ артиллерійскихъ орудій, большинство которыхъ, при вступленіи его на престолъ, принадлежало не государству, а отдѣльнымъ городамъ, общинамъ и замкамъ частныхъ владѣтелей; такъ, даже коллегія нотаріусовъ имѣла нѣсколько орудій *). Людовикъ XI принялъ мѣры къ увеличенію числа орудій, которыя не были-бы прикрѣплены къ мѣсту, а моглибы содѣйствовать его войскамъ въ полѣ, и принялъ первыя мѣры къ установленію однообразныхъ калибровъ. Въ сильной артиллеріи онъ видѣлъ вѣрное средство, для борьбы съ неподчинившимися ему еще вассалами. Въ 1477 году, были отлиты 12 тяжелыхъ орудій, получившихъ названіе 12 перовъ Франціи и расположенныхъ по три: въ Парижѣ, Орлеанѣ, Турѣ и Амьенѣ; это были, огромныхъ размѣровъ, бронзовыя бомбарды, возбуждавшія всеобщее удивленіе; онѣ стрѣляли каменными и желѣзными снарядами. Кромѣ того, были отлиты орудія меньшихъ калибровъ, на дужкахъ которыхъ были выдѣланы формы разныхъ звѣрей (что дѣлалось и прежде—на катапультахъ и другихъ метательныхъ машинахъ), которые давали свое имя самому орудію; такъ, были 24 фунт. серпантины (отъ «serpent»—змѣя), большія, 16 фунт., и среднія, 12 фунт., кулеврины (отъ «couleuvre»—гадюка), двухъ и одно-фунтовыя фоконно **) (отъ «faucon»—соколъ). Орудія, при Людовикѣ XI, получили лафеты и возились на лошадяхъ, при чемъ число послѣднихъ

*) *Prince Louis-Napoléon Bonaparte.* „Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie". Paris. 1846", т. I, стр. 58.
**) Тамъ-же, стр. 97.; *Quarré de Verneuil*, стр. 66—67.

колебалось отъ 35—для 50-ти фунтовыхъ бомбардъ—до двухъ для фоконно; одно-фунтовыя фоконно возились даже одной лошадью. Собственно къ разряду полевыхъ орудій только и принадлежали фоконно. (См. фиг. 39, на табл. XI).

Въ 1478 году, была отлита огромная бомбарда, стрѣлявшая снарядомъ, въ 500 фунтовъ вѣсомъ. Стрѣльба изъ подобныхъ орудій была далеко небезопасна для своей-же прислуги. Артиллерія образовала 4 дружины, которыя были, въ первый разъ, подчинены одному общему начальнику (Grand maitre d'artillerie). Главнымъ дѣятелемъ въ отношеніи улучшенія артиллеріи, временъ Людовика XI, былъ Гаспаръ *Бюро*.

По мѣрѣ увеличенія численности арміи, расходы на нее росли. Такъ, по показаніямъ Филиппа де-Коммина *), Карлъ VII, по своей смерти, оставилъ 1.700 копій ордоннансовыхъ ротъ, на которыя, изъ ежегоднаго бюджета, расходовалось 1.800.000 фр. Въ концѣ царствованія Людовика XI, число копій дошло до 5.000, и содержалось болѣе 25.000 пѣхоты: общая численность арміи превышала 60.000 чел., которые стоили ежегодно до 4.700.000 франковъ.

Независимо отъ этихъ регулярныхъ войскъ, Людовикъ XI продолжалъ принимать мѣры по организаціи городскихъ ополченій, при чемъ ласковымъ предупредительнымъ обхожденіемъ ему удалось привлечь на свою сторону горожанъ; особыя заботы его были направлены въ отношеніи жителей Парижа (хотя самъ онъ жилъ, преимущественно, въ замкѣ Plessis les Tours, окруженный шоттландской гвардіей).

Вооруженнымъ городскимъ миліціямъ производились королевскіе смотры, на которые обязаны были являться, подъ страхомъ наказанія висѣлицей (!) въ случаѣ неявки, всѣ, безъ исключенія, обыватели, отъ 16 до 60 лѣтъ, не исключая дворянъ, чиновниковъ и духовенства, съ соотвѣтствующимъ оружіемъ. Города имѣли свои хоругви, подъ которыми собирались миліціонеры, имѣвшіе также однообразную форму—красную тунику, съ нашитымъ бѣлымъ крестомъ. На одномъ изъ такихъ смотровъ, въ 1467 г., по свидѣтельству современниковъ, однимъ городомъ Парижемъ было выставлено до 80.000 чел., подъ 72-мя знаменами; въ 1474 г., ихъ было уже до 100.000 чел., при значительномъ числѣ орудій **).

---

*) *Quarré de Verneuil*, стр. 53—54, также—*Brandt*, т. III, стр. 10.

**) *Brandt*, т. III, стр. 14—15; подробности смотра (по Филиппу Коммину) описаны также Циглеромъ, въ приложеніи къ его переводу сочиненія Маккіавелли (Dell'arte della guerra), стр. 280—284.

Такое возрастаніе вооруженной силы городскихъ ополченій, конечно, достигало главной цѣли короля—устрашенія дворянства и вельможъ, но, какъ уже выше было указано, эти ополченія не могли быть солидными войсками, годными для веденія наступательной войны. Кромѣ того, черезмѣрное усиленіе городскихъ милицій устанавливало извѣстную зависимость короля отъ большихъ городовъ, и сознаніе этого побуждало подозрительнаго Людовика XI не прибѣгать къ ихъ помощи, а когда вельможи были усмирены и королевская власть значительно была упрочена, то подобные смотры стали все болѣе и болѣе рѣдкими, чтобы не давать повода горожанамъ, воочію, убѣдиться въ ихъ внушительной силѣ. Дальнѣйшія событія показали, что опасенія Людовика XI имѣли вѣскія основанія.

Взгляды на войну современниковъ эпохи Людовика XI характеризуются сочиненіемъ «Le rozier des guerres», появившимся въ печати въ 1522 г., но, повидимому, написаннымъ около 1480 года, при чемъ авторомъ этого сочиненія называютъ самого короля Людовика XI, пожелавшаго дать своему сыну, будущему королю Карлу VIII, наставленіе для организаціи войскъ и веденія войны („pour servir d'instruction à Monsieur le Dauphin Charles“).

Сочиненіе это обнаруживаетъ хорошее знакомство съ древне-римскими и греческими образцами военнаго искусства и частью заимствовано изъ Вегеція; авторъ преклоняется передъ обученіемъ войскъ у римлянъ, подготовленныхъ къ веденію войны, при самой разнообразной обстановкѣ, а также предлагаетъ весьма простую тактическую организацію, основанную, главнымъ образомъ, на десятичной системѣ.

«Le rozier des guerres» даетъ нѣсколько разумныхъ указаній, въ отношеніи нравственной подготовки людей къ бою, значенія личнаго примѣра начальника и необходимости пріучить людей еще въ мирное время исполнять все то, что имъ придется примѣнять на войнѣ; малочисленныя, но хорошо обученныя войска предпочитаются не получившимъ обученія массамъ. Наряду съ здравыми разсужденіями, встрѣчаются и совѣты, въ подражаніе Вегецію, избѣгать сраженій, которыя слишкомъ опасны, никогда не преграждать противнику пути отступленія и т. п. Взгляды Людовика XI, обнаруженные въ этомъ сочиненіи, были однако, для своего времени, еще значительно опередившими дѣйствительное состояніе военнаго искусства, и образцы его, проявившіеся на практикѣ,

стояли еще далеко ниже высказываемыхъ теоретически взглядовъ *).

Сраженія при Монлери (1465 г.). и Гинегаттѣ (1479 г.).

22-хъ лѣтнее царствованіе Людовика XI было, для Франціи, относительно мирной эпохой, чему, во многомъ, можетъ быть, способствовала сильная вооруженная сила, созданная усиліями Карла VII и его преемника. Только два выдающихся боевыхъ столкновенія можно указать за это время, а именно: сраженія при Монлери и при Гинегаттѣ; оба они были нерѣшительными; въ первомъ сраженіи противникомъ короля явился Карлъ Смѣлый, во второмъ—эрцг. австрійскій Максимильянъ **); король, вѣрный своимъ принципамъ, хотѣлъ избѣгнуть боя и въ первомъ и во второмъ случаѣ, но при Монлери, 27 іюля 1465 г., онъ былъ принужденъ къ бою необходимостью недопустить бургундцевъ занять Парижъ; сраженіе-же при Гинегаттѣ, 7 августа 1479 г., было дано, вопреки его желанія, французскимъ полководцемъ д'Ескьердомъ, ради освобожденія отъ блокады австрійцами крѣпости Теруанъ. Французская конница, въ обоихъ сраженіяхъ, своими дѣйствіями показала уже результаты предшествовавшей реформы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, проявила и свое прямое происхожденіе отъ жадныхъ къ добычѣ феодальныхъ рыцарей, мало заботившихся о достиженіи общей цѣли, а преслѣдовавшихъ лишь личныя выгоды; такъ, при Гинегаттѣ, опрокинувъ слабѣйшую конницу противника, французскіе латники не поставили себѣ цѣлью разбить затѣмъ сосѣднія части его боевого порядка, но увлеклись захватомъ возможно бо́льшаго числа плѣнныхъ, чтобы получить за нихъ побольше выкупъ. Послѣдовавшее разсѣяніе, для этой цѣли, французскихъ ордоннансовыхъ ротъ, въ разныя стороны, ослабило, совершенно несвоевременно, боевой порядокъ французской арміи, которая лишилась, такимъ образомъ, наиболѣе надежной своей части, въ самую критическую минуту. Пѣхота, при Гинегаттѣ, вела бой, тоже съ значительной склонностью пограбить. Вылазка французовъ изъ крѣпостцы Теруанъ, которую осаждалъ Максимильянъ, встрѣтила, прежде всего, австрійскій

---

*) Болѣе подробное изложеніе содержанія этой интересной книги см. въ приложеніи I.

**) Сынъ императора Фердинанда III и впослѣдствіи императоръ, Максимильянъ I былъ женатъ на Маріи Бургундской, дочери Карла Смѣлаго, и послѣ смерти послѣдняго (въ сраженіи при Нанси, въ 1477 г.), явился претендентомъ на Бургундію, которую Людовикъ XI, освободившись отъ своего злѣйшаго врага, поспѣшилъ захватить. Результатомъ столкновенія видовъ Франціи и Австріи на Бургундію и явилась война, въ которой однако Людовикъ XI потерпѣлъ неудачу.

обозъ и принялась его грабить, а пѣхота Максимильяна, отбросивъ слабыя части вылазочнаго отряда, перешла въ наступленіе, опрокинула французскую пѣхоту и, дойдя до обозовъ, тоже начала ихъ грабить. Къ ночи, обѣ стороны разошлись. Австрійская пѣхота (съ англійскими лучниками, во главѣ), дерется съ бо́льшей устойчивостью, чѣмъ французскіе вольные стрѣлки, благодаря чему поле сраженія остается за Максимильяномъ. Пѣхота, въ обоихъ сраженіяхъ, дралась совершенно независимо отъ конницы: гордые потомки рыцарей не хотятъ имѣть съ нею никакихъ сношеній и преслѣдуютъ свои личныя цѣли, бросая на произволъ судьбы презираемую ими пѣхоту *).

Заслуга Людовика XI безспорно велика, въ смыслѣ упроченія королевской власти, настойчивой борьбы съ грозными еще представителями феодальной системы и созданія вооруженной силы на твердыхъ основаніяхъ, съ попыткой завести дѣйствительно постоянную армію. Онъ является учредителемъ французской пѣхоты, впервые установившимъ ея обученіе въ мирное время. Но отправная точка, для созданія арміи, была избрана имъ неправильно, и, послѣ перваго неудачнаго опыта, онъ отказывается отъ мысли имѣть *народную* армію. Замѣчательно, что приближающійся, по чертамъ своего характера, по своей подозрительности, коварству и жестокости, къ итальянскимъ государямъ-тиранамъ XIV и XV вѣковъ, онъ, подобно этимъ послѣднимъ, отказался отъ комплектованія арміи исключительно народными элементами, повидимому, не довѣряя имъ, не принялъ системы вооруженной силы, указанной ему примѣромъ его отца, Карла VII,—учрежденіемъ ордоннансовыхъ ротъ,—далъ доступъ въ ряды французской арміи толпамъ наемниковъ и искателей приключеній и захотѣлъ *купить* себѣ вѣрныхъ защитниковъ своихъ правъ. Чуждый народу наемникъ прививается къ государственному организму Франціи, подобно паразиту, и долго еще будутъ замѣтны слѣды его разлагающаго, тлетворнаго вліянія.

Карлъ VIII (1483—1498).

Въ царствованіе *Карла VIII* внутренне окрѣпшая Франція, получившая, заботами Людовика XI, солидную вооруженную силу, вступаетъ уже на путь внѣшнихъ расширеній своихъ естественныхъ границъ; организованныя войска требовали ихъ эксплуатаціи, и вотъ начинается вѣковая борьба фран-

*) *Susane.* «Histoire de l'infanterie française», стр. 50—51. *Brandt*, т. III, стр. 25—29.

цузскихъ королей съ Габсбургами, за преобладаніе въ западной Европѣ, и, прежде всего, сталкиваются ихъ интересы въ Италіи. Взоры французскихъ королей давно уже обращались въ сторону Италіи, представлявшей, по вышеуказанному политическому своему строю, очень легкую добычу, но надо было сперва закончить побѣду надъ внутренними врагами королей,—надъ грозными вассалами,—оправиться отъ тяжелой столѣтней борьбы съ Англіей и создать солидную армію. Достиженію этихъ-то цѣлей и было, главнымъ образомъ, посвящено 22-хъ лѣтнее царствованіе Людовика XI. Молодой, энергичный король, Карлъ VIII, волнуемый миражемъ освобожденія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ, и изгнанія Османовъ изъ древней Византіи, рѣшился воспользоваться созданной его отцомъ арміей и обратиться къ ближайшей цѣли—завоеванію Италіи и очищенію ея отъ ига тирановъ и узурпаторовъ.

Обезпечивъ себѣ союзъ Савои, Генуи и Милана, а также нейтралитетъ Венеціи, король сосредоточилъ свою армію, численностью около 37.000 чел., между Ліономъ и Греноблемъ, перешелъ, въ августѣ 1494 года, черезъ Альпы, избравъ путь на гору Женевръ и отправивъ тяжелую артиллерію внизъ по Ронѣ и затѣмъ моремъ въ Специцію *). Въ сентябрѣ, король занялъ Асти и, соединившись съ войсками Лаврентія Мавра (общая сила союзной арміи въ Тосканѣ достигала до 60.000 чел. и 30.000 лошадей), совершилъ, почти безъ выстрѣла, свое торжественное шествіе по Италіи и, 31 декабря 1494 г., вступилъ въ Римъ. Описанія итальянскихъ писателей (Гюичардини, Джовіо и др.) вступленія Карла VIII въ Римъ даютъ очень цѣнныя свѣдѣнія о составѣ его арміи и ея вооруженіи. Во главѣ арміи, шла мѣрно, съ барабаннымъ боемъ **), швейцарская и нѣмецкая наемная пѣхота, общей численностью въ 6000 человѣкъ, вооруженная мечами и пиками, длиной до 16 футъ; впрочемъ, четвертая часть швейцарцевъ имѣла аллебарды, а 1/20 (50 чел. на 1000) вооружена была уже аркебузами ***). За ними наступали 5000 гасконцевъ

*) Гюичардини указываетъ, что артиллерія была перевезена въ Генуюю. Мы слѣдовали французскимъ даннымъ, указаннымъ въ трудѣ *Quarré de Verneuil*, «L'armée en France», стр. 70.

**) Есть показаніе современника, дающее возможность предположить, что пѣхота двигалась мѣрнымъ шагомъ, хотя этотъ послѣдній, какъ извѣстно, введенъ въ общее употребленіе, по предложенію Морица Саксонскаго, значительно позже. Тѣмъ не менѣе, у Джовіо имѣется такое показаніе: «Justis passibus ad tympani pulsum»...

***) По другимъ источникамъ, число вооруженныхъ огнестрѣльнымъ

(по Гюнчардини—6.000), лучниковъ и арбалетчиковъ, составлявшихъ лучшую народную пѣхоту французской арміи; затѣмъ слѣдовалъ цвѣтъ дворянства Франціи, — богато снаряженные и закованные въ латы 2.500 латниковъ (gens d'armes), каждый съ оруженосцемъ и двумя слугами. Далѣе двигалась легкая конница—3.400 конныхъ лучниковъ, съ облегченными пиками, и въ томъ числѣ 100 отборныхъ шотландскихъ тѣлохранителей. Затѣмъ ѣхалъ самъ король, окруженный 200 рыцарей, наиболѣе выдающихся по рожденію и по своимъ подвигамъ. 36 бронзовыхъ пушекъ, 100 фоконно и кулевринъ, на колесныхъ лафетахъ, замыкали шествіе; орудія эти были соединяемы съ передками и могли быть снимаемы съ нихъ для боя; только менѣе значительныя изъ нихъ везлись парой лошадей и, будучи двухколесными *), могли, по своей легкости, слѣдовать по всевозможнымъ дорогамъ, даже за конницей **). «Diabolico instrumento» говоритъ съ уныніемъ Гюнчардини, по поводу французской артиллеріи, внушавшей итальянцамъ, до извѣстной степени, суевѣрный ужасъ ***). При орудіяхъ находились: 500 артиллеристовъ, 6.200 піонеровъ (vastadores), 4.120 подводчиковъ и около 2.000 рабочихъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ армію Карла, вступающую въ Римъ, численностью до 26.000 чел., причемъ 1/2 ея составляла конница, и имѣлась уже довольно сильная, по тому времени, артиллерія (136 ор.).

Слабую сторону арміи однако представляло то, что значительную часть ея составляли иностранные наемники (швейцарцы, нѣмцы, шотландцы и т. п). Очевидно, для грандіоз-

---

оружіемъ было 100 чел. на 1.000, т. е., 1/10. Такъ, Роканкуръ приводитъ описаніе историка Павла Джовіо (Giovio): «Chaque troupe de mille fantassins avait cent soldats armés d'escopettes, т. I, стр. 305. («Въ каждомъ отрядѣ, въ 1.000 пѣхотинцевъ, было 100 солдатъ, вооруженныхъ аркебузами»).

*) «...minoribus rotae binaeerant subjectae».

**) «...ut equitum cursum aequioribus in locis adaequaret». (*Brandt*, т. III, стр. 55—57, *Lavisse*, стр. 113—114).

***) *Gucciardini*, «Storia d'Italia, da 1490 a 1532». См. также переводъ: «Histoire des guerres d'Italie de François Guichardin». Londres, 1738. т. I, стр. 75, «Cette machine plus infernale qu'humaine»... Составъ французской артиллеріи Карла VIII, въ трудѣ *Napléon-Louis Bonaparte*: «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie», указанъ слѣдующій: 140 тяжелыхъ, 50-ти ф. орудій, 200 бомбардъ, 1000 тяжелыхъ аркебузъ съ крюкомъ (стр. 405). Названіе бомбардъ примѣнялось, какъ собирательное, къ орудіямъ разныхъ калибровъ: кулевринамъ, фоконно и т. п.; 16-ти фунтовыя кулеврины употреблялись, какъ при осадахъ, такъ и въ полѣ; 2-хъ и 4-хъ фунт. фоконно были приданы пѣхотнымъ частямъ. Тяжелыя аркебузы были вѣсомъ въ 50 фунтовъ и возились на вьючныхъ животныхъ, на спинѣ; для стрѣльбы онѣ ставились на особыхъ козлахъ. *Quarré de Verneuil*, (стр. 68—69).

ныхъ замысловъ Карла VIII, армія, составленная исключительно изъ народныхъ элементовъ, оказалась-бы слишкомъ малочисленною, и ее пришлось усилить иноземными наемными контингентами. Но именно эта невозможность обойтись своими собственными національными войсками точно указывала, что Франція еще не достигла той внутренней мощи, той крѣпости всего государственнаго организма, чтобы быть способной на обширныя завоеванія. Иностранные наемные элементы, бездомные авантюристы всевозможныхъ европейскихъ странъ, ставъ въ ряды арміи, только внѣшнимъ образомъ усиливали вооруженную силу французскаго короля, увеличивая ея численность, не придавая однако арміи дѣйствительнаго внутренняго могущества, основаннаго на сплоченномъ національномъ чувствѣ. На сколько недоставало прочности и въ исполненномъ завоеваніи,—не замедлили показать послѣдовавшія затѣмъ событія.

Послѣ занятія Рима послѣдовало не менѣе удачное завоеваніе Неаполя, но здѣсь войска Карла VIII предались распущенному, изнѣженному образу жизни; въ арміи развились эгоистическіе аппетиты, и она скоро навлекла на себя недовольство жителей. Мечты Карла VIII объ освобожденіи Іерусалима разлетѣлись, какъ дымъ; уже въ апрѣлѣ 1495 года, ему пришлось принимать мѣры противъ образовавшейся Священной лиги, заключенной венеціанской республикой, папой, имперцами, испанскимъ посломъ Фердинанда и Изабеллы кастильской, а также герцогомъ миланскимъ, при чемъ главною цѣлью лиги была поставлена защита Италіи отъ всякаго чужеземнаго нашествія, охраненіе христіанства противъ владычества турокъ и взаимная гарантія владѣній участниковъ лиги. 25 мая, сосредоточивъ около 10.000 чел. (900 копій латниковъ, 3.000 швейцарцевъ, 3.500 французской пѣхоты и личная охрана) *) и оставивъ остальныя войска по гарнизонамъ крѣпостей неаполитанскаго королевства и въ Калабріи, подъ начальствомъ Монпансье и д'Обиньи, Карлъ VIII выступилъ изъ Неаполя въ Тоскану. Между тѣмъ, лига успѣла выставить войско, численностью болѣе 30.000, которое заняло угрожающее положеніе на р. Таро, притокѣ р. По, на пути отступленія французской арміи.

*) Въ сочиненіи *Hardy*: «Origines de la tactique française» (т. I, стр. 112), приводятся нѣсколько отличающіяся отъ приведенныхъ здѣсь цифръ, указанныхъ по *Quarré de Verneuil* (стр. 74), а именно: 1000 копій французскихъ латниковъ, 300 итальянскихъ копій, 3000 швейцарцевъ, 2000 бретонцевъ и гасконцевъ, и 42 орудія (изъ которыхъ 14 тяжелыхъ).

Переправившись, съ неимовѣрными трудами, по отвратительнымъ путямъ, испорченнымъ вдобавокъ непогодой, черезъ Аппенины, а именно черезъ Понтремолійскій кряжъ, армія Карла VIII подошла, 6 іюля 1495 года, къ позиціи союзниковъ, и, послѣ боя у Форново, пробила себѣ путь во Францію. Противникъ былъ отброшенъ съ потерей до 3.500 чел. убитыми; французы потеряли всего около 300 ч.; побѣдѣ во многомъ способствовали швейцарцы, которыхъ звали «надеждой арміи» (l'espérance de l'ost), а также ордоннансовая конница. Артиллерія дѣйствовала всего $^1/_4$ часа и вывела у обѣихъ сторонъ едва десятокъ людей. Французы отошли, не тревожимые затѣмъ противникомъ, въ Асти и далѣе на Бріансонъ.

На другой-же день послѣ сраженія при Форново, неаполитанское населеніе возстало противъ своихъ «освободителей», призвало вновь короля Фердинанда аррагонскаго, и изъ французскихъ войскъ, тамъ оставленныхъ, ослабленныхъ войной, лишеніями и болѣзнями, только 1.500 чел. вернулись, уже въ 1496 году, во Францію. Такъ безплодно закончилась рыцарско-романтическая затѣя Карла VIII, котораго не столько привлекало въ Италію сознаніе политическихъ выгодъ, получавшихся для Франціи съ покореніемъ Аппенинскаго полуострова, сколько манила къ себѣ сама Италія, казавшаяся ему и его приближеннымъ какой-то волшебной страной чудесъ, съ ея лазурнымъ небомъ, прекрасными женщинами, съ ея художественной роскошью городовъ и плодородіемъ полей и садовъ *).

Людовикъ XII (1498—1515).

По смерти Карла VIII, *Людовикъ XII*, прежде всего, поспѣшилъ организовать средства, для исполненія завѣтной мечты своего отца, и принялся за организацію хорошей *пѣхоты*. Сознавая уже важность этого рода оружія и необходимость имѣть многочисленную дисциплинированную пѣхоту, онъ постарался побѣдить предразсудокъ своихъ современниковъ, считавшихъ пѣхоту войскомъ, служить въ которомъ было недостойно дворянина и главная обязанность котораго была лишь завязывать бой, а затѣмъ прикрывать обозъ, предоставляя рѣшеніе боя однимъ коннымъ латникамъ. Людовику XII удалось убѣдить нѣкоторыхъ благородныхъ французскихъ дворянъ, изъ числа наиболѣе даровитыхъ и отличившихся на войнѣ, стать во главѣ пѣхотныхъ дружинъ (силой отъ одной до двухъ и даже до 5 тысячъ), набранныхъ уже исключительно изъ французовъ и состо-

*) *Quarré de Verneuil*; стр. 63.

явшихъ преимущественно изъ пикинеровъ съ тяжелымъ предохранительнымъ вооруженіемъ, по образцу швейцарскихъ отрядовъ. Въ числѣ такихъ начальниковъ, мы встрѣчаемъ Баярда, который, до того времени, служилъ въ рыцарской конницѣ *). Контингентъ для этихъ пѣшихъ отрядовъ образовался, въ значительной мѣрѣ, изъ обѣднѣвшихъ латниковъ, дворянъ, потерявшихъ своихъ боевыхъ коней; ихъ звали «lances rompues» (сломанныя копія) или, отъ итальянскаго перевода того-же выраженія, «lancia spezzada», — «ланспессадами». Но въ числѣ начальниковъ дружинъ были поставлены и иностранцы (преимущественно нѣмцы и швейцарцы). Еще бóльшій доступъ получили иностранцы въ отряды легкой пѣхоты, составленные изъ такъ называемыхъ *авантюрьеровъ* (avanturiers), не получавшихъ жалованья, имѣвшихъ самое разнообразное вооруженіе и обмундированіе и потому грабившихъ и своихъ и чужихъ **). Въ вооруженіи легкой пѣхоты, главная роль принадлежала метательному оружію—лукамъ, арбалетамъ, пращамъ, затѣмъ аркебузамъ; если тяжелая пѣхота не пользовалась должнымъ уваженіемъ въ арміи, то, тѣмъ болѣе, это распространялось на легкую пѣхоту, и вотъ, можетъ быть, причина, почему и оружіе ея (метательное, а затѣмъ—огнестрѣльное) долгое время считается годнымъ лишь для «подлыхъ трусовъ». Тѣмъ не менѣе, въ концѣ правленія Людовика XII, являются уже аркебузеры, придававшіеся въ помощь пѣхотнымъ дружинамъ, при чемъ, вначалѣ, они были преимущественно изъ иностранцевъ, вслѣдствіе указаннаго несочувствія французовъ огнестрѣльному оружію.

---

*) Ему былъ ввѣренъ королемъ отрядъ въ 1000 чел., при чемъ онъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать заявленіе, характерное для той эпохи и для самого Баярда, но врядъ-ли повторявшееся въ позднѣйшую эпоху; именно онъ доложилъ, что считаетъ такой отрядъ слишкомъ для него многочисленнымъ, опасаясь, что не будетъ въ состояніи достойно выполнить лежащія на немъ обязанности начальника, почему и просилъ уменьшить отрядъ до 500 чел., увѣряя, что, съ помощью Божьей и своихъ друзей, онъ разобьетъ и вдвое болѣе сильнаго противника («qu'il avoit trop de gens soubs sa charge que ces mille pour s'en acquitter très dignement... par quoy il pria de ne lui en donner que cinq cents et qu'il s'assueroit avec l'ayde de Dieu et de ces amis, de lui faire mener une si belle trouppe, que pour petite qu'elle seroit, il battroit bien une plus grande deux fois que la sienne», (Brantôme. Discours des colonels. Выдержки у *Susane:* «Histoire de l'infanterie»; стр. 62, также у *Brandt*'а, т. III, стр. 76—77).

**) Послѣднее, по показаніямъ Брантома, кромѣ разнообразія, отличалось тѣмъ, что далеко не предохраняло всѣхъ частей тѣла: такъ какъ «...ils monstroient la chair de la cuisse, voire des fesses»... Вообще это былъ всякій сбродъ, которому придаются далеко не лестные эпитеты: «C'estoient la plupart gens de sac et de corde, méchants garnements, echappez á la justice...» Выдержки у *Quarré de Verneuil*, стр. 76, и *Susane*, стр. 61.

Тяжелая *конница*, по прежнему, представляла цвѣтъ французскаго дворянства и увеличилась, при Людовикѣ, еще 5-ю ордонансовыми ротами; всего было до 2000 копій; желаніе многихъ рыцарей служить въ нихъ, въ офицерскихъ чинахъ, побудило уменьшать численность ротъ, съ тѣмъ, чтобы увеличивать число капитановъ и офицеровъ, такъ что встрѣчались роты въ 25—35 копій (вмѣсто прежнихъ 100). Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличился и составъ копія, которыя, съ 1498 года, состоятъ уже изъ 8 всадниковъ, а въ 1510 г., копія образуются даже изъ 10 всадниковъ *).

Легкая конница, тоже находившаяся въ пренебреженіи, получила развитіе принятіемъ на службу такъ называемыхъ стратіотовъ **), пополнявшихся изъ албанцевъ и грековъ изъ Мореи (рисунокъ № 29, на табл. IX); вооруженіе ихъ составляла шпага и арцегайя (arzegaye), родъ копья, окованнаго желѣзомъ съ обоихъ концовъ; предохранительнымъ ихъ вооруженіемъ была кольчуга и легкій шлемъ безъ забрала (salade); они сражались иногда и въ спѣшенномъ строю, дѣйствуя арцегайей, какъ пикой ***). Кромѣ бывшихъ еще ранѣе кренекиновъ, ****) или конныхъ арбалетчиковъ, при Людовикѣ XII, появляются впервые и конные аркебузеры, тоже изъ иностранцевъ (преимущественно изъ испанцевъ), которые были первымъ прообразомъ позднѣйшихъ драгунъ (рисунокъ № 30 на табл. IX).

Французская *артиллерія*, при Людовикѣ XII, не сдѣлала особыхъ успѣховъ, даже пришла скорѣе въ упадокъ, такъ какъ она не является уже такой многочисленной, какъ при Карлѣ VIII; отвращеніе рыцарей ко всякаго рода машинамъ и скудость финансовъ были главными причинами этого явленія. Тѣмъ не менѣе, въ походѣ 1507 года, на Геную, при французской арміи, численностью въ 50.000 чел., находилось 6 тяжелыхъ серпантинъ, 13 кулевринъ, 8 фоконно и 50 тяжелыхъ возимыхъ аркебузъ съ крюкомъ; при нихъ состояло: 50 артиллеристовъ [1]) и 2.500 піонеровъ.

Франція, по прежнему, стремится, при Людовикѣ XII, къ новымъ завоеваніямъ, и, по прежнему, главной цѣлью похо-

---

*) *Quarré de Verneuil*, стр. 80.

**) См. выше выноску на стр. 24.

***) *Rocquancourt*; т. I, стр. 295—6.

****) Отъ «cranequin»—наиболѣе крѣпкой части оленьяго рога, которой заводились арбалеты.

[1]) *Hardy*. «Origines de la tactique française»; стр. 164—167; *Quarré de Verneuil* (стр. 83) даетъ общее число тяжелыхъ орудій—60 и аркебузъ—500.

довъ является Италія. Тотчасъ-же, по вступленіи на престолъ, король заявляетъ свои права на миланское герцогство, завоеваніе котораго не удалось ему, во время перваго похода Карла VIII въ Италію, въ качествѣ герцога орлеанскаго. Борьба эта, ознаменовавшаяся измѣнами наемниковъ, закончилась въ 1500 г., взятіемъ въ плѣнъ герцога миланскаго, Людовика Сфорцы, и покореніемъ французами всего герцогства.

Въ 1501 г., французская армія д'Обиньи, вмѣстѣ съ союзными испанскими войсками, подъ начальствомъ Гонзальва Кордуанскаго, овладѣваютъ неаполитанскимъ королевствомъ и дѣлятъ его: Людовикъ XII получаетъ титулъ короля неаполитанскаго и іерусалимскаго, захвативъ страну Аббруцъ и Терра-ди-Лаворе, съ Неаполемъ и Гаэтой. Фердинандъ католикъ, король испанскій, получаетъ, съ званіемъ герцога, Апулію и Калабрію *). Скоро между союзниками являются однако несогласія, перешедшія въ открытую войну. Благодаря искусству Гонзальва, испанцы овладѣваютъ всѣмъ неаполитанскимъ королевствомъ, бьютъ французовъ при Чериньолѣ (1509 г.) и вынуждаютъ ихъ къ полному очищенію всей южной и средней Италіи.

Въ 1509 г., открывается походъ Людовика XII, заключившаго союзъ съ австрійцами, испанцами и папой Юліемъ II (такъ называемая Камбрейская лига), противъ венеціанской республики. Впервые вооруженная сила этой послѣдней получаетъ національную окраску; призвавъ, для защиты республики отъ вторженія чужеземцевъ, цвѣтъ итальянскаго дворянства, для противодѣйствія французскимъ латникамъ, венеціанскій сенатъ озаботился созданіемъ народной итальянской пѣхоты, главную массу которой составили такъ называемые «берзигелы», **) набранные въ Апуліи и Романьи (преимущественно изъ обитателей Валь-де-Ламоне), и обученные, Діонисіемъ ди-Нальди ди-Берзигелла, дѣйствію пикой и аркебузой, въ сомкнутомъ строю—на открытой мѣстности, и въ разсыпномъ—на гористой и пересѣченной мѣстности. Кромѣ того, изъ среды самого населенія венеціанской республики, было образовано ополченіе, изъ крестьянъ и горожанъ, получившихъ обученіе, сходное съ берзигелами. Эта народная армія была усилена наемниками—легкой конницей—стратіотами, отличившимися при Форновѣ, и

*) *Голицынъ*. Всеобщая военная исторія среднихъ временъ. С.-Петербургъ, 1878 г., ч. 3-я стр. 146.

**) Не оттуда-ли современные берсальеры?

критскими лучниками—сагдарами *). Всего, въ венеціанской арміи, состояло: 2.000 латниковъ, 3.000 легкихъ всадниковъ и 20.000 пѣхотинцевъ, при 60 тяжелыхъ орудіяхъ **).

Во главѣ этой арміи, стали уже не ремесленники-кондотьеры, но два патріота: хладнокровный, осторожный Питильяно и пылкій, отважный Альвіано.

Сраженіе при Аньяделло. (14 мая 1509 г.).

Противъ 33-хъ тысячной венеціанской арміи, расположенной на сильной оборонительной позиціи, южнѣе Тревильо (табл. I, схема № 1), Людовикъ XII собралъ, въ Миланскомъ герцогствѣ, около 30 тысячъ ***), именно 12.000 французской и миланской пѣхоты, 6.000 швейцарцевъ и 2.000 копій латниковъ. Артиллерія была, повидимому, слабая, потому что о ней современные историки не упоминаютъ. Высланному на лѣвый берегъ Адды конному отряду Шомона д'Амбуазъ удается внезапно захватить замокъ Тревильо; венеціанцы пытаются обратно имъ овладѣть и, овладѣвши, начинаютъ грабить мѣстечко, а между тѣмъ, французская армія, въ тотъ-же день, 11 мая, быстро и безъ помѣхи, совершаетъ переправу черезъ Адду, по двумъ наведеннымъ у Кассано мостамъ на судахъ. На слѣдующій день, Людовикъ XII овладѣваетъ штурмомъ мѣст. Ривольта; итальянцы рѣшаются на уклоненіе отъ боя, во-первыхъ, ввиду указанія сената—держаться оборонительно, а во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что равнинная мѣстность благопріятствовала французскимъ латникамъ, которыхъ венеціанцы, повидимому, сильно опасались.

Людовикъ рѣшается, съ цѣлью выманить противника съ его крѣпкой позиціи у Тревильо, направиться, 14 мая, на Пандино и Ваиле (схема № 2, на табл. I), имѣя ввиду также отрѣзать венеціанцевъ отъ Кремы и Кремоны, откуда они получали все продовольствіе; это движеніе принудило и венеціанцевъ идти къ Кремѣ, при чемъ армія ихъ двинулась по двумъ дорогамъ (на Арсаго и на Вайлате); въ боковой колоннѣ, ближайшей къ французамъ, направленъ былъ пылкій Альвіано. Не смотря на то, что пересѣченная болотами, ручьями и мокрыми лугами дорога затрудняла французамъ движеніе, тѣмъ не менѣе, не доходя Аньяделло, авангардъ ихъ, подъ начальствомъ Шомона и Тривульція (500 копій латниковъ и 6000

*) *Brandt*, т. III, стр. 82—83.

**) Таковы данныя, приведенныя въ соч. *Hardy* («Origines de la tactique», стр. 186—187), при чемъ онъ ссылается на Гюичардини, но у послѣдняго численность пѣхоты показана всего въ 3000 (т. II, ср. 20); здѣсь, вѣроятно, опечатка.

***) У Голицына—32.000 (стр. 148), у Brandt'а—28.000 (стр. 172).

швейцарцевъ, при 20 орудіяхъ), встрѣтился съ тыльнымъ отрядомъ колонны Альвіано. При пересѣченности мѣстности, встрѣча произошла довольно неожиданно для итальянцевъ. Альвіано, повидимому, счелъ мѣстность удобною для обороны, такъ какъ путь наступленія французовъ проходилъ по плотинѣ, вдоль берега полувысохшаго лѣсного ручья, за которымъ была довольно сильная позиція. (Схема № 3, на той-же таблицѣ). На самой плотинѣ Альвіано расположилъ 6 орудій; въ виноградникахъ, позади ея, онъ расположилъ стрѣлковъ-берзигеловъ, а остальную артиллерію, подъ прикрытіемъ конницы поставилъ на холмахъ, позади виноградниковъ; лучшіе стрѣлки-аркебузеры разсыпались вдоль плотины и заняли промежутки между 6-ю орудіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Альвіано послалъ къ Питильяно, за подкрѣпленіями. Отважно кинувшіеся на плотину швейцарцы, шедшіе въ французскомъ авангардѣ, были отброшены, съ значительными потерями. Атака латниковъ, направленная противъ засѣвшихъ въ виноградникахъ берзигеловъ, также потерпѣла неудачу; артиллерія не подготовила атаки французовъ; а между тѣмъ, мѣстность была на столько пересѣчена, что дѣйствіе тяжелой конницы было крайне затруднено, и романьольскіе стрѣлки сбивали, цѣлыми десятками, латниковъ съ коней. Швейцарцы-же были затруднены своими пиками, которыя, въ густыхъ виноградникахъ, только мѣшали; швейцарскіе батальоны разстроились, и люди скользили по мокрой глинѣ, покрывавшей скатъ плотины, подъ убійственнымъ огнемъ берзигеловъ.

Согласно поставленной Альвіано цѣли марша, ему слѣдовало воспользоваться удачной минутой, для продолженія отступленія на Крему и для присоединенія къ главнымъ силамъ отряда; но онъ увлекся достигнутымъ въ бою успѣхомъ и продолжалъ держаться на позиціи. Питильяно-же, вмѣсто поддержки, прислалъ совѣтъ уважать постановленія сената и отступить на Вапле.

Между тѣмъ, къ Шомону, извѣстившему короля о необходимости скорѣе поддержать его, подошла выручка, съ Людовикомъ Бурбономъ и Ля-Тримуйль во главѣ. Прибытіе ея, вслѣдствіе разразившагося сильнаго дождя, осталось, повидимому, итальянцами незамѣченнымъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, дало время прибывшему на мѣсто боя королю построить соотвѣтственный боевой порядокъ; въ центрѣ его стали швейцарцы, на лѣвомъ флангѣ—гасконцы, а въ резервѣ латники, отъ которыхъ 2 ордоннансовыя роты были выдвинуты на

правый флангъ; онѣ успѣли взобраться на плотину и, атакой во флангъ берзигеловъ, принудили ихъ отступить, подъ прикрытіе своей второй линіи артиллеріи. Между тѣмъ, французская пѣхота, подъ начальствомъ Баярда, Ришемона, Молара и др., пройдя вбродъ ручей, пробралась виноградниками на правый флангъ позиціи Альвіано и частью въ тылъ венеціанской конницѣ, которая тотчасъ-же отступила, бросивъ свои орудія, немедленно обращенныя французами на берзигеловъ. Итальянской пѣхотѣ, утомленной боемъ, окруженной съ обоихъ фланговъ, предложена была сдача, но берзигелы отказались отъ нея, и эти 4000 пѣхотинцевъ, съ утра выдержавшихъ весь бой на своихъ плечахъ, еще нѣсколько часовъ держались противъ всей французской арміи, пока они, наконецъ, всѣ не были изрублены; никто изъ нихъ не сдался. На правомъ флангѣ, король приказалъ латникамъ атаковать итальянскую конницу, которая выстроилась на высотахъ; самъ король сталъ во главѣ своихъ латниковъ, и первый-же налетъ ихъ смялъ итальянскую конницу и заставилъ ее бѣжать съ поля сраженія. Преслѣдованіе было вскорѣ остановлено *).

Венеціанцы потеряли болѣе 8000 человѣкъ и 20 тяжелыхъ орудій; самъ Альвіано былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Питильяно видѣлъ, съ сосѣдней командующей высоты, пораженіе своего сотоварища, но не подалъ ему помощи, ввиду бывшаго между ними передъ тѣмъ недоразумѣнія.

Бой при Аньяделло, не смотря на то, что онъ разыгрался изъ небольшаго арьергарднаго дѣла, имѣетъ уже нѣкоторыя черты, значительно отличающія его отъ веденія боя въ Италіи, въ предыдущую эпоху. По словамъ Сисмонди, до этого боя, атаковали преимущественно то, что не оборонялось; теперь бой перестаетъ уже быть безопаснымъ фарсомъ, въ духѣ кондотьеровъ; господство ихъ кончается, и побѣда достается не иначе, какъ съ уничтоженіемъ вооруженной силы противника, для чего становится необходимымъ полное напряженіе силъ побѣдителя. Такой переворотъ въ характерѣ боя, конечно, обусловился, прежде всего, реформой въ способѣ комплектованія венеціанской арміи и національной ея окраской, при чемъ вполнѣ естественно, что милиціонный характеръ ея, недостатокъ обученія берзигеловъ и ошибка

*) Описаніе боя при Аньяделло составлено по *Hardy:* «Origines de la tactique», (стр. 191—194), *Guicciardini* (t. II, стр. 21—25) и по *Brandt'y* (т III, стр. 171—181).

Альвіано повліяли на то, что не былъ, пока, еще достигнутъ осязательный результатъ благодѣтельной, въ корнѣ, реформы.

Тактика въ этомъ бою тоже мѣняется: мы видимъ уже искусное примѣненіе къ мѣстности и сильное развитіе стрѣлковаго боя; итальянскіе ополченцы, берзигелы, долго, съ успѣхомъ, ведутъ его противъ пресловутыхъ швейцарцевъ и даже латниковъ; попытка французовъ форсировать занятое итальянцами дефиле кончается неудачей; вслѣдъ затѣмъ, является перерывъ въ бою, французы получаютъ поддержку, а утомленные боемъ берзигелы, оставленные на произволъ судьбы, теряютъ присутствіе духа и гибнутъ почти цѣликомъ; опять новыя явленія, въ видѣ постепеннаго ввода въ бой силъ, хотя и происшедшаго, въ данномъ сраженіи, случайно, вслѣдствіе постепеннаго подхода ихъ къ мѣсту боя, давшаго, тѣмъ не менѣе, возможность его современникамъ замѣтить, какъ важно подтолкнуть свѣжими силами изнемогающія въ бою войска (швейцарцы), которыя становятся способными къ новымъ усиліямъ послѣ неудачи, какъ только къ нимъ прибываютъ поддержки.

Послѣ побѣды при Аньяделло, Людовикъ XII покоряетъ большинство городовъ венеціанской области и затѣмъ возвращается во Францію, а на его мѣсто, въ Италію прибываетъ его союзникъ, императоръ священной Римской имперіи, Максимильянъ I.

Походъ 1512 года.

Вскорѣ между союзниками Камбрейской лиги явились недоразумѣнія: Максимильянъ вернулся въ Германію, а папа Юлій II сблизился съ венеціанской республикой и послалъ свои войска атаковать Геную и область герцога Феррарскаго, союзника Людовика XII *). Въ то-же время, 12,000 швейцарцевъ угрожали французамъ вторженіемъ въ миланское герцогство съ сѣвера. Французамъ, подъ начальствомъ Шомона, а послѣ его смерти,—замѣнившаго его Тривульція, удалось, въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, удержать свои завоеванія и занять, къ концу 1511 года, Имолу, на самой границѣ папскихъ владѣній.

Но къ 1512 году, политическое положеніе французовъ въ Италіи еще болѣе ухудшилось, такъ какъ противъ нихъ образовалась грозная коалиція, подъ именемъ «священной лиги» (папа, Венеція, Испанія, Англія, а затѣмъ и императоръ Максимильянъ). Кампанія этого года, въ смыслѣ развитія

---

*) Голицынъ, стр. 148.

тактики и стратегіи XIV вѣка, представляетъ значительный интересъ по сраженію при Равеннѣ (11 апрѣля, 1512 г.), въ которомъ особенно отличился и палъ геройской смертью французскій полководецъ, талантливый 23-хъ лѣтній *Гастонъ де-Фуа*, герцогъ Немурскій, племянникъ Людовика XII.

Занимая постъ правителя миланскаго герцогства, Гастонъ де-Фуа получилъ, въ подкрѣпленіе изъ Франціи, лучшую дворцарскую конницу и талантливѣйшихъ военачальниковъ — Баярда, «рыцаря безъ страха и упрека», Лотрека, Ля-Палисъ, Ивъ д'Аллегръ, Молара, а также служившую, подъ французскими знаменами, нѣмецкую пѣхоту (ландскнехты), подъ начальствомъ братьевъ Эмсъ. Собравъ 1300 копій латниковъ и 15.000 пѣхотинцевъ, Гастонъ де-Фуа быстро двинулся на выручку осажденной испанцами Болоньи. Осада послѣдней, подъ руководствомъ искуснаго инженера, Педро Наварро, уже близилась къ концу; осаждающіе успѣлъ разрушить минами *) часть городской стѣны, и штурмъ, предпринятый испанцами, 1 февраля, съ трудомъ былъ отраженъ французскимъ гарнизономъ, подъ начальствомъ храбрыхъ офицеровъ — Ля-Файетта и Вэнсена (послѣдній слылъ у итальянцевъ подъ кличкой «il gran diavolo»). Между тѣмъ, на маршѣ къ Болоньѣ, прибывъ въ Реджіо, Гастонъ де-Фуа узнаетъ, что горожане г. Брешіи, призвавъ венеціанцевъ, возстали противъ французскаго гарнизона, изгнали его изъ города и осадили занятый имъ замокъ. Тревожное извѣстіе это однако нисколько не поколебало рѣшенія Гастона и, не смотря на снѣжную бурю, 5-го февраля, онъ неожиданно появился подъ Болоньей, послѣ чего испанцы принуждены были снять осаду и отойти за р. Идису.

Давъ своимъ войскамъ дневку и усиливъ гарнизонъ Болоньи до 4000 пѣхотинцевъ и 250 латниковъ, Гастонъ, 6 февраля, обращается къ Брешіи **) и переправляется черезъ р. По, у Сталлаты. Авангардъ его, подъ начальствомъ больнаго

---

*) Въ чемъ особенно былъ искусенъ Педро Наварро, начавшій службу простымъ солдатомъ и отличившійся сперва, при осадѣ замка Св. Георгія, на островѣ Кефалоніи, въ 1500 г., а затѣмъ, въ 1503 г., при взятіи испанцами неаполитанскихъ замковъ, стѣны которыхъ, въ 6 дней, были имъ разрушены помощью заложенныхъ минъ.

**) Замѣчательно, что, съ цѣлью сдѣлать безопасной Болонью, на время своего отсутствія, отъ возобновленія непріятельской атаки, и привести въ порядокъ ея оборонительныя постройки, Гастонъ де-Фуа заключилъ съ испанскимъ полководцемъ, Кардоной, 14-ти-дневное перемиріе, обязавшись, за каждый день, уплатить ему по 1000 скуди (червонцевъ). *Brandt*, III, вын. на стр. 188.

Баярда, бьетъ, у Изола-делля-Скала, венеціанскій отрядъ (400 латниковъ, 4000 пѣх.), спѣшившій къ Брешіи, и на 8-й день марша, пройдя около 200 верстъ, французскій полководецъ явился подъ стѣнами этого города; цитадель еще удерживалась французскимъ гарнизономъ. Андрей Гритти, проведиторъ (полководецъ) венеціанской республики, призвалъ къ оборонѣ горожанъ Брешіи, собравъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свои 400 копій, 800 стратіотовъ, 1000 конныхъ арбалетчиковъ и 6.000 пѣхотинцевъ, для стойкой обороны города.

На зарѣ слѣдующаго-же дня, 17 февраля, Гастонъ де-Фуа построилъ свои войска (12.000), для штурма: въ головномъ отрядѣ наступала пѣхота Молара, съ разсыпанными впереди «пропащими ребятами» (enfants perdus). Затѣмъ слѣдовалъ авангардъ, изъ 2000 ландскнехтовъ, капитана Эмсъ, за которыми шли главныя силы, изъ 7000 пѣхотинцевъ Бонне и герц. Клеве, имѣя на флангѣ латниковъ, въ пѣшемъ строю, съ герцогомъ де-Фуа во главѣ. 150 латниковъ, подъ начальствомъ Баярда, прикрывали головной отрядъ, сражаясь также пѣшкомъ. Баярдъ первый ворвался въ укрѣпленныя линіи, окружавшія городъ, и тутъ-же былъ ранень пикой; черезъ $1/2$ часа, венеціанцы были разбиты, пытались бѣжать черезъ ворота С. Жанъ, но тутъ ихъ встрѣтили 300 копій латниковъ Ивъ д'Аллегръ.

Штурмъ закончился избіеніемъ 11.000 венеціанцевъ и брешіанцевъ, втеченіи 24-хъ часовой рѣзни, и полнымъ разграбленіемъ города. Добычу оцѣнивали въ 3 милліона дукатовъ, и многіе такъ поживились ею, что не хотѣли больше служить, и покинули армію, забравъ, конечно, съ собой награбленное добро. Потери французовъ не превышали 50 чел. убитыми. По свидѣтельству одного изъ очевидцевъ штурма, Гастонъ де-Фуа велъ за 500 спѣшенными латниками, большую роту аркебузеровъ, которые, по очереди, открывали пальбу по защитникамъ города, и передъ каждымъ ихъ залпомъ подавалась команда, чтобы впереди шедшіе латники ложились на землю, а послѣ залпа они тотчасъ-же поднимались и продолжали наступленіе, чѣмъ былъ обезпеченъ прекрасный порядокъ стрѣльбы и атаки *).

Между тѣмъ, члены священной лиги, склонивъ на свою сторону императора Максимильяна I, задумали перенести войну въ предѣлы Франціи, для чего рѣшили усилить свои войска.

*) *Napoléon-Louis Bonaparte* «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie», т. I, стр. 135.

наймомъ значительныхъ швейцарскихъ отрядовъ. Такъ какъ эти планы сдѣлались извѣстными Людовику XII, то онъ приказалъ своему юному полководцу (получившему, за быстроту и неотразимость своихъ дѣйствій, прозвище «молніи Италіи» и «сокола Ломбардіи»), дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ противъ Венеціи, чтобы съ нею разделаться, а главное, разбить армію союзниковъ. Послѣ рѣшительной побѣды, Людовикъ XII предполагалъ заключить миръ съ папой и приготовиться къ грозившему ему вторженію англичанъ. Въ половинѣ марта, 1512 г., Гастонъ де-Фуа двинулся съ арміей, около 20.000 ч., къ рѣкѣ Панаро. (См. схему № 7, на табл. II).

Сраженіе при Равеннѣ.*) 11 (апрѣля, 1512 года).

Армія союзниковъ, подъ начальствомъ вицекороля неаполитанскаго, Раймона де-Кардоны (котораго папа Юлій II, за его нерѣшительный, медлительный характеръ, называлъ «Мадонна де-Кардона»), заняла сильно укрѣпленную позицію, за рѣкой Сантерно. Фердинандъ католикъ, король испанскій, приказалъ, избѣгая, по возможности, рѣшительнаго боя, выиграть время, до прибытія швейцарцевъ, и занять сильными гарнизонами главные города папской области. Ввиду этой цѣли, Кардона отступилъ, при приближеніи Гастона къ Имолѣ, на Фаэнцу и выдѣлилъ отрядъ Марка Антонія Колонны (60 копій латниковъ, 100 легкихъ всадниковъ и 600 испанскихъ пѣхотинцевъ), составившій гарнизонъ папскаго города Равенны. Гастонъ, желая ускорить рѣшительный бой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, перенести свои дѣйствія на болѣе открытую равнинную мѣстность, присоединилъ къ своей арміи бóльшую часть оставленнаго имъ въ Болоньѣ гарнизона, выждалъ 4 дня, до прибытія къ нему 12 тяжелыхъ и 12 легкихъ орудій герцога Феррарскаго, двинулся затѣмъ отъ Имолы, сѣвернѣе Аппенинскихъ предгорій, на Русси, быстрымъ налетомъ захватилъ, 8 апрѣля, это мѣстечко, вечеромъ, того-же дня, неожиданно явился подъ стѣнами Равенны и ночью-же заложилъ двѣ батареи. На слѣдующій день, онъ рѣшается штурмовать городъ, такъ какъ въ стѣнахъ его уже была пробита брешь.

---

*) Источниками, при изложеніи фактической стороны Равеннскаго сраженія, послужили: *Hardy*, «Origines de la tactique francaise», т. II, стр. 227—241; *Jähns*, «Handbuch», стр. 1081—1088; *Brandt*, т. III, стр. 193; *Рюстовъ*, «Исторія пѣхоты», пер. Пузыревскаго. Спб. 1876, стр. 243—250. *Михневичъ*. «Исторія военнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ», стр. 199. *Guichardin*. «Histoire des guerres d'Italie». Londres. 1738; т. II, стр. 243—256. *Пузыревскій*. «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка». Ч. II, стр. 174—180. *Prince Napoléon-Louis Bonaparte*, «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie», стр. 135—140, *Ziegler*. «Die Kriegskunst in sieben Büchern»; приложеніе къ переводу сочиненія Маккіавелли, стр. 336—353.

Между тѣмъ, Кардона рѣшился выйти изъ пассивнаго образа дѣйствій и, переправившись, у Форли, черезъ Ронко, двинулся по правому берегу этой рѣки, для предупрежденія противника въ занятіи Равенны. 9 апрѣля, выдѣливъ заслонъ противъ арміи Кардоны, Гастонъ штурмуетъ Равенну тремя колоннами (французы, итальянцы и ландскнехты), но, послѣ трехъ-часового боя, потерявъ около 300 человѣкъ убитыми и еще болѣе ранеными, французы были отбиты мужественнымъ испанскимъ гарнизономъ Марка Антонія. Брешь оказалась не удобовосходимой и обстрѣливалась сильнымъ артиллерійскимъ фланговымъ огнемъ.

10 апрѣля, обѣ арміи противниковъ настолько сблизились, что Гастонъ отказался отъ штурма Равенны и рѣшился дать бой; весь день происходили мелкія схватки передовыхъ войскъ. По порученію Гастона, оправившійся отъ раны Баярдъ произвелъ, съ 50 конными лучниками и ротой ордоннансовыхъ латниковъ, смѣлую развѣдку непріятельской арміи и заставилъ ее развернуть бо́льшую часть своихъ силъ, выручивъ, въ то-же время, другого рыцаря, завязавшаго также развѣдывательный бой, со своими 50 копіями. (См схему № 8, на табл. II).

Ожидая прибытія швейцарцевъ, Кардона, по совѣту Педро Наварро, рѣшилъ держаться оборонительно на укрѣпленной позиціи, которую занялъ южнѣе Равенны, на правомъ берегу р. Ронко, близъ сліянія ея съ р. Монтоне, хотя нѣкоторые начальники (Фабрицій Колонна), узнавъ о начавшейся переправѣ французовъ черезъ р. Фіуми Унити, убѣждали Кардону перейти въ наступленіе и постараться разбить французовъ по частямъ, пока они еще не всѣ закончили переправу. Мѣстность, впереди позиціи, была равнинная, мѣстами болотистая, покрытая рисовыми полями, которыя сопровождаютъ оба берега рѣки Фіуми Унити, протекающей, по сліяніи рѣкъ Ронко и Монтоне, въ неглубокомъ песчаномъ руслѣ, еще около 3-хъ миль, до устья въ море. Р. Ронко прикрывала, такимъ образомъ, лѣвый флангъ и тылъ позиціи Кардоны; примѣрно, позади ея центра, былъ наведенъ черезъ Ронко мостъ; фронтъ прикрывался искусственнымъ рвомъ, въ которомъ оставленъ былъ лишь одинъ проходъ, около 10 саж. шириной; за рвомъ были выставлены ряды повозокъ, въ видѣ вагенбурга, при чемъ многія повозки были такъ называемыя «боевыя», съ придѣланными къ осямъ серпами и косами, а позади ихъ были 30 двуколокъ, съ положенными на

оси пищалями (тяжелыми аркебузами), попарно на каждую двуколку *). Кромѣ того, впереди лѣваго фланга, было до 20 орудій.

Фронтъ позиціи, въ общемъ направленіи на востокъ, шелъ уступами: на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, образовавшемъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, *авангардъ* (vanguardia), стали, примыкая къ рѣкѣ, 800 копій латниковъ и масса въ 6000 ч. **) отличной испанской пѣхоты, подъ общимъ начальствомъ *Фабриція Колонны*; пѣхота авангарда составили такъ называемые «корсалети», вооруженные пиками, кинжалами, длинными шпагами и щитами; всѣ они носили бѣлыя туники. Правѣе авангарда и уступомъ назадъ, подъ начальствомъ самого *Кардоны*, расположились *главныя силы* (cuerpo de batalla), изъ 600 копій латниковъ, правѣе которыхъ стала масса въ 4000 ч. итальянской пѣхоты. Правый флангъ образовалъ *арръергардъ* (retroguardia),—изъ 400 копій, и правѣе ихъ — 400 пѣхотинцевъ, подъ командой *Дона Карвахаля*. Наконецъ, на крайнемъ правомъ флангѣ и тоже уступомъ, позади арьергарда, расположилась, въ видѣ *общаго резерва*, легкая конница (1000 копій), и неаполитанскій пѣшій отрядъ, подъ начальствомъ молодого талантливаго маркиза *Пескары*. Педро Наварро, съ 500 отборными испанскими пѣхотинцами, не имѣя опредѣленнаго назначенія, долженъ былъ подкрѣпить оборону тамъ, гдѣ это оказалось-бы необходимымъ, по ходу боя. Общая численность арміи лиги доходила, такимъ образомъ, до 27.000 чел. (12.000 конницы ***) и 15.000 пѣхотинцевъ).

Положеніе Гастона было тяжелое: армія союзниковъ надвинулась настолько близко къ Равеннѣ, что рисковать вторичнымъ штурмомъ города, при обнаружившемся упорствѣ обороны его защитниковъ, было невозможно; атаковать укрѣпленный лагерь союзниковъ, со своей арміей, которая была, примѣрно, на 1000 чел., слабѣе арміи лиги, казалось тоже рискованнымъ и шло въ разрѣзъ съ общепринятыми тогда правилами; оставаться на мѣстѣ, помимо другихъ невыгодъ, было тоже затруднительно, вслѣдствіе крайняго недостатка въ продовольствіи, такъ какъ венеціанцы отрѣзали сообщенія французовъ съ

*) Харди указываетъ, что число тяжелыхъ аркебузъ достигало 200, тогда какъ, по приведенному разсчету (согласно Гюичардини), ихъ было всего 60.

**) У Брандта 4000; мы слѣдуемъ цифрамъ, приведеннымъ Гюичардини, согласно которому онѣ приведены также у Рюстова и у Харди.

***) Считая въ 1800 копьяхъ по 6 чел., т.-е., 10.800 ч., и 1000 легкихъ всадниковъ.

Ломбардіей, служившей имъ базой, и венеціанскія галеры крейсировали по рѣкѣ По, захватывая отправляемые по ней французскіе запасы. Окрестности Равенны были настолько опустошены, что приходилось посылать на фуражировку болѣе, чѣмъ на переходъ (8 миль), чтобы что-нибудь найти. Кромѣ того, арміи Гастона грозило скоро значительное ослабленіе силъ, такъ какъ начальникъ ландскнехтовъ, Яковъ Эмскій, уже получилъ извѣщеніе отъ имперскаго посла въ Римѣ, чтобы онъ отдѣлился отъ французской арміи. По соглашенію съ Гастономъ, Яковъ Эмскій, преданный французскому полководцу, согласился впрочемъ, не объявляя своимъ подчиненнымъ этого извѣщенія, временно остаться при арміи, тѣмъ болѣе, что у него были сомнѣнія въ подлинности письма посла. Собранный Гастономъ военный совѣтъ, по его предложенію, единогласно рѣшилъ атаковать позицію союзниковъ, предупредивъ ихъ соединеніе съ швейцарцами.

На сколько извѣстно изъ военной исторіи, французскій полководецъ впервые издалъ войскамъ, передъ сраженіемъ при Равеннѣ, письменное распредѣленіе ихъ для боя *).

---

*) Дю-Беллэй-Лянжэй приводитъ это распредѣленіе, почерпнутое въ архивахъ Гренобля (Chambres des comptes de Grenoble). Вотъ оно, въ томъ видѣ, въ какомъ его воспроизводитъ Брандтъ (т. III, стр. 197—200):

L'ordre de l'armée du Roi le 11 Avril jour de Pâques l'an 1512.

Prémièrement le Duc de Ferrare, qui menera la dite avant-garde	100	lances.
M. de Lautrec	50	»
M. le Grand-Maître . .	50	»
M. d'Imbrecourt . . .	40	»
M. de Boisy	50	»
M. le Sénéchal de Rouergue	60	»
M. le grand Ecuyer . .	50	»
M. le comte de Musol .	40	»
M. de Fontanilles . .	40	»
M. de Bedan	100	»
M. du Plessis	100	»
M. de Mazières, bâtard de Rieux	20	»
Somme	750	lances.

Plus Jean Bernardin Carach . .	500	Allemands.
Le bâtard de la Balme	100	»
Plus, les 300 chevaux légers du Duc de Ferrare	300	ch. légers.
Somme	900	chevaux

Gens de pied

M. du Moular . . .	2000	hommes.
Le capitaine Jacob	2000	»
Le bâtard de Clèves	1000	»
Le capitaine Philippe	1000	»
Le frère du capitaine Jacob . . .	1000	»
Le baron de Gaveral	1000	»
Somme	8000	hommes.

Bataille.

Toute la bande de l'artillerie que M. le grand Sénéchal conduira avec les Gentilshommes de l'hôtel du Roi	200	lances.
M. de Crussol	200	archers.
La compagnie de Monsieur (de Gaston de Foix)	100	lances.
M. de Lorraine, Bayard conduisant la compagnie	80	»
M. d'Aubigny	50	»

Согласно этому распредѣленію, по переправѣ черезъ рѣку Фіуми Унити, правый флангъ боевого порядка французовъ образовалъ *авангардъ* герцога *Феррарскаго*, изъ 750 копій французскихъ латниковъ Имбрекура и Тривульція, направленвленныхъ вверхъ, по самому берегу рѣки, и наступавшихъ лѣвѣе ихъ 3000 ландскнехтовъ, братьевъ Эмсъ, и 5000 гасконцевъ Молара; съ ними-же двинулись 900 всадниковъ легкой конницы.

Въ центрѣ наступали *главныя силы* (bataille) 3000 *) гасконцевъ, валонцевъ и пикардійцевъ и 580 копій ордонпансовой конницы и 200 лучниковъ, подъ начальствомъ *Ля-Палиса* съ войсками кардинала С. Северино,—во второй линіи и уступомъ вправо.

M. de Duras	50	lances.
M. l'Amiral	50	»
M. de Tende	50	»
Somme	580	lances.

Gens de pied.

Le cadet de Duras .	1000	hommes.
Le capitaine Odet de Foix, parent de Gaston . . .	1000	»
M. de Mont-miral .	1000	»
Et s'en iront joindre à l'avantgarde, si l'affaire y est, ou à l'arrière-garde.		

L'arrière-garde.

L'arrière-garde conduira M. d'Allègre avec la compagnie	50	»
Le Marquis de Mont-Ferrat	50	»
Le Sénéchal d'Armagnac	20	»
M. de Prix. . . .	50	»

M. d' Estanson ou le chevalier Blanc	60	lances.
M. de Bussy . . .	20	»
Somme	250	lances.

Gens de pied.

Le Sieur Fréderic . .	1000	hommes.
Le comte Malestoc .	500	»
Le comte Parisot . .	500	»
Le Marquis de Malespine	300	»
Le Marquis Bernardo	500	»
Longueval	300	»
Antoine Bellot . . .	300	»
Jean Jaques de Castille	500	»
Verdançon	500	»
Somme	4.400	hommes.

Monsieur sera avec quarante hommes d'armes et trois ou quatre Capitaines, tels qu'il lui plaira aviser, pour l'accompagner, et ira où sera affaire pour y donner ordre.

Somme de lances	1.580
Albanois et chevaux légers .	900
Gens de pied	15.400

*) Брандтъ, а за нимъ и Іенсъ, указываютъ число пѣхоты главныхъ силъ въ 8000, хотя у Брандта-же приведено прилагаемое подлинное распредѣленіе силъ, изъ котораго видно, что пѣхота «bataille» состояла всего изъ 3000 чел. Только у Рюстова и Пузыревскаго (стр. 176) находимъ мы вѣрную цифру; возможно, впрочемъ, что къ главнымъ силамъ присоединились 5000 гасконцевъ Молара; такъ именно разсчитано у Харди и Гюичардини. Іенсъ считаетъ ландскнехтовъ 6000, что, какъ видно изъ расписанія арміи, также невѣрно. Повидимому, нѣмецкіе авторы постарались уменьшить лавры французскаго полководца, преувеличивъ численность его силъ и указывая, что армія Кардоны была чуть-ли не на 5000 чел. слабѣе французской арміи: на дѣлѣ-же, какъ указано выше, численное превосходство, хотя и незначительное, было на сторонѣ союзниковъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, особенно у Іенса, видно стремленіе подчеркнуть дѣятельность нѣмецкихъ ландскнехтовъ и приписать чуть-ли не имъ однимъ всю побѣду дня.

Накопецъ, *арръергардъ*, образовавшій лѣвое крыло, состоялъ изъ 4400 чел. итальянской пѣхоты и 3000 конныхъ арбалетчиковъ (легкой конницы), взятыхъ изъ копій ордоннансовыхъ ротъ, подъ начальствомъ *Гонзаго* *). Кромѣ того, изъ состава арръергарда 250 копій французской конницы, подъ начальствомъ *Ивъ д'Аллегръ*, были оставлены у моста черезъ Фіуми Унити, въ видѣ *резерва*, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ наблюдать за гарнизономъ Равенны; 1000 чел., шоттландской пѣхоты Париса, остались у моста черезъ Монтоне.

Такимъ образомъ, за выключеніемъ послѣднихъ 1000 чел., не принявшихъ, повидимому, участія въ бою, армія Гастона де-Фуа состояла изъ 15.400 чел. пѣхоты и 10.000 конницы. Артиллерія, силой около 80 орудій, слѣдовала въ головѣ главныхъ силъ, и при завязкѣ боя, была распредѣлена впереди ихъ фронта. Самъ Гастонъ де-Фуа **), съ 40 копіями латниковъ, не принялъ на себя командованія особой частью, а рѣшилъ быть тамъ, гдѣ только понадобится его присутствіе.

На зарѣ 1-го дня Пасхи, 11 апрѣля, французская армія двинулась къ переправѣ черезъ Фіуми Унити ***). При этомъ нѣмецкіе ландскнехты должны были начать переправу и идти въ головѣ; однако, когда подошедшей къ мосту гасконской пѣхотѣ пришлось долго ожидать окончанія дефилированія нѣмцевъ черезъ мостъ, то начальникъ гасконцевъ, Моларъ,

---

*) По Харди, лѣвымъ крыломъ начальствовалъ Тривульцій; пѣхота въ немъ были—французскіе авантюрьеры (2000), а итальянцы (5000) присоединились къ центру (bataille); на это-же намекаетъ выноска на стр. 247, II-го тома, труда Гюнчардини, у котораго лѣвымъ флангомъ начальствуетъ третій начальникъ—Фредерикъ Боццоло.

**) Гастонъ былъ исполненъ увѣренности въ побѣдѣ и, обратившись къ своимъ рыцарямъ, сказалъ, что то, что онъ сдѣлаетъ сегодня, онъ сдѣлаетъ «ради любви къ своей милой!» (qu'il ferroit ce qu'il ferroit ce jour là pour l'amour de sa Mye). Въ честь ея онъ сражался, въ этотъ день, безъ латъ, а только въ богато расшитой блестящей туникѣ, съ цвѣтами Фуа и Наварры.

***) До начала движенія произошла встрѣча обоихъ главнокомандующихъ, которая является характерной для той эпохи, еще сохранившей всѣ традиціи благороднаго рыцарства.

По просьбѣ вицекороля Кардоны, Гастонъ де-Фуа выѣхалъ къ каналу, для личныхъ переговоровъ съ испанскимъ главнокомандующимъ. «Я явился, чтобы услышать, въ чемъ я могу вамъ служить?» привѣтствовалъ Гастонъ вицекороля. Сердечно благодаря за прибытіе, испанскій полководецъ спросилъ, не хочетъ-ли онъ сразиться въ открытомъ полѣ съ арміей лиги? «Отъ всей души», отвѣтилъ принцъ; когда Кардона сказалъ, что это и его горячее желаніе, то оии оба сломали имѣвшіеся у нихъ въ рукахъ бѣлые жезлы, какъ знакъ окончанія мирныхъ переговоровъ, и разошлись къ своимъ войскамъ. Надо имѣть впрочемъ ввиду, что, когда въ томъ-же году, открывая походъ, швейцарцы обратились къ Гастону съ такимъ-же вопросомъ, желая его вызвать на бой, то онъ послалъ имъ отвѣтъ: «я сражаюсь, когда это мнѣ удобно, а не тогда, когда это нравится противнику». (Brandt, т. III, стр. 202).

потерялъ терпѣніе и, крикнувъ: «Неужели иностранцы схватятся съ противникомъ раньше, чѣмъ мы?» бросился въ воду, и такъ какъ вода въ рѣкѣ оказалась лишь нѣсколько выше пояса, то Моларъ, а за нимъ его гасконцы благополучно перешли ее вбродъ. Лагерь испанцевъ былъ всего въ 2000 шагахъ отъ переправы французовъ черезъ Фіуми Унити.

Прослѣдивъ порядокъ движенія своихъ войскъ, Гастонъ де-Фуа отправился на развѣдку и, выстроивъ свои войска, въ двухъ стахъ шагахъ отъ позиціи противника, приказалъ имъ пріостановиться, съ цѣлью выждать дѣйствія своей артиллеріи *).

Прекрасная артиллерія Альфонса д'Есте, герцога Феррарскаго, открыла тогда огонь, на который дѣятельно отвѣчали испанцы. Вслѣдствіе близкой дистанціи, на которую сошлись уже арміи противниковъ, обоюдныя потери отъ дѣйствія артиллеріи были значительны. По показаніямъ Флёранжа, одинъ снарядъ вывелъ изъ строя до 40 человѣкъ. Гасконскія дружины не выдерживаютъ огня и начинаютъ отступать: стойко держатся ландскнехты, потерявъ, втеченіе часа, около 1000 человѣкъ. Такъ какъ командованіе принадлежало испанскимъ батареямъ, то герцогъ Феррарскій снялъ съ позиціи свои орудія и перевезъ ихъ на крайній лѣвый флангъ боевого порядка французской арміи, который охватывалъ, въ видѣ полумѣсяца, позицію противника; это дало возможность отсюда поражать его не только во флангъ, но и въ тылъ. Отсюда огонь артиллеріи герцога Феррарскаго сдѣлался гораздо дѣйствительнѣе **).

*) Во время развѣдки, происходитъ также характерная, вполнѣ еще рыцарская сценка. Когда со стороны противника появилась группа испанскихъ всадниковъ, съ дономъ Педро де-Пацъ во главѣ, къ нимъ подскакалъ Баярдъ и сказалъ: «Господа, дѣлайте то-же самое, что мы дѣлаемъ и удовольствуйтесь этимъ, пока не начнется веселая забава»; этимъ онъ просилъ, не начинать огня и обѣщалъ то-же и со стороны французовъ; переправа тогда еще не была закончена. Педро де-Пацъ спросилъ о имени рыцаря, съ которымъ имѣлъ честь говорить, и, узнавъ, что это былъ Баярдъ, выразилъ свою радость, по поводу знакомства съ нимъ, хотя ему больно видѣть этого храбраго рыцаря въ арміи, которую онъ усиливалъ, однимъ своимъ присутствіемъ, на 2000 ч.; замѣтивъ на сторонѣ противниковъ Гастона, онъ спросилъ, кто этотъ начальникъ, и получилъ отвѣтъ Баярда: «это братъ вашей королевы, Гастонъ де-Фуа». Пацъ и окружавшіе его испанскіе рыцари преклонили тогда колѣно, и первый заявилъ: «Внѣ долга службы своему повелителю и королю, мы считаемъ себя всегда вашими вѣрными слугами»; вслѣдъ затѣмъ рыцари разъѣхались.

**) При этомъ иногда снаряды перелетали черезъ расположеніе испанцевъ и разрывались въ серединѣ право-фланговыхъ колоннъ французовъ; когда прислуга замѣтила это герцогу, то онъ, принадлежа къ тайнымъ поборникамъ идеи объединенія Италіи и избавленія ея отъ чужеземцевъ, крикнулъ въ отвѣтъ: «Продолжай смѣло, снаряды не пропадаютъ даромъ, если попадаютъ въ враговъ нашей отчизны».

Пѣхота еще избѣгала большаго пораженія, такъ какъ, по указанію Педро Наварро, она ложилась при каждомъ выстрѣлѣ; но конница страдала страшно отъ огня, продолжавшагося уже болѣе двухъ часовъ. Испанская конница Фабриція Колонны, поражаемая и съ фланга и съ фронта (оставшейся на прежней позиціи частью французской артиллеріи), громко требовала перехода въ наступленіе, но Педро Наварро хотѣлъ непремѣнно встрѣтить противника на позиціи и отказывался переходить за ровъ.

Ненавидѣвшіе его, какъ выскочку, рыцари однако не выдержали: «Неужели мы всѣ позорно погибнемъ изъ за козней этого злобнаго жидёнка, не зарубивъ ни одного противника?» крикнулъ Колонна и приказалъ двинуться въ атаку *). Съ крикомъ «España y San Iago!» его латники прорываются черезъ оставленный передъ фронтомъ проходъ и бросаются на французскихъ латниковъ, поспѣшившихъ къ нимъ на встрѣчу, съ Гастономъ во главѣ. Впереди позиціи испанцевъ, завязывается тогда большое кавалерійское дѣло, въ которомъ постепенно принимаютъ участіе конные отряды остальныхъ частей боевого порядка обѣихъ армій. Со стороны французовъ прибываетъ изъ резерва Ля-Палисъ; къ испанцамъ присоединяется конница главныхъ силъ Пескары.

Долго остается этотъ бой нерѣшительнымъ; съ обѣихъ сторонъ отвага и смѣлость выражаются въ самой полной степени. Копье Гастона де-Фуа пронизываетъ насквозь грудь одного изъ его противниковъ и выходитъ на футъ за его спину; испанцы-же преимущественно направляютъ свои удары на коней, а затѣмъ уже добиваютъ свалившагося рыцаря **)

Въ это время, Ивъ д'Аллегръ, наблюдая за боемъ, рѣшается, въ эту критическую минуту, привести отъ моста свою конницу, и этотъ своевременный ударъ свѣжей части рѣшаетъ участь кавалерійскаго боя. Бой этотъ принимаетъ для французовъ благопріятный оборотъ, особенно, когда, въ поддержку латникамъ, явились конные лучники, которые начали рубить своими топорами, подвѣшенными у нихъ къ сѣдлу и служившими спеціально для разбивки палатокъ. Кромѣ того, Баярду

*) Гюичардини предполагаетъ, что Педро Наварро, какъ организаторъ испанской пѣхоты, хотѣлъ доказать этимъ сраженіемъ преимущества своей пѣхоты надъ латниками и нанести ею послѣдній рѣшительный ударъ, когда конница будетъ уже настолько ослаблена огромными потерями, что окажется не въ силахъ играть роль въ одержаніи надъ противникомъ побѣды, которую онъ не сомнѣвался достигнуть своей пѣхотой.

**) Въ Кастиліи была поговорка: «muerto el caballo—perdido el hombro d'armas», т. е., «палъ конь—погибъ латникъ».

и Ивъ д'Аллегръ удалось расположить, на флангѣ конницы Фабриція Колонны, длинную, кулеврину, снаряды которой, въ короткое время, выводятъ изъ строя 300 испанскихъ латниковъ.

Хотя конница вырвалась изъ рукъ Педро Наварро, помимо его воли, тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился перейти въ наступленіе и своей пѣхотой, не столько съ цѣлью поддержать рыцарскую конницу, сколько съ тѣмъ, чтобы доставить и пѣхотѣ честь побѣды этого дня. По его приказанію, съ барабаннымъ боемъ и съ развѣвающимися знаменами, началось наступленіе испанскихъ «корсалети», подъ начальствомъ Маркиза делля-Палюде; свертываясь къ выходу изъ окоповъ, пѣхота, пройдя его, вновь выстраивается вправо, образуя квадратныя сомкнутыя массы, прикрывшія правый флангъ еще рубившейся конницы; на лѣвый-же ея флангъ направилась итальянская пѣхота главныхъ силъ, воспользовавшись промежуткомъ между Ронко и береговой плотиной, такъ какъ главный проходъ былъ еще занятъ вытягиваніемъ испанцевъ. Однако на эту пѣхоту, едва она вступила въ бой съ гасконцами, наскочила отбитая въ это время конница Фабриція Колонны, которая привела итальянцевъ въ полное смятеніе и обратилась, вмѣстѣ съ ними, въ бѣгство. Увлекшись общимъ примѣромъ, подъ градомъ ядеръ, которыми продолжала осыпать неутомимая артиллерія герцога Феррарскаго, самъ Кардона позорно бѣжалъ съ поля сраженія, а за нимъ послѣдовала и бо́льшая часть арьергарда.

Только Наварро, отведя «корсалети» за ровъ, стойко держался за своими линіями и даже успѣлъ отразить первую непріятельскую атаку. Ландскнехты и гасконцы, пользуясь отступленіемъ конницы Фабриція Колонны, приняли вправо, на лѣвый флангъ укрѣпленнаго лагеря испанцевъ, и, по собственному почину, кинулись въ атаку на ихъ линіи.

Послѣдовавшій штурмъ этихъ линій нѣмецкой и гасконской пѣхотой окончился неудачей; перебравшись за ровъ, французы были встрѣчены залпомъ аркебузеровъ, поставленныхъ Педро Наварро за валомъ, и изъ пищалей боевыхъ повозокъ. Въ то-же время ударили въ ручную схватку корсалети, при чемъ въ единоборствѣ погибъ нѣмецкій капитанъ, Яковъ Эмскій *). Успѣхъ рукопашнаго боя оказался на сторонѣ испанцевъ, бывшихъ болѣе искусными въ работѣ кинжалами и ножами.

*) Передъ столкновеніемъ обѣихъ массъ пѣхоты, изъ среды ландскнехтовъ выступили двое нѣмцевъ, вызывавшихъ на бой противниковъ; но не успѣли еще подбѣжать къ нимъ ихъ противники—испанцы, какъ одного изъ нихъ сразила пуля; другой-же успѣлъ побѣдить своего врага, но вслѣдъ затѣмъ тоже погибъ.

Напрасно пытались гасконскіе лучники выдвинуться на флангъ ландскнехтовъ и оттуда осыпать стрѣлами расположеніе испанцевъ; послѣдніе дрогнули, было, но запасъ стрѣлъ былъ скоро израсходованъ лучниками, и они должны были отступить за линію повозокъ. Узкій проходъ въ лагерь былъ занятъ испанскими пикинерами, и не было возможности пробится черезъ лѣсъ пикъ; тогда одинъ изъ капитановъ ландскнехтовъ—Фабіанъ, взявъ свою пику поперекъ, обѣими руками, и поднявъ ее надъ пиками испанцевъ, быстро опустилъ ихъ книзу и, хотя самъ былъ тотчасъ-же убитъ, по въ образовавшійся узкій перерывъ между пиками, по тѣлу его, быстро ворвались въ лагерь ландскнехты и гасконцы и схватились въ рукопашную со своими противниками. Въ то-же время, на мѣсто боя пѣхоты прибываетъ поддержка со стороны латниковъ, подъ начальствомъ того-же наблюдательнаго Ивъ д'Аллегръ; испанцы дрогнули; но вотъ, почти на глазахъ этого героя, падаетъ его сынъ, и, въ безумномъ горѣ, отецъ съ яростью кидается въ самую сѣчу и, окруженный испанцами, погибаетъ въ ней.

Смерть Ивъ д'Аллегръ вновь поколебала гасконцевъ, и они опять отхлынули назадъ, а оправившіеся корсалети кинулись на нихъ и на державшихся еще ландскнехтовъ, готовясь сломить ихъ упорство.

Но въ это время прибываетъ къ мѣсту боя пѣхоты Гастонъ де-Фуа, который преслѣдовалъ бѣжавшую съ поля сраженія конницу Колонны и теперь немедлено бросился, со своими латниками, на испанскую пѣхоту. Этимъ послѣднимъ ударамъ французской конницы не устояли испанцы; все бѣжало въ безпорядкѣ, а самъ Наварро, бросившись въ рукопашную схватку, повидимому, искалъ смерти, но, вмѣсто того, былъ взятъ въ плѣнъ. Изъ всѣхъ оставшихся войскъ Кардоны, только 2000 испанцевъ, сравнительно въ порядкѣ, начали отступленіе.

Гастонъ, снявъ шлемъ, готовился отдохнуть, но, въ это время, ему докладываютъ о сохраненіи еще порядка отступавшими испанцами; желая разсѣять послѣдній отрядъ противника, сохранившій еще нѣкоторую сплоченность, Гастонъ, всего съ 30 рыцарями, бросается для ихъ преслѣдованія. Испанцы въ это время втягивались въ узкое дефиле, между Ронко и плотиной, но именно это обстоятельство не позволило рыцарямъ развернуться для атаки, а поставленные въ безвыходное положеніе испанцы, съ энергіей отчаянія, обра-

тились против отдѣльно налетавшихъ на нихъ рыцарей и, окружая ихъ, стремились, по обыкновенію, поразить сперва лошадь, а за тѣмъ и самого всадника. Гастонъ, одинъ изъ первыхъ наскочившій на испанцевъ, не смотря на убѣжденія Лотрека подождать прибытія остальныхъ силъ, долженъ былъ спѣшиться и тотчасъ былъ окруженъ противниками. «S'il faut périr, faisons nous regretter», говоритъ онъ своему спутнику, Лотреку, напрасно удерживавшему его отъ вѣрной погибели, и, порубивъ нѣсколькихъ испанцевъ, онъ былъ сраженъ аллебардой, не смотря на крики Лотрека, что предъ ними братъ ихъ королевы. 14 ранъ покрыли героя, ни на минуту не поколебавшагося идти на вѣрную погибель и предпочитавшаго умереть, чѣмъ хоть на одинъ шагъ отступить *).

Когда испанцы продолжали свое отступленіе, то на встрѣчу имъ появился Баярдъ, съ 50 латниками, возвращавшимися послѣ преслѣдованія непріятельской конницы. Онъ только что хотѣлъ атаковать корсалети, когда одинъ изъ испанскихъ капитановъ вышелъ къ нему впередъ и сказалъ: «Господинъ, васъ здѣсь не много; наши вожди всѣ пали, и мы едва избѣжали общей участи; дайте намъ свободно отступить». Не зная о только что совершившемся, Баярдъ приказалъ передать себѣ оставшіяся знамена испанцевъ, которые затѣмъ раскрыли ряды и пропустили французскихъ рыцарей.

Сраженіе продолжалось 8 часовъ (отъ 8 час. утра до 4 часовъ пополудни), и отличалось крупными жертвами съ обѣихъ сторонъ; 10.000 убитыхъ и раненыхъ покрывали поле сраженія, изъ которыхъ около $^1/_3$ приходилось на долю побѣдителей и $^2/_3$—на долю побѣжденныхъ **).

Всеобщая радость и торжество смѣнились печалью, когда войска узнали о смерти любимаго вождя. По свидѣтельству

*) По разсказу Флёранжа, когда, во время переправы, Гастонъ де-Фуа спросилъ одного рыцаря Шимэ, слывшаго прорицателемъ, что можетъ онъ предсказать по поводу предстоявшаго сраженія, тотъ, указывая на багровое восходившее солнце, освѣщавшее лицо герцога, отвѣтилъ: «Вы побѣдите, но вы въ опасности быть убитымъ, если Богъ не смилуется надъ вами». Когда побѣда была одержана, и испанцы бѣжали, Гастонъ увидалъ того-же рыцаря и сказалъ ему насмѣшливо: «Ну что, болтунъ? Развѣ я убитъ? — «День еще не кончился», угрюмо отвѣтилъ Шимэ. Въ это время, явился лучникъ съ донесеніемъ, что испанцы еще держатся.

**) По другимъ источникамъ, общее число выбывшихъ изъ строя, гораздо больше, именно до 23.000 чел. (Hardy, т. II, стр. 257). Вѣроятно, сюда включены и дезертиры, число которыхъ, послѣ сраженій, было тогда громаднымъ. Во всякомъ случаѣ, изъ испанской арміи спаслось всего 500 копій и 7000 чел.

Баярда *), унылые и угнетенное состояніе войскъ были таковы, какъ будто они потерпѣли пораженіе.

Конечно, болѣе всего чувствовалъ значеніе этой потери Людовикъ XII, который, при извѣстіи о Равеннской побѣдѣ, сказалъ: «пожелаемъ такихъ побѣдъ нашему противнику». И дѣйствительно, счастье отвернулось отъ французской арміи, когда не стало юнаго героя. Ландскнехты оставили ея ряды, съ сѣвера надвигались швейцарцы, и положеніе французовъ въ Италіи скоро сдѣлалось настолько тажелымъ, что они не смогли даже защитить гробницы Гастона де-Фуа, сооруженной въ миланскомъ соборѣ: она была раззорена и поругана швейцарцами, не пощадившими даже тѣла покойнаго ихъ противника.

Разборъ. Мы подробнѣе остановились на разсмотрѣніи сраженія при Равеннѣ, потому что оно заслуживаетъ особаго вниманія изслѣдователя, представляя, въ боевой дѣятельности армій новыхъ европейскихъ государствъ, одинъ изъ первыхъ примѣровъ проявленія цѣлесообразной тактики различныхъ родовъ оружія.

Если уже въ бою, при Аньяделло, мы видѣли новую форму тактики пѣхоты, то Равеннское сраженіе даетъ намъ первый образецъ маневрированія на полѣ сраженія *артиллеріи*, которая сосредоточивается въ сильныя батареи и дѣятельно, втеченіе цѣлыхъ часовъ, ведетъ подготовку боя. Для достиженія еще бо́льшихъ результатовъ, часть ея снимается съ позицій и смѣло выносится на флангъ боевого порядка, откуда ей представляется выгода бо́льшей дѣйствительности, при продольномъ обстрѣливаніи позиціи противника и при возможности продолжить подготовку уже тогда, когда пѣхотныя массы двинуты въ атаку, такъ какъ онѣ не заслоняютъ ея фронта. Группировка и дѣятельность испанской артиллеріи тоже заслуживаетъ вниманія; мы видимъ своеобразныя боевыя повозки, вооруженныя тяжелыми аркебузами, представлявшими средній типъ между ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и собственно артиллерійскими орудіями; интересно, что въ вагенбургѣ были снабженныя косами и серпами повозки, которыя не только служили преградой для атакующаго, т. е., усиливали оборону, но употреблялись иногда и при атакѣ; Баярдъ говоритъ, что онѣ предназначались для вкатыванія ихъ въ середину пѣхотныхъ массъ противника **), при чемъ пару-

*) Выдержка изъ письма его, своему дядѣ, Лорэну Аллеману, приведена у Brandt'a, (т. III, стр. 216).

**) «pour faire rouler dans les gens de pied françois qui se seroient avancés». (Тамъ же, стр. 219).

шалась ихъ сомкнутость и порядокъ, образованіемъ разрыва въ колоннѣ, куда устремлялись атакующіе. Расположеніемъ боевыхъ повозокъ впереди тяжелыхъ аркебузъ достигалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрытіе прислуги этихъ послѣднихъ.

Кавалерія, повидимому, сражается въ прежнемъ рыцарскомъ строю «частоколомъ» (en haie), и ордонансовыя роты въ 100 копій являются, какъ видно изъ приложеннаго распредѣленія арміи Гастона де-Фуа, уже скорѣе въ видѣ исключенія; только главные военачальники (владѣтельные князья) командуютъ такими ротами, большинство-же ротъ—въ 50 копій; попадаются роты въ 30 и даже въ 20 копій. Однако, въ боевомъ порядкѣ конницы, тоже замѣтно новое вліяніе, выразившееся въ отдѣленіи отъ копій легкой кавалеріи, которая уже не сражается за своими рыцарями, а выдѣляется въ отдѣльныя массы и ведетъ самостоятельно бой на флангахъ (Пескара и Гонзаго). Дальнѣйшимъ фазисомъ въ развитіи конницы будетъ уже созданіе спеціальнаго типа легкой конницы, какъ скоро получится доказательство возможности достиженія ею успѣха въ бою, независимо отъ тяжелой рыцарской конницы.

Замѣчательный примѣръ разумнаго и сознательнаго *почина* видимъ мы въ дѣйствіяхъ рыцарской конницы Ивъ д'Аллегръ: оставленный у моста съ спеціальнымъ назначеніемъ,—охранять переправу и отразить возможную вылазку Равеннскаго гарнизона противъ тыла французской арміи, онъ тѣмъ не менѣе, въ рѣшительную минуту, бросаетъ охрану мостовъ съ тѣмъ, чтобы поддержать бой латниковъ, и успѣваетъ дать ему, благопріятный оборотъ *).

Напрасно нѣмецкіе авторы претендуютъ на то, что ихъ войска чуть-ли не впервые открыли міру значеніе «принциповъ самостоятельности и иниціативы», въ кампаніяхъ 1866 и 1870 годовъ; приведенныя дѣйствія Ивъ д'Аллегръ указываютъ, что, за 350 слишкомъ лѣтъ до побѣдъ подъ Кёниггрецомъ, Вёртомъ и Шпихерномъ, духъ «частной иниціативы» былъ далеко не чуждъ войсковымъ начальникамъ, не только не достигшимъ званія великихъ и выдающихся полководцевъ, но бывшимъ, повидимому, самыми заурядными начальниками ордонансовой конницы арміи Гастона.

*) Поневолѣ напрашивается здѣсь сравненіе дѣйствій Ивъ д'Аллегръ съ разумной дѣятельностью полковника Шеннинга, въ день сраженія подъ Марсъ-ля-Туромъ, 14 августа 1870 г., который имѣлъ тоже назначеніе прикрывать мосты черезъ Мозель, у Арри, для войскъ IX корпуса, находившагося еще на правомъ берегу Мозеля, и, не смотря на это, двинулся на выстрѣлы къ полю сраженія, для участія въ бою.

Нѣмецкіе историки, хотя и упоминаютъ вскользь объ этомъ фактѣ *), но воздерживаются отъ всякихъ комментаріи къ нему, и въ разборѣ сраженія совсѣмъ не касаются его и, конечно, никакого проявленія «инициативы» въ немъ не видятъ; а между тѣмъ, ея очевидная наличность можетъ повести къ очень цѣнному выводу, что въ арміи разумно предводимой, съ начальникомъ, который стремится возможно полнѣе раскрыть обстановку, цѣль и способъ веденія боя (военный совѣтъ, развѣдка и первая написанная диспозиція), въ арміи, начальники которой исполнены довѣрія и преданности къ своему вождю, (на что, указываетъ, между прочимъ, упадокъ духа по смерти Гастона), въ такой арміи, гдѣ, словомъ, *бьетъ ключомъ здоровая, живительная струя разумной дѣятельности энергичнаго полководца, тамъ* **сама собой** *зарождается и самостоятельность частныхъ начальниковъ*, тамъ, не страшась отвѣтственности, рѣшаются они проявлять свой собственный почипъ, цѣлесообразно направляя свою личную дѣятельность къ достиженію общей поставленной цѣли. И это независимо ни отъ времени, ни отъ народовъ, ни отъ вооруженія...

Бой *пѣхоты* представляетъ также интересныя подробности; тактическіе порядки еще тѣ-же: массивные прямоугольники съ выдвинутыми впередъ застрѣльщиками, «пропащими ребятами» («enfants perdus», «verlorene Knechte»). По прежнему, непосредственно передъ столкновеніемъ, впереди фронта обѣихъ непріятельскихъ массъ, являются вызовы на единоборство **), но уже знаменіе времени выразилось въ томъ, что вышедшій на поединокъ былъ тутъ-же сраженъ непріятельской пулей.

Дальнѣйшее развитіе огнестрѣльнаго оружія скоро совсѣмъ вывело изъ употребленія этотъ обычай. Совсѣмъ уже новымъ способомъ дѣйствій является ружейный залпъ, которымъ встрѣчены ландскнехты и гасконцы, при атакѣ ими укрѣпленныхъ линій Педро Наварро.

Что касается общаго веденія войскъ въ бою, то оно еще носитъ отпечатокъ рыцарскаго романтизма; обѣ стороны испол-

---

*) Объ атакѣ латниками Ивъ д'Аллегръ *испанской пѣхоты* Іенсъ, напр., не говоритъ ни слова, хотя она приведена у Брандта, Гюичардини и друг.

**) Обычай этотъ былъ перенятъ пѣхотинцами отъ рыцарей, у которыхъ, при всеобщемъ поклоненіи личнымъ доблестямъ, мужеству отвагѣ и умѣнію владѣть оружіемъ, онъ былъ въ большомъ ходу, какъ въ военное, такъ и въ мирное время (турниры). Съ улучшеніемъ состава пѣхоты, естественно явилось стремленіе ея начальниковъ доказать, что и они обладаютъ такими-же качествами и не заслуживаютъ клички «обозной сволочи», какъ ихъ звали рыцари...

нены благородства средне-вѣковыхъ рыцарей: онѣ вѣжливо предупреждаютъ другъ друга о предстоящемъ боѣ; онѣ не считаютъ удобнымъ начинать атаку, когда противникъ еще только выстраиваетъ свои войска для боя, или совершаетъ переправу на глазахъ обороняющагося; по современному взгляду, казалось-бы преступленіемъ, еслибъ, въ виду укрѣпленной позиціи, подобной позиціи Кардоны, непріятельскія войска совершали-бы переправу (черезъ Фіуми Унпти), и обороняющійся не воспользовался-бы этими удобными, для обороны, условіями, и не попытался-бы помѣшать переправѣ, или, по крайней мѣрѣ, разстроить войска противника, по мѣрѣ дебушированія и развертыванія ихъ, по прохожденіи моста. Точно также и французы, повидимому, не пользуются удобной минутой, для атаки противника, въ то время, когда конница Фабриція Колонны дебушируетъ, чрезъ проходъ въ линіяхъ испанцевъ, и развертывается восточнѣе его. Но, по старымъ рыцарскимъ понятіямъ, недостойно было атаковать врага, когда онъ еще не изготовился къ бою; французскіе латники ждутъ, пока онъ развернется, чтобы встрѣтить атаку, грудь съ грудью, и потому упускаютъ удобный для атаки моментъ.

Подобнаго рода компромиссы рыцарскаго благородства, которые сковывали дѣятельность полководца, ставя ему извѣстныя рамки, за которыя онъ не имѣлъ права выходить, уже близки къ паденію; подъ Равенной, они проявляются еще въ достаточной силѣ; потомъ вліяніе ихъ на веденіе боя все болѣе и болѣе сглаживается; по мѣрѣ того, какъ падали остатки рыцарства, исчезали и его традиціи, и *военное искусство получаетъ печать болѣе суроваго, строгаго реализма*, при которомъ уже нѣтъ мѣста идеально-романтическимъ рыцарскимъ порывамъ.

Въ силу тѣхъ-же предразсудковъ, дѣятельность полководца, въ теченіи самаго боя, скована: онъ не имѣлъ права оставаться назади, при резервѣ, и оттуда руководить боемъ: его сочли-бы тогда трусомъ, недостойнымъ имени храбраго рыцаря; мѣсто его было впереди, чтобы, съ копьемъ въ рукѣ, показать примѣръ личной отваги и искусства въ владѣніи оружіемъ; и потому мы не вправѣ упрекнуть Гастона де-Фуа въ томъ, что онъ выпустилъ изъ рукъ управленіе боемъ и увлекся личными подвигами; онъ платилъ только дань времени, и, еслибъ онъ поступилъ иначе, то составлявшіе основу его арміи латники-дворяне никогда не простили-бы ему пренебреженія основными рыцарскими тради-

ціями, въ жертву которымъ и была принесена молодая жизнь героя...

Остается сказать нѣсколько словъ относительно *позиціи* Кардоны; по современнымъ понятіямъ, она кажется занятой нецѣлесообразно, и Іенсъ называетъ ее прямо ошибочной *); р. Ронко не только охраняла лѣвый флангъ позиціи, но, протекая и въ тылу ея, неминуемо должна была крайне затруднить отступленіе, тѣмъ болѣе, что на этой рѣкѣ, повидимому, былъ построенъ только одинъ мостъ.

Но и тутъ постараемся отрѣшиться отъ современныхъ взглядовъ и перенестись въ ту отдаленную эпоху. Тогда насъ должно прямо поразить всеобщее явленіе, что обороняющійся именно стремился занять позиціи, тылъ которыхъ прикрывался-бы рѣкой; мы будемъ имѣть еще неоднократно случай указывать именно такого рода расположенія и въ XVI, и въ XVII вѣкахъ, при чемъ особыхъ невыгодъ полководцы въ этомъ не видѣли, а скорѣе—напротивъ; обращая вниманіе на группировку войскъ Кардоны, мы не можемъ не замѣтить даже прямого стремленія *приблизить тылъ* своихъ войскъ къ рѣкѣ, придавая имъ уступное расположеніе, съ общимъ направленіемъ, параллельнымъ теченію рѣки Ронко; испанскій полководецъ, видимо, стремился уменьшить свободное пространство между тыломъ своихъ войскъ и рѣкой, такъ какъ ничто вѣдь ему не мѣшало направить фронтъ боевого порядка, отъ сліянія рѣкъ Монтоне и Ронко, прямо на югъ. Но онъ отказывается отъ этого, уклоняя назадъ, къ рѣкѣ, свой правый флангъ, считая, повидимому, что рѣка надежнѣе охранитъ его тылъ, если она будетъ ближе къ его войскамъ. Итакъ, *преграда въ тылу позиціи считалась, по тогдашнимъ взглядамъ, скорѣе желательной*, и въ этомъ нельзя не видѣть *вліянія состава тогдашнихъ наемныхъ армій*; преграда въ тылу нужна была, не только съ цѣлью предупредить атаку противника съ тыла (въ данномъ случаѣ, Кардона этого и не могъ опасаться), но она казалась желательной, *чтобы предупредить бѣгство войскъ, при первомъ появленіи противника, или при первой неудачѣ*; это было своего рода сожженіемъ кораблей, принужденіемъ войскъ вести бой возможно упорнѣе, лишая ихъ удобствъ отступленія, чтобы они не слишкомъ быстро воспользовались этими удобствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, затруднялось преградой и

*) Handbuch, стр. 1088.

дезертированіе войскъ, которое, при тогдашнихъ наемныхъ арміяхъ, было самымъ заурядным явленіемъ и практиковалось часто цѣлыми массами, особенно съ приближеніемъ грознаго противника. При склонности къ пассивной оборонѣ, Педро Наварро постарался образовать изъ своей позиціи *родъ крѣпости*, а для этого необходима была, прежде всего, *ограда и въ тылу*, и вотъ онъ пользуется для этого рѣкой Ронко, уклоняя уступами назадъ, вопреки обыкновенію, не лѣвый, а правый флангъ, съ цѣлью приблизить все расположеніе къ рѣкѣ.

Такого рода расположенія, въ ту отдаленную эпоху, не имѣли неудобствъ, связанныхъ нынѣ съ критическимъ положеніемъ отступающаго, при его преслѣдованіи, по расположенному въ тылу тѣсному дефиле, потому что преслѣдованія-то, въ большинствѣ случаевъ, или совсѣмъ не было, или оно велось на самыя короткія дистанціи; въ силу уже упомянутыхъ рыцарскихъ традицій, не считалось нужнымъ добивать противника, разъ онъ самъ признавалъ себя побѣжденнымъ и покидалъ поле брани; для рыцаря этого было достаточно,—онъ не унижался до того, чтобы «бить лежачаго»: и вотъ почему преслѣдованіе считалось даже, до извѣстной степени, недостойнымъ: надо было только принудить противника къ полному отступленію, а затѣмъ трубить «викторію» *). Преслѣдованіе имѣло и практическія невыгоды, такъ какъ часто вело къ тому, что войска побѣдителя, попросту, разбѣгались грабить обозы, а иногда, съ награбленной добычей, дезертировали, и потому побѣдитель, допустившій преслѣдованіе, нерѣдко самъ оставался безъ войскъ. Если побѣда не была вполнѣ рѣшительной (а такія побѣды были рѣдки), то побѣжденный часто предлагалъ дезертирамъ побѣдителя очень выгодныя условія, лишь-бы скорѣе пополнить понесенныя въ сраженіи потери и вновь противопоставить побѣдителю хоть какую-нибудь вооруженную силу; вотъ почему побѣдителю надо было, по возможности, избѣгать, внѣ поля сраженія, всякаго соприкосновенія его войскъ съ противной стороной, а потому своевременно прекращать всякаго рода преслѣдованія. Мы не встрѣчаемъ указаній историковъ на то, что отступавшія подъ Равенной

*) При этомъ, въ силу обычая, побѣдитель долженъ былъ даже оставаться три дня на полѣ сраженія, и трубившіе «викторію» герольды его разъѣзжали во всѣ стороны, громко призывая всѣхъ, кто сомнѣвается въ побѣдѣ ихъ властелина, прибыть на поле брани и сразиться съ нимъ...

войска Кардоны и Наварро потерпѣли особый уронъ при переправѣ черезъ Ронко, на мосту; преслѣдованіе, повидимому, *велось именно до этого моста*, такъ какъ послѣдній бой Баярда и отступавшаго отряда испанцевъ происходилъ между рѣкой и плотиной, сопровождавшей берегъ р. Ронко; самая встрѣча съ означеннымъ отрядомъ Баярда, этого образцоваго «рыцаря безъ страха и упрека», рельефно характеризуетъ взгляды современниковъ на преслѣдованіе разбитаго противника и вообще на отношеніе къ нему.

Ля-Ріотта и Теруанъ. (1513). Желаніе Людовика XII, во что-бы то ни стало, сохранить за собой миланское герцогство вызвало, въ 1513 году, отправленіе въ Италію новой французской арміи (17 — 18.000 чел.), подъ начальствомъ Ля-Тримуйль и Тривульція, вслѣдъ за которой было выслано, въ поддержку, еще 5.000 ландскнехтовъ, подъ начальствомъ Таванна *). Максимильянъ Сфорца, герцогъ миланскій, заперся въ Наваррѣ, которую осадили французы. Прибытіе, на выручку осажденнымъ, 1.000 швейцарцевъ принудило французовъ снять осаду и отступить къ Ля-Ріоттѣ, гдѣ Тримуйль былъ разбитъ 11 тысячами швейцарцевъ **), воспользовавшимися рощей, примыкавшей къ лагерю ландскнехтовъ и неожиданно напавшими, на разсвѣтѣ, на французовъ, при чемъ ордоннансовая конница оставалась довольно пассивной зрительницей пораженія своей-же пѣхоты и ландскнехтовъ. Въ томъ-же году, французамъ пришлось защищать собственные предѣлы отъ войскъ коалиціи (императора Максимильяна I, короля англійскаго,—Генриха VIII, и короля испанскаго), при чемъ союзники нанесли французамъ пораженіе при Теруанѣ (Гинегаттѣ), въ которомъ французская конница предалась позорному бѣгству, почему современниками (du Bellay) это сраженіе названо „la bataille des éperons",—битва шпоръ, такъ какъ шпоры, при бѣгствѣ, играли въ немъ гораздо бóльшую роль, чѣмъ копія.

Францискъ I. (1515—1547). Въ 1515 году, скончался Людовикъ XII, и на престолъ Франціи вступилъ Францискъ I. Тотчасъ послѣ коронованія, онъ рѣшилъ вновь занять миланское герцогство и началъ

*) *Hardy*, («Origines de la tactique», т. II, стр. 242) приводитъ слѣдующій составъ арміи Ля-Тримуйль: 1.200 копій латниковъ, 800 легкихъ всадниковъ, 6.000 ландскнехтовъ и столько-же французской пѣхоты, при болѣе чѣмъ 100 орудій.

**) По Маккіавелли, швейцарцевъ было всего 10.000 («Dei discorsi», перев. Циглера «Vom Staate», стр. 213), а у французовъ 10.000 ордоннансовой конницы и столько-же пѣхоты.

готовиться къ походу, при чемъ, для выигрыша времени и введенія въ заблужденіе противниковъ относительно своихъ намѣреній, онъ вступилъ съ ними въ мирные переговоры.

Такъ какъ армія, съ которой вновь было предпринято завоеваніе Ломбардіи, комплектовалась на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и при Людовикѣ XII, и крупныя реформы, въ ея организаціи, начались только со времени пораженія подъ Павіей (1525 г.), закончившагося плѣномъ самого Франциска, то мы сдѣлаемъ сперва краткій очеркъ наиболѣе важныхъ военныхъ дѣйствій первой половины его царствованія, до сраженія подъ Павіей включительно, а затѣмъ уже перейдемъ къ разсмотрѣнію предпринятыхъ Францискомъ I реформъ.

Увеличивъ число ордонпансовой конницы до 2.500 полныхъ копій (по 5 чел. въ копьѣ), выдѣливъ легкую конницу (до 1.600 чел.), подъ начальствомъ Лотрека, и доведя общую численность пѣхоты до 40.000 человѣкъ (22.000 ландскнехтовъ, 10.000 басковъ и 8.000 французовъ - авантюрьеровъ; кромѣ того, было 3.000 піонеровъ) *), Францискъ сосредоточилъ эту армію на Ронѣ, въ окрестностяхъ Ліона. Перешедшій на службу французскаго короля Педро Наварро, котораго Фердинандъ Католикъ не пожелалъ выкупить изъ плѣна, послѣ Равеннскаго пораженія, привелъ изъ Наварры, Бискайи и Гаскони около 10.000 чел. пѣхоты; по его предложенію, были введены въ употребленіе небольшія орудія, около 2-хъ футъ длины, стрѣлявшія картечью изъ 50 пуль, и легко перевозившіяся на вьюкахъ (нѣчто вродѣ горной артиллеріи). Кромѣ того, Гальо де-Женульякъ сосредоточилъ, въ Ліонѣ, до 72 тяжелыхъ орудій **).

Получивъ свѣдѣнія о сосредоточеніи французской арміи, Максимиліанъ I, Фердинандъ Католикъ, папа и герцогъ миланскій заключили союзъ съ швейцарцами и рѣшили, было, вторгнуться, съ двухъ сторонъ, въ предѣлы Франціи; но когда Венеція, Генуя и Савойя примкнули, въ свою очередь, къ союзу съ Франціей, то противникамъ ея пришлось отказаться отъ наступательныхъ плановъ, и тогда былъ составленъ планъ обороны Ломбардіи, для чего избраны были

*) *Guicciardini* (т. II, стр. 400); *Quarré de Verneuil* («L'armée en France», стр. 84—85). Изъ 22.000 ландскнехтовъ, 2.000—имѣли ружья, 200 вооружены одними мечами, остальные—пикинеры; отборную дружину ландскнехтовъ образовала «черная дружина» Таванна, въ 6.000 чел.

**) Маккіавелли («Dei discorsi», стр. 213) указываетъ, что число подвижныхъ орудій достигало 100.

узловые пункты, восточнѣе хребта Альпъ, между Монъ-Сенисомъ и горой Визо (схема № 11, табл. III), съ цѣлью, допустивши переходъ французовъ черезъ горы, воспользоваться затѣмъ удобной минутой, для энергичнаго перехода въ наступленіе, и прижать ихъ къ крутымъ восточнымъ спускамъ Альпъ.

Для непосредственнаго наблюденія за дѣйствіями противника, былъ высланъ швейцарскій отрядъ, въ 2.500 чел. пѣхоты, въ Сузу. Поддержкой ему должны были служить два отряда: 1) въ Риволи и Авильянѣ—8.200 чел. и 2) въ Пиньеролѣ—6.000: послѣдній наблюдалъ долину Перозы, и за нимъ находились еще швейцарскіе отряды въ Вигоне, Брихераско и Салуццо *). Весь вспомогательный отрядъ швейцарцевъ былъ численностью, около 20.000 чел. Испанскія войска Кардоны и часть имперскихъ войскъ сосредоточивались къ Веронѣ, для дѣйствій противъ венеціанцевъ, а папскія войска, съ Лаврентіемъ Медичи во главѣ, расположились у Пьяченцы.

Группировка швейцарскихъ отрядовъ, у подножья восточныхъ склоновъ Альпъ, имѣла въ виду оборону проходовъ, которыми до тѣхъ поръ французы, дѣйствительно, чаще всего пользовались, а именно: 1) *Сузскаго*, выводящаго, черезъ Риволи, въ долину р. По, по самому кратчайшему пути, и 2) *Сезанскаго*, ведущаго отъ Бріансона, черезъ гору Женевръ, къ долинѣ Перозы, или, черезъ долину Хуль, присоединяющагося къ первому пути. Признавая возможнымъ движеніе французовъ, вдоль берега моря, и затѣмъ, изъ Ривьеры, въ долину По, швейцарцы считали, что отъ такого движенія ихъ достаточно обезпечивалъ отрядъ, расположенный въ Салуццо.

Юный король-полководецъ, напоминавшій войскамъ, по обходительности обращенія и смѣлому рыцарскому характеру, погибшаго при Равеннѣ побѣдителя, узнавъ, по прибытіи съ арміей въ Гренобль, о прочномъ занятіи швейцарцами выходовъ всѣхъ наиболѣе удобныхъ путей черезъ Альпы, въ долину Ломбардіи, предполагалъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, — овладѣть долиной р. По, предварительно сѣвъ на суда, высадившись у Савонны и слѣдуя на Коль де-Тенде и г. Монферратъ; планъ этотъ однако было очень трудно привести въ исполненіе, вслѣдствіе крайняго недостатка продовольствія въ томъ раіонѣ, въ которомъ пришлось-бы дѣйствовать.

---

*) *Brandt*, т. III, стр. 243—244.
**) *Голицынъ*, т. III, стр. 151.

Тогда старый, испытанный Тривульцій предложилъ провести армію, по извѣстнымъ ему тропинкамъ, черезъ Аржантьерскій хребетъ, съ береговъ Дюрансъ, въ долину Стуры, и далѣе на Кони,—путь, на который швейцарцы, повидимому, не обратили должнаго вниманія.

Изслѣдовавъ этотъ планъ и подвергнувъ его на обсужденіе своихъ помощниковъ, Францискъ остановился на немъ и тотчасъ принялъ мѣры къ его выполненію. Нѣсколько отрядовъ изъ пѣхоты и кавалеріи были выдвинуты, съ демонстративной цѣлью, къ путямъ на Монъ-Сенисъ и гору Женевръ; за ними-же двинута и часть тяжелыхъ орудій; 800 копій, съ Ля-Палисомъ и Баярдомъ во главѣ, направлены на Салуццо, мимо горы Визо. 400 копій и 4.000 пѣхотинцевъ Эмара де-При высланы по Ривьерѣ, вдоль морскаго берега, съ цѣлью проникнуть затѣмъ къ верховьямъ р. По и овладѣть Александріей.

Король, съ главными силами, впереди которыхъ шли: коннетабль Франціи—Бурбонъ, Тривульцій и Наварро, съ авангардомъ изъ 13.000 ландскнехтовъ, выступилъ, 8-го августа, 1515 г., изъ Эмбрэна, вдоль по теченію р. Дюрансъ, на Монъ Дофэнъ, т. е., направляясь на сѣверъ—къ Монъ-Сенису; въ тылу его двигался арьергардъ, подъ начальствомъ герцога Алансонскаго *). На слѣдующій день, послѣдовалъ крутой поворотъ къ югу и форсированный маршъ къ Барселонеттѣ, а на третій день марша, уже былъ перейденъ, съ невѣроятными усиліями, хребетъ Аржантьеръ, при чемъ шедшій во главѣ отрядъ Таллара организовалъ путь для колонны, взрывая скалы порохомъ, наводя мосты черезъ пропасти и пробивая ломомъ и киркой дорогу, на отвѣсѣ крутыхъ скалъ.

Уже на 5-й день марша, авангардъ французской арміи спустился въ долину р. По и подошелъ къ г. Кони; такимъ образомъ, французы совершенно неожиданно появились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ линіи, занятой швейцарцами. Въ то-же время, Баярду и Ля-Палисъ удалось, благополучно переправившись черезъ Альпы, 15 августа, атаковать врасплохъ, у Виллафранки, и захватить почти цѣликомъ въ плѣнъ конный отрядъ Проспера Колонны, вслѣдствіе чего швейцарцы лишились почти всей своей конницы.

Швейцарцы должны были отступить, для сосредоточенія своихъ силъ, и, одно время, почти на-отрѣзъ отказывались

*) *Hardy*; («Origines de la tactique»), т. II, стр. 263—264.

продолжать борьбу: только благодаря усиліямъ кардинала сіонскаго *), Шиннера, бывшаго душой всего похода, удалось ихъ убѣдить не покидать армію и отступить на Верчелли, съ цѣлью дать здѣсь бой вторгнувшемуся противнику.

Между тѣмъ, Францискъ I продолжалъ наступленіе на Туринъ и Кивассо и, узнавъ о колебаніяхъ швейцарцевъ, со своей стороны, принялъ, конечно, мѣры, чтобы отдѣлить ихъ отъ союза съ его врагами. Результатомъ этихъ стараній явилось отдѣленіе болѣе благопріятно настроенной, въ отношеніи французовъ, части швейцарцевъ, направившейся отъ Наварры къ Аронѣ, въ предѣлы своей родины; другая часть, принужденная бросить въ Наваррѣ орудія, отнятыя, 2 года тому назадъ у французовъ подъ Ля-Ріоттой, отступила на Галарату.

Между тѣмъ, Эмаръ де-При овладѣлъ, безъ сопротивленія, Александріей, Тортоной и всей долиной р. По, до устья р. Тичино. Венеціанцы—16.000 чел., подъ начальствомъ Альвіано,—выдвинулись, по нижнему теченію р. По, и своимъ смѣлымъ наступленіемъ къ Кремонѣ не позволили испанскимъ войскамъ вицекороля Кардоны, 20.000 чел., подать помощь швейцарцамъ: послѣдній успѣлъ только занять гарнизонами Верону и Брешію и, съ остальными войсками, расположился, въ выжиданіи дальнѣйшихъ событій, на крѣпкой позиціи близъ Піаченцы.

Получивъ извѣстіе о раздорахъ въ средѣ своихъ войскъ, кантоны Швейцаріи рѣшили выставить новый отрядъ, который ввѣренъ былъ бургомистру цюрихскому, Марксу Рейсту, и, въ количествѣ 15.000—20.000 чел., выступилъ въ 3-хъ колоннахъ: 1) черезъ гору Гримзель и Симплонскій проходъ—въ долину Адижа; 2) черезъ С. Готардскій проходъ и 3) черезъ С. Бернаръ,—на присоединеніе къ дѣйствовавшей въ Пьемонтѣ арміи; послѣ многихъ усилій, лишеній и частныхъ стычекъ съ противникомъ, кардиналу Шинперу удалось сосредоточить близъ Монцы, сѣвернѣе Милана, 30-ти тысячную армію и всего 400 чел. конницы, хотя многіе изъ предводителей швейцарцевъ все еще продолжали настаивать на мирныхъ переговорахъ съ Францискомъ, который уже командировалъ Лотрека, съ деньгами, для уплаты ихъ швейцарцамъ, требовавшимъ вознагражденіе еще за ихъ прежнюю службу, при Людовикѣ XII.

Только горячей проповѣдью Цвингли и обѣщаніемъ папы взять на службу союзной арміи 40.000 швейцарцевъ, удалось убѣдить ихъ отказаться отъ мира съ королемъ, и 10 сентября

*) Гор. Сіонъ, по нѣмецки, Зиттенъ, въ Швейцаріи.

швейцарцы выступили къ Милану, гдѣ герц. Максимильянъ Сфорца и кардиналъ Шиннеръ уговорили ихъ внезапно атаковать армію короля.

Сраженіе при Мариньяно *). (13—14 сентября, 1515 г.).

Между тѣмъ, положеніе французовъ упрочилось на нижнемъ Тичино; они овладѣли Наваррой и Павіей и, войдя въ связь съ Альвіано, выдвинулись къ Мариньяно, предполагая, черезъ нѣсколько дней, безъ боя, занять Миланъ.

13 сентября **), послѣ полудня, швейцарцы выступили однако изъ Милана, по направленію къ Мариньяно, гдѣ французы заняли крѣпкую позицію. (Черт. № 12, табл. IV).

Доступъ къ ней преграждался многочисленными канавами и рвами, а впереди центра, путь къ позиціи шелъ по длинной гати, противъ которой была расположена французская батарея, изъ 7—8 орудій. Правый флангъ позиціи былъ прикрытъ рѣкой Ламбро и ея притокомъ Вахабіо, протекавшимъ также и передъ фронтомъ позиціи. Позиція была укрѣплена вдоль фронта валомъ, насыпаннымъ вдоль берега рѣчки Вахабіо, и засѣкой, а по брустверу, согласно показаніямъ швейцарцевъ, былъ укрѣпленъ въ землю рядъ связанныхъ канатомъ щитовъ, прикрывавшихъ стрѣлковъ; въ тылу находилась деревня С. Бригитто, которую Педро Наварро укрѣпилъ для обороны; 74 орудія были размѣщены Гальо де-Женульякомъ вдоль фронта позиціи. Между ними, въ интервалахъ, стали 4.000 «пропащихъ ребятъ» Педро Наварро; по флангамъ позиціи, стали по 5.000 стрѣлковъ,—гасконцевъ и авантюрьеровъ.

Правымъ крыломъ *(авангардомъ)* французовъ командовалъ коннетабль *Бурбонъ*; *главныя силы*, состоявшія изъ двухъ массъ конницы и колонны ландскнехтовъ, въ 9.000 чел., стали во 2-й линіи и были подъ непосредственнымъ начальствомъ *короля*. Въ *арръергардѣ* находились 9.000 ландскнехтовъ

---

*) Источниками послужили: *Guichardin* («Histoires des guerres d'Italie», т. II, стр. 416—419). *Du Bellay Langey* («Mémoires», liv. I, стр. 10—12) *Brandt* «Geschichte des Kriegswesens»; т. III, стр. 257—267). *Марковъ* («Исторія конницы». ч. 3-я, отд. 1-ое, стр. 30). *Hardy* («Origines de la tactique française», т. II, стр. 266—283). *Liskenne et Sauvan* («Bibliothèque historique et militaire», т. IV, стр. 314—310). Іенсъ объ этой побѣдѣ французскаго оружія не упоминаетъ.

**) Голицынъ, а также Марковъ указываютъ, что ср. при Мариньяно происходило 13—14 ноября. Однако по первоисточнику: «*Memoires de Mess. Martin du Bellay*», ясно указанъ первый день сраженія—13 сентября: «Le jeudy treizième de Septembre, jour de saincte Croix»... (liv. I, стр. 10). *Hardy* (т. II, стр. 281) приводитъ также написанное Франциском I письмо своей матери, на другой день послѣ сраженія, и письмо это подписано: «Ecrit au camp de St. Brigitte, le vendredi *quatorzième jour de septembre* 1515», что не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что первый день сраженія при Мариньяно былъ 13 сентября. См. переводъ означеннаго письма въ прилож. II.

(съ «черной дружиной»), подъ начальствомъ *герц. д'Алансона.* Расположеніемъ артиллеріи на позиціи и укрѣпленіемъ послѣдней руководилъ *Педро Наварро.* Общая численность силъ французовъ достигала 40.000 чел., въ томъ числѣ: 2.500 конній латниковъ, 1.800 легкихъ всадниковъ, 18.000 ландскнехтовъ, 6.000 гасконцевъ и 4.000 авантюрьеровъ.

По дорогѣ на Миланъ, былъ высланъ отрядъ легкой конницы, рыцаря Флёранжа, который, послѣ полудня, 13 сентября, произвелъ тревогу въ лагерѣ швейцарцевъ. Не смотря на позднее время, кардиналъ Шиннеръ убѣдилъ швейцарцевъ немедленно выступить съ тѣмъ, чтобы еще до вечера атаковать французовъ: швейцарцы двинулись въ 3-хъ колоннахъ, съ общимъ авангардомъ впереди, изъ 500 чел. легкой пѣхоты, Вернера *Штейна,* которому были приданы 4 полевыхъ серпантины, взятыя изъ миланскихъ арсеналовъ. Общаго руководства надъ швейцарскими войсками не было, и въ каждой колоннѣ былъ независимый отъ другихъ начальникъ, но, повидимому, они наступали, заранѣе сговорившись между собой о предстоящихъ дѣйствіяхъ, а впереди всѣхъ, съ крестомъ въ рукѣ, ѣхалъ кардиналъ *Шиннеръ.*

Подойдя на пушечный выстрѣлъ къ позиціи противника, около 5 часовъ пополудни (за два часа до наступленія темноты, какъ указываетъ Гюичардини), 4 серпантины швейцарскаго авангарда открыли по ней живой огонь, на который дѣятельно стали отвѣчать французскія орудія. Французы не ожидали, повидимому, атаки, и потому наступленіе швейцарцевъ ихъ застало врасплохъ; король самъ садился, какъ разъ, за ужинъ вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Лоди, для совѣщаній, венеціанскимъ полководцемъ, Альвіано, когда началась канонада. Въ то-же время, прибылъ рыцарь Флёранжъ, съ донесеніемъ, что швейцарцы наступаютъ изъ Милана въ трехъ колоннахъ, силой до 24.000 чел., при 8 орудіяхъ.

Альвіано немедленно отправился за своими войсками, въ Лоди, а французы изготовились къ бою. Они быстро построили боевой порядокъ, который былъ уже заранѣе опредѣленъ. Пѣхота первой линіи французовъ была однако вскорѣ сброшена отчаяннымъ наступленіемъ непріятельскихъ «пропащихъ ребятъ» (verlorene Haufen), представлявшихъ авангардъ швейцарцевъ; въ поддержку французскимъ стрѣлкамъ двинулись и ландскнехты, находившіеся при французскихъ орудіяхъ. Контръ-атака эта однако не увѣнчалась успѣхомъ, и

швейцарцы, успѣвшіе подвести въ трехъ массивныхъ колоннахъ (отъ 8 до 10.000 чел. каждая), свои главныя силы, перевели свою артиллерію еще ближе къ непріятельской позиціи. Такимъ образомъ, первымъ натискомъ швейцарцевъ центръ расположенія французовъ былъ прорванъ; на выручку пѣхоты, двинулись въ атаку изготовившіеся, тѣмъ временемъ, ордоннансовые латники второй линіи; однако двѣ послѣдовательныя атаки французской конницы были отбиты съ урономъ, и швейцарцы энергично продолжали наступленіе, которое, по условіямъ мѣстности, велось въ очень глубокихъ колоннахъ, сильно терпѣвшихъ отъ огня французской артиллеріи; прикрывавшіе ее ландскнехты не выдержали атаки и бѣжали, бросивъ 8-ми орудійную батарею, которою тотчасъ завладѣли швейцарцы, немедленно открывшіе изъ нея огонь по французскимъ войскамъ *). Коннетабль Бурбонъ, для спасенія остальныхъ орудій первой линіи, приказалъ уже начать отступленіе, когда, подъ личнымъ начальствомъ короля, вступили въ бой первой линіи главныя силы и арьергардъ герц. д'Алансона; «черныя дружины», поддержанныя огнемъ оставшихся во власти французовъ орудій, съ многочисленной конницей во главѣ, схватились въ рукопашномъ бою съ передовыми швейцарскими войсками. Собравъ отъ 500 до 600 латниковъ, король съ фронта и правѣе его, коннетабль Бурбонъ бросились на переправившихся 5 или 6.000 швейцарцевъ, давъ предварительно по нимъ залпъ изъ сохранившихся орудій, и отбросили противника за бродъ, по которому они переправились **). Наступившая темнота не прекратила всеобщей свалки, которая продолжалась почти до полуночи, при лунномъ освѣщеніи.

Первая линія французовъ была сильно разстроена боемъ.

---

*) Французскіе источники умалчиваютъ объ этой потерѣ орудій; о ней однако имѣются указанія въ архивахъ швейцарской исторіи и географіи Эшера Хоттингера, которыми пользовался Брандтъ (т. III, стр. 242 и 261, выноска). Гюичардини (т. II, стр. 416—417), указываетъ даже, что число взятыхъ швейцарцами орудій достигало 15; потомъ они были брошены во рвахъ, при отступленіи къ Милану. По нѣкоторымъ показаніямъ (выдержка изъ «Loyal serviteur» у Hardy, стр. 272, выноска), ландскнехты задумали перейти въ наступленіе и часть ихъ переправилась черезъ рѣку: швейцарцы допустили переправу 7—8 шеренгъ и затѣмъ яростной атакой сбросили переправившихся обратно въ каналъ; латники (съ Гизомъ, Бурбономъ и Баярдомъ), выручили ландскнехтовъ атакой швейцарцевъ, уже при наступившей темнотѣ («et n'eut été le seigneur de Guise, ils eussent fait grande fâcherie, car il faisait nuit *et la nuit n'a pas de honte*—«ночь не имѣетъ стыда); «il eut quelque peu de désordre»—осторожно пишетъ самъ король объ этомъ эпизодѣ сраженія.

**) Этотъ именно эпизодъ изображенъ на приложенномъ снимкѣ съ барельефа гробницы короля Франциска I, въ С. Дени (табл. IV, фиг. № 14).

12 орудій и 10 знаменъ взято швейцарцами *), и кардиналъ сіонскій разослалъ во всѣ стороны гонцовъ, съ извѣстіями объ одержанной надъ французами побѣдѣ.

На самомъ дѣлѣ, однако, войска швейцарцевъ были не менѣе разстроены; всю ночь раздавались сигналы, которыми обѣ стороны старались собрать разсѣянныхъ, что, повидимому, удалось сдѣлать французамъ болѣе быстро и успѣшно. Францискъ I употребилъ всѣ свои силы и энергію, чтобы привести разстроенныя боемъ войска въ порядокъ, за вторымъ рвомъ, образовавшимъ его новую позицію, и самъ провелъ ночь на пушкѣ, близъ своей раненой лошади и трубача, который непрестанно подавалъ «сборъ» **).

Подъ покровомъ ночи, къ утру, 14 сентября, къ королю сосредоточились до 20.000 чел. (ландскнехты и вся его ордоннансовая конница). Опасавшіеся потерять свою боевую славу швейцарцы, предполагая, что король французскій, на разсвѣтѣ, начнетъ отступленіе, рѣшили на слѣдующій день возобновить атаку непріятельской позиціи, чтобы окончательно овладѣть полемъ сраженія и имѣть дѣйствительное право на «викторію».

Войска бивакировали такъ близко другъ отъ друга, что французы успѣли замѣтить, что у костра, на сторонѣ швейцарцевъ, собралась кучка начальниковъ, обсуждавшихъ дѣйствія слѣдующаго дня: тотчасъ по нимъ открытъ былъ огонь изъ французскихъ орудій, успѣвшій скоро разсѣять этотъ совѣтъ. На разсвѣтѣ, король Францискъ произвелъ со своимъ начальникомъ артиллеріи, Гальо де-Женульякомъ (Gaillot de Genouilhac) развѣдку противника, указалъ на тѣ пути, которыми, вѣроятнѣе всего, онъ воспользуется для атаки, и приказалъ расположить свою артиллерію такъ, чтобы эти пути подвергались перекрестному огню. Затѣмъ онъ съузилъ фронтъ расположенія своихъ войскъ, увеличивъ ихъ глубину, оставивъ тотъ-же порядокъ расположенія, т.-е., съ пѣхотой—въ первой линіи и конницей — во второй.

Едва окончены были эти распоряженія, какъ послышались на сторонѣ швейцарцевъ троекратные сигналы къ атакѣ, и вновь началось ихъ наступленіе. Войска ихъ усилили центръ и оставили болѣе слабыми свои крылья; правый ихъ флангъ долженъ былъ обойти непріятельскую позицію слѣва, а центръ и лѣвое крыло атаковало французовъ съ фронта.

---

*) По швейцарскимъ-же источникамъ.
**) *Martin du Bellay*, liv. I, стр. 11, лѣв.

Авангардъ швейцарцевъ, встрѣченный артиллерійскимъ огнемъ (около дюжины залповъ), не выдержалъ и обратился въ бѣгство, но ихъ главныя силы, не смотря на этотъ огонь и градъ пуль и стрѣлъ, которыми осыпали ихъ противники, не останавливаясь, продолжали наступленіе. Видя безуспѣшность дѣйствія ружейнаго огня, черная дружина и прочіе ландскнехты ринулись въ рукопашный бой; послѣ продолжительной свалки, черная дружина дрогнула и начала отступать, а швейцарцы стали уже подходить къ французскимъ орудіямъ. Но въ эту именно минуту, они были атакованы съ фланга конницей Франциска и, послѣ отчаяныхъ усилій, были, наконецъ, отбиты и обращены въ бѣгство.

Нѣсколько удачнѣе для нихъ были дѣйствія на ихъ лѣвомъ флангѣ, такъ какъ здѣсь они успѣли даже опрокинуть правое крыло французовъ. Въ 9 ч. утра, для контръ-атаки противъ лѣвой обходной колонны швейцарцевъ, воспользовавшихся лощиной, шедшей въ тылъ расположенія французовъ, былъ притянутъ послѣдній резервъ изъ арьергарда герц. д'Алансона, который успѣлъ остановить дальнѣйшее движеніе швейцарцевъ. Въ это время, около 10 часовъ утра, къ французамъ прибыла поддержка, въ видѣ легкой венеціанской конницы, съ Альвіано во главѣ, котораго они привѣтствовали радостными кликами «Санъ-Марко, Санъ-Марко!», такъ какъ знали, что вся венеціанская армія слѣдуетъ за Альвіано; теперь эта поддержка являлась, какъ нельзя болѣе, кстати; дѣйствительно, успѣвъ сдѣлать, въ этотъ день, 32 версты, венеціанцы двигались со стороны Лоди, въ обходъ лѣваго фланга и въ тылъ боеваго порядка швейцарцевъ; поднятыя ими облака пыли отняли у швейцарцевъ послѣднюю надежду на благопріятный исходъ сраженія *). Замѣтивъ колебанія въ рядахъ противника, французы дружно переходятъ въ наступленіе, и начинается ужасная рѣзня, въ которой впервые блекнетъ слава непобѣдимости швейцарцевъ; плѣнныхъ обѣ стороны не берутъ, рубя всѣхъ безпощадно **): 15.000 швейцарцевъ и отъ 4-хъ до 5.000 французовъ были убиты на полѣ сраженія ***):

*) Насколько Альвіано былъ исполненъ рѣшимости поддержать своихъ союзниковъ, видно изъ его отвѣта на дошедшіе до него въ пути слухи о побѣдѣ, одержанной надъ Францискомъ швейцарцами: «Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ, мы внезапно атакуемъ ихъ и вырвемъ у нихъ побѣду!»

**) Нѣмецкіе историки передаютъ о страшныхъ звѣрствахъ, совершенныхъ нѣмецкими-же ландскнехтами: такъ, тѣло одного изъ лучшихъ швейцарскихъ вождей, Адольфа Салиса, было изрублено, сжарено и *съѣдено* ландскнехтами, вмѣстѣ съ кусками его зеленаго знамени, послужившаго салатомъ къ этому ужасному блюду. (*Brandt*, т. III, стр. 267).

***) Потери обѣихъ сторонъ въ этомъ сраженіи, вообще, крайне разнорѣчивы: Гюичардини' говоритъ, что со стороны швейцарцевъ пало, по

остатки швейцарцевъ, отступили, въ относительномъ порядкѣ, къ Милану, усилили до 1.500 чел. гарнизонъ цитадели, а остальные направились къ предѣламъ Швейцаріи, на встрѣчу ожидаемымъ подкрѣпленіямъ. Преслѣдованія не было, ввиду значительныхъ потерь и общаго утомленія боемъ; «nous fimes *semblant* de marcher aux autrse...» пишетъ король Францискъ. Только двѣ роты швейцарцевъ, скрывшіяся, при отступленіи, въ фермѣ, которая была подожжена венеціанцами, погибли въ пламени.

Францискъ I, послѣ одержанной побѣды, занялъ Павію, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ населеніемъ, а 16.000 войскъ его, подъ начальствомъ коннетабля Бурбона, Наварро и Лотрека, были выдвинуты королемъ, для овладѣнія Миланомъ. Слабый духомъ герцогъ Максимильянъ Сфорца, черезъ 20 дней, подписалъ условія сдачи своей столицы, а также Кремоны, и былъ затѣмъ отправленъ во Францію. Испанская армія Кардоны, узнавъ о пораженіи швейцарцевъ, поспѣшно отступила отъ Пьяченцы, къ предѣламъ неаполитанскаго королевства. 16 октября, Францискъ I торжественно вступилъ въ Миланъ.

Разборъ. Походъ Франциска I въ Италію, закончившійся сраженіемъ при Мариньяно, которое французы называютъ сраженіемъ великановъ («bataille de géants»), вслѣдствіе тѣхъ нечеловѣческихъ усилій, которыя были проявлены въ немъ обѣими сторонами, для одержанія побѣды, представляетъ намъ интересный фазисъ въ дальнѣйшемъ развитіи стратегіи и тактики. Образцовый выборъ путей для форсированія горнаго хребта Альпъ арміей Франциска I, искусно веденныя демонстраціи и пренебреженіе мѣстными затрудненіями и лишеніями, если есть возможность, при ихъ преодолѣніи, одержать стратегическую побѣду—обойти флангъ расположенія противника—и дать возможному бою условія, выгодныя для себя, лишивъ обороняющагося всѣхъ его выгодъ, основанныхъ на свойствѣ мѣстности,—все это доказываетъ возрожденіе древнихъ стратегическихъ образцовъ, въ духѣ Аннибала и Юлія Цезаря, и въ исторіи новыхъ народовъ является едва-ли не впервые.

однимъ извѣстіямъ, около 14.000, по другимъ,—всего 8.000, а нѣкоторые увѣряютъ даже, что всего 3.000; французы потеряли отъ 6.000 до 3.000 чел. Согласно письма Франциска I, изъ 28.000 швейцарцевъ спаслось не болѣе 3.000 чел.; свои потери онъ опредѣляетъ около 4.000 чел. и общую убыль обѣихъ сторонъ доводитъ до 30,000 чел. Приведенныя въ текстѣ цифры потерь указаны въ трудѣ: *Liskenne et Sauvan,* «Bibliothèque historique et militaire»; т. IV, стр. 316.

Что касается самого сраженія при Мариньяно, то здѣсь, въ дѣятельности Франциска, обращаетъ на себя вниманіе стремленіе его организовать взаимную поддержку различныхъ родовъ оружія и примѣненіе ихъ соотвѣтственно свойствамъ мѣстности *). Занятая оборонительная позиція усиливается валомъ, рвомъ, засѣками и соотвѣтствующимъ мѣстнымъ условіямъ расположеніемъ артиллеріи, которая не раскидывается, какъ прежде, вдоль всего фронта, а, какъ подъ Равенной, сосредоточивается въ батареи, дающія продольный обстрѣлъ вдоль гати, служившей противнику главнымъ и наиболѣе вѣроятнымъ путемъ наступленія. Артиллерія прикрывается пѣхотой (ландскнехтами), а конница расположена такъ, чтобы имѣть возможность во́-время поддержать пѣхоту, что она и выполняетъ въ критическую минуту.

Расположеніе французской арміи въ двѣ линіи, при чемъ 2-я линія играла роль резерва, цѣлесообразно введеннаго, въ рѣшительную минуту, въ бой, представляетъ также шагъ впередъ въ развитіи тактическаго искусства XVI вѣка. Изъ описанія боя видно, что конница уже не ограничивается фронтальной атакой, какъ въ минувшую эпоху, но старается выиграть фланги противника, сознавая, повидимому, ту выгоду, съ которой сопряжена подобная атака, сравнительно съ атакой въ лобъ; но все это остается еще какъ-бы въ зародышѣ и, можетъ быть, явилось скорѣе, вслѣдствіе стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, чѣмъ плодомъ зрѣлаго обдумыванія.

Въ источникахъ нѣтъ точныхъ указаній, въ какомъ порядкѣ вела бой французская конница; возможно, что она, по прежнему, придерживалась еще рыцарскаго построенія «частоколомъ» (en haie), хотя въ письмѣ своей матери, послѣ сраженія при Мариньяно, Францискъ I пишетъ, что конница атаковала послѣдовательными группами, по 500 латниковъ, т. е., отъ 5 до 10 ордонансовыхъ ротъ **).

---

*) На второй день боя, въ критическую его минуту, Францискъ I спѣшился, лично взялъ въ руки пику и, воскликнувъ: «Кто любитъ меня, пусть слѣдуетъ за мной!», сталъ во главѣ пѣхотнаго батальона, увлекая его своимъ примѣромъ въ атаку. Это было уже крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ привлеченія пѣхоты къ почетному участію въ бою (*Susane*; «Histoire de l'infanterie», стр. 67).

**) «Par cinq cents et par cinq cents, il y fut fait une trentaine de belles charges, et ne dira-t-on plus que les gendarmes sont lièvres armés, car, sans point de faute, ce sont eux qui ont fait l'exécution». (Hardy. т. II, стр. 279). Письмо это доказываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что репутація латниковъ, къ 1515 г., уже пала, потому что король считаетъ долгомъ защитить ихъ отъ клички «вооруженныхъ зайцевъ», которую они получили, главнымъ образомъ, послѣ сраженія при Теруанѣ (Гинегаттѣ) 1513 г.

Со стороны швейцарцевъ, мы видимъ, что искусство веденія ими боя осталось на той-же ступени, какъ и въ XV вѣкѣ; предыдущіе ихъ успѣхи, не побуждая ихъ къ улучшенію своей тактики, явились косвенной причиной того, что они видѣли главную свою силу въ стремительномъ натискѣ, не считаясь съ новыми народившимися условіями веденія боя, вызванными успѣхами въ развитіи артиллеріи и въ искусствѣ занятія позиціи, а также улучшеніемъ состава непріятельской пѣхоты и т. п.

Вотъ почему мы видимъ, что ихъ глубокія колонны, атакующія въ лобъ сильную непріятельскую позицію, терпятъ неудачу; на другой день, они хотя и приняли болѣе разумный способъ дѣйствій, соединивъ фронтальную атаку съ обходомъ фронта, но было уже поздно: мѣра напряженій, потребованныхъ отъ войскъ, была уже перейдена, и появленіе венеціанской конницы, которое вызывало новыя нравственныя и физическія усилія, окончательно сломило ихъ волю и обратило въ бѣгство, подорвавшее ихъ минувшую боевую славу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сраженіе при Мариньяно, бывшее, въ сущности, преимущественно боемъ французской конницы противъ швейцарской пѣхоты, доказываетъ, что хорошо руководимая тяжелая конница того времени могла не опасаться единоборства даже съ такими извѣстными, по своей боевой славѣ, пѣхотными войсками, какими были швейцарцы; такіе успѣхи закованной въ латы конницы, конечно, болѣе всего задерживали дальнѣйшее развитіе въ европейскихъ арміяхъ сильной народной пѣхоты и побуждали *крѣпче держаться прежнихъ организаціонныхъ порядковъ*, съ преобладаніемъ ордонансовыхъ латниковъ.

Какъ и сраженіе при Равеннѣ, «битва гигантовъ» представляетъ дальнѣйшее развитіе указаннаго еще въ бою, при Аньяделло, новаго типа сраженій эпохи возрожденія: здѣсь еще рѣзче выдѣлилась необходимость долгаго и настойчиваго истощенія нравственныхъ и физическихъ силъ противника, прежде чѣмъ одержать надъ нимъ побѣду; бой продолжается уже не 2—3 часа, но почти двое сутокъ и стоитъ страшныхъ потерь; является постепенное введеніе въ бой силъ обѣихъ сторонъ, и та изъ нихъ, которая приводитъ послѣдней свѣжія силы (здѣсь, конечно, случайно—Альвіано) оказывается побѣдительницей.

Дальнѣйшій ходъ военныхъ событій представляетъ намъ послѣдовательное паденіе искусства веденія боя швейцарскими

наемными, войсками которыя являются уже сильно отсталыми, по своей тактикѣ, сравнительно съ другими войсками, особенно, если эти послѣднія составляются изъ хорошихъ народныхъ элементовъ и разумно управляются. Швейцарцы, сдѣлавшись профессіональными наемниками, избравшими военный промыселъ только потому, что онъ былъ выгоднѣе другихъ, словно выродились, и боевая слава ихъ побѣдъ, одержанныхъ ими, когда они сражались за свою независимость и національную свободу (Грансонъ, Муртенъ, Моргартенъ), постепенно меркнетъ.

Къ несчастію для Франциска I, онъ не оцѣнилъ значенія организаціи народной арміи, крѣпко сплоченной любовью къ родинѣ; онъ приписалъ побѣду единственно себѣ и своему искусству, что, въ сущности, представляетъ довольно естественную обще-человѣческую слабость; онъ не побоялся поэтому нанять, для веденія дальнѣйшихъ войнъ, тѣхъ-же разбитыхъ имъ, при Мариньяно, швейцарцевъ. Политическія обстоятельства привели его къ необходимости бороться съ могущественнѣйшимъ государемъ Европы XVI вѣка—Карломъ V; для этой борьбы Франциску пришлось организовать многочисленныя арміи, при пополненіи которыхъ онъ далъ доступъ, главнымъ образомъ, иностранцамъ и преимущественно швейцарцамъ, такъ какъ нѣмецкіе ландскнехты перешли, большей частью, на службу въ имперскую армію. Въ результатѣ, во французской арміи, національной частью была почти исключительно ордоннансовая конница, тоже шедшая къ упадку—вслѣдствіе паденія дворянско-рыцарскаго строя. Полный разгромъ, подъ Павіей, былъ окончательнымъ естественнымъ слѣдствіемъ неразборчивости короля въ источникахъ, для комплектованія своей арміи.

Походы 1521—1522 г.г.

По смерти императора Максимильяна I, сынъ его, *Карлъ V*, объединилъ, подъ своей властью, Германію, Испанію, Нидерланды, Франшъ-Контэ, королевство обѣихъ Сицилій и всѣ земли, открытыя Колумбомъ въ Новомъ Свѣтѣ. Унаслѣдовавъ, по матери, права на бургундское герцогство, Карлъ V, повидимому, рѣшилъ продолжить непримиримую вражду своего дѣда—Карла Смѣлаго—съ Людовикомъ XI. Соперничество императора съ честолюбивымъ Франциском I изъ-за германскаго престола еще болѣе обострило эту борьбу, продолжавшуюся съ 1521 по 1544 г. и закончившуюся побѣдой Карла V.

Политическая подготовка этой войны велась болѣе успѣшно Карломъ V, такъ какъ, не ограничиваясь своими обширными средствами для веденія борьбы, онъ успѣлъ привлечь на свою

сторону короля англійскаго, Генриха VIII, мантуанцевъ, флорентинцевъ и папу Льва X, съ которымъ императоръ согласился изгнать французовъ изъ миланскаго герцогства и возвести на престолъ Милана сына Максимильяна Сфорца, Франциска. Союзниками французовъ оказались лишь венеціанцы.

Въ 1521 году, военныя дѣйствія открылись въ Нидерландахъ, при чемъ они ограничились лишь осадой нѣсколькихъ городовъ и крѣпостей и особенно удачной обороной Мезьера Баярдомъ; встрѣча-же обѣихъ армій, подъ Валансьеномъ, обошлась безъ боя, такъ какъ противники разошлись въ разныя стороны *).

Въ Италіи, послѣ неудачной осады союзниками Пармы, французскій намѣстникъ въ Миланѣ допустилъ, по оплошности своей, соединеніе союзной арміи съ швейцарцами и принужденъ былъ очистить всю Ломбардію, за исключеніемъ Кремоны. (Схема № 1, на табл. I).

Роспускъ папскихъ войскъ кардиналомъ Медичи, вслѣдствіе кончины папы Льва X, и переходъ 16.000 швейцарцевъ на сторону французовъ остановили успѣхи союзниковъ. Къ началу похода 1522 года, французы успѣли привлечь на свою сторону и папскія войска и, расположившись, въ количествѣ около 23.000 ч., въ окрестностяхъ Милана (у Кассано), рѣшили отнять у союзниковъ миланскую цитадель, въ которой оборонялся, съ 14.000 ч. имперской арміи, Просперъ Колонна. Усилившись 6.000 ландскнехтами, которыхъ неспособный Лотрекъ вновь допустилъ соединиться съ Колонной, имперцы выступили изъ Милана, готовые, повидимому, дать бой французской арміи, но Лотрекъ отошелъ къ Павіи и началъ ея осаду, которую впрочемъ, вслѣдствіе недостатка продовольствія и прибытія на выручку арміи Колонны, онъ принужденъ былъ скоро снять и отойти, черезъ Ландріано, на Монцу.

Въ это время, швейцарцы, составлявшіе главную массу войскъ Лотрека, узнали, что въ Арону прибылъ большой транспортъ съ казной, предназначенной для уплаты имъ жалованья; транспортъ этотъ былъ однако остановленъ, такъ какъ, при дальнѣйшемъ его движеніи, онъ могъ сдѣлаться добычей имперцевъ **); такъ какъ швейцарцы не были удовлетворены слѣдуемымъ имъ содержаніемъ, то они потребовали отъ Лотрека, чтобы онъ повелъ ихъ къ Аронѣ и выдалъ-бы тамъ задер-

*) *Голицынъ*, ч. 3, стр. 153.

**) Голицынъ (стр. 154) утверждаетъ, что транспортъ этотъ принадлежалъ имперцамъ и что швейцарцы захотѣли его отбить, но другіе источники этого не подтверждаютъ.

жанное жалованье. Предполагая исполнить маршъ къ Аронѣ незамѣтно для противника, Лотрекъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился на эту операцію и попытался обойти расположеніе союзниковъ, но у замка Ля-Бикока (La Bicocca), въ 3-хъ миляхъ къ сѣверу отъ Милана, Колонна и Пескара успѣли преградить ему путь къ Аронѣ. Самъ Лотрекъ и нѣкоторые выдающіеся офицеры французской арміи пытались заставить швейцарцевъ отказаться отъ движенія къ Аронѣ, но они настаивали на немедленной атакѣ непріятельской позиціи, грозя, въ противномъ случаѣ, немедленно покинуть ряды арміи. Часть итальянскихъ вождей (Іоаннъ Медичи) и французскихъ латниковъ поддерживали требованія швейцарцевъ.

Сраженіе при Ля-Бикокѣ *). (27 апрѣля, 1522 года).

Такимъ образомъ, французскій полководецъ былъ принужденъ собственными своими войсками къ атакѣ сильной непріятельской позиціи,—фактъ довольно характерный для тогдашней эпохи. 27 апрѣля, 1522 года, Лотрекъ выступилъ изъ Монцы къ Ля-Бикокѣ, со своей арміей, состоявшей изъ 10.000 швейцарцевъ, 3.000 ордоннансовыхъ латниковъ и 3.000 пѣшихъ итальянцевъ (такъ называемой «черной дружины», бывшей подъ начальствомъ Іоанна Медичи и сражавшейся подъ черными знаменами, въ знакъ траура по папѣ Львѣ X); при арміи находилось 14 орудій.

Предварительно высланъ былъ, для развѣдки непріятельской позиціи, отрядъ изъ 6.000 швейцарцевъ и 400 латниковъ, подъ начальствомъ Креки де-Пондорми, который донесъ, что около 14.000 чел. союзной арміи стоятъ **) за глубокимъ водянымъ рвомъ, окружавшимъ старый охотничій замокъ миланскихъ герцоговъ, Ля-Бикока. (Схема № 13, табл. IV). По окраинѣ этого рва были расположены 40 орудій, съ прикрытіемъ изъ испанскихъ аркебузеровъ (arcebuzeros), расположенныхъ въ 4-хъ шеренгахъ, въ промежуткахъ между орудіями. Фланги позиціи также были надежно прикрыты водяными рвами, и такой-же ровъ находился въ тылу, съ единственнымъ каменнымъ мостомъ, по которому шелъ путь отступленія союзниковъ.

Расположеніе союзниковъ на этой позиціи было слѣдующимъ: непосредственно за артиллеріей стали нѣмецкіе ландс-

*) Источники: *Martin du Bellay* («Memoires», liv. II, стр. 39—41); *Montluc* («Commentaires», т. I, стр. 9) *Guichardin* (т. II, стр. 593—596); *Hardy* («Origines de la tactique», т. II, стр. 595—303); *Jähns* («Handbuch», стр. 1088—1091); *Brandt* (т. III, стр. 275—283).

**) Харди указываетъ силы союзниковъ: 1.200 латниковъ, 10.000 итальянцевъ, 4.000 ландскнехтовъ и 3.000 швейцарцевъ, т. е. всего около 24.000 чел.

*

кнехты, подъ начальствомъ своего знаменитаго вождя, Георга фонъ-Фрундсберга; правѣе его стали итальянскіе гибеллины; лѣвѣе, подъ начальствомъ Пескары,—400 копій и 6.000 пѣхоты; это были испытанныя испанскія войска, сражавшіяся еще при Гонзальвѣ Кордуанскомъ *). Чтобы уравновѣсить численность своихъ силъ, Просперъ Колонна притянулъ изъ Милана, подъ начальствомъ молодаго Франциска Сфорца, 6.000 вновь набранныхъ итальянцевъ, частью конныхъ, частью пѣшихъ, которые стали въ тылу позиціи, близъ упомянутаго каменнаго моста.

Испанскіе аркебузеры, разсыпанные вдоль передового рва и между орудіями, для поддержанія безпрерывнаго огня, получили отъ Пескары указанія, для стрѣльбы пошереножно, а именно: 1-я шеренга, по производствѣ выстрѣла, должна была стать на колѣно и заряжать аркебузу, въ то время, когда поверхъ ихъ головъ стрѣляла 2-я шеренга, которая, въ свою очередь, становилась затѣмъ на колѣно; а послѣ стрѣльбы 4-й шеренги, вновь поднималась 1-я шеренга (пріемъ, который затѣмъ перешелъ во всѣ европейскія арміи и былъ извѣстенъ подъ именемъ пальбы «нидерфаллепъ», т. е., «съ паденіемъ»).

Для атаки непріятельской позиціи, французская армія была построена въ три линіи: въ авангардѣ—на фронтъ позиціи—направлены были 8.000 швейцарцевъ, а во главѣ ихъ—Монморанси, Монфоръ и другіе выдающіеся французскіе рыцари.

Прикрывавшая наступленіе авангарда итальянская конница Іоанна Медичи должна была затѣмъ отойти на лѣвый флангъ, гдѣ расположились остальныя папскія войска. Во 2-й линіи шла «баталія», т. е., главныя силы—изъ французскихъ пѣхотинцевъ и остальныхъ швейцарцевъ; правое крыло образовала ордоннансовая французская конница. Въ 3-й линіи наступалъ арьергардъ венеціанцевъ герцога Урбино **). 300 копій латниковъ, подъ начальствомъ Лескэна, маршала де-Фуа, брата Лотрека, съ частью итальянской пѣхоты, должны были обойти лѣвый флангъ союзной арміи и проникнуть въ тылъ занятой ею позиціи, по упомянутому каменному мосту ***). Въ головѣ

*) По схемѣ № 13, составленной согласно рисунка, приложеннаго къ сочиненію *Savorgnano* («Arte militare terrestre e maritima». Venezia. 1614), группировка войскъ нѣсколько иная.

**) По той-же схемѣ № 13, арьергадъ значится состоящимъ изъ швейцарцевъ (Retroguardia di Soviseri), итальянцы—папскія войска (clegieri)—во 2-й линіи, но, по другимъ источникамъ, дается расположеніе, указанное въ текстѣ.

***) При этомъ, для введенія противника въ заблужденіе, людямъ обходной колонны приказано было нашить красные кресты, на подобіе бывшихъ въ употребленіи въ имперской арміи, вмѣсто имѣвшихся во французской арміи бѣлыхъ крестовъ.

этой обходной колонны наступалъ Пондорми, съ 50 латниками и «вновь посвященными рыцарями» *), которые должны были слѣдить за противникомъ, чтобы онъ не попытался сдѣлать неожиданно вылазку изъ замка и атаковать втылъ наступающія войска; вообще, отрядъ этотъ долженъ былъ дѣйствовать тамъ, гдѣ, по ходу боя, это признавалось соотвѣтственнымъ его начальникомъ. Самъ Лотрекъ, съ частью своихъ рыцарей и французской пѣхотой, рѣшилъ направиться въ обходъ праваго крыла союзниковъ и, проникнувъ въ ихъ лагерь, атаковать затѣмъ ихъ расположеніе также съ тыла. Педро Наварро долженъ былъ разработать пути, завалить фашинами рвы и выбрать расположеніе для артиллеріи, при чемъ рекомендовалось собрать орудія въ одну большую батарею, для энергичнаго обстрѣливанія непріятельской позиціи, стѣсненный тылъ которой давалъ возможность разсчитывать на успѣшный результатъ сосредоточеннаго артиллерійскаго огня.

Утромъ, 27 апрѣля, союзники замѣтили обходную колонну Фуа, но не обратили на нее особаго вниманія, полагая, что она направляется къ Милану; вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, показались всадники Іоанна Медичи, противъ которыхъ Пескара выдѣлилъ часть своихъ конныхъ аркебузеровъ; въ то-же время, открыла по нимъ огонь и союзная артиллерія.

Едва подошелъ къ пріостановившейся итальянской конницѣ авангардъ швейцарцевъ, какъ они потребовали, чтобы ихъ немедленно повели въ атаку; напрасно стали ихъ убѣждать французскіе начальники, что необходимо выждать подготовки огнемъ артиллеріи Педро Наварро; они сгорали лишь желаніемъ—поскорѣе добраться до Ароны и отбросить противника, который мѣшалъ имъ достигнуть желанной цѣли; градъ насмѣшекъ раздался, съ ихъ стороны, по адресу своихъ французскихъ начальниковъ: «А гдѣ-же дворяне? Гдѣ получающіе четверное жалованье? Впередъ имъ нужно стать, а не распоряжаться и кричать въ тылу!...» Эти вызывающія рѣчи должны были побудить лучшихъ французскихъ вождей къ наступленію и дѣлали неудобнымъ ихъ дальнѣйшее сопротивленіе немедленной атакѣ. Прибывшій къ авангарду Лотрекъ напрасно пытался лично пріостановить дикій порывъ швейцарцевъ, доказывая необходимость выждать результата обхода конницы его брата, Лескэна, и дѣйствія французской

*) Здѣсь имѣется указаніе, что во французской арміи еще сохранился средне-вѣковый обычай—посвящать въ рыцари наканунѣ боя, и давать имъ трудныя порученія въ бою, чтобы они, дѣйствительно, заслужили свои шпоры.

артиллеріи; ослѣпленные, въ своемъ упрямствѣ, они хватали большіе камни, увѣряя, что ими они разстроютъ непріятеля гораздо успѣшнѣе, чѣмъ артиллерійскія орудія.

Образовавъ двѣ глубокія колонны, горожане — въ одной, и жители долинъ—въ другой, имѣя впереди «пропащихъ ребятъ» (verlorene Haufen), которые, хотя и вели наступленіе отчасти въ разсыпномъ строю, но были вооружены большею частью холоднымъ оружіемъ, кинулись швейцарцы къ позиціи союзниковъ. Однако, уже при наступленіи по открытому полю, глубокія колонны ихъ стали сильно терпѣть отъ хорошо направленнаго непріятельскаго пушечнаго и ружейнаго огня, вырывавшаго изъ строя цѣлые ряды; безпрерывный дождь пуль аркебузеровъ Пескары, обдавалъ ихъ, при приближеніи къ рву, прикрывавшему фронтъ позиціи союзниковъ; глубина этого рва, вмѣстѣ съ высотой вала, оказалась «болѣе длины пикъ» (т. е., болѣе 18 футъ), и такіе размѣры указывали необходимость заняться осадой этого укрѣпленнаго лагеря, штурмовать который открытой силой было крайне рисковано. 1.200 швейцарцевъ выбыло изъ строя, къ времени лишь подхода ихъ къ этому рву; тѣмъ не менѣе, они смѣло бросаются въ ровъ и, передохнувъ въ немъ, съ яростью взбираются по крутымъ его скатамъ, чтобы затѣмъ броситься въ пики на обстрѣливавшихъ ихъ аркебузеровъ, но послѣдніе быстро скрываются за плотной массой нѣмецкихъ ландскнехтовъ, которые стали сперва на колѣни, молитвой призвали на помощь Бога, затѣмъ встали и, молча, ожидали атаку на мѣстѣ, вытянувъ свои длинныя пики. Началась отчаянная свалка и рядъ единоборствъ, въ которыхъ приняли участіе начальники обѣихъ сторонъ: Георгъ Фрундсбергъ, Арнольдъ Винкельродъ и другіе. Послѣ долгой рѣзни, швейцарцы увидѣли невозможность одолѣть сомкнутую массу ландскнехтовъ и, оставивъ на полѣ брани 22-хъ вождей дружинъ и до 3000 убитыхъ, отхлынули назадъ.

Какъ при наступленіи, такъ и при послѣдовавшемъ бѣгствѣ, приказанія начальниковъ были безсильны надъ ними. Совершенно не заботясь о другихъ частяхъ французской арміи, они продолжали отступать, успѣвъ лишь забрать ввѣренныя имъ 14 орудій, которыя, повидимому, не сдѣлали ни одного выстрѣла.

Швейцарцы были уже въ полномъ отступленіи, когда Лескэнъ, съ 400 латниковъ, успѣлъ, сравнительно удачно, достигнуть указаннаго ему каменнаго моста; отбросивъ ми-

ланцевъ Сфорца, онъ овладѣлъ даже частью лагеря союзниковъ; но вслѣдъ затѣмъ, конвой, сопровождавшій Фрундсберга (такъ называемые «трабанты»), удержали первый натискъ французской конницы, а затѣмъ подошли и ландскнехты, успѣвшіе уже раздѣлаться съ швейцарцами. Кромѣ того, сюда явились и испанскіе аркебузеры Пескары, открывшіе по французскимъ латникамъ энергичный огонь. Тогда Лескэнъ началъ медленно отступать, что было крайне затруднено обратной переправой по мосту, ширина котораго не допускала движенія болѣе чѣмъ, колонной по 2—3 всадника.

Объ атакѣ Лотрека источники умалчиваютъ, и, вѣроятно, французскій полководецъ, увидавъ неудачу штурма швейцарцевъ, отказался совсѣмъ отъ предположенной атаки. Вслѣдъ за отраженіемъ авангарда и главныя силы начали поспѣшное отступленіе. Пескара, замѣтивъ это, приказалъ своей пѣхотѣ сдѣлать вылазку и направилъ свою контръ-атаку противъ отступавшихъ швейцарцевъ. Эта контръ-атака была встрѣчена отрядомъ Пондорми, который пріостановилъ наступленіе испанцевъ. Венеціанцы и черная дружина, Іоанна Медичи, не приняли дѣятельнаго участія въ бою, и нѣкоторые авторы видятъ въ ихъ бездѣйствіи главную причину неудачи (du Bellay). Хотя Пескара хотѣлъ немедленно начать энергичное преслѣдованіе отступавшихъ, однако Фрундсбергъ на-отрѣзъ отказался отъ перехода въ наступленіе, а французскіе латники отбили попытку итальянской и испанской конницы атаковать отступавшую пѣхоту.

Такъ какъ казна французовъ была истощена, то швейцарцы бросили армію Лотрека и вернулись на родину; вся миланская область была вскорѣ водворена, подъ властью Сфорца, и признала верховенство императора; ландскнехты Фрундсберга осадили Геную, штурмовали и разграбили этотъ богатый городъ...

Разборъ.

Сраженіе при Ля-Бикокѣ интересно въ томъ отношеніи, что оно дополняетъ оставшееся еще не вполнѣ выясненнымъ въ тактикѣ различныхъ родовъ оружія, при разборѣ предшествовавшихъ сраженій,—при Равеннѣ и Мариньяно, и особенно указываетъ значеніе, которое получило разумное дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ. Фронтальная атака швейцарцевъ представляетъ какъ-бы послѣднее усиліе отжившей формы — достигнуть успѣха въ бою, но слѣпая вѣра въ ея превосходство рушится подъ пулями аркебузеровъ Пескары, и движеніе массой въ лобъ на укрѣпленныя линіи противника, безъ

всякой подготовки огнемъ, оказывается уже несостоятельнымъ. Вмѣстѣ съ паденіемъ устарѣвшей формы тактическаго искусства, окончательно падаетъ престижъ и слава непобѣдимости представителей его—швейцарцевъ, подорванная уже при Мариньяно.

Хотя Голицынъ и указываетъ, что сраженіе при Ля-Бикокѣ проиграно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе «неблагоразумныхъ распоряженій Лотрека», но, будучи вполнѣ безпристрастнымъ, съ этимъ согласиться нельзя. Распоряженія его, напротивъ, скорѣе доказываютъ, что и на сторонѣ французовъ явились болѣе зрѣлые взгляды на способы веденія боя: пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, Лотрекъ предполагаетъ атаковать позицію не исключительно съ фронта, какъ бывало прежде, но съ обходомъ обоихъ фланговъ, причемъ ударъ направляется въ самую чувствительную точку расположенія противника—на каменный мостъ, бывшій въ его тылу. Монлюкъ, участникъ этого боя, также защищаетъ Лотрека отъ обвиненій и полагаетъ, что онъ исполнилъ долгъ «хорошаго разумнаго генерала» *), но все его несчастье заключалось въ томъ, что *боевыя средства*, имѣвшіяся въ его распоряженіи, оказались несоотвѣтственными для выполненія предначертаній полководца. Движеніе наобумъ швейцарскаго авангарда, недождавшагося подготовки артиллеріей и обхода Лескэна, разстроило всѣ планы французскаго полководца и позволило ландскнехтамъ, по очереди, отбить безсвязныя разрозненныя попытки французовъ овладѣть позиціей обороняющагося.

Въ отношеніи занятія послѣдней, вновь замѣчается указанное уже стремленіе обороняющагося предохранить свой боевой порядокъ, со всѣхъ сторонъ, мѣстными преградами,—организовать родъ крѣпостцы, или огромнаго укрѣпленія, съ единственнымъ выходомъ въ тылу; какъ и подъ Равенной, мы не ви-

---

*) «...il n'y eust point de faute de la part de Monsieur de Lautrec qui y fit tout le devoir d'un bon et sage general. Aussi estoit il un des plus grands hommes de guerre, que iamais i'aye cogneu... laquelle bataille le dit sieur de Lautrec fut forcé d'accorder pour l'opiniastreté des Suisses». (Commentaires, liv. I, стр. 9). На дѣйствительную причину неудачи даетъ указаніе и слѣдующая затѣмъ характеристика швейцарцевъ Монлюкомъ: «Ils sont à la verité vrais gens de guerre: et seruent comme de rampars à vne armèe: *Mais il faut que l'argent ne manque pas*, ny les vivres aussi. Ils ne se payent pas de paroles». Этимъ-же недостаткомъ денегъ объясняетъ королю свое пораженіе Лотрекъ, по возвращеніи во Францію, доложивъ, что онъ не получилъ обѣщанныхъ ему 300.000 дукатовъ. Когда король спросилъ объ этомъ генерала финансовъ Самбланси, тотъ показалъ, что эти деньги взяты королевой-матерью, Луизой Савойской. Хотя это подтвердилось, но за дерзость такую Самбланси былъ скоро повѣшенъ. (По мемуарамъ Таванна, *Hardy*; «Origines de la tactique»; т. II, стр. 304).

димъ, чтобы такой способъ дѣйствій вредилъ-бы оборонѣ; напротивъ, не смотря даже на направленіе части силъ атакующаго именно на эту слабѣйшую точку, обороняющійся съ успѣхомъ пользуется окружающими его расположеніе мѣстными преградами, вознаграждая ихъ сопротивленіемъ численное превосходство силъ противника.

Изъ тактическихъ пріемовъ, является новостью послѣдовательная пальба шеренгами «съ паденіемъ,» хотя, какъ мы видѣли, первая попытка упорядочить въ подобномъ-же родѣ стрѣльбу аркебузеровъ сдѣлана была уже раньше Гастономъ де-Фуа, при штурмѣ Брешіи (стр. 66). Аркебузеры Пескары, поставленные между орудіями, подготовляютъ ружейнымъ огнемъ бой сомкнутыхъ массъ ландскнехтовъ Фрундсберга, которые принимаютъ стрѣлковъ подъ свою защиту, какъ только противникъ, не обращая вниманія на огонь, рѣшается сойтись грудь съ грудью; такимъ образомъ, бой пѣхоты основывается на совокупномъ дѣйствіи и взаимной поддержкѣ двухъ родовъ ея—аркебузеровъ (потомъ мушкетеровъ) и пикинеровъ съ аллебардистами, и эта форма боя является преобладающею до самого изобрѣтенія ружья со штыкомъ, соединившаго оба вида пѣхоты.

Сраженіе при Ля-Бикокѣ, доказавшее, самымъ очевиднымъ образомъ, весь вредъ, причиняемый арміи иностранными наемниками, которые, преслѣдуя исключительно свои узкія эгоистическія цѣли, не даютъ полководцу необходимой свободы для рѣшенія *), не только въ стратегической (движеніе на Арону), но и въ тактической области (несвоевременная атака),—тѣмъ не менѣе, не побудило Франциска I отказаться отъ гибельнаго для Франціи способа комплектованія арміи, и тѣ-же швейцарцы, авантюрьеры, итальянцы, ландскнехты и прочіе наемники всѣхъ странъ и народовъ, по прежнему, фигурируютъ, въ видѣ преобладающей массы, въ его арміи; напротивъ, процентъ французовъ, въ слѣдующей кампаніи, даже уменьшается, и, за исключеніемъ ордоннансовой конницы, они составляютъ самое ничтожное меньшинство въ арміи. Такъ сильна у людей склонность приписывать свои неудачи побочнымъ случайнымъ причинамъ, обвинять въ пораженіяхъ мѣстныя условія, нераспорядительность начальниковъ и разнаго рода случайно-

*) «Voyez donc l'inconuenient qu'il y a d'auoir la force d'une armée de nation estrangère qui est pour vous bailler la loy». (Видите, какое неудобство имѣть главныя силы арміи изъ иностранцевъ, которые вамъ диктуютъ законы), говоритъ по этому поводу дю-Беллэй («Memoires», liv II, стр. 40).

сти, и не смотрѣть въ корень вещей, не видѣть главной основной причины неудачи... Вмѣстѣ съ тѣмъ, военная исторія современной Францыску I эпохи не представляла примѣра рѣшительной побѣды *народной арміи*, сила которой была-бы основана на стойкой національной пѣхотѣ, а неудача послѣдняго опыта созданія «вольныхъ лучниковъ» была еще у всѣхъ свѣжа въ памяти. Вотъ почему, вмѣсто принятія рѣшительныхъ мѣръ по созданію народной пѣхоты, Францискъ I рѣшилъ только менѣе довѣрять своимъ генераламъ и чаще принимать личное командованіе надъ войсками, къ чему его побуждалъ также блестящій исходъ своего перваго боевого опыта (Мариньяно).

Кампанія 1524—1525 годовъ.

Слѣдующій годъ (1523) былъ для Франциска I годомъ *политическаго* пораженія, такъ какъ бывшіе его союзники,— венеціанцы и папа — перешли въ лагерь его противниковъ, образовавъ съ ними такъ называемый «римскій союзъ».

Неблагоразуміе и легкомысліе короля, а также интриги его матери довели его до опаснаго шага—лишенія коннетабля Карла Бурбона всѣхъ его наслѣдственныхъ владѣній, вслѣдствіе чего онъ перешелъ на службу къ Карлу V. Король готовился къ новому переходу черезъ Альпы, когда эта измѣна и вторженіе англичанъ въ область Соммы, наступленіе нѣмцевъ въ Шампани и испанцевъ—къ Баіоннѣ, заставили Франциска I заботиться о защитѣ собственныхъ предѣловъ. Любимцу короля, адмиралу Бонниве, оказавшемуся совершенно неспособнымъ полководцемъ, было ввѣрено командованіе арміей въ Пьемонтѣ, которой вскорѣ пришлось также ограничиться обороной предѣловъ Франціи.

1524 годъ принесъ съ собой *стратегическое* пораженіе арміи Бонниве, которую союзники, переправившись черезъ Тичино, отрѣзали отъ Пьемонта и Франціи; только слабые остатки французской арміи, пробившись боемъ, на рѣкѣ Сезіи, успѣли отступить, черезъ Сузу, въ Дофинэ. Въ одномъ изъ арьергардныхъ дѣлъ, 30 апр., 1524 г., былъ смертельно раненъ Баярдъ, славный рыцарь «безъ страха и упрека» *). Вслѣдъ затѣмъ, армія союзниковъ, численностью около 17.000 чел., при

*) Знаменательны слова умиравшаго Баярда, сказанныя имъ, по свидѣтельству дю-Бэллэй, прибывшему къ нему Бурбону, выразившему ему свои соболѣзнованія: «Il n'y a point de pitié en moi», отвѣтилъ Баярдъ, «car je meurs en homme de bien. Mais j'ai pitié de vous, de vous voir servir contre votre prince, et *votre patrie* et votre serment». Какъ видно, идея *родины* была уже настолько сильна, что лучшіе слуги ея уже не могли примириться съ фактомъ измѣны ей, ради личныхъ счетовъ. Но мы еще долго будемъ встрѣчать подобные переходы на службу, къ врагамъ родины

18 орудіяхъ, подъ начальствомъ Пескары и Бурбона, вступила въ Провансъ, заняла Тулонъ и осадила Марсель.

Стойкая оборона города его жителями, вооружившими даже женщинъ и дѣтей, въ связи съ продовольственными затрудненіями осаждавшихъ и возникшими несогласіями между Пескарой и Бурбономъ, принудили ихъ снять осаду, тѣмъ болѣе, что на выручку осажденнымъ приближалась наскоро набранная французская армія (силой около 35.000 ч., въ томъ числѣ до 1 500 латниковъ), съ самимъ королемъ во главѣ.

Только благодаря личной энергіи Пескары и замѣчательной стойкости его войскъ, союзной арміи удалось исполнить послѣдовавшее обратное отступленіе, черезъ Геную, въ Пьемонтъ и Ломбардію. Король, наступая на Авиньонъ, едва не отрѣзалъ союзниковъ отъ пути ихъ отступленія на Миланъ. Усиленные марши, при неблагопріятныхъ условіяхъ погоды (зимой), лишенія всякаго рода и болѣзни (чума въ Миланѣ), до такой степени ослабили имперскую армію, что, когда она сосредоточилась къ Лоди, то мало мальски энергичное преслѣдованіе французами привело-бы ее къ окончательной гибели, но король, приказавшій, было, своимъ войскамъ, занявшимъ уже г. Миланъ и осадившимъ миланскую цитадель,—двинуться на Лоди, вдругъ приказалъ ихъ вернуть и предпочелъ заняться осадой Павіи *). (Схема № 1, на табл. I).

Осада Павіи **) (1524—1525 г.).

Для союзниковъ крѣпость Павія имѣла значеніе, главнымъ образомъ, потому, что, при поспѣшномъ отступленіи, они сосредоточили въ ней большинство своихъ боевыхъ припасовъ, а также оставили въ ней почти всю свою артиллерію; кромѣ того, стратегическое значеніе этой крѣпости обусловливалось тѣмъ, что она доставляла обезпеченную переправу

*) По свидѣтельству Брантома, приведенному у Брандта (стр. 292), зимній походъ Франциска I въ Италію былъ вызванъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Бонниве, въ яркихъ краскахъ, описалъ королю красоту одной миланской красавицы, синьоры Клериче, что, при романтическомъ характерѣ французскаго короля и его легкомысліи, кажется довольно правдоподобнымъ; можетъ быть, та-же синьора Клериче побудила его не уходить далеко отъ Милана; возможно также, что король, какъ рыцарь того времени, считалъ неудобнымъ искать противника гдѣ-то вдали, когда онъ еще оказывалъ сопротивленіе здѣсь, на мѣстѣ.

**) Источники: *Martin du Bellay* («Memoires», liv. II, стр. 66—68); *Montluc* («Commentaires», стр. 17—19); *Guichardin* (т. III, стр. 63—95), *Brandt* (т. III, стр. 293—304), *Hardy* («Origines de la tactique», т. II, стр. 323—336), *Jähns* («Handbuch», стр. 1091—1107), *Рюстовъ* («Исторія пѣхоты перев. Пузыревскаго, ч. I, стр. 235 — 239), *Голицынъ* («Всеобщая военная исторія среднихъ временъ»; ч. 3, стр. 155—157), *Rocquancourt* («Cours élémentaire»; т. I, стр. 314).

на нижнемъ теченіи р. Тичино и образовала, такимъ образомъ, пунктъ, черезъ который удобнѣе всего было открыть наступательныя дѣйствія въ Пьемонтѣ. Ввиду изложеннаго, комендантомъ Павіи былъ назначенъ очень энергичный и храбрый *Антоніо де-Лейва* (испанецъ), а гарнизонъ образовали: двѣ дружины ландскнехтовъ, по 3.000 чел., 500 испанскихъ аркебузеровъ и 200 копій латниковъ. Союзники сосредоточивались близъ Лоди, при чемъ, въ поддержку Пескарѣ, прибылъ, съ тяжелой конницей, неаполитанскій вицекороль Ланнуа, назначенный на этотъ постъ послѣ смерти Проспера Колонны. Бурбонъ отправился въ Германію—ускорить прибытіе подкрѣпленій, именно ландскнехтовъ Фрундсберга.

28 октября, 1524 г., король Францискъ подошелъ къ Павіи, съ арміей, состоявшей изъ 6.000 швейцарцевъ, 8.000 нѣмцевъ (ландскнехтовъ), 6.000 авантюрьеровъ, 4.000 итальянцевъ и 1.000 копій ордоннансовой конницы, всего около 30.000 чел.*). (Схема № 15, табл. V).

Немедленно по прибытіи, король приказалъ сдѣлать брешь въ главной башнѣ цитадели и затѣмъ штурмовалъ замокъ, но 13 разъ возобновленный штурмъ кончился неудачей. Лейва укрѣпился въ ближайшихъ къ бреши домахъ **) и насыпалъ позади бреши новыя линіи, укрѣпленныя такъ, что французамъ пришлось обратиться къ медленной осадѣ города. Обширныя контръ и циркумъ-валаціонныя линіи окружили городъ; осадныя работы были раздѣлены на участки: на лѣвомъ берегу Тичино, центральный участокъ былъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ короля; правѣе его, былъ участокъ герцога Алансонскаго и авангарда Ля-Палиса; лѣвѣе, — до нижней части Тичино, — участокъ Шабанна (отличившагося обороной Марсели); на правомъ берегу Тичино, по южную сторону предмѣстья С. Антоніо, болѣе слабо укрѣпленнаго,

---

*) Мы придерживаемся здѣсь цифръ, указываемыхъ безпристрастнымъ Брандтомъ, которыя сходятся съ указываемыми у Гюичардини; только легкая конница у послѣдняго присоединена къ латникамъ, которыхъ онъ считаетъ всего 2.000 копій; но затѣмъ указываетъ ниже (т. III, стр. 82), что къ сраженію подъ Павіей осталось всего 800 копій латниковъ. У Іенса общая численность французской арміи указана въ 30.000 (число авантюрьеровъ—8.000 и число копій латниковъ—1.700); у Голицина указано (стр. 156), что, за выдѣленіемъ отряда герцога Стюарта д'Обиньи ,5.000 чел., у Франциска осталось 26—28 тысячъ.

**) Дю-Беллэй даетъ указаніе, что въ стѣнахъ этихъ домовъ были пробиты бойницы, и сами дома заняты стрѣлками («les maisons voisines etoient percéz bien a propos et pourvuës d'arquebouzerie»), что представляетъ интересную данную для сужденія о приспособленіи мѣстныхъ предметовъ къ оборонѣ, еще въ началѣ XVI вѣка.

завѣдывалъ работами Монморанси, съ 3.000 ландскнехтовъ, 3.000 итальянцевъ и корсиканцевъ, при 200 латникахъ. Въ каждомъ участкѣ были построены редуты, вооруженные тяжелыми орудіями, въ промежуткахъ между которыми были поставлены засыпанные землей туры *); орудія эти давали сильный фланговый огонь вдоль контръ-валаціонныхъ линій. Главная квартира короля расположилась въ аббатствѣ Ланфранко. Обширный паркъ-звѣринецъ Чертоза («Certosa»—названный такъ по Картезіанскому монастырю, бывшему въ немъ), расположенный сѣвернѣе города, былъ также занятъ частью арьергарда герцога Алансонскаго; лагерь французовъ былъ расположенъ въ паркѣ, а также въ промежуткѣ между нимъ и городомъ; центральнымъ пунктомъ, въ тылу осаждающихъ войскъ, былъ охотничій замокъ Мирабелло, расположенный въ серединѣ парка; здѣсь пріютились лица многочисленной королевской свиты, а также разные легаты, дипломаты, чиновники и купцы, а рядомъ съ ними была постоянная ярмарка, атакже лагерь части пѣхоты и почти всей ордоннансовой конницы. Для облегченія связи между войсками, расположенными по осаднымъ линіямъ и находившимися въ паркѣ Чертоза, были продѣланы три прохода въ каменной стѣнѣ, ограждавшей съ юга самый паркъ. Черезъ Тичино, выше и ниже города, были наведены мосты, для связи между войсками осаднаго корпуса, расположенными на обоихъ берегахъ рѣки. Такъ какъ болѣе слабая южная часть города прикрывалась почти исключительно рѣкою Тичино, то была сдѣлана попытка отвести воду рѣки въ рукавъ ея, Гравеллоне. съ тѣмъ, чтобы затѣмъ штурмовать съ этой стороны городъ, по пересохшему руслу рѣки, но, къ несчастію французовъ, постоянно шедшіе дожди настолько подняли уровень воды въ рѣкѣ, что работы ихъ, возведенныя, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, съ замѣчательной энергіей и искусствомъ, были разрушены водой, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Между тѣмъ, политическая обстановка сдѣлалась для Франциска I болѣе благопріятной: папа съ нимъ примирился; Флоренція, Феррара, Тоскана, Лукка и Сіенна объявили свой нейтралитетъ, а частью открыто перешли на сторону Франціи; въ Неаполѣ-же начала получать преобладаніе партія приверженцевъ дома Анжу; съ цѣлью поддержать

---

*) Участокъ такого редута изображенъ на барельефѣ гробницы Франциска I. (См. фиг. 44, на табл. XI).

ихъ, Францискъ I рѣшился ослабить себя выдѣленіемъ, въ январѣ, 1525 года, 8.000 пѣхотинцевъ и 600 всадниковъ *), подъ общимъ начальствомъ Стюарта д'Обиньи (котораго звали также герцогомъ Албаніи), для диверсіи въ среднюю и южную Италію. Съ подобной-же цѣлью, выслалъ онъ отрядъ маркиза Салуццо, для поддержанія предпріятія Доріа, противъ Генуи.

Обѣ диверсіи были слишкомъ слабы, чтобы достигнуть рѣшительныхъ результатовъ, а между тѣмъ замѣтно ослабили армію Франциска, какъ разъ въ то время, когда къ непріятельской арміи прибыли значительныя поддержки.

Совокупными усиліями Ланнуа, Бурбона и Георга Фрундсберга, не пожалѣвшими затраты своихъ личныхъ матеріальныхъ средствъ, для поддержки имперской арміи, сосредоточенной у Лоди, въ январѣ мѣсяцѣ, 1525 года, было собрано до 12.000 ландскнехтовъ, 2.000 нѣмецкихъ рейтаровъ и 600 бургундскихъ рыцарей. Слабѣе всего стоялъ вопросъ относительно пополненія союзной арміи артиллеріей, которая вся почти досталась въ руки французовъ, при преслѣдованіи отъ Марсели, на перевалахъ черезъ Альпы; всѣ старанія Бурбона привели лишь къ прибытію новыхъ 4-хъ бронзовыхъ и 2-хъ плохихъ желѣзныхъ орудій. Многочисленныя затрудненія являлись также вслѣдствіе полнаго оскудѣнія имперской казны. Только благодаря изобрѣтательности Пескары и славѣ имени Фрундсберга, а также указаннымъ уже личнымъ жертвамъ главныхъ начальниковъ, удалось удержать наемниковъ на лишній мѣсяцъ, не платя имъ содержанія. Въ Павіи, изъ серебряной церковной утвари, по приказанію Антоніо де-Лейва, были начеканены монеты, и этими деньгами, съ грѣхомъ пополамъ, удовлетворены были требованія объ уплатѣ жалованья. «Черная дружина» Іоанна Медичи, 3.000 чел. пѣхоты и 3.000 легкихъ всадниковъ, вслѣдствіе неисправной уплаты содержанія, перешла на службу къ королю Франциску **).

Пока сосредочивалась армія союзниковъ, въ Лоди обсуждались, вмѣстѣ съ тѣмъ, дальнѣйшія дѣйствія. Хитрый папскій легатъ сталъ доказывать Ланнуа необходимость возможно поспѣш-

*) Такъ показываетъ численность отряда Брандтъ (т. 3, стр. 295); по Іенсу,—200 копій латниковъ, 600 легкихъ всадниковъ и 4.000 пѣхоты, при 12 орудіяхъ. («Handbuch», стр. 1093); по Харди—600 копій латниковъ, 500 легкихъ всадниковъ и 10,000 чел. пѣхоты (т. II, стр. 325, вын.) у Голицына (стр. 156)—5.000 человѣкъ.

**) Впрочемъ, вскорѣ Іоаннъ Медичи былъ раненъ, при отраженіи вылазки испанцевъ, и весь отрядъ его разбрелся.

нѣе направиться на югъ, для защиты неаполитанскаго королевства, ввиду диверсіи Стюарта д'Обиньи, и Ланнуа уже сталъ колебаться; но прочіе вожди, особенно Пескара, горячо высказались за немедленную атаку французской арміи, осаждавшей Павію. При этомъ Пескара очень разумно замѣтилъ, что *на войнѣ нѣтъ никакой возможности все сохранить*; поэтому истинному полководцу необходимо избрать наименьшее зло; дѣленіе-же силъ всегда ведетъ къ погибели. Въ настоящемъ случаѣ, необходимо всѣми своими силами бороться съ французами; побѣдой надъ ними будетъ спасенъ и Неаполь, еслибъ даже во власти императора, въ неаполитанскомъ королевствѣ, не осталось-бы ни одной башни. Когда остальные полководцы пришли къ тому-же убѣжденію, а папскій легатъ продолжалъ все настаивать на своемъ, то Пескара, наконецъ, выгналъ его вонъ изъ палатки, пустивъ въ ходъ рукоятку своего меча.

24 января, союзная армія перешла черезъ Адду и направилась на Мариньяно, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди двигались 500 албанскихъ легкихъ всадниковъ (стратіотовъ); за ними слѣдовала бургундская, нѣмецкая и испанская конница, подъ начальствомъ Ланнуа и Бурбона; затѣмъ двигалась испанская пѣхота Пескары, къ которой были также присоединены 1.000 итальянскихъ пѣхотинцевъ; они прикрывали собой 6 орудій съ 5 повозками, съ огнестрѣльными припасами. Колонна замыкалась двумя дружинами ландскнехтовъ Фрундсберга. Такимъ образомъ, армія эта, по своему составу, вполнѣ соотвѣтствовала испано-германской идеѣ габсбургской монархіи.

Направленіе движенія союзной арміи ввело французовъ въ заблужденіе, заставивъ ихъ предположить, что она имѣетъ цѣлью Миланъ; однако отъ Мариньяно союзники круто повернули на югъ и овладѣли штурмомъ замкомъ С. Анджело (на пути между Лоди и Павіей), оборонявшимся 800 пѣхотинцами и 200 всадниками Пирро Боццоло. 3 февраля, Пескара, бывшій душой всего предпріятія, достигъ С. Даміано и д. Прадо и сталъ уже въ виду французской арміи.

Въ послѣдней обсуждались способы дальнѣйшихъ дѣйствій; лучшіе полководцы Франциска I,—Ля-Палисъ, Ля-Тремуйль, старый Тривульцій и другіе,—совѣтовали снять осаду, ввиду опасности попасть между осажденной крѣпостью и прибывшей арміей противника, бой съ которымъ становился также опаснымъ, особенно вслѣдствіе развившихся во фран-

цузской арміи болѣзней и общаго ослабленія всего ея состава, въ продолженіи долгой осады. Кромѣ того, бой казался имъ излишнимъ, ввиду того соображенія, что цѣль войны— занятіе миланскаго герцогства—могла быть достигнута и безъ всякаго сраженія, такъ какъ недостатокъ средствъ у противника долженъ былъ его принудить скоро распустить свои войска; поэтому самый лучшій способъ дѣйствій былъ, по ихъ мнѣнію, затянуть борьбу; пользуясь крѣпкими позиціями, медленно стягивать свои силы и избѣгать рѣшительнаго столкновенія, котораго такъ жаждалъ противникъ.

Однако Францискъ I, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Бонниве, не счелъ возможнымъ компрометтировать свое королевское достоинство принятіемъ подобнаго осторожнаго рѣшенія и отказомъ отъ осады Павіи; онъ возмущался отступленіемъ передъ измѣнникомъ—Бурбономъ и рѣшился продолжать осаду, а въ случаѣ необходимости, принять бой въ своихъ линіяхъ, основывая успѣхъ на ихъ силѣ и на численномъ превосходствѣ своихъ войскъ. Ля-Тримуйль говорилъ, что даже снятіе осады, съ цѣлью боя съ имперской арміей, лучше пассивнаго выжиданія подъ стѣнами крѣпости. Но король оставался непреклоннымъ. Ввиду такого рѣшенія, принято было лишь болѣе сосредоточенное расположеніе, и войска сведены въ общій лагерь, противъ восточной окраины города, по обѣимъ сторонамъ дороги въ Лоди. Главная квартира короля была переведена въ аббатство С. Паоло. Укрѣпленныя линіи подведены до самыхъ стѣнъ парка Чертоза, вмѣстѣ съ которыми позиція французовъ, усиленная 55 орудіями, казалась довольно неприступною.

Кромѣ того, съ цѣлью отрѣзать армію союзниковъ отъ Кремоны, откуда они получали продовольственные припасы, былъ командированъ отрядъ Іоанна Палавичини (2.000 чел. пѣхоты и 400 всадниковъ), и къ нему долженъ былъ присоединиться отрядъ гр. Рангона, примѣрно такой-же силы. Но когда находившійся въ Кремонѣ герц. Францискъ Сфорца собралъ до 2.000 чел. пѣхоты и нѣсколько конницы, подъ начальствомъ Александра Бентиволіо, поручивъ ему отбросить отрядъ Палавичини, то послѣдній не дождался бывшаго въ одномъ переходѣ отъ него гр. Рангона, вышелъ неосторожно изъ своего укрѣпленнаго лагеря у Казаль-Маджіоре, былъ разбитъ войсками Бентиволіо и попалъ самъ въ плѣнъ, а весь отрядъ его разсѣялся.

Не смотря на силу французскихъ контръ-валаціонныхъ

линій, Пескара задумалъ ихъ атаковать, но рѣшилъ, съ возможною предусмотрительностью, подготовить свой ударъ. Приблизившись, шаговъ на 800 къ позиціи противника, онъ позаботился, съ первыхъ-же дней, усилить свое расположеніе постройкой укрѣпленныхъ линій, въ направленіи отъ Санъ-Даміано на Каза делля-Терра; ниже устья рѣчки Вернакулло, протекающей по парку Чертоза, былъ наведенъ черезъ Тичино мостъ, для сообщенія съ правымъ его берегомъ. Стѣснивъ, такимъ образомъ, до крайности положеніе французской арміи, имперцы стали производить рядъ частыхъ нападеній на непріятельскіе передовые посты, при чемъ Пескара пользовался всякимъ случаемъ, чтобы точнѣе развѣдать мѣстность и подробности расположенія французовъ.

Въ ночь съ 19 на 20 февраля, было произведено болѣе значительное нападеніе имперцевъ: Пескара, во главѣ 3000 чел. испанской пѣхоты, атаковалъ редуты французовъ, перешелъ частью ихъ укрѣпленныя линіи, положивъ на мѣстѣ до 500 чел. французовъ, послѣ чего, заклепавъ 3 орудія, отошелъ въ свой лагерь. Повидимому, осторожный Пескара полагалъ, что назойливыя мелкія нападенія выведутъ противника изъ себя, и онъ рѣшится на атаку позиціи имперцевъ *). Однако, Францискъ I вовсе не думалъ покидать своихъ линій, и эти стычки привели лишь къ тому, что французы настолько къ нимъ привыкли, что перестали обращать на нихъ вниманіе, часто не брались даже за оружіе, когда къ ихъ линіямъ подступали мелкія партіи испанцевъ **), и сторожевая служба отправлялась ими все болѣе и болѣе безпечно. Такъ прошло 3 недѣли, въ этихъ мелкихъ нападеніяхъ, сопровождавшихся частыми вылазками гарнизона Павіи. Линіи союзной арміи приближались, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, шаговъ на 40 къ линіямъ французовъ ***).

Сраженіе подъ Павіей **). 24 февраля 1525 г.**

Приближался конецъ срока, на который ландскнехты согласились остаться подъ знаменами безъ жалованья; положеніе гарнизона Павіи становилось критическимъ, и Пескара уговорилъ колебавшагося Ланнуа атаковать французскія линіи,

*) Эти ночныя нападенія получили даже особое названіе «кампзадъ» отъ «camisa»—рубашка, такъ какъ при нихъ, для отличія отъ противника, въ ночное время, испанцы одѣвали поверхъ латъ бѣлыя рубашки.

**) «Эй, вы, мавританскія канальи», (maranos canalla) кричали имъ французы, изъ своихъ укрѣпленныхъ линій, «думаете вы, что мы для васъ будемъ становиться въ ружье? Не стоите вы того»... и т. д. (*Brandt*, стр. 303).

***) *Рюстовъ*. «Исторія пѣхоты», т. I, стр. 236.

****) Источники, кромѣ указанныхъ въ выноскѣ на стр. 107: *Liskenne et Sauvan* («Bibliothèque historique et militaire», т. IV, стр. 348—358); *Prince*

при чемъ рѣшился произвести нападеніе, главнымъ образомъ, на флангъ ихъ и, воспользовавшись ночнымъ временемъ, проникнуть съ арміей въ паркъ Чертоза, овладѣть замкомъ Мирабелло и наступать затѣмъ, примѣрно въ направленіи долины протекавшаго по парку ручья Вернакулло *).

Въ ночь съ 23 на 24 февраля, испанскіе гуастадоры (піонеры) пробрались къ сѣверной части каменной стѣны, окружавшей паркъ, и близъ монастыря С. Генезіо, успѣли, незамѣченные противникомъ, пробить въ ней, въ ручную, брешь, шириной отъ 60 до 80 шаговъ **), чему способствовала темная, бурная ночь. Въ то-же время, было организовано нѣсколько демонстративныхъ атакъ на фронтъ французскихъ линій. Между войсками былъ распространенъ слухъ, что имперская армія начинаетъ отступленіе; самый лагерь былъ ночью зажженъ, и обозъ отправленъ по дорогѣ на Лоди, а войска выступили въ направленіи на Миланъ. Общая численность имперской арміи достигала 24.000 чел. (12.000 ландскнехтовъ, 4.000 испанцевъ, 1.000 итальянцевъ, 1.000 копій латниковъ и 1.000 легкихъ всадниковъ). Французская армія, ослабленная выдѣленіемъ отрядовъ для диверсій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиленная вновь нанятой «черной дружиной» Суффолька (5.000), вѣроятно, въ общемъ, была силой около 25.000 чел.***),

---

Napoléon-Louis Bonaparte («Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie»; т. I, стр. 183). ? «Leitfaden der allgemeinen Kriegsgeschichte». Verfasst im Auftrage des k. u. k. Reichs-Kriegs Ministeriums. Wien. 1891, (стр. 142—148).

*) Дю-Беллэй предполагаетъ, что главная цѣль союзниковъ была лишь—провести поддержки ослабѣвшему гарнизону Павіи и снабдить его припасами, почему маршъ имперцевъ и былъ направленъ на паркъ Чертоза, скрывавшій обходъ ими французскихъ укрѣпленныхъ линій; бой же былъ предположенъ только въ крайности—въ случаѣ выхода французовъ изъ ихъ линій. («Memoires». Liv. II, стр. 68, прав.).

**) «40—50 toises», какъ говоритъ *Martin du Bellay*. (L. II, стр. 68, прав.), по Гюнчардини (т. II, стр. 88),—20 туазовъ.

***) Брандтъ считаетъ ее въ 36 000, Іенсъ даже въ 39.000; но, повидимому, обѣ цифры преувеличены. Казалось-бы, что, ввиду выдѣленія отрядовъ и вслѣдствіе потерь, во время осады, армія должна была скорѣе уменьшиться, чѣмъ увеличиться, сравнительно съ указанной имъ раньше цифры въ 36.000 чел. Повидимому, Іенсомъ руководило, главнымъ образомъ, желаніе—усилить краски пораженія французской арміи, тѣмъ болѣе, что источника, изъ котораго имъ почерпнуты эти преувеличенныя данныя, онъ не указываетъ. Въ австрійскомъ изданіи «Leitfaden»... стр. 143, французская армія, ко времени сраженія, исчисляется всего въ 26.000 (7.000 французовъ, 6.000 итальянцевъ, 8.000 швейцарцевъ, 5.000 нѣмцевъ, 7.000 французской и итальянской конницы и 550 рыцарей), эта цифра совпадаетъ и съ приведенной у Гюнчардини (т. Ш, стр. 79); но послѣдній оговариваетъ, что по этому разсчету Францискъ I платилъ жалованье своей арміи; на дѣлѣ-же, по скупости начальниковъ, она была значительно меньше; кромѣ того, 2.000 чел. оставались въ Миланѣ. Французы исчисляютъ армію короля гораздо меньшаго состава: *Hardy* (т, II, стр. 325) увѣряетъ, что подъ Павіей осталось всего 800 копій латниковъ (6.400 коней) и 13.000 пѣхоты, такъ какъ, кромѣ вы-

т. е., почти равной съ имперской, а если считать 5.000 чел. гарнизона Павіи, принявшаго также участіе въ сраженіи, то окажется, что имперцы превосходили французовъ примѣрно на $^1/_5$.

На разсвѣтѣ, 24 февраля (въ день рожденія императора), *авангардъ* имперцевъ, изъ 2.000 ландскнехтовъ Фрундсберга, 2.000 испанскихъ аркебузеровъ и 4.000 итальянцевъ, при 400 стратіотахъ, подъ общимъ начальствомъ маркиза *Гуасто*, племянника Пескары, подошелъ къ бреши, которую только что закончили пробивать гуастадоры, и началъ дефилировать въ паркъ Чертоза, послѣ чего испанская и нѣмецкая пѣхота заняла высоту впереди бреши, чтобы прикрыть дебушированіе остальныхъ войскъ. Въ то-же время, 4 сотни стратіотовъ, подъ начальствомъ маркиза С. Анджело, внезапно атаковали замокъ Мирабелло и подняли тревогу среди его мирно спавшихъ обитателей, а также въ прилегавшемъ къ замку лагерѣ. Сонный караулъ изъ генуэзцевъ Джустиньяни, находившійся впереди замка, былъ частью изрубленъ и обращенъ въ бѣгство; присоединившіеся вслѣдъ затѣмъ къ стратіотамъ испанскіе аркебузеры безпрепятственно переправились черезъ р. Вернакулло и захватили, около 8 часовъ утра, замокъ Мирабелло. Находившіяся вблизи войска герцога Алансонскаго, въ безпорядкѣ, бѣжали къ лѣвому флангу позиціи французовъ, и только, когда авангардъ имперцевъ достигъ контръ-валаціонныхъ линій, встрѣтилъ онъ первое сопротивленіе со стороны поднятаго по тревогѣ отряда Бріона, которому удалось задержать дальнѣйшее наступленіе испанцевъ.

Между тѣмъ, черезъ брешь въ стѣнѣ парка, продолжали дефилировать *главныя силы* имперцевъ, въ двухъ эшелонахъ: въ первомъ — шла остальная испанская пѣхота и конные аркебузеры, подъ личнымъ начальствомъ *Пескары* *); во второмъ — съ вице-королемъ *Ланнуа* и *Бурбономъ* во главѣ, наступала бургундская тяжелая конница графа Сальма, а затѣмъ

дѣленій отрядовъ, король отпустилъ 3.000 грюонцевъ Діана (изъ Граубюндена), что дѣйствительно подтверждаетъ Монлюкъ («Commentaires», стр. 17, лѣв.), полагающій, что это было сдѣлано изъ экономическихъ побужденій («He que ces petites mesnageries apportent quelquesfois de pertes!» восклицаетъ онъ по этому поводу). Кромѣ того, 20 февраля, 8.000 грюонцевъ и итальянцевъ дезертировали. Согласно Гюичардини и дю-Беллэй дезертировали 6.000 грюонцевъ. Мы приняли среднюю цифру численности французской арміи.

*) Самъ Пескара не былъ облаченъ въ тяжелые рыцарскіе доспѣхи, но имѣлъ *пѣхотное* снаряженіе и одежду; сидя на прекрасной лошади, онъ былъ въ красной туникѣ, поверхъ которой была одѣта, какъ и у всей пѣхоты, бѣлая рубашка (camisa), богато впрочемъ украшенная золотомъ и жемчугомъ.

двигались ландскнехты Ситтиха Эмскаго и Фрундсберга (одѣтаго почему-то францисканцемъ, хотя онъ исповѣдывалъ лютеранство); наконецъ, *аррьергардъ* образовали итальянцы и 3 значка испанцевъ *Папакоды* и *Цезаріона*, которые, до послѣдней минуты, производили шумныя демонстраціи на фронтѣ французскихъ линій; вмѣстѣ съ тѣмъ, они-же прикрывали незначительную артиллерію имперцевъ (5 «стѣноломовъ»); съ наружной стороны парка Чертоза, у бреши, осталась лишь личная гвардія вице-короля неаполитанскаго, которая получила приказаніе не двигаться съ мѣста, пока не будетъ получено на то. опредѣленнаго приказанія самого Ланнуа.

Францискъ I, введенный въ заблужденіе демонстраціями Пескары и полагавшій, что имперцы отступаютъ къ Лоди и только прикрываютъ свое движеніе нападеніемъ на фронтъ французовъ, чтобы избѣжать преслѣдованія получилъ первое свѣдѣніе о занятіи непріятелемъ парка Чертоза, когда уже совсѣмъ разсвѣло; замѣтивъ, съ высоты своей стоянки, втягиваніе колоннъ противника черезъ брешь, продѣланную въ стѣнѣ парка, король немедленно сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, для сосредоточенія своихъ силъ въ самомъ паркѣ Чертоза и для направленія главнаго ихъ удара въ наиболѣе чувствительную точку расположенія противника, а именно — къ продѣланной бреши у С. Генезіо, оставивъ, для охраненія линій и противъ цитадели Павіи, незначительныя силы: для первой цѣли—гасконцевъ и бретонцевъ графа Бюсси д'Амбуазъ, для второй—небольшой итальянскій отрядъ; самъ король повелъ всѣ свои остальныя войска, въ 3-хъ колоннахъ, черезъ проходы въ южной стѣнѣ парка: впереди *средней* колонны, подъ прикрытіемъ легкой конницы принца *Боццоло*, двинулась многочисленная французская артиллерія, подъ начальствомъ стараго сенешала, Жака *Гальо де-Женульяка.* За нею направилась тяжелая рыцарская конница, подъ личнымъ предводительствомъ *короля;* въ *правой* колоннѣ, наступавшей почти на одной линіи съ всадниками Боццоло, двигалась приведенная въ порядокъ конница *Бріона,* а за нею—швейцарцы *Дисбаха;* въ *лѣвой* колоннѣ наступала «черная дружина» *Суффолька,* тоже предшествуемая конницей. Трудный маневръ—перемѣна фронта, при неожиданномъ нападеніи противника, повидимому, исполненъ былъ быстро и въ порядкѣ.

Французская артиллерія, приблизившись на пушечный выстрѣлъ къ бреши, черезъ которую продолжали еще дефилировать ландскнехты, открыла, подъ руководствомъ Гальо, дѣйстви-

тельный огонь по втягивавшимся въ паркъ колоннамъ противника, который, потерявъ, втеченіи короткаго промежутка времени, убитыми и ранеными до 1.000 чел., принужденъ былъ бѣгомъ проходить черезъ брешь и спѣшилъ укрыться въ лощину ручья Верпакулло.

Пользуясь произведеннымъ артиллерійскимъ огнемъ Гальо замѣшательствомъ, конница принца Боццоло кинулась въ атаку на аррьергардъ имперцевъ Папакоды и успѣла отбить слѣдовавшія при немъ 5 орудій, которыя не успѣли даже сдѣлать ни одного выстрѣла. Въ то время, когда средняя колонна и часть праваго крыла французовъ столкнулись съ аррьергардомъ и лѣвымъ флангомъ имперцевъ, главныя силы послѣднихъ успѣли развернуться по обѣ стороны замка Мирабелло, фронтомъ къ югу, постепенно выстраиваясь влѣво изъ походной колонны, при чемъ *правый флангъ*, почти доходя къ каналу, образовали испанскіе стрѣлки *Пескары* и 4.000 ландскнехтовъ, въ *центрѣ* стала тяжелая *конница*, а *лѣвый флангъ*, слегка поданный назадъ, вслѣдствіе энергичной атаки Гальо, состоялъ изъ остальныхъ *ландскнехтовъ* и *итальянцевъ*, прикрытыхъ неаполитанской конницей *Кастальдо*. Легкая конница Гуасто, бывшая при авангардѣ, успѣла проникнуть за Мирабелло и, стараясь войти въ связь съ гарнизономъ Павіи, пробралась въ тылъ расположенія французовъ.

Подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи, выстроилъ и король Францискъ свой боевой порядокъ, расположивъ въ *центрѣ* тяжелую *конницу*; *правѣе* ея стали *швейцарцы*, прикрытые съ наружнаго фланга конницей Боццоло, а *лѣвѣе* главныхъ силъ развернулась „черная дружина“ *Суффолька*, тоже прикрытая съ фланга легкой конницей *). 400 латниковъ герцога *Алансонскаго*, послѣ почнаго нападенія, были приведены въ порядокъ и поставлены въ общемъ *резервѣ*.

По окончаніи развертыванія, Пескара рѣшительно повелъ въ атаку своихъ аркебузеровъ противъ черной дружины, но стойкость послѣдней удержала натискъ испанской пѣхоты; въ то-же время, огонь французской артиллеріи привелъ въ замѣшательство не только лѣвый флангъ, но и центръ расположенія имперцевъ, а графъ Сальмъ, попытавшійся атакой

*) По схемѣ, приложенной къ соч. *Hardy* («Origines de la tactique», т. II, стр. 330), швейцарцы показаны на лѣвомъ флангѣ, а ландскнехты въ центрѣ; но дю-Беллэй ясно указываетъ, что швейцарцы были правѣе короля: «Le Roy ayant en sa main dextre le bataillon de ses Suisses qui estoit sa principable force marcha droict, au marquis de St. Ange qui menoit la première trouppe de leur gendarmerie». (Memoires, liv. II, стр. 68), почему на воспроизведенной на табл. V схемѣ № 16 сдѣлана соотвѣтствующая поправка.

своихъ бургундскихъ латниковъ помочь тяжелому положенію Пескары, былъ отброшенъ и, при отступленіи, привелъ въ безпорядокъ дружину нѣмецкихъ ландскнехтовъ Ситтиха Эмскаго и часть тяжелой конницы центра. Французская артиллерія открыла огонь и на правый флангъ имперцевъ, что еще болѣе разстроило испанцевъ.

Такимъ образомъ, около 10 часовъ утра, разстройство центра и лѣваго крыла имперцевъ, подъ дѣйствіемъ непріятельской артиллеріи, и отбитая атака, на ихъ правомъ крылѣ, дѣлала ихъ положеніе критическимъ, тѣмъ болѣе, что путь отступленія, въ видѣ узкой бреши въ стѣнѣ, представлялся крайне ненадежнымъ. Ланнуа уже отказался отъ мысли пробиться къ Павіи и рѣшился занять замокъ Мирабелло сильнымъ аррьергардомъ, стойкая оборона котораго дала-бы возможность организовать отступленіе остальныхъ силъ. Однако Пескара энергично настаивалъ на продолженіи наступательнаго боя, хотя и самъ уже отчаявался въ благополучномъ его исходѣ.

Повидимому, сраженіе могло быть выиграно почти исключительно однимъ дѣйствіемъ французской артиллеріи, такъ какъ латники ордоннансовой конницы еще не скрестили съ противникомъ ни одного копья. Пылкому Франциску казалось невозможнымъ предоставить лавры побѣды какимъ-то ремесленникамъ—артиллеристамъ, и вотъ, получивъ, вдобавокъ, донесеніе, что легкая конница Боццоло и Бріона, опрокинувъ аррьергардъ испанцевъ, захватила у нихъ нѣсколько орудій, король рѣшился немедленно произвести атаку своимъ центромъ, т. е.,—тяжелой конницей. Затрубили трубы, развернулись рыцарскія знамена и, блеща уборомъ и золотомъ, стройно двинулись въ атаку французскіе латники, имѣя во главѣ самаго короля, искусно направлявшаго свой ударъ въ промежутокъ между тяжелой испанской конницей и ландскнехтами, которые, подъ огнемъ артиллеріи, небольшими кучками отступали, въ безпорядкѣ, въ долину Вернакульскаго ручья. Лихой атакѣ французовъ не устояла имперская конница; испанскіе латники и двѣ бургундскихъ дружины Сальма, поспѣшившія на встрѣчу французамъ, были опрокинуты, и подъ копьемъ Франциска пали нѣсколько выдающихся рыцарей; онъ искалъ своего главнаго противника—Карла Бурбона, но тотъ прикрылся, на этотъ день, латами простого рыцаря, которому далъ надѣть свои собственные доспѣхи. Желаніе, во что-бы то ни стало, отыскать и наказать измѣнника—завело короля слишкомъ далеко; онъ дрался, какъ рыцарь, не думая о томъ, что

атака его заставила замолчать собственную артиллерію и что продолженіе боя конницы даетъ возможность противнику передохнуть и привести въ порядокъ свои фланги, разстроенные предыдущимъ боемъ *).

Но это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія наблюдавшаго за боемъ Пескары, который тотчасъ-же рѣшился воспользоваться новымъ оборотомъ дѣла и повернуть бой въ свою пользу. Онъ поспѣшилъ къ своимъ аркебузерамъ и, искусно расположивъ ихъ на холмѣ, вдоль опушки одной изъ рощицъ парка, открылъ ими пальбу во флангъ побѣдоноснымъ французскимъ латникамъ **). Мѣткій огонь испанской пѣхоты выводитъ скоро изъ строя лучшихъ бойцовъ ордонансовой конницы, и она яростно кидается на аркебузеровъ, но они ловко уклоняются отъ ударовъ латниковъ, примѣняются къ мѣстности и пользуются отдѣльными деревьями, пнями и пригорками парка; собираясь въ мелкія кучки, эти привычные къ дѣйствіямъ на пересѣченной мѣстности солдаты (то были преимущественно жители горныхъ странъ—Наварры и Бискаи), подъ руководствомъ энергичнаго капитана де-Кисада, и направляемые любимымъ вождемъ — Пескарой, продолжаютъ

---

*) «Le Roy abandonna son avantage pour aller chercher ses ennemis, tellement qu'il couvrit son artillerie et luy osta le moyen de jouer son jeu» опредѣленно говоритъ, по этому поводу, *Martin du Bellay.* (Livre II, стр. 68).

**) Такъ утверждаютъ испанскіе и итальянскіе историки, не сходясь лишь въ численности взятыхъ для этой цѣли аркебузеровъ; по Сандовалю, ихъ всего было 200; по Джовіо (Paulus Jovius)—ихъ 800; въ сочиненіи-же: «Rotta e prigione di Francesco I», говорится о 500 аркебузерахъ Другой итальянецъ, Тельо, въ сочиненіи «Vera Narratione del Teglio, а также французскіе историки: Фоларъ (т. IV, стр. 133), дю-Беллэй и, съ его словъ, Роканкуръ утверждаютъ, что Пескара расположилъ аркебузеровъ, по 20—30 человѣкъ, между эскадронами своей конницы. Роканкуръ (т. I, стр. 315) говоритъ, что такое построеніе приняли Ланнуа и Бурбонъ, расположивъ отъ 2,000 до 3.000 аркебузеровъ между эскадронами имперскихъ латниковъ, что и было причиной пораженія французской ордонансовой конницы. *Martin du Bellay*, который вообще долженъ считаться первоисточникомъ, ясно говоритъ (Liv. II, стр. 68): «ayant esbandé, deux ou trois mille arquebouziers parmy leur gendarmerie»—«разбросавъ 2-3 тысячи аркебузеровъ между своими латниками». Нѣмецкіе историки, особенно Брандтъ (стр. 329—330) и Іенсъ (стр. 1101), оспариваютъ это построеніе, находя показанія эти очень странными. Полагаемъ, что послѣ опыта подъ Ля-Бикокой, гдѣ аркебузеры были расположены тѣмъ-же Пескарой между артиллерійскими орудіями, онъ очень легко могъ придти къ мысли расположить аркебузеровъ и между частями конницы, находя удобнымъ присоединить къ латникамъ, вооруженнымъ холоднымъ оружіемъ, часть пѣхоты, съ ея огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ; мы скоро увидимъ, что такія построенія привились и получили быстрое распространеніе, повторяясь чуть-ли не два столѣтія, поэтому мы вовсе не находимъ показанія историковъ объ означенномъ построеніи странными; но Іенсу не нравится, что новизной такого построенія Фоларъ и Роканкуръ пытаются, до извѣстной степени, объяснить пораженіе Франциска; ему кажется, что достаточно быть «французомъ», чтобы испытать пораженіе отъ «германца»...

подкашивать блестящую дворянскую конницу Франциска I; послѣдній полагалъ избѣгнуть большихъ потерь, расширивъ фронтъ своего построенія, но отъ этого положеніе его не улучшилось, тѣмъ болѣе потому, что Пескара, замѣтивъ произведенное его аркебузерами дѣйствіе, подвелъ къ нимъ новую поддержку изъ 400 стрѣлковъ, которые, проникнувъ между рыцарскими копьями, стрѣляли на выборъ въ латниковъ и дали этимъ возможность имперской конницѣ, оправившейся послѣ первоначальнаго пораженія, возобновить атаку непріятельскаго центра. Ланнуа и Бурбонъ несутся со своей конницей на рыцарей Франциска и на этотъ разъ обращаютъ ихъ въ бѣгство, направившееся на свою-же артиллерію; на нее-же направилась съ тыла атака стратіотовъ маркиза Гуасто, которая, какъ выше было упомянуто, пробралась въ тылъ французской арміи, еще во время первоначальнаго ея развертыванія. Французскіе латники не въ силахъ защитить своей артиллеріи, и вся она, такъ блистательно завязавшая это сраженіе, попадаетъ въ руки имперцевъ.

Лишенная главнѣйшаго своего преимущества французская армія не въ силахъ уже стойко держаться: принужденные къ отступленію латники не получаютъ, со стороны своей пѣхоты, той поддержки, которую, какъ мы только что видѣли, оказала имперской конницѣ, въ подобномъ-же случаѣ, испанская пѣхота; наемныя дружины швейцарцевъ и авантюрьеровъ ведутъ бой лишь для того, чтобы можно было кое-какъ отступить. Когда-же Пескара замѣтилъ, что лѣвый флангъ имперцевъ еще не устроился послѣ безпорядка, произведеннаго отступленіемъ центра, то онъ смѣло повелъ свою испанскую пѣхоту съ своего праваго фланга, поперекъ всего поля сраженія, на непріятельскій правый флангъ и, прежде всего, на швейцарскихъ застрѣльщиковъ (enfants perdus) и находившіяся за ними сомкнутыя массы (Схема № 16, табл. V); предшествовавшіе этому наступленію аркебузеры осыпали швейцарцевъ градомъ пуль, и они тотчасъ-же обратились въ позорное бѣгство къ выходамъ въ южной стѣнѣ парка и дальше къ рѣкѣ Тичино *); только одна

---

*) По нѣкоторымъ источникамъ (мемуары маршала Віейльвиля, выдержка изъ которыхъ приведена въ сочиненіи *Hardy* («Origines de la tactique»; т. II, стр. 331, выноска), швейцарцы даже вовсе не хотѣли сражаться и направились, съ началомъ боя, по Миланской дорогѣ, ссылаясь на народный обычай—*никогда не драться по пятницамъ*, хотя дѣйствительной причиной такого отступленія, въ самую критическую минуту, было ихъ желаніе отомстить за пораженіе при Мариньяно (1515 г.), что «должно было доказать королю, въ его несчастьи, правильность поговорки, совѣтующей не довѣрять примирившемуся противнику».

плотная масса, въ которой сосредоточились лучшіе элементы швейцарскихъ наемниковъ, отступала въ юго-западномъ направленіи, въ грозномъ еще порядкѣ, и скоро соединилась съ пяти-тысячной массой «черной дружины» Суффолька, также отступавшей въ сравнительномъ порядкѣ, съ лѣваго фланга французовъ; такимъ образомъ, образовалась громадная масса, около 10.000 чел., которая медленно двигалась къ югу, отражая попытки противника разбить ее. Кругомъ этой массы шло однако уже паническое бѣгство; толпы авантюрьеровъ и швейцарцевъ, смѣшавшись съ легкой конницей и резервомъ графа Алансонскаго, который даже вовсе не вступалъ въ бой, ринулись въ ужасѣ къ нижнему Тичинскому мосту, не подозрѣвая, что тамъ-то и ждетъ ихъ вѣрная гибель: съ цѣлью поскорѣе оставить за собой преграду, которая остановила-бы ужасныхъ аркебузеровъ, латники графа Алансонскаго разрушили за собой мостъ черезъ Тичино, лежащій ниже города, и тѣмъ отрѣзали остаткамъ французской арміи единственный остававшійся путь отступленія.

Между тѣмъ, въ центрѣ продолжался неравный уже бой. Позади тяжелой конницы, которая въ бою съ французскими латниками продвинулась уже къ южной окраинѣ парка Чертоза, Пескара вновь переводитъ пѣхоту къ правому флангу, съ цѣлью разстроить единственную оставшуюся сплоченную массу «черной дружины» и соединившихся съ нею швейцарцевъ, а также спѣшившихся, съ цѣлью замѣнить отступившую пѣхоту, ордоннансовыхъ латниковъ Флёранжа. Первая попытка Пескары атаковать этотъ послѣдній оплотъ французской арміи, кончилась неудачей, и пѣхота Пескары отброшена къ Мирабелло; но тутъ поддержали его ландскнехты Фрундсберга, который успѣлъ привести свои войска въ порядокъ и, видя отступленіе Пескары, двинулся, полуоборотомъ налѣво, на выручку испанской пѣхоты. «Черная дружина» прекратила тотчасъ-же преслѣдованіе и приготовилась къ встрѣчѣ съ грознымъ противникомъ. Все еще по старому обычаю, передъ схваткой съ ландскнехтами, передъ фронтомъ черной дружины явился боецъ, потребовавшій на поединокъ самого Фрундсберга, но онъ тотчасъ-же былъ убитъ пулей аркебузера; охватывая массу противника съ двухъ сторонъ, направленіемъ въ обходъ дружины Ситтиха Эмскаго, имперцы врѣзались въ «черную дружину» и почти поголовно ее истребили.

Такимъ образомъ было подорвано, хотя и съ большими усиліями (самъ Пескара былъ при этомъ бою раненъ, но оправившись, немедленно вернулся, для руководства

боемъ), послѣднее сопротивленіе французской арміи; все уже бѣжало, и Лейва, комендантъ Павіи, слѣдившій изъ цитадели за ходомъ боя, приказалъ 5.000 ландскнехтамъ гарнизона выйти изъ сѣверныхъ воротъ цитадели и штурмовать окружавшія крѣпость линіи. Войска Бюсси д'Амбуазъ были разбиты и бѣжали, а отрядъ Лейвы ворвался тогда въ паркъ, на встрѣчу бѣжавшимъ передъ Фрундсбергомъ швейцарцамъ и конницѣ графа Алансонскаго; другую часть своего гарнизона Лейва направилъ къ верхнему мосту черезъ Тичино, къ которому тоже направлялись разсѣянные бѣглецы; мостъ этотъ былъ занятъ и разрушенъ испанцами. Отступавшимъ въ паникѣ войскамъ Франциска не оставалось, другого выбора, какъ бросаться на вѣрную смерть, на пики ландскнехтовъ, или подъ пули аркебузеровъ, или погибать въ мутныхъ волнахъ Тичино.

Когда, такимъ образомъ, на обоихъ флангахъ, побѣда имперцевъ была уже окончательно рѣшена, въ центрѣ все еще шелъ отчаянный бой порѣдѣвшей ордоннансовой конницы Франциска съ окружавшими ее имперцами. Увидавъ бѣгство швейцарцевъ и разгромъ черной дружины, король понялъ, что дѣло его, которое онъ считалъ блестящимъ, всего два часа тому назадъ, теперь проиграно окончательно. Видя, что ему остается или умереть, или сдаться, онъ однако, какъ вѣрный рыцарь, сдѣлалъ все, что отъ него зависило, чтобы избѣжать плѣна. Кругомъ него сплотился весь цвѣтъ французскаго дворянства,—испытанные вѣрные сподвижники его отца и дѣда, и одинъ за другимъ, падали любимые и высокочтимые имъ Ля-Палисъ, С. Северинъ, Ля-Тремуйль... Внѣ себя отъ горя за свой гибельный совѣтъ—принять бой, бросился на пики ландскнехтовъ Бонниве. Точно опьяненное героизмомъ, съ какой-то торжественной радостью, умирало за своего повелителя благородное рыцарство Франціи, стараясь лишь возможно дороже продать свою жизнь. И самъ рыцарь-король подавалъ въ этомъ примѣръ своимъ приближеннымъ, не допуская другой мысли, какъ отчаянно-мужественной обороной спасти хотя-бы свою честь. Но вотъ его, раненаго въ бокъ, оттѣснили къ маленькому мостику черезъ Вернакулло. Раненаго коня его убиваетъ графъ Сальмъ, и вмѣстѣ съ лошадью падаетъ король; но и тутъ, лежа на землѣ, онъ еще обороняется; на него накидывается великанъ-испанецъ, хватаетъ за рукавъ, а другой всаживаетъ ему пику, въ промежутокъ между грудной кирасой и наплечникомъ, и грозитъ убить его, если онъ не

сдастся. Король не выдержалъ этого послѣдняго испытанія злого рока и сдался *).

Маршалъ Монморанси, высланный наканунѣ, съ отрядомъ въ 3.000 пѣхотинцевъ и 100 латниковъ, для охраненія переправы у С. Ладре, двинулся на выстрѣлы къ парку Чертоза, но, не успѣвъ присоединиться къ войскамъ короля, онъ былъ окруженъ и разбитъ войсками Пескары, и самъ попалъ въ плѣнъ.

Къ 4-мъ часамъ пополудни, бой затихъ. Французы потеряли около 10.000 убитыми (по Гюичардини 8.000) и 2.000 плѣнными **); кромѣ того, 32 орудія, весь ихъ лагерь, съ богатой казной, достались въ руки побѣдителей. Имперцы потеряли убитыми до 2.000 человѣкъ (по Гюичардини всего 700 чел.).

Результатомъ сраженія при Павіи явилось очищеніе всего миланскаго герцогства уцѣлѣвшими французскими отрядами и полное подчиненіе имперцамъ всей Ломбардіи. Плѣнъ Франциска привелъ къ тяжелымъ условіямъ мадридскаго договора 1526 г., по которому, получая свободу, Францискъ отказывался отъ всякихъ притязаній на Бургундію, перешедшую во владѣніе Карла V, и на Провансъ съ Дофинэ, отходившіе Карлу Бурбону, а также на Италію, Фландрію и Артуа. Генрихъ VIII получилъ всѣ занятыя англичанами области ***). Впрочемъ папа Климентъ VII объявилъ мадридскій договоръ недѣйствительнымъ, и война вскорѣ вновь возобновилась.

Разборъ.

Операціи, закончившіяся сраженіемъ при Павіи, представляютъ намъ дальнѣйшее развитіе стратегическихъ и тактическихъ идей первой половины XVI вѣка.

Цѣли *стратегіи* сводятся, главнымъ образомъ, къ занятію

---

*) Возмутительное ограбленіе короля слѣдуетъ немедленно за его сдачей; каждый старается сорвать съ него часть его драгоцѣннаго убора, и его лишаютъ даже необходимой одежды. Однако еще возмутительнѣе комментаріи къ этой печальной картинѣ нравовъ того вѣка, которые дѣлаютъ Брандтъ (стр. 321) и Іенсъ (стр. 1105). Они оба находятъ (послѣдній, при этомъ, почти дословно списываетъ у перваго), что король былъ ограбленъ «съ благоговѣніемъ» («ward mit einer Art Ehrfurcht geplündert»), что это дѣленіе его доспѣховъ могло служить королю *вознагражденіемъ* (!) за тѣ тяжелыя минуты, которыя онъ переживалъ, попавъ въ плѣнъ («...mochte er einen Ersatz für die schweren Momente finden). Въ лицемѣрномъ желаніи оправдать этотъ грубый грабежъ, Іенсъ заставляетъ даже *улыбаться* короля добродушно-невинному развлеченію окружавшихъ его ландскнехтовъ и испанцевъ. Такое отношеніе историка къ фактамъ, кажется, не нуждается въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ.

**) У Іенса (стр. 1105) плѣнныхъ 20.000, что, вѣроятно, опечатка; въ австрійскомъ «Leitfaden»... (стр. 148) показана, повидимому, дѣйствительно вѣрная цифра—2.000 чел.

***) *Голицынъ*, ч. 3, стр. 157.

важныхъ географическихъ пунктовъ, съ тѣмъ, чтобы упрочить за собой обладаніе ими; такое фактическое занятіе извѣстнаго географическаго района, повидимому, казалось необходимымъ, для водворенія вообще власти и престижа монарховъ, или ихъ соперниковъ, стремившихся, путемъ расширенія своихъ владѣній, достигнуть престола. Въ первой половинѣ похода 1524 года, имперцы осаждаютъ Марсель, побуждаемые болѣе всего Бурбономъ, которому нужно овладѣть Провансомъ; во второй половинѣ 1524 года, Францискъ повторяетъ ошибку имперцевъ, осаждая Павію, дававшую ему преобладаніе въ Ломбардіи, и не обращая должнаго вниманія на остатки арміи союзниковъ, отошедшіе къ Лоди и получавшіе съ тыла подкрѣпленія, которыя дѣлали ее все болѣе и болѣе грозною. Продолжительная и безплодная осада Павіи поглощаетъ время и силы короля, который рѣшается еще болѣе себя ослабить диверсіей въ Неаполь, побуждаемый къ тому тѣмъ-же соблазномъ захватить необезпеченное вооруженной силой королевство и усилить этимъ свое могущество.

Но чувствуется уже и будущій фазисъ развитія стратегіи: Пескару уже не прельщаетъ географическая область, пока не разбитъ находящійся передъ нимъ противникъ; онъ энергично возстаетъ противъ мнѣнія коварнаго папскаго легата.

Смѣлый планъ Пескары—произвести нападеніе на непріятельскія линіи, обороняемыя почти равными, по численности, силами противника, соединяется съ осторожнымъ, зрѣло обдуманнымъ исполненіемъ. Въ теченіи трехъ недѣль, происходитъ подготовка къ задуманному предпріятію, которое удается, благодаря искуснымъ демонстраціямъ и пріученію противника къ мелкимъ ночнымъ тревогамъ *). Численность силъ про-

*) Въ этомъ отношеніи мы совершенно не раздѣляемъ мнѣнія Іенса, который полагаетъ, что «ни продолжительная подготовка нападенія Пескарой, ни окончательное его выполненіе, никоимъ образомъ, не могутъ заслужить похвалы» (Die Art dieses Angriffes, sowol die langwierige Vorbereitung, als die endliche Ausführung sind freilich keineswegs zu loben». Handbuch, стр. 1105). Іенсъ полагаетъ, что только прекрасными свойствами нѣмецкихъ ландскнехтовъ, и только отчасти испанской пѣхоты, объясняется окончательная побѣда, при чемъ подчеркиваетъ, какъ часто французскіе короли дѣлаются военно-плѣнными ихъ непріятелей: Пуатье, 1356 г. (Іоаннъ Добрый), Павія, 1525 г. (Францискъ I), Парижъ, 1814 и 1815 г, (Наполеонъ I) и Седанъ, 1870 г. (Наполеонъ III) представляютъ плѣненія главы французскаго государства. При этомъ однако упускается изъ виду, что, когда короли Франціи сражались въ первыхъ рядахъ своихъ армій, то верховные вожди ихъ противниковъ сидѣли дома (какъ въ 1525 г.), или смотрѣли, въ качествѣ зрителей боя, расположившись за весьма солидными преградами, отдѣлявшими ихъ отъ мѣста боя (какъ подъ Седаномъ—за Мозелемъ). Рыцарскій духъ французской націи требовалъ и еще долго будетъ требовать присутствія вождей, во главѣ своихъ армій, и личнаго его примѣра своимъ войскамъ, а при этомъ немудрено, что,

тивника не могла играть, при нападеніи на его линіи, того значенія, какое-бы оно имѣло, еслибъ бой происходилъ внѣ сферы вліянія крѣпости, въ открытомъ полѣ: осадныя работы требовали выдѣленія отрядовъ, для охраненія этихъ работъ; противъ гарнизона Павіи долженъ былъ быть оставленъ наблюдательный отрядъ; кромѣ того, внезапность нападенія должна была морально увеличить силы имперцевъ сознаніемъ выгоды ихъ неожиданнаго появленія, на флангѣ противника, и захватомъ въ свои руки почина въ дѣйствіяхъ; и обратно, ослабить таковыя у французовъ,—сознаніемъ собственной неготовности для встрѣчи противника и впечатлѣніемъ безвыходности своего положенія, въ случаѣ неудачи; мы видимъ и результаты такого нравственнаго пораженія въ поведеніи, во время боя, подвергшихся первому нападенію войскъ герцога Алансонскаго.

Наступленіе всей арміи имперцевъ, черезъ узкую брешь въ стѣнѣ парка, было, конечно, рисковано и могло привести къ неудачѣ, еслибъ сторожевая служба отправлялась французами съ должнымъ вниманіемъ, и еслибъ лагерь у Мирабелло не былъ-бы расположенъ такъ безпечно, а охранявшія его войска своевременно подняли-бы тревогу. Но въ томъ-то и заслуга Пескары, что онъ, повидимому, былъ хорошо освѣдомленъ о положеніи дѣлъ во французскомъ лагерѣ, и основалъ свой планъ на дѣйствительныхъ данныхъ, позволявшихъ ему разсчитывать на успѣхъ предпріятія.

Рѣшеніе Франциска I—ожидать нападенія въ своихъ линіяхъ и продолжать осаду,—въ виду угрожающаго положенія императорской арміи, мы никакъ не можемъ назвать соотвѣтствующимъ обстановкѣ. Не такъ поступали выдающіеся полководцы до него (Гастонъ де-Фуа, подъ Равенной), не такъ одерживались наиболѣе замѣчательныя побѣды XVII и XVIII вѣковъ, въ продолженіе которыхъ мы будемъ постоянно видѣть дѣйствія, сопровождающіяся осадой крѣпости и ея деблокадой; Гастонъ де-Фуа, Тюреннъ, Конде, Евгеній Савойскій и, наконецъ, Бонапарте (подъ Мантуей) побѣждаютъ не пассивнымъ выжиданіемъ арміи, пытающейся освободить крѣпость отъ блокады, но смѣлымъ движеніемъ на встрѣчу ей,

---

при измѣнчивости военнаго счастья и при неизбѣжныхъ, порой, ошибкахъ, они иногда не избѣгали позора плѣна; но вмѣстѣ съ тѣмъ, многими лаврами Францiя обязана тѣмъ-же своимъ коронованнымъ вождямъ, вслѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ надъ тѣми-же нѣмцами; стоитъ только вспомнить: Мариньяно, Регенсбургскіе дни, Ваграмъ, Іену, Бауценъ, Сольферино и Мадженту.

хотя-бы это требовало снятія осады и временнаго отказа отъ намѣченной цѣли, которая является, ввиду новыхъ условій обстановки, уже цѣлью второстепенной. И обратно, мы будемъ имѣть случай привести далеко не единичные военно-историческіе примѣры, когда, за отказъ отъ такого энергичнаго способа дѣйствій, даже талантливые полководцы сильно платились (Конде—подъ Аррасомъ, Тюреннъ—подъ Валансьеномъ, герцогъ Орлеанскій—подъ Туриномъ, въ 1706 году и т. п.). Нѣмецкіе историки — Брандтъ (т. III, стр. 332), а за нимъ и Іенсъ (стр. 1094)—почему-то считаютъ, что подобное рѣшеніе Франциска I вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительной обстановкѣ и, заключая въ себѣ положительную цѣль,—побѣду надъ противникомъ, являлось болѣе сильнымъ въ моральномъ смыслѣ, чѣмъ отрицательный результатъ, котораго думали достигнуть его одряхлѣвшіе совѣтники. Но для достиженія моральнаго превосходства, именно, нужно было выйти изъ линій и одержать верхъ надъ противникомъ, а пассивное ожиданіе въ линіяхъ, при крайне растянутомъ расположеніи, при возможности легкаго прорыва ихъ прибывшей на выручку арміей, никакъ не могло придать французской арміи увѣренности въ своемъ нравственномъ превосходствѣ надъ имперской арміей. Въ числѣ совѣтниковъ Франциска, Ля-Тримуйль, именно, указывалъ невыгоды такого способа дѣйствій и предлагалъ энергичнымъ ударомъ отбросить армію Ланнуа и Пескары. Рѣшеніе - же Франциска I принадлежало къ тѣмъ, которыми могли быть достигнуты лишь отрицательные результаты. Если-же нельзя было рѣшиться на атаку арміи Ланнуа и Пескары, то, конечно, лучше было снять осаду и затянуть войну, чѣмъ пассивно ждать, пока противникъ не нанесетъ свой грозный ударъ.

Что касается до рѣшенія короля, при тревогѣ немедленно выдвинуться въ паркъ Чертоза, чтобы выиграть болѣе обширное поле для дѣйствій и выйти изъ стѣсненнаго крѣпостью и рѣкой Тичино положенія въ осадныхъ линіяхъ, угрожаемыхъ съ тыла энергичнымъ комендантомъ Павіи, то оно представляется намъ соотвѣтственнымъ создавшейся критической обстановкѣ, и оно только лишній разъ подтверждаетъ, что оставаться въ самыхъ линіяхъ и ожидать атаки было настолько опасно, что даже, при внезапномъ нападеніи, король не рѣшился на такой способъ дѣйствій, хотя, вѣроятно, онъ далъ-бы возможность французскимъ войскамъ скорѣе изготовиться къ бою. Направленіе удара короля въ лѣвый флангъ

противника—въ сторону продѣланной бреши, поражая самую чувствительную точку — его главнѣйшій путь отступленія, — представляется также самымъ цѣлесообразнымъ способомъ дѣйствій.

Тактика различныхъ родовъ оружія вступаетъ, въ сраженіи подъ Павіей, въ очень интересный фазисъ развитія. Дѣйствія *пѣхоты*, особенно аркебузеровъ Пескары, независимо отъ спорнаго вообще вопроса, были-ли они поставлены между частями имперской конницы, или самостоятельно двинуты на ея флангъ, для ея поддержки, вырываютъ побѣду у французской конницы, уже торжествующей на полѣ сраженія, со своимъ лихимъ королемъ во главѣ. Фактъ дѣйствительно знаменательный для пѣхоты, которую еще такъ недавно считали «обозной сволочью», недостойной даже атаки благородныхъ рыцарей. Развитіе и усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія (въ 1521 г., изобрѣтенъ мушкетъ), въ связи съ разумнымъ употребленіемъ пѣхоты въ бою начальниками, проникшимися ея дѣйствительнымъ значеніемъ, дало ей превосходство въ бою надъ самыми выдающимися въ Европѣ представителями тяжелой дворянской конницы.

Нельзя считать образъ дѣйствій испанской пѣхоты, подъ Павіей, лишь благопріятной для нея случайностью; достойный ученикъ великаго создателя испанской пѣхоты, Гонзальва Кордуанскаго, талантливый маркизъ Пескара вполнѣ сознательно чувствуетъ, что въ его аркебузерахъ будетъ лежать центръ тяжести предстоящаго боя, на что, между прочимъ, указываетъ и приведенная подробность относительно его собственнаго снаряженія и одежды; надо совершенно перенестись въ ту эпоху, чтобы оцѣнить, по достоинству, отказъ Пескары предстать передъ войсками блестящимъ рыцаремъ, въ полныхъ доспѣхахъ, и промѣнять это облаченіе на скромный и, главное, презираемый дворянами костюмъ пѣхотинца. Быстрый результатъ, достигнутый испанской пѣхотой, и успѣшный поворотъ хода дѣлъ тоже, повидимому, указываютъ на то, что Пескара заранѣе подготовилъ свою пѣхоту къ подобному образу дѣйствій, что послѣдній не явился лишь блестящей импровизаціей, но, скорѣе, былъ плодомъ зрѣлаго обдумыванія и выводомъ изъ опыта сраженій послѣднихъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ уже проявилось все значеніе хорошей пѣхоты. Поэтому возможно предположить, что аркебузеры были, дѣйствительно, размѣщены между частями тяжелой конницы, съ цѣлью поддержать ее при атакѣ противника (см. выноску

на стр. 119). Какъ-бы то ни было, дѣятельность пѣхоты Пескары, въ сраженіи подъ Павіей, является уже совершенно новымъ образомъ дѣйствій этого рода оружія, въ которомъ начинаетъ лежать центръ тяжести успѣха въ бою.

Замѣчательна также способность пѣхоты къ маневрированію на полѣ сраженія; она не кидается въ лобъ на противника и не ограничивается однимъ фронтальнымъ наступленіемъ противъ его линіи, но, направляемая Пескарой и Фрундсбергомъ, нѣсколько разъ переходитъ съ одного фланга боеваго порядка на другой, пересѣкая косвенно все поле сраженія и являясь туда, гдѣ болѣе всего обнаруживалась, въ данную минуту, необходимость ея немедленной дѣятельности.

Если, такимъ образомъ, въ сраженіи подъ Павіей, мы видимъ шагъ впередъ со стороны тактики пѣхоты, то *тактика конница* осталась, повидимому, прежней: рыцарство, сродное духу французской дворянской конницы, не заключало въ себѣ силъ, для своего оживленія, послѣ ударовъ, нанесенныхъ ему еще столѣтней войной; какъ учрежденіе, свято оберегавшее старинныя традиціи, оно оказалось неспособнымъ къ дальнѣйшему самоусовершенствованію. По случайному совпаденію, обѣ арміи выстраиваютъ свой боевой порядокъ, помѣщая тяжелую конницу въ его центрѣ, при чемъ, насколько позволяютъ судить источники, строй ея, по прежнему, состоитъ изъ ряда поставленныхъ на извѣстныхъ интервалахъ «полныхъ копій», строго слѣдуя, въ порядкѣ построенія, старшинству знатности рода. Фронтальная лобовая атака этого строя «частоколомъ» (en haie), притомъ атака несвоевременная, вызванная горячностью короля, не выждавшаго окончательнаго дѣйствія своей артиллеріи,—вотъ все, что мы видимъ на сторонѣ тяжелой конницы французовъ; у имперцевъ она, повидимому, также не достигла ничего новаго, въ смыслѣ своего тактическаго развитія, не выработала какихъ-либо новыхъ тактическихъ пріемовъ и построеній, если не считать придачи ей пѣшихъ аркебузеровъ; вѣроятнѣе всего предположить, что имперская конница сражалась въ 3-хъ отдѣльныхъ группахъ, соотвѣтственно ея начальникамъ (Ланнуа, Бурбонъ и Сальмъ), и что между этими группами (какъ увѣряетъ дю-Беллэй), дѣйствительно, помѣщались аркебузеры, которые и выручили конницу, при ея пораженіи французскими латниками. Идея перемѣшиванія пѣшихъ и конныхъ частей получила дальнѣйшее развитіе, главнымъ образомъ, въ XVII и началѣ XVIII вѣка, и мы на ней остановимся, впослѣдствіи, болѣе подробно; теперь

же ограничимся замѣчаніемъ, что она знаменуетъ, вообще, періодъ упадка конницы, которая, не будучи въ состояніи самостоятельно выполнять лежащія на ней боевыя назначенія, нуждается въ ближайшей поддержкѣ пѣхоты, не только въ смыслѣ выручки ея въ бою, но и въ отношеніи принятія тактическаго построенія, которое давало-бы возможность быстро оказать эту поддержку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ порядокъ, въ частности, указываетъ на опасенія принявшихъ это построеніе военачальниковъ въ превосходствѣ непріятельской конницы, для единоборства съ которой чувствуется необходимость привлечь помощь другаго рода оружія—пѣхоты. Такимъ образомъ, если Пескара предвидѣлъ необходимость усилить латниковъ присоединеніемъ къ нимъ аркебузеровъ, то это является лишь подтвержденіемъ того, что у выдающихся полководцевъ того времени уже явились сомнѣнія въ способности тяжелой конницы самостоятельно достигнуть благопріятныхъ результатовъ въ бою и явились опасенія за неудачу кавалерійскаго поединка съ лучшей конницей Европы того времени. Кровопролитный бой латниковъ, геройство французскихъ дворянъ—прямыхъ потомковъ рыцарей, доблестно защищавшихъ, до послѣдняго издыханія, честь короля и своего оружія, показываетъ намъ, что не въ отсутствіи хорошихъ боевыхъ качествъ отдѣльныхъ бойцовъ заключалась основная причина ихъ гибели; нѣтъ, коренная причина лежала глубже и *заключалась въ отсталости всего рыцарскаго строя, въ безплодности усилій отдѣльныхъ лицъ оживить неспособное къ дальнѣйшему усовершенствованію и развитію, отжившее уже учрежденіе рыцарства.* Не получая поддержки отъ другихъ элементовъ вооруженной силы, оно можетъ только съ честью умирать и гибнуть подъ пулями народившейся, ненавистной ему пѣхоты.

Артиллерія завоевала себѣ сраженіемъ подъ Павіей новое, выдающееся положеніе, хотя и подтвердила своими дѣйствіями, что она можетъ лишь, болѣе или менѣе, подготовить бой другихъ родовъ оружія и лишена возможности единолично достигнуть рѣшительныхъ результатовъ; имперцы, лишенные, съ самаго начала боя, всей своей немногочисленной артиллеріи, тѣмъ не менѣе, торжествуютъ, съумѣвъ одержать побѣду другими родами оружія.

Французская артиллерія, искусно руководимая опытнымъ генераломъ—Гальо де-Женульякомъ,—показываетъ уже замѣчательную, для того времени, способность къ маневрированію и быстро достигаетъ блестящихъ результатовъ, вырвавъ изъ

рядовъ противника, въ короткій промежутокъ времени, 1.000 человѣкъ и принудивъ его временно прекратить попытки къ продолженію наступленія и, въ полномъ безпорядкѣ, искать спасенія въ складкахъ мѣстности *).

Испанскіе историки, особенно Сендоваль, даютъ показанія о замѣчательныхъ техническихъ усовершенствованіяхъ французской артиллеріи, которыя давали ей возможность такъ прекрасно дѣйствовать въ бою. Онъ утверждаетъ, что орудія для стрѣльбы не отпрягались отъ лошадей, которыя ихъ возили, а поворачивались только дуломъ впередъ, помощью прикрѣпленной къ лафету крѣпкой желѣзной дуги, удерживавшей, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдачу; такимъ образомъ, можно было изъ каждаго орудія стрѣлять, направляя его въ ту сторону, куда желалъ открыть огонь артиллеристъ, не отпрягая при этомъ лошадей **).

Въ окончательномъ выводѣ, причину пораженія французовъ мы должны приписать плохой стратегической подготовкѣ, тактическому промаху короля, въ связи съ тактической неудовлетворительностью составныхъ элементовъ французской арміи; но такъ какъ артиллерія и, отчасти, конница стояли выше соотвѣтствующихъ элементовъ имперской арміи и даже дѣйствовали успѣшнѣе, то тѣмъ слабѣе оказывается ея пѣхота, не явившаяся для подкрѣпленія ослабѣвавшей въ трудномъ бою конницы, не выручившая своей артиллеріи, не съумѣвшая противостоять удару имперской пѣхоты. Плохія же боевыя качества пѣхоты французовъ вполнѣ объясняются ея комплектованіемъ: составленныя изъ самыхъ разрозненныхъ элементовъ, заключая въ себѣ $^4/_5$ чуждыхъ Франціи и ея интересамъ иностранцевъ и лишь $^1/_5$ *французскихъ авантюрьеровъ*, т. е., людей, набранныхъ изъ поддонковъ общества,— наемныя дружины оказались значительно ниже и по способу веденія боя и по стойкости своей, сравнительно съ пѣхотой противника, олицетворявшей собой идею габсбургской монархіи, заключавшей почти исключительно нѣмецко-испанскіе народные элементы.

Пресловутые швейцарцы, заслужившіе славу непобѣдимаго

---

*) Джовіо показываетъ, что самъ Ланнуа и выдающіеся начальники имперской арміи скрылись за зданіями и пригорками парка. Дю-Беллэй увѣряетъ, что видно было, какъ, подъ огнемъ французской артиллеріи, производившей настоящія бреши въ батальонахъ ландскнехтовъ, летали ихъ руки и головы («Coup à coup ils faisoient les breches dedans leurs bataillons, de sorte que n'eussiez veu que bras et testes voler». L. II, стр. 68, прав.).

**) «Historia del Emperador Carlos V.» (Lib. XII, стр. 634). Испанскій текстъ у Брандта. (т. III, стр. 332).

войска побѣдоносной защитой своей страны, своихъ родныхъ очаговъ, въ XIV и XV вѣкахъ, отъ нашествія австрійцевъ, бургундцевъ и французовъ, оказываются, въ XVI вѣкѣ, когда силами ихъ пользуются, какъ наемниками, уже далеко не на высотѣ своей славы; подъ Мариньяно, они разбиты тѣми-же французами, за которыхъ дрались теперь; подъ Ля-Бикокой, движимые личнымъ эгоизмомъ, они заставляютъ полководца дѣлать ошибку за ошибкой и жестоко наказаны за свою алчность. Довѣріе ихъ къ самимъ себѣ должно было пасть послѣ такихъ жестокихъ уроковъ; подъ Павіей, наконецъ, они доказали, что заведенная кантонами Швейцаріи торговля воинами даетъ доступъ въ наемныя дружины самымъ низкопробнымъ элементамъ, которые не выдерживаютъ тяжелаго боевого испытанія, когда противникомъ ихъ является народная пѣхота, сражающаяся за своего природнаго государя и за свою родину. Если подъ Мариньяно и Ля-Бикокой они еще пытаются, хотя и неудачно, наступать и атаковать, то подъ Павіей они достигли дальнѣйшей стадіи своего упадка: не пытаясь уже переходить въ наступленіе, они оказались неспособными и къ пассивной оборонѣ.

Но то, что ясно изслѣдователю, черезъ 350 слишкомъ лѣтъ, далеко не было ясно, въ то время, повелителямъ Франціи, и мы видимъ, что тѣ-же швейцарцы фигурируютъ, въ числѣ вооруженныхъ силъ французскихъ королей, вплоть до великой французской революціи.

ГЛАВА III.

Организація вооруженныхъ силъ Испаніи, въ XV и XVI вѣкахъ.

Прежде чѣмъ продолжить изслѣдованіе дальнѣйшаго развитія военнаго дѣла во Франціи, необходимо выяснить данныя, способствовавшія организаціи армій Испаніи и Германіи, которыя, будучи объединены во время царствованія Карла V, какъ мы видѣли, достигли крупныхъ успѣховъ надъ лучшею изъ современныхъ ему европейскихъ армій — арміей Франциска I.

Вліяніе арабовъ.

Учрежденіе вооруженной силы и способъ ея комплектованія въ Испаніи подверглись значительному вліянію мавританскаго военнаго искусства, почему представляется умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ и о немъ.

Исламъ пробудилъ къ военной жизни «бѣднаго сына пустыни». Магометъ, возведя войну въ культъ, далъ сильный толчекъ воинственному духу арабовъ, соединилъ ихъ разрозненныя кочующія племена и создалъ военную силу, воодушевленную единымъ религіознымъ чувствомъ, глубокой ненавистью къ невѣрнымъ и горячимъ желаніемъ учредить магометанство во всемъ мірѣ грозною силою оружія. Коранъ, проповѣдуя войну, въ то-же время, далъ важнѣйшія указанія на наиболѣе цѣлесообразные способы ея веденія. 61-я сура корана носитъ спеціальное заглавіе: «боевой порядокъ», и въ ней, между прочимъ, значится: «Богъ любитъ тѣхъ, которые ведутъ войну за вѣру и строятъ боевой порядокъ, также хорошо сплоченный, какъ крѣпкій домъ».

Первые боевые порядки Магомета состояли изъ колоннъ пѣхоты, вооруженной пиками, съ легкими лучниками, собиравшимися въ отдѣльные отряды, и съ конницей на флан-

гахъ. Не слѣдуетъ считать, что конница, съ самаго начала, являлась преобладающимъ родомъ оружія у арабовъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Напротивъ, въ первыя времена распространенія ислама, конница далеко не была многочисленною, и при Магометѣ, арабы преимущественно сражались въ пѣшемъ строѣ *). Какъ ни странно это кажется, верблюды играли бо́льшую роль въ первыхъ арабскихъ арміяхъ, чѣмъ лошади. Первое войско Магомета состояло изъ 300 человѣкъ, 60 верблюдовъ и 3-хъ лошадей. «Верблюдомъ завоеваны Сирія и Египетъ», говоритъ старая арабская поговорка.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Магометомъ было сдѣлано все возможное, чтобы организовать сильную конницу, обезпеченную хорошимъ конскимъ составомъ; средствомъ для этого послужила опять вѣра, какъ самый надежный и сильный двигатель арабовъ. «Кто не можетъ исполнить даннаго слова, говорилъ пророкъ, тотъ пусть на дѣло Божье заведетъ коня, и простятся тогда правовѣрному всѣ согрѣшенія его»... «Конь, въ порядкѣ содержимый для священной войны, спасаетъ своего господина въ день воскресенья» **). Рядъ средствъ, принятыхъ Магометомъ для побужденія къ воспитанію, выѣздкѣ и содержанію хорошихъ кровныхъ лошадей, увѣнчался полнымъ успѣхомъ; конь сдѣлался предметомъ самой страстной любви, самаго заботливаго попеченія, сталъ почти предметомъ религіознаго культа; чистота крови, рѣзвость, сила и долголѣтіе арабскихъ лошадей сдѣлались поразительными, и вѣками держится ихъ слава до нынѣшнихъ дней.

Всѣ правовѣрные обязаны были военной службой, если только хотѣли получить вознагражденіе въ загробной жизни. Рабы и невѣрные не допускались въ ряды мусульманскаго войска, которое, такимъ образомъ, было составлено исключительно изъ національныхъ элементовъ. Это основное положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дало возможности образоваться военной кастѣ, отдѣленной отъ остальныхъ классовъ мусульманскаго общества, которое, все поголовно, являлось вооруженнымъ народомъ. Ничего подобнаго феодальному строю, процвѣтавшему тогда во всей западной Европѣ, при такихъ условіяхъ, конечно, не могло образоваться. Стоявшіе во главѣ областей намѣстники—*вали*—должны были набирать войска, и

---

*) *Гейсманъ.* «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства». Ч. I, стр. 57.
**) *Jähns.* «Handbuch»; стр. 499.

они-же вели эти войска въ бой, подчиняясь лишь халифу. Отдѣльными отрядами одной и той-же области командовали *кади*, подчинявшіеся вали.

Такая разница въ организаціи арабскихъ войскъ не замедлила отразиться и на ихъ боевыхъ формахъ, рѣзко отличавшихся отъ принятыхъ, въ то время, въ западной Европѣ. Боевой порядокъ арабовъ, въ VII вѣкѣ, состоялъ изъ трехъ линій, изъ которыхъ первая образована была легкой конницей, завязывавшей бой и носившей своеобразное названіе «утро псоваго лая», а двѣ остальныя («день помощи» и «вечеръ потрясенія») состояли изъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ колоннъ, строившихся въ шахматномъ порядкѣ. Кромѣ того, за 3-й линіей строились еще послѣдніе резервы изъ отборныхъ дружинъ («аль-мухаджары» и «аль-ансары» — «спутники» и «помощники пророка»), между которыми находилось знамя пророка; за этимъ резервомъ располагался еще обозъ (схема № 9, на табл. II). Этотъ боевой порядокъ позволялъ постепенно вводить въ бой заднія линіи и являлся, такимъ образомъ, весьма удобнымъ, для парированія всякихъ случайностей боя, осуществляя идею резерва и взаимной выручки *).

Завоевавъ, въ VIII вѣкѣ, почти весь Пиренейскій полуостровъ, мавры положили начало государству съ чрезвычайно богатой культурой, давшему пріютъ всѣмъ видамъ человѣческихъ знаній и искусствъ и далеко превзошедшему состояніе ихъ у современныхъ имъ обитателей Испаніи. Вліяніе мавританской культуры, въ значительной мѣрѣ, сказывается до сихъ поръ на искусствѣ, правахъ, языкѣ и культурѣ Испаніи, не смотря на то, что уже болѣе 4-хъ вѣковъ прошло со времени взятія Гренады и паденія съ нею, въ 1492 г., послѣдняго мавританскаго халифата на Пиренейскомъ полуостровѣ. По прежнему, пополняя свою армію изъ народныхъ элементовъ (хотя скоро проникли въ армію и наемники, именно негры и испанцы), мавры считали основой своей вооруженной силы — хорошо обученную и снаряженную пѣхоту. Только въ вооруженіи ея явилось нѣкоторое видоизмѣненіе, въ видѣ принятія халифомъ Абдулъ-Муменомъ, въ XII вѣкѣ, такъ называемой *амры*, т. е., пики, около 12 фут. длиной, которая могла, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить и метательнымъ оружіемъ (на подобіе древне-римскаго пилума).

Численность конницы, при этомъ халифѣ, была уже зна-

*) *Пузыревскій*. «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка»; (ч. I, стр. 140). *Гейсманъ*. «Краткій курсъ». (Ч. I, стр. 59).

чительнѣе численности пѣхоты, но, такъ какъ онъ не считалъ число главнымъ рѣшающимъ элементомъ на войнѣ, а видѣлъ все свое преимущество въ сплоченности и сомкнутости своихъ боевыхъ порядковъ, то и не придавалъ большого значенія своей конницѣ, которая рѣдко вела правильный бой въ сомкнутомъ порядкѣ, а дѣйствовала, главнымъ образомъ, въ разсыпную... Тактическая организація арабскихъ армій, по примѣру восточныхъ народовъ, была основана преимущественно на дѣленіи арміи на 5 составныхъ частей: передовой отрядъ, правое и лѣвое крыло, центръ и тыльный отрядъ, а вся армія называлась «хамисъ», т.-е., пятичленная.

Первые халифы употребляли два способа дѣйствій: или бой наступательный, съ заманиваніемъ, или бой, съ наступленіемъ линіями. Въ первомъ случаѣ, являлась невыгода большой продолжительности боя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и выгода сравнительной безопасности веденія боя, такъ какъ при этомъ считалось обязательнымъ имѣть въ тылу опорный пунктъ—лагерь, который приспособлялся къ оборонѣ. При наступленіи линіями, пѣхота (аль-мукаденъ) строилась всего въ 3 шеренги: въ первой—вооруженные мечами и щитами, во второй—пикинеры (тоже съ щитами), въ третьей—лучники. При остановкѣ, 2-я шеренга становилась на колѣно и наклоняла пики. Въ ожиданіи, такимъ образомъ, атаки противника, никто не смѣлъ двинуться съ мѣста, или встать, если стоялъ на колѣнѣ. Конница-же (аль-наибъ), располагавшаяся за промежутками, которые оставлялись между частями пѣхоты 1-й линіи, должна была, какъ только противникъ ввяжется въ бой, выйти изъ-за пѣхоты и, со всею силою, атаковать его фланги, что обыкновенно и рѣшало окончательную побѣду. Во всякомъ случаѣ, этотъ послѣдній ударъ наносился уже послѣ продолжительной подготовки успѣха, когда противникъ былъ утомленъ боемъ и силы его истощены; на образномъ языкѣ арабовъ, это выражалось ихъ древней поговоркой. «пророкъ имѣлъ привычку побѣждать вечеромъ» *).

Одинъ уже этотъ способъ дѣйствій въ бою даетъ возможность судить о высокой степени боевой выдержки тѣхъ войскъ, которыми онъ примѣнялся. При послѣднихъ Омаядахъ, этотъ способъ впрочемъ нѣсколько видоизмѣнился, такъ какъ, вмѣсто сплошныхъ линій явились сравнительно небольшіе компактные отряды (кардусы).

---

*) *Пузыревскій,* (ч. I, стр. 140), *Brandt,* (ч. II, стр. 237).

Въ періодъ объединенія Испаніи подъ властью династіи Альмохадовъ, въ концѣ XII вѣка, боевой порядокъ мавровъ, въ общемъ, представлялъ четырехъ-угольникъ, въ первой линіи котораго, со всѣхъ четырехъ сторонъ, стояла тяжелая пѣхота, вооруженная, «амрами»; за ними стояли меченосцы, съ круглыми щитами, а въ третьей линіи—арбалетчики и пращники. Середину четырехъ-угольника занимала тяжелая конница, которая, въ рѣшительную минуту, выходила изъ этого карре, черезъ образовавшіеся въ немъ выходы, для чего заранѣе назначались части пѣхоты, открывавшія эти выходы движеніемъ впередъ. Внѣ этого карре находились охотники и легкія войска, на которыхъ возлагалась развѣдка и завязка боя; если противнику удавалось ихъ опрокинуть, то затѣмъ ему приходилось имѣть дѣло съ пикинерами, усиленными позади стоявшими стрѣлками; если онъ успѣвалъ преодолѣть и это сопротивленіе и врывался въ ряды карре, то съ нимъ раздѣлывались меченосцы, которые, прикрываясь щитами, рубили мечами ворвавшагося противника, а въ то-же время, по данному сигналу, черезъ боковыя части карре выходила тяжелая конница и направляла свой грозный ударъ на тылъ и фланги атаковавшаго непріятеля. Наконецъ, послѣднимъ резервомъ служила тыловая часть карре, которая, будучи составлена изъ лучшихъ войскъ, подъ личнымъ предводительствомъ полководца, готова была всегда поддержать первую линію; ударомъ этого резерва часто разбивался уже побѣдоносно прошедшій первыя линіи и выдержавшій ударъ конницы противникъ.*)

Бой мавровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обыкновенно сопровождался какой-либо засадой, внезапнымъ нападеніемъ резерва на флангъ противника, притворнымъ бѣгствомъ, вообще какой либо военной хитростью, далеко не нося характера фронтальнаго лобоваго единоборства, которое примѣнялось западно-европейскими войсками, по примѣру средне-вѣковыхъ рыцарей, пренебрегавшихъ проявить какую-либо творческую мысль въ области военнаго искусства и полагавшихъ, что послѣднее состоитъ лишь въ искусномъ владѣніи копьемъ и мечемъ.

Образованіе испанскаго государства и первыя испанскія войска.

Быстраго покоренія маврами избѣгли, на Пиренейскомъ полуостровѣ, лишь незначительныя племена, частью кочующіе пастухи, частью уже осѣдлые жители горъ, потомки первобытныхъ обитателей Иберіи—кельтовъ, басковъ, иберовъ, вестъ-

*) *Jähns.* «Handbuch»; стр. 1032. *Aschbach.* «Geschichte Spaniens und Portugals zur Zeit der Herrschaft der Almoraviden und Almohaden». Frankfurt am Main. 1833—1837 (т. II, стр. 263).

готовъ,—укрывшiеся въ горныхъ странахъ сѣверной части Пиренейскаго полуострова. Племена эти сохранили древне-патрiархальную жизнь, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, право и обязанность каждаго, способнаго носить оружiе,—идти на войну, когда является общiй противникъ. Достойно изумленiя, какъ, съ одной стороны, быстро пало господство готскихъ королей въ южной и средней Испанiи, усѣянной преимущественно торговыми колонiями грековъ, финикiянъ, карѳагенянъ, римлянъ и прочаго разноплеменнаго купеческаго люда и ослабленной постоянными раздорами и междоусобiями готскихъ графовъ и герцоговъ: и въ тоже время, какъ, съ другой стороны, стойко боролась за независимость небольшая христiанская община, искавшая спасенiя, у подножья Пиренейскихъ горъ, отъ подчиненiя ненавистному мусульманскому владычеству. Къ этой общинѣ примкнули остатки вестготскихъ дружинъ, графы и князья, пожелавшiе остаться свободными отъ подчиненiя мавританскому владычеству; они оцѣнили стойкость этихъ первобытныхъ обитателей страны противъ иноземнаго вторженiя и постепенно слились съ ними, для борьбы съ общимъ противникомъ: на этой почвѣ создался источникъ силы, которой суждено было не только положить начало новому государству, но и освободить весь Пиренейскiй полуостровъ отъ мавровъ.

Подъ влiянiемъ политической идеи освобожденiя отъ мавританскаго господства и необходимаго для этого объединенiя Испанiи, создавалась и объединялась испанская вооруженная сила, которая, съ одной стороны, унаслѣдовала характеръ твердости и мужественной устойчивости отъ готовъ и римско-кельтическаго населенiя страны, а съ другой—восприняла легкость, подвижность формъ и болѣе усовершенствованное военное искусство мавровъ.

Мавры не имѣли обычая заключать мирные договоры на продолжительное время: исламъ требовалъ постоянной борьбы съ невѣрными, допуская лишь перемирiе, но не миръ; и эта постоянная борьба, державшая военныя силы испанцевъ постоянно на-чеку, въ боевой готовности, не только закалила испанскiя войска, но и оказала глубокое влiянiе на весь строй народной жизни нарождавшагося государства. Въ X и началѣ XI вѣка, являются уже 4 главнѣйшiя владѣнiя, слiянiе которыхъ, впослѣдствiи, образовали испанскую монархiю: это были: 1) *Астурiя* — на сѣверо-западѣ Пиренейскаго полуострова (вскорѣ принявшая названiе королевства *Леонъ*, а затѣмъ соединившаяся съ Кастилiей); 2) *Наварра* (земля

басковъ) — непосредственно къ югу отъ Пиренейскихъ горъ; 3) *Аррагонъ* — между Пиренеями и Эбро; 4) *Каталонія*, образовавшаяся изъ маркграфства Барцелонскаго—къ сѣверу отъ устья р. Эбро.

Замѣчательно, что даже соціальное дѣленіе на классы получило, въ этихъ государствахъ, военное устройство, такъ какъ испанская община XI и XII вѣковъ распадалась на *гинетовъ* *), или всадниковъ, также называвшихся «caballeros», и *пеоновъ* **), или пѣхотинцевъ. Всѣ испанцы, въ возрастѣ отъ 25 до 50 лѣтъ, были обязаны военной службой, при чемъ тѣ, которые были освобождаемы отъ постоя и платили особый подоходный налогъ (абнубду), т.-е., болѣе состоятельные, должны были служить въ конницѣ, а болѣе бѣдный людъ причислялся къ пеонамъ. Каждая сельская община образовала дружину («mesnada» или «compania regida»). Во главѣ ея стоялъ «меснадеро», получавшій приказанія отъ владѣтельнаго графа. Города выставляли нѣсколько такихъ дружинъ и ревностно заботились о хорошемъ состояніи ихъ вооруженія. Личная замѣна, для отбыванія военной службы, была крайне стѣснена, и каждый обыватель долженъ былъ являться самъ, съ полнымъ вооруженіемъ и запасомъ продовольствія. Такимъ образомъ, весь народъ получилъ скоро строго-военное, серьезное управленіе, а борьба съ благородными арабами внесла въ характеръ испанскихъ всадниковъ (caballeros) особый отпечатокъ рыцарской чести и благородства, образецъ котораго мы видимъ въ геройско-романтической фигурѣ «Сида». Война за вѣру возбуждала всеобщее священное рвеніе и вызвала учрежденіе, въ началѣ XIII вѣка, многочисленныхъ рыцарскихъ орденовъ и священныхъ братствъ («Santa Hermandad»), которые оказали могущественное вліяніе на дальнѣйшее политическое и военное развитіе испанской національности; самое учрежденіе это было отчасти также копіей мавританскаго ордена героевъ за вѣру, носившихъ общее названіе «рабитовъ».

Вообще, высокая культура мавровъ не могла не вызвать подражанія со стороны боровшихся съ ними кастильцевъ и каталонцевъ, и прежде всего, конечно, явились подражанія въ военномъ устройствѣ; по арабскому образцу, испанцы дали значительное развитіе легкимъ войскамъ, которыя получили даже арабское

*) «Гинетъ» («Ginetas», или «ginetajos»), вѣроятно, греческаго происхожденія отъ—γυμνητὴς—легкій воинъ.

**) «Пеоны» (peones), по итальянски, «pedoni»—отъ «pes»—ноги; повидимому, оно родственно персидскому «piade»—пѣхотинецъ, пѣшка въ шахматахъ (*Jähns.* «Handbuch», вын. на стр. 720).

название: «альмогавары». Они несли, главнымъ образомъ, сторожевую и развѣдывательную службу и состояли преимущественно изъ пѣхоты *). Мы видѣли, что у арабовъ пѣхота составляла очень существенную часть вооруженной силы; вотъ почему и испанцы позаботились объ образованіи хорошей пѣхоты еще тогда, когда въ остальной Европѣ ее все еще считали обознымъ войскомъ и когда благородные рыцари еще не подвергались позорному пораженію со стороны фламандцевъ и швейцарцевъ.

Войсковые начальники назначаются, вмѣсто прежнихъ феодальныхъ владѣтелей, уже властью короля, по собственному его выбору; для каждаго похода, король назначалъ полководца—«capdiello mayor», и придавалъ ему, въ качествѣ помощниковъ, особыхъ чиновниковъ «adelantados mayores»: старшій между ними—«adalid mayor» (отъ арабскаго слова «ad dalil»—указатель дорогъ) исполнялъ должность начальника генеральнаго штаба. Низшіе войсковые чины избирались старшими, по собственному усмотрѣнію; по окончаніи похода, всѣ эти чины обращались въ первобытное состояніе. Въ 1229 г., были точно установлены правила для отбыванія военной повинности, соотвѣтственно имущественному цензу, при чемъ всѣ выступавшіе въ походъ, съ отдѣльной палаткой, должны были выставлять двухъ гинетовъ, восемь пеоновъ, двухъ щитоносцевъ съ мечами, изъ свободныхъ крестьянъ, или горожанъ, носившихъ имя «эскузадосъ».

Побѣда кастильскаго короля Альфонса VIII, при Толозѣ, (въ 1212 г.), доказала уже устойчивость новаго организма, окрѣпшаго въ борьбѣ съ маврами, которая, съ тѣхъ поръ, получаетъ благопріятное для испанцевъ направленіе, тѣмъ болѣе, что внутренніе раздоры мавританскихъ вождей, упадокъ воинственности, вслѣдствіе ослабленія религіознаго фанатизма, допущеніе наемниковъ, явившаяся склонность къ роскоши и жестокость междоусобныхъ войнъ.... скоро ослабили прочность государственнаго организма мавровъ.

Счастливое для Испаніи объединеніе Кастиліи и Леона Фердинандомъ III-мъ дало этой борьбѣ еще болѣе благопріятный оборотъ; и вскорѣ одинъ лишь Гренадскій халифатъ остался оплотомъ мусульманства на Пиренейскомъ полуостровѣ, а пол-

*) У мавровъ альмогавары отправляли службу почти исключительно на конѣ; но горная война и, вообще, пересѣченная мѣстность раіона борьбы должна была повліять на преобладаніе у испанцевъ, въ этомъ родѣ войскъ,—пѣхоты. (Тамъ-же, стр. 1037).

ное изгнаніе мавровъ отсюда стало лишь вопросомъ времени. Бракомъ короля Сициліи, Фердинанда, съ королевой Изабеллой кастильской, и присоединеніемъ къ ихъ владѣніямъ, въ 1479 г., Аррагона (по смерти короля Донъ-Жуана II — отца Фердинанда), окончательно была объединена Испанія, что завершилось, въ 1492 г., паденіемъ Гренады и завоеваніемъ послѣдняго мавританскаго владѣнія въ Испаніи.

Необходимость крайняго напряженія силъ, для обезпеченія успѣха въ этой борьбѣ, съ одной стороны, а съ другой— сближеніе съ Европой и отказъ отъ строгаго подражанія военному устройству мавровъ, ввиду постепеннаго упадка ихъ владычества, побудили Фердинанда и Изабеллу, впервые, обратиться къ наемникамъ, и, слѣдуя преобладающей въ то время модѣ на швейцарцевъ, пригласить ихъ, для обученія испанскихъ войскъ (подобно тому, какъ это сдѣлалъ во Франціи Людовикъ XI—въ лагерѣ при Понъ де-л'Аршъ). Наряду съ имѣвшимися войсками священнаго братства, явились такъ называемыя «tropas de las acostamientos»,—областныя войска, получавшія содержаніе отъ казны *).

Армія, собранная подъ Кордовой, для борьбы съ Гренадой, значительно превзошла численность собиравшихся до того войскъ. Въ составъ испанской арміи вошло 40.000 чел. пѣхоты, 10—12.000 конницы и, сверхъ того, многочисленная артиллерія. Особая гвардія тѣлохранителей, изъ 500 тяжело вооруженныхъ рыцарей и столькихъ-же легкихъ всадниковъ, сопровождали короля, принявшаго на себя высшее управленіе арміей. Кромѣ того, въ войнѣ участвовали войска священнаго братства, числомъ до 10.000 чел., и андалузское ополченіе, выставившее до 6.000 чел. (въ томъ числѣ: 2.500 пикинеровъ, 2.000 арбалетчиковъ, 400 аркебузеровъ, или «эспингардеровъ» и 1.100 піонеровъ, землекоповъ, каменьщиковъ и т. п.). Къ этому присоединились еще многочисленные искатели приключеній, ревностные защитники вѣры, всевозможныхъ странъ и народовъ, и, наконецъ, просто авантюристы, желавшіе поживиться богатой добычей. Всего, такимъ образомъ, образовалась армія, численностью до 70.000 чел.

Если предшествовавшая борьба воспитала прекрасныя боевыя качества въ испанскомъ войскѣ, создала матеріалъ для вооруженной силы и закалила въ бояхъ испанскаго солдата, то война противъ Гренадскаго халифата, впервые, дала опытъ

*) Тамъ-же, стр. 1041.

начальникамъ въ обученіи и веденіи на войнѣ крупныхъ войсковыхъ массъ, пріучила ихъ къ дисциплинѣ и единству дѣйствій. Въ этой борьбѣ выработался лучшій изъ полководцевъ Фердинанда Католика, *Гонзальвъ Кордуанскій*, преобразовавшій испанскую армію и, что еще важнѣе, воспитавшій въ ней чувства дисциплины, мужества, воздержанности, выносливости и терпѣнія, до такой степени, какой, въ то время, не могла достигнуть ни одна изъ европейскихъ армій.

Разсмотримъ организацію испанской арміи, въ томъ видѣ, въ какомъ она была преобразована Гонзальвомъ, закончившимъ свою организаторскую дѣятельность вскорѣ по завоеваніи Гренадскаго халифата. Приказомъ Юнты (собранія чиновъ), въ октябрѣ 1495 года, опредѣлялось, что службу, подъ знаменами, долженъ отправлять каждый 12-й человѣкъ, изъ числа способныхъ къ ношенію оружія жителей, при чемъ онъ получалъ снаряженіе и жалованье отъ остальныхъ 11 человѣкъ и освобождался отъ всякихъ другихъ повинностей. Число такихъ молодыхъ людей, призывавшихся въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, опредѣлялось въ 83.000 чел.

Эта ордоннансовая *пѣхота* (infanteria de la Ordenanza), по приказу 1503 г., дѣлилась на три части: $^1/_3$ ея состояла изъ пикинеровъ и аллебардистовъ, другая $^1/_3$—изъ стрѣлковъ, въ числѣ которыхъ, примѣрно, половина была арбалетчиковъ и половина аркебузеровъ, и послѣдняя $^1/_3$—изъ меченосцевъ. Въ этомъ дѣленіи нельзя не видѣть вліянія мавританскихъ, а отчасти и римскихъ образцовъ организаціи пѣхоты; достойно замѣчанія, что Гонзальвъ укоротилъ длинныя пики швейцарцевъ и ландскнехтовъ, бывшія тогда въ ходу въ Европѣ, принявъ, вмѣсто нихъ, за образецъ мавританскія «амры» и давъ большое развитіе короткому холодному оружію — мечамъ и копьямъ.

Основной организаціонной единицей въ испанской пѣхотѣ были «капитанства» (capitanias)*), очень разнообразнаго состава; при Гонзальвѣ, была уравнена численность капитанствъ до 500 ч., и 12 капитанствъ образовали новую единицу—*колонну* («colunela», или «coronelia»), которая создавалась по образцу римскаго легіона; въ числѣ капитанствъ «колонны», десять—были смѣшаннаго состава (изъ 200 пикинеровъ, 200 меченосцевъ и 100 аркебузеровъ), а два капитанства состояли изъ одпихъ

*) Соотвѣтствовавшія собственно батальону и носившія иногда даже другое названіе—«batallatas».

пикинеровъ; эти отборные пикинеры, изъ наиболѣе надежныхъ солдатъ, образовали родъ боевого резерва. Во главѣ «колонны» стоялъ полковникъ (coronel), а офицерскій составъ капитанства составляли: 1 капитанъ, 5 сотниковъ (cabos de batalla) и 50 десятниковъ (cabos de diez); каждые 5 десятковъ образовали полуроту, или «кадрилью» (cuadrilla). Строго былъ опредѣленъ обозъ «колонны»: въ каждомъ капитанствѣ допускалось не болѣе 20 повозокъ, а обозъ всей «колонны» образовали 250 повозокъ *).

Такимъ образомъ, мы видимъ, впервые, въ арміяхъ европейскихъ новыхъ народовъ появленіе новой организаціонной единицы, подходящей къ современному полку; необходимо имѣть въ виду, что, когда затѣмъ, по примѣру испанцевъ, и другія арміи приняли ту-же единицу, то она долго продолжала существовать только, какъ административная, хозяйственная единица, тогда какъ въ испанской арміи Гонзальвъ придалъ «колоннѣ» чисто тактическій, боевой характеръ. При наступленіи «колонны», сперва двигались стрѣлки; за ними, какъ поддержки,—кадрильи или полукадрильи, а затѣмъ сомкнутыя капитанства **). Пикинеры, дойдя до противника, разстраивали его передовые ряды, нарушали его сомкнутость; въ образовавшіеся промежутки врывались меченосцы, и тогда начиналась ими кровавая рѣзня, до тѣхъ поръ, пока противникъ не обращался въ паническое бѣгство. Атака этого боевого порядка, при постоянной твердости и отвагѣ, проявлявшейся испанской пѣхотой, въ которой Гонзальвъ справедливо видѣлъ центръ тяжести испанской вооруженной силы, долго считалась въ Европѣ не имѣвшей достойныхъ противниковъ.

Что касается *конницы*, то организація ея представляетъ интересъ, въ смыслѣ полной самостоятельности дѣленія ея на тяжелую и легкую конницу, тогда какъ во Франціи и въ Германіи, какъ намъ извѣстно, легкая конница образовалась значительно позже, выдѣленіемъ ея изъ состава копій ордоннансовой конницы. Между тѣмъ, въ Испаніи, еще со временъ готскихъ королей, образовалась легкая конница, хотя и носившая предохранительное вооруженіе и составлявшая личную гвардію короля. При Фердинандѣ Католикѣ, въ 1493 году, было возобновлено это учрежденіе конной гвардіи, подъ именемъ «старой кастильской гвардіи» («Guardas viejas de Cas-

*) *Jähns.* «Handbuch»; стр. 1045.
**) *Brandt;* (т. III, стр. 90).

tilla»); она подраздѣлялась на тяжелыхъ латниковъ («Hombres de armas»), организованныхъ на подобіе французской ордоннансовой конницы, по копьямъ—изъ 4-хъ всадниковъ, и легкихъ гинетовъ *), вооруженныхъ шпагами и легкими пиками, или дротиками (sagaye); предохранительное вооруженіе ихъ состояло изъ легкой кольчуги, а чаще, изъ кожаныхъ полукафтановъ, подбитыхъ въ нѣсколько рядовъ (до 20) плотнымъ холстомъ, и кожаныхъ, съуживающихся книзу щитовъ; головнымъ уборомъ служилъ кольчужный шишакъ. Получивъ серьезную боевую школу, при борьбѣ съ легкой мавританской конницей, гинеты научились быстро налетать на противника, осыпать его дротиками и стрѣлами, внезапно окружая неосторожнаго противника,—и тогда рѣдко, кто могъ успѣшно парировать ихъ удары легкими пиками, которыми они кололи сверху внизъ, приподнимаясь на стременахъ («sta pedac»). Такой способъ дѣйствій въ Европѣ былъ новымъ и, какъ неожиданность, оказывался для гинетовъ постоянно успѣшнымъ, а для неповоротливыхъ, тяжелыхъ рыцарей часто кончался неудачей и пораженіемъ, тѣмъ болѣе, что сомкнутаго удара гинеты не выдерживали и обыкновенно разсыпались при немъ въ разныя стороны, но съ тѣмъ, чтобы, черезъ нѣсколько времени, снова появиться и назойливо возобновлять нападенія на противника. Какъ легкая, такъ и тяжелая конница дѣлилась на роты (companias), отъ 100 до 150 всадниковъ въ каждой, подраздѣлявшіяся на «кадрильи» (cuadrillas).

Независимо этой конницы, выставлялась еще тяжелая рыцарская конница, въ силу феодальнаго права, и конница рыцарскихъ орденовъ и братствъ, подраздѣлявшаяся также на кадрильи и роты. Съ теченіемъ времени, кромѣ этой народной конницы, явилась и наемная; такъ, въ 1502 г., эрцгерцогъ Филиппъ Австрійскій привелъ бургундскихъ конныхъ лучниковъ (arqueros de Borgona); въ 1507 году, явились, въ гвардіи короля Фердинанда V, приведенные имъ изъ Италіи, уже знакомые намъ стратіоты (албанская легкая конница) **).

Гонзальвъ вообще значительно сократилъ численность конницы и на каждую колонну (6.000 чел.) полагалъ до-

---

*) Численное соотношеніе ихъ извѣстно лишь къ 1512 году, когда гвардію образовали 26 тяжелыхъ и 17 легкихъ ротъ (companias), каждая изъ 100 латниковъ, или гинетовъ, и 1 взвода конныхъ аркебузеровъ (escopeteros); всего 5.700 чел.

**) *Jähns.* «Handbuch», стр. 1043.

статочнымъ имѣть 300 латниковъ и 300 гинетовъ; конница составляла, такимъ образомъ, всего 1/10 часть пѣхоты.

Что касается *артиллеріи*, то на колонну (6.000 чел. пѣхоты и 600 чел. конницы) полагалось 44 орудія (10 пушекъ, 8 серпантинъ, 2 камнемета, 4 кулеврины и 20 полевыхъ серпантинъ), изъ которыхъ половина могла быть введена въ дѣйствіе лишь при осадахъ и не могла поспѣвать за войсками на походѣ. Гонзальвъ много положилъ труда на облегченіе испанской артиллеріи и уменьшеніе числа ея калибровъ.

Въ 1495 году, преобразованная Гонзальвомъ армія получила новое боевое испытаніе, будучи послана съ нимъ въ южную Италію и, не смотря на ея малочисленность (8.800 пѣхотинцевъ и 1.200 всадниковъ), настолько успѣшно дѣйствовала противъ французовъ, что доставила своему вождю, Гонзальву, титулъ «великаго вождя» (El gran capitan) *).

Въ 1501 году, Гонзальвъ началъ покореніе южной Италіи; въ 1502 г., занялъ Тарентъ и завоевалъ Апулію; въ 1503 г., разбилъ, въ Калабріи, вицекороля неаполитанскаго, герцога Арманьякъ де-Немура, въ ночномъ сраженіи при Чериньолѣ (въ которомъ самъ герцогъ былъ убитъ), и через двѣ недѣли затѣмъ, занялъ Неаполь; съ помощью своего дѣятельнаго и изобрѣтательнаго сотрудника, Педро Наварро, Ганзальвъ овладѣлъ укрѣпленными замками, окружавшими Неаполь; при осадѣ ихъ (Кастель-Нуово и Кастель дель-Ово), впервые, успѣшно примѣняются осаждающими подрывныя мины, которыми образуются въ стѣнахъ замковъ обвалы. Наконецъ, въ декабрѣ 1503 года, Гонзальвъ внезапно атакуетъ расположившихся на зимнихъ квартирахъ французовъ и, разбивъ ихъ, занимаетъ затѣмъ, 1 января 1504 года, послѣдній оплотъ, оставшійся въ рукахъ французовъ, въ неаполитанскомъ королевствѣ,—кр. Гаэту.

Взгляды Гонзальва оказали могущественное вліяніе на дальнѣйшее развитіе военнаго искусства и выработали цѣлую школу даровитыхъ испанскихъ полководцевъ. Замѣчательно, что этотъ великій создатель испанской пѣхоты, почти всю жизнь свою проводившій въ бояхъ и осадахъ, считалъ войну

---

*) Брандтъ (т. III, стр. 91) указываетъ впрочемъ, что титулъ этотъ былъ данъ Гонзальву Кордуанскому не за великія его побѣды, а только потому, что испанцы, по своей склонности къ гиперболамъ, назвали небольшую армію, посланную въ Неаполь, подъ его начальствомъ,—«La gran armada».

лишь необходимымъ зломъ, которое слѣдуетъ всѣми силами стараться ослабить, лучшимъ средствомъ для чего онъ полагалъ имѣть строго дисциплинированную и хорошо обученную армію, такъ какъ подобная армія можетъ скорѣе нанести противнику рѣшительные удары и закончить борьбу, не являясь, въ то-же время, настоящимъ бичомъ для населенія, не раззоряя и не грабя мирнаго жителя.

Не будучи черезчуръ разборчивымъ въ выборѣ тѣхъ лицъ, которыя попадали въ армію, зачастую вербуя разныхъ бездомныхъ бродягъ и даже бѣглыхъ преступниковъ *), Гонзальвъ, тѣмъ не менѣе, съумѣлъ сплотить эту разнородную, по своимъ нравственнымъ качествамъ, армію желѣзной своей волей и строжайшей дисциплиной, создавъ себѣ послушное, гибкое и преданное ему орудіе борьбы. Онъ самъ говорилъ, что предпочиталъ-бы укрощать львовъ, чѣмъ своихъ солдатъ; не смотря на это, онъ всетаки успѣлъ ихъ укротить: отеческую заботливость о своихъ солдатахъ онъ соединялъ съ чисто варварской строгостью, такъ какъ, не колебаясь, собственноручно убивалъ ослушниковъ и малодушныхъ. Онъ господствовалъ надъ умами своихъ подчиненныхъ и съ волшебной силой управлялъ ими, заставляя ихъ, съ удивительной выносливостью, переносить труды и лишенія, голодъ и непогоду военной обстановки и, въ то-же время, съ успѣхомъ торжествовать надъ самымъ отчаяннымъ сопротивленіемъ противника.

Не смотря на общее увлеченіе въ Европѣ наемными арміями, Гонзальвъ остался твердымъ при традиціонной въ Испаніи системѣ организаціи вооруженной силы, помощью обязательныхъ наборовъ, и старался еще болѣе укрѣпить въ народѣ сознаніе собственнаго долга, по отношенію къ защитѣ государственныхъ интересовъ. Имъ были выработаны основы для всеобщаго народнаго ополченія, для чего все способное къ ношенію оружія мужское населеніе, въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ, состояло на учетѣ по спискамъ и заранѣе имѣло уже назначенными своихъ начальниковъ. По праздничнымъ днямъ, всѣ ополченцы собирались для ученій, и изъ младшихъ возрастныхъ классовъ этихъ ополченцевъ пополнялись содержавшіеся подъ знаменами дѣйствующіе полки. Мы видимъ въ этихъ мѣрахъ уже первые зачатки проведенія въ жизнь принципа обще-обязательной воинской повинности.

*) Иногда приходилось даже возить въ Сицилію и въ Италію такихъ опасныхъ «новобранцевъ»—въ кандалахъ и цѣпяхъ! (Тамъ-же, стр. 89).

По смерти Фердинанда Католика, дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ испанской арміи занялся регентъ малолѣтняго короля *Карла I*, кардиналъ *Хименесъ де-Цисиеросъ*. При Гонзальвѣ, какъ указано, въ армію попадали отчасти довольно ненадежные элементы, и кардиналъ Цисперосъ, желая улучшить составъ испанскихъ войскъ, далъ правильное направленіе дальнѣйшему развитію областныхъ ополченій, упорядочивъ ихъ организацію и увеличивъ ихъ боевую готовность такъ, что, въ каждую желаемую правительствомъ минуту, областное ополченіе должно было перейти въ составъ дѣйствующей арміи, на содержаніе отъ казны: областные ополченцы получили названіе «инфантовъ», и въ одной Кастиліи они быстро достигнули численности въ 31.800 человѣкъ *).

1534 году, въ испанской арміи была введена новая организаціонная единица, а именно *терція* (terzios); съ увеличеніемъ численности арміи, значительно возросли и бывшія до того времени «колонны», которыя, къ этому году, состояли уже изъ 20 капитанствъ (вмѣсто 12); ихъ скоро стали чаще называть ротами (companias); ввиду этого, три «колонны» были соединены въ терцію, а колонны, по прежнему, стали дѣлить на 12 ротъ, изъ которыхъ 11—было пикинерныхъ и 1—стрѣлковая (изъ аркебузеровъ). Сила роты опредѣлялась въ 250 человѣкъ **). Терціи получили свое названіе, вѣроятно, отъ того, что они составляли одну треть общаго боевого порядка, при нормальномъ наступленіи котораго, одна терція составляла авангардъ, другая—главныя силы и третья—арьергардъ. Во главѣ терціи стоялъ особый начальникъ (maestro del campo).

Въ конницѣ произошло мало перемѣнъ; она, по прежнему, дѣлилась на дружины ордоннансовыхъ латниковъ (bandas de ordonanza) и легкихъ всадниковъ—гинетовъ (caballos ligeros). Впрочемъ, вскорѣ къ нимъ присоединились конные аркебузеры, которые вели бой въ разсыпномъ строю и были прототипомъ будущихъ драгунъ. (См. фиг. № 30, на табл. IX).

Артиллерія значительно усовершенствовалась, особенно съ утвержденіемъ постоянныхъ нормъ калибра, длины орудія и толщины его стѣнокъ. Вообще, выработалось три типа орудій: 1) пушки (cañons), отъ 48-ми до 8-ми фунтовыхъ, заряжающіяся съ дула, 2) кулеврины (culebras), отъ 20-ти фун-

*) *Jähns*, «Handbuch», стр. 1046.

**) Такимъ образомъ, сила терціи была около 9.000 ч., а не отъ 500 до 2.000 ч., какъ считаютъ Брандтъ и Голицынъ (стр. 55).

товыхъ до одно-фунтовыхъ и 3) мортиры (piecas de camara); въ числѣ полевыхъ орудій появились уже и заряжаемыя съ казны. (См. фиг. № 45, на табл. XI). Особенное благоустройство получила артиллерія при дѣятельномъ ученикѣ Гонзальва—Педро Наварро.

Въ 1517 году, правленіе перешло въ руки короля Карла I (впослѣдствіи императора Карла V), и съ нимъ начинается рядъ войнъ, въ которыхъ армія, образованная и устроенная усиліями Фердинанда Католика, Гонзальва Кордуанскаго и кардинала Цисьероса, является, на всѣхъ театрахъ западной Европы, образцомъ для подражаній, вслѣдствіе постоянно одерживаемыхъ ею успѣховъ. Ея организаторы сошли уже въ могилу, но духъ ихъ былъ живъ, отправная точка была ими избрана правильно, и долго поэтому испанская армія, нормально развиваясь, поражала современниковъ своей желѣзной сплоченностью и образцовой дисциплиной. *Во внутреннемъ народномъ единствѣ, окрѣпшемъ въ борьбѣ за національно-религіозную идею,* какъ мы видѣли, *заключалась основная причина проявленія испанскими войсками, конца XV и всего XVI вѣка, этихъ высшихъ воинскихъ доблестей.* Потребовался цѣлый рядъ бездарныхъ правителей второй половины XVI-го и начала XVII вѣка и трудная борьба съ возставшими за свою независимость Нидерландами, а также окончательное прекращеніе угрозы національной идеѣ Испаніи, со стороны побѣжденныхъ мавровъ, не требовавшихъ болѣе подъема и напряженія всѣхъ жизненныхъ силъ страны, чтобы постепенно падалъ и наконецъ окончательно разрушился тотъ прекрасный строй вооруженныхъ силъ Испаніи, который былъ созданъ «великимъ вождемъ»—Гонзальвомъ Кордуанскимъ и его талантливыми учениками.

ГЛАВА IV.

Наемныя арміи въ Германіи, при Максимильянѣ I и Карлѣ V.

По распаденіи монархіи Карла Великаго, вплоть до XV вѣка, Германіи не пришлось выдерживать такой трудной борьбы за самое ея существованіе, какую пришлось выдержать Франціи (противъ англійскаго нашествія), Испаніи (противъ мавровъ), Россіи (противъ татаръ) и т. п. Мы уже видѣли, что подобная борьба, требовавшая продолжительнаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ, способствовала укрѣпленію государственной власти въ странѣ, боровшейся за свою національную идею, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызывала образованіе въ ней народной арміи. Примѣръ Германіи подтверждаетъ обратное положеніе: благопріятное ея положеніе среди народовъ, не посягавшихъ на ея самобытность (со времени неудавшейся попытки римлянъ), не вызывало необходимости въ образованіи значительной вооруженной силы и задержало переходъ отъ феодальныхъ порядковъ къ утвержденію въ странѣ власти въ рукахъ сильнаго центральнаго правительства. Сохраненію значенія феодаловъ способствовало также то обстоятельство, что нѣмецкое рыцарство далеко не такъ живо откликнулось на призывъ къ участію въ крестовыхъ походахъ, какъ дворянство Франціи и не подверглось поэтому, въ такой сильной мѣрѣ, нравственному и физическому оскудѣнію, которое мы отмѣтили, какъ одно изъ важнѣйшихъ слѣдствій крестовыхъ походовъ во Франціи. Германскіе феодалы успѣшнѣе сохраняютъ свои привиллегіи и остаются, болѣе продолжительное время, въ самой слабой зависимости отъ ихъ ленныхъ государей, а власть послѣднихъ не усиливается такъ значительно на счетъ феодаловъ, какъ это мы видѣли во Франціи. При такихъ условіяхъ, отдѣльные

соціальные элементы германскаго государственнаго строя XIII и XIV вѣковъ, какъ-то: представители духовной власти (владѣтельные епископы и архіепископы), ленные владѣтели, городскія и сельскія общины... развились съ полной обособленностью отъ монархической власти*), полный упадокъ которой мы видимъ въ паденіи Гогенштауфеновъ и въ послѣдовавшемъ междуцарствіи.

Соотвѣтственно такому строю средне-вѣкового германскаго общества, и вооруженныя силы его не составляли единаго цѣльнаго организма, а распадались на войска духовныхъ владѣтелей, ополченія феодаловъ, городскіе наемные отряды и, наконецъ, королевскія войска, собиравшіяся изъ поголовнаго ополченія лишь въ критическую, для цѣлости государства, минуту, въ силу древне-германскаго права королей, которое однако потеряло свое первоначальное значеніе и существовало скорѣе въ области преданій, чѣмъ въ дѣйствительности.

Наибольшее развитіе получила, въ числѣ перечисленныхъ категорій войскъ, феодальная конница. Усилившись въ благодатную для мелкихъ феодаловъ эпоху междуцарствія, когда рыцари, съ вооруженными своими слугами, чуть-ли не открыто грабили по большимъ дорогамъ, они широко пользовались своимъ правомъ посвящать въ рыцарей даже собственныхъ своихъ пажей и слугъ, за оказанное ими боевое отличіе; въ послѣдующую эпоху, когда они были уже стѣснены правительствомъ и не могли безнаказанно грабить, они поступали сами въ число ленниковъ болѣе крупныхъ владѣтельныхъ князей, у которыхъ, такимъ образомъ, набиралась вассальная рыцарская конница въ 100 и болѣе копій (или шлемовъ — «Helm», какъ они назывались въ XIV вѣкѣ; въ XV-омъ-же вѣкѣ элементарно-тактическая единица рыцарской конницы носитъ названіе «Gleve» — копье).

Нормальное копье состояло изъ 3-хъ вооруженныхъ всадниковъ: рыцаря (Glevener), оруженосца (со среднимъ вооруженіемъ), и стрѣлка. Наконецъ, кромѣ рыцарей, въ конницѣ феодаловъ были копейщики и конные стрѣлки, частью изъ болѣе бѣдныхъ, но благородныхъ рыцарей, частью изъ конныхъ слугъ, служившихъ независимо отъ копій «одно-копными» (Einspänniger); если они служили наемниками на отдѣльный лишь

*) Это явленіе отмѣчается Гизо («Cours d'histoire moderne». Bruxelles. 1843; стр. 92), къ сожалѣнію, безъ указаній причинъ его.

походъ, то ихъ звали также солдатами (Solidari) или сержантами (Sarjanten) *).

Наряду съ рыцарской конницей, феодалы и особенно городскія общины иногда привлекали сельскихъ жителей, для отправленія военной службы пѣшкомъ, и нерѣдко эта пѣхота дѣйствовала очень успѣшно (напр., въ бою, при Деффингенѣ, въ 1388 году); но большинство рыцарей-вассаловъ считало право участія въ военныхъ дѣйствіяхъ своей исключительной привиллегіей и презирало «мужицкія войска», дерзавшія сражаться наряду съ ними. Тѣмъ не менѣе, въ городахъ, при оборонѣ крѣпкихъ стѣнъ, для службы при орудіяхъ, ихъ защищавшихъ, пѣхота изъ неблагороднаго сословія уже имѣла извѣстное значеніе,особенно послѣ первыхъ успѣховъ огнестрѣльнаго оружія, когда изъ нея образовались, главнымъ образомъ, стрѣлковыя дружины.

Грубый произволъ феодальныхъ рыцарей, господство кулачнаго права и отсутствіе всякой безопасности, явившіеся печальными слѣдствіями недостатка единства и отсутствія сознанія національной идеи, не могли не вызвать реакціи, выразившейся въ избраніи перваго Габсбурга—императора Рудольфа (1273 г.). Съ нимъ начинается постепенное пробужденіе народнаго самосознанія, (первый проблескъ котораго явился, впрочемъ, еще раньше—при Фридрихѣ Барбаруссѣ); начинается замѣна частныхъ мѣстныхъ интересовъ общими идеями, государственными интересами; создается и общая вооруженная сила, основанная, впрочемъ, вначалѣ исключительно на ленной системѣ. Германскіе государи видятъ необходимость возможно чаще собирать и утилизировать эту силу, чтобы имѣть возможность проявить свою власть, чтобы не ослабились слишкомъ продолжительнымъ миромъ тѣ узы, которыя привязывали къ нимъ ихъ вассаловъ, и вотъ начинается цѣлая серія походовъ въ Италію, которые, до извѣстной степени, сослужили германскимъ государямъ ту-же службу, какъ крестовые походы —французскимъ королямъ.

Феодалы однако не допускали королей чрезмѣрно усилиться этими походами, и для каждаго похода требовалось предварительное одобреніе главныхъ ленныхъ владѣтелей, и уже по полученіи ихъ согласія, императоръ издавалъ, каждый разъ, особыя постановленія, какіе его ленные владѣтели и какіе города должны были выставить соотвѣтствующія вооруженныя

*) *Jähns.* «Handbuch», стр. 907.

ополченія. При этомъ, конечно, вассалы дѣлали все возможное, чтобы совсѣмъ избѣгнуть участія въ походѣ, а въ случаѣ окончательнаго неуспѣха въ этомъ, то выставить какъ можно менѣе войскъ и на возможно краткій срокъ. О походахъ въ Римъ (Romfahrten) торжественно объявлялось за одинъ годъ и одинъ день до начала похода, объ остальныхъ походахъ (Heeresfahrten)—за 6 недѣль. Въ началѣ похода, войска собирались, пересчитывались и обучались; для походовъ въ Римъ это происходило постоянно на поляхъ у д. Ронкаліи, близъ Пьяченцы, при чемъ собирались иногда арміи, достигавшія численностью до 30.000 рыцарей, а съ приданными имъ пѣшими и конными слугами—до 100.000 чел.

Усилія императоровъ, а главное, послѣдовательное развитіе въ обществѣ чувства принадлежности къ одному народу, къ одному государству и зависимости отъ одного правительства, укрѣпили императорскую власть, къ началу XV вѣка, настолько, что она поборола великое народно-религіозное возстаніе чеховъ-гуситовъ, вызванное сожженіемъ на кострѣ, въ 1415 году, осужденнаго, Констанцскимъ соборомъ Іеронима Гуса *). Борьба съ гуситами, благопріятная для нихъ, пока они были сильны своимъ единствомъ и согласіемъ и имѣли даровитыхъ предводителей въ лицѣ чешскихъ народныхъ героевъ — Яна Жижки и Прокопа, закончилась ихъ пораженіемъ, когда сами гуситы стали наниматься другими владѣтельными князьями и бороться за совершенно чуждое имъ дѣло и когда въ средѣ ихъ явился расколъ и распаденіе на нѣсколько враждебныхъ другъ другу сектъ.

Походы императоровъ Габсбургскаго дома противъ гуситовъ, опять-таки, въ результатѣ, усилили власть верховнаго правителя, ослабивъ сепаративныя стремленія феодаловъ, городовъ и сельскихъ общинъ и давъ новый толчекъ идеѣ постоянной арміи. Въ 1449 году, на ландтагѣ въ Кремсѣ, уже поднимается вопросъ объ организаціи такой арміи, но государственные чины не оказали при этомъ должнаго содѣйствія австрійскому герцогу и выразили лишь желаніе, чтобы онъ озаботился обезпеченіемъ защиты страны постоянными наемниками. Въ 1462 году, для войны противъ гуситовъ, было постановлено образовать земское ополченіе (Landaufgebot), изъ каждаго 10-го человѣка населенія, при чемъ каждые 20 человѣкъ собранныхъ ополченцевъ

---

*) Вѣрнѣе писать имя чешскаго реформатора не Гусъ, а «Хусь» (родомъ изъ города Хусинца).

должны были имѣть 4-хъ-конную военную повозку, по образцу гуситскихъ, снабженную всѣми принадлежностями, орудіями, матеріаломъ и пр. *). Ополченцы эти должны были получать вооруженіе и снаряженіе отъ 9-ти остававшихся дома людей выставившей ихъ общины, тогда какъ раньше они должны были являться вооруженными и снаряженными, на свои собственныя средства, недостатокъ которыхъ, конечно, отзывался очень неблагопріятно на организаціи стариннаго «хеербана».

Ленные владѣтели германскихъ государствъ оказались, съ теченіемъ времени, въ значительномъ числѣ, неспособными къ личной военной службѣ, отъ которой они всячески уклонялись; многіе изъ нихъ уступили свои лены богатымъ городамъ, монастырямъ и общинамъ и даже цехамъ, которые приняли на себя ихъ прежнее обязательство—выставлять опредѣленное число вооруженныхъ людей; императорамъ и имперскимъ князьямъ это было только на руку, такъ какъ они все чаще и настойчивѣе обращались непосредственно къ населенію, опредѣляя особыми «матрикулами» численность людей, лошадей, повозокъ и боевыхъ припасовъ, которые должны были, въ случаѣ войны, выставлять имперскіе города, отдѣльныя общины и корпораціи. Эти земскія ополченія усиливались наемниками, которые вербовались въ нѣмецкихъ-же земляхъ, хотя преимущественно въ областяхъ, принадлежавшихъ другимъ владѣтельнымъ князьямъ.

Организація арміи при императорѣ Максимильянѣ I. (1494—1516).

Германскіе императоры, выдержавъ трудную борьбу съ гуситами, встрѣтили новаго опаснаго внѣшняго врага, въ лицѣ османскихъ турокъ и, въ то-же время, должны были постоянно заботиться о подавленіи внутреннихъ волненій, особенно въ безпокойной Венгріи; эти внутреннія и внѣшнія затрудненія побуждали къ учрежденію соотвѣтствующей вооруженной силы, но недостатокъ средствъ и все еще недостаточно окрѣпшая государственная идея долго тормозили такое учрежденіе солидной арміи, организація которой получаетъ устойчивый и постоянный характеръ лишь со времени императора *Максимильяна I*.

Тщетныя усилія его предшественниковъ, Сигизмунда I и Фридриха III, достигнуть рѣшительныхъ политическихъ цѣлей, вслѣдствіе постояннаго недостатка хорошо организованной арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, возникшая борьба съ французскими королями, не пожелавшими уступить германскому императору

---

*) *Голицынъ*, (ч. 3, стр. 58—59). Образецъ такой повозки см. на фиг. 40, табл. XI.

бургундскихъ владѣній, на которыя тотъ имѣлъ притязанія, вслѣдствіе брака своего съ Маріей Бургундской, дочерью Карла Смѣлаго, побудили Максимильяна принять энергичныя мѣры по усовершенствованію всего военнаго устройства Германіи, вообще, и своихъ наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣній, въ особенности. Постановленіемъ Вормскаго сейма (1495 г.), былъ организованъ сборъ пограничныхъ ополченій, въ случаѣ непріятельскаго вторженія и первоначальная оборона ими пограничныхъ областей, до прибытія остальныхъ силъ *). Не смотря на сопротивленіе нѣмецкаго дворянства, Максимильянъ установилъ впервые постоянную знаменную присягу (Fahneneid), для вербованныхъ на службу имперіи войскъ, присягавшихъ раньше на вѣрность службы императору, только на время того похода, который имѣлся въ виду; этимъ нововведеніемъ должны были затрудниться переходы войскъ, вербованныхъ германскими государями, къ его противникамъ, какъ только кончался походъ, когда наемники считали себя свободными отъ принятыхъ на себя обязательствъ.

Въ организаціи вооруженной силы Максимильяномъ I, мы видимъ, съ одной стороны мѣры, принятыя имъ, съ цѣлью имѣть оружіе для борьбы съ французскими ордоннансовыми латниками, лучшей конницей того времени, для чего имъ была взята за образецъ конница Бургундіи, къ которой онъ стоялъ близко, благодаря родственнымъ связямъ; съ другой стороны, онъ стремился къ созданію хорошей народной пѣхоты, по образцу швейцарцевъ, побѣдителей того-же бургундскаго герцога, Карла Смѣлаго. Результатомъ этихъ мѣръ явилось созданіе, во-первыхъ, *конницы на жалованьи*, изъ дворянъ, обязанныхъ военной службой, на основаніи ленной повинности, и получившихъ названіе *кирасиръ*, или *кириссеръ* (Kyrisser), т. е., тѣхъ-же французскихъ латниковъ (gens d'armes); во вторыхъ, было дано значительное развитіе *наемной національной пѣхотѣ*, извѣстной подъ именемъ *ландскнехтовъ*.

Учрежденіе кирасиръ относится къ 1498 году, когда была издана особая инструкція, согласно которой набиралось 100 копій, каждое въ составѣ 8 человѣкъ, а именно: 1) кирасира (Kyrisser), съ полнымъ тяжелымъ вооруженіемъ, 2) оруженосца (Knappen), 3) конюшаго (Marstaller), 4) легкаго стрѣлка (Büchsenschützen), 5) трабанта (Trabanten), — Конница.

*) *Голицынъ*, (ч. 3, стр. 61); *Meynert*. «Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa». Wien. 1868, (т. II, стр. 25).

съ среднимъ вооруженіемъ, повидимому для пѣшаго боя, 6) и 7) двухъ конныхъ слугъ (Knechte) и 8) пажа (Edelknabe). Кирасирскія копья соединялись, по 25, въ значки (Fahnen), во главѣ которыхъ были поставлены капитаны (Hauptmann); помощниками капитановъ были: поручикъ и хорунжій—изъ числа тѣхъ 25 рыцарей, которые составляли значекъ. Кромѣ того, къ составу значка принадлежали 200 одноконныхъ копейщиковъ (Speerreiter) и 50 трабантовъ (Trabanten), по одному на четыре копейщика. Такимъ образомъ, численность всего значка, съ копьемъ самого капитана, было 458 чел. ($26 \times 8 = 208$; $208 + 250 = 458$), а во всѣхъ 4-хъ значкахъ было всего 1832 чел., въ томъ числѣ 208— нестроевыхъ. Хорунжій обыкновенно велъ передовой летучій отрядъ (Rennfahne), въ составъ котораго входила вся легкая конница копій, т. е., 250 копейщиковъ, съ ихъ трабантами, и 26 пажей, совершенно по тому-же образцу, какъ и поручики французскихъ ордоннансовыхъ ротъ вели лучниковъ и кутильеровъ *). Трабанты, а также стрѣлки, для боя, спѣшивались, и въ этомъ составѣ копья мы видимъ его отличіе отъ французскаго и сходство съ бургундскимъ, въ которомъ также имѣлись пѣшіе люди (стр. 47). См. фиг. №№ 26 и 27, на табл. IX.

Незначительное число кирасиръ, которыхъ удалось завести Максимильяну, побудило его обратиться къ другимъ источникамъ, для пополненія своей конницы, и съ этой цѣлью онъ привлекъ на свою службу венгерскихъ, частью кроатскихъ гусаръ, (получившихъ свое названіе отъ венгерскихъ словъ: «húsz»—двадцать, и «ar»—жалованье, такъ какъ начало ихъ положено королемъ Венгріи, Матоеемъ Корвинымъ, призвавшимъ, для несенія военной службы на жалованьи, каждаго 20-го человѣка съ населенія, откуда и пошли гусары, которые, въ первое время, далеко не всѣ отправляли службу на конѣ). Гусары, въ арміи Максимильяна, были частью тоже тяжело вооруженными всадниками, такъ какъ, по нѣкоторымъ описаніямъ ихъ современными авторами, они имѣли латы, съ рукавами и набедренниками; оружіе ихъ составляли: копье, сабля, съ расширяющимся къ концу, волнистымъ лезвіемъ, лукъ, а позже пистолетъ (Puffer) **). Кромѣ того, Максимильянъ

---

*) *Jähns* («Handbuch», стр. 917). Его-же («Geschichte», т. I, стр. 318—319.) *Meynert*. (т. II, стр. 31).

**) *Meynert*. (т. II, стр. 177—189). *Jähns* («Handbuch», выноска на стр. 917—918). Указаніе о гусарахъ, въ арміи Габсбурговъ, относится къ 1508 г. Численности нанимавшихся Максимиліаномъ I отрядовъ гусаръ, къ сожалѣнію, оба автора не даютъ.

прибѣгалъ къ найму извѣстной уже намъ албанско-греческой легкой конницы—стратіотовъ.

Пѣхота. (Ландскнехты).

Что касается *пѣхоты*, то послѣ швейцарскихъ побѣдъ, когда стала очевидной ошибочность предразсудка, что воинами могутъ быть только всадники, Максимильяномъ были приняты всѣ возможныя мѣры по улучшенію того низкопробнаго матеріала, который представляли, для образованія пѣхоты, тогдашніе наемники. При развитіи корпоративнаго духа въ эпоху среднихъ вѣковъ, въ Германіи, дружины наемниковъ образовали родъ кочующихъ военныхъ братствъ, которыя, до извѣстной степени, приближались къ вышеупомянутымъ отрядамъ кондотьеровъ, бродившихъ по Италіи *). Нами уже были приведены примѣры такихъ наемныхъ отрядовъ, вродѣ «черной дружины», заключавшей до 6000 чел. и попеременно служившей венгерцамъ, саксонцамъ, германскому императору, герцогу Гельдернскому, датскому королю и другимъ.

Въ XV-мъ вѣкѣ, нѣмецкая наемная пѣхота носитъ два названія «боковъ» и «трабантовъ»; первые были искатели приключеній, а главное, любители праздной жизни и легкой добычи; поэтому они кочевали отъ одного владѣтельнаго князя къ другому; въ мирное время, жили впроголодь, питаясь грабежами и отличаясь отвратительною нечистоплотностью, за которую и получили свое названіе («Böck»—козелъ) Еще въ XVII вѣкѣ, это названіе давалось иногда военнымъ бандитамъ **). Лучшихъ наемниковъ звали «трабантами» ***), подъ которыми чаще всего разумѣли наемныхъ богемскихъ и швейцарскихъ пѣхотинцевъ, вооруженныхъ пиками, аллебардами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ концѣ XV вѣка (около 1474 г.), впервые встрѣчается имя ландскнехтовъ, которыми обозначали наемниковъ, вербованныхъ въ своей-же странѣ (Land), преимущественно изъ состава свободныхъ крестьянскихъ общинъ и особенно въ Брейзгау, въ Швабіи, гдѣ городъ Фельдкирхъ считался родиной всѣхъ выдающихся предводителей ландскнехтовъ. Такимъ образомъ, названіе это, повидимому, не обозначаетъ оружія, которымъ были вооружены ландскнехты («Lanze»-пика),

*) Разница была только въ томъ, что они не успѣли въ Германіи занять такое преобладающее положеніе, какъ въ Италіи, такъ какъ нѣмецкое населеніе, менѣе изнѣженное и болѣе воинственное, чѣмъ итальянцы, могло всегда бороться съ шайками наемниковъ, если они начинали не въ мѣру заниматься грабежами и раззореніемъ населенія.

**) *Пузыревскій.* («Ист. воен. иск. въ средніе вѣка», ч. II, стр. 93); *Meynert*, (т. II, стр. 36—37.)

***) Отъ «traben», «treiben», «travailler», въ смыслѣ—двигаться.

не указываетъ на принадлежность къ той странѣ, вооруженную силу которой они составляли (потомъ, конечно, это было забыто, и ландскнехты служатъ подъ знаменами почти всѣхъ государей западной Европы) *). Къ этому-то роду наемной пѣхоты и прибѣгнулъ Максимильянъ, какъ къ лучшему изъ имѣвшагося въ его распоряженіи матеріалу, рѣшившись болѣе облагородить его и создать изъ него родъ рыцарскаго ордена, привлеченіемъ въ его ряды молодаго дворянства, въ качествѣ начальниковъ, и такъ называемыхъ «двойныхъ наемниковъ», получавшихъ двойное жалованье (Doppelsöldner).

Чтобы побѣдить укоренившійся обычай считать пѣхоту презрѣннымъ войскомъ, самъ Максимильянъ, порой, являлся въ снаряженіи ландскнехта, съ ихъ пикой и боевымъ мечемъ и, считая себя самого первымъ ландскнехтомъ, становился иногда въ ихъ ряды. (См. фиг. № 34, на табл. X). Замѣчательно, что учрежденіе ландскнехтовъ совпало со временемъ послѣдняго общаго рыцарскаго турнира, состоявшагося въ Вормсѣ, въ 1487 году. Вѣроятно, Максимильянъ убѣдился на немъ, что время рыцарства миновало, и пришелъ къ заключенію о необходимости искать новыхъ способовъ организовать свою вооруженную силу, при чемъ пожелалъ перенести духъ рыцарства и его лучшія силы въ новое учрежденіе.

Впервые онъ примѣнилъ ландскнехтовъ, по ихъ преобразованіи въ наемно-рыцарское братство, въ войнѣ съ венграми въ 1490 году, имѣя въ виду совершенно освободиться отъ «бöковъ», которые только грабили мѣстныхъ жителей. Получивъ отъ имперскихъ чиновъ, вмѣсто поставки войскъ, де-

---

*) Мейнертъ («Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen», ч. II, стр. 55—56) производитъ однако названіе ландскнехтовъ отъ «Lanze» пика; этому взгляду слѣдуютъ: *Кн. Голицынъ* (Всеобщая военная исторія, ч. 3, стр. 65) и *Пузыревскій* (Исторія воен. иск. въ средніе вѣка, ч. II, стр. 95). Доводъ Мейнерта, что ландскнехты другъ друга часто называли сокращенно «Lanz», конечно, недостаточно убѣдителенъ; по сходству звуковъ, первоначальный корень могъ быть потомъ легко забытъ. Рюстовъ (Ист. пѣхоты, ч. I, стр. 175) держится обратнаго взгляда, и къ его доводамъ можно лишь прибавить, что «Lanze»—не коренное нѣмецкое слово, происходя отъ французскаго «lance»; пика-же ландскнехтовъ обыкновенно называется древне-германскими писателями «Spiesz». Современный писатель, извѣстный Philippe de Comines переводитъ на французскій языкъ названіе ландскнехтовъ — «compaignons du pays» — дружинники страны Подробно выясненъ этотъ вопросъ у Іенса. (Handbuch; вып. на стр. 940). Такого-же мнѣнія и Брандтъ (т. III, стр. 95—96), подтверждая это тѣмъ, что были двоякаго рода ландскнехты: «Oberländische knechte», т.-е., люди верхнихъ странъ, (изъ Швабскихъ горъ), и «Niederländische knechte»,—изъ нижнихъ странъ (изъ равнинъ сѣверныхъ частей имперіи). Роканкуръ (выноска на стр. 326) тоже переводитъ слово ландскнехтъ— du pays valet».

нежную подать на наемъ таковыхъ, Максимильянъ опредѣлилъ слѣдующій порядокъ комплектованія своей арміи наемной пѣхотой: предполагая военный походъ, государь выдавалъ патентъ одному изъ наиболѣе ему преданныхъ и извѣстныхъ своимъ боевымъ опытомъ полководцевъ, на сборъ *полка* (Regiment) ландскнехтовъ. Патентъ, называвшійся также «грамотой артикуловъ» (Artikulsbrief, Bestallungsbrief), заключалъ въ себѣ права и обязанности полководца (Feldoberst) и условія для содержанія и уплаты жалованья ландскнехтамъ, которое выдавалось государемъ. Приводимый Брандтомъ *) текстъ одной изъ старѣйшихъ сохранившихся такихъ грамотъ, (хотя и принадлежащій къ болѣе поздней эпохѣ—1572 г.) показываетъ, что, въ случаѣ нужды, ландскнехты могли быть удерживаемы и послѣ указаннаго срока, возобновленіемъ патента, при чемъ, къ 1572 году, срокъ найма достигалъ 1 года (въ началѣ XVI вѣка, нормальный срокъ былъ 3 мѣсяца). Часто случалось, что суммъ, выдаваемыхъ государемъ, не хватало, и тогда фельдоберсту приходилось доплачивать самому, а слава его имени доставляла ему болѣе или менѣе продолжительный кредитъ, но если денегъ всетаки не было, если кампанія шла неудачно и военной добычи не было, то ландскнехты обращались въ дикую орду, становились язвою мирнаго населенія и нерѣдко поднимали открытыя возмущенія противъ своего-же повелителя (такъ, въ Миланскомъ походѣ, 1516 года, ландскнехты взбунтовались противъ самого императора Максимильяна и едва не убили его). Изъ числа своихъ друзей, товарищей, извѣстныхъ военачальниковъ, фельдоберстъ выбиралъ себѣ помощника (Oberstlieutenant) и капитановъ (Hauptleute), которые уже завѣдывали непосредственнымъ сборомъ наемниковъ и нерѣдко помогали своими денежными средствами, при организаціи полка.

Вначалѣ, капитаны, согласно указаніямъ Максимильяна, были очень разборчивы при наймѣ ландскнехтовъ; въ число ихъ принимались исключительно «свободные» и лишь имѣвшіе собственное хорошее вооруженіе; смотря по состоянію его, ландскнехты дѣлились при пріемѣ на два разряды (какъ тогда говорили: «1-й и 2-й листъ)». Въ 1-мъ разрядѣ (prima plana) состояли дворяне, сыновья патриціевъ и лучшіе граждане, въ 2-мъ—свободные ремесленники и поселяне: бездомные бродяги, нищіе проходимцы, которые впослѣдствіи

*) Т. III, стр. 101—103.

составили главную массу ландскнехтовъ, вначалѣ вовсе не пропускались черезъ ворота изъ копій, что обозначало пріемъ на службу.

Тактическо-административной единицей ландскнехтовъ былъ *значекъ* (Fähnlein), силой отъ 400 до 600 ч., который нанимался капитаномъ и получилъ свое названіе отъ того, что прикрѣпленный къ дому его значекъ, или хоругвь (иногда, по древне-германскому обычаю,— шляпа), обозначали, что онъ принимаетъ на военную службу годныхъ къ ней людей. Значекъ составлялся изъ пѣхотинцевъ разныхъ родовъ, по своему вооруженію, т. е., пикинеровъ, аллебардистовъ и стрѣлковъ, при чемъ трудно опредѣлить процентное содержаніе каждаго рода пѣхотинцевъ, въ общемъ составѣ значка, такъ какъ оно было непостоянно, въ зависимости отъ того, съ какимъ вооруженіемъ являлись ландскнехты къ вербовавшему ихъ капитану, принимавшему всякаго, имѣвшаго свой камзолъ (впослѣдствіи очень яркихъ, пестрыхъ цвѣтовъ), башмаки, шишакъ, хорошій мечъ, аллебарду или длинную пику, а при томъ и немного денегъ, и былъ здоровъ и достаточно силенъ для перенесенія военнаго похода *). Въ концѣ царствованія императора Максимильяна и въ началѣ правленія Карла V, когда употребленіе огнестрѣльнаго оружія получило достаточное распространеніе, за норму было принято имѣть въ каждомъ значкѣ около 50 аркебузеровъ.

При пріемѣ на службу ландскнехтовъ, обыкновенно, присутствовалъ правительственный инспекторъ, который провѣрялъ число проходившихъ черезъ ворота ландскнехтовъ и заносилъ ихъ въ списки, обращая вниманіе, чтобы никто не проходилъ два раза, такъ какъ капитаны нерѣдко прибѣгали къ такой уловкѣ, чтобы затѣмъ получать излишнее содержаніе, отпускавшееся казной по числу занесенныхъ въ списки наемниковъ **). Нашитый на камзолъ красный крестъ и красная

---

*) Впослѣдствіи, оружіе ландскнехтовъ и составъ значка опредѣлялся болѣе точнымъ образомъ. Такъ, по проекту Бейрлина, представленному въ 1563 г., значекъ долженъ былъ состоять изъ 200 стрѣлковъ-аркебузеровъ, 284 пикинеровъ, 36 аллебардистовъ, 2-хъ меченосцевъ (у значка), 4 барабанщиковъ и флейтистовъ, всего 526 чел. и 3 офицеровъ—капитана, поручика и прапорщика (*Голицынъ*, ч. 3, стр. 69).

**) Нормальное жалованье ландскнехта было 4 гульдена въ мѣсяцъ, двойные наемники (1-й листъ) получали, слѣдовательно, 8 гульденовъ, капитаны—десятерное содержаніе—40 гульденовъ; фельдоберсты—сотенное—400 гульденовъ; кромѣ того, послѣднему предоставлялось право содержать извѣстное число трабантовъ, въ видѣ личной гвардіи, и опредѣленный штабъ, получавшій содержаніе отъ казны. Вообще, положеніе фельоберста было выдающееся, и онъ окружалъ себя роскошью и блескомъ,

перевязь служили отличіемъ принадлежности къ полку ландскнехтовъ.

Полки образовались изъ 10—16 значковъ, но, какъ видно, не были тактической единицей, а лишь административной, и для боя ландскнехты строили изъ нѣсколькихъ значковъ такъ называемыя «кучи» (Haufen), которыя и были дѣйствительными тактическими единицами.

Пока во главѣ ландскнехтовъ стояли преданные императору полководцы, изъ которыхъ наибольшею славой пользовался извѣстный уже намъ Георгъ фонъ-Фрундсбергъ, «отецъ ландскнехтовъ», и пока въ ихъ среду принимался лишь дѣйствительно доброкачественный элементъ, до тѣхъ поръ они представляли прекрасную народную пѣхоту, отличаясь, въ особенности, стойкостью и упорствомъ въ бою; но и съ ними повторилось то-же, что и съ швейцарской пѣхотой: постоянныя войны и особенно борьба Габсбургскаго дома съ французскими королями, за гегемонію въ Европѣ, а также безконечные походы въ Италію потребовали огромнаго напряженія силъ и вызвали мѣры къ увеличенію численности арміи, во что-бы то ни стало; родина ландскнехтовъ—Швабія не могла уже поставлять необходимаго числа наемниковъ, а между тѣмъ и другія государства, въ томъ числѣ и непріязненная Германіи Франція, начали тоже вербовать ландскнехтовъ, которые, будучи свободными съ окончаніемъ договорнаго срока, поступали на службу къ любому государю, лишь-бы онъ доставилъ имъ необходимое пропитаніе и возможность поживиться непрія-

играя, въ сущности, роль диктатора въ этой солдатской республикѣ. Весь значекъ изъ 500 нижнихъ чиновъ, а съ начальниками и нестроевыми, 619 чел., стоилъ въ мѣсяцъ 4,837 гульденовъ (*Meynert*, т. II, стр. 85, и *Brandt*, т. III, стр. 114—115). Послѣ выиграннаго сраженія, мѣсяцъ считался законченнымъ и, для уплаты содержанія, начинался новый мѣсяцъ. Послѣ удачнаго штурма крѣпости, весь боевой матеріалъ принадлежалъ государю; вся добыча распредѣлялась между ландскнехтами и ихъ начальниками, и для разсчетовъ былъ даже особый «грабежныхъ дѣлъ мастеръ» (Beutemeister). Мельницы, хлѣбопекарни, плуги, все, вообще, необходимое для обработки полей должно было оставаться неприкосновеннымъ, а въ дружеской странѣ, не только запрещался подъ страхомъ смертной казни, всякій грабежъ, но даже всякое отнятіе жизненныхъ припасовъ. Такимъ образомъ, ландскнехты, а особенно ихъ начальники были матеріально обезпечены лучше, чѣмъ швейцарцы, которые, судя по книгѣ о войнѣ Сельденека («Kriegsbuch, der gemaynen eyd»), изданной около 1480 года, было слѣдующимъ: капитанъ получалъ 12 гульденовъ въ мѣсяцъ и на своего холопа еще 4 гульдена, хорунжій—и начальникъ отдѣленія—6 гульденовъ—полуторное содержаніе; унтеръ-офицеры, барабанщики—5 гульденовъ; простые холопы (knechte)—4 гульдена. На каждые 8 пикинеровъ полагалась 1 аркебуза и 1 аллебарда; на 100 пикъ—одна подвода, при 2-хъ тяжелыхъ аркебузахъ, и 10 аркебузеровъ. (*Jähns*; «Geschichte der Kriegswissenschaften»; т. I, стр. 312).

тельской добычей. При такихъ условіяхъ, въ силу самого естественнаго хода вещей, нравственныя качества ландскнехтовъ должны были пасть; при наймѣ ихъ, поневолѣ, приходилось быть менѣе разборчивымъ, и въ результатѣ, они стали такими-же ремесленниками военнаго дѣла, какими были описанныя войска итальянскихъ кондотьеровъ, совершенно потерявъ тотъ обликъ рыцарскаго ордена, который хотѣлъ придать имъ Максимильянъ. Они скоро перестали и называться ландскнехтами, а стали нѣмецкими пѣхотинцами (deutsche Fuszknechte *); принадлежность ихъ къ той *странѣ* (Land), за которую они вели борьбу, прекратилась.

Еще тому-же Фрундсбергу, во время похода его къ Риму, въ 1527 году, пришлось убѣдиться, въ грозной силѣ созданнаго его стараніями войска; когда обнаружилось наступленіе германскихъ войскъ къ Риму, устрашенный папа заключилъ 8-ми мѣсячное перемиріе; между тѣмъ, Фрундсбергъ и коннетабль Бурбонъ не могли заплатить ландскнехтамъ слѣдуемаго имъ, за нѣсколько мѣсяцевъ, содержанія, хотя продали и перезаложили всѣ свои драгоцѣнности и имѣнія; когда ландскнехты узнали о заключенномъ перемиріи, то они подняли открытое возмущеніе, требуя немедленнаго движенія къ Риму и взятія его, съ цѣлью вознаградить себя разграбленіемъ древней столицы міра. Старый Фрундсбергъ пытался убѣдить разъяренныхъ бунтовщиковъ, но послѣдніе стали ему грозить оружіемъ и такъ оскорбили своего вождя, что съ нимъ сдѣлался ударъ, отъ котораго онъ уже не поправился и былъ принужденъ покинуть армію, посовѣтовавъ Бурбону идти въ Римъ, «потому что иначе невозможно». Бурбону, дѣйствительно, ничего другого не оставалось, какъ штурмовать искавшій мира городъ, самъ онъ былъ, при этомъ штурмѣ убитъ, а Римъ былъ взятъ и преданъ неописуемому грабежу, сопровождавшемуся неслыханными насиліями и звѣрскими жестокостями («sacco di Roma»). Алчность ландскнехтовъ была удовлетворена, но съ этихъ поръ, они уже потеряли всякій образъ воина, служащаго родинѣ, и неудержимо шли къ своему полному паденію

Приведенный примѣръ похода на Римъ невольно заставляетъ вспомнить аналогичное, по своимъ мотивамъ, сраженіе при Ля-Бикокѣ, въ которомъ была наказана жадность швейцарцевъ, и это сравненіе, въ свою очередь,

*) *Meynert*, т. II, стр. 69.

даетъ поводъ сдѣлать *выводъ, что наемное войско, какъ-бы ни было оно совершенно и образцово, по своему первоначальному устройству, по самой природѣ своей, въ силу естественнаго хода событій, неминуемо заключаетъ въ себѣ зачатки будущаго разложенія и окончательной гибели. Купленный за деньги наемникъ не можетъ имѣть прочныхъ основъ для преданности дѣлу, которому онъ служилъ-бы до забвенія своихъ собственныхъ выгодъ; личный эгоизмъ овладѣваетъ, въ концѣ концовъ, всѣмъ его существомъ и заставляетъ пренебречь святостью своего долга.*

Все сказанное, однако, вовсе не служитъ доказательствомъ того, что система наемныхъ войскъ была въ ту отдаленную эпоху нецѣлесообразна и не должна была примѣняться. Причину такого, съ перваго взгляда, ненормальнаго способа комплектованія вооруженныхъ силъ имперскихъ князей раскрываетъ намъ сочиненіе графа Рейнхардта *Сольмса:* «Kriegsregierung», написанное около 1544 года *). Совершенно вопреки изложенному выше взгляду Маккіавелли, гр. Сольмсъ полагаетъ, что владѣтельный князь, ни въ какомъ случаѣ, «не долженъ поддаваться уговорамъ — употребить народъ своей страны для веденія войны», потому что походы съ такими войсками кончаются обыкновенно неудачами, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ желанія вести войну, вслѣдствіе присущаго имъ стремленія вернуться поскорѣе домой, къ своимъ женамъ, дѣтямъ и роднымъ очагамъ, вслѣдствіе, наконецъ, недостатка обученія и боевой опытности, отсутствія стойкости передъ противникомъ, передъ которымъ они бѣгутъ, какъ только начальникъ предполагаетъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. . . . «Когда такое войско, взятое со страны государя, будетъ разбито, то какъ ему оправиться отъ пораженія собственнаго народа и взимать подати и прочіе налоги? Поэтому государю далеко не такъ тяжело, или не такъ вредно двукратное пораженіе иноземнаго войска, чѣмъ единственная неудача собственнаго народнаго войска» **).

Такой взглядъ Сольмса, бывшаго фельдмаршаломъ Карла V и стоявшаго очень близко къ разсматриваемой эпохѣ, замѣ-

---

*) Напечатано между 1550 и 1560 годами.

**) «Wann einem Herrn also sein Landvolk geschlagen wirdt, wie will er sich wieder erholen mit Schatzung und dergleichen Steuern wan sein Volk erschlagen were. Derhalben thut es einem Herrn nicht so wehe oder ist jm so nachtheillig wan jm ein frembdvolk zweimal geschlagen, als dasz sein Volk einmal geschlagen wirt» (I. S. 30). Выдержка у *Jähns*'а. («Geschichte», т. I, стр. 514).

чательно характеренъ, для выясненія вопроса, почему такъ настойчиво держались государи того времени армій, комплектуемыхъ наемниками, и отказывались отъ народнаго войска; во-первыхъ, изъ словъ Сольмса видно, что собственный народъ былъ нуженъ, прежде всего, для пополненія взимаемыми съ него налогами постоянно недостаточныхъ финансовыхъ средствъ государства. Для казны было, повидимому, слишкомъ обременительно, еслибъ она лишилась даже той части податей, которыя выпадали на долю вербуемыхъ для войскъ поселянъ, что особенно давало себя чувствовать при пораженіяхъ, когда необходимо было особенное напряженіе силъ и слѣдовательно нужно было произвести значительные расходы, а между тѣмъ побѣдоносный противникъ занималъ часть территоріи и, конечно, не позволялъ съ нея собирать новыя подати, а напротивъ, живя на средства страны, грабилъ и раззорялъ ее. Съ другой стороны, мы видимъ, что мѣстныя войска, ополченія, собираемыя со страны, были ненадежны, такъ какъ дисциплинировать ихъ, соотвѣтственно боевымъ цѣлямъ войны, и придать должную сплоченность и устойчивость въ виду противника — можно только болѣе или менѣе продолжительной службой подъ знаменами, боевой опытностью и солдатскимъ воспитаніемъ, а все это могли дать только войска постоянныя, учреждать которыя государства были опять-таки, не въ силахъ, вслѣдствіе отсутствія нужныхъ на то финансовыхъ средствъ. Поневолѣ, приходилось обращаться къ наемникамъ—ремесленникамъ войны, которые, странствуя изъ одного государства въ другое, промышляя всюду, гдѣ только можно было повоевать и, главное, пограбить, составили себѣ, тѣмъ не менѣе, извѣстную боевую практику и могли, хотя и несовершенно, замѣнить постоянное народное войско.

Слабость государственной власти, въ разсматриваемую эпоху, сказывалась также въ затруднительномъ ея положеніи, когда кампанія оканчивалась, а собственные наемные отряды продолжали раззорять страну и грабить мирныхъ жителей, «работая на себя», и это давало также поводъ предпочитать чужеземныхъ наемниковъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, получивъ свое содержаніе и будучи уволенными, скорѣе избавляли страну отъ своего присутствія, такъ какъ ихъ всетаки тянуло на родину, гдѣ они могли-бы вполнѣ беззаботно промотать награбленное во время войны добро.

Мы видимъ, какъ *вся военная организація тогдашнихъ*

государствъ находилась въ самой полной зависимости отъ ихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ, образовавшихъ какъ-бы тѣсный заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя было выбраться самому даровитому государю.

Наемныя войска имѣли еще одну выгоду, сравнительно съ народными ополченіями: тогда какъ неразвившаяся политически масса не понимала цѣлей войны, жаждала лишь покоя и мирной жизни, при своихъ родныхъ очагахъ, и никакъ не могла проникнуться обще-государственными интересами, особенно, когда дѣло касалось наступательныхъ войнъ,—а потому естественно стремилась, какъ можно скорѣе, вернуться домой и отдѣлаться отъ несенія военной службы; въ то-же время, наемники, хотя и не понимали политическаго смысла кампаніи, которую они вели, тѣмъ не менѣе, получая средства для жизни посредствомъ войны, не могли не сочувствовать ей, предпочитали именно наступательный образъ дѣйствій, который давалъ имъ возможность больше поживиться добычей противника и, такимъ образомъ, ихъ цѣли чаще совпадали (хотя далеко не всегда) съ цѣлями полководца.

Исторія, а частью и разсмотрѣнныя уже нами событія, показываютъ, что тамъ, гдѣ народы принуждены были вести оборонительный образъ дѣйствій, гдѣ приходилось защищать свои собственные предѣлы, свои родные углы и свою родную вѣру,—тамъ создавались изъ ополченій хорошія народныя арміи, окрѣпшія въ постоянной борьбѣ за существованіе и успѣшно дѣйствовавшія затѣмъ и въ дальнѣйшихъ войнахъ, хотя-бы и наступательнаго характера (испанцы, чехи-гуситы, швейцарцы, французы—въ послѣднемъ періодѣ столѣтней войны, славяне. . . .); напротивъ, государства, которымъ приходилось вести, вслѣдствіе политическихъ условій, преимущественно наступательныя войны, дольше оставались при наемныхъ арміяхъ, часто пополнявшихся при томъ иностранцами (Германія, Франція послѣ Людовика XI).

Такимъ образомъ, система комплектованія вооруженной силы чужеземными наемниками являлась, въ извѣстной степени, необходимой и соотвѣтствовавшей тогдашней общей обстановкѣ: *общество еще не возвысилось до усвоенія твердыхъ политическихъ убѣжденій; чувство принадлежности къ тому или другому народу, тѣмъ болѣе къ тому или другому государству, было не развито, а потому и не давало зародыша болѣе глубокимъ сильнымъ побужденіямъ, чѣмъ деньги и личныя выгоды;* съ другой стороны, и *государствен-*

ная власть была еще настолько слаба, что, будучи въ состояніи взимать съ населенія подати, *далеко не всегда могла предъявить ему требованіе на обязательную службу въ войскахъ;* а тѣмъ болѣе, запретить ему службу подъ знаменами иноземнаго государя; на подобныя запрещенія никто не обращалъ вниманія; поневолѣ, приходилось организовать вооруженную силу изъ желающихъ отправлять таковую, т.-е., обращаться къ помощи наемниковъ, какой-бы странѣ они не принадлежали. Чувство рыцарской чести, съ упадкомъ феодальной системы, къ концу XV вѣка, уже настолько ослабѣло, что рыцари, сражавшіеся прежде за право быть рыцаремъ,—теперь обращались въ тѣхъ-же наемниковъ, стали служить за деньги не только своему государю, но даже ближайшимъ богатымъ городамъ, всегда нуждавшимся въ хорошей конницѣ.

Императоръ, желая обезпечить участіе своихъ ленниковъ въ задуманномъ походѣ и чувствуя слабость ихъ ленной зависимости, принималъ ихъ на жалованье, обезпечивая тѣмъ ихъ боевую службу въ предстоящей кампаніи *). Брать деньги за военную службу и поставку войскъ не гнушались даже могущественные князья и курфюрсты, и самъ благородный императоръ Максимильянъ I, получалъ по 100 экю въ сутки, за свое участіе въ походѣ 1513 года, противъ французовъ, подъ знаменемъ англійскаго короля Генриха VIII **).

Артиллерія. Максимильянъ I и особенно его преемникъ, Карлъ V, обратили большое вниманіе на заведеніе и содержаніе сильной *артиллеріи.* При общемъ корпоративномъ строѣ германскаго общества, развившемся въ предшествовавшую эпоху, весьма естественно, что и артиллеристы образовали родъ цеха, весьма близкаго къ цеху литейщиковъ, слесарей и кузнецовъ; странствующіе пушкарскіе мастера, переходя изъ города въ городъ, изъ замка въ замокъ, по заказамъ горожанъ и владѣтелей замковъ, нуждавшихся, при тогдашнемъ безпокойномъ времени, въ сильной оборонѣ, изготовляли болѣе или менѣе

---

*) Въ 1509 г., былъ имъ нанятъ, на 4 мѣсяца, герцогъ Эрихъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, съ 150 чел. конницы, за 10 гульденовъ въ мѣсяцъ, на каждую лошадь; въ 1515 г., за болѣе дешевую плату—8 гульденовъ, съ лошади—поступилъ къ нему на службу герцогъ Мекленбургскій, на 1 годъ, съ 25 чел., и маркграфъ Казиміръ Бранденбургскій, съ 40 чел. вооруженной конницы. *Голицынъ,* (ч. 3-я, стр. 62—63). *Meynert.* (т. II, стр. 32).

**) *Brandt,* (т. III, стр. 234). Объ этомъ свидѣтельствуетъ также слѣдующая выдержка изъ мемуаровъ *дю-Беллэй:* «.... fault entendre que l'armée du dit Maximilian estoit souldoyée aux despens du Roy d'Angleterre et mesmes le dit esleu Empereur avoit cent escu par iour pour son plat». («Memoires» liv. I.; стр. 5, лѣв.).

смертоносныя орудія, снабжая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, запасомъ пороха и снарядами. Государство еще не содержало артиллеріи, какъ отдѣльнаго рода оружія, и весьма естественно, что оно обратилось къ тѣмъ-же мастерамъ съ соотвѣтствующими заказами, при чемъ имъ поручалось изготовленіе не только артиллерійскихъ орудій, но и ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Въ случаѣ кампаніи, они точно такъ-же нанимались на службу, какъ болѣе знакомые съ пріемами при отлитыхъ ими орудіяхъ, получая извѣстныя привиллегіи, разъ ихъ артиллерія имѣла успѣхъ; такъ, по взятіи города, если брешь была произведена отлитыми ими орудіями, то имъ принадлежали: самое большое взятое въ городѣ орудіе, пороховые заряды, найденные въ орудіяхъ, боевое снаряженіе, заключавшееся въ цейгхаузахъ и всѣ колокола; кромѣ того, для разсчета жалованья, мѣсяцъ считался законченнымъ; тоже самое касалось артиллеристовъ обороняющагося, послѣ каждаго отбитаго имъ штурма.

Въ концѣ XV вѣка, артиллерія начинаетъ получать характеръ полевой. (См. фиг. № 42, на табл. XI), и рядъ искусныхъ нѣмецкихъ пушкарскихъ мастеровъ умѣли значительно ее усовершенствовать, такъ что при Карлѣ V, въ серединѣ XVI вѣка, явились даже первые образцы орудій, *заряжаемыхъ съ казны.* (Фиг. № 45, на табл. XI); изобрѣтеніе это однако не было оцѣнено, на первыхъ порахъ, и къ нему вернулись значительно позже.

Мартинъ Мерцъ, родомъ изъ Пфальца, впервые, началъ примѣнять двухъ-стѣнные лафеты съ передками, что дало уже возможность выводить въ поле, совмѣстно съ арміей, значительную по тому времени артиллерію. Въ 1474 году, курфюрстъ *Альбрехтъ Ахиллъ Бранденбургскій*, для дѣйствующей арміи въ 30.000 чел, требуетъ 30 серпантинъ и 70 гаубицъ, въ томъ числѣ, 20—стрѣляющихъ картечью, и 10 мортиръ *). Въ венеціанскомъ походѣ 1509 года, при арміи Максимильяна, находилось уже 106 орудій на колесахъ.

„*Матеріальная книга*“ (Zeugbuch), изданная по распоряженію императора Максимильяна, между 1500 и 1510 годами, приводитъ въ строгую систему заведенную государемъ артиллерію, подраздѣляя ее на 4 категоріи, а именно:

1) *Главныя пушки* (Hauptbüchsen), соотвѣтствовавшія французскимъ бомбардамъ и предназначавшіяся, главнымъ образомъ, для брешированія стѣнъ. Дѣйствія ихъ снарядовъ, которые, со временъ Максимильяна, уже исключительно желѣзные, вмѣсто прежнихъ каменныхъ, было настолько сильно, что, напр., при осадѣ имъ

*) *Jähns*, «Handbuch», стр. 970.

Куфштейна, они пробивали 2-хъ саженныя стѣны и углублялись еще послѣ того на $1^1/_2$ фута въ скалу. Стрѣльба изъ нихъ однако была настолько медленной, что изъ каждаго орудія ежесуточно производилось не болѣе 4—5 выстрѣловъ.

2) *Пушки* (картауны), съ болѣе длиннымъ каналомъ, меньшаго калибра, чѣмъ бомбарды, служившія однако тоже въ видѣ осадныхъ орудій.

3) *Серпантины*, преимущественно длинныя орудія (20—40 калибровъ); болѣе крупныя изъ нихъ были извѣстны подъ именемъ базилисковъ и червей (Wurme); меньшихъ-же размѣровъ орудія, называвшіяся кулевринами и картечницами (Hagelbüchsen), представляли переходъ къ ручному оружію.

4) *Мортиры*, для навѣсной стрѣльбы, уголъ возвышенія для которой придавался подкладываемыми клиньями *) (См. фиг. № 43, на табл. XI).

Вообще, какъ видно, разнообразіе калибровъ было еще значительно, и конструкція орудій очень разнообразная, что зависѣло именно отъ того, что искусство различныхъ пушкарскихъ мастеровъ вырабатывало формы, для каждаго получаемаго ими заказа, отдѣльно; различныя случайности, человѣческая склонность къ разнообразію въ своемъ трудѣ, разныя требованія при заказахъ различныхъ учрежденій и городовъ и, наконецъ, желаніе каждаго заказчика превзойти образцы, имѣвшіеся у его вѣроятныхъ противниковъ, причемъ главное вниманіе, конечно, обращалось на размѣры орудій,—всѣ эти обстоятельства естественно вызывали самый разнообразный составъ артиллеріи, имѣвшейся въ употребленіи, что вело, при сосредоточеніи значительной артиллеріи для участія въ организуемомъ походѣ, къ значительнымъ неудобствамъ, при снабженіи артиллеріи необходимыми снарядами, почему и былъ принятъ рядъ мѣръ, къ возможному сокращенію калибровъ и къ установленію однообразія въ изготовленіи артиллерійскихъ орудій. При Карлѣ V, начали содержать пушкарей въ видѣ постоянныхъ наемниковъ въ мирное время и при немъ-же заведены были первыя артиллерійскія школы, въ которыхъ практически обучались стрѣльбѣ **).

Артиллерія, еще при Максимильянѣ I, сдѣлала значительный шагъ впередъ въ отношеніи маневрированія на полѣ сраженія,

*) Тамъ-же, стр, 972 и 796—799

**) Въ правилахъ для стрѣльбы, преподаваемыхъ въ этихъ школахъ, руководства которыхъ сохранились до сего времени, характерны наставленія крестить дуло орудія, по заряжаніи его, и призывать имя Св. Варвары; необходимо было присутствіе при каждомъ выстрѣлѣ, на учебной стрѣльбѣ, всѣхъ обучающихся; съ отсутствующаго взыскивалось въ пользу братства Св. Варвары 2 фунта воску. (Св. Варвара была патронесса всѣхъ артиллеристовъ). *Brandt*, (т. III, стр. 144—145.).

въ чемъ успѣхъ былъ достигнутъ придачей къ каждому орудію опредѣленной прислуги и назначеніемъ къ каждому осадному орудію по 2 пушкарскихъ мастера (игравшихъ, вѣроятно, роль фейерверкеровъ), а къ полевому орудію—по одному такому мастеру.

Во главѣ артиллеріи, сопровождавшей армію на походѣ, поставленъ *цейгмейстеръ*, провѣрявшій дѣятельность и знаніе службы пушкарскими мастерами; наконецъ, артиллерія всей страны подчинялась *генералъ-фельдцейгмейстеру*, завѣдывавшему всѣмъ артиллерійскимъ дѣломъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время; онъ завѣдывалъ также обложеніемъ и осадой важнѣйшихъ непріятельскихъ крѣпостей и, съ паденіемъ ихъ, получалъ, въ свое распоряженіе, весь найденный въ крѣпости запасъ орудій и снарядовъ, который впрочемъ обязывался, за $^2/_3$ его цѣнности, продать императору.

Значеніе артиллеріи становилось уже выдающимся, и она пользовалась извѣстными привиллегіями, въ числѣ которыхъ одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ была—освобожденіе отъ наказанія, ареста и дальнѣйшаго преслѣдованія того, который успѣвалъ бѣжать къ орудіямъ и наложить на нихъ руку: всякій, находившійся въ ближайшемъ сосѣдствѣ орудій, былъ неприкосновененъ.

Инженерныя войска.

Наконецъ, при Максимильянѣ, получили первое начало и вспомогательныя техническія войска, а именно *саперы*, которые образовались изъ вольно-наемныхъ рабочихъ землекоповъ (Schanzbauern), перешедшихъ, въ концѣ царствованія императора Максимильяна, на постоянную службу и составившихъ свой *значекъ* (Fähnlein), силой около 400 чел. При осадахъ-же крѣпостей, они усиливались до 4-хъ значковъ (1.600 чел.). Во главѣ ихъ стоялъ *шанцмейстеръ* (Schanzmeister), который соединялъ, въ своемъ лицѣ, должности не только современнаго начальника инженеровъ, но, до извѣстной степени, и начальника штаба, такъ какъ, въ числѣ его обязанностей, заключались: рекогносцировка дорогъ, выборъ путей наступленія, указаніе о расположеніи артиллерійскихъ позицій, мѣры по охраненію отрядовъ,—при расположеніи на отдыхѣ, и по оборонѣ лагерей, — при болѣе продолжительныхъ стоянкахъ. Саперы, первой обязанностью которыхъ, при многочисленныхъ осадахъ того времени, было устройство приспособленій для обстрѣливанія крѣпостныхъ построекъ, естественно должны были дѣйствовать въ самой близкой связи со своей артиллеріей и, большею частью, состояли при ней.

Значительное развитіе получили также *понтонные парки*. При недостаткѣ постоянныхъ переправъ, при слабой культурѣ того времени, опытъ кампаній привелъ къ необходимости возить, въ качествѣ матеріала для постройки мостовъ, около 30 судовъ, отъ 7—8 фут. шириной и 16—18 фут. длиной; вмѣстѣ съ судами перевозилась и мостовая настилка, заготовленная въ видѣ звеньевъ, ширина которыхъ равнялась ширинѣ судовъ, а длина была отъ 10 до 12 ф. *). Суда возились на запряженныхъ четверкой лошадей повозкахъ, вообще сходныхъ съ тѣми, на которыхъ возились орудія, и отличавшихся лишь тѣмъ, что къ осямъ ихъ были прикрѣплены высокія подпоры, между которыми лежала настилка, служившая, въ то-же время, основой повозки; на нее опиралось самое судно, перевозившееся повернутымъ кверху дномъ положеніи.

Организація обще-имперской арміи.

Принявъ самыя энергичныя мѣры къ прочной военной организаціи священной Римской имперіи, Максимильянъ I сдѣлалъ все, что отъ него зависило, чтобы политически сплотить между собою разнообразныя части своей обширной монархіи и, главное, объединить вооруженную силу, выставляемую многочисленными герцогами, курфюрстами, маркграфами и прочими владѣтельными князьями, земли которыхъ входили въ составъ германской имперіи. При этомъ онъ искусно воспользовался религіознымъ чувствомъ, подогрѣтымъ необходимостью вести борьбу за вѣру противъ турокъ, а также извѣстной опасностью, грозившей съ ихъ стороны цѣлости имперскихъ владѣній.

Въ концѣ своего царствованія, на сеймѣ въ Аугсбургѣ, 1518 года, ему удалось побѣдить равнодушіе и сопротивленіе имперскихъ князей и добиться отъ нихъ согласія на то, чтобы всякій ихъ подданный ежегодно, при причастіи, жертвовалъ-бы $^1/_{10}$ рейн-гульдена на войну съ турками и чтобы на эти деньги вербовались-бы конница и пѣхота и производимы были всѣ военныя снаряженія. Однако окончательное рѣшеніе этого вопроса было отложено до слѣдующаго сейма, до котораго Максимильянъ уже не дожилъ **).

---

*) Данныя по организаціи понтонныхъ парковъ почерпнуты изъ сочиненія *Фронспергера*: «Kriegszbuch», изданія 1596 года (кн. IV, стр. LXIV, лѣв.). Первое изданіе этой книги, заключающей главнѣйшія данныя по организаціи германскихъ армій XVI вѣка, относится къ 1569 году, а написано сочиненіе около 1552—1555 годовъ. Выдержки изъ него даютъ также: *Jähns*. «Geschichte der Kriegswissenschaften», (т. I, стр. 550—555), и *Brandt*, (т. III, стр. 158—164).

**) *Голицынъ*, ч. 3, стр. 61.

Почти такой-же успѣхъ имѣла другая его мѣра, по организаціи общей для всѣхъ наслѣдственныхъ австрійскихъ земель вооруженной силы: Боценскимъ ландтагомъ, 1511 года, была принята система обороны Тироля, на основаніи „11-ти лѣтней грамоты“, (elfjährige Libell), устанавливавшей сборъ 5000 ополченцевъ, при первой опасности непріятельскаго вторженія, при чемъ, по мѣрѣ необходимости, выставлялись новые контингенты (2-й, 3-й и 4-й очереди), каждый по 5000 чел., т.-е., въ общемъ, тирольцы должны были подготовить ополченіе въ 20.000 чел., жалованье которымъ обязывались платить сельскія и городскія общины, а оружіе и продовольственные припасы поставлялись имперскимъ правительствомъ.

„Иннсбрукской грамотой“ (Innsbrucker Libell), 1518 года утверждалась та-же мѣра и для остальныхъ (нижне-австрійскихъ) наслѣдственныхъ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ учреждались 6 выборныхъ должностей *военныхъ совѣтниковъ* (Kriegsrath), изъ которыхъ одинъ назначался *земскимъ фельдхауптманомъ* (Landfeldhauptmann). На случай вторженія противника, въ областяхъ должны были держаться на-готовѣ ополченцы, число которыхъ опредѣлялось денежнымъ доходомъ страны; именно, съ каждыхъ 200 фунтовъ денегъ дохода, получаемаго частными лицами или цѣлыми корпораціями и общинами, поставлялось по 1-му всаднику и по 2 пѣшихъ ополченца. Самъ императоръ обязывался и со своихъ собственныхъ доходовъ образовать такую-же помощь, въ случаѣ необходимости обороны какой-бы то ни было изъ угрожаемыхъ непріятельскимъ вторженіемъ областей. Продолжительность службы земскихъ ополченцевъ была опредѣлена въ 6 мѣсяцевъ, а въ случаѣ крайней нужды и болѣе, но уже на жалованьи и содержаніи отъ императора *).

«Иннсбрукская грамота» устанавливала взаимодѣйствіе ополченій сосѣднихъ автрійскихъ владѣній и представляла, такимъ образомъ, первое выраженіе обще-государственной идеи Австріи, которая, какъ видно, зародилась на почвѣ необходимой обороны страны при непріятельскомъ вторженіи; впервые, являлась австрійская вооруженная сила, и земскія ополченія обязывались служить не только внутри своихъ областей, но и внѣ ихъ.. Однако исторія не даетъ указаній о дѣятельности этихъ ополченій; для внѣшнихъ предпріятій они не могли быть предназначаемы, и главное значеніе указанной мѣры заключается въ первомъ появленіи военныхъ учрежденій и правительственныхъ должностей, въ лицѣ военныхъ совѣтниковъ и земскихъ фельдхауптмановъ. Главная-же военная сила имперіи Максимильяна I должна была, по прежнему, основываться почти исключительно на наемникахъ.

Возросшее могущество его преемника, Карла V, заставило

---

*) *Jähns.* «Geschichte d. Kriegswissenschaften» (т. I, стр. 682—684).

имперскихъ князей быть болѣе сговорчивыми въ отношеніи военной помощи, и на сеймѣ въ Вормсѣ, въ 1521 году, дляпредстоявшаго похода къ Риму и завоеванія отнятыхъ французами имперскихъ земель, рѣшено было выставить натурой, вмѣсто денежной повинности армію, впрочемъ не особенно многочисленную (4,000 конницы и 20.000 пѣхоты). Назначенные въ этой имперской арміи нѣмецкіе *капитаны* (Hauptleute) и *военные совѣтники* (Kriegsräthe) были поставлены подъ начальство самого императора и назначеннаго имъ *фельдоберста*, которымъ и должны были присягнуть. Особыя матрикулы опредѣляли распредѣленіе этихъ войскъ между имперскими князьями, входившими въ составъ германской монархіи *). Эта мѣра, не смотря на скромную численность выставляемой арміи, была выполнена тоже лишь на половину, а въ послѣдовавшія войны съ турками, обнаружился полный недостатокъ однообразія въ устройствѣ, обученіи и единствѣ духа подобной обще-имперской арміи.

При Карлѣ V, обнаружился недостатокъ людей, для пополненія имперскихъ войскъ; съ развитіемъ «промысла» ландскнехтовъ, и по мѣрѣ того, какъ иностранныя государства, для комплектованія своихъ вооруженныхъ силъ, стали все чаще и чаще прибѣгать къ найму иностранцевъ, въ результатѣ оказывалось уже мало желающихъ поступать на военную службу; наемная плата должна была, съ увеличеніемъ спроса, повыситься, что дѣлало затруднительнымъ формированіе тѣхъ многочисленныхъ армій, которыя нужны были Карлу V, для его широкихъ политическихъ замысловъ и особенно для борьбы съ Франціей. И вотъ, въ 1547 году, имъ издается распоряженіе, которымъ вступленіе на службу къ иностраннымъ государямъ воспрещалось, подъ страхомъ потери всѣхъ имѣній и льготъ (для владѣтельныхъ князей) и тѣлеснаго наказанія и даже смертной казни (для простыхъ воиновъ). Распоряженіе это представляетъ интересъ въ смыслѣ развитія права государя на военную службу его подданныхъ; государственная власть, еще слишкомъ слабая, чтобы предъявить свои требованія населенію на несеніе имъ обще-обязательной воинской повинности въ своемъ государствѣ, укрѣпилась уже настолько, чтобы отрицать право гражданъ поступать на военную службу къ другимъ государствамъ. Однако это отрицаніе допущенной прежде личной свободы распоряжаться, какъ угодно, своей службой, а главное,— службой подчиненныхъ, являвшееся какъ-бы попыткой за-

*) *Голицынъ*, ч. 3-я, стр. 83.

крѣпостить государственную службу подданныхъ, возбудило неудовольствіе и сопротивленіе имперскихъ князей, которые, не желая лишаться денежныхъ выгодъ, получаемыхъ ими при поставкѣ войскъ иностраннымъ государямъ, жаловались на нарушеніе давнишнихъ правъ и всячески сопротивлялись примѣненію на практикѣ означеннаго распоряженія.

Тѣмъ не менѣе, въ 1559 году, оно было вторично подтверждено, и вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещалось назначеніе въ имперскихъ владѣніяхъ сборныхъ мѣстъ для вербовки, смотровъ и сборовъ войскъ, предназначаемыхъ для службы иностраннымъ государямъ. Въ 1570 г., императоръ Максимильянъ II издалъ „артикулъ для нѣмецкой пѣхоты“ (Artikel auf die Teutsche Fuszknechte), особымъ дополненіемъ къ которому (sonderliche Punkte), опять была разрѣшена иностранная военная служба, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями и формальностями, заключавшимися въ томъ, что вербовать, въ предѣлахъ германской имперіи, разрѣшалось лишь нѣмецкимъ-же офицерамъ, а не иностраннымъ, и что поступившіе на иностранную службу наемники должны были ставить условіемъ— не быть употребляемыми для войны противъ священной Римской имперіи; имъ ставилось въ обязанность и на иностранной службѣ соблюдать правила и законы, установленные въ имперіи для конной и пѣшей службы *). Дальнѣйшая исторія показываетъ намъ, что сами императоры давали нерѣдко особое позволеніе вербовать войска, въ своихъ предѣлахъ, иноземнымъ государямъ (Максимильянъ II, въ 1572 г., разрѣшилъ вербовку въ испанскія войска Филиппа II; Рудольфъ II, въ 1583 г.—герцогу Фердинанду Баварскому, для службы тому-же Филиппу II **).

Необходимость самому вербовать въ сосѣднихъ владѣніяхъ очевидно побуждало правительство смотрѣть сквозь пальцы на неисполненіе его распоряженій имперскими князьями. Взгляды писателей этой эпохи (Сольмса и Швенди), какъ нельзя лучше, выражаютъ продолжавшуюся неготовность тогдашняго общества и недостаточность политической силы государственной власти, а также и недостаточность финансовыхъ средствъ, чтобы организовать вооруженную силу на началахъ постоянной народной арміи, и, поневолѣ, приходилось прибѣгать къ наемникамъ, какъ къ необходимому злу. Даже попытку Максимильяна I — учредить Иннсбрукской грамотой земскія ополченія, пришлось отмѣнить, замѣнивъ обязанность жителей —, держать въ готовности 5.000 ополченцевъ, первой очереди,—денежнымъ налогомъ (по 36 гульденовъ, за каждаго ополченца). Эти деньги пошли на содержаніе, вмѣсто того, наемниковъ, которые стоили все-таки дешевле, чѣмъ постоян-

*) *Jähns.* «Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 763.
**) *Голицынъ,* ч. 3, стр. 84.

ная армія, такъ какъ уплачивалось имъ жалованье только по временамъ, когда они были нужны.

Зависимость учрежденія постоянныхъ войскъ отъ денежныхъ средствъ побудила писателей того времени предлагать разныя мѣры для накопленія необходимыхъ для того средствъ. Такъ, около 1529 года, появилось сочиненіе „Das alt Romisch Kriegs-Regiment, нѣкоего *Турмаера* (онъ-же Авентинусъ), предлагавшаго, на основаніи примѣра римлянъ и турокъ, обязанныхъ своими побѣдами постояннымъ арміямъ, образовать особый военный фондъ (Kriegsrentstube) изъ 1/3 государственныхъ, а также приходскихъ и монастырскихъ доходовъ. Содержимое на эти деньги постоянное войско, расположенное близъ границъ и всегда готовое къ выступленію въ походъ, хотя-бы и не слишкомъ многочисленное, могло-бы сослужить большую службу государству, такъ какъ получившіе хорошее обученіе 1000 чел. навѣрное справились-бы и съ 2000 противника, не подготовленными къ военной службѣ.

Эти идеи, сами по себѣ, какъ видно, вполнѣ здравыя, дали, вѣроятно, поводъ къ возникновенію, въ серединѣ XVI вѣка, „*австрійской военной границы*“. Славяне, бѣжавшіе, при нашествіи турокъ, изъ Балканскаго полуострова въ предѣлы Австріи, чтобы избавиться отъ магометанскаго ига, и получившіе общее названіе „ускоковъ“ (т.-е., бѣглецовъ), были поселены вдоль турецкой границы, получили особыя льготы по несенію податей и пріобрѣтенію земельныхъ участковъ, а также небольшое содержаніе и, взамѣнъ того, должны были образовать военную силу, готовую дать первый отпоръ, при вторженіи турокъ. Къ 1577 году, эта военная граница была раздѣлена на два отдѣла: виндскій (Windische) и кроатскій. Первый отдѣлъ, обезпечивавшій имперію, поставлялъ около 3000 чел., распредѣленныхъ по 26 населеннымъ пунктамъ; второй—обезпечивалъ около 50 замковъ Кроаціи 3800-ми граничарами. На содержаніе военной границы было отпускаемо около 400.000 гульденовъ, и эрцгерцогъ Карлъ былъ назначенъ начальникомъ всей военной границы, отъ Дравы до Адріатическаго моря *)

Такимъ образомъ, если не считать учрежденія военной границы, выработавшагося вслѣдствіе особыхъ условій борьбы съ турками, устройство вооруженной силы Габсбургской монархіи не представляетъ, въ XVI вѣкѣ, устойчиваго зародыша постоянной народной арміи; сопротивленіе имперскихъ князей, равнодушныхъ, недовѣрчивыхъ, по отношенію къ императору, и упорно отказывавшихся отъ всякихъ нововведеній, считая таковыя нарушеніемъ своихъ старинныхъ правъ, поневолѣ приводило къ необходимости основывать государственную оборону почти исключительно на наемникахъ, господство которыхъ продолжается вплоть до конца 30-лѣтней войны, и только

*) *Meynert*. (т. II, стр. 156—161). *Голицынъ*, (ч. 3, стр. 82).

событія этой послѣдней настойчиво побудили искать новыхъ основъ для созданія государственныхъ вооруженныхъ силъ.

Вліяніе эпохи возрожденія наукъ и искусствъ, въ Германіи, какъ и во Франціи, сказалось на организаціи вооруженныхъ силъ этихъ странъ *стремленіемъ къ систематическому упорядоченію ея, къ устраненію той разнообразной пестроты въ составѣ вооруженныхъ силъ и случайнаго характера ихъ организаціи—этихъ неизбѣжныхъ слѣдствій феодальной системы*, ввѣрявшей оборону страны рыцарскимъ ополченіямъ, при чемъ, конечно, упорядоченіе всей военной системы страны явилось слѣдствіемъ не только воскресшихъ взглядовъ классическаго міра, но и результатомъ утвержденія болѣе сильной государственной власти, благодаря энергичной дѣятельности ряда выдающихся императоровъ, главнымъ образомъ, Максимильяна I и Карла V. Первыми опытами въ этомъ направленіи было учрежденіе отчасти постоянныхъ, отчасти наемныхъ войскъ (ордоннансовыя роты, кирасиры, ландскнехты) и параллельно — укрѣпленіе королевской власти сближеніемъ ея съ городскими и сельскими народными общинами, а также попытки образовать изъ доставляемаго ими матеріала земскія ополченія. Сознавая неподготовленность послѣднихъ къ военной службѣ и ихъ слабость при борьбѣ съ обученнымъ войскомъ, правительство было поставлено, тѣмъ не менѣе, въ необходимость прибѣгать одновременно и къ помощи наемниковъ. *Переносъ центра тяжести вооруженной силы съ феодаловъ къ болѣе низкимъ сословіямъ* постепенно приводитъ къ очень важнымъ усовершенствованіямъ въ организаціи войскъ, выразившимся *въ возрастаніи значенія и количественнаго, а затѣмъ и качественнаго преобладанія пѣхоты*, что было также однимъ изъ главнѣйшихъ *слѣдствій изученія организаціи вооруженныхъ силъ классическаго міра*, въ которомъ пѣхота всегда занимала очень видное мѣсто. Въ столкновеніяхъ съ конницей пѣхота уже оправдала такое отношеніе къ ней и начинаетъ съ успѣхомъ вести бой противъ смѣнившей рыцарскую тяжелой ордоннансовой конницы.

Для усиленія дѣйствій этой молодой пѣхоты, начинаетъ развиваться и 3-й родъ оружія—*артиллерія*, сперва при оборонѣ городовъ и замковъ, а затѣмъ и при оперирующихъ въ полѣ арміяхъ. Насколько повліяло возрожденіе наукъ и искусствъ на стратегію и тактику войскъ этой эпохи, будетъ видно изъ очерка дальнѣйшей борьбы Габсбургскихъ монарховъ. съ реорганизовавшимъ свои войска Францискомъ I.

ГЛАВА V.

Французская армія въ концѣ правленія Франциска I и при Генрихѣ II.

Учрежденіе легіоновъ.

Убѣдившись въ ненадежности арміи, главную массу которой составляли иностранные наемники, Францискъ I, возвратившись изъ плѣна, въ 1526 г., принялся за серьезную реорганизацію военной системы и, послѣ зрѣлаго обдумыванія, рѣшился сформировать, по римскому образцу, *легіоны*, которые и были учреждены, въ числѣ семи, королевскимъ эдиктомъ, отъ 24 іюля, 1534 г. Впрочемъ, это римское имя, данное вслѣдствіе предпочтенія, которое отдавалось, въ эпоху возрожденія, всему античному, не вполнѣ соотвѣтствовало новому учрежденію. Легіонъ состоялъ изъ 6 *дружинъ* (bandes) *), каждая по 1.000 пѣхотинцевъ, въ томъ числѣ 200 аркебузеровъ и 800 пикинеровъ и аллебардистовъ. Во главѣ дружины стоялъ *капитанъ*, а помощниками его были: два *поручика*, два *прапорщика* **) (enseignes) и десять *сотниковъ* (centeniers). Поручики командовали или каждый отдѣльнымъ значкомъ (изъ 500 челов.), или одинъ—всѣми выдѣленными изъ дружины аркебузерами, которые вели бой въ разсыпномъ строю (enfants perdus), а другой — командовалъ всѣми пикинерами и аллебардистами. Легіономъ командовалъ, по назначенію короля, одинъ изъ капитановъ, командовавшихъ дру-

---

*) *Quarré de Verneuil* зоветъ ихъ когортами («cohortes»—«L'armée en France», стр. 90). Guillaume du Bellay проэктировалъ подраздѣленіе легіона на 10 дружинъ, по 510 человѣкъ, и кромѣ того, 2 дружины «пропащихъ ребятъ», по 434 чел., такъ что численность всего легіона (съ прикрывающими фланги «отборными пикинерами»)—достигала у него 6.070 чел. (стр. 25—27).

**) По *Hardy* ихъ было 4, (т. II, стр. 358).

жинами; впрочемъ, онъ тогда назывался *полковникомъ* (colonel); это имя впервые встрѣчается въ іерархической организаціи французскихъ армій и, повидимому, заимствовано отъ испанскаго colunela (колонна); иногда король назначалъ полковниковъ и изъ другихъ офицеровъ, не входившихъ въ составъ легіонныхъ дружинъ. Капитаны дружинъ назначались королемъ, но всѣ затѣмъ младшіе офицеры избирались на эти должности капитанами, хотя король иногда и самъ присылалъ отъ себя въ легіоны офицеровъ, которые должны были приниматься капитанами. Помощниками полковника были —*начальникъ штаба* (mestre de camp), *инструкторъ* (sergent major) и *судья* (prevost). Каждый изъ 7 легіоновъ пополнялся изъ жителей одной и той-же области, имя которой онъ носилъ, и изъ той-же области должны были происходить офицеры легіона *). (См. фиг. №№ 35 и 36 на табл. X).

Главнымъ недостаткомъ легіоновъ было то, что они не представляли *постояннаго* войска, какъ ордонансовыя роты, но были, въ сущности, повтореніемъ уже знакомаго намъ учрежденія «вольныхъ лучниковъ» (francs archers) и такъ-же, какъ эти послѣдніе, легіонеры не вербовались на военную службу изъ добровольцевъ, но набирались съ каждаго прихода, пропорціонально численности населенія, которое обязано было, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставлять ихъ снаряженіе и вооруженіе. Недостатокъ финансовыхъ средствъ не позволялъ содержать, въ мирное время, въ постоянной готовности 50.000 ч., а потому легіонеры собирались лишь по праздникамъ, для ученій. Въ вознагражденіе за это, легіонеры были освобождены отъ податей и получали жалованья по одному золотому дукату въ годъ, а съ выступленіемъ въ походъ—по 5 франковъ въ мѣсяцъ. Словомъ, это было учрежденіе совершенно милиціоннаго характера, почему рядомъ съ легіонами мы встрѣчаемъ «старыя

---

*) А именно: 1) изъ Нормандіи, 2) изъ Бретани, 3) изъ Пикардіи, 4) изъ Бургундіи, Шампани и Нивернэ, 5) изъ Дофине, Прованса, Ліоннэ и Оверна, 6) изъ Лангедока и 7) изъ Гіэни. По нѣкоторымъ источникамъ, какъ напр. Голицынъ (ч. 3, стр. 37), а также Брандтъ (т. III, стр. 384), легіоновъ должно было быть 17, при чемъ общая численность ихъ достигла-бы 120.000, вмѣсто 42.000 чел. (а съ 8.000 піонерами — 50.000 чел.) Вѣроятно, у Голицына опечатка въ годѣ ихъ формированія (1554, вмѣсто 1534). Свѣдѣнія о легіонахъ почерпнуты у слѣдующихъ авторовъ: *Guillaume du Bellay* «Discipline militaire». Lion. 1592 г., (стр. 25—35). *Rocquancourt* (т. I, стр. 331—335). *Susane* («Histoire de l'infanterie», стр. 74—81). *Quarré de Verneuil* (стр. 90—92). *Hardy* (т. II, стр. 357—364). *Brandt* (т. III, стр. 381—385) и *Gérôme*. («Essais historique sur la tactique de l'infanterie». Paris. 1895, стр. 12—13).

пикардійскія и пьемонтскія дружины», имѣвшія характеръ постоянныхъ войскъ. Тѣмъ не менѣе, учрежденіе легіоновъ представляетъ дальнѣйшій этапъ къ созданію постоянной національной пѣхоты, а древне-римскимъ названіемъ Францискъ, повидимому, хотѣлъ замѣнить ставшее посмѣшищемъ званіе «вольныхъ лучниковъ», которыхъ въ народѣ прозвали «вольными кротами» (franc-taupins).

Въ 1535 году, Францискъ I отправился въ Руанъ, Амьенъ и Реймсъ — для смотра легіоновъ, которые были собраны своими начальниками и были найдены въ удовлетворительномъ порядкѣ. Но Франциску недоставало опытнаго способнаго министра, чтобы развить и провести въ жизнь свою идею, а у него самого не хватило характера, для энергичнаго законченія начатой реформы *). Простой народъ отвыкъ отъ военныхъ дѣйствій и не могъ сразу, безъ предварительнаго обученія, поставить хорошія войска, а правительственная власть, не увѣренная еще въ своихъ силахъ, не стремилась особенно къ проникновенію въ народную массу военнаго духа, такъ какъ относилась къ ней подозрительно. Общее соціальное положеніе отзывалось, такимъ образомъ, на военныхъ учрежденіяхъ и задерживало попытки королевской власти учредить постоянное народное войско.

Легіоны не продержались дольше вольныхъ лучниковъ. Уже въ 1537 г., Джустиньяни—венеціанскій посланникъ при французскомъ дворѣ, доноситъ объ упадкѣ легіоновъ и указываетъ причину этого: «Эти французскіе легіонеры, которыхъ такъ хвалили, совершенно не удались. Это не болѣе, какъ выросшіе въ рабствѣ мужики, безъ всякаго опыта въ владѣніи оружіемъ; перейдя сразу отъ полнаго рабства къ свободѣ и распущенности на войнѣ, они, какъ это обыкновенно бываетъ при такихъ рѣзкихъ переходахъ, не захотѣли слушать своихъ начальниковъ. Вотъ почему французскіе дворяне жалуются Его Величеству, что, передавъ оружье въ руки крестьянъ и освободивъ ихъ отъ несенія прежнихъ повинностей, ихъ сдѣлали непослушными и упрямыми; этимъ лишили дворянство его привиллегій, такъ что, въ скоромъ времени, крестьяне могутъ сдѣлаться дворянами, а благородные—подлыми. Вслѣдствіе этихъ безпорядковъ и неспособности къ (военнымъ) пред-

*) Характерно мнѣніе Монлюка о легіонахъ (liv I, стр. 31) ...les Légionnaires ...fut une tres belle invention si elle eust ésté bien suiuye (pour quelque temps nos ordonnances et nos loix sont gardées, mais apres tout s'abastardist)

пріятіямъ легіонеровъ, ряды ихъ рѣдѣютъ ежедневно, и король, лишенный собственной вооруженной силы, принужденъ прибѣгнуть къ помощи наемниковъ» *).

Участіе легіоновъ въ военныхъ дѣйствіяхъ подтверждало слова венеціанскаго посланника.

Въ 1536 году, 12.000 легіонеровъ **) поступаютъ въ ряды арміи адмирала Шабо, посланной въ Савою. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, того-же года, данъ королевскій приказъ объ упраздненіи легіона Дофинэ, «за недостатокъ въ немъ дисциплины и за насилія надъ мирными жителями». Впрочемъ, еще въ слѣдующемъ году, находится указаніе о 2—3 тысячахъ легіонеровъ изъ Дофинэ, отправленныхъ въ итальянскую армію Можерона; затѣмъ о легіонахъ этой провинціи болѣе историки не упоминаютъ. Другіе легіоны участвуютъ въ походахъ 1536, 1542 и 1543 годовъ и всюду отличаются крайнимъ недостаткомъ дисциплины. Въ 1542 г., послѣ неудачи подъ Перпиньяномъ, весь легіонъ Лангедока, расположенный по городамъ южной Франціи, дезертировалъ до послѣдняго человѣка. Въ 1543 году, согласно разсказу дю-Беллэй, изъ расположенныхъ въ Люксембургѣ 10.000 легіонеровъ Шампани и Нормандіи, вслѣдствіе наступившаго голода по причинѣ задержки обозовъ, осталось всего 300 чел., не болѣе 30 чел. въ значкѣ, тогда какъ бывшихъ съ ними ландскнехтовъ удалось убѣдить въ необходимости продолжать службу, и они остались подъ знаменами до прибытія продовольствія.

Мемуары Віейльвиля указываютъ, что главная личная цѣль легіонера заключалась въ освобожденіи отъ податей путемъ 4—5 мѣсячнаго зачисленія въ спискахъ легіона и полученія удостовѣренія о службѣ въ легіонѣ. Видя безполезность службы легіонеровъ, мало способныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ, эту повинность замѣнили денежной, назвавъ этотъ налогъ — жалованьемъ 50.000 пѣхотинцевъ, и на эти деньги «создали храбрыхъ воиновъ и доблестныхъ начальниковъ» ***).

Въ арміи, посланной въ Италію въ 1544 году, уже нѣтъ легіоновъ, которые впрочемъ не были уничтожены, но имѣлись ввиду, какъ послѣдній резервъ—государственное ополченіе. Легіо-

---

*) Эта характерная выдержка изъ донесеній венеціанскихъ пословъ приведена у Quarré de Verneuil, (стр. 92—93).

**) А именно 2.000 ч.—изъ Пикардіи, 2.000 ч.—изъ Нормандіи, 2.000 ч.,—изъ Шампани, 1.000 ч.—изъ Лангедока, 4.000 ч.—изъ Дофинэ и 1.000 ч. неизвѣстно откуда (вѣроятно, сборныхъ). Тамъ-же, стр. 93.

***) ... et de cest argent on en façonna de braves hommes et vaillants capitaines».

неры, пожелавшіе продолжать военную службу, зачислены были въ старыя пьемонтскія и пикардійскія дружины, комплектовавшіяся вербовкой; рядомъ послѣдовательныхъ приказовъ короля, въ этихъ дружинахъ была введена очень строгая дисциплина. Въ сраженіи при Черизолѣ, пьемонтскія дружины, подъ начальствомъ полковника Тэ (3.000, а по Віейльвилю 6.000 чел.) значительно способствуютъ побѣдѣ французовъ, почему необходимо сказать нѣсколько словъ объ этихъ дружинахъ. Начало ихъ относится еще ко времени созданія пикардійскихъ дружинъ Людовикомъ XI (1480 г.); набирались онѣ капитанами—авантюристами, изъ охотниковъ, при чемъ вначалѣ были крайне плохого состава. Однако, строгіе приказы короля, обратившаго на нихъ вниманіе, послѣ неудачи попытки набора войскъ изъ крестьянскаго сословія, улучшили ихъ составъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда въ ряды ихъ начали поступать обѣднѣвшіе дворяне, потерявшіе своихъ боевыхъ коней, не бывшіе въ состояніи завести себѣ боевого коня и рыцарскіе доспѣхи. и въ то-же время, привлекаемые къ военной службѣ родовыми традиціями и неспособностью къ какой-либо другой работѣ; о такихъ «сломанныхъ копіяхъ» (ланспессадахъ) было уже упомянуто (стр. 58). Численный составъ дружинъ былъ крайне разнообразенъ (отъ 100 до 1.000 и даже до 2.000 чел.) и зависѣлъ отъ славы имени начальника дружины, отъ шансовъ на удачную и, главнымъ образомъ, прибыльную кампанію и даже отъ надеждъ на удобныя зимнія квартиры. Нормальной силой дружины было впрочемъ 500 чел., хотя Францискъ I, въ 1526 году, предписалъ ихъ держать въ составѣ 300 чел.; во главѣ дружины стоялъ капитанъ, имѣвшій помощниками: 1-го поручика, 1-го прапорщика (enseigne), двухъ сержантовъ, 12 капраловъ (cap d'escouade), по одному на каждыхъ 25 человѣкъ, 12 ланспессадовъ и 4 королевскихъ стипендіатовъ (payes royales)— тоже изъ обѣднѣвшихъ дворянъ.

Изъ сліянія этихъ двухъ способовъ организаціи пѣхоты— легіоновъ и дружинъ — создались впослѣдствіи (при Карлѣ IX), первые регулярные пѣхотные полки.

Конница.

Тяжелая дворянская конница Франциска I погибла подъ Павіей и въ послѣдовавшемъ неудачномъ походѣ Лотрека въ Неаполь (1527); съ этими послѣдними потомками рыцарей умерла и тактика ихъ: блестящіе поединки, индивидуальный порывъ, одношереножный строй «частоколомъ» ...отошли въ область преданія; «копья были сломаны!»

Тѣмъ не менѣе, король, посвященный въ рыцари Баярдомъ,

на полѣ сраженія при Мариньяно, попытался поддержать тяжелую дворянскую конницу: въ 1530 году, опредѣленъ составъ копій въ 6 лошадей: двѣ—для латника, двѣ—для его пажа и коннаго слуги и двѣ—для двухъ лучниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ввиду увеличенія цѣнъ на жизненные припасы, ордоннансовыя роты были сокращены на $^1/_5$, именно до 80 копій, вмѣсто 100, а содержаніе на роту выдавалось прежнее. Впослѣдствіи сокращеніе ордоннансовыхъ ротъ дошло до 40—и даже до 30 копій; только маршалы сохранили право имѣть 100 копій *). Къ концу царствованія Франциска I, онъ содержалъ до 4.000 латниковъ. Хотя названіе «лучникъ» (archer) еще сохранилось, но послѣ 1525 года, они вооружены уже не луками, а *пистолетами*—въ видѣ аркебузы, со стволомъ, укороченнымъ до 1-го фута и снабженнымъ колеснымъ замкомъ съ кремнемъ, который устранялъ необходимость возить съ собой длинный зажженый фитиль, принятый у пѣшихъ аркебузеровъ, для зажиганія запальнаго пороха **). Дю-Беллэй указываетъ, что пистолеты были заведены по образцу итальянцевъ; «эта чертовщина, говоритъ онъ, недавно принята итальянской конницей» ***).

Во всякомъ случаѣ, этой «чертовщинѣ» суждено было скоро окончательно упразднить послѣдній остатокъ рыцарства—копье.

Въ качествѣ легкой конницы, кромѣ извѣстныхъ намъ стратіотовъ, при Францискѣ I явились *легко-конные* всадники (chevaux légers), вооруженіе которыхъ, въ сущности, мало отличалось отъ латниковъ; только вмѣсто тяжелаго копья, у нихъ была легкая пика, а въ кабурахъ у сѣдла—пара пистолетовъ; за то лошадь была значительно облегчена снятіемъ съ нея кирасы, почему эта кавалерія и была названа легкоконной. (См. фиг. 28, на табл. IX). Еще легче вооружены были *конные аркебузеры*, или *аргулеты*, которые имѣли, вмѣсто шлемовъ, каски, позволявшія имъ прикладываться для стрѣльбы изъ двухъ съ половиной-футовой аркебузы, возимой ими въ особомъ кожаномъ чехлѣ, приторочeнномъ къ сѣдлу; къ лукѣ была приторочена также палица-сѣкира, а къ поясу подвязана шпага. (См. фиг. 30, на табл. IX.)

---

*) *Quarré de Verneuil*, (стр. 112). Харди впрочемъ указываетъ, что вообще число 100 латниковъ и 150 лучниковъ держалось, какъ максимальная величина ордоннансовой роты.

**) Названіе «пистолетъ» большинство авторовъ производятъ отъ монеты «pistole», размѣръ которой былъ принятъ, какъ калибръ первыхъ пистолетовъ; другіе производятъ его отъ города Пистоя въ Тосканѣ. (*Quarré de Verneuil*, стр. 114, вын.).

***) Точно такъ-же называетъ изобрѣтеніе пистолетовъ авторъ мемуаровъ 1547 года, выдержку изъ которыхъ приводитъ *Susane*. («Histoire de la cavalerie», т. I, стр. 48).

Конные аркебузеры уже обучались стрѣльбѣ, какъ съ коня, такъ и въ пѣшемъ строѣ *); во главѣ ихъ является, въ 1543 г., полковникъ де-Бриссакъ, который впослѣдствіи организовалъ первыхъ «*драгунъ*».

Артиллерія. Во главѣ всей артиллеріи, Францискъ I, приказомъ 1536 г., поставилъ «главнаго начальника и генералъ-капитана артиллеріи» (grand maître et capitaine général de l'artillerie); вся Франція была раздѣлена на *артиллерійскія области* (maîtrises d'artillerie), управлявшіяся «товарищами главнаго начальника артиллеріи» (lieutenant-général du grand maître); области эти дѣлились, въ свою очередь, на *провинціи*, во главѣ которыхъ стояли «провинціальные комиссары», имѣвшіе въ своемъ подчиненіи «обыкновенныхъ комиссаровъ» (comissaires ordinaires), поставленныхъ во главѣ отдѣльныхъ артиллерійскихъ учрежденій и арсеналовъ. Въ 1540 году, создано 11 артиллерійскихъ магазиновъ и арсеналовъ, а въ 1543 г. еще новыхъ три **). Право выдѣлки пороха и его продажи было отнято отъ частныхъ предпринимателей и сдѣлалось монополіей правительства, чѣмъ достигнуто было улучшеніе и однообразіе качества пороха.

Въ 1535 году, для арміи въ 30.000 чел., составъ артиллерійскаго осаднаго и полевого парка былъ опредѣленъ въ 30 орудій, а именно: 10 тяжелыхъ пушекъ, 4 большихъ кулеврины, 8 ложныхъ кулевринъ (bâtardes) и 8 среднихъ; кромѣ того, легкія орудія — фоконъ, фоконно и аркебузы съ крюкомъ. Число прислуги и упряжныхъ лошадей видно изъ слѣдующей таблицы:

Наименованія орудій.	Прислуга.		Число лошадей запряжки.
	Пушкари.	Піонеры.	
Тяжелая пушка	5	30	23
Большая кулеврина	4	24	17
Ложная кулеврина	4	12	13
Средняя кулеврина	3	6	9
Фоконно	2	4	4 до 6
Аркебуза съ крюкомъ	1	—	—

*) *Guillaume du Bellay Langey*. «Discipline militaire» 1592. «...les Harquebouziers s'adonnent à la Harquebuze, et qu'ils s'étudient á en tirer suerement, et droit, de toutes mains et en arriere, *jaçoit quand les chevaux courent*; et aussi à descendre soudainement pour garder un pas, comme les Harquebuziers à pied feroient» (стр. 54, лѣв.).

**) Въ Парижѣ, Бордо, Эксѣ, Тулузѣ, Ліонѣ, Дижонѣ, Труа, Амьенѣ,

На каждое орудіе возился запасъ боевыхъ припасовъ, на 200 выстрѣловъ—для тяжелыхъ пушекъ и кулевринъ, и на 250—для прочихъ орудій.

Впрочемъ, указанная таблица не исчерпываетъ всѣхъ бывшихъ въ употребленіи калибровъ артиллерійскихъ орудій, такъ какъ каждый родъ орудій имѣлъ нѣсколько разнородностей, весьма различавшихся по своему калибру; такъ, въ числѣ тяжелыхъ пушекъ считались: 1) *большіе базилиски*, вѣсомъ отъ 200 до 225 пудовъ, стрѣлявшіе 2-хъ пудовыми желѣзными бомбами, 2) *двойныя пушки*, вѣсомъ около 175 пудовъ, вѣсъ ядра около одного пуда, и 3) *серпантины*, (24-хъ фунт.), вѣсомъ около 100 пудовъ. По даннымъ принца Луи-Наполеона Бонапарте *), въ одномъ Парижскомъ арсеналѣ было отлито, при Франциске I, 100 тяжелыхъ бронзовыхъ орудій, а *число калибровъ* при немъ сократилось до *до восьми*.

(Изображенія орудій, современной Франциску I эпохи, см. на фиг. №№ 44 и 45, на табл. XI).

Инженерныя войска.

Спеціальныя вспомогательныя войска не получили во Франціи особаго развитія, главнымъ образомъ потому, что они не были выдѣлены въ особый родъ оружія, а продолжали быть связанными съ артиллеріей. При артиллерійскомъ паркѣ 30-ти-тысячной арміи, кромѣ пушкарей, въ качествѣ прислуги при орудіяхъ, состояло, еще 1.500 *піонеровъ*, которые, въ сущности, были просто землекопами. При пѣхотныхъ частяхъ также состояли *инженеры*, которые иногда становились офицерами пѣхотныхъ дружинъ. Впрочемъ, благодаря почину Педро Наварро, организована была особая рота *минеровъ*, спеціально предназначенная для работъ при атакѣ и оборонѣ крѣпостей. Во время осады крѣпостей назначался особый «траншейный генералъ - капитанъ» (capitaine général de tranchée), руководившій работами инженеровъ и піонеровъ.

Кампанія 1536 г.

Заботы Франциска I, послѣ пораженія подъ Павіей, по организаціи вооруженной силы, съ стремленіемъ основать ее, главнымъ образомъ, на народныхъ элементахъ и увеличить, вмѣстѣ съ тѣмъ, процентъ вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое до Павіи находилось у французовъ въ полномъ пренебреженіи, не замедлило отразиться на успѣхѣ военныхъ дѣйствій, и въ походахъ 1536 года, а особенно 1542—

Турѣ, Руанѣ и Пиньеролѣ; въ 1543 г., прибавились арсеналы въ Бургѣ, Нантѣ и Греноблѣ (*Quarré de Verneuil*, стр. 117.)

*) «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie»; т. 1, стр. 163.

1544 годовъ, войска Франциска выдерживаютъ уже борьбу съ имперцами, съ бо́льшимъ, чѣмъ прежде, успѣхомъ.

Послѣ Камбрейскаго мира 1529 года, обѣ стороны шесть лѣтъ готовились къ новой борьбѣ, и въ 1535 году Францискъ удачно пользуется отсутствіемъ Карла V, увлекшагося покореніемъ Туниса, и объявляетъ себя покровителемъ нѣмецкихъ протестантскихъ принцевъ, а въ то-же время, женитьбой сына своего, Генриха Орлеанскаго, на Екатеринѣ Медичи, пріобрѣтаетъ расположеніе папы Климента VII и успѣваетъ сдѣлать заемъ въ милліонъ франковъ у султана, Солимана II Великолѣпнаго. Вслѣдъ за смертью герцога миланскаго, Франциска Сфорца, король предъявилъ свои права на Миланъ, а также на Савою и Пьемонтъ, какъ наслѣдникъ Луизы Савойской, и занялъ эти области. Карлъ V объявилъ тогда, что онъ «сдѣлаетъ Франциска I самымъ бѣднымъ дворяниномъ своего королевства», и составилъ грандіозный планъ вторженія во Францію съ 4-хъ сторонъ: 1) 40.000 чел. пѣхоты и 10.000 всадниковъ, подъ начальствомъ *Антоніо де-Лейва*, должны были изгнать французовъ изъ Пьемонта и, вторгнувшись въ Провансъ, занять Ниццу и Марсель; 2) *Графъ Нассаускій*, изъ Нидерландовъ *) долженъ былъ овладѣть Пикардіей; 3) 12.000 нѣмецкихъ *ландскнехтовъ*, собравшись на Рейнѣ, вторгались въ Шампань и 4) *испанскіе* отряды, составлявшіе гарнизоны крѣпостей Руссильона, должны были опустошить Лангедокъ. По достиженіи первоначально намѣченныхъ цѣлей, первыя три группы должны были концентрически наступать къ сердцу Франціи—Парижу.

8 мая, 1536 года, Антоніо де-Лейва, вмѣстѣ съ маркизомъ Гуасто, герцогомъ Альба и Фердинандомъ Гонзаго перешли, съ 50-ти-тысячной арміей, р. Сезію и вскорѣ, вслѣдствіе измѣны маркиза Салуццо, командовавшаго французскими войсками въ Пьемонтѣ, вся эта область, за исключеніемъ Турина, была занята имперцами. Вслѣдъ затѣмъ Карлъ V, лично явившійся къ арміи, во главѣ своего авангарда, вторгнулся въ Провансъ и 25 іюля занялъ Ниццу. Венеціанскій адмиралъ, Андрей Доріа, долженъ былъ перевести моремъ осадную артиллерію и припасы, для блокады Марсели.

Король Францискъ поручилъ оборону Прованса войскамъ Монморанси; герцогамъ Вандому и Гизу приказано было оборонять Пикардію и Шампань. Монморанси, ввиду превосход-

*) Численность силъ неизвѣстна.

ства силъ противника, предложилъ на военномъ совѣтѣ, въ присутствіи короля, принять способъ *пассивной обороны*, — избѣгать боя и безпокоить имперцевъ только внезапными нападеніями, когда обстановка обѣщала вѣрный успѣхъ; всѣ крѣпости, кромѣ Марсели и Арля, были очищены находившимися въ нихъ гарнизонами, которые притягивались къ арміи, сосредоточенной въ солидно укрѣпленномъ лагерѣ, близъ Авиньона, у сліянія р. Роны съ ея притокомъ, Дюрансъ. Вся страна была опустошена французами-же, предпринимавшими также нападенія на имперскихъ фуражировъ, на магазины и обозы противника *).

Увѣренный въ себѣ, строгій и безпощадный Монморанси выполнилъ этотъ планъ систематическаго уклоненія отъ рѣшительнаго боя и постепеннаго ослабленія силъ противника путемъ лишенія его жизненныхъ средствъ и рядомъ мелкихъ нападеній. Всѣ жители Прованса, способные носить оружіе, призваны были въ ряды арміи; всѣ остальные, съ женами, дѣтьми и стадами, должны были укрыться въ горахъ; всѣ продовольственныя средства, которыя не могли быть унесены, приказано было уничтожить; колодцы засыпались, мельницы и пекарни сжигались; словомъ, это было систематическое опустошеніе страны, при чемъ столь-же удивительна была энергія и послѣдовательность выполненія его, какъ и способность Монморанси убѣдить короля-рыцаря, жаждавшаго открытаго боя, въ принятіи такого *новаго* для тогдашней, воспитанной на рыцарствѣ арміи плана военныхъ дѣйствій **).

Карлъ V осадилъ Марсель и Арль; разсчитывая на средства богатаго Прованса и на подвозъ припасовъ флотиліей Доріа, которая запоздала, онъ очень скоро почувствовалъ недостатокъ въ продовольственныхъ средствахъ; надѣясь однако, что королевская армія выйдетъ изъ своего укрѣпленнаго лагеря, для деблокады осажденныхъ имперцами крѣпостей, онъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи до половины сентября, когда увидѣлъ себя принужденнымъ снять осаду обоихъ городовъ, оказавшихъ ему очень стойкое сопротивленіе. Императоръ рѣшился подняться, вверхъ по Ронѣ, къ Авиньону; по Монмо-

---

*) Одно изъ такихъ предпріятій этой малой войны—сожженіе охраняемой имперцами мельницы, интересно описано Монлюкомъ, въ его «Commentaires». (Livre I, стр. 32—39).

**) На самомъ дѣлѣ, онъ не былъ *новымъ*, а лишь *забытымъ* способомъ дѣйствій, такъ какъ этотъ-же способъ предлагался Мемнономъ,—для войны персовъ противъ Александра Македонскаго, а затѣмъ—Фабіемъ Кунктаторомъ, противъ Аннибала.

ранси разрѣшилъ томившимся въ бездѣятельности латникамъ предпринять рядъ частныхъ нападеній на тылъ и фланги наступавшихъ непріятельскихъ колоннъ; цѣлая сѣть партизанскихъ отрядовъ окружила непріятельскіе обозы, раздѣлила другъ отъ друга колонны противника и начала уничтоженіе отдѣлявшихся отъ его главныхъ силъ отрядовъ. Уже при снятіи осадъ, въ арміи Карла V оставалось не болѣе половины приведенныхъ имъ во Францію 50.000 чел.; болѣзни и голодъ довершили разложеніе этой арміи, и черезъ два мѣсяца послѣ своего вступленія въ предѣлы Франціи, императоръ началъ свое отступленіе.

Французскіе крестьяне вооружались оружіемъ больныхъ и умиравшихъ имперскихъ солдатъ, занимали проходы и дефиле по пути ихъ отступленія, разрушали мосты, атаковали обозы и мелкіе отряды *). Монморанси не счелъ однако нужнымъ перейти въ наступленіе и энергичнымъ ударомъ довершить пораженіе имперцевъ; онъ говорилъ, что «лучше построить золотой мостъ отступавшему противнику» и что «предпочтительнѣе предоставить льву свободу бѣжать, чѣмъ дерзать испытывать его отчаяніе» **) Для поддержки партизанскихъ отрядовъ, была лишь выслана легкая конница, которая преслѣдовала имперцевъ до самыхъ Альпъ (Коль де-Тенде); при этомъ преслѣдованіи имперская армія потеряли одними убитыми отъ $1^1/_2$ до 2 тысячъ чел. ***). Карлъ V, съ остатками своей арміи, собрался въ Генуѣ, французы-же вновь заняли Пьемонтъ. Такой-же неудачей кончились операціи имперцевъ на прочихъ театрахъ.

Война 1542—1544 г.г.

Война закончилась перемиріемъ въ Ниццѣ, 18 іюня, 1538 г., и возобновилась въ 1542 году, когда Карлъ V заключилъ союзъ съ королемъ англійскимъ, Генрихомъ VIII, и составилъ новый планъ вторженія во Францію, въ общемъ сходный съ планомъ кампаніи 1536 года. Итальянская армія маркиза

---

*) «... Sur la queuë fut donnée alarme par les gens du païs qui auoient prins les armes auquel alarme fut tué le maistre d'hostel... et assez d'autres et iournellement leur estoit donnée fascherie par les dessusdits païsans lesquels estoient armez des armes laissées par les malades et mourans, et auoient assiegez tous les passages et destroits des chemins et desmoly les ponts qui estoient sur les torrens alors impetueux pour la descente de la montagne dont les ennemis se trouverent fort travaillez...» (*Martin du Bellay* «Memoires». 1569. Livre VШ, стр 237).

**) *Hardy*, (томъ II, стр. 393).

***) Pour soutenir les dits païsans furent enuoyez les cheuaux legers lesquels serroient les ennemis de si pres qu'ils en souffrirent beaucoup de faim parce qu'il leur estoit chose malaisée de se mettre aucunement hors du chemin pour fourrager». (*Martin du Bellay*, стр. 237).

Гуасто должна была, отбросивъ французовъ изъ Пьемонта, овладѣть долиной Аосты и направиться черезъ Савою на Ліонъ; Карлъ V, съ береговъ Рейна, предполагалъ вторгнуться въ Шампань, а англичане должны были овладѣть Пикардіей, послѣ чего всѣ три арміи предполагалось сосредоточить подъ стѣнами Парижа.

Въ 1543 году, дѣйствія обѣихъ сторонъ, недостаточно еще сосредоточенныхъ, свелись къ осадамъ небольшихъ крѣпостей и замковъ пограничнаго пространства. Когда-же, къ началу 1544 года, Карлъ V сосредоточилъ на Рейнѣ и въ Люксембургѣ значительныя силы для вторженія во Францію, гдѣ оставались только «новыя дружины» и легіонеры *), то Францискъ I рѣшился ослабить свои силы въ Пьемонтѣ (гдѣ были сосредоточены лучшія войска), и держаться тамъ оборонительно, а свои главныя силы сосредоточить на восточной границѣ Франціи.

Сраженіе при Черизолѣ **) (11апр. 1544г.).

Гуасто, начальствовавшій имперской арміей въ Пьемонтѣ, успѣлъ усилить до 4-хъ тысячъ гарнизонъ кр. Кариньяно (схема № 11, на табл. III), вслѣдствіе чего подверглись опасности сообщенія французскихъ войскъ, бо́льшая часть которыхъ занимали Туринъ. Въ концѣ 1543 года, король Францискъ I смѣнилъ мало-энергичнаго де-Бутьера, командовавшаго французскими войсками въ Пьемонтѣ, и назначилъ вмѣсто него молодого *графа Энгіенскаго*; послѣдній, немедленно послѣ прибытія своего въ армію, началъ осаду Кариньяно, овладѣвъ которымъ французы получали господство надъ всей верхней долиной рѣки По ***).

Узнавъ о сосредоточеніи близъ Асти имперской арміи, достигшей, въ началѣ 1544 года, численности въ 30.000 чел. и, повидимому, предназначенной для деблокады Кариньяно, гр.

---

*) «gens nouveaux et légionnaires».

**) Источниками послужили: 1) *Montluc* «Commentaires». 1617. Livre II стр. 81—101. 2) *Martin du Bellay.* «Mémoires». 1569. Livre X, стр. 318—327. 3) *Fronsperger.* «Kriegszbuch». 1596. ч. 3-я, стр. CVII—CIX. 4) *Brandt.* «Geschichte des Kriegswesens». 1835; т. III, стр. 457—475, 5) *Пузыревскій.* «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка», т. II, стр. 180—188. 6) *Рюстовъ.* «Исторія пѣхоты»; т. I, стр. 250—267. 7) *Голицынъ.* «Всеобщая военная исторія»; ч. 3, стр. 160—161. 8) *Hardy.* «Origines de la tactique française»; т. II, стр. 399—412. 9) *Михневичъ.* «Исторія военнаго искусства»; стр. 201—206. 10) *Liskenne et Sauvan* «Bibliothèque historique et militaire», т. IV. стр. 387—392; 11) *Prince Napoléon-Louis Bonaparte* «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie», т. I, стр. 189—195.

***) «... l'intention du Roy estoit de remettre en ses mains Carignan, qui luy estoit comme une espine en son pied, attendu qu'elle tenoit toute la plaine du Piemont en subjection...», какъ образно опредѣляетъ значеніе Кариньяно Мартэнъ дю-Беллэй.

Энгіенскій, силы котораго были не болѣе 16—18.000 чел., рѣшился послать въ Парижъ Монлюка, чтобы испросить разрѣшеніе короля—выйти на встрѣчу имперцамъ и дать имъ бой.

Состоявшійся въ присутствіи Франциска военный совѣтъ, имѣя ввиду общую стратегическую обстановку и готовившееся вторженіе арміи Карла V, со стороны восточной границы, высказался противъ боя. Однако пылкому Монлюку удалось увлечь своимъ краснорѣчіемъ короля, которому онъ доказывалъ, что состояніе войскъ прекрасное и что даже 12—15 тысячъ хорошихъ войскъ могутъ справиться съ 30-ти тысячной имперской арміей, потому что «побѣждаетъ не большое число, но мужественное сердце» *). Разрѣшивъ дать сраженіе, Францискъ позволилъ многимъ дворянамъ, изъ числа своихъ приближенныхъ, отправиться къ арміи, чтобы заслужить въ бою рыцарскія шпоры.

По возвращеніи Монлюка, гр. Энгіенскій двинулся на встрѣчу имперцамъ, занялъ гарнизономъ гор. Карманьолу и сосредоточилъ свои войска близъ Виллы Стеллонъ, гдѣ былъ построенъ французами мостъ черезъ р. По.

Между тѣмъ, Гуасто выступилъ, 8 апрѣля, 1544 года, изъ Асти, направляясь вначалѣ на Туринъ, въ предположеніи переправиться черезъ По, между Кариньяно и Туриномъ; узнавъ-же о прочномъ занятіи французами моста у Виллы Стеллонъ, онъ уклонился къ югу—на Сомариву, откуда предполагалъ двинуться на Ракониги, переправиться здѣсь черезъ р. Маиру и, такимъ образомъ, отрѣзать французовъ отъ пути подвоза ихъ припасовъ, шедшихъ, главнымъ образомъ, черезъ графство Салуццо. Затѣмъ онъ предполагалъ, наступая лѣвымъ берегомъ рѣки По, на Казаль-грассо и Ломбріаско, освободить гарнизонъ Кариньяно, снабдить его припасами и вторгнуться въ Савою долиною Аосты. Французская армія однако слѣдила

---

*) ... «car ce n'est pas le grand nombre qui vainc, c'est le bon coeur». (Montluc, стр. 84).

Мартэнъ дю-Беллэй передаетъ это разрѣшеніе боя королемъ, въ формѣ весьма поучительнаго, даже для нашего времени, отказа короля отъ управленія издали ходомъ военныхъ дѣйствій: «... quant à la bataille, le remettoit à en user par l'aduis des capitaines qui estoient auprès de lui lesquels pouvoient mieux connoistre (estant sur les lieux) ce que la necessité commanderoit à ses affaires, que Iuy qui ne le voioit à l'oeuil». (Что касается боя, то онъ (король) предоставлялъ воспользоваться имъ по совѣту окружавшихъ его (т. е., гр. Энгіенскаго) начальниковъ, которые, *будучи на мѣстѣ, могли лучше знать то, что требовалось необходимостью для веденія дѣлъ*, чѣмъ онъ (король), который не могъ ихъ видѣть собственными глазами). Вотъ когда уже сознавалась необходимость дать «полную мочь» полководцу и не руководить издали военными операціями!

за имперцами и, съ поворотомъ ихъ къ Сомариве, перешла въ Карманьолу.

Во французской арміи чувствовался сильный недостатокъ денежныхъ средствъ. Войска уже три мѣсяца не получали жалованья; по просьбѣ гр. Энгіенскаго, король выслалъ Туринскаго губернатора—Мартэна дю-Беллэй, съ деньгами, которыхъ однако было едва достаточно, чтобы уплатить 1/4 причитавшагося войскамъ содержанія. Когда именно, 8 апрѣля, дю-Беллэй прибылъ въ армію, и вѣсть о его прибытіи быстро распространилась въ войскахъ, то возникло опасеніе, чтобы наемные контингенты, обманутые въ своихъ надеждахъ, не оставили-бы рядовъ арміи до сраженія, и потому рѣшено было оттянуть разсчетъ и сдѣлать, 9-го апрѣля, смотръ войскамъ, а 10-го—тревогу, а при случаѣ, и атаку приближавшагося противника, и подъ предлогомъ неудобства выдачи содержанія въ виду непріятеля,—произвести таковую послѣ боя *).

При выступленіи изъ лагеря, 10 апрѣля, молодого гр. Энгіенскаго начали убѣждать его приближенные въ рискованности боя, и потому французскій полководецъ, продержавъ выстроившіяся войска до полудня, началъ наступленіе на Сомариву, съ отрядомъ всего изъ 400—500 легкихъ всадниковъ и 1.200 стрѣлковъ, при 3-хъ орудіяхъ (среднихъ кулевринахъ), *съ двойной запряжкой*—съ цѣлью развѣдать расположеніе противника и направленіе его наступленія; въ то-же время полковнику Терму приказано было выслать 20 легкихъ всадниковъ на Виллу Стеллонъ (ниже Карпиньяно), другіе 20 легкихъ всадниковъ—на Сомариву и третій разъѣздъ такой-же силы—на Ракониги. Отрядъ д'Оссэна, изъ 150 легкихъ всадниковъ съ частью аркебузеровъ, выдвинутый гр. Энгіенскимъ къ Черизолѣ, вскорѣ замѣтилъ противника, наступавшаго частью своихъ силъ изъ Черизолы на Сомариву, по находящейся между этими двумя пунктами покатой лощинѣ, посреди которой имѣлось довольно значительное болотистое пространство (схема № 17, на табл. V). Французскіе аркебузеры заняли небольшую рѣдкую рощицу, у подножья холма, спускавшагося въ упомянутую лощину, а на самомъ холмѣ расположились три орудія, подъ прикрытіемъ

*) Въ мемуарахъ дю-Беллэй все описанное отнесено къ 1543 году, но, ввиду того, что тотчасъ вслѣдъ затѣмъ продолжается разсказъ, подъ рубрикой 1544 года, вѣроятнѣе всего предположить, что авторомъ принято старое лѣтосчисленіе, съ первымъ днемъ новаго года—въ день Пасхи.

конницы. Такъ какъ противникъ не ожидалъ боя въ этотъ день и не былъ еще сосредоточенъ (Гуасто ожидалъ прибытія испанскихъ аркебузеровъ, на которыхъ возлагалъ большія надежды), то, по мнѣнію Монлюка, атака всѣми силами гр. Энгіенскаго, въ этотъ день, должна была дать прекрасные результаты, тѣмъ болѣе, что противникъ не успѣлъ окопаться и усилить свое расположеніе укрѣпленіями, а къ вечеру началъ даже отступать къ Черизолѣ; испанцы потеряли также много времени, вытаскивая два застрявшихъ въ болотѣ орудія своей артиллеріи. Весь этотъ день прошелъ лишь въ перестрѣлкѣ отряда д'Оссэна съ «пропащими ребятами» Гуасто, послѣ которой гр. Энгіенскій возвратился въ лагерь близъ Карманьолы, оставивъ впрочемъ 200 всадниковъ, для непосредственнаго наблюденія за противникомъ.

Возвратившись въ лагерь, гр. Энгіенскій, послѣ нѣкотораго колебанія, принялъ окончательное рѣшеніе атаковать противника всѣми своими силами, и въ 1 часъ пополуночи, 11 апрѣля, войска его выступили изъ лагеря.

Подойдя, на разсвѣтѣ, къ холму, занятому наканунѣ, французы увидали однако, что имперцы успѣли уже его захватить частью своихъ силъ *), вслѣдствіе чего французская армія начала выстраивать боевой порядокъ.

Правый флангъ французовъ образовалъ *авангардъ де-Бутьера* **), расположившаго въ центрѣ «старыя дружины» (vieilles bandes)—4.000 гасконцевъ де-Тэ, обезпеченныхъ съ праваго фланга 640 легкими всадниками, подъ начальствомъ полковника легкой конницы, Терма, а съ лѣваго фланга, 60—80 латниками ордонансовой конницы. Впереди авангарда наступали, подъ начальствомъ Монлюка, 800 аркебузеровъ, собранныхъ со всѣхъ частей арміи. Центръ французовъ, подъ личнымъ предводительствомъ *графа Энгіенскаго*, образовали *главныя силы* (bataille), изъ 4.000 швейцарцевъ Фурли, оба фланга которыхъ прикрывались конницей изъ 300 ордон-

---

*) При наступленіи французской арміи, гр. Энгіенскій, желая убѣдиться въ присутствіи противника въ долинѣ между Сомаривой и Черизолой, выслалъ разъѣздъ Франциска Бернардэна, съ 3-мя легкими всадниками, которые убѣдились въ томъ, что лагерь имперцевъ остался на томъ-же мѣстѣ, какъ и наканунѣ; другой разъѣздъ, отъ легкой конницы Терма, подъѣхалъ къ самому лагерю, въ которомъ уже били тревогу. Это извѣстіе (по Монлюку) не совсѣмъ сходится съ показаніемъ дю-Беллэй, который указываетъ, что имперцы выдвинулись за ночь впередъ.

**) Получивъ свѣдѣніе о предстоявшемъ сраженіи, де-Бутьеръ, удалившійся послѣ прибытія къ арміи гр. Энгіенскаго, въ свои помѣстья, вновь возвратился въ Пьемонтъ и сталъ подъ начальство юнаго французскаго полководца, получивъ командованіе авангардомъ.

пансовыхъ латниковъ и около 100 молодыхъ дворянъ-добровольцевъ. Наконецъ, лѣвое крыло образовалъ *аррьергардъ Дампьерра*, изъ 3.000 грюонцевъ и 3.000 итальянцевъ *). Такъ какъ войска аррьергарда были недавно завербованы и не возбуждали особаго довѣрія, то къ нимъ были присоединены 300 лучниковъ и конныхъ слугъ изъ состава ордоннансовыхъ ротъ и 8 артиллерійскихъ орудій. Другія 8 орудій расположились передъ фронтомъ швейцарцевъ

Для указанія войскамъ должнаго направленія и порядка при наступленіи соотвѣтственно дѣйствіямъ противника, былъ назначенъ Мартэнъ дю-Беллэй-Лянжэй, который, такимъ образомъ, долженъ былъ исполнять обязанности начальника штаба **). Общая численность французской арміи, вѣроятно, не превышала 17.500 чел., въ томъ числѣ около 2.500 боевыхъ коней.

Совершенно аналогично французскому боевому порядку, расположилъ свои силы Гуасто, который, послѣ стычки 10 апрѣля, рѣшилъ на слѣдующій день продолжать наступленіе къ Карманьолѣ. Онъ выступилъ тремя колоннами, которыя могли, по свойствамъ мѣстности, двигаться рядомъ и, при завязкѣ боя, заняли слѣдующее расположеніе. Лѣвый флангъ имперцевъ образовалъ *аррьергардъ принца Салерно*, изъ 6000 итальянцевъ и 800 чел. флорентинской легкой конницы Бальони Малятеста ***). *Главныя силы* (Bataglia) образовали центръ, изъ 10.000 ландскнехтовъ *Мадруччи*, ставшихъ въ одной общей колоннѣ, имѣя по флангамъ 400 чел. конницы, которой долженъ былъ распоряжаться самъ *Гуасто*; однако, вслѣдствіе преклоннаго возраста и физической слабости, онъ отказался отъ требовавшагося тогдашними обычаями личнаго

---

*) Грюонцы—изъ г. Грюона, во французской Швейцаріи. Фронсперегеръ (Kriegszbuch, ч. 3-я, стр. CVII) по сходству именъ, называетъ ихъ греками! Цифровыя данныя въ источникахъ нѣсколько отличаются другъ отъ друга: такъ, Монлюкъ считаетъ грюонцевъ 4.000 чел.; дю-Беллэй-же, при описаніи самаго боя, сводитъ ихъ численность, вмѣстѣ съ итальянцами, всего до тѣхъ-же 4.000 чел. Брандтъ считаетъ, что гасконцевъ было 5.000 чел. и легкихъ всадниковъ Тэ—200.

Харди, слѣдуя Монлюку, помѣщаетъ швейцарцевъ не въ главныхъ силахъ, а въ авангардѣ; повидимому, однако, они раньше находились въ центрѣ и только съ началомъ боя перешли подъ начальство Бутьера, какъ это указываетъ дю-Беллэй.

**) «Au surplus fut donnée la charge au capitaine Martin du Bellay sieur de Langey, gouverneur de Turin, d'aller de la bataille à l'auant garde et à l'arriegarde afin que selon que l'ennemy se gouverneroit, il fist marcher les nostres». (*Du Bellay.* «Memoires»,стр. 323).

***) Дю-Беллэй показываетъ 10.000 итальянской пѣхоты, и ему слѣдуетъ Брандтъ. Монлюкъ считаетъ ихъ въ 7.000 чел. пѣхоты и 300 всадниковъ.

примѣра, — сражаться, съ копьемъ въ рукѣ, во главѣ своихъ войскъ, и уступилъ это почетное мѣсто Филиппу *Ланнуа*; самъ-же направился къ холму, который давалъ ему возможность осматривать поле сраженія, и предполагалъ отсюда руководить движеніями войскъ. На правомъ крылѣ, сталъ *авангардъ Раймонда де-Кардона* *), вице-короля неаполитанскаго — отъ 5 до 6000 ветерановъ испанцевъ и 5 значковъ нѣмцевъ, которые сражались ранѣе въ Алжирѣ и Тунисѣ; справа ихъ обезпечивали 800 всадниковъ принца Сульмоне. Передъ фронтомъ трехъ главныхъ группъ имперцевъ, на выгодной позиціи — надъ обрывомъ у дороги, расположены были 20 орудій большихъ калибровъ **), прикрытыхъ «пропащими ребятами» (enfants perdus), сражавшимися въ разсыпномъ строю; передъ главными силами было выдѣлено около 300 аркебузеровъ. Всего, такимъ образомъ, со стороны имперцевъ должно было принять участіе въ сраженіи около 25.000 чел., при 20 орудіяхъ. Конница была относительно малочисленна, составляя около $^1/_{10}$ всѣхъ силъ (2.500 чел.).

Въ 7 часовъ утра, стрѣлки Монлюка завязали бой съ стрѣлками принца Салернскаго, успѣвшими выдвинуться къ подошвѣ возвышенности, занятой французами; обѣ стороны старались овладѣть небольшимъ домикомъ, здѣсь расположеннымъ; переходъ изъ рукъ въ руки этого домика Монлюкъ, въ своихъ мемуарахъ, сравниваетъ съ игрой «въ бары». Принцъ Салерно, опередившій другія колонны, вслѣдствіе болѣе удобной для движенія мѣстности, донесъ Гуасто о встрѣчѣ съ французскими стрѣлками и получилъ отъ него приказаніе занять высоту, остановиться на ней и безъ приказаній дальше не двигаться. Послѣ перестрѣлки, длившейся около 4-хъ часовъ, французы были выбиты изъ упомянутаго домика, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что у стрѣлковъ Монлюка не было конницы, тогда какъ противникъ угрожалъ своей конницей флангу французскихъ стрѣлковъ. Получивъ приказаніе отъ гр. Энгіенскаго вновь овладѣть домикомъ, Монлюкъ просилъ поддержать его конницей и, получивъ въ подкрѣпленіе 85 всадниковъ, тотчасъ-же перешелъ съ ними въ наступленіе. Монлюкъ направилъ на правый свой флангъ двухъ капитановъ (Фава́ и Льенара), самъ двинулся прямо

*) Сынъ Кардоны, разбитаго подъ Равенной.

**) «... lesquelles estoient en lieu si avantageux que noz gens ne pouvoient marcher à eux que les dittes pieces ne donnassent dedans noz batailles de hault en bas». (*Martin du Bellay*, стр. 323).

на домикъ и выдвинулъ впередъ цѣпь изъ 50 стрѣлковъ, подъ начальствомъ сержанта, а влѣво отъ себя тоже выдѣлилъ двухъ капитановъ (Брёля и Гаске); прибывшая конница стала между двумя послѣдними стрѣлковыми отрядами. Подойдя въ такомъ порядкѣ къ домику, на 100—120 шаговъ, Монлюкъ сильно обстрѣлялъ имперскихъ стрѣлковъ и снова его занялъ.

Гуасто впрочемъ тоже усилилъ своихъ аркебузеровъ испанскими стрѣлками Кардоны, и общее число перестрѣливавшихся такимъ образомъ стрѣлковъ достигло до 4—5 тыс. человѣкъ. Въ концѣ этого боя, имперцы снова овладѣли домикомъ. Вслѣдъ затѣмъ, Гуасто успѣлъ продвинуть, черезъ болото, къ домику 6 орудій и, для прикрытія ихъ, направилъ туда-же ландскнехтовъ. Артиллерія имперцевъ открыла по французамъ губительный огонь, который, причиняя значительныя потери, особенно авангарду французовъ, побудилъ начальника его, де-Тэ, двинуться впередъ; повидимому, первоначально французскій авангардъ не замѣтилъ колонны ландскнехтовъ, расположенныхъ за своей батареей у домика и, двинувшись противъ принца Салерно, могъ подставить, такимъ образомъ, свой лѣвый флангъ удару нѣмцевъ. Монлюкъ, замѣтивъ это, поспѣшилъ къ де-Тэ и убѣдилъ его вернуться назадъ, а для предохраненія отъ выстрѣловъ, посовѣтовалъ лечь на землю, какъ это сдѣлали швейцарцы, находившіеся въ 60 — 80 шагахъ позади. Одновременно такое-же распоряженіе пришло и отъ Мартэна дю-Беллэй, наблюдавшаго за дѣйствіями противника и замѣтившаго, что сильная баталья ландскнехтовъ (10.000 чел.) уже двинулись впередъ на швейцарцевъ (4.000), тогда какъ принцъ Салерно оставался неподвижнымъ: поэтому казалось болѣе цѣлесообразнымъ задержать гасконцевъ и подкрѣпить ими швейцарцевъ, для совокупной встрѣчи атаки ландскнехтовъ, такъ какъ, повидимому, можно было отразить ихъ ударъ до подхода принца Салерно. Авангардъ де-Тэ снова вернулся обратно на прежнее мѣсто; тамъ людямъ было приказано лечь, чтобы избавиться отъ губительнаго дѣйствія имперской артиллеріи, противъ которой начала дѣйствовать прибывшая къ авангарду де-Тэ артиллерія де-Майльи.

Около 12 часовъ дня, обозначилось наступленіе главныхъ силъ имперцевъ, для встрѣчи которыхъ французскіе стрѣлки отступили на линію своихъ сомкнутыхъ колоннъ. Пикинерамъ-гасконцамъ, судя по разсказу Монлюка, было приказано держать пику не у задней ея оконечности, какъ это было принято у

ландскнехтовъ, но встрѣтить ихъ ударъ, по способу швейцарцевъ, держа пику примѣрно за ея середину, что давало возможность сильнѣе дѣлать отбивы и болѣе ловко управлять оружіемъ. Главная масса ландскнехтовъ, закрывъ своимъ наступленіемъ огонь нѣмецкой батареи у домика, кинулась на гасконскій батальонъ *); такъ какъ при этомъ обнаружилось, что фронтъ послѣдняго, около 60 чел., былъ меньше фронта ландскнехтовъ, имѣвшихъ до 90 чел. въ 1-й шеренгѣ, то командовавшій правымъ крыломъ гасконскаго батальона (de la corne droite) капитанъ Вильфраншъ выдвинулъ впередъ всѣхъ людей заднихъ шеренгъ, имѣвшихъ предохранительное вооруженіе и образовалъ такимъ образомъ пикинерное крыло, удлинившее вправо фронтъ батальона. Какъ только это было закончено, обѣ колонны сошлись уже на длину пикъ, при чемъ гасконцы, воспользовавшись разрывами, происшедшими въ колоннѣ ландскнехтовъ, вслѣдствіе быстраго движенія ея при наступленіи, проникли въ середину непріятельской колонны и привели ее въ полное разстройство, которое было подготовлено еще тѣмъ, что, какъ говоритъ Монлюкъ, за три-четыре дня до сраженія, онъ подалъ мысль полковнику де-Тэ, при построеніи баталіи, вслѣдъ за первой шеренгой пикинеровъ помѣстить рядъ аркебузеровъ, которые не должны были стрѣлять, пока противники не сойдутся на длину пикъ; примѣнивъ это построеніе и давъ залпъ непосредственно передъ столкновеніемъ, гасконцы де-Тэ успѣли причинить значительныя потери ландскнехтамъ въ самомъ началѣ схватки; выступившіе для поединковъ начальники были также перебиты **).

*) Брандтъ указываетъ, что центръ ландскнехтовъ направлялся на швейцарцевъ, а гасконскій батальонъ сдѣлалъ захожденіе плечомъ и атаковалъ флангъ нѣмецкой колонны. Но у Монлюка имѣется указаніе, что ландскнехты двигались прямо на гасконцевъ («marchant grand pas direct vers nous»), а напротивъ, швейцарцы выжидали, такъ какъ еще не обнаружилось, куда направится батальонъ ветерановъ Кардоны, который вначалѣ былъ противъ нихъ и только потомъ повернулъ вправо на грюонцевъ и итальянцевъ; съ этимъ согласуется описаніе боя и у Рюстова. Дю-Беллэй указываетъ, что баталья ландскнехтовъ раздѣлилась, и одна половина направилась на швейцарцевъ, а другая—на гасконцевъ; въ тылу эти двѣ массы сливались въ одну колонну. Въ описаніи боя у принца Луи-Наполеона (Etudes sur l'artillerie, т. I, стр. 193), приведена выдержка изъ архивнаго документа, указывающаго, что ландскнехты, прежде всего, кинулись на французскую артиллерію, успѣли дойти до орудій, перебили часть прислуги и лошадей и зажгли пороховые заряды, сложенные на батареѣ, а затѣмъ уже двинулись на швейцарцевъ.

**) Монлюкъ («Commentaires». Liv II, стр. 96, лѣв.) признается однако, что этотъ способъ примѣнялся и имперцами, также помѣстившими аркебузеровъ во второй шеренгѣ своей колонны, но стрѣлки ихъ почему-то при атакѣ не стрѣляли, «lesquels iamais ne tircrent, comme ne firent les nostres, que ne fussions de la longueur des picques. Là se fit une grande tuerie, il n'y avait coup, qui ne portast...»

Въ то-же время, легкая конница Терма атаковала флорентинскую кавалерію Бальони, открывшую огонь изъ пистолетовъ; французы однако, атаковавъ, опрокинули ее и понеслись на пѣхоту принца Салерно. Самъ Термъ врубился въ ряды итальянцевъ, но лошадь его была тотчасъ-же убита и онъ, раненый, попалъ въ плѣнъ. Тѣмъ не менѣе, атака его имѣла очень благопріятныя для французовъ послѣдствія, удержавъ на мѣстѣ итальянцевъ и не позволивъ имъ своевременно поддержать колебавшійся бой ландскнехтовъ съ гасконцами. Принцъ Салерно, какъ мы выше указали, получилъ отъ Гуасто приказаніе—не предпринимать ничего безъ особаго распоряженія послѣдняго, и, кажется, слишкомъ буквально придержался этого приказа.

Какъ-бы то ни было, бой праваго фланга французовъ получилъ для нихъ благопріятный оборотъ, особенно послѣ того, какъ латники Бутьера опрокинули конницу Гуасто на ландскнехтовъ и ворвались въ самую глубь ихъ колонны. Атакѣ конницей Бутьера колонны ландскнехтовъ способствовало то, что въ послѣдней все еще были значительные интервалы, образовавшіеся при первомъ наступленіи, и недоставало поэтому достаточной сомкнутости. Произведеннымъ конницей разрывомъ въ непріятельской массѣ немедленно воспользовался швейцарскій батальонъ Фурли, который, быстро послѣдовавъ за конницей Бутьера, проникнулъ въ середину пѣхотной колонны ландскнехтовъ и принялся ихъ рубить; вскорѣ нѣмцы, въ полномъ безпорядкѣ, кинулись въ бѣгство по направленію къ Черизолѣ, преслѣдуемые по пятамъ гасконцами, швейцарцами и конницей Бутьера. Самъ Гуасто, видя пораженіе своего центра и не проявивъ никакой распорядительности по управленію боемъ, оставилъ поле сраженія. Разбитая его пѣхота поспѣшила занять находившійся позади лѣсъ, въ которомъ она нашла первое укрытіе отъ преслѣдовавшихъ ее французовъ.

Не такъ удачны для послѣднихъ были ихъ дѣйствія на лѣвомъ флангѣ, что объясняется тѣмъ, что здѣсь находилась противъ только что набранныхъ грюонцевъ и итальянцевъ испытанная въ бояхъ испанская пѣхота. Подъ прикрытіемъ разсыпанныхъ стрѣлковъ, 5.000 ветерановъ Раймонда де-Кардона быстро двинулись впередъ, и стрѣлки ихъ успѣли захватить расположенную впереди батальона грюонцевъ и итальянцевъ батарею, а при атакѣ самой колонны, Кардона приказалъ находившемуся на его правомъ флангѣ стрѣлковому

крылу произвести охватъ лѣваго флангъ непріятельской колонны и дать нѣсколько залповъ.

Легкая конница Дампьерра, въ то-же время, опрокинула кавалерію принца Сульмоне и начала ее преслѣдовать, а графъ Энгіенскій, увидавъ колебаніе своего лѣваго фланга, бросился на его выручку, со своими ордоннансовыми латниками, и атаковалъ лѣвый флангъ испанской массы; но старые ветераны только разступились въ стороны передъ стремительной атакой конницы, такъ что графъ Энгіенскій прошелъ всю колонну испанцевъ насквозь, по діагонали, выйдя съ противоположнаго праваго задняго угла колонны ветерановъ, которые вслѣдъ затѣмъ немедленно вновь сомкнулись и продолжали атаку противъ грюонцевъ и итальянцевъ. Вслѣдствіе удаленія конницы Дампьерра, лѣвый флангъ грюонцевъ обнажился; поэтому обходъ его стрѣлковымъ крыломъ Кардоны не представилъ затрудненій, и этотъ маневръ, съ открытіемъ огня испанскими аркебузерами, заставилъ задніе ряды грюонцевъ и итальянцевъ побѣжать, а передніе въ паникѣ кинулись за ними, «не сдѣлавъ ни одного удара пикой», какъ говоритъ Монлюкъ *). Испанскіе аркебузеры, которые вели до того стрѣлковый бой впереди ветерановъ, а затѣмъ, при сближеніи пикинерныхъ батальоновъ, отошли за заднюю шеренгу массы ветерановъ и на ея фланги, въ то-же время, открыли убійственный огонь по проскакавшимъ латникамъ графа Энгіенскаго, и этотъ послѣдній, видя отступленіе своего лѣваго фланга, рѣшилъ, что сраженіе проиграно, тѣмъ болѣе, что помочь новой атакой своей конницы пѣхотѣ лѣваго фланга онъ уже былъ не въ силахъ, такъ какъ большинство его латниковъ были переранены, а успѣха своего праваго фланга онъ не видѣлъ, будучи отдѣленъ отъ него холмомъ, возвышавшимся въ центрѣ французской позиціи. Гр. Энгіенскій началъ отступать къ Карманьолѣ, а по нѣкоторымъ источникамъ, даже сдѣлалъ попытку на самоубійство. Въ это время, къ его развѣвавшемуся для сбора войскъ знамени присоединились 3 роты итальянской легкой конницы, которыя охраняли мостъ на р. По и теперь шли на выстрѣлы, посадивъ на крупы лошадей аркебузеровъ гарнизона крѣпостцы Ракониги, черезъ которую они проходили.

---

*) «Sans tirer un seul coup de picque». Монлюкъ, вообще, ставитъ грюонцевъ очень низко, говоря, что хотя они сосѣди швейцарцевъ, но сходство между ними такое-же, какъ «между осломъ и испанской лошадью» (Ils sont voysins des Suisses, mais il n'y a non plus de comparaison que d'un asne à un cheval d'Espagne (стр. 96 прав.).

Когда молодой полководецъ, мало-по-малу, началъ собирать свои отступавшія войска лѣваго фланга и готовился уже вновь атаковать Кардону, его догналъ полковникъ швейцарцевъ, С. Жюльенъ *), съ радостнымъ донесеніемъ о побѣдѣ праваго фланга и центра надъ имперцами. Графъ Энгіенскій вновь повелъ атаку противъ ветерановъ Кардоны, который, не видя войскъ центра и лѣваго фланга имперцевъ, пріостановилъ свое наступленіе, а затѣмъ началъ медленно отступать, подъ натискомъ собранныхъ французскимъ полководцемъ силъ; въ то-же время, послано было приказаніе гасконцамъ и швейцарцамъ пріостановить свое преслѣдованіе и обратиться противъ стойкой еще массы испанцевъ. Де-Бутьеръ, передъ которымъ уже все бѣжало, съ Гуасто и принцемъ Салерно во главѣ, черезвычайно быстро исполнилъ приказаніе графа Энгіенскаго и вскорѣ появился на флангѣ отступавшаго испанскаго батальона Кардоны, аркебузеры котораго продолжали отстрѣливаться отъ послѣдовательныхъ атакъ французской конницы. Когда-же съ фронта встрѣтила ветерановъ поспѣвшая съ праваго фланга легкая конница Бутьера, съ тыла атаковалъ графъ Энгіенскій и собранныя имъ войска, а съ фланга 50 всадниковъ д'Оссэна, а затѣмъ тутъ-же появились возвратившіеся, послѣ преслѣдованія ландскнехтовъ, гасконцы и швейцарцы, то испанцы побросали пики и частью сдались французамъ, частью разбѣжались **).

Такимъ образомъ, окончательно была одержана побѣда французами; трофеями ихъ были: 14 орудій, 7—8.000 панцырей, значительные боевые и продовольственные припасы, оставленные имперцами въ Черизольскомъ лагерѣ, понтонный паркъ, для наводки моста черезъ р. По, и до 300.000 франковъ казны, а также болѣе 3.000 плѣнныхъ со всѣми главными вождями (Кардона, Мадруччи и друг.) Отъ 12 до 15.000 убитыхъ покрывали поле сраженія, при чемъ французы опредѣляютъ свои потери лишь отъ 500 до 600 чел. ***).

Гуасто, съ остатками своихъ силъ, достигъ Асти, но ко-

*) «... monsieur de Sainct Julien, qui servoit de Maistre de camp, et de Colonel des Suisses», какъ его называетъ Монлюкъ.

**) При этой атакѣ произошелъ инцидентъ, напомнившій послѣдній эпизодъ Равеннскаго сраженія: увидавъ, что рыцарь С. Андрé первымъ бросился на испанцевъ, когда еще остальныя войска не подошли, гр. Энгіенскій опустилъ забрало и бросился предупредить въ атакѣ С. Андрé, хотя за нимъ оставалось всего 6 всадниковъ. Только напоминаніе одного опытнаго капитана о печальной участи Гастона де-Фуа, при подобной-же атакѣ, остановило пылкаго графа, потребовавшаго однако, чтобы немедленно остановили С. Андрé, что и было исполнено.

***) По мемуарамъ дю-Беллэй всего 200.

мендантъ города заперъ передъ нимъ ворота, какъ впрочемъ это приказалъ ему еще до боя самъ Гуасто, если онъ не окажется побѣдителемъ.

Разборъ сраженія.

Обращаясь къ разбору сраженія при Черизолѣ, мы, прежде всего, должны обратить вниманіе на то, что качества французскихъ войскъ, сравнительно съ имперскими, значительно возросли со времени Павіи. Нельзя сказать, чтобы видно было большое вліяніе управленія ими въ бою неопытнымъ, колебавшимся французскимъ полководцемъ, который, полагая дѣло потеряннымъ, оставляетъ даже поле сраженія, а потому мы тѣмъ болѣе должны приписать побѣду качествамъ самихъ войскъ. Первоначальное расположеніе французскихъ войскъ для боя было, такъ сказать, нормальнымъ, шаблоннымъ для той эпохи; къ тому-же, боевой порядокъ имперцевъ былъ точной копіей французскаго расположенія силъ; численное отношеніе силъ было также не въ пользу французовъ; мѣстность не давала имъ какихъ-либо исключительныхъ выгодъ; поэтому мы не можемъ приписывать ихъ побѣду ни одной изъ этихъ причинъ и естественно должны придти къ выводу, что *улучшившійся составъ* ихъ войскъ, ухудшеніе его на сторонѣ имперцевъ и *распорядительность частныхъ французскихъ начальниковъ* были главными причинами, давшими въ результатѣ побѣду гр. Энгіенскому.

Историческія данныя, къ сожалѣнію, слишкомъ неполны, чтобы дать точныя указанія, какія именно мѣры улучшили составъ французской арміи, но, тѣмъ не менѣе, мы видимъ въ ней нѣсколько бо́льшій процентъ народныхъ элементовъ, а именно,—французы въ пѣхотѣ составляли уже около $^1/_3$, а вмѣстѣ съ конницей, исключительно французской, болѣе $^2/_5$ (48% всѣхъ силъ), т.-е., сравнительно съ арміей Франциска I подъ Павіей, процентное отношеніе французовъ къ иностраннымъ наемникамъ увеличилось почти вдвое. Къ тому-же и качество ихъ было, безъ сомнѣнія, лучше, такъ какъ, вмѣсто авантюрьеровъ, пополнявшихся изъ всякаго рода бездомныхъ бродягъ, здѣсь мы видимъ «старыя гасконскія дружины» — народную пѣхоту, въ которую, отчасти, вошли элементы, входившіе въ составъ сформированныхъ, въ 1534 году, легіоновъ.

Ходъ боя показываетъ, что именно эти національныя части французской арміи (войска Бутьера и аркебузеры Монлюка) и одержали собственно побѣду (впрочемъ при помощи швейцарцевъ); будучи значительно слабѣе ландскнехтовъ и уступая имъ въ протяженіи фронта, французы, не задумываясь, идутъ

на встрѣчу 10.000-ной массѣ и уравниваютъ длину своего фронта выдвиганіемъ заднихъ пикинеровъ при столкновеніи, уменьшая глубину своей колонны, тогда какъ грузная фаланга ландскнехтовъ не пользуется своимъ, болѣе чѣмъ двойнымъ, численнымъ превосходствомъ, и тыльные ряды ея являются лишь безучастными зрителями послѣдовавшаго боя. Участіе швейцарцевъ въ этомъ бою, хотя и способствовало успѣху дѣла, но, видимо, не обошлось безъ нѣкоторыхъ треній. Такъ дю-Беллэй указываетъ, что онъ нѣсколько разъ уговаривалъ Фурли двинуться въ атаку, но тотъ отвѣчалъ, что въ такомъ, случаѣ, «онъ подвергнется огню непріятельской артиллеріи и что *подобное испытаніе не соотвѣтствуетъ натурѣ его людей*, которые, будучи поставлены открытыми подъ артиллерійскимъ огнемъ, придутъ въ безпорядокъ и обратятся въ бѣгство» *). Итакъ, побѣда гасконцевъ, рѣшила, главнымъ образомъ, судьбу сраженія, тогда какъ прочія наемныя части французской арміи, кромѣ швейцарцевъ, позорно бѣжали.

Ландскнехты и испанская пѣхота, обратно, оказываются ниже, по своимъ боевымъ качествамъ, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху; можетъ быть, на это повліяло то, что сошли уже со сцены талантливые начальники минувшаго времени: не было уже Пескары, Фрундсберга, Бурбона и Лейвы, а оставшіеся въ живыхъ, какъ Гуасто, уже состарились и лишились прежней энергіи; но, съ другой стороны, интересно и то явленіе, что *получающая народный обликъ французская армія вырабатываетъ предпріимчивыхъ и энергичныхъ начальниковъ*, какъ Монлюкъ, (который, вслѣдъ за Черизолой, участвуетъ, почти въ теченіи полувѣка, во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ европейскаго театра), дю-Беллэй, де-Тэ, де-Бутьеръ и другіе; тогда какъ дошедшая какъ-бы до своего апогея испанская армія и особенно, все крѣпче и глубже проникавшаяся наемной системой имперская армія вырабатываютъ все меньше и меньше начальниковъ подобнаго типа. Безпорядокъ, недостатокъ дисциплины и боевой выдержки сказываются въ имперской арміи довольно рельефно; испанцы, подъ Равенной, стойко выдержавшіе ударъ побѣдоносной французской арміи и въ порядкѣ отступавшіе, здѣсь, подъ Черизолой, уже не выдерживаютъ по-

---

*) «...si son bataillon marchoit, l'artillerie de l'ennemy luy donneroit droit dedans et que le naturel de sa nation n'estoit d'endurer la batterie de l'artillerie ains d'aller droit pour la gaingner et que par ce moyen s'il se mettoit à découvert ses gens se metroyent en desordre pour y courir». («Mémoires», Liv. X, стр. 323, лѣв.).

ворота счастья въ бою и позорно бросаютъ оружіе, а итальянцы принца Салерно бѣгутъ, почти не принявъ участія въ бою.

Что касается *боевыхъ порядковъ*, то главныя массы, по прежнему, строются въ глубокія массивныя колонны, имѣя по своимъ флангамъ конныя части, болѣе сильныя на внѣшнихъ оконечностяхъ фланговъ всего боевого порядка, который, по прежнему, дѣлится на авангардъ, главныя силы и арьергардъ, располагаемые впрочемъ на одной линіи. Конница строится уже менѣе глубоко, повидимому, всего около 8 шеренгъ въ глубину. Дѣйствіе артиллеріи, сосредоточенной въ батареи, хотя и значительно, но малое число орудій, участвовавшихъ въ бою не можетъ свидѣтельствовать о возрастаніи ея значенія со времени Равенны и Павіи. Французы уже считаются съ дѣйствительностью ея выстрѣловъ, принимаютъ мѣры, для уменьшенія потерь, и держатся вначалѣ оборонительно, повидимому, остерегаясь повторить свою ошибку подъ Павіей и закрыть артиллерійскій огонь несвоевременнымъ наступленіемъ. Эту ошибку дѣлаютъ теперь, вмѣсто нихъ, имперцы и, придя къ необходимости прекратить огонь, вслѣдствіе своего движенія впередъ, когда атака не была еще достаточно подготовлена, позволяютъ французамъ оправиться въ самую рѣшителую минуту и дать стойкій отпоръ.

Новымъ явленіемъ въ сраженіи при Черизолѣ является выдѣленіе значительныхъ силъ, самостоятельно ведущихъ упорный *стрѣлковый бой въ разсыпномъ строю*. Продолжительность подготовительнаго боя растетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, развивается *послѣдовательный вводъ въ бой силъ* обѣихъ сторонъ, постепенное подкрѣпленіе передовыхъ стрѣлковъ, число которыхъ возрастаетъ до 4—5.000 чел. И тутъ видно вліяніе пораженія подъ Павіей и урока, даннаго французамъ аркебузерами Пескары, при чемъ у французовъ является склонность подкрѣплять дѣйствія стрѣлковъ конницей, которая придается имъ, хотя и въ незначительномъ количествѣ и, кажется, болѣе съ цѣлью защитить стрѣлковъ, при атакѣ ихъ непріятельской конницей или пикинерами. Огнестрѣльное оружіе, которое до 1525 года находилось во французской арміи въ полномъ пренебреженіи, получаетъ болѣе широкое примѣненіе и, какъ мы указали выше, въ организаціи легіоновъ, уже ¼ пѣхоты вооружается аркебузами.

Но огнестрѣльное оружіе, само по себѣ, не въ состояніи самостоятельно обусловить рѣшеніе; является необходимость

связать его съ дѣйствіемъ холоднымъ оружіемъ, и вотъ, до изобрѣтенія, въ XVII вѣкѣ, примкнутаго къ ружью штыка, соединившаго оба оружія въ рукахъ одного бойца, мы видимъ рядъ попытокъ *связать какимъ-либо построеніемъ главныхъ представителей того и другого оружія въ пѣхотѣ, т.-е., пикинеровъ съ аркебузерами*. Подъ Черизолой, мы видимъ новое построеніе Монлюка—непосредственно за первой шеренгой пикинеровъ—шеренгу аркебузеровъ, которые даютъ залпъ по сближеніи колоннъ «на длину пикъ»; это была одна изъ первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи, давшая, повидимому, благодаря неожиданности нововведенія, благопріятные для французовъ результаты. Видимъ и другой способъ совокупныхъ дѣйствій аркебузеровъ и пикинеровъ—образованіе изъ первыхъ—стрѣлковыхъ крылевъ, которыя подготовляютъ своимъ огнемъ непосредственную схватку, выдвигаясь на фланги сомкнутыхъ пикинерныхъ батальоновъ. Такимъ маневромъ подготовлена атака ветеранами Кардоны грюонцевъ и итальянцевъ.

Хотя выше и было указано, что *руководства боемъ* проявлено съ обѣихъ сторонъ не было, но, со стороны французовъ, обращаетъ на себя вниманіе цѣлесообразная организація развѣдки передъ боемъ, высылкой развѣдывательныхъ отрядовъ въ вѣерообразныхъ направленіяхъ, къ тремъ пунктамъ, куда вѣроятнѣе всего было наступленіе противника—на переправы черезъ По, выше и ниже Кариньяно (у Ракониги и у Вилла Стеллонъ) и прямо на востокъ—къ Сомаривѣ; затѣмъ личная развѣдка французскаго полководца и предварительный рекогносцировочный бой, 10 апрѣля. Назначеніе особаго лица (дю-Беллэй) слѣдить за противникомъ и принимать соотвѣтствующія его дѣйствіямъ мѣры свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи взглядовъ на бой, который уже не считается турниромъ, на которомъ участники могли проявлять только личныя свои доблести и умѣніе владѣть копьемъ; сознательно чувствуется уже необходимость управлять ходомъ боя и обезпечивать успѣхъ его маневрированіемъ войскъ на полѣ сраженія. Атака латниками гр. Энгіенскаго испанскихъ ветерановъ не вызывалась лишь желаніемъ полководца проявить свою отвагу въ рыцарскомъ единоборствѣ, но, повидимому, имѣла цѣлью поддержать духъ колебавшихся войскъ лѣваго крыла (грюонцевъ и итальянцевъ) и, хотя мы видимъ еще слѣды рыцарскаго стремленія къ поединку въ послѣднемъ порывѣ гр. Энгіенскаго атаковать испанцевъ, хотя-бы съ 6

всадниками, но самый отказъ отъ этой необдуманной атаки явился уже знаменіемъ времени, доказывавшимъ что, со времени Равенны, *взгляды на роль полководца успѣли уже кореннымъ образомъ измѣниться.*

Когда, послѣ первоначальной неудачи боя на лѣвомъ крылѣ французовъ, побѣда ихъ праваго крыла повернула въ ихъ пользу исходъ сраженія, мы видимъ въ воспрянувшемъ духомъ юномъ французскомъ полководцѣ стремленіе взять управленіе боемъ въ свои руки, и, съ помощью подчиненныхъ ему начальниковъ, ему удается выполнить задуманный маневръ, заключавшійся въ тактическомъ окруженіи войскъ Кардоны. Такимъ образомъ, и въ смыслѣ *маневрированія войскъ* на сторонѣ французовъ замѣтенъ значительный успѣхъ: сознавая слабость и несовершенство лобовой фронтальной атаки противника и параллельнаго съ нимъ столкновенія, французскіе начальники стремятся подготовить болѣе выгодныя для себя условія боя дѣйствіями на фланги и на тылъ противника. Атака гасконцами ландскнехтовъ, одновременно съ атакой швейцарцевъ во флангъ непріятельской колоннѣ, а также атака испанскихъ ветерановъ Кардоны, въ связи съ ихъ фланговымъ стрѣлковымъ крыломъ, показываетъ, что подобный маневръ не былъ безсознательно удавшейся случайностью, но что онъ былъ примѣняемъ войсками уже въ извѣстной мѣрѣ, систематически.

Побѣда при Черизолѣ не имѣла рѣшительныхъ послѣдствій въ Италіи, такъ какъ король, опасаясь грозившаго ему вторженія Карла V съ восточной границы Франціи, долженъ былъ призвать изъ Италіи бо́льшую часть своихъ силъ въ предѣлы Франціи. Стойкая защита городовъ Шампани и энергичная дѣятельность герцога Гиза остановили наступленіе Карла V, оставленнаго своимъ союзникомъ, Генрихомъ VIII, и 18 сентября, 1544 г. былъ заключенъ въ Крепи миръ, закончившій борьбу Франциска I съ Карломъ V—отказомъ Франціи отъ Неаполя и Фландріи, съ округами Артуа и Турнэ.

Генрихъ II. (1547—1559). При сынѣ и преемникѣ Франциска I, *Генрихѣ II*, организація французской арміи продолжаетъ развиваться преимущественно на народныхъ началахъ, и впервые появляются въ ней *полки* (régiments), которые впрочемъ примѣняются сперва какъ названія частей войскъ,—французскихъ дружинъ или наемныхъ отрядовъ, временно соединяемыхъ подъ начальствомъ одного начальника.

Взгляды военныхъ писателей конца правленія Франциска I и особенно дю-Беллэй («Discipline militaire»; 1534) побуждали

къ очищенію арміи отъ иностранныхъ элементовъ; съ одной стороны, примѣры Греціи и Рима, возобновленные въ памяти эпохой возрожденія, съ другой—позднѣйшія неудачи, какъ Ля-Бикока и Павія, подѣйствовали на усиленіе въ арміи національнаго элемента.

Въ этомъ отношеніи для насъ интересно исчисленіе королемъ Генрихомъ II вооруженныхъ силъ страны передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Карла V, въ 1551 году. Король предполагалъ увеличить число ордонансовыхъ латниковъ съ 4.500 до 5.000; довести легкихъ всадниковъ, (chevaux légers) до 6.000, и кромѣ того, содержать 6000 конныхъ аркебузеровъ (60 ротъ, по 100 аркебузеровъ); организовать 100 значковъ «новыхъ пѣшихъ дружинъ», по 300 чел., т.-е. всего 30.000 чел., оставивъ 40 «старыхъ дружинъ», по 200 чел. (8.000 чел.). Къ этимъ 37.000 коней и 38.000 пѣхоты должны были присоединиться наемные контингенты: 20 корнетовъ конныхъ ландскнехтовъ (пистольеровъ), по 300 чел., 6 пѣхотныхъ полковъ по 10 пятисотенныхъ значковъ — 30.000 чел., и 12.000 швейцарцевъ; т,-е. всего 48.000 чел. наемныхъ войскъ. Затѣмъ король перечисляетъ, такъ сказать, войска второй очереди—12.000 легіонеровъ Нормандіи, Пикардіи и Шампани, отъ 8 до 10.000 коней дворянскаго ополченія (arrière-ban de la noblesse casanière) и разсчитываетъ на 8000 дворянъ-охотниковъ, которыхъ ставитъ паравнѣ съ ордонансовыми латниками *) Суммируя эти цифры, мы получаемъ армію, численностью болѣе 150.000 чел. (60.000 конницы и 92.000 пѣхоты), въ которой иностранные элементы входятъ менѣе ¹/₃ всего состава (31%); конница уже составляетъ меньшинство въ общей численности арміи, именно — ²/₅, а пѣхота образуетъ ³/₅, что представляло уже значительный прогрессъ сравнительно съ арміей Франциска I, въ 1525 году.

Одержавъ побѣду надъ Карломъ V при Ренти, въ 1552 году, французы, черезъ 5 лѣтъ, разбиты подъ С. Кантэномъ талантливымъ полководцемъ Филиппа II—Филиберомъ Савойскимъ, и въ 1558 году, вновь является стремленіе усилить народный элементъ арміи возстановленіемъ семи *легіоновъ* Франциска I, получившихъ однако нѣсколько иную организацію. Легіоны, численность которыхъ оставлена была прежняя—въ 6000 чел., были раздѣлены на 15 ротъ, по 400 чел. въ каждой; роты были частью аркебузерныя,

*) *Quarré de Verneuil*; стр. 103—104.

частью пикинерныя; послѣднимъ придавалось однако тоже по 50 мушкетеровъ и по 50 аркебузеровъ. Не смотря на нѣкоторое усовершенствованіе организаціи — меньшій составъ ротъ,—все-же это учрежденіе не прививалось; въ Бретани и въ Лангедокѣ легіоны не были организованы; только въ 1561 г., появляются шесть ротъ Лангедокскаго легіона, скоро сокращенныхъ до двухъ. Прочіе легіоны исчезаютъ между 1565 и 1585 годомъ; большинство существуютъ не болѣе 10—12 лѣтъ. Уже послѣ смерти Генриха II, при Карлѣ IX, изъ старыхъ легіоновъ и старыхъ постоянныхъ дружинъ, образуются, въ 1561 году, первые національные полки: Ришелье (Пикардійскій), Сарлабу (Шампанскій) и Ремоль (Пьемонтскій), окончательно реорганизованные въ 1567—1569 г., когда образовалось пять полковъ: гвардейскій, Пикардійскій, Шампанскій, Пьемонтскій и Наваррскій; съ этими постоянными народными полками началась уже новая эра французской пѣхоты.

Легкая *конница* продолжала увеличиваться въ составѣ, сравнительно съ тяжелой, и въ 1554 году были организованы *Бриссакомъ* первые *драгуны*, которые, въ сущности, явились вначалѣ посаженной на коней ѣздящей пѣхотой, и были вооружены шпагой, аркебузой, сѣкирой и пистолетомъ, приторочннымъ къ сѣдлу. Командуя французскими войсками въ Пьемонтѣ, Бриссакъ организовалъ первый отрядъ драгунъ, съ цѣлью имѣть особый видъ войскъ для сопровожденія обозовъ, для развѣдокъ, для мелкихъ нападеній на тылъ противника, при преслѣдованіи и особенно, съ цѣлью возможно быстрѣе захватывать важные мѣстные предметы, къ которымъ не могла во́-время поспѣвать пѣхота. Они сражались, большею частью, въ *пѣшемъ* строю, оставляя своихъ лошадей подъ охраной всего нѣсколькихъ всадниковъ; въ бою они располагались преимущественно между пѣхотными колоннами, выстраивая нѣсколько шеренгъ, на значительныхъ интервалахъ одна отъ другой, для возможности послѣдовательной стрѣльбы, но не собираясь въ сомкнутыя части и рѣдко прибѣгая къ рукопашному бою на шпагахъ *). Большинство лошадей ихъ были

---

*) Происхожденіе названія «*драгунъ*» объясняется различно: нѣкоторые производятъ его отъ «draconarii»—римскихъ солдатъ, носившихъ на своихъ знаменахъ изображеніе дракона; другіе производили его отъ нѣмецкаго «tragen»—носить, выражая этимъ «переносную» пѣхоту. Наконецъ, возможно, что маршалъ Бриссакъ, для поднятія ихъ дѣятельности и уваженія къ самимъ себѣ, далъ имъ это имя съ цѣлью обозначить грозныхъ для противника мужественныхъ воиновъ. (*Brandt*, т. III, стр. 734, вын. *Susane*. «Histoire de la cavalerie, т. I, стр. 74; *Quarré de Verneuil*, стр. 115; *Пузыревскій*, ч. 2-ая, стр. 118 и др.).

захвачены у противника и не соотвѣтствовали собственно требованіямъ кавалерійскихъ лошадей того времени, а самое первоначальное названіе ихъ «gens de pied à cheval» показываетъ, что ихъ причисляли скорѣе къ пѣхотѣ, чѣмъ къ конницѣ.

Въ *артиллеріи*, при Генрихѣ II, продолжалось стремленіе сократить число калибровъ и появилась оффиціальная работа маркиза д'Эстре (Jean d'Estrées) «Memoir de l'artillerie», впервые устанавливающая знаменитые «шесть калибровъ Франціи» (six calibres de France), а именно *):

	Наименованія орудій.	Вѣсъ ядра.	Число лошадей запряжки.	Число орудій въ 1552 г.
1	Пушка.	33 фунта.	21	16
2	Большая кулеврина. . . .	15 »	17	6
3	Ложная кулеврина (bâtarde.)	7 »	11	12
4	Средняя кулеврина. . . .	2 »	4	6
5	Фоконъ.	1 »	3	?
6	Фоконно.	1/2 »	2	?

Вѣсъ орудія съ лафетомъ, для тяжелыхъ пушекъ, былъ указанъ въ 200 пудовъ (8000 фунтовъ), для фоконно—всего 20 пудовъ (800 фунтовъ).

Съ 1552 года, прекращается уже реквизиціонный способъ сбора лошадей для запряжки орудій, и учреждается постоянный комплектъ въ 4.000 артиллерійскихъ лошадей, сборомъ и содержаніемъ которыхъ, съ полной упряжью, завѣдуютъ 20 капитановъ «артиллерійскаго обоза» (du charroi d'artillerie) **).

Выводы.

Миромъ въ Като-Камбрези, въ 1559 году, закончилась 65-лѣтняя борьба Франціи съ Габсбургской монархіей за обладаніе Италіей, причемъ Генрихъ II отказался отъ Савои, Сіенны и Пьемонта, кромѣ Пиньероля и Савильяно ***).

*) Данныя этой таблицы, составленной по *Prince Napoléon-Louis Bonaparte* («Etudes sur l'artillerie,» т. I, стр. 201) и по *Jähns*'у («Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 654) не вполнѣ сходятся съ указанными размѣрами калибровъ въ трудѣ *Quarré de Verneuil* («L'armée en France»; стр. 118), у котораго вѣсъ ядра показанъ въ слѣдующей постепенности: 32 ф., 16 ф., 8 ф., 4ф., 1/16 ф., и 7/8 ф.

**) Тамъ-же, стр. 119.

***) Миръ былъ закрѣпленъ бракомъ короля испанскаго съ дочерью Генриха II, Елисаветой, и, какъ извѣстно, на турнирѣ, во время свадебныхъ торжествъ, король Генрихъ II былъ, по неосторожности, убитъ.

Стремленія французскихъ королей къ завоеваніямъ, по ту сторону Альпъ, завершились отказомъ отъ дальнѣйшаго расходованія силъ страны на веденіе предпріятій внѣ естественныхъ географическихъ границъ Франціи. Настойчивыя попытки Карла VIII, Людовика XII, Франциска I и Генриха II утвердиться въ Италіи, занять Римъ и Неаполь все еще имѣютъ отпечатокъ рыцарскихъ крестовыхъ походовъ: мечта овладѣть, если не гробомъ Господнимъ, то хотя-бы городомъ апостола Петра, какъ первымъ этапомъ для дальнѣйшаго завоеванія Святой Земли, необдуманное истощеніе средствъ страны въ безполезныхъ для ея блага экспедиціяхъ, жажда доказать свою силу, свое благородство въ «честномъ бою» и тщеславное стремленіе остаться побѣдителемъ, какихъ-бы жертвъ это не стоило странѣ—вотъ главнѣйшіе мотивы, побуждавшіе французскихъ королей къ продолженію ихъ упорной борьбы за преобладаніе въ Италіи.

Но съ одной стороны, встрѣча съ противникомъ болѣе крѣпкимъ внутренней силой, позволявшей расширить свое могущество внѣшними завоеваніями, съ другой — знакомство съ идеями классическихъ народовъ, сближеніе съ ними черезъ посредство той-же Италіи, бывшей главной ареной дѣятелей возрожденія наукъ и искусствъ,—дали толчокъ французскимъ вождямъ къ проникновенію ихъ новыми для того времени или, вѣрнѣе, забытыми идеями древнихъ народовъ: начинаетъ пробуждаться болѣе серьезное отношеніе къ войнѣ, на которую перестаютъ уже смотрѣть, какъ на средство къ осуществленію тщеславныхъ прихотей королей; не жажда рыцарскихъ приключеній, но благо собственнаго народа начинаетъ приниматься ими въ соображеніе, и потому отказъ Генриха II, миромъ въ Като-Камбрези, отъ дальнѣйшей политики авантюръ и несоотвѣтствовавшихъ благу Франціи предпріятій—слѣдуетъ считать, въ политической жизни государствъ западной Европы, однимъ изъ важнѣйшихъ знаменій времени конца эпохи возрожденія наукъ и искусствъ.

Политика благоразумія сопровождается и болѣе здравой *стратегіей*: въ 1536 году, король Францискъ I сознаетъ слабость своихъ силъ и не торопится въ лихомъ рыцарскомъ поединкѣ «сломать копье» съ противникомъ, какъ-бы ни были неравны шансы такого единоборства; онъ взвѣшиваетъ шансы успѣха борьбы и, руководимый коннетаблемъ Монморанси, принимаетъ совершенно несогласный со всѣми рыцарскими традиціями планъ дѣйствій—систематическаго уклоненія отъ боевого рѣшенія и постепеннаго ослабленія силъ противника лишеніемъ

его всѣхъ жизненныхъ средствъ, воскрешая этимъ опять-таки забытые способы веденія борьбы грековъ и римлянъ противъ несоразмѣрно сильнаго противника, примѣняя стратегію утомленія и замедленія окончательнаго рѣшенія неравной борьбы (Мемнонъ и Фабій Кунктаторъ).

Наконецъ, въ *тактикѣ* второй четверти XVI вѣка, мы видимъ разрывъ съ тактикой эпохи рыцарства: центръ тяжести боя переносится на *пѣхоту*, и 4—5 часовой бой гасконцевъ Монлюка, подъ Черизолой, является, въ этомъ отношеніи, наиболѣе убѣдительнымъ примѣромъ. И здѣсь мы не можемъ не видѣть вліянія дѣятелей эпохи возрожденія, и главнымъ образомъ Маккіавелли, утверждавшаго, что, по примѣру древнихъ народовъ, пѣхота должна составлять «главный нервъ арміи»; вышеприведенный составъ арміи Генриха II, въ 1551 году, указываетъ насколько уже проникло сознаніе важности этого рода оружія въ военныхъ организаторахъ той эпохи: пѣхота уже въ $1^1/_2$ раза превышала по численности конницу.

Огнестрѣльное оружіе уже не вызываетъ презрѣнія: уроки Ля-Бикоки и Павіи не прошли даромъ, и тотъ-же бой Монлюка доказываетъ, какое значеніе было придано именно *стрѣлковому* бою. Кавалерія уже не бросается опрометчиво на противника, безъ подготовки успѣха атаки артиллерійскимъ огнемъ, и даже для развѣдывательнаго боя ей уже придается артиллерія, для обезпеченія подвижности которой орудія получаютъ двойную запряжку, что уже служитъ первымъ шагомъ къ учрежденію впослѣдствіи конной артиллеріи (бой 10 апрѣля, 1544 г., передъ ср. при Черизолѣ). Тамъ-же, гдѣ подготовка атаки конницы слаба, она терпитъ, по прежнему, неудачу, если встрѣчаетъ неразстроенную боемъ пѣхоту (атака латниками гр. Энгіенскаго испанскихъ ветерановъ).

Это сознаніе необходимости искусно подготовить бой, прежде чѣмъ окончательно нанести ударъ, приводитъ уже къ первымъ проявленіямъ не примѣнявшагося при рыцаряхъ *управленія боемъ:* гр. Энгіенскій, хотя и становится еще, согласно прежнихъ традицій, во главѣ латниковъ, но выжидаетъ подготовки стрѣлковаго боя и нѣсколько разъ посылаетъ приказаніе Монлюку овладѣть домикомъ, а въ концѣ боя сосредоточиваетъ свои войска, для окруженія испанскихъ ветерановъ. Бой не рѣшается однимъ ударомъ, но затягивается на цѣлые часы, что должно было привести къ сознанію необходимости постепеннаго расходованія своихъ силъ и къ оставленію, для этой цѣли, въ своемъ распоряженіи,

сильныхъ резервовъ; практическаго выраженія этой идеи, тоже проникшей въ литературу эпохи возрожденія и осуществленной полководцами классическаго міра, мы однако еще, на поляхъ сраженій, не замѣчаемъ.

Итакъ, и въ политикѣ, и въ стратегіи, и въ тактикѣ, второй четверти XVI вѣка, несомнѣнно сказались вліянія эпохи возрожденія наукъ и искусствъ; древній міръ, привлекшій вниманіе дѣятелей этой эпохи, измѣнившій ихъ взгляды на различныя стороны общественной жизни, не могъ не послужить образцомъ и для военныхъ людей того времени, сознавшихъ свою отсталость сравнительно съ античными героями. Король Францискъ I, на рукахъ котораго умеръ великій поклонникъ классическаго міра—Леонардо де-Винчи, естественно пришелъ къ идеѣ воскресить и древне-римскіе образцы военной организаціи созданіемъ легіоновъ. *Духъ времени способствовалъ, такимъ образомъ, къ общему обновленію устарѣвшихъ формъ военнаго искусства средне-вѣковаго рыцарства по образцамъ, даннымъ классическими народами и къ освобожденію войны отъ схоластической условности и отживших предразсудковъ, усвоенныхъ военными дѣятелями предшествовавшей эпохи.*

ГЛАВА VI.

Стратегія и тактика конца XV и первой половины XVI вѣка.

Приведенные очерки постепеннаго развитія военнаго дѣла въ главнѣйшихъ европейскихъ державахъ, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, вмѣстѣ съ изложеніемъ главнѣйшихъ сраженій этой эпохи, позволяютъ намъ теперь, ознакомившись еще попутно съ взглядами выдающихся писателей того времени и вполнѣ сознательно проникнувшись духомъ дѣятелей XV и начала XVI вѣковъ, изложить главныя основанія тогдашней стратегіи и тактики и сдѣлать заключеніе о главнѣйшихъ боевыхъ порядкахъ 3-хъ родовъ оружія, а также о тѣхъ основаніяхъ, которыми руководствовались при ихъ построеніи.

Политика и стратегія.

Прежде всего, нельзя утверждать, какъ это принято считать въ современной литературѣ, что политическія цѣли войнъ того времени обыкновенно были мелочны, ничтожны и сводились къ отторженію у противника пограничной области или крѣпости; судя безпристрастно, мы должны придти къ выводу, что цѣлью войны государи того времени нерѣдко, по крайней мѣрѣ теоретически, ставили ниспроверженіе могущества сосѣдней державы и прочное основаніе собственнаго владычества, т.-е., задачи не менѣе значительныя, чѣмъ и въ войнахъ нынѣшняго вѣка; достаточно вспомнить вѣковую войну Англіи противъ Франціи, систематическую борьбу Испаніи противъ мавровъ, походъ Карла VIII въ Италію, съ мечтой созданія монархіи до Константинополя и Іерусалима, упорную борьбу Максимильяна, а затѣмъ Карла V противъ французскихъ королей, съ очевиднымъ стремленіемъ объединить, подъ своей властью, весь тогдашній германо-романскій міръ—всю западную Европу. Конечно, рядомъ съ такими войнами, были и войны,

преслѣдовавшія цѣли исключительно династическаго характера и не имѣвшія въ виду созданія крупныхъ политическихъ организмовъ.

Войны разсматриваемаго періода нельзя однако назвать вполнѣ народными войнами, преслѣдующими обще-народное благо; понятіе о національности еще не успѣло войти въ плоть и кровь народныхъ массъ, не опредѣлило для ихъ стремленій ясныхъ и положительныхъ цѣлей, достиженія которыхъ эти массы готовы были-бы преслѣдовать до самопожертвованія, не уступая передъ угрозой войны и сопряженныхъ съ нею бѣдствій. Войны велись скорѣе между монархами и правительствами, естественно быстрѣе созрѣвшими до идеи о своей собственной независимости и до тѣхъ политическихъ цѣлей, достиженіе которыхъ ставится исторіей, какъ задача управляемой ими страны. Тамъ однако, гдѣ борьба велась между народами, рѣзко отличавшимися по своему быту, культурѣ, расѣ и, главное, религіи, тамъ она уже приняла національный оттѣнокъ: испанецъ чувствуетъ себя уже дѣйствительнымъ врагомъ мавра, дерется съ нимъ по собственному убѣжденію, а не изъ одного только пассивнаго подчиненія волѣ своего монарха, и борьба Испаніи съ маврами является поэтому вполнѣ народной.

Нельзя однако отрицать, что желаніе округлить свои владѣнія, на счетъ сосѣда, даетъ поводъ къ многимъ войнамъ данной эпохи; и такое увлеченіе становится вполнѣ естественнымъ, если принять во вниманіе, что королевская власть, создавшаяся на западѣ путемъ присоединенія наиболѣе могущественнымъ феодаломъ къ его владѣніямъ ближайшихъ къ нему владѣній болѣе слабыхъ феодаловъ, должна была произвести затѣмъ рядъ послѣдовательныхъ усилій, чтобы объединить сдѣлавшіяся почти независимыми сосѣднія области болѣе сильныхъ вассаловъ, чтобы парализовать ихъ власть и создать Францію, священную Римскую имперію, Испанію... изъ разрозненныхъ вассальныхъ владѣній многочисленныхъ герцоговъ, графовъ, князей, курфюрстовъ и т. п.. Естественно, что, достигнувъ извѣстной степени объединенія областей, населенныхъ своимъ народомъ, т.-е., французами, нѣмцами, испанцами.... короли, какъ-бы въ силу инерціи, продолжали эти объединительныя стремленія и за предѣлы своихъ естественныхъ этнографическихъ границъ: Франція увлеклась присоединеніемъ Пьемонта и Миланскаго герцогства; Испаніи понадобилось Неаполитанское королевство; Германія, уже по

самому имени имперіи, стала добиваться присоединенія къ ней Италіи и Рима. Въ несчастной, по своему политическому состоянію, и счастливой, по географическому положенію, Италіи сталкиваются, такимъ образомъ, интересы трехъ наиболѣе сильныхъ державъ Европы, что и даетъ поводъ къ ряду упорныхъ войнъ между ними.

Взгляды выдающихся современниковъ этого, словно окутаннаго сѣрымъ туманомъ, давняго прошлаго на поводы и причины войнъ далеко не показываютъ такой отсталости въ сужденіяхъ о побудительныхъ причинахъ къ войнѣ, въ сравненіи съ нынѣшними взглядами, какъ это можно было-бы ожидать. Такъ, замѣчательны взгляды автора сочиненія. «*Вѣрный совѣтъ и мысли старика*»*), вышедшаго около 1522 года, приписываемаго нѣкоторыми историками извѣстному уже намъ Георгу Фрундсбергу и, во всякомъ случаѣ, написавшаго лицомъ, очень близко стоявшимъ къ императору Максимильяну I. Въ самомъ началѣ его, говорится, что надо остерегаться начинать войну изъ за мало-важныхъ причинъ, ради пустого тщеславія или надеждъ на какія-либо мелкія выгоды, но что, если война неизбѣжна, то необходимо напречь всѣ силы, для успѣшнаго ея веденія.

Недостаточность средствъ для борьбы являлась однако, въ большинствѣ случаевъ, препятствіемъ для дѣйствительнаго достиженія широкихъ политическихъ и стратегическихъ цѣлей; во-первыхъ, трудно было содержать вооруженную силу болѣе продолжительное время, необходимое для обширныхъ предпріятій, и во-вторыхъ, численность этой силы была тоже ограниченная, вслѣдствіе постоянной скудости финансовъ. И, какъ мы видимъ въ концѣ разсмотрѣнной эпохи, эти намѣчаемыя грандіозныя цѣли остаются невыполненными, и государи западной Европы, отказываясь отъ нихъ, ограничиваются утвержденіемъ своей власти въ указываемыхъ географіей страны естественныхъ рубежахъ, являвшихся вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большей или меньшей степени, границами національностей.

Какія-же были эти *средства для борьбы?* Мы уже упоминали, что Маккіавелли предлагалъ численность арміи доводить до 20—30.000 чел. Авторъ «Вѣрнаго совѣта» считаетъ даже возможнымъ ограничиться 10.000 пѣхотинцевъ, 1.500 латниковъ (которыхъ онъ все еще называетъ «Ritter») и достаточной артиллеріей. Изданная въ 1526 г. книга Отта: «Военные

*) «Trewer Rath und Bedenken eines Alten». Выдержки изъ этого сочиненія—у *Jähns'a* «Geschichte der Kriegswissenschaften», (т. I, стр. 474—477).

порядки» рекомендуетъ имѣть армію въ 20—30.000 ч., что и слѣдуетъ, повидимому, считать нормальной силой армій того времени, такъ какъ она является дѣйствительно преобладающей въ походахъ первой половины XVI вѣка. Въ концѣ этой эпохи, какъ мы видѣли, численность армій возрастаетъ такъ, что вооруженныя силы всей Франціи достигаютъ огромной, для того времени, численности въ 150.000 чел., но это были уже всѣ военныя средства страны, а для операцій въ полѣ все-таки нельзя было сосредоточить болѣе 40—50.000 человѣкъ.

Съ такими слабыми численно арміями, конечно, трудно было выполненіе широкихъ замысловъ; и для достиженія болѣе скромныхъ намѣчаемыхъ цѣлей являлась необходимость направлять всѣ эти силы сосредоточенно, въ одной массѣ, цѣликомъ; и дѣйствительно, какъ указываетъ военная исторія того времени, арміи воюющихъ сторонъ не разбрасывались черезмѣрно, но дѣйствовали довольно сосредоточенно. Трудность формированія армій и недостатокъ въ наличности годнаго къ военной службѣ матеріала, побуждали къ черезвычайно осторожному образу веденія войны; въ случаѣ одного крупнаго пораженія, вся кампанія обыкновенно бывала проигранной, тѣмъ болѣе, что рѣдкія, сами по себѣ, сраженія имѣли, по большей части, очень рѣшительные результаты, а преобладающее дѣйствіе холоднымъ оружіемъ было причиной значительной кровопролитности боевыхъ столкновеній *); доставить-же на театръ войны новыя силы, на замѣну разбитаго войска, представлялось обыкновенно невозможнымъ.

Вотъ почему насъ нисколько не должны удивлять совѣты тогдашнихъ военныхъ писателей держаться осторожнаго, выжидательнаго образа дѣйствій и не рѣшаться на бой, пока нѣтъ совершенно вѣрныхъ данныхъ для успѣха въ немъ. Такъ, дю-Беллэй (du Bellay Langey), въ сочиненіи своемъ «Военная дисциплина» **), говоритъ, что полководецъ до тѣхъ поръ не долженъ рѣшаться на бой, («hazarderune iournée»), пока онъ не увѣренъ, что всѣ выгоды на его сторонѣ. Вторженію болѣе сильнаго противника (quand on est

*) Исключеніе составляли войны кондотьеровъ, которыя, какъ выше указано, были весьма некровопролитны, но они, въ сущности, между собой и войнъ не вели,—это былъ, такъ-сказать, рядъ компромиссовъ, которые имѣли цѣлью лишь оправдать ихъ собственное кондотьерское «raisond'être».

**) «Discipline militaire». Lyon. 1592; (стр. 109 пр.) Іенсъ пользовался изданіемъ 1535 года, подъ заглавіемъ «Instruction sur le faict de la guerre», въ которомъ имени автора не указано, почему онъ дѣлаетъ предположеніе, что авторъ его самъ король Францискъ I («Gechichte»... т. I, стр. 498), но въ экземплярѣ изданія 1592 года, авторъ прямо названъ *Guillaume du Bellay Langey*,

assailly en son pais et que les ennemis ont meilleurs Soldats et plus gros nombre) слѣдуетъ противопоставить не бой, но стараніе выиграть время («temporiser contre l'ennemy»), снабжать крѣпости гарнизонами, истреблять продовольственныя средства, которыми можетъ воспользоваться противникъ, и выжидать прибытія подкрѣпленій, при которыхъ обстановка можетъ сдѣлаться болѣе благопріятной для боя.

Дю-Беллэй полагаетъ, что защита собственныхъ предѣловъ, при непріятельскомъ вторженіи, выгоднѣе, чѣмъ самому производить таковое въ страну противника, если послѣдній также могущественъ, какъ король Франціи. Мы видѣли, какъ отразились такіе взгляды въ кампанію 1536 года, въ Провансѣ.

Въ такомъ-же родѣ и совѣты нѣмецкаго писателя, Лазаря *Швенди* (Lazarus von Schwendi), въ сочиненіи его «Kriegs Discurs, Von Bestellung des ganzen Kriegswesens» *), въ введеніи къ которому говорится, что счастье на войнѣ, подобно игрѣ въ кости, имѣетъ различные шансы, а потому самыя большія выгоды даетъ игра безопасная, при которой не слѣдуетъ слишкомъ много рисковать, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть сдержаннымъ, когда обстоятельства складываются несчастливо; чтобы не потерять сразу все, лучше выждать, пока счастье не повернется въ нашу сторону. Лучше ничего не завоевать, чѣмъ потерпѣть убытокъ и кое-что потерять; поэтому полководецъ не долженъ, безъ нужды, подвергать опасности своихъ подчиненныхъ и вообще долженъ стремиться избѣгать боя **). Кто ведетъ войну такъ, чтобы ничего не потерять, тому случай дастъ, навѣрное, возможность и кое-что выиграть. Кто имѣетъ возможность подчинить противника своей волѣ помощью голода или выжиданія, тотъ дѣйствуетъ неблагоразумно, если онъ рискуетъ боемъ. Только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ возможности долго держаться противъ непріятеля, хотя-бы и сильнѣйшаго, приходится ввѣрять свое счастіе случайности боя.

Взглядъ Швенди на веденіе оборонительной и наступательной войны совершенно противуположенъ только что изложенному взгляду дю-Беллэй, такъ-какъ нѣмецкій писатель считаетъ гораздо болѣе безопаснымъ атаковать противника въ его собственной странѣ, чѣмъ ждать его у себя. «Кто ограничивается обороной, говоритъ онъ, тотъ можетъ много проиграть и мало выиграть. Кто-же ведетъ наступательную войну, тотъ поражаетъ самое сердце противника и видитъ близко выигрышъ» («Der Gewinn steht ihm vor den Augen»).

*) Первое изданіе этого сочиненія относится къ 1575 г., но написано оно, вѣроятно, въ 50-хъ годахъ, XVI вѣка, такъ-какъ въ предисловіи высказывается императору Карлу V благодарность, за просмотръ присланной рукописи, и къ 1558 году относятся анонимныя сочиненія «Forma und Ordnung eines Kriegsbuechеs» и др., которыя очень близко подходятъ къ указанному труду Швенди. Публичная библіотека (Залъ 5, шк. 22, п. 10 № 139) обладаетъ 3-мъ изданіемъ этого сочиненія, 1605 года.

**) «Kriegs Discurs». Стр. 83 (изд. 1605 г.).

Взгляда Швенди на рискованность боя, какъ средства стратегіи, держались также итальянскіе военные писатели; подъ вліяніемъ Вегеція, даже Маккіавелли, какъ мы видѣли, считалъ бой слишкомъ опаснымъ дѣломъ, чтобы часто рѣшаться на него, а изъ его послѣдователей, Гаримберто говорилъ даже, что «безкровная побѣда много славнѣе, чѣмъ кровопролитная»*).

Слабое разрушительное дѣйствіе артиллеріи того времени давало обороняющемуся, прикрытому непроницаемыми для артиллерійскихъ снарядовъ стѣнами, значительныя преимущества сравнительно съ атакующимъ, принужденнымъ двигаться открыто; въ силу такого соотношенія между атакой и обороной, мы видимъ непомѣрный ростъ всякаго рода оборонительныхъ фортификаціонныхъ построекъ; массивныя стѣны и глубокіе рвы окружаютъ многочисленные замки, цитадели и крѣпости и создаютъ наступающему весьма внушительныя преграды. Отдѣлять часть своихъ силъ, для наблюденія за встрѣчающимися по пути крѣпостями, и продолжать далѣе свое движеніе, къ «центру могущества противника», наступающій не могъ, вслѣдствіе слабости своей немногочисленной арміи, и потому приходилось: или заняться продолжительной осадой главнѣйшихъ изъ встрѣчающихся на пути движенія крѣпостей, или, если осада не давала скорыхъ результатовъ, то ограничиться дѣйствіями малой войны, раззорить непріятельскія владѣнія, разграбить его беззащитно расположенные и болѣе богатые города. Этотъ разбойничій характеръ войны, получившій значительное распространеніе и извѣстный подъ спеціальными названіями: «chevauchée», «fehdée» или «streiffen», иногда достигалъ намѣченной политической цѣли, такъ какъ, раззоряя страну противника, лишая его необходимыхъ для борьбы матеріальныхъ средствъ,—тѣмъ самымъ побуждалъ уступить волѣ хищнаго грабителя, лишь-бы прекратилось причиняемое имъ бѣдствіе. Такого рода предпріятія удавались, конечно, тогда, когда противникъ не былъ своевременно готовъ къ оборонѣ своихъ предѣловъ, не могъ сосредоточить достаточныхъ войскъ въ пограничныхъ областяхъ, внезапно подвергшихся неожиданному вторженію. Если не удавалось такимъ образомъ предупредить противника, и намѣченный цѣлью налета пунктъ оказывался защищеннымъ достаточнымъ гарнизономъ, то приходилось прибѣгать къ его осадѣ или, по край-

*) E piu gloriosa la vittoria senza sangue che insanguinata» (Garimberto. «Il capitane generale», Venezia. 1540. Выдержка у Іенса «Geschichte», т. I, стр. 578—585).

ней мѣрѣ, къ его обложенію, при чемъ въ ходу были разныя искусныя военныя хитрости, чтобы овладѣть городомъ, привлекавшимъ вниманіе наступавшаго своей добычей; одинъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ дѣйствій, при подобныхъ предпріятіяхъ, заключался въ атакѣ города недостаточными, съ перваго взгляда, силами, сохраняя скрытно, въ засадѣ, свои главныя силы; послѣ перваго столкновенія, атакующій обращался въ притворное бѣгство и выманивалъ за собой гарнизонъ крѣпости, который, торжествуя побѣду, переходилъ въ наступленіе и затѣмъ подвергался неожиданному нападенію, а часто и окруженію находившимися въ засадѣ силами.

Предпочтеніе, оказываемое партизанскимъ дѣйствіямъ и малой войнѣ, во многомъ зависѣло отъ состава армій и отъ ихъ содержанія. Правительство не было въ состояніи принять на себя заботы по снабженію армій всѣмъ необходимымъ для войны; какъ мы уже видѣли, наемники должны были являться вооруженными, обмундированными и даже снабженными извѣстнымъ запасомъ продовольственныхъ припасовъ; слабыя финансовыми средствами государства не могли заводить даже самыхъ слабыхъ зачатковъ интендантскихъ учрежденій, и единственныя мѣры, принимавшіяся для обезпеченія войскъ довольствіемъ, заключались въ привлеченіи купцовъ и разныхъ предпринимателей къ участію въ снабженіи и въ продажѣ войскамъ всего имъ необходимаго. Около лагерей устраивались ярмарки и базары, а многочисленные маркитанты и всякаго рода промышленники сопровождали войска; единственное, о чемъ старалось правительство,—это упорядоченіе этой торговли, установленіемъ на главнѣйшіе продукты таксы, облегчая, такимъ образомъ, пріобрѣтеніе ихъ войсками по сходнымъ цѣнамъ. Военнаго хозяйства не существовало, такъ-какъ каждый воинъ былъ самъ себѣ хозяиномъ. При подобныхъ условіяхъ, очевидно была настоятельно необходима самая регулярная выдача денежнаго содержанія, такъ какъ, при малѣйшихъ задержкахъ въ его выдачѣ, арміи были обречены на голодовку. Распущенный образъ жизни наемниковъ, страсть къ азартнымъ играмъ и къ пьянству... вело къ тому, что наемники всегда нуждались въ деньгахъ. Съ другой стороны, не окрѣпшій еще государственный организмъ тоже постоянно нуждался въ денежныхъ средствахъ, и правительство часто оказывалось не въ силахъ выполнить принятыхъ на себя обязательствъ, по уплатѣ содержанія наемникамъ. Поневолѣ, приходилось тогда полководцу прибѣгать къ другимъ способамъ для удовлетво-

ренія насущныхъ нуждъ своей арміи; единственнымъ способомъ являлось пропитаніе войскъ средствами страны—контрибуціями и реквизиціями, которыя, по дикости нравовъ, по разнузданности наемниковъ и по недостатку организаціи въ трудномъ дѣлѣ упорядоченнаго пользованія средствами страны,—обращались въ рядъ грабежей и насилій.

Безнаказанность, съ которой разбойничали всякаго рода искатели приключеній и даже рыцари, въ эпоху среднихъ вѣковъ, и особенно въ періодъ междуцарствія въ Германіи, во время господства кулачнаго права, побуждали мирныхъ жителей скрывать свое достояніе за крѣпкими стѣнами крѣпостей и многочисленныхъ «бурговъ». Чтобы обезпечить себя отъ хищниковъ, горожане сами принимали рядъ мѣръ къ усиленію обороны городовъ, заводили артиллерійскія орудія, образовали городскія милиціи, склады огнестрѣльныхъ припасовъ и т. п. Способность къ самостоятельной защитѣ городовъ, при общемъ разцвѣтѣ городской жизни, явилась причиной значительнаго увеличенія числа укрѣпленныхъ пунктовъ, и вотъ, въ позднѣйшую эпоху, когда прекращаются уже открытые грабежи мирнаго времени, но за то являются грабителями непріятельскіе наемники,—вполнѣ естественно, что жители стали прибѣгать къ тому-же способу защиты своего достоянія, укрывая его въ городахъ. При приближеніи враждебной арміи (а иногда и своей собственной), все сельское населеніе бѣжало въ города, со всѣмъ своимъ скарбомъ и, затрудняя этимъ еще болѣе продовольствіе войскъ мѣстными средствами, тѣмъ самымъ побуждало ихъ къ многочисленнымъ осадамъ городовъ, взятіе которыхъ сопровождалось полнымъ разграбленіемъ собранныхъ въ нихъ богатствъ. Какія возмущенія наемниковъ грозили въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства мѣшали имъ удовлетворить свои аппетиты, мы видѣли на примѣрѣ похода Фрундсберга и Бурбона къ Риму, въ 1527 г., когда даже заключенное перемиріе не могло остановить полководца въ разграбленіи его войсками столицы классическаго міра.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что и раззорительные для мирныхъ жителей грабежи, и склонность къ веденію осадъ городовъ, и предпочтеніе мелкихъ партизанскихъ дѣйствій, и отказъ отъ теоретически сознаваемыхъ важныхъ стратегическихъ цѣлей... являлись *естественными результатами неудовлетворительной*, съ нашей современной точки зрѣнія, *организаціи вооруженныхъ силъ государствъ, слишкомъ еще*

слабыхъ, чтобы создавать сильныя арміи, хорошо обезпеченныя всѣмъ необходимымъ для ихъ жизни и плодотворной боевой дѣятельности. Заботы по доставленію себѣ насущнаго хлѣба, по снабженію оружіемъ, по сохраненію, наконецъ, самой вооруженной силы, которой ничѣмъ другимъ нельзя было скоро замѣнить и пополнить, поневолѣ, придавали извѣстное направленіе дѣятельности въ кампаніи тогдашнихъ армій, и заставляли порой отказываться отъ предположенныхъ болѣе широкихъ задачъ и болѣе важныхъ цѣлей.

Крупныя боевыя столкновенія въ открытомъ полѣ имѣли обыкновенно въ виду освобожденіе крѣпости, осажденной противникомъ, часто даже просто снабженіе осажденнаго гарнизона продовольственными припасами, усиленіе числа защитниковъ и поднятіе этимъ ослабѣвающей въ нихъ энергіи; а съ другой стороны, отраженіе деблокирующей арміи, съ цѣлью получить возможность свободно продолжать начатую осаду и недопущеніе къ усиленію средствъ обороны (Равенна, Павія, Черизола). Къ такому бою, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, полководцы стараются сосредоточить все, что имѣется въ его распоряженіи; тыла у тогдашнихъ армій, въ современномъ смыслѣ слова, большею частью, не было, такъ какъ «база» была преимущественно при себѣ, и расходъ войскъ, вызываемый обезпеченіемъ ея, оказывался ненужнымъ. Только демонстративныя дѣйствія, съ цѣлью отвлечь вниманіе противника къ другимъ пунктамъ и заставить его отдѣлить часть силъ для ихъ прикрытія, вызывали иногда ослабленіе главныхъ силъ, но, какъ мы видѣли передъ сраженіемъ подъ Павіей, стратегическая мысль уже развилась настолько, что лучшіе полководцы (въ данномъ случаѣ—Пескара) сознательно выясняютъ опасность подобнаго раздробленія силъ и не поддаются искушенію преслѣдовать сразу нѣсколько цѣлей, разумно отдавая предпочтеніе важнѣйшей, для достиженія которой и напрягаютъ свои сосредоточенныя силы.

Когда политическія цѣли войнъ оказывались менѣе важными для всего народа, когда войны получали характеръ болѣе династическій, партійный, то это немедленно отражалось и на относительной важности стратегическихъ цѣлей: въ подобной борьбѣ уже *самая наличность солидной вооруженной силы*, въ соединеніи съ обладаніемъ извѣстнымъ числомъ мѣстныхъ пунктовъ, хотя-бы и второстепеннаго значенія, часто—неважнымъ укрѣпленнымъ замкомъ,—считалось уже на

столько значительнымъ преимуществомъ, что казалось слишкомъ неблагоразумнымъ рисковать своей арміей и дать бой, который перѣдко приводилъ въ полное разстройство даже армію побѣдителя и, въ большинствѣ случаевъ, лишалъ побѣжденнаго всей его вооруженной силы. Трудность образованія армій, недостатокъ матеріальныхъ средствъ, для ихъ формированія, и относительная слабость побудительныхъ мотивовъ для борьбы, — до извѣстной степени дѣлали въ такихъ случаяхъ вполнѣ естественнымъ отказъ отъ важнѣйшей боевой цѣли, которая, казалось-бы, должна, во всѣ времена, являться разсѣяніемъ и уничтоженіемъ вооруженной силы противника.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ *организаціи высшаго управленія арміей.* Военно-историческіе примѣры, нами приведенные, показываютъ, что во главѣ армій являлись часто два полководца, которымъ было вручено высшее командованіе, либо на равныхъ правахъ, либо одинъ изъ нихъ являлся какъ-бы неоффиціальнымъ товарищемъ другого. (Кардона и Наварро, Авельяно и Петильяно, Пескара и Ланнуа, Фрундсбергъ и Бурбонъ и т. п.). Часто къ такому двоевластію побуждалъ неоднородный составъ войскъ, изъ союзныхъ контингентовъ, во главѣ которыхъ неудобно было ставить, по политическимъ причинамъ, одного полномочнаго вождя; кромѣ того, двоеначаліе перѣдко вызывалось недостаткомъ довѣрія верховной власти къ избраннымъ ею полководцамъ; вѣдь послѣдніе, въ концѣ концовъ, являлись тѣми-же наемниками, а примѣръ Бурбона, перешедшаго на сторону враговъ Франціи, казалось, могъ лишь поддержать основательность подобнаго недовѣрія, побуждая учреждать взаимный контроль между главными полководцами. Вполнѣ сознавая невыгоды такого двоеначалія, современные писатели побуждаютъ монарха, — избрать лицо, которому онъ могъ-бы вполнѣ довѣриться *). Разъ такой выборъ полководца сдѣланъ, то признается необходимымъ предоставить ему полную свободу дѣйствій, за исключеніемъ лишь рѣшенія вопроса о мирѣ или перемиріи; «чтобы онъ могъ пользоваться собственнымъ разсудкомъ, что

*) Въ числѣ требованій, предъявляемыхъ образцовому полководцу, Гильомъ дю-Беллэй ставитъ, между прочимъ, то, чтобы онъ имѣлъ дѣтей (!) «такъ какъ это составляетъ уже гарантію государству, что онъ не замыслитъ ничего противъ послѣдняго; и если они (дѣти) малы, то они послужатъ въ качествѣ залога и узды для отца, который не предприметъ чего-либо вреднаго для своей страны, изъ опасенія потерять своихъ дѣтей...» («Discipline militaire», 1592. Livre II, стр. 93). Вотъ какъ далеко шла заботливость о вѣрности полководца своему правительству!

принесетъ гораздо лучшіе результаты, чѣмъ ограниченіе его задачи», какъ говоритъ дю-Беллэй *). Если-же монарху не на кого положиться, то самое лучшее рѣшеніе—самому стать во главѣ своего войска. Мы видимъ поэтому такъ часто французскихъ королей во главѣ своихъ армій, командованіе которыми является, такимъ образомъ, объединеннымъ самымъ надежнымъ образомъ.

Взгляды дю-Беллэй на необходимость «полной мочи полководца» можно назвать прямо современными: «что касается вопроса дать или не дать сраженіе, — говоритъ онъ, — или наступать, или остановиться, или осадить тотъ или другой городъ, словомъ, вести войну, какъ ему (полководцу) кажется соотвѣтствующимъ, — то король не долженъ въ это вмѣшиваться, но лишь предоставить ему необходимыя средства. Въ противномъ случаѣ, желаніе управлять издали, помощью курьеровъ и командированныхъ лицъ, будетъ лишь причиной того, что его полководецъ мало будетъ прилагать заботъ въ отправленіи своихъ обязанностей, сдѣлается медленнымъ и нерѣшительнымъ, вмѣсто того, чтобы быть быстрымъ и отважнымъ, потому что онъ убѣдится, что, даже сдѣлавъ блестящее дѣло, — не ему будетъ принадлежать хвала за это, но тому, кто подалъ соотвѣтствующій совѣтъ королю... *Только тотъ можетъ вести благоразумно дѣло, кто находится на мѣстѣ и знаетъ тысячи мелкихъ деталей, которыя необходимоэ идѣть вблизи и которыя могутъ явиться ежечасно; не видя ихъ воочію, невозможно подать другого совѣта, какъ только на-удачу*». Дю-Беллей признаетъ однако, что, въ его время, часто являются примѣры, когда управляютъ войсками издали, и указываетъ, что примѣръ этому подала венеціанская республика, генералы которой «теряютъ удобные случаи для боя или штурма какого-нибудь города, такъ какъ они принуждены запрашивать, по такому поводу, мнѣнія Сената и, ожидая отвѣта, ничего не предпринимаютъ; и вотъ время проходитъ, а противникъ принимаетъ мѣры для противодѣйствія». Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ сознательно и благоразумно относились дѣятели еще XVI вѣка къ тому, что у насъ принято называть порицательномъ именемъ «гофкригсрата».

Упомянутое выше сочиненіе «Вѣрный совѣтъ» (Trewer

---

*) «....qu'il puisse user de son sens; il s'en trouvera beaucoup mieux que s'il luy limite sa comission». («Discipline militaire», стр. 94).

Rath) предостерегаетъ монарха, чтобы онъ не допускалъ двоевластія въ арміи, а также не вручалъ-бы высшаго командованія арміей простому дворянину, какъ-бы онъ ни былъ опытенъ и искусенъ, такъ какъ графы, рыцари и прочіе сановники не будутъ охотно служить и подвергать свою жизнь опасности, ради славы малоуважаемаго ими дворянина. Главнокомандующему должно быть предоставлено безусловное право распоряжаться всѣми ему подвѣдомственными чинами, и всѣ лица, которыя, по его мнѣнію, недостаточно быстро ему подчиняются, должны быть имъ увольняемы изъ арміи *).

Полководцы—герои Равенны, Мариньяно, Павіи и другихъ сраженій той отдаленной эпохи,—являются уже достойными представителями новой военной системы, образовавшейся сравнительно быстро въ новыхъ европейскихъ государствахъ; Гастонъ де-Фуа, Наварро, Пескара, Фрундсбергъ, Колонна и Бурбонъ умѣло ведутъ войска на театрѣ военныхъ дѣйствій, искусно подготовляютъ успѣхъ боевого столкновенія, цѣлесообразно пользуются уже мѣстными условіями для усиленія своего расположенія, ловко избѣгаютъ боя, если онъ имъ невыгоденъ, и пользуются, соотвѣтственно обстановкѣ, одержанными успѣхами. Еще мало замѣтно на военныхъ дѣйствіяхъ печати *научной* разработки военнаго дѣла, которое въ эту эпоху является преимущественно *ремесломъ*, для низшихъ исполнителей и *искусствомъ* par excellence, для высшихъ руководителей военныхъ дѣйствій. Недостатокъ научной подготовки полководцевъ сказывается чаще всего въ *отсутствіи планосообразности* въ ихъ боевой дѣятельности; планъ кампаніи или вовсе не подготовляется или намѣчается лишь въ умѣ главнокомандующаго въ самыхъ общихъ чертахъ, при чемъ стратегическая идея, въ большинствѣ случаевъ, находится въ самой зачаточной формѣ; тѣмъ не менѣе открытіе похода Франциска I, въ 1515 году, и планъ Монморанси, для кампаніи 1536 года, уже представляютъ два поучительныхъ образца стратегіи, основанной на положительныхъ реальныхъ данныхъ и проведенной въ жизнь, съ отказомъ отъ личныхъ побужденій полководца, въ которыхъ прежде, на первомъ планѣ, играло желаніе отличиться въ рыцарскомъ единоборствѣ. Въ искусствѣ подготовки тактическаго столкновенія, мы уже никакъ не можемъ отказать вышеперечисленнымъ полководцамъ, которые, вмѣстѣ съ разумнымъ пользованіемъ свойствами разныхъ родовъ оружія и имѣвша-

*) *Jähns*; «Geschichte» т. I, стр. 474.

гося въ ихъ распоряженіи вооруженія, а также соотвѣтственнымъ тактическимъ свойствамъ мѣстности расположеніемъ своихъ войскъ, сознаютъ уже и важность нравственной подготовки войскъ, стремятся поднять духъ ихъ возбужденіемъ въ войскахъ религіозныхъ и себялюбивыхъ чувствъ, указывая тѣ блага будущей и настоящей жизни, которыя могутъ быть достигнуты побѣдой надъ врагомъ.

Возрожденіе наукъ и искусствъ, побудившее передовыхъ людей, а въ томъ числѣ и выдающихся военачальниковъ, къ изученію античныхъ образцовъ, повліяло на научную постановку важнѣйшихъ военныхъ вопросовъ, побудило къ изученію дѣйствій великихъ полководцевъ классическаго міра, къ изслѣдованію организаціи, стратегіи и тактики предводимыхъ ими армій, и потому въ послѣдующую эпоху, по примѣру Маккіавелли, Клеве, Швенди и другихъ, мы видимъ уже строго-научное отношеніе къ военному дѣлу, можетъ быть, даже увлеченіе научно-исторической точкой зрѣнія, подавшей поводъ къ извѣстнаго рода схоластикѣ.

Такимъ образомъ, теоретическіе взгляды современниковъ на войну были далеко не такими отсталыми, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда, но практически разсматриваемая эпоха даетъ намъ мало мастерскихъ стратегическихъ образцовъ, повторяемъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе несовершенства того орудія, которое имѣлось въ распоряженіи полководцевъ того времени, что, въ свою очередь *зависѣло отъ слабости самой государственной власти, отъ недостатка еще прочной связи между отдѣльными частями государственнаго организма и отсутствія въ нихъ яснаго народнаго самосознанія.*

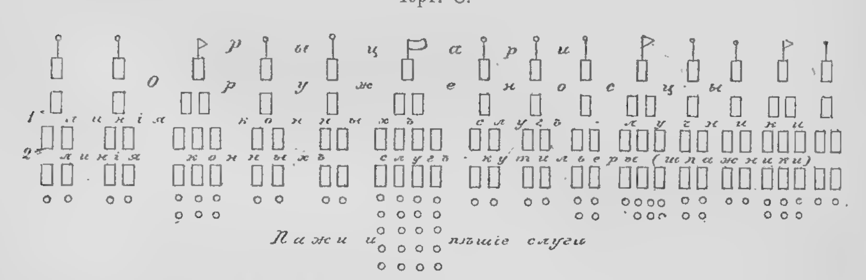
Тактика.

Эпоха возрожденія наукъ и искусствъ, устранившая преобладаніе остатковъ средне-вѣковаго рыцарства, несомнѣнно повліяла и на замѣну устарѣвшихъ формъ рыцарской *тактики* новыми тактическими пріемами, соотвѣтствовавшими новой организаціи вооруженныхъ силъ. Со 2-й половины XV вѣка, открывается въ области военнаго искусства *переходная эпоха,* главная характерная черта которой заключалась въ проявленіи негодности старыхъ тактическихъ порядковъ рыцарскихъ ополченій, тогда какъ новые порядки еще не выработались появившимися на замѣну рыцарей наемниками. При постоянно возраставшемъ значеніи огнестрѣльнаго оружія и преимущественно дѣйствовавшей имъ пѣхоты, тактика испытываетъ рядъ колебаній и не успѣваетъ еще выработать строго установив-

шихся норм. Поэтому чуть-ли не каждый поход даетъ намъ примѣръ новой тактики, новыхъ тактическихъ усовершенствованій.

Эта шаткость во взглядахъ, наиболѣе характерная въ примѣненіи самыхъ разнообразныхъ боевыхъ порядковъ, подаетъ поводъ къ еще большей путаницѣ въ понятіяхъ, вслѣдствіе сложной организаціи армій переходной эпохи: доживающія свои послѣдніе дни рыцарскія ополченія, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они созывались, а вначалѣ и ордоннансовая конница ведутъ еще бой въ старинномъ, выработанномъ средневѣковыми традиціями строѣ «частоколомъ» (en haie), тогда какъ наемники принимаютъ своеобразныя сомкнутыя построенія «ежомъ» (Jgel, en herisson), кругомъ, или квадратомъ,

Черт. 8.



Рыцарскій строй «частоколомъ» (en haie). (По Маркову).

соотвѣтствовавшія оборонительной идеѣ; для наступленія-же строятся «клиномъ», а появившіяся въ арміи городскія и земскія ополченія развиваютъ преимущественно стрѣлковый бой, принимая болѣе удобные для него удлиненные по фронту боевые порядки.

Конница. До конца XV вѣка, тяжело вооруженная дворянская конница, сохранившая традиціи рыцарства, все еще является преобладающимъ родомъ оружія и въ количественномъ и, отчасти, въ качественномъ отношеніи; въ ней лежалъ еще центръ тяжести тогдашнихъ армій; она одна была наступательнымъ родомъ войскъ, и дѣйствія ея рѣшали участь боя, почему мы и начнемъ съ нея изслѣдованіе тактическихъ формъ различныхъ родовъ оружія.

Высокое индивидуальное достоинство средне-вѣковаго рыцаря, а вмѣстѣ съ тѣмъ, его гордость и тщеславіе выработали примѣнительный къ этимъ качествамъ боевой строй «частоколомъ» (черт. 8), доставлявшій полный просторъ для проявленія личнаго мужества, отваги и умѣнья

владѣть оружіемъ (т.-е., всего, что требовалось отъ рыцаря), дававшій возможность для ряда личныхъ единоборствъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускавшій, «чтобы одинъ рыцарь служилъ щитомъ для другого» *), чего не могла позволить честь рыцаря, которому нельзя было становиться, прикрываясь съ фронта переднимъ бойцомъ.

Такимъ образомъ, получился разомкнутый строй въ одну линію всѣхъ отдѣльныхъ «копій» рыцарей, съ оруженосцами, пажами и конными слугами. Въ сущности, этотъ «частоколъ» нельзя даже назвать строемъ; интервалы, число линій, количество рядовъ, какъ показываетъ схема, были далеко не одинаковыми и зависѣли отъ усмотрѣнія рыцаря, степени его знатности и числа имѣвшихся въ его распоряженіи слугъ **). Состоявшіе въ копьяхъ лучники завязывали подготовительный бой впереди и наводили противника на «частоколъ» своихъ рыцарей, быстро скрываясь за ними, когда начинались единоборства предводителей копій (glevener'овъ). Удаленіе лучниковъ отъ рыцарей не превышало 80—100 шаговъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ отступленія первыхъ, послѣдніе могли-бы, атакуя противника, не утомить чрезмѣрно своихъ коней, что, при тяжелыхъ доспѣхахъ всадника и боевого коня, не могло быть успѣшно достигаемо на большія дистанціи. При этомъ кодексъ рыцарскихъ правилъ строго опредѣлялъ мѣсто каждаго рыцаря и право на начало имъ поединка, соотвѣтственно его рангу ***). Вслѣдъ затѣмъ слѣдовало столкновеніе, болѣе или менѣе параллельное по всему фронту; численное соотношеніе, а еще болѣе сила вооруженія, нравственное превосходство и всякаго рода случайности обусловливали исходъ боя. Наклонивъ копья, латники скакали галопомъ противъ своихъ противниковъ и послѣ первой сшибки, когда копья обыкновенно ломались,—брались за мечи.

Какъ видно, рѣшеніе боевого столкновенія мало зависѣло отъ искусства начальниковъ, которые заботились болѣе о томъ,

---

*) Современное рыцарямъ латинское двустишіе говорило:

«Ne scutum miles faciat de milite; sed se
Quisque suo fronte opposita, sponte offerat hosti».

(«Пусть не дѣлаетъ себѣ воинъ щита изъ другого воина, но пусть каждый самостоятельно станетъ лицомъ къ врагу»). *Rocquancourt.* «Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires». Bruxelles 1836; стр. 146.

**) *Марковъ.* «Исторія конницы»; (т. II, отд. I, стр. 73); *Михневичъ*, «Исторія военнаго искусства», (стр. 139—140).

***) Мы видѣли, какъ такое мѣстничество, при атакѣ противника, играло роль еще въ 1544 году, въ сраженіи при Черизолѣ (вын. на стр. 195). Смотри также *Martin du Bellay* («Mémoires»). (Liv. XX, стр. 325).

чтобы самимъ сразить побольше непріятельскихъ рыцарей, чѣмъ разумно управлять ввѣренными имъ отрядами. Король и оруженосецъ подвергались одинаковымъ опасностямъ боя и производили примѣрно одну и ту-же работу. «Vir virum legit» *)— вотъ, въ трехъ словахъ, вся тактика боя тяжелой конницы того времени, какъ говоритъ Роканкуръ.

Во время боя рыцарей, лучники и вообще такъ-называемые «сателлиты» располагались на флангахъ рыцарскихъ шеренгъ, продолжали вести перестрѣлку съ непріятельскими легкими всадниками, или, располагаясь позади «копій», выжидали удобнаго момента‘ чтобы броситься впередъ, когда передняя линія противника будетъ сломана; они накидывались затѣмъ на раненыхъ или спѣшенныхъ непріятельскихъ рыцарей, окружали и добивали ихъ, или забирали въ плѣнъ, а въ случаѣ неудачи — обращались въ быстрое бѣгство.

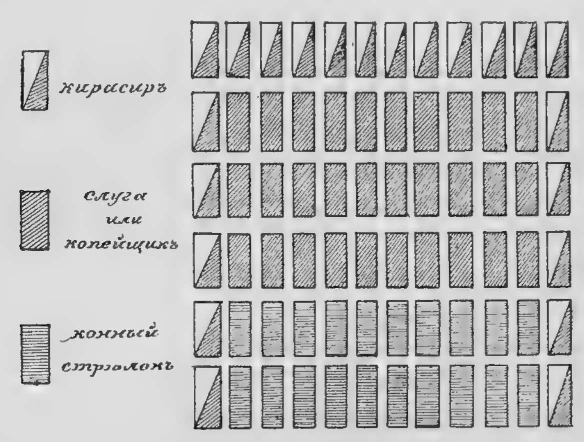
Латники ордоннансовыхъ ротъ сражаются уже частью въ одной, частью въ нѣсколько шеренгъ, которыя до боя тѣсно смыкались, но, при завязкѣ его, размыкались на достаточно значительные интервалы, допускавшіе хорошій разбѣгъ при послѣдовательныхъ атакахъ этихъ шеренгъ. По отступленіи на фланги легкихъ «сателлитовъ», первая шеренга латниковъ неслась галопомъ на противника, съ наклоненными копьями, и если первый шокъ опрокидывалъ противника, то слѣдующія позади шеренги уже не атаковали съ копьемъ, но врубались мечами въ поколебленную непріятельскую массу; одновременно бросались, для преслѣдованія, оруженосцы и лучники, а конныя слуги, какъ и прежде, занимались добиваніемъ раненыхъ, ловлей лошадей и окруженіемъ отдѣльныхъ непріятельскихъ бойцовъ. Побѣдоносные латники снова приводили свои линіи въ порядокъ и, если представлялся случай, продолжали свои атаки. Если-же атака первой шеренги кончалась неудачею, то она старалась отойти къ флангамъ, и вторая линія отдѣлялась отъ общей массы конницы и, въ свою очередь, пытала счастья въ атакѣ противника съ копьемъ въ рукѣ. При такомъ порядкѣ, кутильеры и конные слуги располагались уже за послѣдней шеренгой латниковъ, соединяясь, такимъ образомъ, со всѣхъ копій вмѣстѣ. Замѣчательно, что эти сателлиты, или «полукопья» прикрывались съ фланговъ расположенными по два, рядами, латниками, или, при недостаткѣ латниковъ, въ одинъ

*) «Мужъ мужа поучаетъ» (т.-е. въ смыслѣ взаимнаго соперничества въ рыцарскомъ поединкѣ (*Rocquancourt*, т. I, стр. 280).

рядъ, если только съ фланговъ не было пѣхоты, которая тогда замѣняла прикрытіе латниками *). Это-же построеніе вошло и въ тактику кирасиръ, которые въ Германіи соотвѣтствовали французскимъ ордоннансовымъ латникамъ. (Черт. 9).

Французская тяжелая конница была наиболѣе страшна своимъ противникамъ, и успѣхи, одержанные ею, показываютъ, что отвага латниковъ и хорошее ихъ вооруженіе нерѣдко побѣждали значительно превосходившія ихъ силы. Такъ, въ 1503

Черт. 9.



Боевой строй кирасиръ. (По Маркову).

году, при Чериньолѣ, 12 французскихъ латниковъ опрокинули 200 человѣкъ пѣхоты и 60 всадниковъ **). При Равеннѣ и Черизолѣ, латники опрокинули лучшую испанскую пѣхоту, при Мариньяно—швейцарцевъ.

---

*) *Филиппъ герцогъ Клеве,* въ сочиненіи своемъ «Description de la forme et de la manière de fonduire la faict de la guerre», (посвященномъ, въ 1498 г., королю Людовику XII и напечатанномъ лишь въ 1558 г., подъ другимъ заглавіемъ: «Instruction de toute manières de guerroyer tant par terre que par mer et choses y servantes»), такъ описываетъ современный ему порядокъ тяжелой конницы: «Et au costé droict de vos dicts pietons debuez mettre vos cheuaucheurs à scavoir 20 hommes d'armes de front et tousiours 20 ou plus selon le nombre que vous avez et derriere eulx tous les cousteilliers et autres gents de defense qui ne sont pas hommes d'armes. Et vous fault retenir encores un nombre d'hommes d'armes, que vous metterez deux à deux, qui se ioindront au dehors des derniers 20 hommes d'armes qui coureont d'un costé ces demy lances et cousteilliers et d'autre costé seront couuerts de leurs pietons».

Мы пользовались выдержками изъ французскаго оригинала у Іенса («Geschichte»; т. I, стр. 340), а также переводомъ сочиненія Клеве, помѣщенномъ во 2-й части «Kriegszbuch» Fronsperger'a; 1596, подъ заглавіемъ «Hertzog Philipsen von Cleue Kriegszordnung».

**) *Jähns.* «Handbuch», стр. 1068.

Германская конница, въ своихъ боевыхъ порядкахъ, не дала такого развитія единоличному бойцу и, въ стремленіи придать наступательный характеръ самой тактической формой боевого построенія, удержала для него грузный, неповоротливый строй «клиномъ», или «свиной головой»—«Eberkopf» (черт. 7, на стр. 25), заключавшійся въ томъ, что въ первой шеренгѣ становилось всего отъ 3 до 7 (преимущественно нечетное число) наиболѣе смѣлыхъ и лучше вооруженныхъ рыцарей, а въ остальныхъ шеренгахъ размѣщались всадники, числомъ на 2 рыцаря болѣе, чѣмъ въ предыдущей (т.-е., въ ариѳметической прогрессіи, имѣя ея знаменателемъ 2).

«1000 всадниковъ, говоритъ *Филиппъ фонъ-Сельденекъ* (въ сочиненіи своемъ «Verzaychnis der ordnung», написанномъ около 1480 года), слѣдуетъ поставить такъ: 7 всадниковъ въ 1-мъ ряду и 7 рядовъ впереди знамени (Banner); каждый рядъ какъ впереди, такъ и позади знамени, долженъ заключать двумя латниками болѣе впереди идущаго. Если число коней превышаетъ 1000, то можно образовать нѣсколько массъ (Haufen) или уширить голову клина (Spitz), поставивъ 9 или 11 коней въ первомъ ряду и добавивъ число рядовъ позади знамени» *). При такомъ порядкѣ получалась грузная масса въ 29 шеренгъ, при чемъ въ послѣдней—число всадниковъ было 63 (всего надо было 1015 всадниковъ).

Атакой подобнаго клина предполагалось прорвать непріятельскую массу и, разстроивъ ее, затѣмъ повернуть голову и атаковать массу противника съ тыла и вновь прорвать ее; однако движеніе подобнаго клина, а особенно перемѣна фронта, вѣроятно, были очень затруднительными: отдѣльнымъ всадникамъ, особенно фланговымъ, трудно было держать вѣрное направленіе, параллельное головѣ клина, такъ какъ строй не могъ давать двухъ оріентировочныхъ точекъ, какъ при четвероугольномъ построеніи (оба фланга); поэтому, при болѣе продолжительномъ наступленіи клина, онъ неминуемо долженъ былъ разрываться или быть причиной столпленія всадниковъ къ серединѣ строя. Кромѣ того, для противодѣйствія его атакѣ, самое простое средство было принятіе противной стороной расположенія изъ двухъ клиньевъ, меньшаго размѣра, искусно направляя которые, можно было охватить, какъ клещами, наступающую голову непріятельскаго клина и атаковать его боковыя стороны. Такія клиновыя построенія меньшихъ размѣровъ, дѣйствительно, примѣнялись, при томъ не только дробя ихъ по фронту, но и въ глубину, т.-е. располагая одну пару клиньевъ за другою.

Построеніе клиномъ давало возможность схватиться въ ру-

*) Его-же. «Geschichte», т. 1, стр. 328—329.

конашной схваткѣ очень ограниченному числу бойцовъ; весь расширяющійся тылъ, вся внутренность клина, могли быть только праздными зрителями при первомъ столкновеніи или лишь механически подталкивать голову клина, которая, въ сущности, одна рѣшала судьбу перваго удара.

Неудобство управленія и маневрированія «клиномъ» скоро повело къ постепенному превращенію треугольной фигуры строя въ четвероугольную. Во-первыхъ, стали придавать клинообразную форму только самой головѣ, а задніе ряды, преимущественно всѣ тѣ, которые находились позади знамени, или-же только оруженосцы и конные слуги, располагались въ видѣ прямоугольной колонны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начали увеличивать число всадниковъ головы клина (Spitz). Обыкновенно при такомъ построеніи, послѣдняя шеренга на $^2/_3$ или вдвое превышала протяженіемъ первую (головную) шеренгу *).

Черт. 10.

Построеніе клиномъ-квадратомъ.

Изъ рукописнаго кодекса, хранящагося въ Штуттгардской библіотекѣ и относящагося къ началу XVI вѣка, Іенсъ приводитъ интересный порядокъ для 6000 коней германской конницы, изъ которыхъ 170 коней образовали передовой отрядъ (Vorwart), 260 коней — боковые отряды (Nebenwart), 600 коней—авангардъ (Rennfanen), 600 коней — стрѣлковый легкій отрядъ (Schützenfanen), 3600 коней—главныя силы (Gewaltig Hauff), 600 коней—арьергардъ (Nachzug), 170 коней—тыловой отрядъ (Nachwart). Для главныхъ силъ дается два построенія: 1) *клиномъ—квадратомъ* (Черт. 10): въ 1-й шеренгѣ—29 всадниковъ, въ каждой изъ восьми послѣдующихъ — на 2 всадника больше, чѣмъ въ предыдущей, въ 8-й шеренгѣ — знамя, а во всѣхъ остальныхъ 77 шеренгахъ—по 43 всадника; такимъ образомъ, получается квадратно-клиновая грузная фаланга въ 85 шеренгъ; 2) *широкій порядокъ*, отличавшійся отъ клинообразнаго только тѣмъ, что въ голову ставилось 43 человѣка и фаланга получалась въ 83 шеренги. Широкіе боевые порядки, вообще, появляются только въ началѣ XVI вѣка, а въ XV—примѣнялись почти исключительно построенія клиномъ.

Въ 30-хъ годахъ XVI вѣка, германская тяжелая конница строится уже въ такъ называемыя «четверныя» массы, хотя и клинообразное построеніе продолжаетъ еще примѣняться; только къ половинѣ XVI вѣка, клинъ считается уже устарѣвшей формой, и въ изданномъ, въ 1559 году, графомъ

*) *Марковъ.* «Исторія Конницы», ч. 3, отд. I, стр. 13.

Сольмсомъ сочиненіи «Kriegsregierung» о немъ уже упоминается, какъ о строѣ, вышедшемъ изъ употребленія. Тѣмъ не менѣе, и въ его «четверномъ» порядкѣ видны слѣды клинового построенія: центральный всадникъ все еще называется головой (Spitz) всей колонны; повидимому, даже построеніе германской конницы изъ середины было слѣдствіемъ стариннаго строя, вліяніе котораго выразилось, кромѣ того, въ странномъ предразсудкѣ,—имѣть въ колоннахъ неодинаковое число рядовъ въ шеренгахъ и дѣлать это число нечетнымъ, чтобы былъ дѣйствительный серединный всадникъ—голова всего построенія.

Французы не употребляли «клиньевъ»; слабое вліяніе идеи клина видимъ мы только въ вышеупомянутомъ порядкѣ Филиппа, герцога Клеве, предлагавшаго строить тяжелую конницу въ колонны, первая шеренга въ 20 всадниковъ, а остальныя въ 20 *или болѣе.*

Сочиненіе «Вѣрный совѣтъ» (Trewer Rath) уже не упоминаетъ о «клинѣ». Въ половинѣ XVI в., въ 1553 году, появилось сочиненіе *Нолано Шелленшмидта,* который, допуская еще построеніе тяжелой конницы «клиномъ», предлагаетъ «четверной» порядокъ, который приближался-бы къ ариѳметическому квадрату, т. е., на мѣстности занималъ-бы въ глубину примѣрно въ три раза болѣе, чѣмъ по фронту; отъ 200 до 300 всадниковъ—онъ ставитъ массой, по 13 рядовъ въ шеренгѣ; для 500 коней—21 рядъ. Для легкой-же конницы онъ предпочитаетъ болѣе широкія построенія (для 200 коней—по 119 рядовъ въ шеренгѣ). *Альбрехтъ Бранденбургскій* (1552 г.) считаетъ уже нормальнымъ порядкомъ конницы—четверной, съ числомъ рядовъ, вдвое превосходящимъ число шеренгъ; такъ, для 338 всадниковъ—число рядовъ ,26, а число шеренгъ 13. Конечно, въ этомъ строю, на мѣстности глубина превосходила ширину по фронту (отношеніе было, какъ 3 : 2).

Также глубоки выходили колонны, рекомендуемыя для конницы *Фронспергеромъ,* который располагалъ одинаковое число всадниковъ въ глубину и по фронту, и для 1000 человѣкъ рекомендовалъ колонну въ 31 рядъ и въ 31 шеренгу *) (отношеніе глубины къ длинѣ фронта, какъ 3 : 1).

Тяжелая, малоподвижная форма построеній германской конницы затрудняла развить самое сильное ея качество—быстроту натиска коней, развить которую впрочемъ не позволяло и тяжелое вооруженіе, покрывавшее какъ самого латника, такъ и его боевого коня. (См. фиг. №№ 25, 26, и 27, на табл. IX).

Кавалерійскому бою обыкновенно предшествовала развѣдка,

*) При этомъ 39 человѣкъ оставались въ излишкѣ.

имѣвшая цѣлью опредѣлить мѣсто расположенія главной конной массы противника, такъ какъ дворяне-латники должны были отыскать, прежде всего, латниковъ-же, какъ наиболѣе достойныхъ противниковъ, и затѣмъ уже, справившись съ ними, обратиться противъ другихъ родовъ оружія. Принявъ соотвѣтствующее расположеніе и вручивъ достойнѣйшему начальнику (баннерету) знамя, старшій изъ вождей велъ свою конницу въ атаку рысью. Нерѣдко при этомъ происходили недоразумѣнія, а иногда и кровавыя схватки изъ-за чести первымъ атаковать противника. Послѣ первоначальной сшибки копьями, когда начиналась уже работа мечами, стремленія обоихъ противниковъ направлялись къ захвату непріятельскаго знамени, овладѣвъ которымъ, счастливѣйшіе соперники немедленно его топтали и рвали въ клочья; такое исчезновеніе одного изъ непріятельскихъ знаменъ служило для многочисленныхъ, позади находившихся шеренгъ знакомъ успѣха передовыхъ бойцовъ и соотвѣтственно подымало духъ одной стороны, дѣйствуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, угнетающимъ образомъ на другую. Многіе латники, находившіеся позади, не были даже въ состояніи сразиться съ противникомъ и найти себѣ соотвѣтствующее поле дѣйствій, такъ какъ, поневолѣ, стремились избѣжать окончательнаго пораженія, какъ только видно было, что дѣла приняли неблагопріятный оборотъ и знамя погибло; съ цѣлью ослабить такой нравственный упадокъ духа съ потерей знамени, Нолано Шелленшмидтъ предлагаетъ позади настоящаго знамени, въ 3-й шеренгѣ, имѣть въ 7-й шеренгѣ, другое—«потайное знамя» (verborgene Fahne) которое немедленно развертывалось, какъ только противникъ овладѣвалъ первымъ знаменемъ *).

Тяжелое вооруженіе и трудный рукопашный бой были причинами, дѣлавшими его весьма непродолжительнымъ. Нерѣдко совершенно легко раненые, или даже вовсе не пораженные падали безъ чувствъ, отъ усталости и изнеможенія, и тогда къ нимъ спѣшили на выручку ихъ оруженосцы и конные слуги, обязанность которыхъ была возить тяжелое вооруженіе своихъ господъ, до столкновенія съ противникомъ, и освобождать ихъ отъ грузныхъ доспѣховъ, немедленно послѣ того, какъ бой кончался.

Стремленіе надежно обезпечить себя отъ пораженія непріятельскими ударами, побудило тяжелую конницу еще болѣе

---

*) *Jähns.* «Geschichte», т. I, стр. 743.

увеличить тяжеловѣсность своего предохранительнаго вооруженія сравнительно съ рыцарями, и, когда явилось огнестрѣльное оружіе, то, прежде всего, постарались сдѣлать латы непроницаемыми для него, увеличивъ ихъ толщину. Въ концѣ концовъ, конница, которая до XV вѣка была единственной представительницей наступательнаго элемента въ бою, сдѣлалась настолько грузною и малоподвижною, что явилось естественное желаніе лучшихъ полководцевъ имѣть облегченную кавалерію, которая могла-бы проявлять присущіе этому роду оружія быстроту и натискъ въ атакѣ, — качества, казавшіяся необходимыми, особенно ввиду возможности поражать неожиданностью дѣйствовавшую оборонительно пѣхоту и ввиду стремленія вооружить и конницу огнестрѣльнымъ оружіемъ; снабдить этимъ послѣднимъ латниковъ было неудобно, такъ какъ это еще болѣе увеличило-бы грузъ ихъ снаряженія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, они и знать о немъ не хотѣли, считая его недостойнымъ для себя оружіемъ. Благородные рыцари предпочитали славную смерть спасенію жизни при помощи всей пушкарской и стрѣлковой «мелюзги» (ribaudaille), которая могла-бы, въ такомъ случаѣ, еще вообразить себѣ, что и она-де имѣетъ какое-либо значеніе. Примѣръ Павіи былъ уже тяжелымъ урокомъ для подобнаго рыцарскаго тщеславія, но и онъ, вѣроятно, долго не былъ достаточно оцѣненъ *).

Когда появилась легкая конница, вначалѣ преимущественно у восточныхъ народовъ, дольше сохранившихъ кочевой образъ жизни (венгры, монголо-татары, турки, арабы, половцы), то скоро обнаружилось безсиліе рыцарей въ борьбѣ съ нею **)

---

*) Какъ не взлюбили итальянскіе кондотьеры огнестрѣльное оружіе, чувствуя въ немъ свою гибель, было уже изложено выше, на стр. 26; что касается отношенія французскихъ дворянъ къ огнестрѣльному оружію, то извѣстно, напр., что Баярдъ вѣшалъ, безъ жалости, всѣхъ непріятельскихъ аркебузеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, что, впрочемъ, не спасло его самого отъ пули аркебузера, которой онъ былъ смертельно раненъ, 30 апр. 1524 года.

**) Вотъ какимъ образомъ описываетъ свое пораженіе одинъ изъ франконскихъ рыцарей, побѣжденныхъ, еще въ началѣ XIV вѣка, организованной по венгерскому образцу конницей Вольсея, служившаго у короля Альбрехта I: «Венгерцы намъ жестоко достались и уложили на траву своей стрѣльбой (hat uns da hart zugesetzt und durch Schiessen auf's Gras gebracht). И когда мы лежали внизу, пришли эти холопы, съ саженными мечами, и пришлось намъ сдаться. Я полагаю, что это были, большей частью, язычники. Пусть послѣ этого кто-нибудь скачетъ на нихъ въ полномъ снаряженіи; тѣ, у кого ничего нѣтъ, кромѣ собственной шкуры, утомляютъ его настолько, что онъ радъ-бы все съ себя сбросить». Замѣчательно, что самъ король Альбрехтъ былъ недоволенъ способомъ дѣйствій конницы Ульриха Вольсея, и при дворѣ его говорили, что не

Презрѣніе къ пѣхотѣ рыцарей однако вовсе не касалось боя въ спѣшенномъ строю, такъ какъ оно основывалось на весьма понятномъ, въ сущности, отношеніи господъ къ рабамъ, которые пополняли пѣхоту ополченій, выставляемыхъ ленными владѣльцами *): эта пѣхота, прикрывавшая лишь многочисленные обозы феодаловъ, по тогдашнимъ взглядамъ, не имѣла права на званіе воина; но сами рыцари часто для боя спѣшивались (См. фиг. №№ 31, 32 и 33, на табл. X); въ Англіи, Германіи, Италіи, Бургундіи . . . бои пѣшкомъ былъ у рыцарей даже въ большомъ ходу, при чемъ общеупотребительный строй былъ также «клиномъ», особенно для наступательнаго боя. Для обороны-же, они становились либо въ кругообразную массу, позволявшую сосредоточить на наименьшемъ пространствѣ наибольшее число бойцовъ, либо въ «четверномъ» порядкѣ, о которомъ будетъ указано ниже, при разсмотрѣніи строевъ пѣхоты.

Въ тактическомъ развитіи конницы разсматриваемой эпохи, мы должны отмѣтить два направленія: 1) несостоятельность тяжелой дворянской конницы, утратившей быстроту вслѣдствіе своей тяжеловѣсности, приводитъ къ необходимости сперва отдѣлить изъ копій легкихъ всадниковъ, для самостоятельныхъ дѣйствій, а затѣмъ и заводить легкую конницу (венгерскіе гусары, стратіоты, аргулеты, крапекэны и проч.) и 2) всеобщее распространеніе огнестрѣльнаго оружія побуждаетъ усилить имъ и конницу, либо вооруженіемъ легкой конницы аркебузой, либо расположеніемъ пѣшихъ аркебузеровъ между частями тяжелой конницы, что, какъ мы видѣли, было съ успѣхомъ впервые примѣнено Пескарой, но получило главное свое развитіе въ послѣдующую эпоху, въ концѣ XVI-го и въ XVII вѣкѣ.

Легкая конница употребляется для развѣдокъ, для дѣйствій на флангахъ противника, а иногда и для атаки его тыла во время самого боя. Какъ и рыцарская конница, легкіе всадники также ведутъ иногда бой пѣшкомъ, что особенно облегчаетъ имъ дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Въ тактическомъ смыслѣ, легкая конница, въ концѣ концовъ, совершенно отдѣляется отъ копій и получаетъ вполнѣ

совсѣмъ честно снимать латы и «проворно работать»; рыцарь долженъ сражаться по рыцарски, т. е., рубить и стойко держаться. (*Meynert*. «Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa». Wien 1868, т. I, стр. 305—306).

*) *Пузыревскій*. «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка», изд. 1884 года, часть II, стр. 17.

самостоятельныя задачи, и этимъ еще болѣе отнимаетъ значеніе и силу отъ все болѣе и болѣе терявшей почву подъ ногами тяжелой конницы, организованной по рыцарскому образцу.

Отношеніе конницы къ другимъ родамъ оружія и задачи, на нее возлагаемыя, были замѣчательно ясно и опредѣленно поняты Маккіавелли, который указывалъ въ своемъ сочиненіи «Dell'arte della guerra» на несоотвѣтствіе развитія численности конницы, сравнительно съ пѣхотой, въ современныхъ ему арміяхъ, особенно въ Италіи, въ которой, въ то время, почти было совмѣщено понятіе о воинѣ съ понятіемъ о всадникѣ. Для возможности исполненія задачъ, возлагаемыхъ на конницу, армія должна, по его мнѣнію, имѣть въ своемъ составѣ не болѣе 1/3 кавалеріи; иначе, говоритъ онъ, «отнимется у пѣхоты весь цвѣтъ людскаго состава». Замѣчательно, что часть конницы онъ находилъ нужнымъ присоединять къ пѣхотнымъ частямъ, придавая на каждую баталью (3.000 чел.) своего боевого порядка по 300 легкихъ всадниковъ. Бой конницы, съ копьемъ въ рукѣ, уже не удовлетворялъ Маккіавели, который требовалъ вооруженіе кавалеріи длинной шпагой, а въ передовомъ отрядѣ рекомендовалъ имѣть легкую конницу, вооруженную огнестрѣльнымъ оружіемъ, которымъ можно было-бы прогонять «холоповъ», открывать дорогу позади идущимъ войскамъ черезъ разнаго рода тѣснины и съ успѣхомъ вести стычки съ легкими войсками противника за мѣстные предметы. Наконецъ, онъ-же указывалъ на выдающуюся роль конницы въ дѣйствіяхъ малой войны, при развѣдкахъ и при преслѣдованіи, и мы уже видѣли (стр. 25—26), какъ близки задачи, которыя онъ ставилъ конницѣ, къ современнымъ требованіямъ отъ этого рода оружія.

Пѣхота. Рыцарство среднихъ вѣковъ, какъ мы видѣли, выработало для конницы тактическія боевыя формы, облегчавшія съ одной стороны индивидуальный бой—рядъ единоборствъ, и съ другой—наступательный характеръ самого боя; боевые—же порядки пѣхоты развивались въ обратномъ направленіи: во-первыхъ, съ цѣлью способствовать *веденію боя въ массѣ*, и во-вторыхъ, съ преимущественной задачей—*сдѣлать удобнымъ оборонительный бой*.

Значеніе пѣхоты въ предшествовавшую эпоху (въ XIII и XIV вѣкѣ) сводилось почти къ нулю. Тѣ рѣзкія различія, которыя заключались въ способѣ комплектованія рыцарскихъ ополченій и пѣхотныхъ частей, въ ихъ происхожденіи, цѣляхъ,

интересахъ и способахъ вести бой, способствовали установленію самой рѣзкой грани между обоими этими элементами вооруженной силы новыхъ государствъ. Рыцари (особенно французскіе) настолько презирали пѣхоту, которая, по ихъ мнѣнію, могла быть допущена только въ качествѣ ихъ прислуги и не дерзала думать объ активномъ участіи въ бою, что положительно не считали ее войскомъ. Когда рыцарямъ приходилось выдвинуться впередъ для атаки противника, то, сплошь и рядомъ, мы видимъ, что они наскакиваютъ на собственную пѣхоту и буквально топчутъ ее, лишь-бы скорѣе дойти до настоящаго противника и сразиться съ нимъ въ рыцарскомъ поединкѣ. Такъ это было въ 1346 г., при Креси, такъ это оставалось и по введеніи ордонпансовыхъ ротъ, принявшихъ всѣ традиціи средне-вѣковыхъ рыцарей. Черезъ 100 слишкомъ лѣтъ послѣ Креси, въ сраженіи при Монлери (1465 г.), бургундская конница Карла Смѣлаго точно также опрокидываетъ собственную пѣхоту. Очевидно нужно было, для уничтоженія этого прискорбнаго предразсудка, единоборство между войскомъ, состоявшимъ, по обычаю того времени, исключительно изъ рыцарской конницы, и такимъ, въ которомъ почему-либо, вопреки общимъ правиламъ, преобладала-бы пѣхота *); мало того, нужно было, чтобы въ этомъ единоборствѣ побѣдительницей оказалась-бы пѣхота; но для этого, въ свою очередь, требовалась вооруженная сила, которая развилась-бы самостоятельно, внѣ постороннихъ вѣяній и господствующихъ предразсудковъ. Это сдѣлалось возможнымъ, когда Австрія, а позже Бургундія, вступили въ борьбу съ швейцарцами, желая себѣ подчинить сосѣднюю маленькую страну, населенную однако сильными духомъ сельскими обитателями, съ давнихъ поръ сохранившими личную свободу и не подчинявшимися дворянамъ; въ союзѣ съ городскими общинами, швейцарцы не пожелали отдать иностранцамъ свои неприступныя горы. Съ одной стороны, бѣдная деньгами и коневыми средствами и неудобная для дѣйствій конницы Швейцарія, съ другой—также неудобная, вслѣдствіе многочисленныхъ каналовъ и непроходимыхъ въ то время болотъ, Фландрія—являются театрами борьбы между рыцарями и хорошей народной пѣхотой, впервые доказавшей, какъ сильна національная пѣхота, какъ непрочно уже могущество рыцарей, какъ

---

*) *Рюстовъ.* «Исторія пѣхоты», перев. Пузыревскаго, изд. 1876 г., т. I, стр. 116.

невѣренъ господствовавшій предразсудокъ относительно ихъ мнимой силы, который, по замкнутости и обособленности Швейцаріи отъ прочихъ европейскихъ театровъ борьбы, оставался швейцарцамъ, къ ихъ счастію, неизвѣстнымъ.

Сраженіе при Моргартенѣ (1315 г.), такимъ образомъ открыло новую эру для пѣхоты, а дальнѣйшія побѣды швейцарцевъ (Лаупенъ, Земпахъ, Нефельсъ, Монлери, Грансонъ, Муртенъ, Нанси) утвердили за ними преобладаніе надъ рыцарской конницей.

Въ этихъ сраженіяхъ швейцарцамъ пришлось, прежде всего, обороняться, и вотъ первымъ ихъ боевымъ порядкомъ является самое полное выраженіе оборонительной идеи— кругообразное построеніе (черт. № 6, на табл. I) «ежомъ» (Igel, hérisson), наружная окраина котораго представляла непроницаемую щетину изъ пикъ, направленныхъ въ разныхъ перекрестныхъ направленіяхъ, что дѣлало почти невозможнымъ ни конницѣ, ни пѣхотѣ противника проникнуть сквозь этотъ лѣсъ пикъ. Внутри-же стоящіе люди, для которыхъ пики, были-бы безполезны, вооружены были аллебардами, для близкаго рукопашнаго боя съ противниками, прорвавшими передній рядъ пикъ и проникшими во внутрь «ежа». Кругомъ этого боевого порядка и особенно впереди его, были разсыпаны стрѣлки, удерживавшіе, на сколько было возможно, противника отъ атаки и наконецъ отбѣгавшіе подъ защиту «ежа».

По мѣрѣ того, какъ первые успѣхи пѣхоты, такъ сказать, узаконили ея существованіе, началось дальнѣйшее усовершенствованіе этого примитивнаго боевого порядка, въ смыслѣ приданія ему способности маневрированія, или вѣрнѣе, пока, правильнаго движенія въ указанномъ направленіи, что, конечно, было очень затруднительно въ нестройной кругообразной массѣ, при которой нельзя было оріентироваться въ избираемомъ направленіи; плодомъ этихъ постепенныхъ улучшеній, въ концѣ XV вѣка, явился такъ называемый «четверной» порядокъ, т. е., колонна, болѣе или менѣе приближающаяся къ квадрату. Эта форма построенія служила вначалѣ и для похода, и для наступленія, и для боя.

Оцѣнивъ значеніе подготовки боя и важность оріентированія, во время нея, въ ближайшихъ цѣляхъ и намѣреніяхъ противника, чтобы успѣть во-время принять соотвѣтствующія мѣры для противодѣйствія, швейцарцы выдѣляютъ впередъ отрядъ, который называютъ передовымъ, или «предзнаменнымъ»

(vor dem Banner); главная масса иногда называется «знаменемъ», которое при немъ носится. Непосредственное прикрытіе позади идущаго обоза возлагается на особый тыльный отрядъ («позади знамени»), вначалѣ очень слабый. Обыкновенно принимается уступной порядокъ движенія съ тѣмъ, чтобы фронтальное движеніе всегда можно было-бы совмѣстить съ наступленіемъ во флангъ, а главное, чтобы, въ случаѣ отступленія одной изъ частей боевого порядка, она не опрокинула-бы позади идущую часть и этимъ не обратила-бы частную неудачу въ общее пораженіе. Такимъ образомъ, получалось уступное расположеніе въ 3 линіи, представлявшее значительный шагъ впередъ, сравнительно съ обычнымъ въ то время боевымъ порядкомъ, выработаннымъ феодальной системой; считая лишь себя могущественной вооруженной силой, рыцари образовывали первую линію порядка (наиболѣе именитые впереди), а за ними становились принадлежащіе къ составу ихъ копья—конные слуги и пѣхота, прикрывавшіе обозы; мѣсто пѣхоты позади рыцарей опредѣлилось особенно съ тѣхъ поръ, какъ и самыя копья (по примѣру бургундскихъ латниковъ) стали составляться изъ пѣшихъ лучниковъ и трабантовъ. Уступной порядокъ швейцарцевъ давалъ имъ поэтому значительныя преимущества въ бою, представляя собой всѣ выгоды упорядоченнаго, систематическаго его веденія.

Подготовительный бой обусловливаетъ преимущественно употребленіе метательнаго оружія, и вотъ почему передовой отрядъ швейцарцевъ (авангардъ) составляется, главнымъ образомъ, изъ стрѣлковъ, вначалѣ лучниковъ, а потомъ, съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, изъ аркебузеровъ. Подготовительный бой впереди находящихся частей не долженъ оказывать вреднаго вліянія на позади идущія части, и потому разстоянія между частями швейцарскаго боевого порядка не дѣлались менѣе дальности выстрѣла, сперва лука или арбалета, потомъ аркебузы, и вообще были около 150—200 шаговъ.

Съ увеличеніемъ швейцарскихъ армій, каждая изъ 3 группъ ихъ боевого порядка начинаетъ расти въ глубину. Дружины городскихъ общинъ становились сперва рядомъ, имѣя каждая въ глубину 20 шеренгъ, при чемъ каждый рядъ образовалъ нѣчто вродѣ элементарной административной единицы—товарищества, или отдѣленія (зилетъ); цеховая городская жизнь повліяла на строй этого зилета въ томъ смыслѣ, что впереди становился старшій (мастеръ), а за нимъ его кліенты—ученики. Когда-же численность швейцарскихъ войскъ возросла, и въ одинъ отрядъ

начали соединяться отъ 6 до 8-ми тысячъ человѣкъ, то, поневолѣ, пришлось углубить колонну, такъ какъ, ставя городскія ополченія рядомъ, получалось-бы, при 20-ти шереножной глубинѣ, построеніе въ 300—400 шаговъ по фронту, что было-бы крайне неудобно при движеніи по пересѣченной мѣстности Швейцаріи. Въ концѣ концовъ, нормальнымъ строемъ швейцарцевъ сдѣлался «четверной» порядокъ, въ видѣ общей сомкнутой колонны, съ равнымъ протяженіемъ по фронту и въ глубину. Въ первой шеренгѣ становились лучше вооруженные, имѣвшіе предохранительное вооруженіе и получавшіе двойное жалованье (у ландскнехтовъ—такъ называемые «prima plana» или «Doppelsöldner» — двойные наемники), за ними еще 2 шеренги пикинеровъ, затѣмъ аллебардисты и въ хвостѣ тоже 3 шеренги пикинеровъ, причемъ послѣдняя—опять таки преимущественно изъ получавшихъ двойное содержаніе. Фланговые 2—3 ряда тоже состояли изъ пикинеровъ. Отъ каждаго ряда выдѣлялся одинъ легко вооруженный пѣхотинецъ (лучникъ или арбалетчикъ) въ составъ передового отряда.

Такимъ образомъ нельзя не видѣть извѣстной аналогіи въ организаціи пѣхотной элементарной тактической единицы — ряда—съ рыцарскимъ копьемъ: и въ томъ и въ другомъ были люди различно вооруженные, располагавшіеся въ глубину одинъ за другимъ, а самые ряды, какъ и копья, располагались рядомъ, имѣя во главѣ наиболѣе достойныхъ воиновъ.

Главную, по количеству, массу, заполнявшую собою всю внутренность этого живого вооруженнаго квадрата вначалѣ составляли аллебардисты. (См. фиг. № 37, на табл. X). Однако аллебарда, служившая оружіемъ преимущественно индивидуальнаго боя въ рукопашной схваткѣ и требовавшая высокихъ нравственныхъ качествъ бойца, становилась неподходящей, когда эти качества начали понижаться и когда главное упованіе стало возлагаться на массу, на дѣйствительность непроницаемой сомкнутой стѣны значительнаго числа бойцовъ. Поэтому начинается стремленіе увеличить число пикъ на счетъ аллебардъ. *)

---

*) Одинъ изъ сохранившихся въ архивахъ гор. Цюриха экземпляровъ постановленій (Reisrödel) гражданъ этого города, о наборѣ ополченія въ 1444 году, опредѣляетъ силу и составъ его по вооруженію; все ополченіе должно было состоять изъ 2.770 чел., въ томъ числѣ—639 горожанъ и 2.131 сельчанъ; городъ долженъ былъ поставить 364 аллебардиста, 103 пикинера 127 арбалетчиковъ и 45 аркебузеровъ. Сельскія общины выставляли 1.238 аллебардистовъ, 546 пикинеровъ, 331 арбалетчика и 16 аркебузеровъ (*Рюстовъ*. «Исторія пѣхоты»; т. I, стр. 141). Такимъ образомъ; процентное отношеніе разныхъ видовъ пѣхоты во всемъ ополченіи было слѣдующимъ:

Сами швейцарцы вообще предпочитали аллебарду, болѣе легкую при носкѣ и болѣе удобную для дѣйствій, что особенно сдѣлалось замѣтнымъ, когда длина пикъ, съ конца XV вѣка, начала возрастать съ 10—12 футъ до 16—18 футъ. Такого рода удлиненіе пикъ вызывалось желаніемъ создать, при атакѣ конницы, возможно болѣе непроницаемую для нея преграду изъ пикъ, не только изъ первыхъ 3-хъ шеренгъ пикинеровъ, но и еще изъ непосредственно находившихся за ними 3-хъ шеренгъ. Конечно при этомъ имѣлось также въ виду, что болѣе длинной пикой можно при столкновеніи раньше нанести вредъ противнику, чѣмъ этотъ послѣдній, если онъ былъ вооруженъ болѣе короткимъ оружіемъ. Въ сраженіи близъ Брачіано (1497 г.), папскія войска были разбиты кондотьеромъ Орсини, войска котораго были вооружены пиками на 2 фута длиннѣе употреблявшихся обыкновенно до него, чему и не замедлили приписать причину побѣды.*) Конницу встрѣчали, упирая въ подошву правой ноги нижній конецъ пики и поддерживая ее въ наклонномъ положеніи лѣвой рукой, такимъ образомъ, чтобы остріе пики находилось на высотѣ шеи лошади; въ правую-же руку брался мечъ. (фиг. № 4, на табл. I). Противъ пѣхоты способы держанія пикъ были другіе: ландскнехты держали ихъ почти горизонтально на высотѣ праваго плеча (фиг. № 5, на той-же таблицѣ); задній конецъ пики былъ удерживаемъ сверху правой рукой, отведенной почти горизонтально назадъ, а лѣвая рука поддерживала ее снизу, въ разстояніи около 3-хъ футъ впереди задняго конца пики, упирая лѣвый локоть въ бедро; при такомъ положеніи 18-ти футовой пики, она выдѣлялась на 15 футъ впереди строя, и остріе ея направлялось какъ разъ на высоту головы атакующаго противника**); способъ этотъ требовалъ однако значительной силы, и долгое держаніе въ такомъ положеніе пики было утомительно; кромѣ того, при немъ нужна была дистанція между шеренгами пикъ не менѣе 3 футъ;

почти 60% аллебардистовъ, 23% пикинеровъ, 16% арбалетчиковъ и всего 2% аркебузеровъ. Совершенно ничтожнымъ, относительно общаго числа сельскихъ жителей, оказывается число ихъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, что показываетъ, что развитіе его совершилось почти исключительно въ городахъ.

*) Точнѣе пики были длиннѣе на одну «брасса» (22 дюйма); *Guicciardini* (французскій переводъ, т. I, стр. 271); *Рюстовъ*, («Исторія пѣхоты», томъ I, стр. 188) приводитъ этотъ примѣръ, но допускаетъ ошибку въ годѣ и названіи сраженія.

**) *Рюстовъ*; «Исторія пѣхоты», томъ I, стр 219—221. *Jähns*. «Handbuch», стр. 1054.

швейцарцы поэтому держали пики преимущественно за середину, и, какъ мы видѣли, передъ сраженіемъ при Черизолѣ, по совѣту Монлюка, этотъ-же способъ приняли и французы.

Встрѣча пиками атакующей пѣхоты не представляла такихъ выгодъ, какъ при атакѣ непріятельской конницы, особенно если противникъ былъ вооруженъ болѣе легкимъ и удобоуправляемымъ оружіемъ, напримѣръ, мечами, и имѣлъ при этомъ предохранительное вооруженіе, котораго не было у ландскнехтовъ и швейцарцевъ. Маккіавелли находитъ поэтому, что римская пѣхота, приспособленная къ бою при всевозможныхъ условіяхъ, представляла болѣе высокій образецъ, и въ доказательство приводитъ примѣръ графа Карманьола, который, послѣ тщетныхъ усилій сломить сопротивленіе 18,000 швейцарцевъ кавалерійскими атаками своихъ 6.000 латниковъ, приказалъ имъ спѣшиться, и въ такомъ порядкѣ атака его оказалась вполнѣ успѣшной: латники безъ труда отклонили мечами направленныя противъ нихъ пики, и, разстроивъ передніе ряды швейцарцевъ, произвели въ нихъ жестокую рѣзню, отъ которой спаслось лишь 3.000 чел., сдавшихся впрочемъ въ плѣнъ. *)

По мѣрѣ того, какъ ухудшался составъ пѣхоты и все крѣпче и крѣпче прививалось къ европейскимъ арміямъ господство наемниковъ, тѣмъ настойчивѣе раздавались протесты противъ холоднаго оружія близкаго боя—аллебарды и меча, и тѣмъ виднѣе становилась роль пики; отказъ отъ оружія, требовавшаго личной храбрости въ болѣе высокой степени и индивидуальныхъ способностей отдѣльныхъ бойцовъ въ бóльшемъ размѣрѣ, чѣмъ замѣнившія его пики, лишилъ, до извѣстной степени, пѣхоту ея наступательнаго духа, усиливъ заботы вождей о возможной сомкнутости и устойчивости, можетъ быть, на счетъ личной предпріимчивости и смѣлаго порыва въ схваткѣ грудь съ грудью; тактическія формы пѣхоты стали болѣе приближаться къ подвижному укрѣпленію, защищенному чешуей изъ пикъ. Одновременно, для придачи пѣхотѣ большей стойкости противъ непріятельскихъ латниковъ, съ начала XVI вѣка начинаетъ получать нѣкоторое развитіе предохранительное вооруженіе пѣхоты; сперва у испанцевъ, а затѣмъ и у французовъ, появились такъ называемые «корсалеты», которые получили нагрудники и небольшіе круглые щиты, прикрываясь которыми, они врубались въ неподвижную массу пикинеровъ.

*) «Dell'arte della guerra», перев. *Ziegler*'а, стр. 43.

Стремленіе искусственно привить механическимъ строемъ утраченную, до извѣстной степени, наступательную форму боя, привело къ тому, что пѣхота приняла клинообразный боевой порядокъ. Построеніе пѣхоты «клиномъ» было извѣстно и раньше; о немъ уже упоминается въ сочиненіяхъ XIII и XIV вѣковъ; къ тому-же, рыцари, сражавшіеся иногда въ спѣшенномъ строю, естественно перенесли ту-же форму построенія, которую примѣняли и въ конномъ строю. Въ XV вѣкѣ, «клинъ» становится особенно излюбленнымъ боевымъ порядкомъ германской пѣхоты; авторъ анонимной энциклопедической «книги о войнѣ» («Kriegsbuch»), изданной около 1450 года, указываетъ *общую* форму построенія клиномъ: въ первой шеренгѣ—3 человѣка, во второй—5, въ третьей—7 и т. д., съ прибавкой по 2 человѣка въ каждой слѣдующей шеренгѣ, «пока не будетъ довольно» (bis sy genug ist) *).

Въ указаніяхъ *Альбрехта Ахилла*, курфюрста Бранденбургскаго, данныхъ его сыну Іоанну, въ 1477 году, и хранящихся въ Берлинскомъ тайномъ архивѣ, приведенъ клинообразный порядокъ пѣхоты для значка Св. Георгія (Sant Jorgen banner), силой въ 500 чел.; 5 пикинеровъ образуютъ головной рядъ (Spitze); во 2-й шеренгѣ—7 чел.; въ 3-й—9 чел., въ четвертой—11 чел., въ 5-й—13 чел.; здѣсь должно находиться знамя, а за нимъ — всѣ остальныя шеренги, по 13 чел.; такимъ образомъ получалась глубокая колонна въ 40 шеренгъ, изъ которыхъ только первыя 5 были построены ввидѣ клина (т. е., строй, аналогичный указанному для конницы квадратно-клиновому строю—черт. № 10). Съ обоихъ фланговъ его головы наступали охотники—по 12 стрѣлковъ и 12 пикинеровъ, образовавшихъ нѣчто вродѣ крыльевъ. Въ такомъ-же родѣ строится и главный значекъ (Hauptbanner), изъ 700 чел., съ тою разницей, что въ головѣ его строится 7 или 9 чел. и далѣе постепенно клинъ растетъ въ глубину на 2 человѣка, пока шеренга не достигнетъ 19 человѣкъ; въ этой послѣдней шеренгѣ клина помѣщается знамя, и далѣе слѣдуетъ глубокая колонна, по 19 рядовъ въ шеренгѣ; по флангамъ ея тоже наступаютъ крылья изъ стрѣлковъ и пикинеровъ **).

Клинообразное построеніе переходитъ и въ XVI вѣкъ и, повидимому, сохранится въ пѣхотѣ дольше, чѣмъ въ конницѣ, что опять-таки доказываетъ, что имъ хотѣли дополнить недостававшій пѣхотѣ наступательный характеръ дѣйствій, которымъ конница скорѣе могла проникнуться, будучи, по преимуществу, наступательнымъ родомъ оружія.

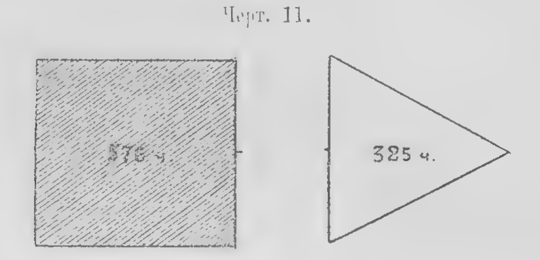
Маркграфъ *Альбрехтъ Бранденбургскій* (первый герцогъ Прусскій) рекомендуетъ, въ написанной имъ книгѣ о войнѣ („Kriegs-

*) *Jähns*. «Geschichte der Kriegswissenschaften», томъ I, стр. 323.
**) *Его-же*. «Handbuch», стр. 983.

buch", *) построеніе клиномъ въ совокупности пѣхоты и конницы; приложенные къ главѣ 69-й этого сочиненія чертежи (8, 10 и 11), представляютъ переходы изъ квадратнаго порядка въ остроугольный—(«Spitz»); при построеніи одного „клина" изъ колонны, въ 1-й шеренгѣ ея,—всѣ люди, кромѣ одного средняго человѣка, во 2-й—всѣ, кромѣ 3-хъ среднихъ, и т. д.—до послѣдней шеренги, въ которой лишь фланговые люди—поворачивались кругомъ и шли въ тылъ клина, гдѣ соединялись по діагонали образовавшагося сзади главнаго клина изъ этихъ двухъ меньшихъ клиньевъ прямоугольника. Можно было также изъ одного квадратнаго построенія образовать три клина, или наконецъ, образовать новый клинъ пристраиваніемъ къ флангамъ заднихъ шеренгъ фланговыхъ людей переднихъ шеренгъ квадратнаго порядка.

Въ половинѣ XVI вѣка являются многочисленные воен-

Черт. 11.



Треугольный строй, атакующій „четверной строй" (по Лору).

ные теоретики, которые, увлекаясь общимъ «научнымъ» направленіемъ, создаютъ многочисленные образцы боевыхъ порядковъ, прилагая и ариеметическія таблицы съ исчисленіемъ, сколько придется ставить воиновъ въ различныхъ шеренгахъ, при данномъ числѣ бойцовъ.

Такова «Полевая книжка всевозможныхъ боевыхъ порядковъ», изданная, въ 1569 году, математикомъ *Лоромъ*, **) которая даетъ треугольное построеніе и таблицу для него и для квадратнаго порядка, съ указаніемъ числа рядовъ и шеренгъ, при силѣ отрядовъ отъ 50 до 50.000 человѣкъ. Особенность треугольнаго строя Лора заключается въ томъ, что основаніе треугольника обращено къ противнику, а вершина къ тылу (черт. 11). Побужденіемъ къ такому порядку авторъ выставляетъ необходимость атаковать строемъ, равнымъ по протяженію фронта съ противни-

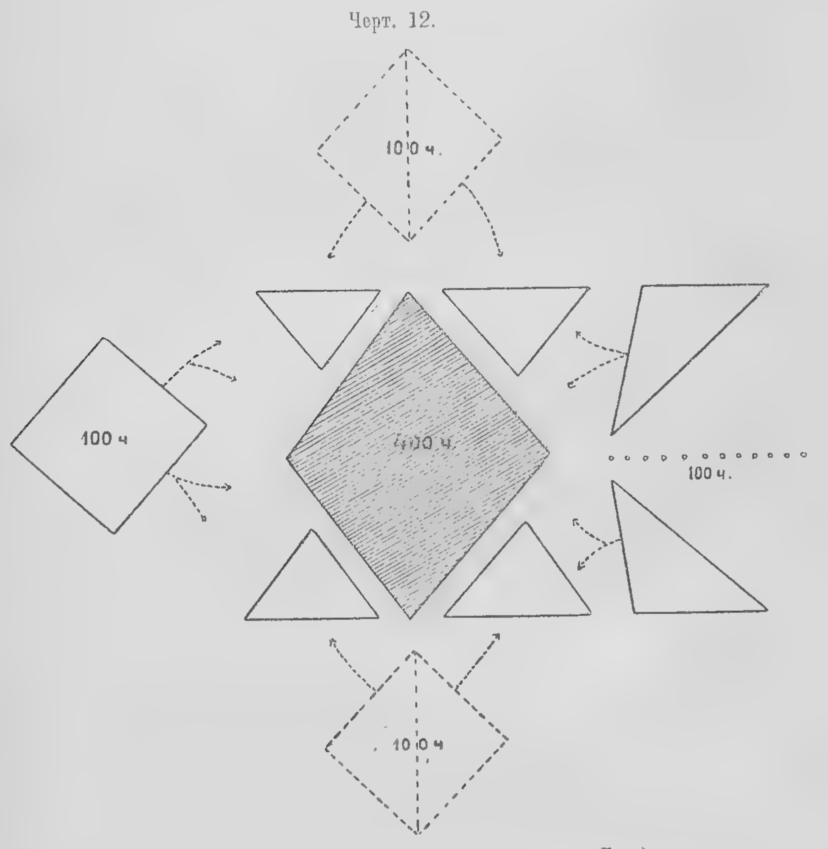
*) Представленной, въ 1552 г., своему ленному владѣтелю, королю польскому, Сигизмунду II Августу, и переведенной, по приказанію послѣдняго, Матвѣемъ Стробичемъ на польскій языкъ. Часть польскаго перевода издана въ 1858 году въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: «Alberti Marchionis Brandenburgensis, Ducis Prussiae. Libri de Arte Militari». (Варшавская библіотека гр. Красинскаго). Рукопись перевода имѣется въ Краковской библіотекѣ Чарторижскихъ.

**) *Lhor.* Kriegs Feldbüchlein» (von allerlay Schlachtordnungen). 1569. Dillingen. (Библіотека Главнаго Штаба, № 2619).

комъ, построеннымъ въ «четверномъ» порядкѣ, если непріятель превосходитъ численно; очевидно, что треугольнымъ строемъ можно атаковать квадратный, имѣя вдвое меньше силъ, чѣмъ ихъ заключается въ квадратѣ, и имѣя съ нимъ равное протяженіе фронта, но странно, какъ этотъ математикъ не додумался до болѣе простого способа атаки—прямоугольнымъ строемъ, глубина котораго была-бы вдвое меньше протяженія по фронту, чѣмъ достигался такой-же результатъ.

Вообще, треугольники очень высоко цѣнились Лоромъ и ре-

Черт. 12.

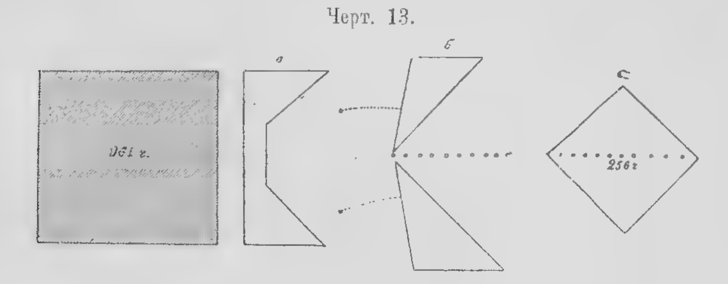


Атака „четверного" строя треугольниками (по Лору).

комендовались имъ для атаки квадратнаго построенія даже въ томъ случаѣ, когда имѣлись въ распоряженіи равныя съ противникомъ силы, которыя въ такомъ случаѣ дѣлились на 4 квадрата, наступавшіе одной изъ своихъ вершинъ къ угламъ непріятельскаго квадрата; не доходя его, квадраты останавливались и затѣмъ люди, стоявшіе вправо отъ діагонали каждаго малаго квадрата, поворачивались направо и заходили правымъ плечомъ, а лѣвѣе стоявшіе дѣлали это влѣво, атакуя, какъ указано на чертежѣ 12-мъ, двѣ стороны четверного порядка противника. При значительномъ превосходствѣ силъ противника, когда нельзя

было атаковать двѣ стороны квадрата, то, по раздвоеніи боевого порядка атакующаго, треугольники направлялись противъ фронта квадрата (черт. 13), а промежутокъ между ними заполнялся людьми, стоявшими на мѣстѣ по діагонали. Наконецъ, даже фронтъ четверного порядка предлагалось строить, въ видѣ четырехъ выступныхъ клиньевъ, съ цѣлью разстроить сомкнутость порядка противника

Черт. 13.

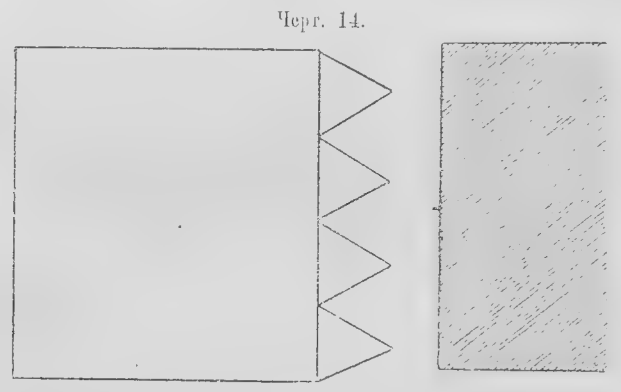


Атака „четверного" строя, при численномъ превосходствѣ противника. (по Лору).

(черт. 14); конечно, это все были лишь теоретическія измышленія математика, посвятившаго свой трудъ практику—Шэртлину, который, вѣроятно, никогда такихъ хитроумныхъ „фортелей", какъ выражался самъ Лоръ, не употреблялъ на дѣлѣ.

Знаменитый отецъ баллистики, итальянецъ *Тарталья*, въ со-

Черт. 14.



„Четверной" строй съ выступными клиньями (по Лору).

чиненіи своемъ, напечатанномъ въ 1546 году, „Quesiti et inventioni", хотя и считаетъ построеніе „клиномъ" нѣсколько устарѣвшимъ, тѣмъ не менѣе, говоритъ, что старые опытные начальники иногда къ нему съ успѣхомъ прибѣгаютъ; для построенія онъ рекомендуетъ ставить людей въ прогрессіи, начиная однимъ воиномъ въ первой шеренгѣ и постепенно увеличивая ихъ число двумя въ каждой слѣдующей шеренгѣ. Для противодѣйствія клину, Тарталья совѣтуетъ ему противупоставить два клина, которые могли-бы охватить съ фланговъ непріятельскій клинъ;

задняя шеренга у обоихъ клиньевъ сливалась въ общее имъ обоимъ основаніе, для удобства управленія ими, что, тѣмъ не менѣе, вѣроятно, было затруднительнымъ. Атаку противника клиньями рекомендовалось подготовить огнемъ, направленнымъ, главнымъ образомъ, противъ тѣхъ пунктовъ непріятельскаго боевого порядка, на которые направляется вершина нашего клина. Наконецъ, Тарталья приводитъ также построеніе нѣсколькихъ паръ клиньевъ, поставленныхъ одна за другой, при чемъ задняя пара считается „особымъ резервомъ". Способъ, предложенный Тартальей для перестроенія изъ четверного порядка въ клинообразный, значительно проще сложныхъ перестроеній, предлагавшихся маркграфомъ Альбрехтомъ: по данному сигналу, люди поворачиваются полуоборотомъ направо или налѣво, при чемъ тѣ, впереди которыхъ оказываются свободные промежутки, вступаютъ въ нихъ; такимъ образомъ, очень просто получается косой клинъ-ромбъ, который затѣмъ можетъ быть направленъ въ любомъ направленіи.

Въ изданной, въ 1566 году, книгѣ *Фронспергера* «Kriegszbuch» *) упоминается также о клиновомъ построеніи и говорится, что оно примѣнялось старыми опытными полководцами; онъ рекомендуетъ строить клиномъ лишь головную часть колонны, при чемъ, или увеличиваетъ по 1-му ряду въ шеренгахъ (ставя въ первую шеренгу 7, потомъ 8, 9 чел. и т. д.) или-же увеличивая каждую шеренгу 2-мя рядами, (т. е. 9 рядовъ въ І-й, 11—во 2-й, 13—въ 3-й и т. д.). За половиной поставленныхъ такимъ образомъ людей, другая половина должна пристраиваться въ четверномъ порядкѣ.

Построеніе «клиномъ», какъ мы увидимъ, удерживается въ пѣхотѣ даже отчасти въ XVII вѣкѣ, и подъ Брейтенфельдомъ (1631), саксонцы принимаютъ это построеніе, но тѣ-же причины, которыя побудили оставить его въ конницѣ — неудобство управленія, отсутствіе возможности оріентировать свое движеніе по флангамъ, легкость разрывовъ и крайне незначительное число участниковъ рукопашнаго боя при столкновеніи, должны были побудить къ его постепенному оставленію.

Нормальнымъ порядкомъ, въ XVI вѣкѣ, становится четырехъ-угольная, вѣрнѣе, прямоугольная масса, болѣе или менѣе приближающаяся къ квадрату; чѣмъ настоятельнѣе была необходимость поддержать изъ глубины чувство обезпеченно-

*) Часть II, стр. XLII и XLIII. Въ Императорской публичной библіотекѣ (залъ 5, шк. 8, полка 1, № 100) и въ библіотекѣ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба имѣются болѣе новыя изданія 1596 г. Къ послѣднему экземпляру приложены прекрасно отдѣланные рисунки, списки съ съ которыхъ приведены нами на таблицахъ VI, VII и VIII.

сти тыла и чѣмъ меньшему числу бойцовъ можно было смѣло довѣрять, ставя ихъ въ первые ряды, для непосредственной встрѣчи съ противникомъ, т. е., чѣмъ хуже были нравственныя качества войскъ, тѣмъ этотъ порядокъ мы видимъ болѣе глубокимъ; чѣмъ лучше имѣющіяся въ распоряженіи войска, чѣмъ болѣе довѣряетъ имъ полководецъ, тѣмъ большему числу ихъ предоставляетъ онъ возможность сразу схватиться съ противникомъ, тѣмъ болѣе становятся широкими по фронту эти «четверные» порядки, тѣмъ меньше они занимаютъ мѣста въ глубину. Такъ, построеніе полка, изъ 12 ротъ, или значковъ (Fähnlein), по 400 чел. каждый, могло быть двоякое: или ставили 4 роты по фронту и 3 въ глубину, считая въ каждой ротѣ 20 рядовъ въ шеренгѣ и слѣдовательно 20 шеренгъ; тогда весь полкъ имѣлъ 80 чел. по фронту и 60 въ глубину; или ставили роты въ 10 шеренгъ въ глубину, но за то всего 3 роты по фронту и 4—въ глубину; тогда получался удлиненный порядокъ заключавшій 120 чел. по фронту и только 40 чел. въ глубину. Во обоихъ случаяхъ пикинеры окаймляли порядокъ съ фронта, тыла и фланговъ *).

Авторъ «*Вѣрнаго совѣта*» (1522 г.) говоритъ, что широкій боевой порядокъ предпочтительнѣе глубокаго, и многими малыми колоннами можно достигнуть бо́льшаго, чѣмъ меньшимъ числомъ крупныхъ колоннъ. Широкимъ порядкомъ, по его мнѣнію, удобнѣе охватить съ фланговъ узкій по фронту боевой порядокъ, который, еслибъ и оказался численно сильнѣе, все-же осужденъ въ такомъ случаѣ на пораженіе, такъ какъ бой рѣшаютъ первыя 5—6 шеренгъ, которыя кончаютъ дѣло, пока еще не схватились остальныя. Изъ 10.000 пѣхотинцевъ онъ предлагаетъ оставить въ главной колоннѣ 6.000 чел., которые расположить въ 3 раза болѣе широкой по фронту, чѣмъ глубокой колоннѣ (примѣрно, слѣдовательно 135 чел. по фронту и 45 въ глубину).

Въ томъ-же родѣ говоритъ и *Альбрехтъ-Бранденбургскій* доказывая пользу широкаго фронта и увеличенія числа колоннъ тѣмъ, что при бо́льшемъ протяженіи фронта, бо́льшее число бойцовъ приметъ участіе въ атакѣ и въ рукопашномъ бою.

Но такіе совѣты, повидимому, казались еще несвоевременными; *плохія качества войскъ вызывали глубокія построенія,*

*) *Рюстовъ.* «Исторія пѣхоты», т. I, стр. 147.

такъ какъ не было достаточнаго числа бойцовъ, на которыхъ можно было-бы вполнѣ положиться, и ученые теоретики изслѣдовали въ своихъ трактатахъ, главнымъ образомъ, квадратные строи, которые подраздѣляли на квадраты «по мѣстности», или геометрическіе, и квадраты «по числу людей», или ариометическіе.

Альбрехтъ Бранденбургскій считаетъ для пикинеровъ глубину одного ряда въ 7 футъ, именно: 1 футъ на самого человѣка, 3 фута пространства передъ нимъ и 3 фута—за нимъ; по фронту-же онъ полагаетъ достаточнымъ имѣть 3 фута между локтями; общеупотребительный порядокъ былъ такой, который позволялъ свободно проходить какъ между рядами, такъ и между шеренгами *). На основаніи подобнаго разсчета имъ составлена была таблица, которая показываетъ, сколько человѣкъ необходимо поставить въ глубину и по фронту, при данномъ числѣ наличныхъ бойцовъ, чтобы получить примѣрный геометрическій квадратъ (на мѣстности) **).

Упомянутый уже Тарталья, въ «Quesiti et inventioni» (1538 г.) рѣшаетъ тоже математически этотъ вопросъ, принимая отношеніе глубины къ ширинѣ расположенія отдѣльнаго бойца—равнымъ 7 : 3. Сложнымъ вычисленіемъ онъ опредѣляетъ число шеренгъ и рядовъ, при условіи полученія геометрическаго квадрата; такъ, для массы въ 3.600 человѣкъ, онъ полагаетъ имѣть 91 рядъ въ шеренгѣ и число шеренгъ 39 (при этомъ остается 119 человѣкъ лишнихъ).

Чаще однако примѣнялись ариометическіе квадраты, по числу людей, такъ какъ разсчетъ оказывался гораздо проще:—изъ общаго числа приходилось извлечь только квадратный ко-

*) Хотя многіе военачальники находили такой разомкнутый порядокъ удобнымъ лишь на маршѣ, а въ бою люди преимущественно смыкались вплотную. Такъ, при Черизолѣ, Монлюкъ, встрѣчая атаку ландскнехтовъ, приказалъ переднимъ шеренгамъ тѣсно сомкнуться, а заднимъ—все время напирать на передніе ряды.

**)

Число имѣющихся въ распоряженіи бойцовъ.	Число рядовъ.	Число шеренгъ.
448	32	14
525	35	15
. . . .	. . . . . .	. . . .
5.800	116	50
60.375	375	161

рень, чтобы сразу получить число рядовъ и число шеренгъ, но при этомъ глубина на мѣстности обыкновенно значительно превышала протяженіе по фронту, такъ какъ дистанціи между шеренгами, особенно на маршѣ, всегда были больше интерваловъ между рядами.

При такомъ порядкѣ невольно бросается въ глаза, какъ мало было протяженіе по фронту колоннъ, которое очень мало увеличивалось съ возрастаніемъ числа людей (такъ, квадратъ, заключавшій въ себѣ 2.500 чел., имѣлъ въ глубину и по фронту по 50 чел.; а 10.000 чел., т. е. отрядъ въ 4 раза сильнѣе, имѣлъ по фронту и въ глубину лишь вдвое бо́льшее число людей — 100 чел.). Разсчитавъ, какую глубину слѣдуетъ придать сомкнутой массѣ, главный начальникъ указывалъ своимъ значкамъ (ротамъ), во сколько шеренгъ они должны стать и затѣмъ пристраивалъ значки одинъ рядомъ къ другому; такимъ образомъ, въ значкѣ было столько-же шеренгъ, сколько ихъ предполагалось имѣть въ цѣлой колоннѣ. Число-же значковъ въ колоннѣ было крайне непостояннымъ: подъ Павіей — 29 значковъ ландскнехтовъ *), собранныхъ Фрундсбергомъ и Зиттихомъ Эмскимъ, образовали двѣ наступавшія рядомъ квадратныя колонны въ которыхъ, за выдѣленіемъ 2.000 чел. Пескарѣ, одновременно двигались, а затѣмъ вели бой нѣсколько менѣе, чѣмъ по 5.000 чел. въ каждой; въ слѣдующемъ году Фрундсбергъ собираетъ уже 12.000 чел. въ одну колонну. Въ общей колоннѣ, такимъ образомъ, ставился не только полкъ, служившій преимущественно хозяйственно-административной единицей, но иногда 2—3 полка, образовавшихъ неповоротливую массу, въ которой, по показаніямъ Фронспергера, слѣдовало ставить 101 шеренгу въ глубину при 101 рядѣ въ каждой **). (См. фиг. № 19, на табл. VI. извлеченной изъ соч. Fronsperger'a).

При увеличеніи численности пѣхотинцевъ, образовывавшихъ колонну, приходилось ставить значки въ два ряда, связывая ихъ такимъ образомъ по-парно; при этомъ обращалось вниманіе, чтобы самые знамена—значки придавали-бы общей колоннѣ «внушительный» видъ; обыкновенно половина ихъ располагалась въ самомъ центрѣ колонны, $^1/_4$ часть позади примѣрно первой четверти глубины колонны и $^1/_4$ впереди послѣдней ея четверти. Понятно, что на это выстраиваніе

---

*) Въ значкѣ состояло около 380 чел.

**) *Fronsperger.* «Kriegszbuch». 1596, ч. II, стр. XLII.

тяжело управляемой, неподвижной массы проходило не мало времени и, какъ свидѣтельствуютъ современники (Chantereau), нерѣдко, во время приведенія колонны въ порядокъ, раздавались изъ глубины ея недовольные крики по адресу завѣдывавшихъ этимъ помощниковъ главныхъ начальниковъ (sergeants de bande) *).

Боевые строи, рекомендовавшіеся французскими авторами того времени, не имѣли впрочемъ такой безполезной глубины. Такъ, въ рукописи *Шантеро* «Miroir des armes militaires et instruction de gens de pied», par Chantereau, посвященной въ 1540 году, королю Франциску I, рекомендуется уже построеніе батальоновъ, вдвое болѣе длинныхъ протяженіемъ по фронту сравнительно съ глубиной (3.602 пикинера и аллебардиста строятся въ колонну изъ 42 шеренгъ, по 85 рядовъ) **). Но такъ какъ во французской арміи все еще продолжали преобладать иноземные наемники, то они приносили съ собой и свои строи, которые, такимъ образомъ, на практикѣ оставались грузными квадратами.

Скоро, впрочемъ, явилась новая побудительная причина, настоятельно потребовавшая уменьшенія глубины колонны и заключавшаяся въ постепенномъ развитіи огнестрѣльнаго оружія, вліяніе котораго выразилось въ необходимости прибѣгать къ болѣе тонкимъ построеніямъ, съ одной стороны—съ цѣлью уменьшенія потерь, а съ другой—съ цѣлью увеличенія числа стрѣлковъ, могущихъ одновременно дѣйствовать огнемъ. Распространеніе огнестрѣльнаго оружія и замѣна имъ лука и арбалета послѣдовали однако далеко не быстро и далеко не всюду одинаково. Англичане, гасконцы и восточные народы удержали метательное оружіе почти до половины XVI вѣка; поляки сохранили арбалеты до 1552 г. ***), и опытные полководцы нерѣдко предпочитали имѣть лучниковъ и арбалетчиковъ, чѣмъ аркебузеровъ. Въ походѣ Карла V въ Алжиръ, въ 1541 году, мавританскіе и турецкіе лучники дѣйствовали значительно успѣшнѣе имперскихъ аркебузеровъ; дождь подмочилъ порохъ послѣднихъ, и, не будучи совершенно въ состояніи открыть дѣйствительную стрѣльбу, они позорно бѣжали, заставивъ императора пожалѣть о томъ, что онъ не взялъ

---

*) *Prince Napoléon-Louis Bonaparte.* «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie». Paris. 1846; т. I, стр. 152.

**) *Тамъ-же*, стр. 153.

***) *Гейсманъ.* «Краткій курсъ исторіи военнаго искусства въ средніе и новые вѣка», ч. II, кн. 1, стр. 9 (выноска).

съ собою изъ Испаніи нѣсколькихъ тысячъ лучниковъ *). Несовершенство ручного огнестрѣльнаго оружія было еще настолько велико, что, даже въ 1535 г., дю-Беллэй указываетъ, что число раненыхъ и убитыхъ метательнымъ оружіемъ бывало больше, чѣмъ отъ двойнаго числа аркебузеровъ **). Въ 1549 г., побѣдоносная французская армія Генриха II остановилась подъ Булонью, вслѣдствіе сильнѣйшаго дождя, изъ опасенія, что аркебузеры, которые не были въ состояніи производить стрѣльбу, будутъ уничтожены 1.000—1.200-ми англійскихъ лучниковъ, занявшихъ Булонь. Впрочемъ французы являются въ послѣдній разъ, въ большомъ сраженіи, вооруженными арбалетами, въ 1515 г., при Мариньяно, хотя еще въ 1523 г., Монлюкъ пишетъ, что набранныя имъ войска состояли только изъ арбалетчиковъ, «потому что до тѣхъ поръ не было аркебузеровъ среди нашего народа» ***), а затѣмъ добавляетъ, что ему удалось оставить у себя шесть гасконскихъ-же аркебузеровъ, которые пришли сдаться изъ непріятельскаго лагеря. Только послѣ сраженія при Павіи, начинается распространеніе аркебузы, которая была легче, позволяла носить на себѣ бóльшій запасъ огнестрѣльныхъ припасовъ и давала бóльшую дальность, а главное, представляла вѣроятность дальнѣйшаго своего усовершенствованія, котораго трудно было уже добиваться въ метательномъ оружіи; кромѣ того, аркебузеры получали большее жалованье, что также способствовало распространенію аркебузы [1]).

Распространеніе огнестрѣльнаго оружія сдѣлало крупные шаги со времени изобрѣтенія мушкета (около 1521 года), замѣнившаго постепенно аркебузу; дѣйствительность послѣдней оказалась, съ улучшеніемъ предохранительнаго вооруженія, настолько слабой, что аркебузныя пули (вѣсомъ отъ 2 до $2^1/_2$ лотовъ) не всегда пробивали его; поэтому явилась потребность увеличить нѣсколько калибръ, вѣсъ заряда и самой пули (мушкетная пуля вѣсила около 4 лотовъ). При этомъ получилось нѣкоторое увеличеніе дальности—до 300 шаговъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и увеличеніе вѣса всего оружія, такъ что, для удоб-

---

*) Выдержка изъ *Senftenberg*'a: «Von allerlei Kriegswehr», приведенная въ «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie». *Prince Napoléon-Louis Bonaparte*. (т. I, стр. 148) также у *Jähns*'a «Handbuch», (стр. 1055).

**) «Discipline militaire» 1592. liv. I, гл. 4. стр. 21, лѣв.»

***) «. . . encores en ce temps la, il n'y avoit point d'arquebuziers parmi nostre nation». («Commentaires», liv. I, стр. 11)

[1]) «...au temps present chacun veut estre Harquebuzier: ie ne sçay si c'est pour lever plus de gages, ou pour estre moins chargé, ou pour combattre de plus loing». *Guillaume du Bellay;* «Discipline militaire». 1592; (livre I, ch. 4, стр. 20, лѣв.).

ства дѣйствій, мушкетъ, вѣсившій отъ 15 до 17 фунтовъ, пришлось снабжать особой вилкой или сошкой. (См. фиг. 38, на табл. X). Почти одновременно происходила замѣна неудобнаго фитильнаго замка—улучшеннымъ колеснымъ замкомъ. Впрочемъ, втеченіи почти всего XVI вѣка, стрѣлки, вооруженные мушкетами, продолжаютъ называться, по старой привычкѣ, аркебузерами *). Повидимому, ранѣе другихъ были приняты мушкеты испанцами, которые вооружились ими уже подъ Ля-Бикокой (1522) и подъ Павіей (1525). По совѣту Монлюка, маршалъ Бриссакъ приказалъ изготовить 400 мушкетовъ, въ 1552 г.; они были розданы, по 20 на роту, и носившіе ихъ солдаты получили прибавку жалованья **).

По мѣрѣ усовершенствованія ручного огнестрѣльнаго оружія, естественно увеличивалось число вооруженныхъ имъ стрѣлковъ. Мы уже видѣли, что, въ серединѣ XV вѣка, у швейцарцевъ число аркебузеровъ было очень незначительно (едва 2%); въ концѣ того-же вѣка, при Карлѣ VIII, тѣ-же швейцарцы вооружили на 1.000 чел. уже 100 стрѣлковъ аркебузами, т. е., имѣли ихъ 10%.—Альбрехтъ Ахиллъ, курфюрстъ Бранденбургскій дѣлитъ ополченіе на 3 части: $^1/_2$ вооружаетъ аллебардами, $^1/_4$ аркебузами и $^1/_4$ арбалетами. Швейцарцы, поступившіе на службу, въ 1511 г., къ папѣ, считали на 10.000 чел.—2.500 стрѣлковъ, т. е. уже достигли 25% стрѣлковъ; при походѣ Фрундсберга на Римъ, $^1/_7$ часть ландскнехтовъ была вооружена аркебузами, т. е., нѣсколько меньше 15%. Легіоны Франциска I (1534) заключали $^1/_3$ стрѣлковъ, т. е., 33%. Во французскихъ старыхъ дружинахъ, занявшихъ въ 1552 г. Мецъ, на 15.000 чел. числительнаго состава, число аркебузеровъ было отъ 5 до 6-ти тысячъ, т. е., отъ 33% до 40%, но и большая часть

---

*) Интересно, что самое названіе «мушкетъ» произошло вовсе не отъ мушки, какъ это могло-бы казаться, по первому впечатлѣнію, но отъ итальянскаго «muschetta», что значитъ копчикъ (нерѣдко употреблявшійся для соколиной охоты). По средне-вѣковому обычаю, именами разныхъ, преимущественно хищныхъ, птицъ называли вначалѣ тяжелыя стрѣлы большихъ арбалетовъ (которыя летали, подобно хищнику, бросаясь издали на свою добычу); затѣмъ названіе перенеслось на самое орудіе, бросавшее, ихъ, а потомъ перешло и на болѣе легкія изъ огнестрѣльныхъ орудій—цербатаны, возившіяся на боевыхъ повозкахъ, вродѣ тѣхъ, которыя употреблялъ Педро Наварро подъ Равенной, подобно тому, какъ были фальконы (соколы), нахтигали (соловьи) и т. п., а затѣмъ эти облегченныя возимыя орудія были сняты съ повозокъ, снабжены вилками, и, такимъ образомъ, обратились въ ручное оружіе. (*Viollet le Duc:* «Dictionnaire raisonné», т. VI. стр. 413; также *Jähns.* «Handbuch», вын. на стр. 1056 и его-же: «Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 659).

**) *Montluc* «Commentaires» (liv. II, стр. 139).

пикинеровъ была вооружена заткнутыми за поясъ пистолетами. Къ половинѣ XVI вѣка, въ арміи Максимильяна II считалось необходимымъ въ каждомъ значкѣ (Fähnlein), силой въ 400 человѣкъ, имѣть уже до 200 аркебузеровъ, т. е., 50%; при этомъ число мушкетовъ тоже возросло съ 10 на роту—до 50 *). Такимъ образомъ, въ теченіи ста лѣтъ (1450—1550) процентъ пѣхотинцевъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, возросъ отъ 2-хъ до 50.

Увеличеніе числа людей, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, поставило на очереди вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ ихъ строѣ, о способѣ комбинированія ихъ боевой дѣятельности съ дѣятельностью пѣхоты, вооруженной холоднымъ оружіемъ, а также о соотвѣтствующихъ боевыхъ порядкахъ совокупности различныхъ родовъ пѣхотинцевъ.

По примѣру древнихъ римлянъ, въ этомъ отношеніи, была оцѣнена, прежде всего, важность подготовки боя легкой пѣхотой, дѣятельность которой позволяла полководцу завязать бой, не ставя все сразу на карту, выиграть одинъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ на войнѣ—*время*, съ тѣмъ, чтобы, оріентировавшись въ расположеніи и силѣ противника, въ свойствахъ мѣстности и характерѣ завязываемаго боя, тѣмъ цѣлесообразнѣе и вѣрнѣе нанести свой главный ударъ, или, буде обстановка боя складывалась невыгодно, уклониться отъ рѣшительнаго столкновенія. До появленія огнестрѣльнаго оружія, легкая пѣхота, служившая для этого подготовительнаго періода боя, состояла изъ лучниковъ и арбалетчиковъ. Вполнѣ естественно, что и огнестрѣльное оружіе прежде всего получило примѣненіе въ вооруженіи той-же легкой пѣхоты, предназначенной, къ веденію подготовительнаго боя, такъ какъ метательное и огнестрѣльное оружіе по своему характеру, вообще, способствуетъ лишь подготовкѣ рѣшенія, но не даетъ, въ большинствѣ случаевъ, достиженія самого рѣшенія боя. Обыкновенно, отъ каждаго ряда главной массы выдѣлялось по одному такому легко-вооруженному пѣхотинцу, которые или вызывались, какъ охотники, или опредѣлялись жребіемъ **);

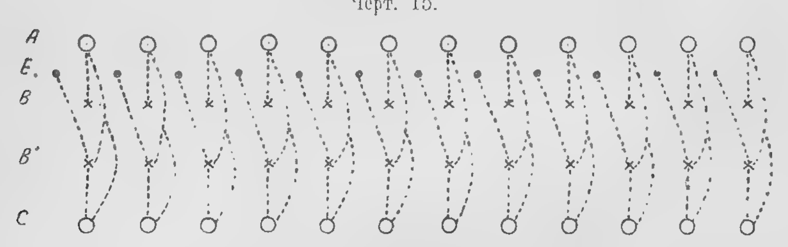
*) *Рюстовъ.* «Исторія пѣхоты», (т. I, стр. 209). *Quarré de Verneuil,* (стр. 108). *Jähns.* «Handbuch», (стр. 1062 и 1209). *Пузыревскій.* «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка». (ч. II, стр. 107—108). *Гейсманъ.* «Краткій курсъ», (ч. II, кн. I, стр. 8—9).

**) *Fronsperger.* «Kriegszbuch», 1596 г. (ч. II, стр. XLIII) «...er thue es mit willen, oder *verliers* durch spielen»..; можетъ быть, отсюда и происхожденіе ихъ названія «verlorene Knechte», т. е., въ смыслѣ—проигравшіе, потерявшіе. Дальше указывается другой смыслъ этого имени.

поэтому численность легкой пѣхоты была крайне ограниченною, равняясь числу рядовъ въ шеренгѣ, которое, какъ мы видѣли, при глубокихъ порядкахъ пѣхоты, было незначительно.

Источники мало даютъ указаній, въ какомъ порядкѣ велся этотъ бой легкой пѣхотой; сохранились только названія ея: «потерянная толпа» (verlorene Haufen), «пропащіе ребята» (enfants perdus) *), которыя, повидимому, указываютъ, что особаго руководства ими въ бою не было, что начальникъ считалъ ихъ «потерянными» для рѣшительнаго боя и что они руководились преимущественно собственнымъ здравымъ смысломъ, производя стрѣльбу, примѣняясь, по мѣрѣ возможности, къ

Черт. 15.



Совокупный строй лучниковъ и аркебузеровъ. (по Віоллэ ле-Дюкъ).

мѣстности, разсыпаясь по ней болѣе или менѣе густо, въ зависимости отъ численности силъ, выдѣленныхъ для подготовки боя или наступая небольшими сомкнутыми частями **). Такъ какъ вооруженіе легкихъ войскъ, въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ, было смѣшанное, и, одно время, въ числѣ ихъ находились и лучники и аркебузеры, то были попытки совмѣстить ихъ дѣйствіе; такъ, образовали первую шеренгу (черт. 15) изъ лучниковъ А, вторую и третью —В и B^1 изъ аркебузеровъ и четвертую—С, снова изъ лучниковъ. Произведя выстрѣлъ, аркебузеры А поворачивались кругомъ и, пройдя между рядами, занимали мѣсто послѣдней шеренги С, а эта послѣдняя про-

*) Необходимо однако имѣть ввиду, что далеко не рѣдкость было встрѣтить въ числѣ «пропащихъ ребятъ» вооруженныхъ и холоднымъ оружіемъ, и, какъ мы видѣли подъ Мариньяно и подъ Ля-Бикокой, у швейцарцевъ они состояли изъ аллебардистовъ; по тактической организаціи, предложенной Гильомомъ дю-Беллэй-Ланжей, для легіоновъ 1535 г., въ «пропащіе ребята» выдѣлялись двѣ дружины, изъ которыхъ каждая состояла изъ 340 стрѣлковъ и пикинеровъ. («Discipline militaire», 1592 г., стр. 59 и 62, лѣв.).

**) «...leur office sera de combattre sans tenir ferme et en courant ça et là, soit qu'ils chassent les ennemis ou qu'ils soient chassez, en quoy les Piquiers seruiront beaucoup: car ils soutiendront les Harquebouziers», какъ говоритъ du Bellay («Discipline militaire», стр. 38).

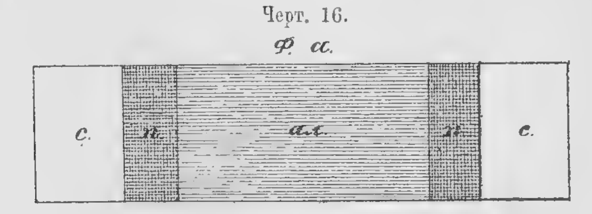
двигалась впередъ къ шеренгѣ лучниковъ B[1], которые, въ это время, выдвигались въ E и, вмѣстѣ съ лучниками B, производили стрѣльбу изъ лука. Когда хотѣли возобновить стрѣльбу аркебузеровъ, то перешедшіе въ B[1], аркебузеры (бывшая 4-я шеренга) выступали въ 1-ю шеренгу, а лучники занимали прежнее положеніе B—B[1], а аркебузеры бывшей 1-й шеренги, оставаясь въ C, заряжали свои аркебузы. Подобный контръ-маршъ рядами могъ производиться безъ нарушенія порядка, если интервалъ между рядами былъ не менѣе 1½—2-хъ шаговъ.

По флангамъ этого «стрѣлковаго частокола» (haie des tirailleurs) располагались пикинеры или конныя части, прикрывавшіе стрѣлковъ отъ атаки во флангъ; при такой атакѣ стрѣлки скрывались позади пикинеровъ и строились въ квадратную колонну *). Выдвинутые впередъ «пропащіе ребята», обыкновенно не удалялись болѣе 150—200 шаговъ отъ расположенныхъ въ «четверномъ» строю главныхъ силъ, или «свѣтлой толпы» (heller Haufen). Эти послѣднія, изъ людей, преимущественно вооруженныхъ холоднымъ оружіемъ, служили легкой пѣхотѣ прикрытіемъ, въ случаѣ перехода непріятеля въ рѣшительное наступленіе, или когда онъ выдвигалъ самаго опаснаго для стрѣлковъ противника—хорошую конницу, противъ которой стрѣлки, при плохомъ еще состояніи огнестрѣльнаго оружія и при невозможности производить скорой пальбы, а также при отсутствіи у нихъ хорошаго холоднаго оружія, были, на близкой дистанціи, почти беззащитны. Съ увеличеніемъ однако числа людей, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое, какъ мы видѣли, къ серединѣ XVI вѣка, достигло почти 50% всего состава войскъ, число стрѣлковъ и «пропащихъ ребятъ» должно было значительно увеличиться, и подобный порядокъ началъ представлять крупное неудобство, вырывая изъ непосредственнаго командованія начальниковъ слишкомъ значительныя силы; иногда, какъ подъ Черизолой, подъ начальствомъ даровитаго, энергичнаго руководителя (Монлюкъ), стрѣлки и въ большихъ массахъ приносили весьма благопріятные результаты, но при естественномъ желаніи—не предоставлять исхода боя такой случайности, какой является подобный исключительный руководитель, и сохранить въ своихъ рукахъ управленіе болѣе значительными силами, явились попытки расположить стрѣлковъ въ самомъ «четверномъ» строю.

*) *Viollet le Duc.* «Dictionnaire raisonné»; т. VI, стр. 422.

Рукописный сборникъ конца XV вѣка, приписываемый Филиппу *Сельденеку* *), подъ заглавіемъ „Ordnung der Fuszknecht zu einem Feldschlagen", даетъ указаніе на одно изъ первыхъ по времени рѣшеній вопроса о размѣщеніи стрѣлковъ въ самомъ четверномъ порядкѣ, по способу, заимствованному, повидимому, отъ швейцарцевъ. Самое простое рѣшеніе было образовать изъ

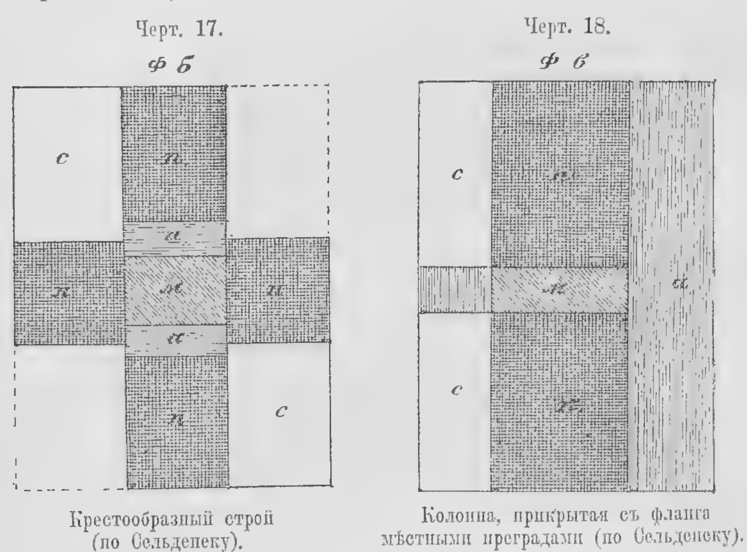
Черт. 16.



Четверной строй, съ стрѣлками на флангахъ (по Сельденеку).

стрѣлковъ наружные фланги или крылья четверного порядка (черт. 16); для 1000 чел., Сельденекъ предлагаетъ ставить въ шеренгу 100 чел., имѣя въ серединѣ аллебардистовъ, затѣмъ снаружи ихъ—пикинеровъ и наконецъ, на крайнихъ оконечностяхъ—стрѣлковъ; такимъ образомъ, получалась глубина всего въ 10 шеренгъ, что, для той эпохи, было строемъ очень тонкимъ.

Черт. 17. Черт. 18.



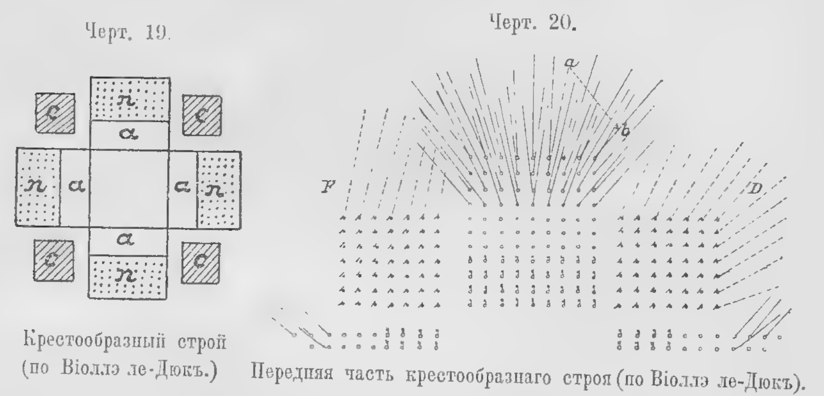
Крестообразный строй (по Сельденеку).

Колонна, прикрытая съ фланга мѣстными преградами (по Сельденеку).

Впрочемъ, если стрѣлковъ было много, то Сельденекъ предлагалъ болѣе глубокій строй, основу котораго составляли крестообразно поставленные пикинеры; въ центрѣ этого креста становились аллебардисты и меченосцы, а во входящихъ углахъ, образуемыхъ выступными частями креста,—стрѣлки (черт. 17);

*) Хранится въ библіотекѣ великаго герцога Баденскаго въ Карльсруэ. (*Jähns*, «Geschichte» т. I, стр. 323—327).

если ихъ недоставало, чтобы заполнить всѣ 4 входящихъ угла, то они заполняли лишь лѣвый передній и задній правый углы; это расположеніе давало возможность, въ случаѣ атаки съ фронта и съ тыла, дѣлить весь строй пополамъ, поворачивая тыльную половину кругомъ, при чемъ въ обѣихъ половинахъ сохранялись всѣ виды пѣхоты со стрѣлками на лѣвыхъ флангахъ. Когда стрѣлки выдвигались для завязки боя, то строй обращался въ крестъ изъ пикинеровъ. Наконецъ, если мѣстность прикрывала колонну отъ атаки (съ фланговъ), то пикинерныя крылья сливались съ средней частью пикинеровъ, и колонна Сельденека принимала видъ, указанный на черт. 18. Аллебардисты располагались вдоль всего праваго фланга колонны, а меченосцы отдѣляли переднюю часть стрѣлковъ отъ тыловой.



Черт. 19. Крестообразный строй (по Віоллэ ле-Дюкъ.)

Черт. 20. Передняя часть крестообразнаго строя (по Віоллэ ле-Дюкъ).

Крестообразные строи Сельденека напоминаютъ также построеніе, приводимое Віоллэ ле-Дюкомъ *), съ той лишь разницей, что въ послѣднемъ (черт. 19 и 20) самая середина креста оставалась пустою, а стрѣлки, будучи малочисленнѣе пикинеровъ и аллебардистовъ вмѣстѣ взятыхъ, образовали меньшіе квадраты во входящихъ углахъ (въ 7 шеренгъ, по 7 рядовъ въ шеренгѣ); аллебардисты становились позади пикинерныхъ квадратовъ, въ 4 шеренги.

Герцогъ *Филиппъ Клеве* **) даетъ слѣдующее описаніе боевого порядка пѣхоты конца XV вѣка (1489 г.): впереди идутъ 50—60 паръ «пропащихъ ребятъ», ***) (compaignons perdus), которые наступаютъ «безъ строя» (sans ordre); затѣмъ строится главная колонна: впереди—4 шеренги пикинеровъ, за ними—2 шеренги аллебардистовъ и при нихъ одинъ значекъ; затѣмъ слѣдовали снова пикинеры такъ, чтобы

*) *Viollet le Duc.* «Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque carlovingienne à la renaissance». Paris. 1874. t. VI, стр. 418.

**) «Description de la forme et de la manière de fonduire le faict de la guerre»; въ рукописи это сочиненіе появилось въ 1498 г., напечатано было въ Парижѣ, въ 1558 г., подъ другимъ заглавіемъ: «Instruction de toutes manières de guerroyer». Переводъ этого труда имѣется въ соч. Фронспергера «Kriegszbuch». 1596.

***) Іенсъ говоритъ: 50—60 паръ «пропащихъ ребятъ», но въ переводѣ Фронспергера говорится лишь: «50—60 verloren knechte».

израсходована была половина всего наличнаго ихъ числа; за пикинерами размѣщались почти всѣ аллебардисты и посреди ихъ — значки, въ тылу которыхъ снова въ обратномъ порядкѣ повторялась головная часть колонны: 2-я половина пикинеровъ, двѣ шеренги аллебардистовъ со значкомъ и въ самомъ хвостѣ 4 шеренги пикинеровъ; аллебардисты, расположенные въ центрѣ, прикрывались съ фланговъ 3—4 шеренгами пикинеровъ. Съ лѣваго фланга этой колонны, располагались вдоль всей ея глубины, лучники (gents de traict), по 4 человѣка въ шеренгѣ; болѣе 4-хъ лучниковъ не рекомендовалось ставить, чтобы, въ случаѣ атаки на флангъ колонны, пики правѣе ихъ находившихся пикинеровъ, могли-бы предохранить лучниковъ, укрывавшихся подъ эти пики; для бóльшаго-же числа стрѣлковъ длина пикъ оказывалась недостаточной.

Пристраиваніе стрѣлковъ преимущественно съ лѣваго фланга у Клеве и у Сельденека, повидимому, указываетъ на то, что они являлись второстепеннымъ родомъ войскъ, балластомъ, который и пристраивали къ право-фланговымъ пикинерамъ и аллебардистамъ, бывшимъ, по своей надежности, устойчивой опорой полководца. Впрочемъ у Клеве, правѣе его пѣхоты, двигалась конница (въ порядкѣ описанномъ выше, на стр. 223, вын.), и потому, можетъ быть, онъ желалъ помѣстить стрѣлковъ на наружномъ флангѣ общаго боевого порядка. Сочиненіе Клеве не даетъ, къ сожалѣнію, никакихъ указаній на протяженіе его боевого порядка по фронту и въ глубину; тѣмъ не менѣе, имѣются указанія на то, что уже къ концу XV вѣка французскія войска не строили черезмѣрно глубокихъ боевыхъ порядковъ пѣхоты, и протяженіе ихъ колоннъ по фронту почти всегда превышало глубину.

Черт. 21.

Схема боевого порядка, съ колонной различно вооруженныхъ пѣхотинцевъ (по Віоллэ ле-Дюкъ).

Интересна схема пѣхотной колонны, конца XV-го и начала XVI вѣка, приводимая Віоллэ ле-Дюкомъ *) изъ всевозможныхъ родовъ бывшей тогда въ употребленіи пѣхоты, для отряда

*) *Viollet le Duc.* «Dictionnaire raisonné», т. VI, стр. 405—406.

въ 1006 человѣкъ (342 пикинера, 294 аллебардиста, 190 аркебузеровъ и 180 лучниковъ и арбалетчиковъ); (черт. 21). Центральную массу составляли аллебардисты и копейщики (R), строившіеся въ 5 шеренгъ, съ фронта и съ тыла внутренняго прямоугольника и образовывавшихъ по 2 сквозныхъ ряда вдоль фланговъ этого прямоугольника; съ фронта и съ тыла аллебардисты прикрывались 9-ю шеренгами пикинеровъ (P), по флангамъ которыхъ располагались 4 крыла аркебузеровъ (H), строившіеся въ 9 шеренгъ по 5 рядовъ; между переднимъ и заднимъ крыломъ аркебузеровъ, съ каждой стороны, по флангамъ аллебардистовъ, строились лучники и арбалетчики (A), также имѣвшіе по 5 рядовъ въ шеренгѣ. Впереди этого прямоугольника выстраивались артиллерійскія орудія, а по флангамъ—конница.

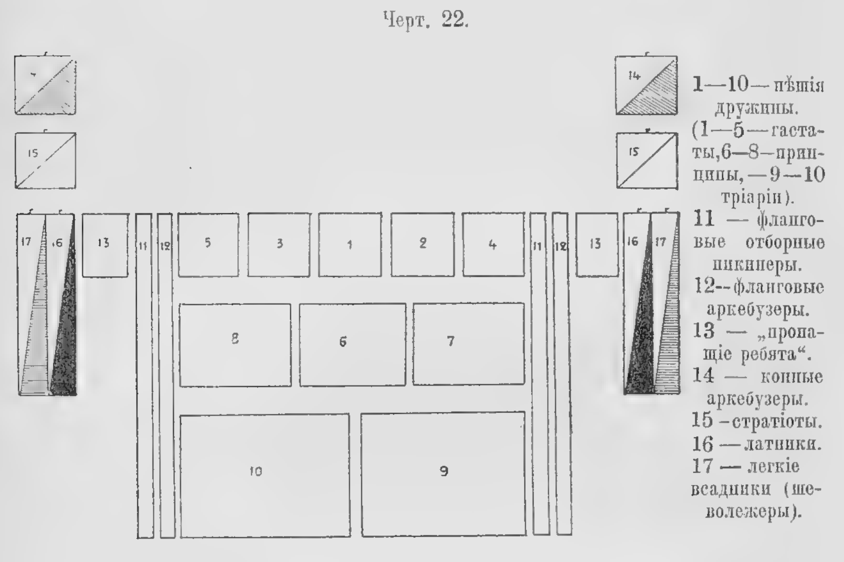
Желаніе упорядочить бой «пропащихъ ребятъ» особенно замѣтно у автора сочиненія «Вѣрный Совѣтъ» («Trewer Rath». 1522 г.), придающаго ихъ дѣйствіямъ совершенно роль авангарда; численность «пропащихъ ребятъ», при отрядѣ въ 10.000 чел. пѣхоты, указана имъ въ 3.200 чел., и наступали они въ колоннѣ съ достаточно широкимъ фронтомъ, имѣя по флангамъ 200 человѣкъ стрѣлковъ-скороходовъ (laufer). «Пропащіе ребята» схватываются съ передовымъ отрядомъ противника, а въ то-же время главныя силы (Gewalthaufen) въ колоннѣ, втрое болѣе широкой чѣмъ глубокой, имѣя 300 человѣкъ скороходовъ, на обоихъ флангахъ, и 400 человѣкъ въ резервѣ съ тыла (Anhang), не ожидаютъ исхода этого боя, но продолжаютъ наступать, выдвигаясь правѣе или лѣвѣе «пропащихъ ребятъ»; въ то-же время скороходы съ фланговъ быстро выдвигаются въ рѣшительную минуту и атакуютъ непріятельскія орудія, стараясь овладѣть ими, пока они не успѣютъ еще дать ни одного выстрѣла, уклоняясь однако и разсыпаясь при атакѣ сомкнутыхъ частей. Въ рѣшительную минуту, выдвигается бѣгомъ резервъ (500 ч.) и бросается на одинъ изъ фланговъ противника, что обыкновенно даетъ самые дѣйствительные результаты. Нельзя не согласиться съ Іенсомъ *), что подобный способъ наступленія пѣхоты обнаруживаетъ уже значительное тактическое развитіе и здравый боевой смыслъ у автора, мысли котораго однако настолько опередили его современниковъ, что взгляды его долго еще оставались «сокровенными» («verborgen Ding») для полководцевъ его времени, и не примѣнялись ими на практикѣ.

Тактическіе порядки легіонной пѣхоты Франциска I, судя по описанію дю-Беллэй **), были слѣдующими: изъ 6.000 чел.

*) *Jähns.* «Geschichte der Kriegswissenschaften», т. I, стр. 475—477.
**) *Guillaume du Bellay Langey.* «Discipline militaire». 1592, liv. I, стр. 59—64.

легіона выдѣлялись «пропащіе ребята», въ числѣ 680 аркебузеровъ и 170 пикинеровъ, служившихъ первымъ сомкнутой поддержкой. Въ началѣ построенія легіона они ставились на флангахъ, въ колоннѣ въ 20 шеренгъ, по 21 ряду въ каждой, аркебузеры—впереди пикинеровъ, а затѣмъ, при завязкѣ боя, выдвигались впередъ и разсыпались. Главную массу легіона образовали 10 когортъ, или дружинъ (bandes), состоявшихъ изъ 3.600 пикинеровъ и 600 аллебардистовъ. (Черт. 22). По флангамъ этихъ дружинъ становились, въ глубокой ко-

Черт. 22.



Построеніе французскаго легіона (по дю-Беллэй-Ланжэй).

лоннѣ рядами, 210 аркебузеровъ и 210 отборныхъ пикинеровъ. 10 дружинъ строились въ три линіи, располагаемыя другъ отъ друга на дистанціи въ 25 шаговъ; въ первой линіи, соотвѣтствовавшей римскимъ гастатамъ,—5 дружинъ, во второй (принципы)—3 дружины и въ третьей (тріаріи)—2 дружины. Каждая дружина строилась въ 20 шеренгъ, изъ которыхъ первыя 8 состояли изъ пикинеровъ, затѣмъ слѣдовали 4 шеренги аллебардистовъ, со знаменемъ-значкомъ, и замыкали дружину опять 8 шеренгъ пикинеровъ; въ каждой шеренгѣ по 21 ряду.

Въ дружинахъ первой линіи люди располагались, считая на человѣка по фронту по 2 шага (на походѣ по 3) и въ глубину по 3 шага на шеренгу (на походѣ—по 4, во время столкновенія съ противникомъ — по одному шагу);

такимъ образомъ, каждая дружина 1-й линіи занимала 42 шага по фронту и 60 шаг. въ глубину. Въ дружинахъ второй линіи на каждаго человѣка приходилось по фронту и къ глубину вдвое больше, а въ третьей—люди располагались почти втрое шире, чѣмъ въ первой. Эти 10 дружинъ занимали, слѣдовательно, 230 шаговъ по фронту и 320 шаг. въ глубину.

Фланги пѣхоты легіона прикрывались конницей: 100 латниками и 100 легкими всадниками, становившимися рядомъ съ первыми; и тѣ и другіе—въ колоннѣ по 10 рядовъ въ шеренгѣ. Впереди этой конницы выдвигались еще съ каждаго фланга по двѣ дружины стратіотовъ и конныхъ аркебузеровъ. Допускались также варіанты: расположеніе легіона въ 2 линіи, по 5 дружинъ въ каждой, или въ 3 линіи, располагая въ 1-й и 3-й—по 4 дружины, а въ средней—2 дружины.

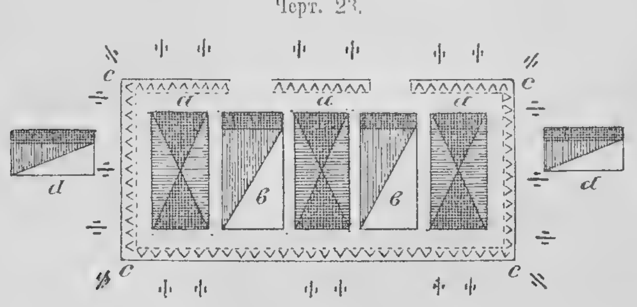
«Пропащіе ребята», по образцу римскихъ велитовъ, завязывали бой, затѣмъ наступали пикинеры, отбивали атаку непріятельской конницы и бросались на пѣхоту противника, прикрываясь круглыми щитами (rondelle); въ рукопашной схваткѣ, они брались за мечи, и аллебардисты ихъ поддерживали. Изъ четырехъ легіоновъ, поставленныхъ попарно, дю-Беллэй образуетъ нормальный боевой порядокъ арміи, въ видѣ пустого внутри прямоугольника, помѣщая по флангамъ его конницу соотвѣтствующихъ двухъ легіоновъ (которые, впрочемъ, на практикѣ, конницы не имѣли). По примѣру Маккіавелли, объ артиллеріи почти не упоминается, а вмѣсто аркебузеровъ еще предпочитается имѣть арбалетчиковъ.

Боевой порядокъ легіона, предложенный дю-Беллэй, какъ видно, отличается отъ предложеннаго Маккіавелли (черт. 6, на стр. 22), тѣмъ, что въ послѣднемъ дружины тріаріевъ и принциповъ стоятъ на болѣе значительныхъ интервалахъ, тогда какъ во французскомъ легіонѣ сами люди стоятъ на бóльшихъ интервалахъ, чѣмъ гастаты, и интервалы между дружинами одинаковы во всѣхъ трехъ линіяхъ, что нельзя считать усовершенствованіемъ порядка Маккіавелли, такъ какъ у послѣдняго, при совокупномъ дѣйствіи обѣихъ линій, болѣе обезпечивался порядокъ боя: дружины принциповъ и гастатовъ не перемѣшивались другъ съ другомъ, что было неизбѣжно, при отступленіи гастатовъ французскаго легіона на линію принциповъ. Кромѣ того, недостатокъ этого построенія, также какъ и у Маккіавелли,—стремленіе приспособить строй только къ оборонительнымъ дѣйствіямъ, при чемъ участіе въ бою принциповъ и тріаріевъ становится возможнымъ лишь съ отступ-

леніемъ гастатовъ на заднія линіи, а не съ наступленіемъ послѣднихъ, какъ у римлянъ.

Желаніе держать поближе къ сомкнутымъ частямъ стрѣлковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать имъ возможность дѣйствовать изъ своего оружія, привело къ довольно неудачной идеѣ окруженія сомкнутыхъ пикинерныхъ батальоновъ настоящей стрѣлковой каймой; увлеченіе такими строями привело къ тому, что стали окружать стрѣлками не только пѣхоту, но даже тяжелую конницу. Верхомъ подобнаго уродливаго представленія о стрѣлкахъ явилось окруженіе стрѣлковой каймой цѣлаго боевого порядка 120-тысячной арміи Карла V, собранной имъ въ 1532 г., подъ Вѣной, противъ турокъ. Въ центрѣ этого

Черт. 23.



Боевой порядокъ арміи Карла V (1532).

боевого порядка (черт. 23), должны были стать три пикинерныхъ колонны, силой по 24.000 чел. (*a*) Каждая изъ нихъ состояла изъ 156 шеренгъ и изъ столькихъ-же рядовъ въ шеренгѣ, занимая по фронту 186 шаговъ и въ глубину 372 шага. Въ двухъ интервалахъ между ними располагалась тяжелая конница, около 20.000 чел. (*b*) и кругомъ всей этой массы, въ 30 шагахъ, выстроены были, въ 5 шеренгъ, стрѣлки (20.000 ч.), впереди которыхъ были разбросаны артиллерійскія орудія (*c*); внѣ этой живой ограды, имѣвшей всего два выхода, была выставлена только легкая венгерская конница (*d*) *).

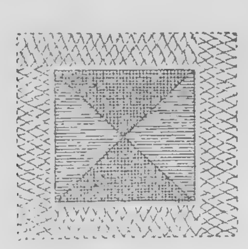
Этотъ грузный боевой порядокъ 120-тысячной арміи, общее протяженіе котораго по фронту было всего 1.000 шаговъ, напоминаетъ массивное укрѣпленіе съ брустверомъ изъ стрѣлковъ и является доказательствомъ оборонительнаго направленія, принятаго въ тактикѣ германской арміей, въ

*) *Рюстовъ*. «Исторія пѣхоты», (т. I, стр. 286). *Гейсманъ*. (ч. II. кн. I. стр. 10). *Meynert*. «Geschichte des Kriegswesens». Wien 1868. (т. II, стр. 352). *Jähns*. «Handbuch», (стр. 1211).

силу недоброкачественности тѣхъ элементовъ, которыми, поневолѣ, пришлось ее пополнить, въ предположеніи, что достигнутою при этомъ численностью можно будетъ остановить національное турецкое войско, одушевленное религіознымъ фанатизмомъ и достигшее, въ это время, высшаго проявленія боевого наступательнаго духа. Неудачи, которыя постоянно терпѣли арміи Габсбурговъ, въ XVI и XVII вѣкахъ, отъ турокъ, доказали, какъ мало былъ пригоденъ подобный способъ дѣйствій и какъ мало приносило пользы стремленіе къ увеличенію численности силъ, при подобной ихъ эксплуатаціи.

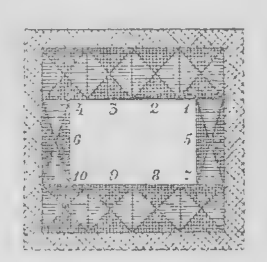
Окруженіе батальоновъ стрѣлковымъ поясомъ не замедлило получить теоретическаго защитника, въ лицѣ вышеупомянутаго итальянскаго ученаго, Тартальи: считая необходимымъ упорядочить разсчеты людей, для составленія «четверного» строя, онъ составилъ свои таблицы, введя въ счетъ и людей для «внѣшней стрѣлковой оболочки» (fornitura di archebuzieri).

Черт. 24.



Квадратный строй, съ внѣшнимъ поясомъ стрѣлковъ.

Черт. 25.



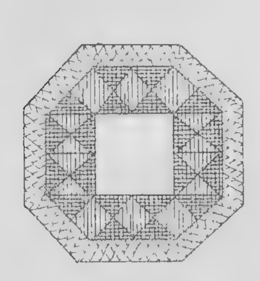
Пустой квадратъ, съ внѣшнимъ поясомъ стрѣлковъ.

Лишь только сомкнутыя части противника отбрасывали стрѣлковъ, которые вели бой впереди въ разсыпномъ строю, послѣдніе тотчасъ-же спѣшили къ своимъ батальонамъ и скрывались подъ пики, становясь на колѣни, или садясь на землю (черт. 24), а чаще стараясь проникнуть какъ-нибудь между рядами пикинеровъ, чтобы вполнѣ укрыться за ихъ спинами, очевидно, такой способъ дѣйствій чрезвычайно затруднялъ пикинеровъ въ самую трудную минуту, когда имъ приходилось дѣйствовать своимъ оружіемъ, и велъ къ безпорядку и всеобщей путаницѣ, которая очевидно возрастала, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось и число стрѣлковъ; если прежде не допускалось имѣть болѣе 4-хъ стрѣлковыхъ рядовъ передъ пиками, то къ половинѣ XVI вѣка, пришлось допустить 6 и даже 8 шеренгъ стрѣлковъ, такъ какъ число людей.

вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, постоянно увеличивалось; при такихъ условіяхъ, пикинеры уже никакъ не могли выполнить лежавшія на нихъ обязанности по прикрытію стрѣлковъ.

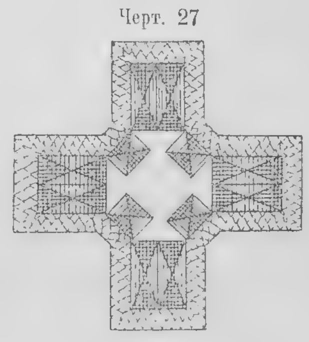
Чтобы помочь этому горю, явился очень простой способъ, именно, стали строить *пустые внутри четверные строи;* этимъ увеличивался периметръ всей массы пикинеровъ, увеличивалась, слѣдовательно, и длина стрѣлковой линіи, а потому могла быть уменьшена ея глубина, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, утилизировались и находившіеся до тѣхъ поръ внутри батальи люди, не принимавшіе дѣятельнаго участія въ бою; наконецъ, сдѣлалось возможнымъ стрѣлкамъ, пользуясь проходами, дѣйствительно скрываться за пикинерами и находить себѣ мѣсто внутри батальи. (Черт. 25).

Черт. 26.



Восьмиугольный строй.

Черт. 27



Крестообразный строй.

Герцогъ *Альбрехтъ Бранденбургскій* (1552 г.) рекомендуетъ строить такой пустой четверной строй изъ полныхъ квадратовъ, выводя изъ нихъ $^1/_2$ людей изнутри и строя, такимъ образомъ, рядомъ съ полнымъ—пустой квадратъ. Пустые квадраты, по его мнѣнію, хороши и для обороны, такъ какъ даютъ возможность большему числу людей дѣйствовать оружіемъ, и для атаки, потому что легко внутри имѣть орудія, которыя, въ рѣшительную минуту, открываются и съ близкой дистанціи обстрѣливаютъ противника.

Иногда четвероугольникъ оставался открытымъ съ фронта, имѣя впереди лишь два рога, между которыми помѣщался обозъ; иногда же обратно,—отсутствовала тыловая часть, и строй принималъ форму буквы П (фиг. № 23, на табл. VII).

Желаніе еще больше увеличить протяженіе стрѣлковой линіи привело къ самымъ разнообразнымъ искусственнымъ построеніямъ—восьмиугольникамъ, (черт. 26), пустымъ внутри крестамъ (черт. 27), кольцеобразнымъ порядкамъ, получавшимся округленіемъ угловъ пустого квадрата, и такіе по-

рядки, конечно, почти не имѣли практическаго примѣненія, а существовали лишь въ теоріи.

Нормальнымъ порядкомъ имперской арміи былъ, по прежнему, полный квадратъ, окруженный поясомъ стрѣлковъ, въ 5—6 шеренгъ; такимъ образомъ, выработался такъ называемый *венгерскій боевой порядокъ*. Его впрочемъ часто употребляла и испанская армія, потому что, входя нерѣдко въ составъ имперско-габсбургской арміи, она выработала сродныя съ послѣдней тактическія формы, сохранившіяся и послѣ того, какъ Испанія, по отреченіи Карла V, перестала составлять нераздѣльное цѣлое съ священной Римской имперіей: такъ, родство политическое неизбѣжно влечетъ за собою родственные аналогичные взгляды и въ области военнаго дѣла и вызываетъ сходство вырабатываемыхъ стратегическихъ и тактическихъ формъ.

Въ испанской арміи различали полные квадраты (muro—стѣна) и пустые (cerca—заборъ, или corral—небольшой дворъ). Къ послѣднему порядку часто прибѣгали, преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось защищать великихъ сановниковъ и государей; хотя бока этого дворика изъ пѣхоты были очень неглубоки — всего въ 3 шеренги глубины, но за то передніе ряды нерѣдко связывали себя желѣзной цѣпью и образовали непроницаемую стѣну изъ пикъ *).

Одновременно съ указаннымъ неудачнымъ рѣшеніемъ вопроса о связи пѣхоты, вооруженной холоднымъ оружіемъ, со стрѣлками, путемъ окруженія послѣдними пикинерныхъ батальоновъ, тотъ-же вопросъ развивался въ другомъ направленіи, именно—путемъ снабженія сомкнутыхъ пикинерныхъ частей, съ фланговъ, стрѣлковыми крыльями; иногда совмѣщались оба способа размѣщенія стрѣлковъ. Примѣръ удачнаго примѣненія стрѣлковаго крыла мы видѣли подъ Черизолой (ветераны). Эти крылья выдвигались частью уже заранѣе впередъ или назадъ, образуя такъ называемые «рога», (Hörner), при чемъ и самыя эти крылья, или рога стали располагаться, по общему обычаю, тоже въ четверномъ или квадратномъ строѣ (чертежи №№ 20, 21 и 22, на табл. VII).

Таковы порядки, рекомендуемые преимущественно *Альбрехтомъ Бранденбургскимъ* (1552). Въ подобномъ-же родѣ описаніе построе-

---

*) Впрочемъ въ испанской арміи, которая, въ то время, вела войну чуть-ли не на всѣхъ театрахъ стараго и новаго свѣта, были извѣстны и другія построенія, бывшія тогда въ ходу: германскій «клинъ» (cuneo), швейцарскій круглый «ежъ» (muela—жерновъ), французскій «частоколъ» (haza—огородъ, вѣроятно отъ французскаго haie), и австрійскій крестъ **(la cruz)**.

нія въ 3-й части книги Фронспергера *). Боевой порядокъ полка (10 значковъ) пѣхоты, общей численностью въ 4000 чел., въ томъ числѣ 1500 аркебузеровъ, строится, по Фронспергеру, слѣдующимъ образомъ (фиг. 19, на табл. VII): изъ 2500 человѣкъ, вооруженныхъ длиннымъ и короткимъ оружіемъ, строится четверной строй, заключающій 51 рядъ въ каждой изъ 59 шеренгъ **). Затѣмъ изъ 1000 стрѣлковъ образуются 4 крыла, по 30 шеренгъ каждое, съ 7-ю рядами въ шеренгѣ. (Тоже непонятная ариѳметика? 30 × 7 = 210, а на крыло приходится 250 чел.). Значки—знамена вводятся во внутрь и, располагаясь, какъ указано на чертежѣ, прикрываются аллебардистами, имѣя снаружи, на флангахъ, отъ 3 до 5 рядовъ пикинеровъ (S и F), примыкающихъ къ аркебузерамъ, окаймляющимъ всю колонну (E и F), а спереди и сзади прикрываются 13—14 шеренгами пикинеровъ. Рекомендовалось также впереди первой шеренги пикинеровъ или непосредственно за ней имѣть рядъ стрѣлковъ, а за тремя первыми рядами пикинеровъ располагать одинъ рядъ аллебардистовъ.

Капитаны становятся по два на углы и по одному въ серединѣ первой и задней шеренгъ; остающіеся 500 стрѣлковъ или высылаются впередъ, въ качествѣ вольныхъ стрѣлковъ (Freyschützen), или прикрываютъ непосредственно фланги главной колонны, окаймляя ее со всѣхъ сторонъ.

Въ подобныхъ построеніяхъ, съ выдвинутыми стрѣлковыми крыльями и рогами, нельзя не видѣть опять-таки оборонительнаго отпечатка; повидимому, при атакѣ противникомъ такого строя, хотѣли создать изъ нихъ нѣчто вродѣ бастіоновъ, защищавшихъ доступъ въ куртинѣ—пикинернымъ рядамъ; словомъ, и тутъ видно стремленіе создать изъ живой силы людей мертвыя формы неподвижнаго укрѣпленія.

Глубокое построеніе стрѣлковъ ставило на очереди новый вопросъ—какъ производить огонь изъ подобнаго строя? Уже въ концѣ XV вѣка, долгое заряжаніе аркебузы и полная безпомощность стрѣлка, въ это время, побудили изыскать способы для постоянной смѣны стрѣлковъ, по производствѣ ими выстрѣла, новыми стрѣлками, которые успѣли-бы заранѣе изготовиться къ стрѣльбѣ. Мы видѣли два такихъ способа: 1) отстрѣлявшая шеренга становится на колѣно и поверхъ ея открываетъ стрѣльбу слѣдующая шеренга, которая затѣмъ также падаетъ, и т. д.; этотъ способъ, первое указаніе о которомъ можно видѣть въ штурмѣ Брешіи Гастономъ де-Фуа (1512 г.) и въ бою при Ля-Бикокѣ (1522 г.), гдѣ его примѣнялъ Пескара, назывался «съ паденіемъ» (niederfallen) и годился пре-

*) «Kriegszbuch» (изд. 1596 г.), стр. CV.

**) Простое умноженіе показываетъ однако, что для этого нужно 3009 чел., а не 2500.

имущественно при оборонѣ; либо 2) помощью контръ-марша рядами, при которомъ отстрѣлявшіе стрѣлки первой шеренги поворачивались кругомъ и, пройдя между разомкнутыми рядами, становились въ заднюю шеренгу, гдѣ заряжали свои аркебузы, а тѣмъ временемъ, изготовившаяся къ стрѣльбѣ вторая шеренга заступала ихъ мѣсто и открывала огонь. При медленности заряжанія примитивной аркебузы, требовалось не менѣе 12 шеренгъ, для производства безпрерывной стрѣльбы послѣдовательно смѣнявшимися стрѣлками. Уже курфюрстъ *Альбрехтъ Ахиллъ,* въ упомянутомъ своемъ трудѣ «Preparation zum Feldzuge» (1477), даетъ указаніе о подобной стрѣльбѣ, о которой говоритъ, «что стрѣлки должны идти, какъ колесо» (in ein Rad gehen), попеременно возвращаясь къ линіи огня, обозначаемой двумя воткнутыми вилками, и производя послѣ стрѣльбы контръ-маршъ рядами. При осадѣ Ланса, въ 1552 году, Монлюкъ расположилъ стрѣлковъ, по 10 человѣкъ, за каждой бойницей и, стрѣляя поочередно, добился того, что, когда послѣдняя шеренга производила выстрѣлъ, то ея мѣсто заступала отстрѣлявшая передъ тѣмъ первая шеренга стрѣлковъ, которые въ то-же время, изготовившись, могли открыть стрѣльбу *).

Въ открытомъ полѣ однако это «колесо» не дѣйствовало. При атакѣ конницей, стрѣлковыя кучи давали общій залпъ, дѣйствительность котораго была порой смертоноснѣе для самихъ стрѣлковъ, чѣмъ для противника: неудобный для стрѣльбы строй приводилъ къ тому, что заднія шеренги стрѣлковъ стрѣляли, въ лучшемъ случаѣ, поверхъ головъ своихъ товарищей, впереди расположенныхъ, а иногда, конечно, доставалось и имъ самимъ. Вслѣдъ затѣмъ, когда этотъ залпъ оставался безъ благопріятныхъ результатовъ, стрѣлкамъ не оставалось ничего дѣлать, какъ бѣжать подъ укрытіе пикинеровъ, окружая ихъ каймой, или усиливая уже бывшую кайму, чѣмъ, конечно, крайне стѣснялись дѣйствія окаймлявшихъ стрѣлковъ и позади ихъ находившихся пикинеровъ, которые не были въ состояніи, въ достаточной мѣрѣ, защитить стрѣлковъ своими пиками. Очевидно, что конницѣ противника, сохранившей свѣжія части, неразстроенныя огнемъ, представлялось, при подобныхъ условіяхъ, широкое поле для достиженія блестящихъ результатовъ; выдвинувъ передовыя части, съ цѣлью вызвать огонь стрѣл-

---

*) *Montluc.* «Commentaires»; (liv. II, стр. 138, лѣв.), также *Рюстовъ* («Исторія пѣхоты», т. I, стр. 229).

ковъ и ихъ безпорядочное бѣгство подъ пики, она могла затѣмъ атаковать образовавшуюся нестройную толпу и, врываясь на плечахъ стрѣлковъ въ середину пикинеровъ, производить между ними безпощадную рѣзню.

Стремленіе избавиться отъ такихъ неудобствъ, ведется въ двоякомъ направленіи или: 1) защитой стрѣлковъ помощью заблаговременнаго ихъ размѣщенія непосредственно позади первой шеренги пикинеровъ, что, какъ мы видѣли, было съ успѣхомъ примѣнено Монлюкомъ въ Черизольскомъ сраженіи (1544 г.) и вело къ органической связи дѣйствій холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, или 2) обезпеченіемъ стрѣлковъ различнаго рода мѣстными препятствіями, располагая ихъ преимущественно на недоступныхъ съ фронта участкахъ позиціи, или наконецъ, создавая для атакующей конницы искусственныя препятствія, въ видѣ рвовъ, волчьихъ ямъ, штурмфаловъ, рогатокъ и боевыхъ повозокъ, располагаемыхъ вагенбургомъ.

Въ виду того развитія, которое получило примѣненіе вагенбурговъ на поляхъ сраженій XV и XVI вѣковъ, особенно послѣ значительныхъ успѣховъ, достигнутыхъ чехами-гуситами, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на изслѣдованіи этого вопроса. Когда, въ XIV вѣкѣ, городскія и сельскія общины вступили въ борьбу съ феодальной рыцарской конницей и стали организовать по преимуществу пѣхотныя ополченія, то послѣднія тотчасъ-же почувствовали необходимость изыскать средство, съ одной стороны, для ускоренія своихъ передвиженій, которыя производились значительно медленнѣе движеній ихъ противниковъ, а съ другой,— для усиленія своего расположенія, при атакѣ непріятельской конницей, страшной для не имѣвшей предохранительнаго вооруженія пѣхоты, и при несовершенствѣ тогдашняго огнестрѣльнаго оружія. Обоимъ этимъ требованіямъ, какъ нельзя лучше, удовлетворяла повозка; она давала возможность перевозить пѣхоту на дальнія разстоянія и, въ то-же время, образуя изъ повозокъ вагенбурги и укрываясь за ними, можно было парализовать самую лихую кавалерійскую атаку. Къ тому-же, городскія и сельскія общины, по условіямъ своей повседневной домашней жизни, всегда имѣли достаточное количество обыкновенныхъ повозокъ, которыя легко можно было употребить для военныхъ цѣлей. **Вагенбургъ.**

Въ организаціи общинныхъ ополченій видно стремленіе создать изъ каждой повозки нѣчто вродѣ рыцарскаго «копья»; такъ, при опредѣленіи состава ополченій, обыкновенно указы-

валось, что каждые 5—6 человѣкъ должны имѣть боевую повозку, снабженную часто легкимъ орудіемъ, вродѣ цербатаны, или возимой аркебузы; самое вооруженіе этихъ 5—6 человѣкъ опредѣлялось обыкновенно смѣшанное, т. е., между ними былъ, напр., одинъ лучникъ, одинъ аркебузеръ, одинъ арбалетчикъ и одинъ пикинеръ (см. фиг. 40, на табл. XI); такимъ образомъ, ту элементарную организаціонную единицу, которая въ рыцарскомъ ополченіи называлась «копьемъ», замѣстила въ городскихъ и сельскихъ ополченіяхъ «повозка».

Служа средствомъ для передвиженій пѣхоты и получивъ указанное организаціонное значеніе, повозки, въ то-же время, начали примѣняться и въ тактическомъ смыслѣ: размѣстившіеся на нихъ стрѣлки получали нѣкоторое командованіе, способствовавшее дѣйствію ихъ оружія, а расположившись за повозками, они прикрывались отъ конной атаки, какъ-бы бруствером, что, въ то время (XIV вѣкъ), когда еще полевая фортификація была лишь въ зародышѣ, представляло для нихъ несомнѣнныя выгоды. Вагенбурги образовали, такимъ образомъ, нѣчто вродѣ редюитовъ, дававшихъ надежное укрытіе при наступленіи противника.

Первыя удачныя примѣненія повозокъ, какъ средства, усиливавшаго дѣятельность пѣхоты въ бою противъ рыцарской конницы, мы видимъ во фландрскихъ войнахъ XIV вѣка. Въ 1304 году, графъ Филиппъ Фландрскій, въ сраженіи при *Монъ-энъ-Певель*, охранялъ тылъ своей арміи тремя рядами плотно связанныхъ другъ съ другомъ повозокъ. Въ 1382 году, въ сраженіи при *Брюгге*, 5.000 гентцевъ, при 200 повозкахъ-одноколкахъ, покрытыхъ желѣзными остріями, отбили атаку на вагенбургъ 40.000 чел. графа Фландрскаго *) Въ томъ-же году, при *Роосбекѣ*, фламандцы воспользовались подвижными рибодекэнами, т. е., повозками, на которыхъ были размѣщены пищали, и, хотя фламандцы были здѣсь разбиты, но все-же удержали противника, окруживъ свой боевой порядокъ этими рибодекэнами, образовавшихъ не только искусственное препятствіе, но и сослужившихъ службу огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ своихъ орудій. Изложенное показываетъ, какое важное значеніе имѣли въ ополченіяхъ общинъ вагенбурги, служившіе надежнымъ оплотомъ противъ конницы, способствовавшіе дальнѣйшему развитію подвижной артиллеріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣнявшіе роль полевыхъ укрѣпленій.

---

*) *Рюстовъ;* (т. I, стр. 124.); *Михневичъ*, (стр. 161).

Это значеніе боевыхъ повозокъ было вполнѣ оцѣнено знаменитымъ чешскимъ полководцемъ *Яномъ Жижкой*, видѣвшимъ въ нихъ надежную опору для своихъ преимущественно пѣхотныхъ ополченцевъ, противъ прекрасной имперской конницы *). Онъ усовершенствовалъ «военные артикулы», выработанные еще до него, въ 1413 году, *Гаіекомъ изъ гор. Годетина*, «подкоморникомъ короля Вѣнцеслава»; согласно этихъ артикуловъ, при каждой военной повозкѣ, должны были находиться два воина съ пиками и со щитами, называвшимися «павезени»; при повозкѣ, кромѣ того, находились: аркебуза, 2 топора, 2 лопаты, 2 сѣкиры, 2 кирки, 1 рогатка и 1 пика; подъ повозкой висѣла доска, привязанная накрѣпко къ обѣимъ осямъ и цѣпь для скрѣпленія съ сосѣдней повозкой.

При Жижкѣ, повозки, кромѣ пассивно-оборонительнаго значенія, которыя онѣ имѣли до него, получили даже характеръ активно-наступательнаго средства. Прежде всего, онъ усилилъ составъ пѣхотинцевъ, состоявшихъ при каждой повозкѣ, доведя его до 4 человѣкъ, которые были вооружены боевымъ цѣпомъ (окованнымъ желѣзомъ), аллебардой (сулицами), лукомъ и аркебузой (изображеніе подобной повозки, со всѣми видами пѣхотинцевъ на ней, см. фиг. 40, на табл. XI). Число повозокъ разсчитывалось по одной на 20 человѣкъ пѣхоты (50—на 1000 ч.); пѣхотинцы, не помѣщавшіеся на самыхъ повозкахъ, стояли отдѣленіями за ними, въ такъ называемыхъ «улицахъ». Немногочисленная-же конница была внѣ повозокъ, которыя на походѣ обыкновенно двигались въ четырехъ рядахъ; два крайнихъ изъ нихъ были нѣсколько длиннѣе среднихъ, и излишки пер-

*) Іенсъ («Handbuch», стр. 943 и 873) полагаетъ, что употребленіе повозокъ, какъ боевого сведства, находится въ зависимости отъ степени сохраненія народами кочевого образа жизни, при которомъ повозка, какъ странствующій домъ, составляетъ необходимую принадлежность каждой семьи, а потому и легко можетъ быть примѣнена для военныхъ цѣлей. Онъ приводитъ въ примѣръ славянъ, которые, подъ вліяніемъ монгольскаго нашествія, сохранили склонность къ бою съ повозками и, въ доказательство, ссылается на нашъ «гуляй-городъ». Не оспаривая этотъ вопросъ по существу, мы должны однако замѣтить, что фламандцы и чехи, вѣроятно, давно забыли о кочевомъ образѣ жизни, когда употребляли свои вагенбурги, и что, на нашъ взглядъ, кажется, было-бы правильнѣе считать, что повозка служила весьма существенной помощью особенно тѣмъ арміямъ, которыя, имѣя хорошую пѣхоту, нуждались въ конницѣ и должны были бороться съ противникомъ, главная сила котораго была именно въ хорошей конницѣ; такъ, фламандская пѣхота принуждена была вступить въ борьбу съ внушительной французской конницей; чехи-гуситы—съ имперскими (венгерскими) лихими наѣздниками; намъ, русскимъ, во время нашествія татаръ, пришлось удерживать прекрасную татарскую конницу; сильныя стойкой пѣхотой, всѣ эти національности усиливаются еще болѣе опорой на вагенбурги.

выхъ назывались повозочными крыльями; въ случаѣ атаки противника, эти крылья смыкались къ серединѣ, лошади выпрягались, оглобли клались на впереди стоявшую повозку, и всѣ онѣ связывались цѣпями, образуя, такимъ образомъ, сомкнутый вагенбургъ, или таборъ (отъ горы Ѳаворъ, какъ былъ названъ главный лагерь гуситовъ, откуда и пошли «табориты»). Повозки управлялись особыми сигналами, подаваемыми флагами съ повозокъ-же, и при атакѣ противника могли, по заранѣе условленнымъ знакамъ, строить очень сложныя построенія, въ видѣ буквъ V, C, Ω и т. п.; форма, такихъ построеній, вѣроятно, обусловливалась рельефомъ мѣстности. (Боевой порядокъ гуситовъ—см. схему № 18, на табл. V). Въ лабиринтѣ улицъ, искривлявшихся между рядами повозокъ, противникъ запутывался, какъ въ сѣтяхъ, и въ эту-то минуту его разстройства, пѣхота окончательно поражала его цѣпами, мечами и стрѣльбой съ повозокъ; тѣ-же всадники, которые выбирались изъ лабиринта, становились добычей слѣдившей за этимъ конницы (koniebеrk'овъ). Эней Сильвій Пикколомини (впослѣдствіи папа Пій II) сравниваетъ войско Жижки съ чудовищемъ, которое неожиданно и быстро охватывало своими многочисленными руками свою добычу, сжимало, раздробляло и поглощало ее *).

Примѣромъ того, какъ Жижка умѣлъ придавать наступательный характеръ своему боевому обозу, служитъ прорывъ его, въ 1421 г., при горѣ *Таурганъ*, когда армія Жижки, окруженная многочисленной имперской арміей, казалось, была обречена на неминуемую гибель; однако связанныя цѣпями повозки, на которыхъ ѣхали отборные чешскіе воины, прорвали непріятельское расположеніе, быстро спустившись съ горы, а пораженные неожиданностью имперцы нерѣшительно разступились передъ этой странствующей крѣпостью, не отваживаясь на ея атаку, чѣмъ дали возможность гуситамъ почти безъ потерь достигнуть Коллина.

Для атаки расположенія противника (преимущественно—его пикинерныхъ батальоновъ), боевыя повозки стали снабжаться косами, серпами, рядами пикъ; лошадей отпрягали и затѣмъ, управляя оглоблями, проникали съ этими повозками въ сере-

*) *Meynert*, (ч. II, стр. 114—115). *Голицынъ*; (т. III, стр. 88). *Jähns*: «Handbuch», (стр. 889—892). *Пузыревскій*; «Средніе вѣка», (ч. II, стр. 37—39). *Гейсманъ*; «Краткій курсъ», (ч. I, стр. 153—157). Изъ атласа, приложеннаго къ послѣднему, взята и помѣщенная на табл. V схема №18 боевого порядка гуситовъ.

дину непріятельскихъ сомкнутыхъ частей, а вслѣдъ за ними, прикрываясь щитами-павезами, врывались въ образовавшіеся разрывы мечники и аллебардисты, которые шли непосредственно за повозками.

По примѣру чеховъ и другіе народы, — венгры, нѣмцы, бургундцы и другіе завели себѣ подобныя-же «боевыя повозки».

Въ войнѣ горожанъ Нюренберга противъ *Альбрехта Бранденбургскаго*, въ 1450 году, произошелъ интересный бой при *Хембахѣ*, во время котораго Альбрехтъ 5 разъ атаковалъ вагенбургъ нюренбергцевъ, готовившихся переправиться вбродъ черезъ рѣку Редницъ и хотѣлъ прижать ихъ къ рѣкѣ, на другомъ берегу которой былъ, къ тому-же, расположенъ его собственный обозъ, съ прикытіемъ въ 5.000 пѣхотинцевъ. Не смотря на выгодныя для *Альбрехта* условія боя, горожане отбили всѣ атаки, благодаря разумной стрѣльбѣ изъ орудій, расположенныхъ на повозкахъ; они не сразу выпустили залпомъ всѣ свои заряды, какъ это обыкновенно практиковалось, но постепенно, по извѣстной очереди, благодаря чему конницѣ никакъ не удавалось улучить минуту, когда прекратился-бы огонь, на что она разсчитывала, ввиду обычнаго, въ то время, способа встрѣчи кавалерійскихъ атакъ *).

Желаніе придать наступательный характеръ дѣйствіямъ вагенбурга привело къ тому, что, по примѣру конницы, германцы стали и повозки строить „клиномъ“; по крайней мѣрѣ, такое построеніе заключаетъ иконографическій сборникъ *Августина Дахсберга*, мюнхенскаго оружейника, написавшаго свою иконографію въ 1443 году. Онъ ставитъ повозки: въ 1-мъ ряду—одну, во 2-мъ—двѣ, въ 3-мъ—три и т. д. **).

Оцѣнивъ значеніе вагенбурга, *Альбрехтъ, маркграфъ Бранденбургскій*, издалъ, въ 1462 г., наказъ, согласно которому, при слѣдованіи вагенбурга, наружные ряды его дѣлались на 2 повозки длиннѣе внутреннихъ рядовъ; наружныя повозки снабжались надежными цѣпями, для скрѣпленія ихъ между собой, а двойныя доски, составлявшія ихъ бока, имѣли отверстія для стрѣльбы (бойницы) и сверху по 2 загородки; снизу, подъ ступицами, подвѣшивалась 3-я доска, не позволявшая атакующимъ, при штурмѣ вагенбурга, пролѣзать подъ дномъ повозки. Передъ вагенбургомъ слѣдовалъ въ авангардѣ передовой значекъ (Rennpanyr), впереди котораго никто не имѣлъ права выѣзжать, „для грабежа или для кормленія лошадей“. Передъ каждымъ рядомъ повозокъ слѣдовали 10 человѣкъ съ пиками и 10 человѣкъ съ лопатами и кирками, для исправленія путей. Половина пѣхоты и трабантовъ шли впереди вагенбурга, прикрывая продовольственныя повозки; другая половина,—сзади, въ одной колоннѣ, выславъ впередъ, назадъ и на фланги дозоры. (Vor—,Nach—und Neben-Traber),

При слѣдованіи черезъ дефиле, сперва проходитъ правый наружный рядъ повозокъ и, пройдя тѣснину, останавливается, ожидая послѣдовательнаго прохожденія остальныхъ повозокъ; вслѣдъ за-

*) *Jähns*. «Handbuch», стр. 946.
**) *Его-же*. «Geschichte», т. I, стр. 260.

тѣмъ продолжается движеніе, по возможности, въ прежнемъ порядкѣ.

Курфюрстъ *Альбрехтъ Ахиллъ Бранденбургскій*, въ заботахъ объ усовершенствованіи организаціи вагенбурга и дѣйствій имъ въ бою, издалъ, въ 1475 г., постановленіе, на основаніи котораго вагенбурги, при остановкахъ, должны были окружаться рвомъ и валомъ, а по 4-мъ угламъ ихъ располагались орудія; снаружи вагенбурга должна была оставаться лишь 1/4 всей конницы. При каждой повозкѣ должны были состоять 6 пѣхотинцевъ; 1.000 пѣхотинцевъ, при нѣсколькихъ всадникахъ, располагались у двухъ воротъ вагенбурга и по 500 человѣкъ — у каждаго изъ его наружныхъ угловъ. Въ резервѣ, въ центрѣ, располагались 2000 пѣхотинцевъ и остальная конница.

Въ упомянутыхъ уже указаніяхъ сыну курфюрста Альбрехта Ахилла („Preparation zum Feldzuge"), въ 1477 году, онъ даетъ точныя постановленія о маршѣ вагенбургомъ и о расположеніи его на отдыхѣ, для чего устанавливалось и связывалось цѣпями по 100 повозокъ, по сторонамъ квадрата, около 500 шаговъ длиною, считая на отпряженную повозку, плотно придвинутую къ сосѣдней, по 5 шаговъ. Эти 400 повозокъ образовывались изъ двухъ наружныхъ рядовъ походной колонны, а средніе два ряда ея устанавливались въ серединѣ квадрата, оставляя между собой и наружными повозками „улицы", около 20 фут. шириной.

Изъ другихъ сочиненій конца XV вѣка, мы узнаемъ, что, хотя вагенбурги принимали квадратную или вообще четырехъ-угольную форму, но допускались и полулунные и треугольные вагенбурги; послѣдніе—особенно при расположеніи впереди мостовъ. *Людвигъ фонъ Эйбе*, въ своей „Книгѣ о войнѣ" („Kriegsbuch". 1500 г.) считаетъ необходимымъ для 50.000 чел. имѣть 5.000 повозокъ, располагаемыхъ на маршѣ въ 4 колонны, между которыми наступали войска; при вагенбургѣ слѣдовали на повозкахъ 30 камнеметныхъ пушекъ, и мелкія пищали, располагавшіяся преимущественно на повозкахъ наружныхъ обозныхъ колоннъ, съ выдѣленіемъ нѣкотораго количества для продольнаго обстрѣливанія „улицъ". На маршѣ пушки шли въ интервалахъ между головами четырехъ рядовъ повозокъ (черт. 28). За орудіями слѣдовали: въ правомъ интервалѣ— три колонны стрѣлковъ, въ промежуткахъ между которыми наступали двѣ пикинерныя колонны; въ среднемъ—конные стрѣлки, главная масса тяжелой конницы и пѣшіе стрѣлки; въ лѣвомъ— головная колонна стрѣлковъ, затѣмъ шли пикинеры, въ третьей колоннѣ аллебардисты и замыкали опять пѣшіе стрѣлки *).

Изъ французскихъ писателей конца XV вѣка, болѣе подробно описываются вагенбурги лишь герцогомъ *Филиппомъ Клеве*, рекомендовавшимъ **) прикрывать тылъ и фланги походнаго порядка, помощью боевыхъ повозокъ (carroy), двигавшихся

---

*) *Jähns*, «Handbuch»; стр. 951.

**) *Philippe de Clève*. «Description de la forme et de la manière de fonduire le faict de la guerre» (переводъ у Фронспергера, въ «Kriegszbuch»).

въ двухъ колоннахъ. Саперы и артеллеристы все еще дѣйствуютъ, по наставленію герц. Клеве, въ самой тѣсной связи съ повозками, но орудія располагаются уже не на самыхъ повозкахъ,

Черт. 28.

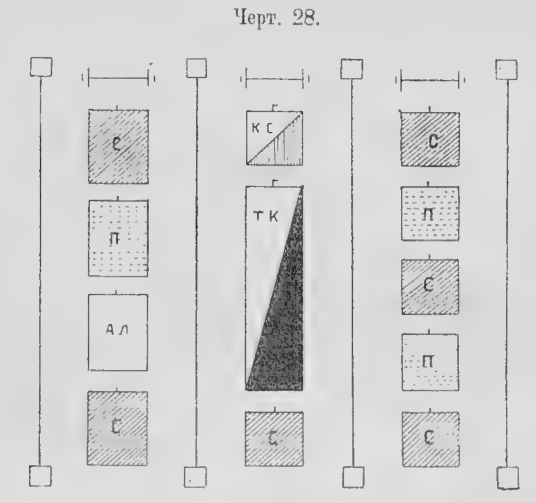
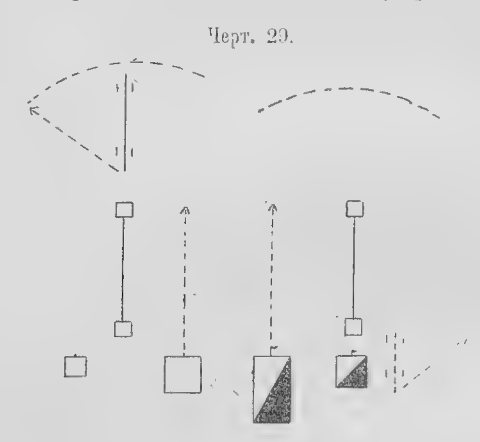


Схема походнаго движенія 50-ти тысячнаго отряда, прикрытаго вагенбургомъ (по Людвигу фонъ-Эйбе). 1500 г.

а имѣютъ свои особыя телѣжки, движущіяся или впереди лѣвой обозной колонны, или половина впереди лѣвой, а другая половина позади правой колонны повозокъ (черт. 29). Общій боевой

Черт. 29.



Боевой порядокъ съ вагенбургомъ (по Филиппу Клеве).

вой порядокъ пѣхоты и конницы (см. выше стр. 222 и 252) строится позади этого вагенбурга, при чемъ выставляется выгода, что своя артиллерія ближе на глубину вагенбурга къ войскамъ противника, чѣмъ его собственная артиллерія къ нашимъ вой-

скамъ и потому можно нанести непріятелю артиллерійскимъ огнемъ болѣе чувствительныя потери (если при этомъ, конечно, онъ не принялъ такого-же построенія). Невыгода такого построенія составляла однако возможность для противника захватить внезапной атакой всю артиллерію и обозъ, до выручки ихъ нашими войсками. Послѣ артиллерійской подготовки, герцогъ Клеве предлагаетъ вести боевой порядокъ между обѣими колоннами повозокъ, которыя должны держаться на такомъ интервалѣ между собой, чтобы допускать подобное развертываніе боевого порядка внутри ихъ. Такимъ образомъ, обозныя колонны, во время боя, будутъ служить прикрытіемъ фланговъ, и противникъ при наступленіи все время будетъ подвергаться дѣйствію нашей артиллеріи (если имѣется артиллерія позади правой колонны то она развертывается вправо, внѣ обозной колонны). Герцогъ Клеве считаетъ наиболѣе выгоднымъ встрѣтить противника рукопашнымъ боемъ на линіи головъ обозныхъ колоннъ и совѣтуетъ, сообразно этому, соразмѣрять свое наступленіе; тогда артиллерія будетъ имѣть возможность дѣйствовать до самой минуты непосредственнаго столкновенія и нанесетъ противнику наибольшій уронъ. *Когда весь боевой порядокъ войдетъ между обозными колоннами, то герц. Клеве предлагаетъ завернуть хвосты ихъ къ серединѣ и сомкнуть весь интервалъ между ними,* что, во-первыхъ, обезпечитъ тылъ боевого порядка отъ покушеній противника, а во-вторыхъ, *затруднитъ трусамъ предаться бѣгству съ поля сраженія* *).

Боевой порядокъ герцога Клеве, комбинированный съ обозными колоннами, представляетъ интересъ главнымъ образомъ потому, что онъ не есть лишь праздное теоретическое измышленіе, но практиковался имъ въ дѣйствительности; по крайней мѣрѣ, герцогъ увѣряетъ, что онъ, въ такомъ порядкѣ, часто велъ бой противъ болѣе сильнаго числомъ противника и на равнинной мѣстности, и Богъ ему даровалъ побѣду, отчего онъ и считаетъ этотъ боевой порядокъ наиболѣе безопаснымъ и вѣрнымъ, хотя онъ далеко не всѣмъ нравится, потому что «при немъ не предоставлено на выборъ собственной волѣ отдѣльныхъ лицъ—вести-ли бой или бѣжать» **).

---

*) «Affin que vous puissiez avoir qu'à l'entrée de vostre carroy, là ou vous combattez..... aussi que nuls de vos gents ne puissent fuyr que par là ou ils combattent pourquoi ils valent mieulx...

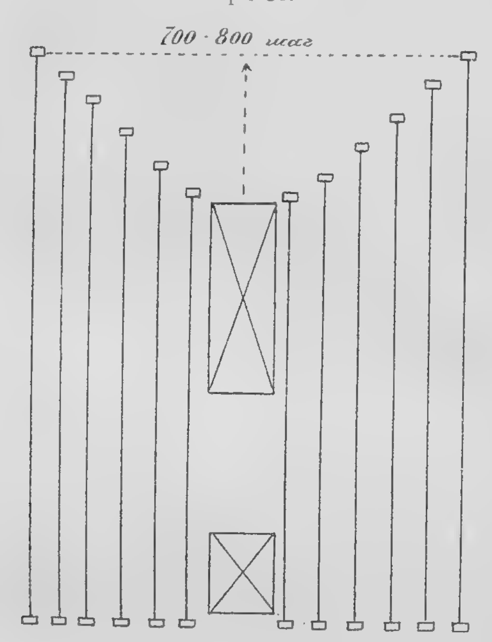
**) Toutefois il ne plaist pas à chacun, pour ce qu'ils ne peuvent pas combatre ou fuir à leur volunté, mais de ma part le trouve bon et seur ainsi!...» (стр. 76—79, изд. 1558 г.).

Въ началѣ XVI вѣка, боевыя повозки начинаютъ выходить изъ всеобщаго употребленія, замѣняясь уже настоящей подвижной артиллеріей, которая начинаетъ получать значительное самостоятельное развитіе. Тѣмъ не менѣе, въ 1512 г., подъ Равенной, мы видимъ еще 30 боевыхъ повозокъ, снабженныхъ косами, пиками и легкими орудіями, легко управлявшихся пѣхотинцами при помощи 6-футоваго вилообразнаго дышла, при опусканіи котораго на землю, поднимался непроницаемый рядъ пикъ, не позволявшій противнику пробраться къ орудіямъ и ихъ защитникамъ. Педро Наварро однако не могъ завести значительнаго количества подобныхъ повозокъ, и потому онѣ не могли играть въ этомъ сраженіи такой выдающейся роли, которую сумѣлъ имъ придать знаменитый Янъ Жижка. Онѣ составляли уже переходъ къ легкимъ артиллерійскимъ орудіямъ, которыя все болѣе и болѣе вытѣсняли «боевую повозку» гуситовъ (такая переходная форма боевыхъ повозокъ изображена на фиг. 41, табл. XI). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ XVI вѣкѣ, начало развиваться и полевое инженерное искусство, а литература того времени указываетъ, что фортификаціонныя работы дѣлали вагенбурги, до извѣстной степени, излишними; такъ, графъ Сольмсъ («Kriegsregierung». 1550 г.) совѣтуетъ чаще прибѣгать къ полевымъ укрѣпленіямъ, потому что они не требуютъ такихъ расходовъ, какъ заведеніе многочисленныхъ «боевыхъ повозокъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ способны, при расположеніи на мѣстѣ, замѣнить вагенбурги. Впрочемъ, еще въ 1537 году, полковникъ Фельсъ, съ 4.000 чел., успѣшно обороняется въ вагенбургѣ, въ теченіи трехъ дней, противъ 20.000 чел., пока не подошла къ нему выручка.

Первый герцогъ прусскій, Альбрехтъ Бранденбургскій, внукъ Альбрехта Ахилла, въ своемъ «Kriegsbuch» (1552 г.) все еще рекомендуетъ движеніе въ походномъ порядкѣ вагенбургомъ (черт. 30). Повозки у него наступаютъ въ 12 рядовъ, глубина которыхъ постепенно сокращается къ серединѣ; между двумя средними рядами оставляется свободный промежутокъ, около 90 сажень ($4^1/_2$ селп, или $192,_{15}$ метр.), въ которомъ слѣдуютъ войска съ артиллеріей и съ продовольственнымъ обозомъ; при подобномъ порядкѣ, разстояніе между головами фланговыхъ колоннъ повозокъ, будучи раза въ три больше промежутка между двумя средними колоннами, допускало развертываніе на этой линіи боевого порядка, который являлся, такимъ образомъ, защищеннымъ съ фланговъ

и отчасти съ тыла. Нечего и говорить, что примѣненіе такого порядка возможно было только на вполнѣ равнинной и непересѣченной мѣстности, такъ какъ, для наступленія всего вагенбурга, требовалось открытое пространство въ 700—800 шаговъ по фронту движенія. Герцогъ Альбрехтъ даетъ также указаніе о болѣе сосредоточенномъ походномъ порядкѣ вагенбурга, при которомъ повозки идутъ близко, рядомъ другъ съ другомъ, и связываются по фронту цѣпями, а внутри идетъ

Черт. 30.



Походный порядокъ, прикрытый вагенбургомъ (по Альбрехту Бранденбургскому) 1552 г.

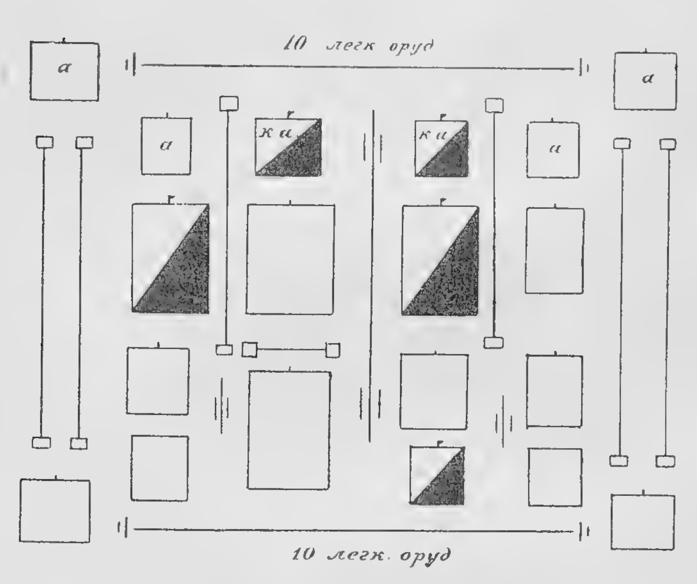
пѣхота; такой порядокъ рекомендуется принимать въ виду многочисленной непріятельской конницы, когда нѣтъ средствъ выдвинуть противъ нея достаточно сильной собственной кавалеріи.

Во 2-й половинѣ XVI вѣка, вагенбурги, во всякомъ случаѣ, теряютъ свое значеніе и главнымъ образомъ потому, что исчезли тѣ причины, которыя ихъ вызывали: *рыцарская конница окончательно сошла со сцены, а съ другой стороны, усовершенствованіе ручного огнестрѣльнаго оружія и, главное, —улучшеніе состава пѣхоты сдѣлало послѣднюю болѣе независимою и самостоятельною; менѣе нуждающейся въ поддержкѣ вагенбурга, тѣмъ болѣе, что при*

наступленіи и атакѣ, могущественной помощницей ея стала артиллерія, а при расположеніи на мѣстѣ, для обороны, стали прибѣгать къ помощи полевыхъ укрѣпленій.

Фронспергеръ, во II части своего „Kriegsbuch“ *), говоритъ о вагенбургѣ, какъ о полузабытомъ уже способѣ охранять войска на маршѣ и на отдыхѣ; тѣмъ не менѣе, онъ также предлагаетъ пользоваться обыкновенными и боевыми повозками **), для прикрытія фланговъ войскъ на маршѣ, особенно на равнинныхъ театрахъ войны, напр., въ Венгріи. Какъ показано на схемѣ

Черт. 31.



Наступленіе 4-хъ колоннъ, прикрытыхъ повозками (по Фронспергеру).

(черт. 31), составленной по гравюрѣ изъ книги Фронспергера, между двумя двойными рядами такихъ повозокъ наступаютъ 4 войсковыя колонны, въ интервалахъ между которыми двигаются также тяжелая артиллерія и повозки съ боевыми припасами; во главѣ всего походнаго порядка, а также въ тылу двигалась, въ развер-

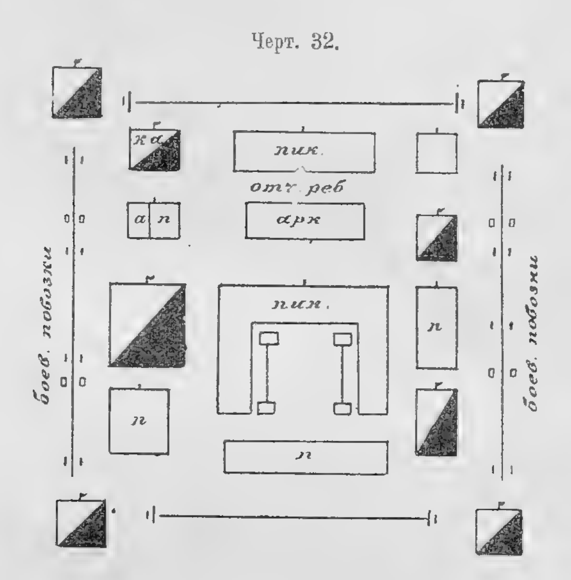
*) Изд. 1596 г., стр. XVIII.

**) Іенсъ ошибается, говоря, что Фронспергеръ уже не упоминаетъ о боевыхъ повозкахъ («Von Streitwagen im eigentlichen Sinne ist gar nicht mehr die Rede». «Geschichte...», т. I, стр. 756). На самомъ дѣлѣ, во 2-й части труда Фронспергера встрѣчается нерѣдко выраженіе «Streit-Karren»—боевая повозка, а чертежъ, приложенный къ стр. L второй части «Kriegsbuch» (табл. VII, № 23), наглядно представляетъ намъ на флангахъ наступающихъ колоннъ такія боевыя повозки, съ положенными на нихъ аркебузами, а также повозки съ пиками, игравшія роль подвижныхъ препятствій.

нутой линіи, болѣе легкая артиллерія, прикрытая стрѣлками въ небольшихъ колоннахъ. Для походнаго движенія въ виду противника, Фронспергеръ предлагалъ порядокъ, схематически изображенный на чертежѣ 32 (и въ снимкѣ съ оригинала—на табл. VII); согласно этого чертежа, боевыя повозки наступали съ обоихъ фланговъ, а легкая артиллерія съ фронта и съ тыла; продовольственныя подводы и обозъ занималъ середину этого порядка и охранялся пикинерами, поставленными „покоемъ".

Дольше сохранилось употребленіе вагенбурговъ въ тѣхъ арміяхъ, которымъ еще противостояла хорошая конница; таковой была, напр., въ концѣ XVI вѣка, турецкая кавалерія,

Черт. 32.



Наступленіе боевого порядка (по Фронспергеру).

и вотъ, въ сочиненіи *Швенди* «Kriegsdiscurs» (1575 г.), онъ совѣтуетъ въ войнахъ съ турками, при наступленіи по венгерскимъ равнинамъ, непремѣнно имѣть надежную опору въ вагенбургѣ, при чемъ вновь возвращается къ идеѣ «боевыхъ повозокъ», предлагая размѣщать на нихъ легкія орудія-фальконеты и органныя орудія, а при атакѣ рекомендуетъ располагать на повозкахъ-же и пѣшихъ стрѣлковъ. Удачное примѣненіе вагенбурга мы видимъ еще въ отступленіи герцога Пармскаго изъ Корбейля въ Бельгію (1590 г.). Съ каждаго фланга походнаго порядка его, которому угрожала превосходная конница Генриха IV, двигалось 3—4 ряда обозныхъ подводъ и повозокъ съ припасами, а въ серединѣ ѣхали телѣги съ больными. Подъ прикрытіемъ этого вагенбурга и

съ помощью испанскихъ конныхъ аркебузеровъ, поочередно возвращавшихся въ вагенбургъ, послѣ каждаго произведеннаго ими выстрѣла, для заряжанія, герцогу удалось отступить безъ особыхъ потерь *).

Такимъ образомъ, въ общемъ выводѣ о вагенбургахъ, мы должны признать, что они служили оплотомъ пѣхотѣ противъ сильной конницы; неустойчивыя городскія и сельскія ополченія находятъ въ нихъ могущественное и удобное, при ихъ соціальной жизни, средство, чтобы парализовать рыцарскую конницу, сильную своимъ наступательнымъ образомъ дѣйствій. Съ теченіемъ времени, городскія и сельскія повозки совершенствуются, обращаясь въ «боевыя», а эти послѣднія способствуютъ замѣнѣ прежнихъ грузныхъ малоподвижныхъ бомбардъ и кулевринъ легкими полевыми артиллерійскими орудіями. Окрѣпшая пѣхота, усиленная подвижной артиллеріей, уже перестаетъ нуждаться въ непосредственномъ прикрытіи вагенбургами изъ боевыхъ повозокъ, представлявшихъ извѣстныя неудобства и излишніе расходы, особенно съ тѣхъ поръ, когда оборона начала находить помощь въ инженерномъ искусствѣ и когда тяжелая конница стала терять свое прежнее значеніе.

Артиллерія.

Какъ выше было выяснено, первый примѣръ заведенія сильной *артиллеріи* показала Франція; походъ Карла VIII въ Италію способенъ былъ привести въ изумленіе современниковъ, и нами были приведены ихъ описанія французскихъ орудій, которыя, повидимому, внушали имъ страхъ и трепетъ однимъ своимъ видомъ.

Однако и во Франціи и, особенно, въ Германіи, артиллерія получила своеобразное развитіе, надолго задержавшее правильное ея употребленіе въ бою, не позволившее твердо установить тактическое пользованіе ею, какъ родомъ оружія. Правительство, обремененное заботами объ утвержденіи своей власти въ государствѣ, всегда нуждавшееся въ людяхъ и средствахъ, не рѣшалось, а отчасти было даже лишено возможности взять это дѣло въ собственныя руки, опасаясь, такъ сказать, рисковать, ввиду новизны дѣла, и на свой страхъ завести собственную артиллерію; преслѣдуя тотъ-же болѣе экономный принципъ найма, практиковавшійся въ организаціи вооруженной силы, правительство нанимало оружейниковъ и пушкарей съ ихъ орудіями, поручая имъ-же и употребленіе ихъ на войнѣ, что представляло тѣмъ большее удобство, что,

*) *Jähns.* «Handbuch», стр. 953.

при развитіи городской ремесленной жизни, литейщики и кузнечные мастера охотно занялись спеціальностью изготовленія орудій. Уходъ за орудіемъ, пріемы заряжанія и производства выстрѣла, особенно при тогдашней несовершенной конструкціи орудій, требовали осмотрительности и умѣнья; наемныя войска, необученныя и неподготовленныя къ этому, были для этихъ цѣлей мало пригодными, и вотъ почему артиллерія не образовала, въ XV и отчасти въ XVI вѣкѣ, правильно организованнаго рода оружія, но являлась полу-независимымъ отъ арміи, ремесленно-цеховымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ лишь назначеніе помогать, когда то окажется удобнымъ, дѣйствіямъ главныхъ родовъ оружія, т. е., коннницѣ и пѣхотѣ.

Такое положеніе артиллеріи естественно привело къ тому, что тактика ея не могла успѣшно развиваться, такъ какъ для этого *недоставало внутренней прочной связи съ другими родами оружія и не было достаточной военной подготовки* у пушкарей, задача которыхъ казалась уже хорошо выполненной, если имъ удавалось отлить грандіозную пушку, которая бросала снаряды на далекое разстояніе и при этомъ сама не разрывалась. При подобныхъ условіяхъ вполнѣ понятно, что пушкарскіе мастера, въ постоянномъ стремленіи перещеголять другъ друга въ размѣрахъ и въ изяществѣ украшеній отливаемыхъ орудій, не придали значенія важнѣйшимъ *тактическимъ требованіямъ отъ артиллеріи: ея подвижности и однообразію ея калибровъ;* несоблюденіе перваго условія, выразившееся въ громоздкихъ орудіяхъ, (80 и 60 фунтовыя картауны), которыхъ тащили иногда 20—30 лошадей (см. фиг. 46, на табл. XI), повело къ черезвычайной медленности всѣхъ ея передвиженій и почти полной невозможности маневрировать на полѣ сраженія; разнообразіе калибровъ мѣшало правильной организаціи питанія артиллеріи огнестрѣльными припасами, такъ какъ орудія должны были часто прекращать стрѣльбу, въ самыя критическія минуты боя, вслѣдствіе израсходованія снарядовъ даннаго калибра.

Затрудненія въ дѣятельности артиллеріи, проистекавшія вслѣдствіе разнообразія калибровъ, увеличивались еще болѣе отъ того, что строгаго раздѣленія на осадную и полевую артиллерію не было; осада входила, почти безъ исключеній, во всякую военную операцію, и потому армія, выступавшая въ походъ, должна была имѣть при себѣ орудія такихъ калибровъ, снаряды которыхъ могли-бы разбивать крѣпостныя постройки и бороться съ сильной артиллеріей, ихъ оборонявшей; а потому въ

такой арміи имѣлись громадныя мортиры, бомбарды, картауны, на-ряду съ самыми легкими кулевринами и фоконно, преимущественно предназначавшимися для дѣйствій противъ подвижныхъ цѣлей и, особенно, противъ конницы.

До какой степени сковывающимъ образомъ вліяла эта неорганизованная артиллерія на дѣйствія войскъ, рельефно выступаетъ изъ одной біографіи Баярда, авторъ которой, говоря объ артиллеріи Максимильяна I, въ 1507 году, сообщаетъ, что, вслѣдствіе недостатка средствъ, въ имперской арміи имѣлись лошади и повозки, поднимавшія лишь половину всѣхъ артиллерійскихъ орудій; а потому, при всякомъ передвиженіи, приходилось оставлять на ночлегѣ другую ихъ половину, съ сильнымъ прикрытіемъ, пока повозки и лошади не возвращались обратно для перевозки оставшейся части орудій *).

Поэтому, не смотря на значительное количество орудій, число которыхъ относительно другихъ родовъ оружія, въ концѣ XV вѣка, уже дошло отъ $2^1/_2$ до 3-хъ и даже болѣе на 1.000 человѣкъ, артиллерія не была въ состояніи оказать той помощи, которой отъ нея ожидали до тѣхъ поръ, пока само правительство не взяло артиллерійскаго дѣла въ свои руки, пока оно само не начало отливать орудія, соотвѣтственно своимъ дѣйствительнымъ надобностямъ и не завело находившихся на постоянной государственной службѣ артиллеристовъ, при чемъ, конечно, первоначально обѣ спеціальности—изготовленія орудій и ихъ обслуживанія при стрѣльбѣ—были вначалѣ тоже слиты, ради необходимой экономіи; въ мирное время, артиллеристы отливали свои пушки, а въ военное—стрѣляли изъ нихъ; только значительно позже, уже въ концѣ XVI вѣка, произошло раздѣленіе труда по этимъ двумъ отдѣламъ артиллеріи.

Почипъ въ созданіи артиллеріи, какъ рода оружія, дала опять Франція. Мы видѣли, какія мѣры были для этого приняты Людовикомъ XI и Людовикомъ XII. Учрежденіе при первомъ изъ нихъ, по проекту *Гаспара Бюро*, постоянныхъ «артиллерійскихъ дружинъ» (bandes d'hommes de metier) было началомъ новой эры для артиллеріи, и тотчасъ-же получились результаты этой благодѣтельной мѣры, такъ какъ немедленно была сознана важность сокращенія числа калибровъ и увеличенія подвижности артиллерійскихъ орудій. Уже при Фран-

---

*) Выписка изъ «Le loyal serviteur», гл. XXXII, приведена у *Jähns'а*: «Handbuch», стр. 1072.

цискѣ I мы видимъ всего 8 калибровъ, изъ которыхъ четыре (отъ 80-ти до 15-ти фунт.) соотвѣтствовали осаднымъ—и четыре (отъ 7-ми фунтоваго до 14-ти унцоваго фоконно)— полевымъ орудіямъ. Насколько возросла подвижность французской артиллеріи, доказываетъ намъ ея дѣятельность подъ Равенной, Мариньяно и Павіей. Способность къ маневрированію стала обнаруживаться именно съ тѣхъ поръ, когда артиллеріей заинтересовались и дѣйствіями ея стали руководить не литейщики и кузнечные мастера, а люди военные, испытанные въ бояхъ и хорошо знакомые съ боевыми требованіями и условіями. Блестящимъ примѣромъ, въ этомъ отношеніи, служитъ дѣятельность герцога Феррарскаго въ Равеннскомъ сраженіи, 1512 года.

Германская артиллерія находилась въ худшихъ условіяхъ и, можетъ быть, оттого, *что развитіе промышленно-ремесленной жизни, сила и благосостояніе городскихъ общинъ, съ одной стороны, и слабость имперской власти, съ другой,—побуждали государей преимущественно прибѣгать къ помощи городскихъ цеховыхъ пушкарскихъ мастеровъ*, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, какъ казалось, вполнѣ успѣшно справлялись съ задачей изготовленія артиллерійскихъ орудій; хроническій-же недостатокъ средствъ отнималъ всякую возможность императорамъ взять артиллерійское дѣло въ свои руки.

Вотъ почему мы видимъ, что изготовленіе орудій и техника артиллерійско-литейнаго дѣла въ Германіи нисколько не отстаетъ отъ другихъ государствъ, а порой (особенно въ XV вѣкѣ) идетъ даже впереди, и знаменитое «Feuerwerksbuch», приписываемое пушкарскому мастеру *Меммингену*, представляетъ доказательство того, какіе успѣхи сдѣлали въ Германіи, съ самаго начала XV вѣка, теорія стрѣльбы, изготовленіе пороха, снарядовъ и орудій; но ни въ немъ, ни вообще ни въ какомъ другомъ сочиненіи XV вѣка не дается ни малѣйшихъ указаній о томъ, какъ должна дѣйствовать артиллерія въ бою и какъ двигается она на походѣ. Это не принадлежало къ области знаній пушкарскихъ мастеровъ, и потому, понятно, нельзя было и требовать отъ нихъ разумной тактической дѣятельности.

Всеобщую путаницу орудій германской артиллеріи увеличивало еще то, что имперская армія заключала въ себѣ артиллерію всевозможныхъ княжествъ, герцогствъ и маркграфствъ, и ей приходилось часто дѣйствовать совмѣстно съ такой-же разнокалиберной артиллеріей испанской и итальянской; такимъ образомъ, *политическая разнохарактерность священной*

Римской имперіи отразилась и на составъ артиллерійскихъ орудій, вышедшихъ изъ литейныхъ мастерскихъ многочисленныхъ городовъ доброй половины Европы, а потому косвенно повліяла и на тактику этого рода оружія, не представляющую въ XV и въ XVI вѣкахъ ни одного положительнаго тактическаго образца, который приближался-бы къ дѣйствію государственно объединенной французской артиллеріи подъ Равенной, Мариньяно и Павіей.

Подвижность французскихъ орудій позволяла вести ихъ преимущественно при авангардѣ, и съ самаго начала боя начинать обстрѣливаніе непріятельскаго расположенія. Подъ прикрытіемъ этой канонады, развертывалась на наиболѣе выгодныхъ позиціяхъ остальная легкая артиллерія, а также устанавливались тяжелыя орудія, которыя слѣдовали при главныхъ силахъ. Затѣмъ, по мѣрѣ наступленія пѣхоты и конницы, артиллеріи приходилось или прекращать огонь, или переѣзжать на другія позиціи, преимущественно фланговыя относительно расположенія противника, для продольнаго обстрѣливанія его позиціи. Съ цѣлью увеличить подвижность орудій и легче побороть мѣстныя затрудненія, иногда, для подобныхъ переѣздовъ, припрягали лошадей изъ подъ тяжелыхъ бомбардъ, остававшихся на мѣстѣ.

Дѣйствительность артиллерійской канонады была, какъ мы видѣли, иногда очень значительная, что происходило вслѣдствіе тѣхъ массивныхъ колоннъ и глубокихъ порядковъ, которые примѣнялись пѣхотой и конницей, а также по той причинѣ, что въ предшествовавшую эпоху войска пріучились наступать по вполнѣ открытой мѣстности до самыхъ ближнихъ дистанцій, не терпя большаго пораженія и потому не заботясь о какомъ-либо примѣненіи къ мѣстности и укрытіи отъ огня; теперь, когда вмѣсто сравнительно невинныхъ стрѣлъ изъ луковъ и арбалетовъ, на дистанціи 200—300 шаговъ отъ противника, нельзя уже было безнаказанно наступать по открытой мѣстности, такой рѣзкій переходъ естественно не обошелся безъ жестокихъ уроковъ, и мы видимъ, что боевой опытъ уже приводитъ лучшихъ начальниковъ къ принятію извѣстныхъ мѣръ для укрытія отъ огня ихъ войскъ, хотя-бы въ видѣ лежанія подъ выстрѣлами, предписаннаго де-Бутьеромъ, подъ Черизолой и Педро Наварро,—подъ Равенной.

Впрочемъ, дѣйствительность артиллерійскаго огня уменьшалась вслѣдствіе его малой скорости, о которой, даже во второй половинѣ XVI вѣка, гр. Іоаннъ Нассаускій говоритъ,

что изъ одного орудія, въ теченіи всего сраженія, не дѣлалось болѣе 4—5 выстрѣловъ.

Дальнѣйшее успѣшное развитіе французской артиллеріи, въ XVI вѣкѣ, было однако задержано сраженіемъ при Павіи. Съ 1525 года, потерявъ всю свою артиллерію, что, къ слову сказать, при малой ея подвижности въ ту эпоху, являлось постояннымъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всякаго пораженія, французы, до конца XVI вѣка, почти не заводятъ новой артиллеріи и являются, почти во всѣхъ послѣдующихъ сраженіяхъ этого вѣка, примѣрно, съ такой-же слабой и малочисленной артиллеріей, съ какой ихъ побѣдила подъ Павіей имперская армія.

Источники не даютъ возможности опредѣленно выяснить причины того явленія, что въ послѣдовавшихъ религіозныхъ войнахъ во Франціи, да и въ Германіи, обычной нормой численности артиллеріи сражавшихся въ полѣ армій, сдѣлалось 4—6 орудій, спускаясь, въ относительномъ количествѣ, порою менѣе 1-го орудія на 1.000 чел.

Недостатокъ средствъ и обѣдненіе правительствъ, вовлеченныхъ въ почти безпрерывную борьбу, было, конечно, одной изъ главныхъ причинъ, задерживавшихъ дальнѣйшее развитіе артиллеріи. Послѣ чувствительной потери французами всѣхъ орудій подъ Павіей, они не были въ силахъ завести подобную-же артиллерію; вмѣстѣ съ тѣмъ, самый исходъ этого сраженія—побѣда почти не имѣвшей артиллеріи арміи и пораженіе той стороны, которая имѣла ее очень многочисленной,— не остался безъ вліянія на умы современниковъ, не давшихъ себѣ труда выяснить истинныхъ причинъ пораженія, судившихъ исключительно по окончательнымъ результатамъ и естественно пришедшихъ къ выводу, что многочисленная артиллерія вовсе не нужна. Мы видѣли, что подобному взгляду о малой пользѣ, приносимой артиллеріей, подчинились и такіе выдающіеся современники, какъ Маккіавелли. Была однако еще одна, на нашъ взглядъ, едва-ли не важнѣйшая причина: *послѣ образованія хорошей пѣхоты, артиллерія не была уже такой насущной потребностью для борьбы съ ослабѣвшей тяжелой дворянской конницей; служба, въ предшествовавшую эпоху, могущественнымъ вспомогательнымъ средствомъ для борьбы съ послѣдней, теперь, когда рыцарство было окончательно побѣждено, а пѣхота, на которую опиралась государственная власть, достаточно окрѣпла, роль артиллеріи начинаетъ временно падат*

примѣрно въ той-же мѣрѣ, въ какой падаетъ значеніе вагенбурговъ. Мы, такимъ образомъ, постоянно возвращаемся къ однѣмъ и тѣмъ-же основнымъ причинамъ, лежавшимъ въ глубокихъ видоизмѣненіяхъ самого государственнаго соціальнаго строя и неотразимо вліявшихъ изъ его глубины на всю военную организацію, на самый составъ войскъ, на ихъ тактику и стратегію.

Улучшеніе качествъ пѣхоты дало ей значительную подвижность; конница уже раньше обладала ею въ достаточной мѣрѣ, а съ введеніемъ легкой конницы стала также еще подвижнѣе; артиллерія-же, въ этомъ отношеніи, какъ выше указано, отстала, и это также не мало способствовало тому, что въ полѣ отъ нея старались избавиться: она слишкомъ сильно задерживала ставшій возможнымъ быстрый ходъ военныхъ дѣйствій. Чувствуя насущную необходимость придать арміямъ быстроту дѣйствій, рѣшились пожертвовать тѣмъ средствомъ борьбы, которое, до сихъ поръ, не удавалось облегчить настолько, чтобы оно не затрудняло дѣйствій другихъ родовъ оружія. Независимо отъ самой громоздкой конструкціи тогдашнихъ орудій, быстрота ихъ движеній очевидно не могла сравняться со скоростью движенія пѣхоты и конницы, вслѣдствіе той незначительной дорожной сѣти и плохого состоянія путей сообщенія въ ту эпоху, и потому нельзя приписывать лишь низкому состоянію артиллеріи, то, что артиллерійскія орудія не поспѣвали на походѣ за войсками, но, какъ видно, на это вліялъ и общій уровень культуры европейскихъ государствъ того времени.

Борьба государствъ конца XV и первой половины XVI вѣка преимущественно вызывалась столкновеніями интересовъ въ пограничныхъ областяхъ: устанавливались, такъ сказать, границы новыхъ государствъ; при слабости еще неокрѣпшаго народнаго чувства, вопросъ сводился къ тому, будутъ-ли Габсбурги владѣть Бургундіей, Лотарингіей и Нидерландами, или эти области отойдутъ къ Франціи? Утвердится-ли въ Ломбардіи и въ Пьемонтѣ имперское вліяніе или французское? При такихъ условіяхъ, становится понятной та важность, которую приписывали овладѣнію и оборонѣ каждаго клочка земли, каждой крѣпостцы или замка.

Вотъ почему, при слабомъ артиллерійскомъ составѣ полевыхъ армій, мы, тѣмъ не менѣе, видимъ многочисленныя, преимущественно тяжелыя орудія, сосредоточенныя въ крѣпостяхъ и замкахъ; когда-же приходилось, для осады подобныхъ

крѣпостей, сосредоточивать противъ нихъ сильную артиллерію, то ее стали подвозить уже не изъ состава арміи, дѣйствующей въ полѣ, а изъ собственныхъ, неугрожаемыхъ противникомъ крѣпостей, и такой способъ служилъ переходомъ къ заведенію тяжелой осадной артиллеріи, которая постепенно отдѣляется отъ полевой. Въ организаціи этой послѣдней однако еще долго не сознавали огромной важности увеличенія подвижности облегченіемъ орудія и его станка, и, при ослабѣвшемъ интересѣ къ артиллеріи, тактика ея опять падаетъ, а литейщики и пушкари, не имѣвшіе зрѣлаго тактическаго взгляда на ея дѣйствія въ полѣ, увлекаются всякаго рода ухищреніями, разнообразя снова калибры и доводя до смѣшного максимальные и минимальные ихъ размѣры.

Тѣмъ не менѣе, теоретически, сознаніе важности артиллеріи продолжало развиваться, и въ половинѣ XVI вѣка, мы опять встрѣчаемъ авторовъ, которые говорятъ объ артиллеріи, какъ о родѣ оружія, а не какъ о побочномъ маловажномъ аксессуарѣ войны. Такъ, въ вышеупомянутомъ сочиненіи графа Сольмса «Kriegsregierung» (1550 г.) предлагается раздѣлить имѣвшіяся въ распоряженіи государства орудія на отдѣленія, ввѣренныя особымъ начальникамъ изъ дворянъ, которые моглибы служить дѣятельными помощниками главному начальнику всей артиллеріи (Zeugmeister) и въ свою очередь явилисьбы начальниками надъ нѣсколькими пушкарскими мастерами (Büchsenmeister); т. е., этой мѣрой, осуществленной, впрочемъ, гораздо позднѣе, предлагалось учрежденіе, подходящее къ современнымъ батарейнымъ командирамъ.

Въ слѣдующемъ-же году, императоръ Карлъ V издаетъ первое наставленіе, предназначенное для обученія своихъ нидерландскихъ артиллерійскихъ мастеровъ и офицеровъ, какъ во время мира, такъ и на войнѣ *).

Карлъ V, не только въ теоріи придавалъ артиллеріи соотвѣтствующее ей значеніе, но и на практикѣ стремился къ ея упорядоченію, и въ Шмалькальденской войнѣ 1546 года имѣлъ при своей арміи (изъ 90.000 пѣхотинцевъ и 16.000 конницы) до 140 орудій большихъ калибровъ. Кромѣ того,

*) «Instruction et ordonnance aduuisée, faicte et conclute par l'Empereur tur la conduicte des maistres et officiers de son artillerie en ses pays dembas sant en temps de paix que de guerre». Augsburg. 5 avr. 1551. Къ сожалѣнію, Іенсъ («Geschichte», т. I, стр. 751) ограничивается однимъ заглавіемъ этого интереснаго документа, рукопись котораго хранится въ королевской библіотекѣ въ Брюсселѣ (№ 16228).

конницѣ было придано значительное количество болѣе легкихъ орудій.

Одновременно съ учрежденіемъ во Франціи «шести калибровъ» (стр. 203), является болѣе зрѣлый взглядъ на дѣйствіе артиллеріи въ бою, и въ 1557 году, Францискъ *Ракони*, французскій артиллерійскій комиссаръ, такъ опредѣляетъ тактическое ея значеніе: «Хорошо расположенная и снабженная хорошей прислугой артиллерія является вѣрнымъ залогомъ побѣды. Разумный артиллеристъ долженъ избрать, вблизи самаго мѣста боя, командующую выгодную позицію, съ которой не затруднялось-бы дымомъ орудій, или другимъ какимъ-либо способомъ, наблюденіе того, что предпринимаетъ приближающійся для боя противникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не стѣснялось-бы расположеніе собственной пѣхоты и конницы. Если при этомъ онъ позаботится о такомъ расположеніи артиллеріи, чтобы она могла продолжать огонь съ возможной скоростью и мѣткостью, особенно пустотѣлыми снарядами, наполненными небольшими пулями (т. е., нѣчто вродѣ шрапнели), цѣпными ядрами и картечью, которые оказываютъ самое большое дѣйствіе, такъ, чтобы изъ этой адской пасти безпрерывно выбрасывались-бы гибель и пораженіе, то, какъ-бы ни былъ сильно и хорошо расположенъ противникъ, онъ будетъ принужденъ къ разсѣянію и безпорядку» *).

Однако подобные, новые для тогдашняго времени взгляды, свидѣтельствовавшіе о значительномъ развитіи артиллерійской мысли, со временъ Павіи, на практикѣ еще долго не примѣнялись, и надо было еще ожидать выступленія на европейскій театръ борьбы такого геніальнаго полководца, какъ Густавъ Адольфъ, чтобы они вылились въ жизненную форму.

Соединеніе трехъ родовъ оружія на отдыхѣ, на походѣ и въ бою.

По мѣрѣ увеличенія значенія пѣхоты, процентное отношеніе ея къ конницѣ постоянно возрастало, и уже къ началу XVI вѣка, во французской арміи, конница составляла лишь 1/3 общей численности войскъ. У испанцевъ, числительность конницы была еще меньше. У Гонзальва Кордуанскаго, на 9.000 чел. пѣхоты, приходилось 900 конныхъ латниковъ и 1.000 ч. легкой конницы, т. е., кавалерія составляла нѣсколько болѣе 1/6 всѣхъ войскъ.

Въ арміи Франциска I, въ 1515 году, на 40.000 чел. пѣхоты, было 7.500 чел. конницы, т. е. менѣе 1/5 общей численности арміи; правда, что такое уменьшеніе во многомъ зависѣло отъ труднаго

*) *Jähns*. «Handbuch»; стр. 1222.

для конницы перехода черезъ Альпы. Въ 1525 году, у имперцевъ, на 25.000 пѣхотинцевъ, приходилось 4.300 всадниковъ, т. е., по одному кавалеристу на 6 пѣхотинцевъ; у Франциска I, процентъ конницы былъ нѣсколько меньше: на 26.000 пѣхотинцевъ—3.900 всадниковъ (такъ было уплочено войскамъ содержаніе, хотя эти числа не вполнѣ соотвѣтствовали численному составу войскъ). Такое-же, примѣрно, отношеніе конницы къ пѣхотѣ было и въ итальянскихъ арміяхъ; папскія войска, въ 1526 году, должны были состоять изъ 8.000 чел. пѣхоты и 1.500 кавалеристовъ, а венеціанцы выставили 8.000 пѣхотинцевъ и 1.600 всадниковъ. Въ арміи Карла V 1532 года, противъ турокъ, изъ 120.000 человѣкъ, 30.000—приходилось на конницу, т. е., она составляла $^1/_4$ всѣхъ войскъ.

Вообще-же, къ серединѣ XVI вѣка, процентъ конницы падаетъ, и она составляетъ отъ $^1/_5$ до $^1/_7$ всей вооруженной силы главныхъ европейскихъ державъ того времени *).

Какъ выше было указано, артиллерія, въ концѣ XV вѣка, достигла значительной цифры отъ $2^1/_2$ до 3 орудій на 1000 чел. Таково было, по крайней мѣрѣ, ея отношеніе къ другимъ родамъ оружія во французской арміи

Такой относительной цифры достигла артиллерія, въ 1499 году, въ войскахъ Людовика XII, въ которыхъ состояло 21 орудіе на 400 копій латниковъ и 4.700 пѣхотинцевъ, т. е., примѣрно на 6.700 чел. (считая боевую силу копья въ 5 всадниковъ). Въ 1502 году, въ неаполитанской арміи, на 6.000 всадниковъ и 3.500 пѣхотинцевъ приходилось 26 орудій, что составляло $2^3/_4$ орудія на 1.000 чел. **).

Вслѣдъ затѣмъ, къ серединѣ XVI вѣка, преобладающее отношеніе артиллеріи къ другимъ родамъ оружія, по вышеизложеннымъ причинамъ, падаетъ примѣрно до 1-го орудія на 1.000 чел.

Такимъ образомъ, эпоха возрожденія представляетъ, въ организаціи вооруженной силы, значительное измѣненіе состава войскъ по родамъ оружія: по мѣрѣ уменьшенія значенія въ обще-государственномъ строѣ феодальнаго рыцарства и увеличенія значенія городскихъ и сельскихъ общинъ, на которыя начинаетъ опираться государственная власть, — постепенно сокращается численность конницы, преобладавшей въ рыцарскихъ ополченіяхъ, и возрастаетъ количество поставляемой сельскими и городскими жителями пѣхоты.

а) Расположеніе на отдыхѣ. (Лагери).

Если справедливо, что въ настоящее время, на войнѣ, войскамъ приходится значительно большее время двигаться походомъ, чѣмъ вести бой, то въ ту отдаленную эпоху, еще

---

*) *Рюстовъ*; т. I, стр. 241—242.
**) *Jähns.* «Handbuch», стр. 1072.

большее время войска стояли на мѣстѣ, т. е., располагались лагеремъ. Осторожный, выжидательный образъ веденія войны, хрупкость организаціи армій и ихъ малонадежный составъ, побуждали воздерживаться, при малѣйшей къ тому возможности, отъ утомительныхъ передвиженій войскъ и отъ требованій отъ нихъ проявленія усиленной дѣятельности. При всякомъ подобномъ напряженіи силъ, арміи начинали таять отъ побѣговъ и дезертирства, и дисциплина войскъ расшатывалась. Кромѣ того, многочисленныя осады и обложенія крѣпостей вызывали также долгое стояніе на мѣстѣ, при чемъ часть войскъ занимала обыкновенно укрѣпленныя осадныя линіи, а другая занимала лагерь въ виду крѣпости, на случай отраженія нападенія деблокадной арміи, или для усиленія линій, при попыткахъ осажденнаго къ прорыву.

Такія условія вызывали обстоятельную регламентацію лагерной жизни и порядка расположенія войскъ на отдыхѣ. Такъ какъ лагерь занимался обыкновенно на болѣе или менѣе продолжительное время, то, при выборѣ его, прежде всего, заботились объ удобной его оборонѣ; каждый лагерь долженъ былъ служить и хорошей позиціей, и, при помощи инженернаго усовершенствованія, постепенно превращался въ родъ крѣпости временнаго характера, которую не легко было штурмовать открытой силой. Когда время не позволяло надежно укрѣпить лагерь, то ограничивались построеніемъ вагенбурга, который, какъ выше было указано, служилъ первымъ оборонительнымъ оплотомъ и, съ этой цѣлью, усилялся «боевыми повозками» и легкой артиллеріей. Часто расположеніе вагенбурга кругомъ лагеря усиливалось еще валомъ и рвомъ.

Общая форма лагеря соотвѣтствовала этой оборонительной идеѣ его, т. е., была преимущественно или округленной или четырехъ-угольной; лагери послѣдней формы были квадратные или въ видѣ болѣе или менѣе удлиненныхъ прямоугольниковъ, иногда совмѣщали округленную форму съ четырехъ-угольной, присоединяя полукругъ къ служившему ему основаніемъ квадрату или прямоугольнику *).

---

*) Такой именно формы лагерь представляетъ изображенный на табл. VIII рисунокъ № 24, составляющій копію гравюры, приложенной ко II части «Книги о войнѣ» Фронспергера («Kriegszbuch», изд. 1596). Рисунокъ очень живо изображаетъ всю лагерную жизнь арміи того времени, устройство палатокъ, шалашей, конюшенъ и вагенбурга, а вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ представленіе о той поразительной близости, съ какой располагались войска осаждающаго къ осажденной крѣпости и о той мирной

Что касается до самаго расположенія войска внутри вагенбурга или укрѣпленныхъ линій, то каждому роду оружія и каждой части войскъ указывалось особое мѣсто, при чемъ конница обыкновенно располагалась на разстояніи аркебузнаго выстрѣла отъ пѣхоты.

Легкія орудія располагались, большею частью, изготовленными для стрѣльбы на сборномъ пунктѣ (Lärmenplatz), а тяжелыя осадныя орудія располагались впереди артиллерійскаго лагеря и при нихъ-же находились саперы (Schanzengräber). Огнестрѣльные припасы помѣщались обыкновенно внѣ самаго лагеря, и отведенное для нихъ мѣсто окружалось крѣпкимъ валомъ или особымъ вагенбургомъ и надежно охранялось. При орудіяхъ находился запасъ пороха и снарядовъ на одинъ день. Люди располагались въ палаткахъ и шалашахъ, устраивавшихся также для лошадей, оставлять которыхъ, продолжительное время, подъ открытымъ небомъ было, конечно, неудобно. Палатки и шалаши поставлялись преимущественно городскими общинами и цехами. Главный начальникъ помѣщался въ обширной палаткѣ, посреди своихъ войскъ, а вблизи располагался многочисленный его штабъ; нерѣдко впрочемъ, опасаясь возстаній своихъ-же войскъ или съ цѣлью избѣгнуть опасности при нечаянномъ нападеніи, главнокомандующіе занимали вблизи-лежащіе замки и вообще крѣпкія постройки *). Чтобы быть подготовленнымъ къ быстрому занятію боевого расположенія по тревогѣ, войска передъ занятіемъ лагеря выстраивали сперва такъ называемый «холостой порядокъ для боя», и только послѣ того расходились на назначенныя имъ мѣста.

Гильомъ дю-Беллэй даетъ слѣдующій образецъ для расположенія лагеремъ французскаго легіона (черт. 33). Избравъ ровную площадь, около 640 шаговъ въ квадратѣ, въ центрѣ ея отводили мѣсто въ 40 шаговъ по фронту и въ глубину, для полковника и его штаба; отъ этой центральной площадки шли крестомъ улицы такой-же ширины, направлявшіяся къ воротамъ изъ лагеря, которыя, въ случаѣ расположенія вдали отъ противника, устраивались съ каждой изъ 4-хъ сторонъ свѣта, при томъ такъ, чтобы фронтъ лагеря былъ обращенъ къ востоку; только въ виду противника становились фронтомъ къ нему. Въ 4-хъ квадратахъ, кругомъ

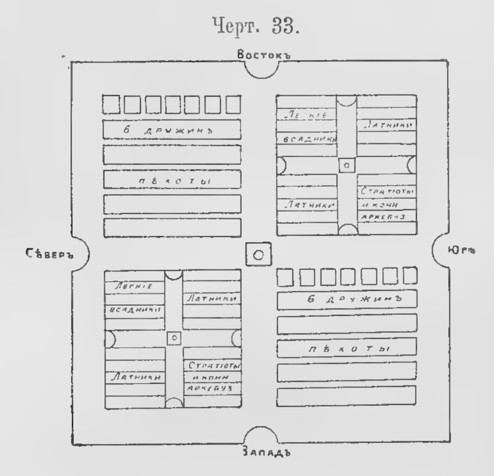
обстановкѣ въ немъ, когда рядомъ шелъ ожесточенный бой и бомбардированіе крѣпости. Непонятно почти полное отсутствіе прислуги у орудій, что не мѣшаетъ имъ, повидимому, громить стѣны крѣпости.

*) Фронспергеръ располагаетъ палатку полководца, хотя и въ серединѣ лагеря его войскъ, но отдѣльно отъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ массъ (Haufen). «Kriegszbuch» 1596; кн. II, стр. XXXVI.

палатки полковника, располагались: въ правомъ переднемъ и лѣвомъ заднемъ квадратахъ,—конница, а въ двухъ остальныхъ—пѣхота, по 6 дружинъ въ каждомъ; каждой дружинѣ отводилось мѣсто, въ 240 шаговъ длины по фронту и 35 шаговъ въ глубину, причемъ эта площадь дѣлилась по фронту на 7 участковъ—одинъ для капитана дружины и остальныя шесть для 6 капральствъ.

Квадраты, предоставленные конницѣ, въ свою очередь, дѣлились взаимно перпендикулярными улицами на 4 меньшихъ квадрата, среди которыхъ располагались палатки капитановъ конныхъ дружинъ; въ правомъ переднемъ и лѣвомъ заднемъ квадратахъ, въ 5 рядахъ, по 100 шаговъ длиной, помѣщались, по 50 латниковъ,

Черт. 33.



Расположеніе лагеремъ (по дю-Беллэй).

въ лѣвомъ переднемъ — 100 легкихъ всадниковъ и въ правомъ заднемъ—50 стратіотовъ и 50 конныхъ аркебузеровъ (т. е., на латниковъ отводилось вдвое больше мѣста, чѣмъ на остальную конницу, и на каждаго изъ нихъ полагалась отдѣльная палатка). Кавалерійскій лагерь отдѣлялся отъ прочихъ траншеей, „чтобы не допустить кражи лошадей, какъ это часто случается, когда пѣхота располагается рядомъ съ конницей" *).

Улицы служили не только для движенія по нимъ войскъ, но также и для ихъ упражненій, и въ нихъ-же помѣщались ряды торговцевъ, маркитантовъ и ремесленниковъ, слѣдовавшихъ съ легіономъ. Кругомъ лагеря, въ разстояніи 40 шаговъ отъ расположенія людей, шла траншея со рвомъ; промежутокъ между палатками и траншеей долженъ былъ оставаться свободнымъ для возможности развернуться войскамъ при нападеніи противника на лагерь.

Для расположенія лагеремъ цѣлой арміи изъ 4-хъ легіоновъ (24.400 чел. пѣхоты и 2.500 всадниковъ), дю-Беллэй отводитъ центральную площадку, въ 170 шаговъ длины и ширины, для Командующаго арміей и 3-хъ его помощниковъ—начальника пѣ-

*) «Discipline militaire»; стр. 56.

хоты, начальника конницы и квартирмейстера, или „лагернаго маршала“ (maréchal de camp) со штабомъ. Кругомъ располагались, по сторонамъ крестообразно расположенныхъ улицъ, 4 легіона въ томъ-же порядкѣ, какъ выше указано для каждаго легіона. Лагерь окружался также общей траншеей, но ширина внѣшнихъ улицъ достигала уже 160 шаг. для развертыванія всей арміи вдоль укрѣпленныхъ линій. Если укрѣпленія возводились вблизи противника, то работа эта возлагалась на „тріаріевъ“, а „гастаты“ и „принципы“ выдвигались впередъ, въ боевомъ порядкѣ, и прикрывали работы, по окончаніи которыхъ тріаріи первыми располагались лагеремъ, а остальные вслѣдъ за ними входили въ лагерь, и послѣдними занимали его конница и „пропащіе ребята“ *).

Изъ хозяйственныхъ учрежденій, въ чертѣ лагеря указывались, для каждаго пѣхотнаго полка — общіе продовольственные рынки и отдѣльный продовольственный рынокъ для всадниковъ,—«чтобы не было столкновенія съ пѣхотинцами и прочими *профанами»*. Здѣсь собирались припасы, поставляемые купцами и заготовляемые самими войсками, на артельныхъ началахъ, но, на случай недостатка въ припасахъ, имѣлся, кромѣ того, общій продовольственный рынокъ, гдѣ собирались запасы распоряженіемъ самого главнокомандующаго, и откуда, въ случаѣ нужды, они выдавались на войсковые продовольственные рынки, чтобы избѣгнуть недовольства, недоразумѣній и возстанія при недостаткѣ припасовъ. Кромѣ того, отводилось мѣсто для маркитантовъ и мясной рынокъ, по близости бойни. Устраивались также отхожія мѣста, и отводилось, наконецъ, мѣсто для полевого суда, обычной принадлежностью котораго была висѣлица; выдвигалась она, для всеобщаго устрашенія, вблизи мясного и маркитантскаго рынковъ, какъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстъ.

При расположеніи лагеремъ, рекомендовалось заботливо укрѣплять его и «не подчиняться мѣстности, но подчинять себѣ самому мѣстность», и образцомъ въ этомъ отношеніи выставлялись римляне.

Лагерь, по мнѣнію дю-Беллэй, долженъ удовлетворять двумъ главнымъ условіямъ: 1) быть расположеннымъ въ здоровой мѣстности и 2) не допускать нападенія противника, который могъ-бы захватить при этомъ пути подвоза жизненныхъ припасовъ и отрѣзать наши войска отъ воды.

Съ разумной заботливостью разсматриваетъ тотъ-же авторъ санитарныя условія, необходимыя при расположеніи войскъ на отдыхѣ, при чемъ замѣчаетъ, что доставленіе солдатамъ удобной, здоровой жизни въ лагерѣ удерживаетъ ихъ отъ побѣговъ; нечистоты и зловонія, заражающія воздухъ въ лагеряхъ, не смотря

*) Тамъ-же, стр. 154 и 167.

на кратковременность пребыванія въ нихъ, являются, по его мнѣнію, главной причиной эпидемій и особенно чумы; вотъ почему онъ безусловно запрещаетъ убивать скотъ или выбрасывать внутренности убитыхъ животныхъ, въ чертѣ лагерей, или закапывать трупы лошадей и собакъ и вообще что-бы то ни было, что могло-бы издавать зловоніе, предупреждая насмѣшки надъ тѣмъ, что онъ трактуетъ о такихъ, съ перваго взгляда, ничтожныхъ предметахъ; про тѣхъ, которые другого взгляда, онъ говоритъ, что они, навѣрное, не бывали въ кампаніи или недолго стояли на мѣстѣ лагеремъ, потому что они оцѣнили-бы, въ противномъ случаѣ, какая зараза распространяется въ лагерѣ, если не принять строгихъ мѣръ по уборкѣ всѣхъ нечистотъ и по тщательному закапыванію ихъ, вдали отъ лагернаго расположенія. Въ примѣръ онъ приводитъ армію Лотрека въ Неаполѣ, почти уничтоженную чумной эпидеміей, вслѣдствіе непринятія указанныхъ санитарныхъ мѣръ *). Въ числѣ обязанностей полковника онъ указываетъ, что послѣдній долженъ сердечно относиться къ больнымъ и раненымъ и заботиться о соотвѣтственномъ за ними уходѣ; **) такое отношеніе къ своимъ даже самымъ низшимъ подчиненнымъ доставитъ ему общую любовь солдатъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставитъ ему выгоду, такъ какъ онъ не будетъ принужденъ бороться не только съ непріятелемъ, но и съ болѣзнями. Поддержаніе здоровья солдатъ дю-Беллэй видитъ также въ правильныхъ военныхъ упражненіяхъ («до появленія пота у обучаемыхъ») и въ заботахъ о соотвѣтствующемъ довольствіи нижнихъ чиновъ; не смотря на то, что солдаты пріобрѣтали себѣ продукты покупкой на выдававшееся имъ жалованье, онъ рекомендуетъ образованіе при лагерѣ неприкосновеннаго запаса, съ мѣсячнымъ продовольствіемъ для всѣхъ людей и лошадей, кромѣ сѣна, при чемъ приводитъ даже разсчетъ такого запаса хлѣба, для арміи въ 40.000 чел.

б) Сторожевая служба.

Для охраненія расположенія на отдыхѣ, ежедневно наряжались караулы къ выходамъ изъ лагеря (нормально, къ каждому выходу—100 человѣкъ днемъ и 200 человѣкъ—ночью); караулы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не пропускали изъ лагеря людей, не снабженныхъ разрѣшеніемъ отъ капитановъ на отлучку изъ лагеря. Ночью, кромѣ усиленія карауловъ, наряжались къ наружнымъ рядамъ повозокъ вагенбурга ¼ предназначенныхъ для обороны ихъ войскъ, и на повозкахъ часто хранились наготовѣ камни (!) для встрѣчи ими противника. Впереди наружныхъ рядовъ повозокъ, именно на дистанціи метанія камнемъ, зажигались ночью костры, для освѣщенія ближайшихъ къ лагерю подступовъ. Между этими кострами и валомъ или повозками, окружавшими лагерь, постоянно

*) Тамъ-же, стр. 153, лѣв. и 156.
**) ...avoir le cueur aux malades et aux blessez, à ce qu'ils soient seruis et pansez diligemment... (тамъ-же, стр. 159).

посылались пѣшіе патрули. При тревогѣ, повозки наружнаго ряда вагенбурга занимались обыкновенно пятью пѣхотинцами каждая, а 2-го ряда—двумя. Латники изготовлялись къ бою пѣшкомъ, а трабанты тѣмъ временемъ сѣдлали лошадей *).

Дю-Беллэй выдѣляетъ для сторожевой службы 1/3 всѣхъ силъ и отъ 4-хъ легіоновъ (образующихъ 48 дружинъ—значковъ), назначаетъ 1 значекъ для охраны штабъ-квартиры Командующаго арміей, 2-й значекъ—для окарауливанія боевыхъ припасовъ, 3-й и 4-й значки наблюдаютъ за порядкомъ на рынкахъ; остальные 12 значковъ охраняютъ наружныя траншеи вдоль лагеря, притомъ такъ, чтобы эти караулы были назначаемы для наблюденія частей, не прилегающихъ къ ихъ собственному лагерному расположенію, чтобы близость своихъ палатокъ не составляла-бы искушенія для оставленія своихъ постовъ. Изъ этой наружной охраны главная часть сосредоточивалась у воротъ и по 4-мъ исходящимъ угламъ лагеря. Четвертая часть находящихся въ караульномъ нарядѣ людей бодрствуетъ и находится при оружіи; по сигналу, подаваемому трубачомъ генерала, производится смѣна этой дежурной части. Выдвигать охраненіе впередъ, за траншеи, окружающія лагерь, дю-Беллэй не совѣтуетъ, такъ какъ это ведетъ, по его мнѣнію, или къ побѣгамъ часовыхъ, или къ тому, что противникъ, незамѣтно подойдя къ постамъ, снимаетъ ихъ, во время сна, которому предаются удаленные отъ глазъ начальника часовые; вообще, отправленіе сторожевой службы, по свидѣтельству дю-Беллэй, велось крайне небрежно, такъ какъ назначенные для этого люди только и дѣлали, что пьянствовали, играли въ карты и спали. Значительное улучшеніе несенія этой службы дю-Беллэй видитъ въ ежедневномъ назначеніи одного изъ 4-хъ полковниковъ—командировъ легіоновъ, для общаго наблюденія днемъ и ночью, за исправностью отправленія службы всѣми чинами, находящимися въ сторожевомъ нарядѣ.

Конница также привлекалась для несенія сторожевой службы, главнымъ образомъ для провѣрки карауловъ; отъ нея назначались не болѣе 2-хъ десятковъ (décuries) отъ каждой дружины въ 100 чел.; т. е., въ нарядѣ была 1/5 кавалеріи. Если кругомъ лагеря мѣстность была открытая, то рекомендовалось, для наблюденія за дорогами, высылать разъѣзды и за черту лагернаго расположенія.

Швенди, говоря о сторожевой службѣ **), совѣтуетъ полководцу возможно чаще лично повѣрять караулы, которые должны быть такъ расположены, чтобы могли предупредить войска о приближеніи противника и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимать пункты, которыми противникъ не могъ-бы овладѣть безъ нѣкоторой потери времени; для увеличенія ихъ сопротивленія, полезно ихъ укрѣплять и окружать повозками. Въ открытомъ

*) *Fronsperger.* «Kriegszbuch» 1596; кн. II, стр. XXXIII и слѣдующія.

**) *Lazarus Schwendi.* «Kriegs Discurs», стр. 75 и 76, изд. 3-е, 1605 года: первое изданіе относится къ 1575 году.

полѣ рекомендуется назначать для этой службы легкую конницу («geringe Pferden»). Установленію пропуска («Lösung») и выбору для этого такихъ словъ, которыя были-бы *понятны всѣмъ національностямъ,* составляющимъ армію, приписывается большое значеніе.

в) Походные порядки.

Также разумно примѣнялись къ условіямъ тогдашней войны и *походные порядки* того времени. Какъ уже было выше указано, походный порядокъ старались, по возможности, приблизить къ боевому, такъ какъ построеніе для боя требовало вообще очень значительнаго времени и, при быстрой конной атакѣ противника, развертываніе изъ глубокой походной колонны въ сомкнутую «четверную» массу могло-бы задержать ея построеніе. Поэтому, въ зависимости отъ мѣстности, которую приходилось проходить, походные порядки являлись болѣе или менѣе сосредоточенными.

Согласно указаній Фронспергера, при нормальномъ порядкѣ на походѣ, на равнинахъ, артиллерію слѣдовало держать въ центрѣ, располагая ее возможно болѣе широкимъ фронтомъ, пѣхоту направлять справа, конницу влѣво отъ нея. Однако трудно проходимая мѣстность, по сторонамъ дороги, принуждала отказываться отъ сосредоточеннаго расположенія и принимать походный порядокъ съ менѣе широкимъ фронтомъ; тогда дробленіе въ глубину походнаго порядка должно было удовлетворять условію возможно быстраго построенія боевого порядка, что достигалось или расположеніемъ ротъ (значковъ) одной за другой въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были стать въ четверномъ порядкѣ, или, если въ немъ предполагалось расположить роты парами, то и на походѣ ихъ, по возможности, вели попарно, т. е., если въ четверномъ боевомъ порядкѣ роты становились рядомъ въ 20 шеренгъ и въ каждой шеренгѣ по 8 рядовъ, то онѣ и шли на походѣ одна за другой, имѣя по фронту 8 рядовъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, лишь пристроить шедшія въ тылу роты влѣво или вправо къ впереди идущей роты, для образованія общаго четверного порядка, или двигались двойной колонной, ротами попарно, если это позволяла ширина дороги.

При этомъ стрѣлки, необходимые для завязки боя, выдвигались впередъ и размѣщались по одному изъ 3-хъ слѣдующихъ способовъ:

1) или въ головѣ шли стрѣлки половины всѣхъ ротъ, слѣдовавшихъ въ колоннѣ полка; а другая половина ихъ шла въ тылу, за пикинерами полка;

*

2) или каждая рота имѣла стрѣлковъ при себѣ и выдвигала половину своихъ стрѣлковъ въ голову, а другая половина ихъ шла въ хвостѣ пикинеровъ соотвѣтствующей роты;

3) или (при движеніи ротъ парами) въ головѣ шли стрѣлки 1-й роты, за ними пикинеры обѣихъ ротъ и затѣмъ стрѣлки 2-й роты, за которыми снова стрѣлки 3-й роты, пикинеры 3-й и 4-й ротъ и стрѣлки 4-й роты и т. д. *).

Если роты сами выстраивали болѣе широкій фронтъ, при построеніи боевого порядка, чѣмъ фронтъ походной колонны, то онѣ дробились въ глубину послѣдней, на части, соотвѣтствовавшія предположенной глубинѣ боевого строя, и выстраивали его постепеннымъ выдвиганіемъ изъ походной колонны этихъ частей и пристраиваніемъ ихъ къ головной части.

Былъ однако въ употребленіи и другой способъ развертыванія походныхъ колоннъ—постепеннымъ вздваиваніемъ рядовъ; такъ, дю-Беллэй приводитъ примѣръ перестроенія походной колонны дружины, по 5 рядовъ въ шеренгѣ, въ колонну, имѣющую 10 рядовъ въ шеренгѣ и вдвое меньшее число шеренгъ, путемъ вздваиванія всѣхъ шеренгъ, а затѣмъ изъ этой колонны вторичнымъ вздваиваніемъ строится колонна въ 21 шеренгу, по 20 рядовъ въ каждой; эта послѣдняя колонна именно та, которая строится дружиной при боевомъ построеніи легіона **).

Если у противника преобладала конница, и приходилось двигаться по открытой равнинной мѣстности, то стрѣлки или убирались въ послѣднія шеренги, или армія образовала пустой квадратъ, въ серединѣ котораго размѣщались стрѣлки.

Впереди походнаго порядка наступалъ «летучій значекъ» (Rennfähnlein), преимущественно изъ одной конницы, назначеніе котораго заключалось въ отбрасываніи мелкихъ отрядовъ противника и въ устраненіи съ пути наступленія всего того, что могло задержать движеніе позади слѣдовавшихъ главныхъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на летучемъ значкѣ лежало охраненіе войскъ на походѣ и при разбиваніи лагеря, такъ какъ, придя на ночлегъ, летучій значекъ не имѣлъ права расходиться, пока не будетъ окончательно выстроенъ вагенбургъ. За летучимъ значкомъ шелъ авангардъ, отъ котораго и выдѣлялся летучій значекъ.

Сочиненіе «*Trewer Rath*» опредѣляетъ силу авангарда (fürzvgk) въ 400 коней и 2.000 пѣхотинцевъ, при соотвѣт-

---

*) *Рюстовъ.* «Исторія пѣхоты», т. I, стр. 293—294.
**) «Discipline militaire», стр. 33. лѣв.—34.

ствующей артиллеріи. За авангардомъ слѣдовали главныя силы, въ составъ которыхъ входили: тяжелая артиллерія, главная масса пѣхоты, продовольственный обозъ (авторъ называетъ послѣдній характернымъ именемъ: «fauler Haufen», т. е.,—«лѣнивая куча»), и тяжелая конница. Въ хвостѣ колонны двигался тыльный отрядъ—арьергардъ (nachzvgck), изъ 2.000 пѣхотинцевъ, съ соотвѣтственнымъ количествомъ конницы и артиллеріи. Такимъ образомъ, въ общемъ, дѣленіе на три части боевого порядка сохранялось и на маршѣ.

Походный порядокъ значительныхъ массъ дробился на части. Такъ, армію въ 50.000 чел., при 5000 повозкахъ, *Альбрехтъ Ахиллъ* дѣлитъ на 4 части, которыя разрѣшаетъ вести по разнымъ дорогамъ, съ тѣмъ однако, чтобы къ вечеру сосредоточивались всѣ силы. Въ походномъ порядкѣ отдѣльныхъ пѣхотныхъ полковъ проводилась та-же система, какъ и въ боевомъ порядкѣ, т. е., пикинеры (примѣрно по 3 роты) образовали передніе и тыльные ряды, аллебардисты и, вообще, вооруженные короткимъ холоднымъ оружіемъ, становились въ центрѣ, охраняя знамена; аркебузеры, перемѣшанные съ пикинерами, шли также во фланговыхъ рядахъ колонны. Легкіе всадники, окружая колонну, охраняли ее отъ нечаянныхъ нападеній. Обозъ и понтонный паркъ двигался со стороны, противоположной вѣроятному появленію противника, если только не прибѣгали къ вышеуказанному порядку движенія вагенбургомъ (стр. 268).

Интересно распредѣленіе на маршѣ 12.000-наго отряда, приведенное въ сочиненіи гр. *Сольмса*. Передовой отрядъ (Vorzug) составляется изъ 100 стрѣлковъ или легкихъ всадниковъ, изъ которыхъ 15 выдвигаются впередъ, въ головной патруль (Vorwart), и по 3 человѣка образуютъ боковые патрули (Seitenwart), а 2 человѣка служатъ связью между передовымъ отрядомъ и летучимъ значкомъ (Rennfahnen)—изъ 200 всадниковъ-копейщиковъ и 160 конныхъ стрѣлковъ. За нимъ наступаютъ „пропащіе ребята" изъ 2000 чел., набранныхъ со всей пѣхоты и подчиненныхъ 5-ти капитанамъ. Все это, слѣдовательно, составляетъ авангардъ. Остальные 8.000 чел. образуютъ главныя силы, наступающія въ двухъ колоннахъ; при первой слѣдуютъ 4 полевыхъ серпантины и двѣ четверочныя повозки съ огнестрѣльными припасами, а на внѣшнемъ флангѣ этой колонны наступаютъ 1.500 всадниковъ; при второй—8 пушекъ и картаунъ и 4 повозки съ припасами. За ними двигаются всѣ остальныя орудія и обозъ, и съ тыла весь порядокъ охраняется арьергардомъ, изъ 70 всадниковъ, съ тыльнымъ патрулемъ, изъ 7 всадниковъ, и боковыми патрулями, по 2 всадника *).

Походный порядокъ арміи изъ 4-хъ легіоновъ, предложенный *дю-Беллэй*, мало отличается отъ вышеуказанныхъ: легкую конницу—стратіотовъ и конныхъ аркебузеровъ—онъ высылаетъ да-

---

*) *Jähns.* «Handbuch»; стр. 1077.

леко впередъ, главныя силы двигаетъ въ колоннѣ, имѣя по фронту, по возможности, 10 рядовъ въ шеренгѣ, и за каждымъ легіономъ направляетъ принадлежащій ему обозъ; кромѣ этого „солдатскаго“ обоза, онъ выдѣляетъ обозъ, составляющій достояніе всей арміи, какъ-то — боевые, продовольственные припасы и артиллерію; этотъ, такъ сказать, обще-армейскій обозъ, дю-Беллэй рекомендуетъ распредѣлять поровну между 4-мя легіонами. Наконецъ, если страна была враждебна и возможно было ожидать со всѣхъ сторонъ атаки противника, то армія наступала въ видѣ карре, имѣя по легіону съ каждой стороны и обозъ внутри легіоновъ *).

Заботливость къ санитарному состоянію войскъ распространяется у дю-Беллэй и во время совершенія марша. Такъ, онъ предостерегаетъ отъ походныхъ движеній въ жаркое время дня, совѣтуя лѣтомъ выступать до разсвѣта съ тѣмъ, чтобы придти на ночлегъ до наступленія самаго жаркаго времени дня, и считаетъ, что зимой, въ снѣжную, морозную погоду, лучше совсѣмъ не совершать походовъ, особенно, если нѣтъ возможности развести огонь; на отдыхѣ необходимо наблюдать за тѣмъ, чтобы солдаты не пили дурную, стоячую воду и т. п. **).

Въ составѣ арміи мы видимъ, въ большинствѣ случаевъ, достаточно благоустроенные понтонные парки. Дѣйствительно, при тогдашнемъ бездорожьи и отсутствіи постоянныхъ переправъ, очень важно было имѣть понтоны и, вообще, перевозимыя принадлежности, для устройства переправъ; правда, конструкція ихъ была несовершенна — это были просто громоздкія суда, снабженныя переводинами и настилкой для моста ***). Суда укрѣплялись на линіи моста на якоряхъ, или при помощи крѣпкихъ канатовъ привязывались къ берегамъ, если это позволяли скорость теченія и размѣры рѣки, или наконецъ, прикрѣплялись къ особымъ шестамъ, устанавливаемымъ поперекъ русла.

Какъ только мостъ былъ наведенъ, черезъ него проходила сильная пѣхотная часть, по возможности съ легкой артиллеріей и частью конницы; расположившись на другомъ берегу, отрядъ этотъ занималъ оборонительное положеніе, на время совершенія переправы остальными войсками; часто въ первую голову перевозили также «боевыя повозки» и возможно больше легкой артиллеріи, которыя образовали на другомъ берегу вагенбургъ, замѣнявшій наши современныя подмостныя укрѣпленія; впрочемъ иногда, если позволяло время, насыпались

*) «Discipline militaire», стр. 125, лѣв.—126.
**) Тамъ-же, стр. 173.
***) Фронспергеръ указываетъ, что при арміи должны слѣдовать, для наводки мостовъ, не менѣе 30 судовъ; подробности ихъ устройства и способъ перевозки см. на стр. 168, а также у *Fronsperger'a* («Kriegszbuch», кн. 4-я, стр, LXIV, лѣв.)

также валы вокругъ повозокъ вагенбурга. Немедленно по совершеніи переправы, мостъ долженъ былъ разбираться и грузиться на подводы, для дальнѣйшаго слѣдованія.

г) Боевые порядки трехъ родовъ оружія.

Эпоха возрожденія наукъ и искусствъ, отразившаяся въ военномъ дѣлѣ началомъ развитія трехъ самостоятельныхъ родовъ оружія и, главнымъ образомъ, возстановившая утерянное, во время господства феодальной системы, значеніе пѣхоты, не выработала еще опредѣленныхъ порядковъ и основныхъ формъ, для совокупныхъ дѣйствій въ бою пѣхоты, конницы и артиллеріи.

Въ предшествовавшую эпоху—до середины XV вѣка, преобладавшее значеніе рыцарской конницы давало ей и первое мѣсто въ боевомъ порядкѣ: она занимала одну или нѣсколько линій въ длину всего боевого расположенія и грозила раздавить всякаго пѣхотинца, осмѣлившагося нарушить эти ея прерогативы (Креси, 1346 г.). Болѣе чѣмъ скромное мѣсто пѣхоты было въ обозѣ, въ тылу. По мѣрѣ паденія гордыхъ феодаловъ и увеличенія значенія въ вооруженной силѣ государствъ городскаго и сельскаго сословій, вмѣстѣ съ вышеуказаннымъ процентнымъ возрастаніемъ численности пѣхоты и параллельнымъ улучшеніемъ ея качествъ, она начинаетъ завоевывать себѣ и болѣе почетное мѣсто въ общемъ боевомъ порядкѣ, выдвигаясь въ первую линію и занимая расположеніе или въ центрѣ его (Мариньяно, Ля-Бикока), или, уступая еще центральное мѣсто рыцарямъ (какъ подъ Павіей, 1525 г.), и располагаясь на флангахъ. Не доказываетъ-ли такое постепенное видоизмѣненіе боевого порядка, какъ *глубоко вліяютъ не только на стратегію, но и на тактику, на самую форму боевыхъ построеній,—весь строй государственной политической жизни, степень развитія культурно-соціальнаго порядка и основанная на нихъ организація государственной вооруженной силы и способъ ея комплектованія.*

Грубый, неискусный способъ группировки силъ для боя, практиковавшійся въ періодъ столѣтней войны и заключавшійся въ простомъ расположеніи выдвинутыхъ на поле сраженія силъ, главнымъ образомъ конницы, въ большихъ неповоротливыхъ массахъ, поставленныхъ одна за другою, безъ всякой заботы о ихъ цѣлесообразномъ взаимодѣйствіи и поддержкѣ другъ друга въ бою, съ единственнымъ попеченіемъ полководца—обезпечить успѣхъ рукопашнаго единоборства выгоднымъ расположеніемъ

своихъ войскъ въ отношеніи солнца и вѣтра *), постепенно смѣняется такими тактическими формами, въ которыхъ видно стремленіе организовать взаимную поддержку, воспользоваться полнѣе всѣми силами, приведенными къ бою, и качествами различныхъ родовъ оружія, давая имъ возможность свободно развить свою боевую дѣятельность.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ швейцарскій уступной боевой порядокъ, о которомъ уже указано было выше. Раздѣленіе арміи въ полѣ, по примѣру швейцарцевъ, на 3 группы,—авангардъ, главныя силы и арьергардъ—вызывало соотвѣтственное дѣленіе обоихъ главныхъ родовъ оружія на 3 части, хотя швейцарскія войска состояли, почти исключительно, изъ одной пѣхоты; желаніе сдѣлать каждую часть возможно самостоятельнѣе, при отдѣльномъ столкновеніи съ противникомъ, побудило придавать къ пѣхотнымъ колоннамъ конницу, но такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, всѣ три части выстраивались на полѣ сраженія въ одну линію, то въ общемъ боевомъ порядкѣ конница нерѣдко являлась въ интервалахъ между пѣхотными массами, какъ мы это видѣли подъ Равенной (1512) и Черизолой (1544).

Артиллерія, по тѣмъ-же причинамъ придаваемая и авангарду и главнымъ силамъ, еще не успѣла завоевать себѣ постоянное соотвѣтственное мѣсто въ общемъ боевомъ порядкѣ. Иногда она разбрасывалась по всему фронту (Ля-Бикока, 1522); иногда огонь ея закрывался наступленіемъ другихъ частей боевого порядка, и, будучи неспособной къ быстрымъ передвиженіямъ, она принуждена была прекратить свою боевую дѣятельность въ самую необходимую минуту (Павія, 1525). Только, въ видѣ исключенія, болѣе даровитые начальники артиллеріи проявляли свой починъ и, въ стремленіи продолжить артиллерійскую подготовку атаки, изыскивали фланговыя позиціи, на которыя и переѣзжали, хотя-бы лишь съ болѣе легкими орудіями. Дѣятельность герцога Феррарскаго подъ Равенной, въ этомъ отношеніи, является наиболѣе поучительнымъ примѣромъ. Впрочемъ, сознаніе важности болѣе продолжительной артиллерійской подготовки сказывалась тѣмъ, что большая часть легкихъ орудій слѣдовали уже при авангардѣ и потому имѣли возможность дѣйствовать все время, пока подходили къ полю сраженія главныя силы и арьергардъ. (Черизола).

Служа, главнымъ образомъ, поддержкой пѣхотѣ противъ

*) Изъ этого общаго правила были, конечно, исключенія, какъ напр., боевой порядокъ англичанъ, въ ср. при Креси (1346 г.)

рыцарской конницы, т. е., преимущественно усиливая оборону, артиллерія тѣснѣе связывается съ пѣхотой, чѣмъ съ конницей; только подъ Черизолой находимъ мы первый признакъ совмѣстныхъ дѣйствій конницы съ артиллеріей (развѣдывательный бой, 10 апр.). Располагая свою артиллерію на позиціи, обороняющійся начинаетъ пользоваться свойствами мѣстности, къ чему побуждала особенно безпомощность артиллеріи, при атакѣ ея противникомъ; поэтому стали считать наиболѣе выгодными недоступныя съ фронта и съ фланговъ артиллерійскія позиціи, допускавшія, въ то-же время, обстрѣлъ подступовъ по наиболѣе вѣроятнымъ направленіямъ атаки противника.

Неспособность артиллеріи къ маневрированію побуждала принимать мѣры къ тому, чтобы подвести противника въ сферу ея огня соотвѣтственными дѣйствіями другихъ войскъ. Съ другой стороны, и атакующій, конечно, старался вести свое наступленіе, избѣгая чувствительныхъ потерь, вызывавшихся движеніемъ въ раіонѣ непріятельскаго артиллерійскаго и ружейнаго огня. Вмѣсто прежнихъ грубыхъ атакъ въ лобъ, неудачи которыхъ, какъ подъ Ля-Бикокой и Мариньяно, давали себя уже достаточно сильно чувствовать, стали прибѣгать къ болѣе искуснымъ способамъ атакъ, совмѣщая фронтальныя атаки съ обходами фланговъ и тыла, пользуясь условіями мѣстности (Аньяделло, Черизола), примѣняя новыя построенія войскъ, дававшія шансы на успѣхъ уже въ силу своей неожиданности (Павія, Черизола)... словомъ, проявляя, въ той или въ другой формѣ, болѣе искусные тактическіе пріемы, для обезпеченія успѣха въ бою.

Литература того времени ограничивается однако весьма немногочисленными указаніямио такихъ пріемахъ, при построеніи общаго боевого порядка.

Дю-Беллэй-Лянжэй, являясь послѣдователемъ Маккіавелли, приводитъ, подобно ему, описаніе примѣрнаго боя, при чемъ даетъ нѣсколько соотвѣтственныхъ указаній о построеніи боевого порядка и о веденіи боя. Открытіе артиллерійскаго огня, также какъ и у Маккіавелли, сопровождается замѣчаніемъ, что снаряды безвредно проносятся надъ головами нашихъ войскъ; тѣмъ не менѣе, при атакѣ артиллеріи рекомендуется быстрота наступленія, чтобы не давать возможности противнику произвести вторичный залпъ изъ орудій, и для такого наступленія признается соотвѣтственнымъ принять тонкій разсыпной порядокъ, чтобы избѣгнуть значительнаго пораженія *), а такъ какъ въ подобномъ порядкѣ

*) ...car au moyen de la vistesse vous ne luy (à l'artillerie) donnez point de loysir de redoubler coup. Et pource que vous estes espars, elle rencontre tant moins de gens quand elle tire». («Discipline militaire», изд. 1592 г., стр. 77, лѣв.).

вели бой только „пропащіе ребята“, то на нихъ и возлагается атака артиллеріи, впрочемъ съ присоединеніемъ къ нимъ охраняющихъ фланги легіона аркебузеровъ, а также легкой конницы.

Обращаетъ на себя вниманіе постоянная забота дю-Беллэй о поддержкѣ конными частями пѣхоты и обратно; латники поддерживаютъ бой легкой конницы и „пропащихъ ребятъ“, а послѣдніе, по сближеніи для атаки главныхъ силъ, отступаютъ въ порядкѣ на флангахъ или въ тылу сомкнутыхъ частей легіона, съ тѣмъ, чтобы служить *резервомъ*, или поддержкой, для удара въ удобную для того минуту *). Атака направляется не только на фронтъ, но и на одинъ изъ фланговъ, куда преимущественно двинуты конница и „пропащіе ребята“. Наконецъ, для преслѣдованія, послѣ того какъ противникъ началъ отступать, двинута вся конница, за исключеніемъ 200 латниковъ, оставленныхъ въ резервѣ, и всѣ „пропащіе ребята“ съ фланговыми аркебузерами и отборными пикинерами.

Для управленія боемъ признается необходимымъ, чтобы полководецъ не принималъ-бы непосредственнаго участія въ рукопашной схваткѣ, а чтобы устранить самое искушеніе главнаго начальника — сломать копіе съ противникомъ, дю-Беллэй совѣтуетъ ему спѣшиваться во время боя. Ссылаясь на примѣры классическихъ полководцевъ, французскій авторъ указываетъ, что они сами давали приказанія для всей арміи, какъ относительно построенія боевого порядка, такъ и для подаванія сигналовъ при началѣ боя и для направленія поддержекъ (subsides) съ одного пункта къ другому; тогда какъ современные автору вожди дѣлаютъ въ бою лишь то, что соотвѣтствуетъ долгу простого храбраго солдата; настоящій-же начальникъ долженъ, по мнѣнію дю-Беллэй, съ началомъ боя, тщательно наблюдать за дѣйствіями противника, заботиться объ успѣхѣ всего дѣла, предохранять свои войска отъ напрасныхъ потерь, которыя были-бы нанесены по его (начальника) винѣ, и направлять для удара тѣ или другія части своихъ войскъ **). Дю-Беллэй не отрицаетъ однако необходимости полководцу иногда лично принять участіе въ рукопашномъ бою, но считаетъ, что это должно быть допущено лишь въ крайности и только въ самомъ концѣ боя, для поддержанія духа въ рядахъ войскъ, поколебленныхъ непріятельской атакой.

*) «...lesquels (enfants perdus) après qu'ils ont commencé Bataille se rangent en tres-bon ordre sur le derriere ou sur les flancs pour servir de Subsides, en attendant qu'ils voyent quelques occasion pour nuyre aux ennemis». (Тамъ-же, стр. 82, лѣв.)

**) «Mais ceux d'auiourd'huy ne pensent qu'à faire ce qu' vn simple Soldat vaillant homme doit faire depuis que la Bataille est commencee, là où il seroit requis qu'vn bon chef advisast de tous costez ce que les ennemis font contre les siens, à fin de pourueoir à tout, et garder que ceux de son party ne reçoyuent quelque perte par sa faute, en quoy il est necessaire qu'il employe les vns et les autres des siens». (Тамъ-же, стр. 83).

***) «... tellefois faut que sa personne mesmes y mette la main; neantmoins cecy doit estre le plus tard qu'il sera possible... ou s'il combat ce doit estre à l'extremité.. Et ce faisant ne luy pourra estre reproché qu'il ne s'acquitte honnestement de sa charge jaçoit qu'il n'y mette point les mains...» (Тамъ-же, стр. 83).

Но если-бы начальнику не пришлось даже вовсе принять личное участіе въ рукопашной схваткѣ, то за это нельзя обвинять его въ томъ, что онъ не съ честью выполнилъ свои обязанности вождя, такъ какъ уже вся предшествовавшая служба начальника, достигшаго выдающагося званія полководца, должна доказывать, что онъ человѣкъ смѣлый и отважный.

Особая глава сочиненія дю-Беллэй посвящена „стратагемамъ, или военнымъ хитростямъ"; здѣсь приведены историческіе примѣры изъ войнъ Аннибала, Цезаря, Сципіона и другихъ полководцевъ, и сдѣланъ общій выводъ изъ ихъ дѣйствій, который сводится къ тому, что, разгадавъ намѣренія противника, слѣдуетъ добровольно и сознательно сдѣлать то, къ чему противникъ предполагаетъ насъ принудить силой, подготовивъ однако средства къ тому, чтобы и по достиженіи противникомъ этой поставленной имъ первоначальной цѣли, положеніе его не дало-бы ему ожидаемыхъ имъ выгодъ (такъ, если противникъ желаетъ прорвать центръ, то слѣдуетъ заранѣе его ослабить, и отступать въ центрѣ, но тѣмъ сильнѣе атаковать противника съ фланговъ). Сознательно подчиняясь, съ виду, цѣлямъ противника, обезпечивается порядокъ собственныхъ войскъ, которыя пришли-бы въ замѣшательство, еслибъ принуждены были силой удара противника подчиниться его намѣреніямъ *). Такимъ образомъ, дю-Беллэй требуетъ уже искуснаго *маневрированія войскъ*, а совѣтъ его—уклонять слабую сторону, противъ которой собраны противникомъ его главныя силы, и, пользуясь данной обстановкой, направить свои собственныя силы на его слабую часть,—конечно, сохраняетъ значеніе и для современной намъ эпохи.

Изъ нѣмецкихъ авторовъ, *Швенди* считаетъ одинаково полезнымъ—или ставить колонны пѣхоты, рядомъ, какъ можно ближе другъ къ другу, чтобы онѣ образовали одну линію **) и могли-бы столкнуться съ противникомъ одновременно, или такъ, чтобы колонны схватывались тотчасъ одна послѣ другой. Однако и онъ уже рекомендуетъ имѣть сильный резервъ, или засадный отрядъ (versteckten Hauffen), который выгодно направить скрытно въ тылъ или во флангъ противника. Обращается еще, по прежнему, вниманіе на солнце, вѣтеръ и пыль, чтобы наступленіе не велось имъ на-встрѣчу и чтобы они не затрудняли тяжелаго рукопашнаго боя, хотя и предупреждается, что опасно изъ-за такихъ причинъ уклоняться отъ прямого направленія къ противнику, разъ уже наступленіе рѣшено; объ этомъ слѣдуетъ позаботиться заранѣе ***). Полководцу рекомендуется избирать мѣстность сообразно съ

---

*) «...le plus grand remede que l'on puisse trouuercontre la conclusion de son ennemy, est de faire son bon gré ce que l'ennemy estime qu'il nous conuiendra faire par force, pource, qu'en le faisant volontairement, l'on le fait par bon ordre à son aduantage et au preiudice de l'ennemy: là où si l'on le faisoit malgré soy, ce seroit pour tomber manifestement en perdition». (Тамъ-же, стр. 106, лѣв. и 107, прав.).

**) «und so viel möglich schier ein stirn gemacht werden». («Kriegs Discurs», стр. 88, изд. 1605 г.).

***) Тамъ-же, стр. 90.

составомъ его арміи, отдавая предпочтеніе равниннымъ, открытымъ полямъ, при болѣе сильной чѣмъ у противника конницѣ, и отходя въ гористую, пересѣченную страну—въ обратномъ случаѣ. При значительномъ численномъ превосходствѣ противника и возможности его атаки со всѣхъ сторонъ, предлагается окружить боевой порядокъ двумя-тремя рядами повозокъ и снабдить ихъ достаточнымъ числомъ стрѣлковъ. Послѣ побѣды рекомендуется молитва и обдумываніе, какъ-бы кончить войну, но о преслѣдованіи не говорится ни слова *).

Духовная работа полководца въ сраженіи примѣнялась преимущественно въ предварительныхъ распоряженіяхъ, самое большое—при завязкѣ боя. Управленіе самымъ боемъ, соотвѣтственное направленіе резервовъ, маневрированіе частями боевого порядка, когда уже сраженіе было завязано, мы встрѣчаемъ въ самой слабой степени, главнымъ образомъ потому, что такое управленіе возможно лишь съ тыла, при условіи, что полководецъ, находясь при резервахъ, не принимаетъ личнаго участія въ боевыхъ схваткахъ, тогда какъ, въ разсматриваемую эпоху, какъ доказываютъ примѣры Равенны, Павіи и Черизолы (гр. Энгіенскій), не смотря на взгляды передовыхъ людей (какъ дю-Беллэй), все еще не вполнѣ исчезъ рыцарскій предразсудокъ, что полководецъ долженъ быть первымъ бойцомъ.

При рыцарскихъ войскахъ, строившихся для боя въ одну линію, сраженіе, представлявшее, главнымъ образомъ, скоротечный кавалерійскій бой, не длилось, въ большинствѣ случаевъ, болѣе получаса; при такихъ условіяхъ, полководцу не было даже возможности проявить свою дѣятельность въ управленіи боемъ; оставалось только, дѣйствительно, стать въ первыхъ рядахъ конницы и показать личный примѣръ мужества и искусства владѣть оружіемъ. Съ увеличеніемъ участія въ сраженіи пѣхоты, продолжительность боя возрастаетъ до 3-хъ—4-хъ и болѣе часовъ, достигая, при Мариньяно, продолжительности до 20 часовъ, и начинаетъ уже сказываться необходимость управленія боемъ; становится уже фактически возможнымъ проявлять такую дѣятельность главнаго начальника, и если не сразу она дѣйствительно проявляется, то не бездарностью тогдашнихъ полководцевъ, или отсутствіемъ у нихъ правильнаго тактическаго взгляда на бой, должны мы себѣ объяснить подобное явленіе, но духомъ того времени, остатками рыцарскихъ традицій и положительной невозмож-

*) Тамъ-же, стр. 99.

ностью полководцу оставаться въ тылу, управляя оттуда боемъ, указывая направленіе для наступленія резервамъ и т. п. Его подчиненные все еще должны были видѣть, на сколько ихъ вождь заслуживаетъ имени «перваго рыцаря», которому принадлежала честь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность,—первому скрестить копье съ противникомъ, на полѣ брани. Понятно, что только такіе старческіе вожди, какъ Гуасто—подъ Черизолой, могли отказываться отъ подобной чести и оставаться въ тылу своихъ войскъ, но понятно и то, что именно такіе полководцы и не могли оказывать благопріятнаго вліянія на управленіе боемъ.

Разумные, искушенные опытомъ военачальники, какъ мы видѣли, начинаютъ уже сознавать вредъ этого устарѣвшаго рыцарскаго обычая, явившагося, главнымъ образомъ, результатомъ мелочнаго тщеславія и гордости средне-вѣковыхъ вождей, которые, будучи закованы въ желѣзо съ головы до ногъ, не подвергались, въ эпоху лука и стрѣлъ, слишкомъ большому риску при такомъ личномъ открытіи боя, а между тѣмъ получали почетную славу перваго скрестившаго копье съ противникомъ рыцаря.

Альбрехтъ Ахиллъ указываетъ мѣсто полководца при небольшомъ резервѣ, изъ 300 всадниковъ, который подходитъ „умѣреннымъ аллюромъ (sanftes trabes) и въ добромъ порядкѣ, къ полю сраженія... не двигается къ мѣсту самаго боя, пока время не придетъ, чтобы затѣмъ поддержать отступившія свои части и, преслѣдуя отбитаго противника, нанести ему окончательное пораженіе. При этихъ 300 коняхъ можетъ оставаться самъ вождь, чѣмъ онъ себѣ пріобрѣтетъ достаточно чести и похвалы“ *).

Послѣднія слова и нахожденіе начальника во главѣ лишь *коннаго* резерва все еще указываетъ на то, что авторъ принужденъ считаться съ общепринятыми взглядами, платить дань своему все еще, въ извѣстной мѣрѣ, рыцарскому вѣку.

Альбрехтъ Ахиллъ совѣтуетъ постепенно увеличивать въ глубину численость частей боевого порядка, такъ что боевой порядокъ 12-ти тысячнаго отряда у него распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 400 коней и 700 пѣхотинцевъ образуютъ передовой отрядъ, далѣе слѣдуютъ 200 коней и 1.500 пѣхотинцевъ; наконецъ, двѣ большія массы главныхъ силъ—въ 3.000 и 4.000 человѣкъ пѣхоты, и за ними—300 коней резерва; съ наружнаго фланга, главныя силы прикрываются особыми крыльями и особый отрядъ, 200—300 человѣкъ, находится при артиллеріи и вагенбургѣ.

Авторъ „*Вѣрнаго Совѣта*“ („Trewer Rath“, 1522 г.), распредѣляя конницу въ 1500 всадниковъ, тоже указываетъ мѣсто пол-

---

*) *Jähns*; «Handbuch», стр. 984.

ководца при резервѣ, въ 300 коней, располагаемомъ позади двухъ конныхъ отрядовъ и направляемомъ лично главнымъ начальникомъ „туда, гдѣ больше всего нуждаются въ поддержкѣ, или гдѣ сраженіе можетъ быть скорѣе всего выиграннымъ, при чемъ не должно обращать вниманія на разговоры о томъ, что онъ (полководецъ) находился въ послѣдней линіи“ *). Затѣмъ рекомендуется сообразовать боевой порядокъ съ условіями мѣстности и расположеніемъ противника, направляя артиллерійскій огонь преимущественно противъ его конницы, если она превосходитъ силу собственной кавалеріи, а въ противномъ случаѣ, артиллерія должна избрать себѣ цѣлью пѣхоту; конницу и орудія слѣдуетъ распредѣлить преимущественно по флангамъ. Авторъ предпочитаетъ имѣть много колоннъ (слѣдовательно меньшей силы) и болѣе широкій боевой порядокъ, допускающій охватъ расположенія противника.

Успѣхи огнестрѣльнаго оружія начинаютъ развивать склонность къ занятію сильныхъ оборонительныхъ позицій: и стрѣлки и артиллерія были, въ то время, сами по себѣ, беззащитны, когда противникъ успѣвалъ сблизиться настолько, чтобы начать рукопашный бой; слѣдовательно, надо было его по возможности дольше задержать подъ огнемъ расположенныхъ за мѣстными или искусственными препятствіями стрѣлковъ и артиллерійскихъ орудій; обороняющійся могъ съ бо́льшимъ удобствомъ развивать за такими преградами всю силу своего огня, не опасаясь страшной для него кавалерійской атаки, при чемъ и управленіе огнемъ становилось болѣе или менѣе возможнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда представлялся случай обстрѣливать наступающаго самымъ дѣйствительнымъ фланговымъ огнемъ. И вотъ, мы видимъ войска, не только занимающими болѣе или менѣе сильныя позиціи, но и самые строи (кресты, пустые квадраты съ крыльями и т. п.) становятся подвижными укрѣпленіями, приспособленными болѣе къ оборонѣ, чѣмъ къ наступленію и атакѣ **). Но очевидно, если обѣ стороны имѣли склонность къ подобному образу дѣйствій, то боевая дѣятельность войскъ замедлялась, время проходило въ мелкихъ стычкахъ, заманиваніяхъ подъ выстрѣлы и маневрахъ, которые лишь оттягивали окончательное рѣшеніе.

Такого рода медленность въ операціяхъ была, впрочемъ, всегда болѣе полезна одной сторонѣ, чѣмъ другой, и потому переходъ къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ начинался тѣмъ изъ

*) «Und soll sich nicht daran kehren, dasz man sagt er sey im Treffen der Letzt gewesen». (*Jähns.* «Geschichte der Kriegswissenschaften», (т. I, стр. 476).

**) «Formation de bataille d'infanterie en redoute», какъ говоритъ *Viollet le Duc* («Dictionnaire raisonné», т. VI, стр. 407).

противниковъ, которому откладываніе рѣшительнаго единоборства приносило меньше пользы; часто къ этому побуждало и нетерпѣніе наемниковъ, не получавшихъ исправно своего содержанія и желавшихъ вознаградить себя добычей. Необходимо поэтому было найти формы, которыя, ввиду получившихся преимуществъ обороны, были-бы приспособлены къ веденію наступленія и атаки и при этихъ невыгодныхъ условіяхъ. Такія формы старались сперва искать въ видоизмѣненіи самаго строя, перенося наступательную идею въ механическую форму клина; когда-же неудобства управленія и маневрированія имъ побудили отъ него отказаться, то обнаружилось стремленіе въ направленіи удара преимущественно на фланги непріятельскаго расположенія, въ примѣненіи резервовъ, въ пользованіи неожиданностью нападенія, въ организаціи наступательныхъ крыльевъ, составленныхъ изъ двухъ и даже трехъ родовъ оружія.

Черт. 34.

Боевой порядокъ наступательнаго крыла (по Альбрехту Бранденбургскому).

Интересное построеніе такого „наступательнаго крыла" даетъ, въ VI части своего „Kriegsbuch", герцогъ прусскій, *Альбрехтъ Бранденбургскій*. Въ числѣ 42 предлагаемыхъ имъ боевыхъ порядковъ, имѣется одинъ (черт. 34), въ которомъ, въ первой линіи, наступаетъ сильный отрядъ стрѣлковъ, поддержанный съ фланговъ двумя колоннами легкой конницы, затѣмъ большая масса тяжелой кавалеріи (кирасиръ), по обоимъ флангамъ которой располагается по батареѣ, въ свою очередь прикрытыхъ съ фланговъ легкой конницей. Въ 2-й линіи, слѣдуетъ главная пѣхотная масса, тоже съ артиллеріей на флангахъ, прикрытой небольшими пѣхотными командами. Позади главныхъ силъ пѣхоты—еще батарея, скрытая, до самой рѣшительной минуты, отъ взоровъ противника, съ цѣлью внезапнаго выѣзда вправо или влѣво отъ пѣхотной массы, для обстрѣливанія избраннаго пункта атаки, или съ цѣлью—продольно обстрѣлять мѣстность впереди фронта пѣхоты. Такое-же назначеніе имѣлъ наступающій въ 3-й линіи общій подвижный *резервъ*, составленный изъ 3-хъ родовъ оружія — стрѣлковъ, конницы и артиллеріи.

Въ другомъ построеніи, Альбрехтъ Бранденбургскій ставитъ артиллерію въ пустыхъ пѣхотныхъ квадратахъ—въ первой линіи, за которой наступаетъ 2-я линія, изъ стрѣлковъ и кирасиръ, и въ 3-й линіи опять пѣхотныя и кавалерійскія части. Иногда стрѣлко-

вые и конные отряды сосредоточиваются имъ за однимъ изъ фланговъ, съ цѣлью, въ минуту надобности, продолжить этотъ флангъ, для противодѣйствія охвату или для производства самому такого охвата войскъ противника.

Фронспергеръ приводитъ построеніе боевого порядка, рекомендуемаго герцогомъ *Клеве* *), а именно: съ лѣваго фланга пѣхоты (которая строится, какъ указано на стр. 252), пристраиваются 4—5 рядовъ аркебузеровъ; съ праваго-же фланга, пѣхота прикрывается кирасирами, по 19 — 21 рядовъ въ шеренгѣ, а за ними легкая конница, которая, какъ выше указано, въ свою очередь, прикрывается съ фланговъ 2-мя рядами кирасиръ. Передняя шеренга поставленныхъ уступомъ кирасиръ должна приходиться противъ среднихъ значковъ пѣхоты, чтобы имѣть достаточный разбѣгъ при атакѣ, которую Клеве считаетъ необходимымъ произвести одновременно съ столкновеніемъ пѣхотныхъ массъ. Относительно артиллеріи выше былъ указанъ оригинальный способъ ея слѣдованія впереди лѣвой колонны пѣхоты и ея обоза (черт. 29); вмѣстѣ съ тѣмъ, Клеве рекомендуетъ скрывать въ пѣхотныхъ частяхъ легкія орудія, которыя, при встрѣчѣ непріятельской атаки, быстро выдвигаются, для обстрѣливанія противника.

Сраженія того времени показываютъ, что, хотя въ современной литературѣ и появлялись мнѣнія о необходимости имѣть резервъ и послѣдовательно вводить свои силы въ бой, (Маккіавелли, дю-Беллэй, Альбрехтъ Бранденбургскій и друг.), тѣмъ не менѣе, резервы, въ большинствѣ случаевъ, или совершенно отсутствовали, или были крайне слабыми и не могли поэтому вліять на исходъ боя. Судьбу сраженія рѣшало обыкновенно первое-же столкновеніе, которое происходило преимущественно параллельно, по всему фронту, послѣ предварительной подготовки огнемъ и боемъ «пропащихъ ребятъ», а иногда и послѣ ряда поединковъ высшихъ начальниковъ.

По сближеніи огромныхъ сомкнутыхъ колоннъ, на 150—200 шаговъ, воины становились на колѣни и, послѣ краткой молитвы, отряхнувъ прахъ со своей одежды, иногда поцѣловавъ землю или проглотивъ даже комокъ земли—вмѣсто причастія,—шли скорымъ шагомъ на непріятеля, держа пики на перевѣсъ, стремясь такъ столкнуться съ нимъ, чтобы фронтъ своей колонны какъ разъ совпалъ-бы съ фронтомъ колонны противника, а въ то-же время, на флангахъ ихъ сталкивалась конница, а иногда велся и стрѣлковый бой крыльями аркебузеровъ. Съ началомъ рукопашнаго боя начиналось массовое подталкиваніе переднихъ пикинеровъ задними

*) «Kriegszbuch», ч. II, 1596, стр. LXIX.

ихъ рядами, которые, будучи пока, болѣе или менѣе, въ безопасности, стремились увеличить своимъ давленіемъ силу удара первыхъ шеренгъ; безпощадная рубка кончалась, при стойкихъ противникахъ, избіеніемъ ихъ переднихъ шеренгъ. (См. рисунокъ боя ландскнехтовъ № 10, на табл. II). Въ густой толпѣ поднимались столбы пыли, порой закрывавшіе значки и знамена, къ которымъ приковывалось вниманіе заднихъ рядовъ, такъ какъ только по этимъ значкамъ можно было имъ судить о степени удачи шедшей впереди свалки. При страшной физической работѣ передовыхъ борцовъ, конечно, имѣло нѣкоторое значеніе направленіе вѣтра и солнца, потому что сторонѣ, имѣвшей ихъ позади себя, становилось возможнымъ держаться болѣе упорно, не теряя болѣе продолжительное время своихъ силъ. Мечепосцамъ и аллебардистамъ, наблюдавшимъ за малѣйшими разрывами въ непріятельскихъ рядахъ, удавалось иногда пролѣзать ползкомъ, прикрываясь щитами подъ пиками переднихъ пикинеровъ или между ними, и тогда начиналась ужасная рубка ихъ короткимъ оружіемъ снизу, по ногамъ противниковъ («sie schnitten blutige Hosenbänder», какъ говоритъ современникъ) *).

Послѣ этого рукопашнаго боя, который очевидно не могъ быть продолжительнымъ, одна сторона, оказавшаяся слабѣйшей, часто въ силу худшаго вооруженія, физическаго утомленія и разнаго рода случайностей, обращалась обыкновенно непосредственно въ бѣгство; упорядоченнаго отступленія почти невозможно было организовать, такъ какъ, вслѣдствіе близости противника, всякій, повернувшійся къ нему спиной, могъ быть почти увѣреннымъ, что его нагонитъ непріятельскій мечъ. Единственную надежду поэтому естественно было возлагать на скорость бѣгства съ поля сраженія. Конечно, при этомъ и побѣдитель терялъ всякій тактическій порядокъ и, если удавалось внимательному полководцу ввести въ дѣло хотя-бы и слабыя силы, оставшіяся въ его распоряженіи, то иногда этимъ онъ давалъ новый оборотъ всему сраженію.

Но такіе резервы, по большей части, отсутствовали, такъ какъ преобладающей формой боевого порядка, по прежнему, оставалось расположеніе всѣхъ силъ въ одну линію, какъ ни возставали противъ этого Маккіавелли и его послѣдователи.

---

*) *Jähns*; «Handbuch», стр. 942 — 943. Для такого именно боя ландскнехты вооружились огромными мечами длиною въ 5 фут., которыми сражались, держа ихъ обѣими руками (фиг. № 34, на табл. X).

Мы видѣли въ главнѣйшихъ сраженіяхъ разсматриваемой эпохи (Равенна, Павія, Черизола) что авангардъ, главныя силы и арьергардъ различались только на походѣ, а въ бою образовали правое крыло, центръ и лѣвый флангъ боевого порядка. Полководцу, начинавшему бой въ головѣ своихъ силъ, казалось неразумнымъ оставлять какую-либо часть ихъ не введенною въ бой, потому что, во-первыхъ, находясь впереди, онъ самъ былъ лишенъ возможности направлять ее впередъ, когда того потребуетъ боевая обстановка, а во-вторыхъ, при дурномъ качественномъ составѣ наемныхъ войскъ, можно было опасаться, что оставленный въ тылу резервъ предпочтетъ вовсе не принимать участія въ бою, а, увидѣвъ неудачу передовыхъ войскъ, разбѣжится во всѣ стороны, не сломавъ ни одной пики.

Наемныя войска, такимъ образомъ, въ силу своихъ собственныхъ качествъ, требовали отъ полководца единовременнаго полнаго эксплуатированія ихъ боевой дѣятельности, побуждая его отказываться отъ послѣдовательнаго ввода въ бой имѣвшихся въ его распоряженіи силъ. Это были войска, по преимуществу, движимыя порывомъ: удавалось вождю возбудить ихъ аппетиты и ненасытную алчность, или злобу противъ своихъ соперниковъ (какими, напр., всегда были швейцарцы и ландскнехты), — и ихъ грузныя фаланги неудержимо неслись противъ непріятельскихъ линій (иногда даже вопреки волѣ полководца, какъ подъ Ля-Бикокой). Но порывъ быстро остывалъ, лишь только оказывалось, что добыча обходится слишкомъ дорого, и не оставалось болѣе побудительной двигательной силы, которая могла-бы ихъ тогда снова двинуть въ бой, для его возобновленія. Призракъ матеріальнаго довольствія оказывался слишкомъ слабымъ, когда приходилось жертвовать жизнью.

Стремленіе удержать свои ненадежныя войска на полѣ сраженія, въ своей власти, побуждало вождя къ одновременному вводу ихъ въ бой, къ построенію въ видѣ одной плотной сомкнутой массы, къ окруженію ея со всѣхъ сторонъ преградами и препятствіями, которыя не только затрудняли-бы противнику доступъ къ ней, но и препятствовали-бы собственнымъ войскамъ удалиться съ поля сраженія, когда имъ это заблагоразсудится. Боевые порядки приняли видъ сомкнутыхъ укрѣпленій, или грузной мало-подвижной крѣпости, и всѣ дѣйствія ея защит-

никовъ должны были быть строго согласованы съ волей ея коменданта, который не только отдавалъ всѣ необходимыя для боя приказанія, но долженъ былъ и самъ, личнымъ примѣромъ, показать, что должны дѣлать его войска.

Нельзя однако не видѣть въ боевыхъ порядкахъ разсматриваемой эпохи нѣкотораго раздвоенія: если, съ одной стороны, продолжаютъ еще существовать неповоротливыя фаланги, то съ другой,—являются попытки расчленить эти фаланги на болѣе дробныя части, придать имъ нѣкоторую гибкость и самостоятельность; и такое раздвоеніе становится понятнымъ, если обратиться къ составу тогдашней вооруженной силы, къ способамъ ея комплектованія: и тамъ было раздвоеніе,—остатки рыцарскихъ феодальныхъ дружинъ и войска общинныхъ ополченій, смѣшанныя съ частями, комплектовавшимися на новыхъ началахъ (ордонпансовыя роты, легіонеры, кирасиры, ландскнехты). Каждая изъ этихъ частей остается при своей тактикѣ, дерется врозь, не оказываетъ въ бою дѣйствительной поддержки другъ другу, и эта рознь продолжается вплоть до начала XVII вѣка.

Учрежденіе войскъ на жалованьи и постепенная замѣна ими рыцарскихъ ополченій, должны были положить начало общей нивеллировкѣ тактическихъ формъ и сгладить существовавшія въ нихъ различія; съ переходомъ условной феодальной службы къ правильному отправленію военной службы за жалованье, было заложено основаніе постоянной арміи, и съ нею началась и новая тактика (такъ, напр., ордонпансовыя роты переходятъ отъ рыцарскаго строя «частоколомъ»—en haie—къ построенію эскадронами). Но, понятно, этотъ переходъ не могъ совершиться сразу, почему и тактика этой «переходной эпохи» заключаетъ формы, сродныя, съ одной стороны, предшествовавшей эпохѣ, съ другой,—являющіяся уже предвѣстниками новой тактики.

Разнородность элементовъ, составлявшихъ вооруженную силу тогдашнихъ государствъ, значительно затрудняла управленіе всѣми этими слабо связанными другъ съ другомъ отдѣльными единицами: во главѣ послѣднихъ стали чуждые другъ другу, не имѣвшіе внутренней спайки отдѣльные начальники, и у каждаго изъ нихъ было свое честолюбіе, свои цѣли, свои симпатіи и антипатіи, свои методы веденія боя... Только значительный боевой опытъ полководца, его особый талантъ, искусное веденіе операцій и строгая, справедливая дисциплина... могли связать довѣріемъ къ вождю разнородныя

*

войска, бывшія подъ его начальствомъ, и придать имъ требуемое единство въ бою.

Бой рѣшалъ судьбу кампаніи, можетъ быть, въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ послѣдующія времена, когда создались многочисленныя постоянныя войска. Дѣйствительно, *при слабыхъ числомъ и далеко не сплоченныхъ войскахъ, пораженіе, даже не вполнѣ рѣшительное, вело къ полному разстройству вооруженной силы, и не было средствъ, чтобы ее востановить и пополнить. Вотъ, можетъ быть, почему и* **не было настоятельной необходимости преслѣдованія:** *побѣжденная армія и безъ него была обречена на разсѣяніе, а между тѣмъ разсредоточенныя войска преслѣдововшаго также могли потерять свою сплоченность, войти въ соглашеніе съ побѣдителемъ, или спеціально заняться грабежомъ.* Вотъ почему побѣдители предпочитали держаться сосредоточенно на полѣ сраженія и трубить «викторію», хотя это вовсе не значитъ, что теорія недоразвилась до сознанія необходимости извлекать пользу изъ одержанной побѣды: Гаримберто, напр., опредѣленно говоритъ, что не менѣе важно умѣть воспользоваться побѣдой, чѣмъ побѣдить *).

Общій выводъ о стратегіи и тактикѣ въ эпоху возрожденія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что хотя на практикѣ, въ разсматриваемую эпоху, почти не встрѣчается искусныхъ стратегическихъ движеній, сопряженныхъ съ обходами противника съ фланговъ и съ тыла, а въ тактикѣ еще продолжаютъ примѣняться неповоротливыя, тяжелыя фаланги и единовременный ударъ ими въ бою, при отсутствіи резервовъ, но уже начинаются, главнымъ образомъ пока въ теоріи, стремленія къ другимъ болѣе совершеннымъ формамъ, а главное, начинаетъ примѣняться, уже и на практикѣ, *разсчетъ шансовъ успѣха* полководцемъ, тщательное изученіе имъ условій обстановки и, особенно, изслѣдованіе мѣстности, сообщеніе соображеній вождя его подчиненнымъ и обсужденіе, совмѣстно съ ними, лучшихъ способовъ для достиженія поставленной цѣли; начинается дѣйствительное управленіе войсками въ бою, какъ передачей точныхъ предварительныхъ распоряженій вождя его подчиненнымъ (первыя диспозиціи), такъ и посредствомъ спеціально назначаемыхъ помощниковъ его, облеченныхъ его довѣріемъ и обязанныхъ слѣдить за дѣйствіями противника и принимать соотвѣтствующія обстановкѣ мѣры (Равенна, Ля-Бикока и

*) «Non é minor virtu il sapere usar la uittoria che l'vincere!»

особенно Черизола); учреждается, наконецъ, и особая должность для такихъ лицъ *) словомъ, начинаетъ обнаруживаться научное отношеніе къ военному искусству, и бой перестаетъ быть единоборствомъ грубой силы, а вмѣсто личной отваги и искусства владѣнія оружіемъ, преобладающее значеніе получили разсчетъ, наблюденіе и вѣрный взглядъ военный; интеллектуальныя качества стали отнынѣ болѣе важными, чѣмъ грубая физическая сила и блестящая храбрость. И такое *обращеніе военнаго дѣла на путь науки явилось естественнымъ слѣдствіемъ всеобщаго возрожденія наукъ и искусствъ и результатомъ изученія классическихъ народовъ.* Послѣдніе представители феодальныхъ рыцарей съ горечью убѣждаются, что война перестала быть ихъ исключительнымъ достояніемъ и, такъ сказать, излюбленнымъ ихъ спортомъ, а сдѣлалась серьезнымъ, политическимъ орудіемъ государственной власти, привлекшей, для обезпеченія успѣха, по возможности *всѣ классы населенія;* и какъ только началась эта «демократизація» военнаго ремесла,—тотчасъ-же начались ея плоды въ видѣ *зарожденія народной пѣхоты,* постепенный ростъ которой въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ далъ возможность, съ теченіемъ времени, перейти и къ болѣе совершеннымъ стратегическимъ и тактическимъ формамъ.

Вышеизложенный очеркъ стратегіи и тактики, конца XV и начала XVI вѣковъ, позволяетъ сдѣлать заключеніе, что, въ эпоху возрожденія, военное дѣло, подобно другимъ наукамъ и искусствамъ, нашло основанія, для своего дальнѣйшаго развитія и, главное, для освобожденія отъ сковывавшихъ его предразсудковъ и узкихъ понятій среднихъ вѣковъ,—*въ древнихъ классическихъ образцахъ* Выдающіеся военные и политическіе дѣятели XV и XVI вѣковъ обратились къ изученію тактики и стратегіи древнихъ римлянъ и грековъ и отыскали въ развалинахъ классическаго міра готовыя формулы и теоретическія положенія, рѣзко отличавшіяся отъ современныхъ имъ порядковъ, выработанныхъ средне-вѣковымъ преобладаніемъ феодальной системы.

Однако, воспринимая отъ военнаго искусства древнихъ народовъ пока лишь его наружныя формы и внѣшній обликъ, арміи новыхъ государствъ еще не оживотворяютъ его тѣмъ внутреннимъ духовнымъ смысломъ, которымъ были проникнуты

*) Ближе другихъ подходящая къ начальнику штаба должность «mestre de camp» учреждена, какъ постоянная должность, ранѣе другихъ, во Франціи, въ 1544 году. (*Susane*; «Histoire de l'infanterie», стр. 109).

служившія имъ образцами классическія формы. Такъ обыкновенно начинается всякое подражаніе, а въ данномъ случаѣ, причина этого явленія заключалась и въ томъ, что *государственная и народная идея не успѣла еще выработать тѣ жизненныя условія, при которыхъ процвѣтали у классиковъ и получили полное выраженіе внѣшнія формы всѣхъ вообще наукъ и искусствъ, а въ томъ числѣ и военнаго дѣла.* Явилось, прежде всего, стремленіе противодѣйствовать лишь формамъ, выработаннымъ феодальнымъ строемъ общественной жизни, такъ какъ смутно, порой безсознательно, догадывались, что античныя формы стояли выше, но все-же духъ и порядокъ средне-вѣковой ленной системы еще оставался живучимъ и еще долго проявлялъ свое вліяніе, тормозившее дальнѣйшее развитіе общенародной вооруженной системы.

По примѣру классиковъ, передовые военные дѣятели эпохи возрожденія заботятся о созданіи пѣхоты; въ ней они видятъ всю силу будущихъ армій; уже высказывается мысль, что лучшая конница не устоитъ передъ хорошо вооруженной и правильно организованой пѣхотой; но на самомъ дѣлѣ, рыцарская конница еще долго царитъ на поляхъ сраженій; при Мариньяно, она побѣждаетъ лучшую европейскую пѣхоту (швейцарцевъ); при Черизолѣ, съ успѣхомъ ведетъ бой съ ландскнехтами и испанскими ветеранами. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что *не было пока достаточно сильныхъ соціальныхъ и нравственныхъ двигателей, которые обусловили-бы преобладаніе пѣхоты, такъ рельефно сказывавшееся въ сраженіяхъ классическихъ народовъ.* Внутреннія побудительныя причины, логично вызывавшія такое явленіе, конечно, не поддавались такъ легко подражанію, какъ внѣшнія формы организаціи вооруженной силы, и вотъ почему феодальные рыцари являются окончательно побѣжденными только тамъ, гдѣ особыя условія политической народной жизни создаютъ сильную духомъ, стойкую и сплоченную пѣхоту. Преобладающимъ-же изъ подобныхъ благопріятныхъ условій является *пробужденіе народнаго самосознанія, вызванное* **борьбой за независимость**. Такая борьба требуетъ полнаго напряженія всѣхъ слоевъ общества, а не однихъ, такъ сказать, спеціальныхъ „мастеровъ благороднаго дѣла войны“, какими считали себя рыцари. Достойно вниманія, что такое національное самосознаніе развивается преимущественно въ бѣдныхъ горныхъ странахъ или болотистыхъ приморскихъ областяхъ, одинаково неудобныхъ для дѣйствій рыцарской конницы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удаленныхъ отъ средне-европейскихъ

равнинъ, подверженныхъ могущественнымъ политическимъ вліяніямъ и благопріятствовавшихъ дѣйствіямъ сильной конницы. Въ Швейцаріи, во Фландріи, на сѣверѣ Испаніи... не оказалъ своего вліянія общераспространенный, въ то время, предразсудокъ о непобѣдимости грозныхъ латниковъ, и среди пастуховъ и бѣдныхъ сельчанъ сохранились природныя національныя силы, не устрашившіяся рыцарской конницы великихъ государствъ, готовыхъ ихъ поглотить, и давшія ей жестокій отпоръ.

Но тамъ, гдѣ такихъ условій не выработалось, гдѣ копировалась лишь внѣшняя форма классической организаціи вооруженной силы и гдѣ не образовалась пѣхота, приближавшаяся, по своей стойкости и нравственной силѣ, къ греческой и римской пѣхотѣ, тамъ (въ Италіи, частью во Франціи и въ Германіи) она еще долго обращается въ бѣгство, при одномъ видѣ закованныхъ въ желѣзо рыцарей. Съ цѣлью избѣжать такого печальнаго результата, европейскія государства начинаютъ копировать вооруженіе, организацію и строи пѣхоты, побѣдившей рыцарскія войска, т. е., главнымъ образомъ, швейцарцевъ, и обращаются, за недостаткомъ собственной хорошей пѣхоты, къ наемникамъ, опять-таки, прежде всего, нанимая швейцарскія войска.

Мы видѣли послѣдовавшее постепенное ухудшеніе этихъ послѣднихъ и разсмотрѣли тѣ неуклюжія тактическія формы, которыя начали ими примѣняться, именно съ того времени, когда они стали продавать чужестраннымъ вождямъ свою боевую службу и когда, для удержанія въ повиновеніи своихъ наемниковъ, полководцы увидѣли себя принужденными принимать мѣры, чтобы обезпечить себѣ исполненіе своей роли, т. е.,— имѣть въ своихъ рукахъ послушное орудіе, а не дѣйствующую вразбродъ толпу мародеровъ. *Но механическое средство сплотить войска построеніемъ грузныхъ фалангъ оказалось недѣйствительнымъ.* Страсть къ наживѣ, эгоизмъ, развившійся въ наемникахъ ихъ службой исключительно ради денегъ и добычи, сдѣлали эти войска бичемъ страны и самымъ ненадежнымъ орудіемъ въ рукахъ полководца. Нужны были другіе побудительные мотивы, чтобы вести воина на бой, чтобы сдѣлать изъ него гибкаго и послушнаго исполнителя воли вождя, которому стало-бы тогда возможнымъ примѣнять и другія, болѣе гибкія тактическія формы. Но для этого нужна была *народная пѣхота*, явившаяся либо въ силу упомянутыхъ выше условій, либо вслѣдствіе коренной соціальной реформы,

которая одухотворила-бы заимствованныя у древнихъ внѣшнія формы военнаго дѣла.

Окончательное торжество народной арміи послѣдовало лишь съ утвержденіемъ принципа всеобщей воинской повинности, выдвинутаго лишь великой французской революціей, а первый толчекъ для развитія военнаго дѣла въ этомъ направленіи, послѣ возрожденія наукъ и искусствъ, дали религіозныя войны.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ первому выпуску.

Приложеніе I.
(Къ стр. 51).

«Le rozier des guerres».

(Розанъ войнъ) *).

Книга, подъ этимъ заглавіемъ, появилась въ печати въ 1522 году и написана, вѣроятно, около 1480 года; хотя авторомъ ея признается обыкновенно самъ король Людовикъ XI, но нѣкоторые считаютъ, что она написана по приказанію его противника, Карла Смѣлаго; вѣрнѣе всего считать, что трудъ этотъ принадлежитъ перу одного изъ приближенныхъ короля Людовика XI, на что, повидимому указываетъ и гравюра, приложенная къ книгѣ и изображающая ея поднесеніе королю; изъ буквъ стиховъ, находящихся подъ этой гравюрой, нѣкоторые историки выводятъ скрытое въ нихъ имя автора—Этьена Поршье, а по другимъ—Пьера Шенизо.

Въ первой главѣ книги (prologue) указано ея *содержаніе*. Вторая глава заключаетъ философскія разсужденія *о мірѣ, смерти* и *душѣ*. Третья глава касается вопросовъ *о государствѣ, о владѣніяхъ королей* и *принцевъ, о правосудіи* и *объ общественномъ благѣ* (bien commun). Четвертая глава разсматриваетъ *рыцарство, призванное для защиты общественнаго блага, и качества людей, которые*

*) Это метафорическое заглавіе пояснено въ предисловіи, которое подраздѣляетъ весь трудъ на двѣ части; первая «заключаетъ нѣсколько прекрасныхъ розъ и бутоновъ, для поученія и мудраго наставленія королямъ, принцамъ, рыцарямъ, капитанамъ и военнымъ людямъ, какъ они должны вести войска и баталью противъ непріятеля, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ; второй розанъ, иначе говоря, краткая историческая хроника, заключаетъ нѣсколько прекрасныхъ розъ и бутоновъ, извлеченныхъ изъ дома Франціи и Англіи, какъ по главной, такъ и по боковымъ линіямъ, подобно тому, и Германіи, Испаніи, Шоттландіи, Сициліи, Фландріи и другихъ христіанскихъ королевствъ, а также невѣрныхъ».

Намъ не удалось найти въ библіотекахъ Петербурга оригинала этого сочиненія, содержаніе котораго передается по извлеченіямъ, приведеннымъ въ сочиненіяхъ: *Hardy*; «Origines de la tactique française», (т. II, стр. 255—260); *Brandt*; «Geschichte des Kriegswesens (т. III, стр. 31—34). *Jähns*; «Geschichte der Krigswissenschaften» (т. 1, стр. 353—355) и особенно по *Ziegler*'у, который приложилъ къ своему переводу сочиненія Маккіавелли (Dell'arte della guerra), «Die Kriegskunst in sieben Büchern», почти полный переводъ болѣе интересныхъ главъ «Розана войнъ» (стр. 286—299).

должны быть для этого избраны. („Des chevaliers, ordonnez pour la garde du bien commun et quelx gens on y doit eslire“). Пятая глава трактуетъ *о дѣятельности Государя передъ войной.* („Des choses qui convennient au prince“) и о мѣрахъ по организаціи соотвѣтственнаго числа войскъ, которыя должны быть въ полной готовности къ войнѣ (comme il peut ordonner ses gens pour en avoir prestement à toute heure et tel nombre quil luy plaire). Шестая глава излагаетъ главныя основанія *для вожденія войскъ на войнѣ* „Comment lost doit estre conduit“). Седьмая глава касается *отношеній государя къ его вельможамъ* („Des choses que le prince doit faire et condiderer en sa seugnerie“). Восьмая и девятая главы представляютъ *историческую хронику* правленія первыхъ французскихъ королей до рожденія наслѣдника престола (дофэна Карла), въ 1470 году (...contenant cronique abregee du Royaume de France et daucuns autres Royaumes, depuis les premiers Roys de France, insignes au couronnement du Roy, fait pour monsieur le dauphin Charles son fils).

Эта хроника, повидимому, спеціально предназначалась для обученія наслѣдника, будущаго короля Карла VIII.

Приводимъ извлеченіе изъ болѣе интересныхъ главъ этой книги:

ГЛАВА IV.

О рыцарствѣ, призванномъ для защиты общественнаго блага.

„Рыцарство предназначается для защиты государства и общественнаго блага. Король долженъ вести его въ бой и вообще вести войну.

Народъ не можетъ быть побѣжденъ, если король хорошо понимаетъ искусство рыцарскаго дѣла, такъ какъ онъ можетъ собрать столько войскъ и рыцарей, сколько ему заблагоразсудится.

Необходимъ осмотрительный мудрый выборъ новыхъ рыцарей и обученіе ихъ искусству владѣть оружіемъ. Слѣдуетъ ихъ пріучить къ военной дисциплинѣ ежедневными упражненіями и, еще до выхода въ поле, пріучить ихъ мысли ко всему тому, что можетъ произойти въ войскахъ и въ бою; лѣнивые-же должны быть наказаны, для собственнаго исправленія и для примѣра другимъ. *Знаніе военнаго дѣла возвышаетъ мужество въ бою.*

Никто не страшится показать на дѣлѣ то, что онъ знаетъ; небольшое, но хорошо обученное войско легче одерживаетъ побѣду, чѣмъ грубая масса, ничего не понимающая въ военномъ ремеслѣ *), которая всегда приносится въ жертву смерти.

Добраго рыцаря совершенствуетъ честь; она предписываетъ ему избѣгать позора бѣгства и одерживать побѣду надъ врагомъ. Рыцарь долженъ быть надѣленъ разумомъ, тѣлесной силой, мужествомъ, вѣрностью и опытомъ въ владѣніи оружія, въ своемъ ремеслѣ. Нельзя требовать отъ человѣка, который обучался лишь

*) «In omni autem proclio plus valet disciplina et ars militaris quam virtus indocta».

работать перомъ, или иглой, или бритвой *), чтобы онъ владѣлъ искусно мечемъ. Вѣрный рыцарь неподкупенъ: онъ предпочтетъ умереть, чѣмъ, благопріятствовать, въ чемъ-бы то ни было, врагамъ государства или чѣмъ обратиться въ позорное бѣгство.

Рыцари призваны для охраны и защиты общественнаго блага; поэтому, если они получаютъ исправно содержаніе и всетаки живутъ на счетъ народа, то они заслуживаютъ скорѣе имя разбойниковъ, чѣмъ рыцарей, и даже тѣ, которые предоставляютъ имъ возможность такъ жить, заслуживаютъ подобное-же названіе. Ничѣмъ инымъ не одержалъ побѣды надъ всѣмъ міромъ римскій народъ, какъ постоянными упражненіями во владѣніи оружія, искусствомъ ставить войска въ боевомъ порядкѣ и разумнымъ употребленіемъ рыцарства (?)

Признаки сильнаго рыцаря.

(Des signes de fort chevalier).

Кто имѣетъ открытые глаза, прямо держитъ голову, имѣетъ широкую грудь, большія, высокія плечи, толстыя, крѣпкія руки, сильную шею, длинные пальцы, небольшой животъ, широкія бедра, жилистыя, твердыя ноги, тотъ достоинъ быть рыцаремъ. Не слѣдуетъ принимать высокій ростъ за признакъ силы.

Больше всего опасаются быть ранеными—малокровные. Меньше боятся смерти тѣ, которые менѣе предаются безпечной, роскошной жизни, какую ведутъ богачи и кутилы.

Не блестящія одежды и не богатство доспѣховъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, дѣлаютъ противниковъ склонными къ уступкамъ и къ почтенію **), но лишь страхъ передъ оружіемъ обращаетъ ихъ къ послушанію.

Выгоднѣе пріучить къ владѣнію оружіемъ своихъ собственныхъ подданныхъ, чѣмъ нанимать чужихъ, для того, чтобы ими воспользоваться на войнѣ. Выгоднѣе и безопаснѣе довѣрить охрану своихъ городовъ, крѣпостей и замковъ тѣмъ, которые имѣютъ въ нихъ свое движимое и недвижимое имущество, чѣмъ иностранцамъ, которымъ нечего терять и которые болѣе склонны къ подкупамъ, потому что они имѣютъ столько-же въ Брюгге, сколько и въ Гентѣ.

О рѣчахъ, которыя должны быть произнесены государемъ передъ войной.

(Des exhortations que le prince doit faire quand il veut aller en guerre).

Нѣтъ въ мірѣ болѣе вѣрнаго средства, для защиты своего владѣнія, какъ быть любимымъ своими людьми; самое ужасное—

*) Вѣроятно, здѣсь намекъ на парикмахера Людовика XI, Оливье ле-Дэмъ, который былъ назначенъ посланникомъ въ Гентъ и, съ тѣхъ поръ, присвоилъ себѣ званіе благороднаго рыцаря.

**) Ne la noblesse de vestemens, ne les richesses d'or, ne d'argent et pierres precieuses ne font point.

держать ихъ въ страхѣ; тотъ, кто желаетъ устрашать—долженъ самъ держаться на-сторожѣ противъ тѣхъ, которые его боятся; иначе онъ близокъ къ гибели. Но чтобы быть любимымъ,—надо самому любить.

Государь долженъ избѣгать войны, насколько это возможно, потому что она никогда не приноситъ выгодъ государству. Если однако ему невозможно избѣжать войны, то ему слѣдуетъ спросить совѣта мудрыхъ людей, какъ обезпечить свое государство со всѣхъ сторонъ; онъ долженъ собрать испытанныхъ на войнѣ начальниковъ, какъ для совѣщаній съ ними, такъ и для веденія военныхъ дѣйствій. Затѣмъ онъ долженъ потребовать отъ своихъ подданныхъ и друзей, чтобы они собрались въ лучшемъ изъ своихъ городовъ, и здѣсь держитъ передъ ними рѣчь, въ которой долженъ похвалить ихъ за ихъ готовность служить ему, напомнить о славѣ ихъ предковъ, показать коварство непріятеля, представить всю честь и всѣ выгоды побѣды надъ нимъ, и весь позоръ и стыдъ пораженія, воспламенить этимъ ихъ мужество, вѣру въ себя и охоту идти въ бой. У него не должно при этомъ вырваться ни одного слова, которое выдало-бы его нерѣшительность; его рѣчь должна дышать гнѣвомъ и ненавистью къ противнику; его взоръ долженъ быть ужасенъ, его голосъ—грознымъ; пусть его конь со ржаніемъ топчетъ землю... Вся его рѣчь должна произвести на войска такое впечатлѣніе, что вслѣдъ за его словами долженъ раздаться боевой кликъ и бряцаніе оружіемъ, какъ будто уже происходитъ схватка и рукопашный бой. И тогда государь долженъ торжественно собственноручно раздать знамена и хоругви".

Затѣмъ слѣдуютъ внѣшніе физическіе признаки разумнаго (saige) и смѣлаго воина вообще.

ГЛАВА V.

О дѣятельности Государя передъ войной.

„Государь не долженъ лично искать сраженія и боя и становиться въ переднихъ рядахъ своихъ смѣльчаковъ. Его заботы должны быть направлены къ тому, чтобы обезпечить свои войска боевыми припасами, орудіями и жизненными средствами; онъ долженъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы быть разумнымъ полководцемъ. Только въ крайнемъ случаѣ сражается онъ лично, потому что, если пастуху не повезетъ, то стадо его разбѣжится и будетъ на краю гибели.

Кто хочетъ жить въ мирѣ, тотъ пусть готовится къ войнѣ, и кто хочетъ побѣдить, тотъ пусть прилежно обучаетъ своихъ рыцарей. Кто хочетъ выиграть сраженіе, тотъ пусть сражается съ искусствомъ и не предоставляетъ ничего случайностямъ.

Не долженъ мудрый государь приходить въ гнѣвъ на своего полководца, который понимаетъ больше въ войнѣ, чѣмъ онъ самъ (государь).

Какія владѣнія, какія богатства могутъ быть вѣрно сохранены безъ защиты ихъ оружіемъ? Никто не будетъ достаточно смѣ-

лымъ, чтобы отважиться на нарушеніе владѣній королевства и на нападеніе на него, если онъ знаетъ, что оно готово къ самообороне и отомстить за поруганіе своихъ правъ. Не слѣдуетъ вести войну, чтобы воевать, но чтобы мирно обладать страной.

Для военныхъ цѣлей государю слѣдуетъ имѣть 4-хъ генералъ-капитановъ (capitaine généraux); подъ начальствомъ каждаго изъ нихъ—10 викаріевъ, которымъ подчинено по 10 капитановъ; у каждаго капитана подъ начальствомъ—10 десятниковъ (decurion) и каждый изъ послѣднихъ командуетъ 10-ю воинами; численность всего войска будетъ, такимъ образомъ, 40.000 чел. Если требуется только 10.000 воиновъ, то достаточно призвать лишь одного генералъ-капитана съ его подчиненными; если понадобится лишь 1000 чел., то слѣдуетъ призвать одного викарія съ его людьми; наконецъ, если нужно всего 100 чел., то призывается лишь одинъ капитанъ съ его сотней; этимъ облегчится тяжесть расходовъ и не придется государю дѣлать слишкомъ большихъ затратъ“.

ГЛАВА VI.

Какъ слѣдуетъ вести войска на войнѣ.

„Собравъ свои войска и позаботившись о необходимыхъ запасахъ, государь долженъ постараться вести ихъ въ непріятельскую страну, чтобы причинить вредъ противнику и лишить его мужества, не раззоряя войной земли своихъ подданныхъ.

Государь, который хочетъ разумно вести на войну свои войска, долженъ:

1) *Получить письменное описаніе путей и проходовъ, наиболѣе короткихъ и безопасныхъ, съ отмѣткой тѣхъ опасностей, которымъ можно подвергнуться при слѣдованіи ими, и тѣхъ средствъ, которыми можно устранить подобную опасность.*

2) Воспользоваться путеводителями и проводниками, знающими дороги; слѣдить за ними, чтобы они не измѣнили, угрожая смертью, при малѣйшемъ сомнѣніи въ ихъ вѣрности, и обѣщая богатыя награды, если они ведутъ себя исправно.

3) Окружить себя хорошими вѣрными совѣтниками, опытными и искусными, какъ во владѣніи оружіи, такъ и въ веденіи дѣйствительныхъ сраженій.

4) Оставлять возможно долѣе въ невѣденіи о направленіи своего движенія;чѣмъ болѣе тайно будутъ держаться совѣщанія, тѣмъ скорѣе удастся предпріятіе.

5) Отборныхъ своихъ воиновъ слѣдуетъ послать въ наиболѣе опасное мѣсто.

6) Имѣть въ составѣ каждой колонны (баталіи) развѣдчиковъ (coureurs) и легкихъ всадниковъ (chevaucheurs), на хорошихъ лошадяхъ и вполнѣ вѣрныхъ.

7) Держать войска въ хорошемъ порядкѣ, распредѣленными по баталіямъ такъ, что, если противникъ появляется неожиданно,

онъ встрѣчаетъ ихъ соотвѣтственно построенными и всегда готовыми къ бою.

8) Знать,—располагаетъ-ли непріятель бо́льшимъ числомъ конницы, чѣмъ пѣхоты, или обратно, и въ чемъ заключается главная сила его арміи; помнить при этомъ, что пѣхота лучше всего сражается въ открытомъ полѣ.

Не слѣдуетъ располагать своего лагеря слишкомъ близко къ рѣкамъ и горамъ. Во время сраженія, слѣдуетъ стараться выиграть высокія (командующія) мѣста; слѣдуетъ остерегаться измѣны. Какъ только начинаетъ колебаться часть непріятельскихъ войскъ, слѣдуетъ настойчиво продолжать атаки, потому что этимъ, скорѣе всего, можно одержать побѣду.

Всѣ помыслы и стремленія вождя должны быть направлены къ тому, чтобы превзойти своихъ противниковъ въ искусствѣ и хитрости. Поэтому *онъ долженъ себѣ представить, какъ-бы онъ поступалъ, еслибъ ему пришлось дѣйствовать съ противной стороны.*

Никто не долженъ знать его плановъ, хочетъ-ли онъ дать сраженіе, или осадить городъ, или переправиться черезъ рѣку, или совершить набѣгъ и т. п.

Во время боя не слѣдуетъ занимать своими войсками слишкомъ широкаго фронта, чтобы не быть прорваннымъ непріятелемъ, но и не принимать слишкомъ густого, глубокаго расположенія, чтобы войска не затрудняли-бы другъ другу употребленіе оружія.

Сраженіе есть наиболѣе опасная вещь въ мірѣ; нельзя быть поэтому слишкомъ разумнымъ и осторожнымъ передъ боемъ. Ошибки, сдѣланныя при всякомъ другомъ случаѣ, могутъ быть впослѣдствіи исправлены; напротивъ, ошибка, совершенная въ бою, непоправима, и наказаніе за нее слѣдуетъ немедленно. Кто, именно, въ сраженіи дѣлаетъ промахъ, тотъ или бываетъ убитъ, или предается бѣгству и становится, вслѣдствіе этого, такимъ боязливымъ, что онъ едва-ли осмѣлится затѣмъ вторично атаковать противника.

Что надо взвѣсить передъ боемъ.

Прежде чѣмъ рѣшиться на сраженіе, необходимо взвѣсить 12 вопросовъ:

во-1-ыхъ, численность противниковъ;

во-2-ыхъ, упражнялись-ли они во владѣніи оружіемъ и имѣютъ-ли боевой опытъ;

въ 3-хъ, мужественны-ли они;

въ 4-ыхъ, выносливы-ли они и обладаютъ-ли физической силой;

въ 5-ыхъ, разумны-ли, сноровисты-ли и единодушны-ли они;

въ 6-ыхъ, смѣлѣе-ли и храбрѣе-ли они насъ, или-же могутъ быть легко обращены въ позорное бѣгство;

въ 7-ыхъ, имѣютъ-ли они больше лошадей и лучше-ли ихъ кони;

въ 8-ыхъ, имѣютъ-ли они больше предохранительнаго вооруженія, чѣмъ мы;

въ 9-ыхъ, лучше-ли они снабжены жизненными припасами;
въ 10-ыхъ, принадлежатъ-ли имъ командующія мѣста;
въ 11-ыхъ, будетъ-ли солнце и вѣтеръ за ними или на-встрѣчу имъ.
въ 12-ыхъ, кто ожидаетъ прибытія болѣе значительныхъ подкрѣпленій.

О боевыхъ порядкахъ.

Хорошій вождь долженъ умѣть располагать свои войска въ любой изъ пяти формъ боевого порядка:

Первая—въ видѣ *длинной* и *тонкой линіи;* она годится только при оборонѣ гавани (побережья).

Вторая,—квадратомъ; это худшая боевая форма.

Третья,—клиномъ, или въ видѣ клещей;

Четвертая,—въ видѣ *щита;*

Пятая,—въ видѣ *круга.*

Которая изъ нихъ лучшая,—должно рѣшить искусство военачальниковъ, хотя, съ перваго взгляда, кажется, что порядокъ „клиномъ“ самый лучшій; но для правильной оцѣнки, необходимо также принять въ разсчетъ артиллерію обѣихъ сторонъ.

Какъ можетъ опредѣлить государь силу противника.

Государь долженъ знать, что семь вещей могутъ дать преимущество на войнѣ.

1) Хорошій боевой порядокъ, соотвѣтствующій цѣли, которой стремятся достигнуть въ бою, а также соображенный съ числомъ артиллеріи обѣихъ сторонъ и съ численностью войскъ.
2) Удобная для дѣйствій мѣстность.
3) Благопріятныя противнику условія погоды, какъ-то вѣтеръ, дождь, солнце, или тѣ-же условія, ему неблагопріятныя.
4) Заблаговременныя свѣдѣнія о приближеніи противника.
5) Возможность отдохнуть и подкрѣпить себя пищей.
6) Достиженіе единодушія и любви между подчиненными.
7) Степень знанія плановъ противника.

Когда слѣдуетъ атаковать противника.

Государь долженъ стремиться атаковать неопріятеля:

1) когда онъ утомленъ походомъ;
2) когда онъ переправляется черезъ рѣку, или втянулся въ тѣснину, или проходитъ болотистое пространство;
3) когда онъ приведенъ въ безпорядокъ восхожденіемъ на горы;
4) когда солнце, пыль и вѣтеръ ему на-встрѣчу;
5) когда онъ спитъ или отдыхаетъ, при условіи, что свои войска успѣли подкрѣпить себя пищей и питьемъ и нѣсколько передохнули; передъ самымъ боемъ ѣсть не слѣдуетъ, потому

что, при наполненномъ желудкѣ, раны опаснѣе и съ трудомъ залѣчиваются.

О правилахъ войны.

Въ концѣ концовъ, *слѣдуетъ дѣлать все, что полезно намъ и вредно противнику* и помнить, что *все полезное ему—вредитъ намъ*. (Tu dois tousiours faire ce qui est convenable à toy et nouisible à ton adversaire et penser que ce qui luy aide, te nuist tousiours). Кто могъ-бы учить другаго тому, чему его самого никогда не учили. (Qui trouveras-tu, qui puisse aprendre à autre ce qu' il ne aprint oncques lui même).

Кто повѣритъ, что тотъ рыцарь смѣлъ, который, изъ нерадѣнія, даетъ заржавѣть своему оружію.

Много есть рыцарей, которые, по внѣшности, полны мужества, но, будучи подвергнуты испытанію,—не исполняютъ своего долга.

Кто разъ предается бѣгству, тотъ будетъ постоянно опасаться боя.

Никогда не слѣдуетъ вести въ бой рыцарей, которые заранѣе не испытаны въ умѣніи владѣть оружіемъ или вообще въ томъ, чѣмъ они должны служить. (Tu ne dois jamais mener Chevaliers en bataille, si paravant ne les as esprouvées en fait d'armes, ou de sens à ce qu' il te serve).

На маршѣ и въ бою, латники должны всегда сохранять порядокъ въ движеніи; они должны умѣть быстро и одинаковымъ аллюромъ сомкнуто ѣздить, потому что разъединенное и лишенное порядка войско всегда въ опасности подвергнуться пораженію.

Тотъ, у кого есть предохранительное вооруженіе, дерется лучше, чѣмъ лишенный таковаго. Блистающія на солнцѣ латы войскъ часто устрашаютъ противника.

Не боится тотъ боя и рукопашной схватки, кому извѣстна собственная сила и искусство.

Полезно пріучиться въ мирное время къ тому, что необходимо знать въ смятеніи боя.

На маршѣ войска подвергаются большей опасности, чѣмъ въ сраженіи *).

Если часть войска выдвинулась далеко впередъ и подверглась нападенію, то она не столько думаетъ объ оборонѣ, сколько о бѣгствѣ. А позади идущіе, оставленные передними, теряютъ надежду на побѣду и легко отбрасываются превосходными силами противника.

Пусть никто не отчаявается исполнить то, что уже разъ было приведено въ исполненіе.

---

*) Это замѣчаніе нѣсколько противорѣчитъ сказанному выше объ опасности сраженія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ на сознаніе необходимости *охранять походное движеніе* отъ всякихъ случайностей, которыя, будучи непредусмотрѣнными, могутъ повести къ болѣе печальнымъ результатамъ, чѣмъ предвидѣнный бой.

Легче пріучить къ мужеству „новыхъ рыцарей", чѣмъ исправить тѣхъ, которые уже пріучились обращаться въ бѣгство.

Мудрое управленіе, знакомство съ искусствомъ дать бой противнику и разумное примѣненіе этого искусства даютъ государю побѣду надъ врагами.

Хорошо снарядившись, приготовившись и построивши боевой порядокъ, можно внезапной атакой противника, не изготовившаго своихъ силъ, привести его въ замѣшательство и колебаніе; смятеніе-же противника передъ боемъ даетъ уже намъ половину побѣды надъ нимъ.

Лучше побѣдить своихъ противниковъ, лишивъ ихъ средствъ жизни и устрашивъ, чѣмъ при помощи личной храбрости (Mieux vault vaincre ses ennemis par mesaise ou par paour, que par vertu).

Самые лучшіе совѣты тѣ, которыхъ твой противникъ не можетъ узнать прежде, нежели ты ихъ исполнишь. (Nuls conseils ne sont meilleurs, que ceulx que ton adversaire ne peut savoir, avant que tu les faces)

Ничто такъ не полезно на войнѣ, чтобы предохранить отъ пораженія и нанесенія вреда противникомъ, *какъ точное знаніе его обстоятельствъ;* поэтому нѣтъ болѣе полезныхъ затратъ, какъ тѣ, которыя дѣлаются на содержаніе вѣрныхъ разумныхъ шпіоновъ, или ложныхъ перебѣжчиковъ, переходящихъ къ противнику, но остающихся, на самомъ дѣлѣ, преданными тебѣ.

Слѣдуетъ заботиться о поддержаніи мира и единодушія въ своихъ войскахъ, особенно между конницей и пѣхотой, потому что *обыкновенно между ними является естественная рознь.*

Мѣры, принимаемыя въ сраженіи, должны подчиняться необходимости (обстоятельствамъ). Когда пренебрегаютъ военнымъ искусствомъ, то уничтожаютъ различіе между мужикомъ и рыцаремъ. Полезно-ли государю, если его исправно получающіе содержаніе латники и наемники живутъ на счетъ народа и уменьшаютъ его (государя) доходы.

Прежде всего, слѣдуетъ обратиться къ тѣмъ мѣрамъ, которыя не приносятъ большого вреда даже въ случаѣ неудачи, но которыя, при удачѣ и искусномъ выполненіи, могутъ принести большія выгоды.

Не возлагай черезмѣрныхъ надеждъ, когда „новые рыцари" желаютъ боя, потому что послѣдній заманчивъ для тѣхъ, которые его никогда не испытали, и часто случается, что требующіе на словахъ честнаго боя, на самомъ дѣлѣ втайнѣ больше думаютъ о бѣгствѣ, чѣмъ о боѣ.

Хвастуны склонны кричать издалека; не слѣдуетъ поэтому позволять поднимать крики прежде, чѣмъ войска столкнутся.

Обученіе войскъ болѣе вліяетъ на исходъ боя, чѣмъ ихъ храбрость.

Очень выгодно привлечь къ себѣ и принять на службу добровольно передающихся непріятелей, потому что перебѣжчики наносятъ большій ущербъ противнику, чѣмъ убитые. (Grande seurté est de atraire et recevoire aucuns des ennemis, quant ils se viennent rendre en loyauté, car plus lassent et grevent les fuitifs leurs adversaires, que ceux, qui sont occis).

Лучше сохранить позади своихъ главныхъ силъ (батальи) нѣсколько *поддержекъ*, чѣмъ слишкомъ широко расположить своихъ рыцарей. (Mieux vault apres la bataille garder plusieurs aides, que espandre ses Chevaliers trop largement).

Едва-ли можетъ быть побѣжденъ тотъ, кто точно знаетъ истинную силу своихъ людей и своихъ противниковъ. (A peine peut-il estre vaincu, qui cognoist veritablement la force de ses gens et de ses adversaires).

Мужество больше вліяетъ, чѣмъ множество; но часто мѣстность вліяетъ еще больше, чѣмъ мужество. (Vertu aide plus que ne fait multitude; aucunefois aide plus le lieu que la vertu).

Искусство и мудрость имѣютъ большее значеніе, чѣмъ сила (масса): и часто случается, что немногочисленные, но хорошо управляемые бойцы обращаютъ въ бѣгство безпорядочную массу.

Войска усиливаютъ себя земляными работами (Ost profite par labourer et travailler).

Отъ природы мало людей обладаютъ силой; но хорошая военная выучка (дисциплина) дѣлаетъ воиновъ сильнѣе одаренныхъ тѣлесной силой. (Nature crée peu de fors hommes, mais par bonne doctrine—„bona disciplina"—plusieurs sont plus forts que par vertu corporel). На сколько ядро болѣе цѣнно, чѣмъ скорлупа, на столько искусство важнѣе силы.

Никогда не веди твоихъ рыцарей въ бой, если они не проникнуты увѣренностью въ побѣдѣ.

Внезапныя событія устрашаютъ непріятеля; обычныя вещи презираются. (Choses soudaines espouventent les ennemis, et celles qui font accoustumées sont mises en despit).

Тотъ, кто разбросалъ свои войска и неразумно преслѣдуетъ ими противника, хочетъ отдать ему пріобрѣтенную побѣду. (Celuy, qui a ses gens espendus et suit ses ennemis follement, il leur vieult donner la victoire qu'il avoit acquise).

О величинѣ войска.

Немногочисленные но хорошо обученные воины достойнѣе для одержанія побѣды, чѣмъ грубая масса безъ военной дисциплины, потому что такая всегда приносится въ жертву смерти. Во всѣхъ сраженіяхъ, никакое множество не дастъ столько, сколько мужество. (En toutes batailles nulle multitude ne profite tant, comme fait vertu).

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, „Le rozier des guerres" представляетъ много идей, почерпнутыхъ изъ Вегеція, но, при всемъ несходствѣ военнаго строя XV вѣка съ древне-римской организаціей, основы ея, приложенныя Вегеціемъ ко всему вооруженному римскому народу, съужены были авторомъ разсматриваемой книги, ограничившимъ свое изслѣдованіе однимъ рыцарскимъ сословіемъ: вмѣсто фигурирующаго у Вегеція общаго понятія „miles"—воинъ, у автора „Le rozier des guerres" является спеціальное выраженіе „chevalier"—рыцарь, который одинъ только считается достойнымъ

изслѣдованія элементомъ вооруженной силы страны, и это представленіе настолько глубоко проникаетъ автора, что онъ наивно усматриваетъ даже основу римской военной организаціи въ чуждомъ ей сословіи рыцарей! Но уже самое вниманіе, удѣляемое изученію классиковъ, является знаменіемъ времени, особенно въ ту эпоху, когда еще не явились изслѣдованія Маккіавелли, посвященныя болѣе основательному изученію военнаго устройства древне-классическихъ народовъ.

Во всякомъ случаѣ, „Le rozier des guerres", даетъ цѣнныя указанія, характеризующія господствовавшіе взгляды на военное дѣло государственныхъ дѣятелей XV вѣка, и нѣкоторыя изъ этихъ идей (наиболѣе интересныя выдѣлены нами курсивомъ) настолько сохранили значеніе и до нашего времени, что на рубежѣ XX вѣка естественно думать, что эти идеи выработаны военными дѣятелями чуть-ли не послѣдняго столѣтія, тогда какъ онѣ, какъ оказывается, высказывались еще 4 вѣка тому назадъ.

Приложеніе II.
(Къ стр. 89).

Письмо короля Франциска I своей матери, Луизѣ Савойской,

послѣ сраженія при Мариньяно, 14 сентября 1515 года *).

Государыня, съ цѣлью дать Вамъ вѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ сраженія, увѣдомляю Васъ, что вчера, около часу пополудни, наша стража, бывшая у воротъ на Миланской дорогѣ, донесла, что швейцарцы выступили изъ города, чтобы дать намъ бой. Услыхавъ это, я построилъ нашихъ ландскнехтовъ въ три отряда („en trois troupes“): два—по 9.000 чел. и третій—около 4.000, такъ называемыхъ „пропащихъ ребятъ“ („enfants perdus“) Петра Наварро—по сторонамъ дорогъ, вмѣстѣ съ французскими пѣхотинцами и авантюрьерами.

Дорога, по которой наступали упомянутые швейцарцы, была нѣсколько стѣснена, почему оказалось невозможнымъ расположить нашихъ конныхъ латниковъ, какъ на равнинѣ, что едва не вызвало у насъ большого безпорядка. Мои главныя силы были на разстояніи полета стрѣлы отъ моихъ двухъ отрядовъ конныхъ латниковъ; позади насъ былъ мой братъ д'Алансонъ, съ остальными войсками арьергарда, а наша артиллерія была у дорогъ (на Миланъ). Швейцарцы образовали три отряда (trois troupes): первый—въ 10.000, второй—въ 8.000 и третій—въ 10.000; будьте увѣрены, что они наступали съ цѣлью разбить государя, что удалось-бы имъ, еслибъ послѣдній не имѣлъ-бы хорошихъ сподвижниковъ.

Прибывъ къ мѣсту боя, почувствовавъ уронъ отъ нашей артиллеріи, они направились въ сторону закрытой мѣстности.

Солнце начало заходить, такъ что мы не могли пока нанести имъ большихъ потерь нашей артиллеріей; я Васъ увѣряю, что невозможно было наступать съ бо́льшей яростью и стремительностью.

Ихъ встрѣтила конница авангарда; латники ловко и весело атаковали ихъ во флангъ. Коннетабль, маршалъ Шабаннъ,

*) Переводъ съ подлиннаго письма, приведеннаго въ сочиненіи *Hardy*: „Origines de la tactique française“ (т. II, стр. 269—281).

Имбрекуръ, Телиньи, Понъ-де-Реми и другіе, которые находились тамъ, были однако отброшены на свою пѣхоту.

Облака пыли, а также наступавшая ночь мѣшали видѣть другъ друга; при этомъ произошелъ нѣкоторый безпорядокъ (il y eut quelque peu de désordre). Но Богъ далъ мнѣ милость, направивъ меня на флангъ тѣхъ, которые ихъ горячо преслѣдовали и мнѣ показалось умѣстнымъ атаковать ихъ. Даю Вамъ слово, Государыня, что какъ ни дружно наступали молодцы (gentils galants) швейцарцы, мы жестоко отбросили ихъ отрядъ, силой до 4.000, заставивъ ихъ бросить свои пики и закричать: „Франція".

Это дѣло облегчило положеніе нашихъ войскъ. Съ тѣми, которые могли слѣдовать за мной, мы двинулись впередъ и встрѣтили другой отрядъ, въ 8.000 чел., который сперва сочли за ландскнехтовъ, потому что наступила уже темная ночь. Тѣмъ не менѣе, когда мы имъ крикнули „Франція", увѣряю Васъ, что 500—600 пикъ встрѣтили насъ въ упоръ (ils nous jetèrent cinq à six cents piques au nez), показавъ этимъ, что они не принадлежали къ нашимъ друзьямъ. Тотчасъ-же они были атакованы и отброшены къ самымъ ихъ палаткамъ, и такимъ образомъ, они должны были прекратить преслѣдованіе ландскнехтовъ.

Ночь была темна и, еслибъ не луна, мы не могли-бы различать другъ друга. Я отправился къ артиллеріи, чтобы собрать около нея 500—600 латниковъ, съ которыми твердо держаться противъ большого отряда швейцарцевъ.

Тѣмъ временемъ, братъ коннетабль собралъ всю французскую пѣхоту и часть латниковъ и атаковалъ съ ними швейцарцевъ такъ стремительно, что онъ разсѣялъ ихъ, числомъ отъ 5 до 6.000, и отбросилъ ихъ отрядъ; мы, съ своей стороны, дали залпъ изъ артиллерійскихъ орудій по другому отряду швейцарцевъ и вслѣдъ затѣмъ немедленно ихъ атаковали, одержавъ надъ ними верхъ и заставивъ обратно переправиться по броду, которымъ они успѣли воспользоваться *).

Исполнивъ это, мы вернулись къ артиллеріи; братъ коннетабль отправился на другой флангъ лагеря. Швейцарцы расположились такъ близко, что насъ раздѣлялъ лишь ровъ. Всю ночь мы оставались верхомъ, съ копьемъ въ рукѣ и съ шлемомъ на головѣ, а наши ландскнехты—въ полной готовности къ бою.

Будучи ближе всѣхъ къ нашимъ противникамъ, я долженъ былъ выставить охрану, такъ что они насъ не застали врасплохъ на слѣдующее утро.

Надо Вамъ пояснить, что бой продолжался съ 3-хъ часовъ пополудни до 11—12 часовъ ночи, когда луна зашла. Было произведено до 30 великолѣпныхъ атакъ, и вѣрьте, Государыня, что намъ пришлось быть 28 часовъ на конѣ и съ шлемомъ на головѣ, безъ пищи и питья.

Утромъ, за часъ до разсвѣта, мы перемѣнили нѣсколько наше расположеніе; нашъ капитанъ (начальникъ) ландскнехтовъ

---

*) Этотъ именно моментъ изображенъ на копіи съ барельефа гробницы Франциска I. (Фиг. 14, на табл. IV).

счелъ болѣе удобною нашу новую позицію; вмѣстѣ съ тѣмъ, я послалъ просить брата коннетабля держаться на другой дорогѣ и точно также послалъ къ брату д'Алансону, который не могъ подойти съ вечера.

Когда разсвѣло и мы могли различать предметы, я вышелъ изъ нашего лагеря, съ двумя дворянами, которые остались со мной послѣ вечерняго боя, и послалъ еще просить главнаго начальника (grand maître) *), чтобы онъ присоединился ко мнѣ, примѣрно съ сотней латниковъ.

Какъ только мы это исполнили—господа швейцарцы начали атаку своимъ порядкомъ, чтобы еще разъ испытать боевое счастье. Когда они выступили изъ своего лагеря, я приказалъ дать по нимъ до дюжины орудійныхъ выстрѣловъ, такъ удачно направленныхъ, что они бѣгомъ возвратились въ свой лагерь.

Тамъ они раздѣлились на три отряда. Такъ какъ ихъ лагерь былъ укрѣпленъ, и мы не могли ихъ оттуда прогнать, они оставили передъ моимъ фронтомъ 8.000 чел. и всю артиллерію и выслали два другихъ отряда къ двумъ угламъ (флангамъ) нашего лагеря: одинъ—противъ брата коннетабля, другой—противъ брата д'Алансона. Тотъ, который былъ направленъ противъ коннетабля, былъ мужественно отброшенъ французскими авантюрьерами Петра Наварро; ихъ отбили и большею частью разсѣяли. Пять или шесть тысячъ швейцарцевъ успѣли собраться, но они были разбиты столькими-же авантюрьерами съ помощью коннетабля, который бросился въ самую ихъ середину, съ частью своихъ латниковъ.

Въ это время, прибылъ Варѳоломей Альвіано, приведя съ собой отрядъ венеціанской конницы, съ помощью которой имъ вмѣстѣ удалось окончательно разсѣять швейцарцевъ. Я былъ при ландскнехтахъ главныхъ силъ; мы все время продолжали канонаду съ швейцарцами; былъ вопросъ, кто раньше оставитъ свое расположеніе. Мы держались восемь часовъ противъ всей швейцарской артиллеріи, которая, увѣряю Васъ, заставила склониться не одну голову.

Въ концѣ концовъ, отъ главнаго отряда, бывшаго противъ меня, отдѣлилось 5.000 чел., которые опрокинули нѣсколько нашихъ латниковъ, преслѣдовавшихъ непріятеля, отброшеннаго братомъ д'Алансономъ. Эти 5.000 швейцарцевъ дошли до ландскнехтовъ, которые такъ хорошо приняли ихъ огнемъ аркебузеровъ, пиками и стрѣлами, что ни одному не удалось бѣжать (il n'en réchappa la queue d'un), потому что всѣ войска вступили съ ними въ бой и собрались, чтобы встрѣтить ихъ атаку.

Вслѣдъ затѣмъ мы сдѣлали видъ, что идемъ противъ нихъ (nous fîmes semblant de marcher aux autres); они пришли въ безпорядокъ, бросили свою артиллерію и бѣжали по направленію къ Милану.

Изъ 28.000 швейцарцевъ, которые наступали противъ насъ, только 3.000 избѣгли смерти или плѣна; изъ нашихъ, послѣ сдѣ-

*) Людовикъ Орлеанскій, герцогъ де-Лонгевиль.

ланнаго мною смотра, я не досчитываюсь около 4.000. Въ общемъ, съ обѣихъ сторонъ, выбыло до 30.000 чел.

Сраженіе было продолжительнымъ: со вчерашняго дня, съ 3-хъ часовъ пополудни, до 2-хъ часовъ - сегодня, рѣшался вопросъ, кто проиграетъ бой и кто одержитъ побѣду; безпрестанно происходили схватки или стрѣляла артиллерія, какъ днемъ, такъ и ночью; и увѣряю Васъ, Государыня, что я видѣлъ, какъ ландскнехты мѣрили свои пики съ швейцарцами и какъ латники бросались съ копіями въ рукахъ; пусть больше не называютъ латниковъ „вооруженными зайцами", потому что безошибочно можно сказать, что имъ принадлежитъ честь побѣды; и думаю, что не лгу, говоря, что по пятисотъ и по пятисотъ (латниковъ) сдѣлано было до тридцати великолѣпныхъ атакъ, прежде чѣмъ выиграть сраженіе (par cinq cents et par cinq cents, il ait été fait plus de trente belle charges avant que la bataille fût gagnée).

Вообще, можно сказать, что за послѣдніе 2.000 лѣтъ не было такого благороднаго и кровопролитнаго боя; бывшіе подъ Равенной говорятъ, что тамъ одержана была побѣда цѣною потерь, въ три раза меньшихъ.

Сенешалъ д'Арманьякъ (Гальо де-Женульякъ), со своей артиллеріей, имѣетъ право сказать, что и ему отчасти принадлежитъ честь побѣды, потому что не было человѣка, который служилъ-бы такъ хорошо, какъ онъ; и, слава Богу, всѣ наши здравствуютъ. Во-первыхъ, я съ братомъ коннетаблемъ, г.г. де-Вендомъ, де-С. Поль, де-Гизъ, маршалъ де-Шабаннъ, главный начальникъ де-Лонгевиль. Изъ высокопоставленныхъ лицъ убитъ лишь д'Имбрекуръ и находится при смерти Бюсси; много сожалѣній вызываетъ потеря этихъ двухъ лицъ.

Убито нѣсколько дворянъ моей свиты. Вы узнаете ихъ имена помимо моего письма. Принцъ де-Тальмонъ опасно раненъ, и хочу еще разъ увѣрить Васъ, что братъ коннетаблъ и г. де-С.Поль также доблестно ломали копья, какъ и дворяне, какихъ-бы то ни было ротъ. Я говорю о людяхъ, которыхъ лично видѣлъ въ дѣлѣ.

Написано въ лагерѣ при С. Бригиттъ, въ пятницу, 14 дня сентября, 1515 г.

„*Францискъ*" *).

---

*) Передъ самымъ боемъ, когда прибылъ Флёранжъ съ донесеніемъ о наступленіи швейцарцевъ, Францискъ, согласно старыхъ традицій, пожелалъ быть посвященнымъ въ рыцари и, съ этой цѣлью, позвалъ Баярда, которому сказалъ: «Баярдъ, мой другъ, я хочу сегодня быть посвященнымъ въ рыцари вашей рукой, потому что рыцарь, сражавшійся пѣшкомъ и верхомъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, болѣе всѣхъ достоенъ это сдѣлать».

«Государь, отвѣтилъ Баярдъ, тотъ, кто коронованъ, посвященъ и помазанъ посланнымъ съ неба святымъ мvромъ, король такого благороднаго государства и первый сынъ церкви—тотъ и безъ того рыцарь надъ всѣми остальными рыцарями».

«Да, да, сказалъ король, торопитесь, Баярдъ; не ссылайтесь на законы и церковныя правила; исполняйте мое желаніе и мой приказъ». Тогда

Дополнительныя поправки:

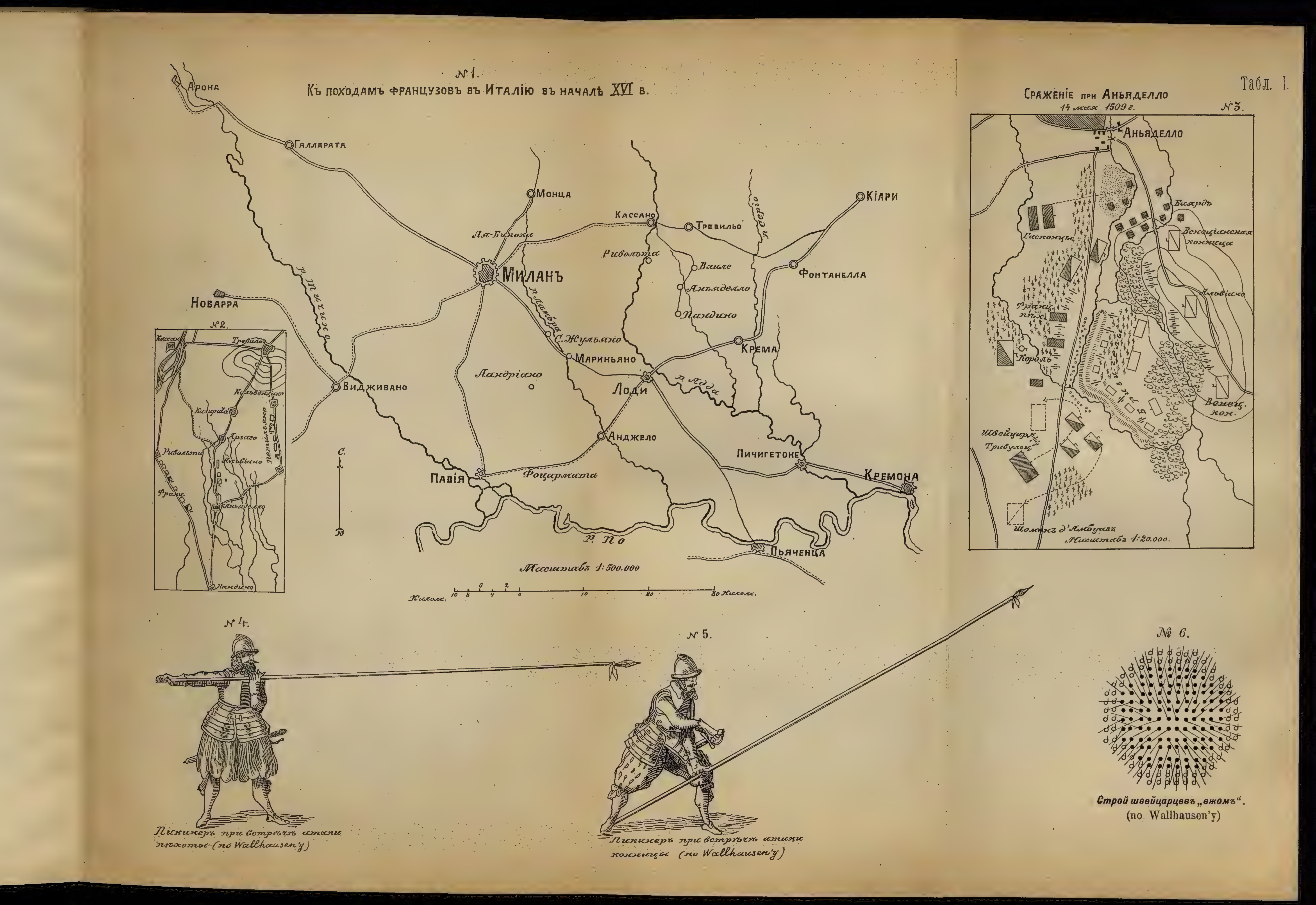
1) Выноску на стр. 43—44 слѣдуетъ дополнить ссылкой, что составъ копія ордоннансовой роты (1 жандармъ, 1 кутильеръ, 1 пажъ, 2 лучника и 1 слуга) указанъ также въ трудѣ *Пузыревскаго* («Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка»; ч. II, стр. 218).

2) На стр. 96, 7-я строка снизу, вмѣсто словъ «почти двое сутокъ»—слѣдуетъ читать «почти сутки».

3) На стр. 97, 13-я строка снизу вмѣсто словъ «сынъ его, Карлъ V», слѣдуетъ читать: «преемникъ его, Карлъ V» и на той-же стр., 9-я строка, вмѣсто: «унаслѣдовавъ по отцу права»—«унаслѣдовавъ, по императорскому титулу, права». На 8-й строкѣ (той-же страницѣ), слова: «своего дѣда» слѣдуетъ выпустить. (Карлъ V былъ сыномъ Филиппа Красиваго и Іоанны Безумной).

Баярдъ взялъ въ руки свой мечъ и далъ имъ ударъ по плечу короля, сказавъ: «Государь, пусть это исполнится, какъ будто я былъ-бы Роландомъ или Оливье, Годефруа или его братомъ, Балдуиномъ. Вы первый государь, котораго я посвящаю въ рыцари. Да будетъ воля Божья, чтобы, на войнѣ, вы не бѣжали передъ лицомъ непріятеля». А затѣмъ, отойдя въ сторону, воскликнулъ:

«Счастливъ ты, Баярдъ, что посвятилъ въ рыцари такого великолѣпнаго, могущественнаго короля. И ты, мой добрый мечъ, будешь храниться, какъ святыня, и будешь въ чести передъ всѣми остальными; только противъ невѣрныхъ турокъ, сарацинъ и мавровъ я буду тебя обнажать». Выдержки изъ дневника доктора Шампье (Symphorien Champier), состоявшаго при герцогѣ Лотарингскомъ, участникѣ сраженія при Мариньяно приведены въ соч. *Hardy* («Origines de la tactique française», т. II, стр. 280), и у *Liskenne et Sauvan* («Bibliothèque historique et militaire», т. VI, стр. 315).

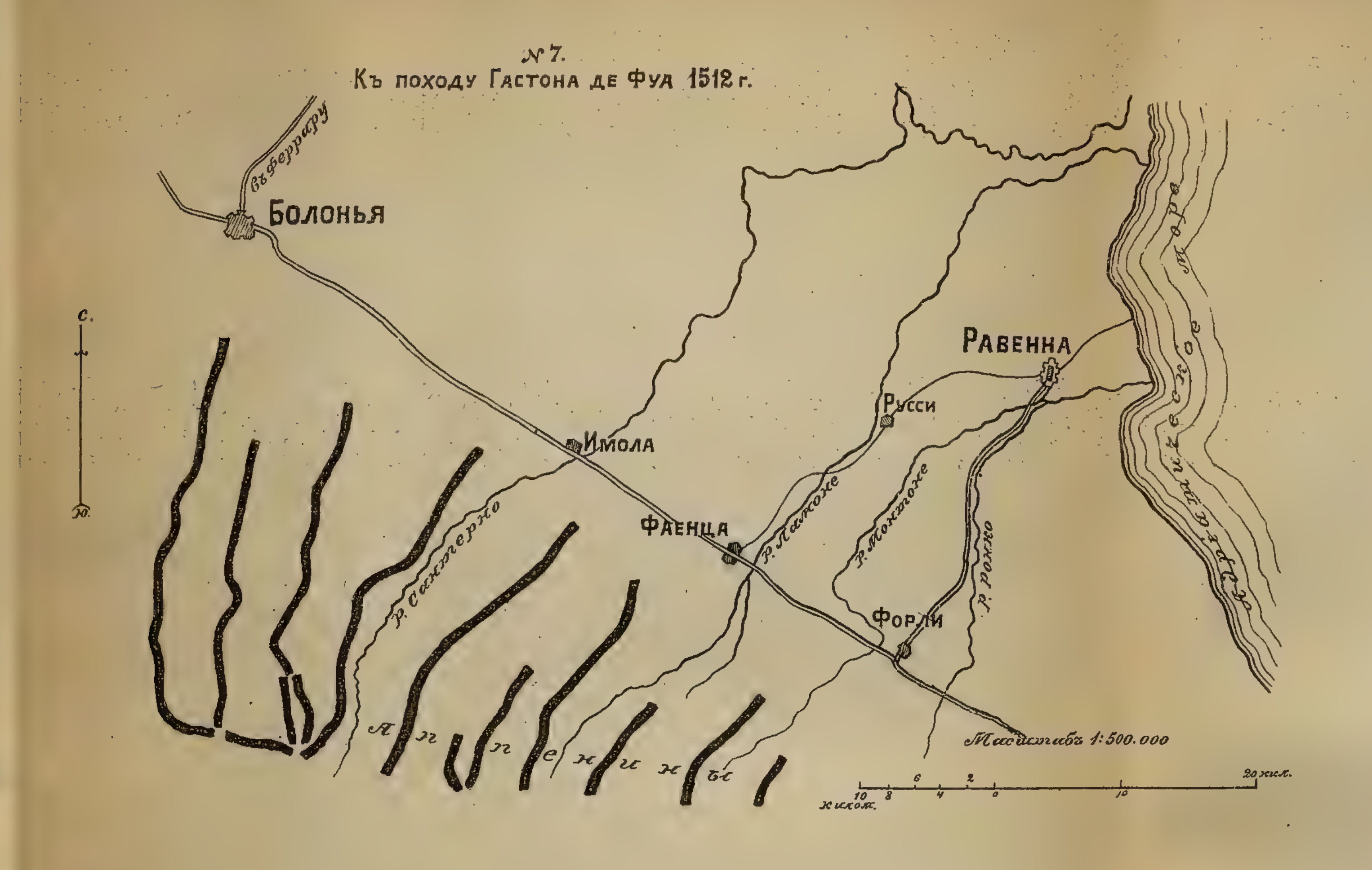


Пикинеръ при встрѣчѣ атаки пѣхоты (по Wallhausen'у)

Пикинеръ при встрѣчѣ атаки конницы (по Wallhausen'у)

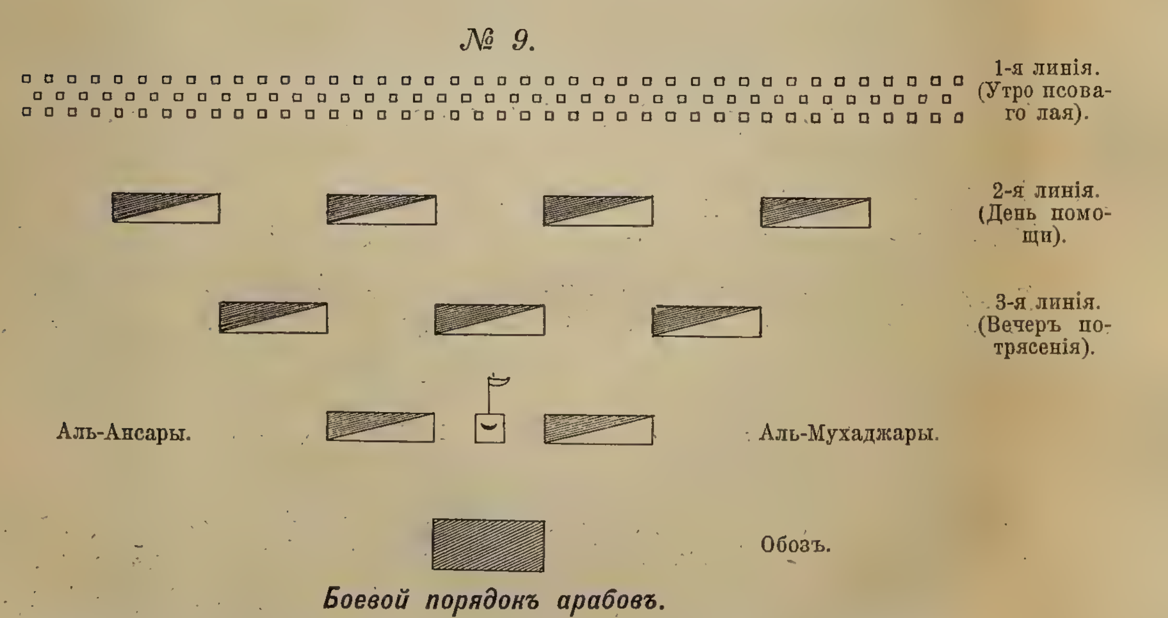
Строй швейцарцевъ „ежомъ“. (по Wallhausen'у)

№ 7.
Къ походу Гастона де Фуа 1512 г.



№ 8.
Сраженіе при Равеннѣ, 11 апр. 1512 г.

№ 9.



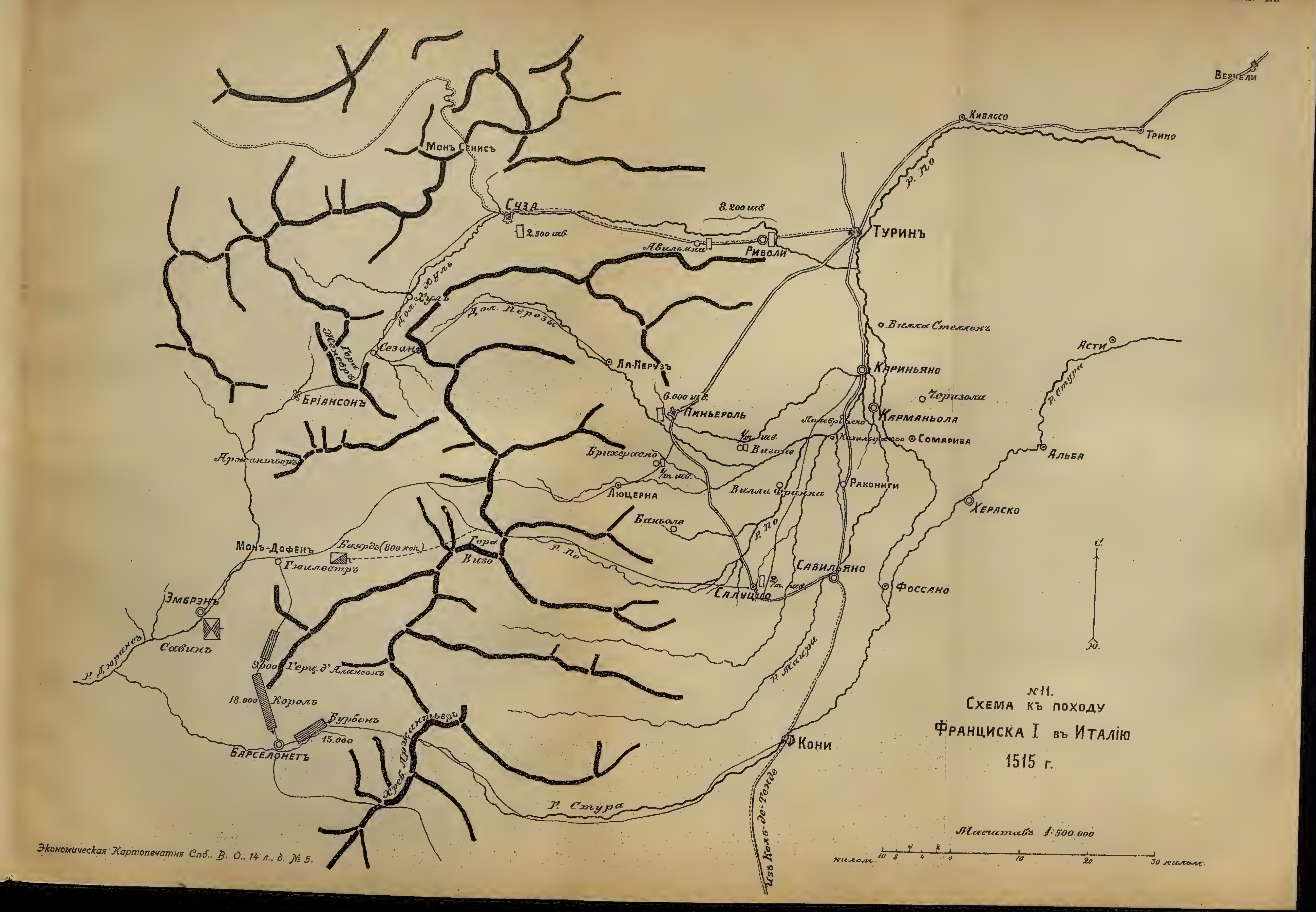
Боевой порядокъ арабовъ.

(По атласу къ „Исторіи военнаго искусства въ средніе вѣка“, Полковника Пузыревскаго, и атласу къ „Краткому курсу военнаго искусства“, Полковника Гейсмана).

№ 10.

Бой ландскнехтовъ XVI в. (По рисунку Гольбейна, изъ музея въ Базелѣ).

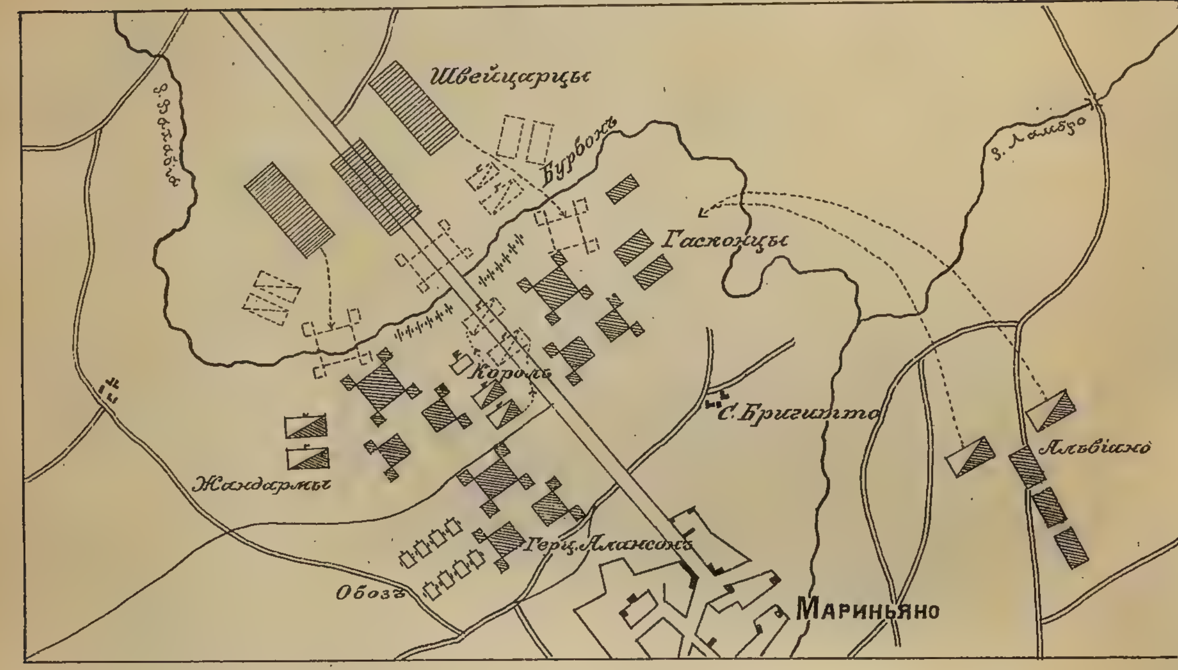
Эконом. типо-лит. Спб., В. О., 14 л., д. № 5.



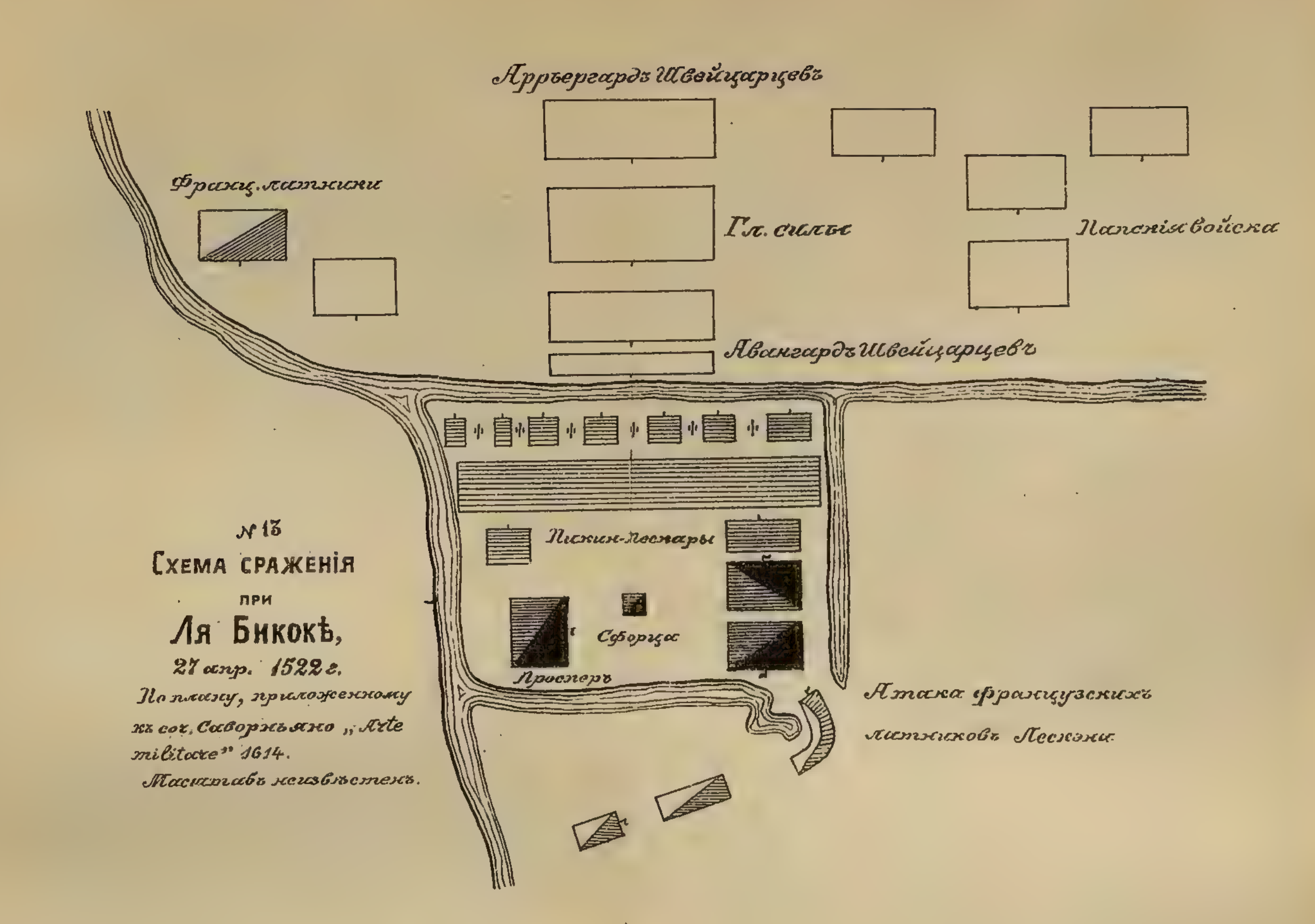
Экономическая Картопечатня Спб., В. О., 14 л., д. № 5.

№ 12.

Сраженіе при Мариньяно, 13 сент. 1515 г.



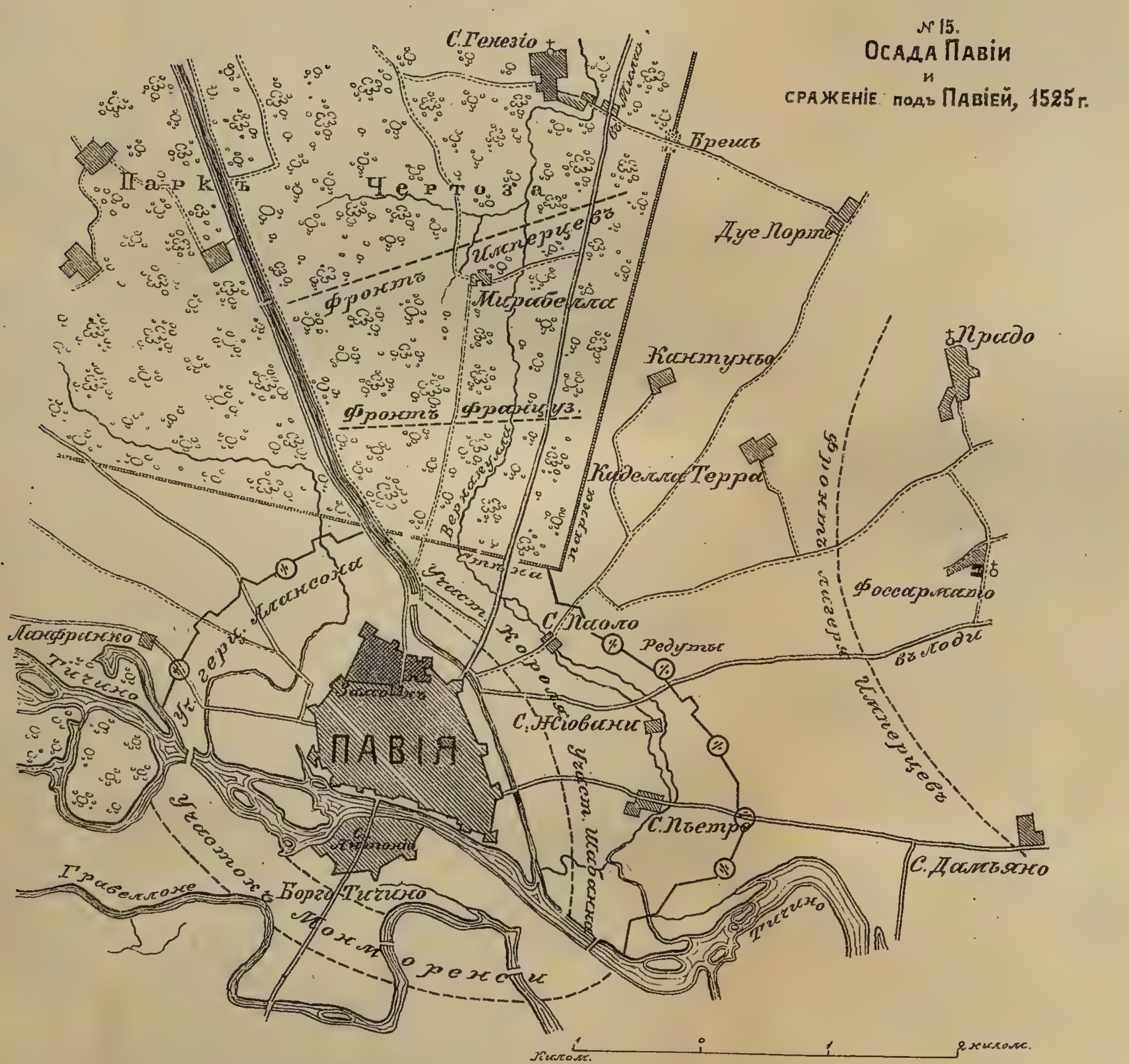
По схемѣ, прилож. къ соч. Hardy „Origines de tactique française“.



№ 14.

Сраженіе при Мариньяно, 1515 г. (По барельефу на гробницѣ короля Франциска I, исполненному по рисункамъ Филибера Де-Лормъ, при королѣ Генрихѣ II). Слѣва король Францискъ I, за нимъ герц. Гизъ и латники ведутъ бой на флангѣ ландскнехтовъ. Далѣе гасконскія дружины, при знаменахъ съ крестами; передъ ними пѣшіе лучники-арбалетчики; еще далѣе французская артиллерія, охраняемая пикинерами и латниками. Справа швейцарцы, наклонивъ пики и головы, идутъ въ атаку (первая шеренга съ предохранительнымъ вооруженіемъ, остальныя — безъ него); между колоннами — верхомъ, съ крестомъ, кардиналъ сіонскій: знамена швейцарскія — съ двумя ключами—Св. престола (папскія). Ср. также M. Jähns: „Atlas zur Geschichte des Kriegswesens“, табл. 81, фиг. 3.

№ 15. Осада Павіи и сраженіе подъ Павіей, 1525 г.



По плану изъ атласа, приложеннаго къ соч. Jähns'a „Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens", Табл. 95.

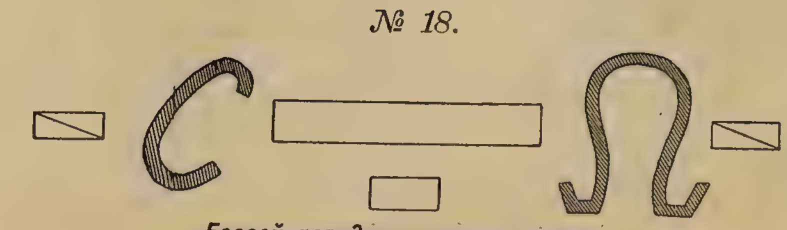
№ 16. Сраженіе подъ Павіей, 24 февр. 1525 г.

(второй періодъ боя).

По схемѣ, прилож. къ соч. Hardy „Origines de la tactique" (стр. 330 т. II)

№ 17. Сраженіе при Черизолѣ. 11 апр. 1544 г.

№ 18.



Боевой порядокъ чеховъ-гуситовъ.

(По атласу къ „Краткому курсу военнаго искусства", Полковника Гейсмана).

Эконом. типо-лит. Спб., В. О., 14 л., д. № 5.

Къ боевому порядку Фронспергера.

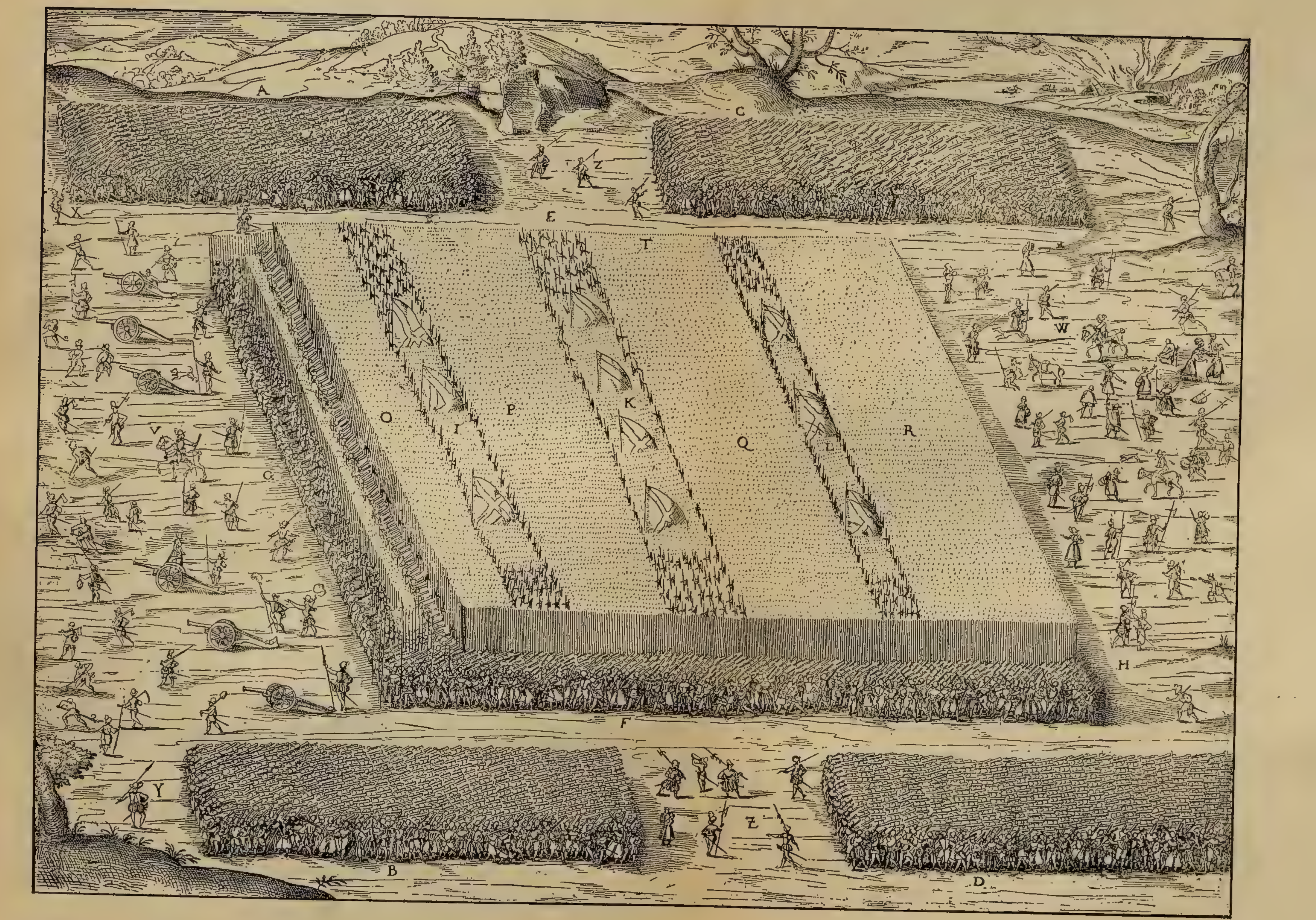
(„Kriegszbuch“, ч. 3-я, стр. CV).

A. Верхнее переднее крыло.
B. Нижнее переднее крыло.
C. Верхнее заднее крыло.
D. Нижнее заднее крыло.
E. Три ряда *) аркебузеровъ, пристроенныхъ сверху для прикрытія значковъ.
F. Три нижнихъ ряда **) аркебузеровъ, для прикрытія значковъ.
G. Передніе аркебузеры впереди первой шеренги.
H. Задніе аркебузеры позади задней шеренги ***).
I. Передніе 3 значка съ короткимъ оружіемъ.
K. 5 значковъ, внутрь введенныхъ.
L. Задніе 3 значка.
M. 1 рядъ коротко-вооруженныхъ (мечами или аллебардами) поставленные за 3-мя рядами длинно-вооруженныхъ (пикинеровъ).
N. Начальникъ заднихъ нижнихъ стрѣлковъ.
O. Пикинеры первыхъ трехъ значковъ.
P. Пикинеры среднихъ пяти значковъ.
Q. Пикинеры впереди трехъ заднихъ значковъ.
R. Задніе (тыльные) пикинеры.
S. Нижніе пикинеры, прикрывающіе значки и коротко-вооруженныхъ.
T. Верхніе пикинеры, прикрывающіе значки и коротко-вооруженныхъ.
V. Главный начальникъ (Полковникъ), ѣдущій впереди колонны.
W. Помощникъ его (Оберстъ - лейтенантъ), держащійся назади.
X. Начальникъ передняго верхняго крыла стрѣлковъ.
Y. „ „ нижняго „ „
Z. „ задняго нижняго „ „

~~~~~~

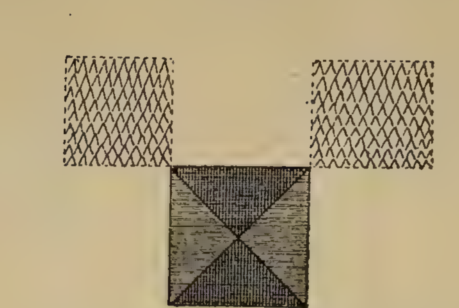
*) За пиками они не видны и потому не представлены на чертежѣ.
**) На чертежѣ ихъ не 3, а по крайней мѣрѣ 7.
***) Тоже не видны.

№ 19.



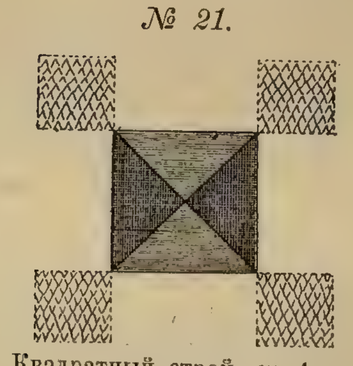
Боевой строй полка ландскнехтовъ, съ внѣшнимъ поясомъ стрѣлковъ и 4-мя стрѣлковыми крыльями.
(по Фронспергеру).
1566.

№ 20.



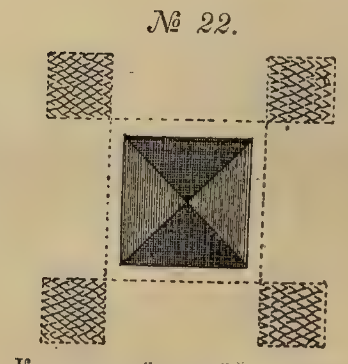
Квадратный строй, съ 2-мя стрѣлковыми крыльями.

№ 21.



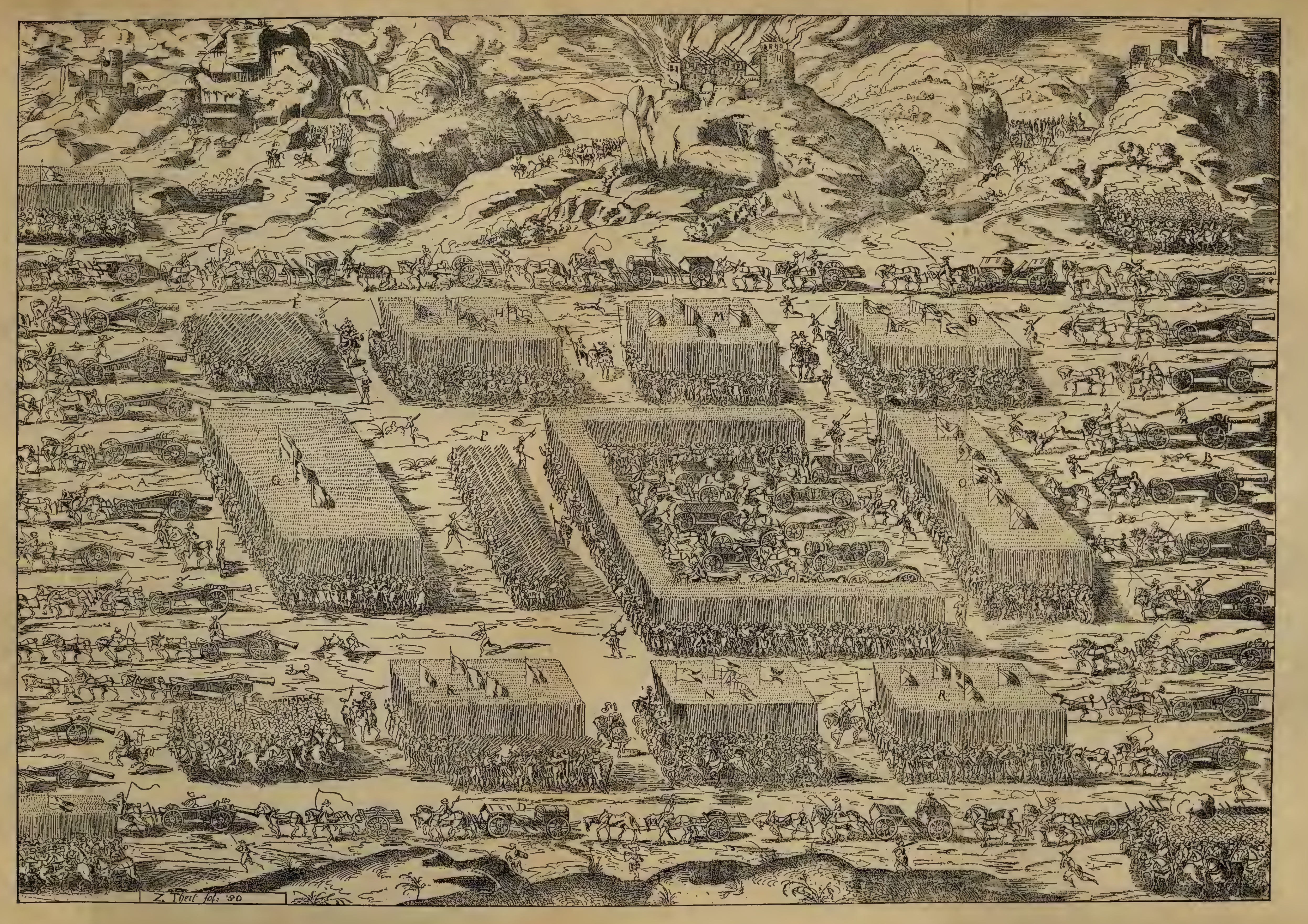
Квадратный строй, съ 4-мя стрѣлковыми крыльями.

№ 22.



Квадратный строй, съ 4-мя стрѣлковыми крыльями и внѣшнимъ поясомъ стрѣлковъ.

Эконом. типо-лит. Спб., В. О., 14 л., д. № 5.
~~~~~~

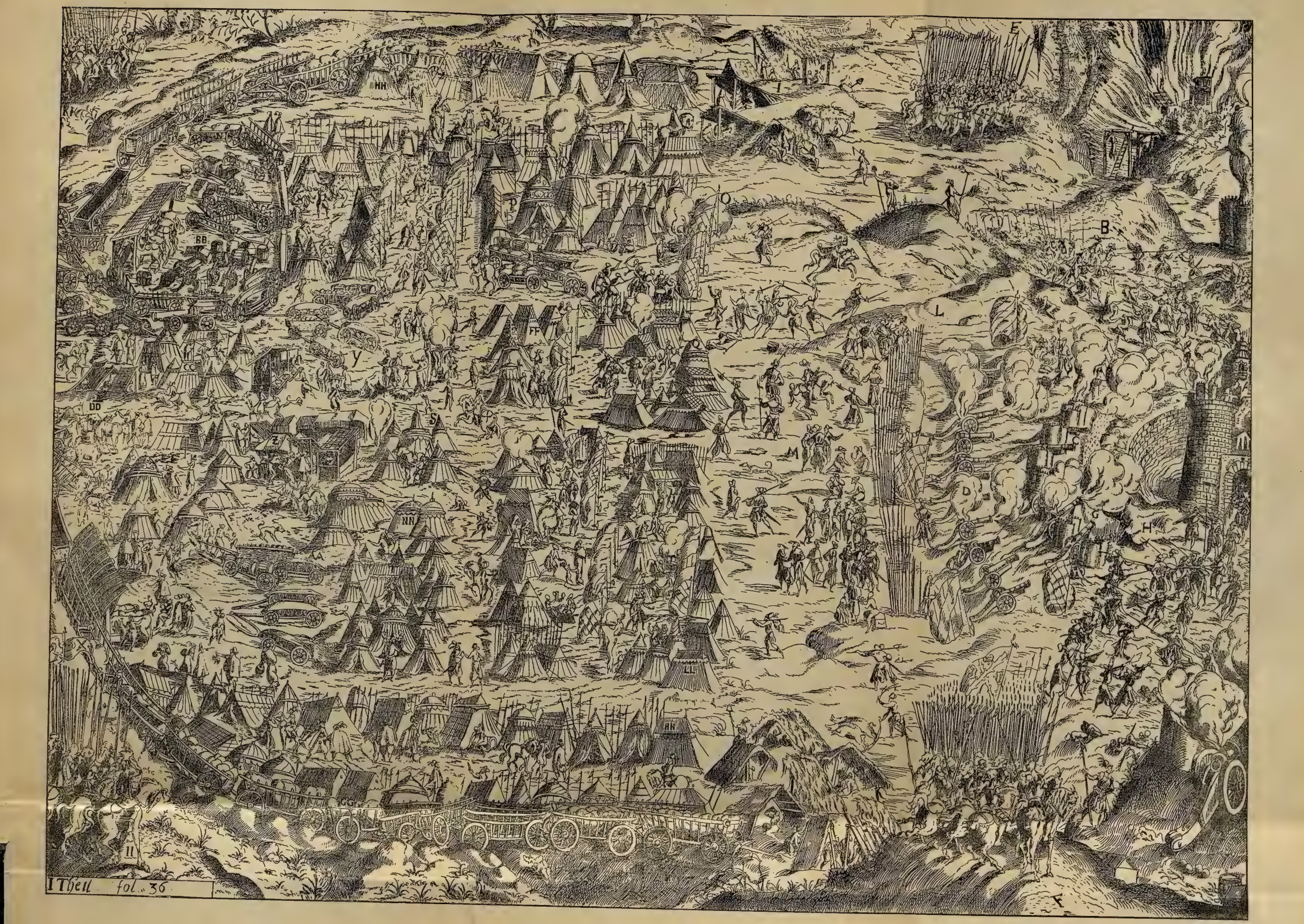


Наступленіе боевого порядка, прикрытаго съ фланговъ боевыми повозками
(по Фронсперіеру).
1566.

Эконом. типо-лит. Спб., В. О., 14 л., д. № 5.

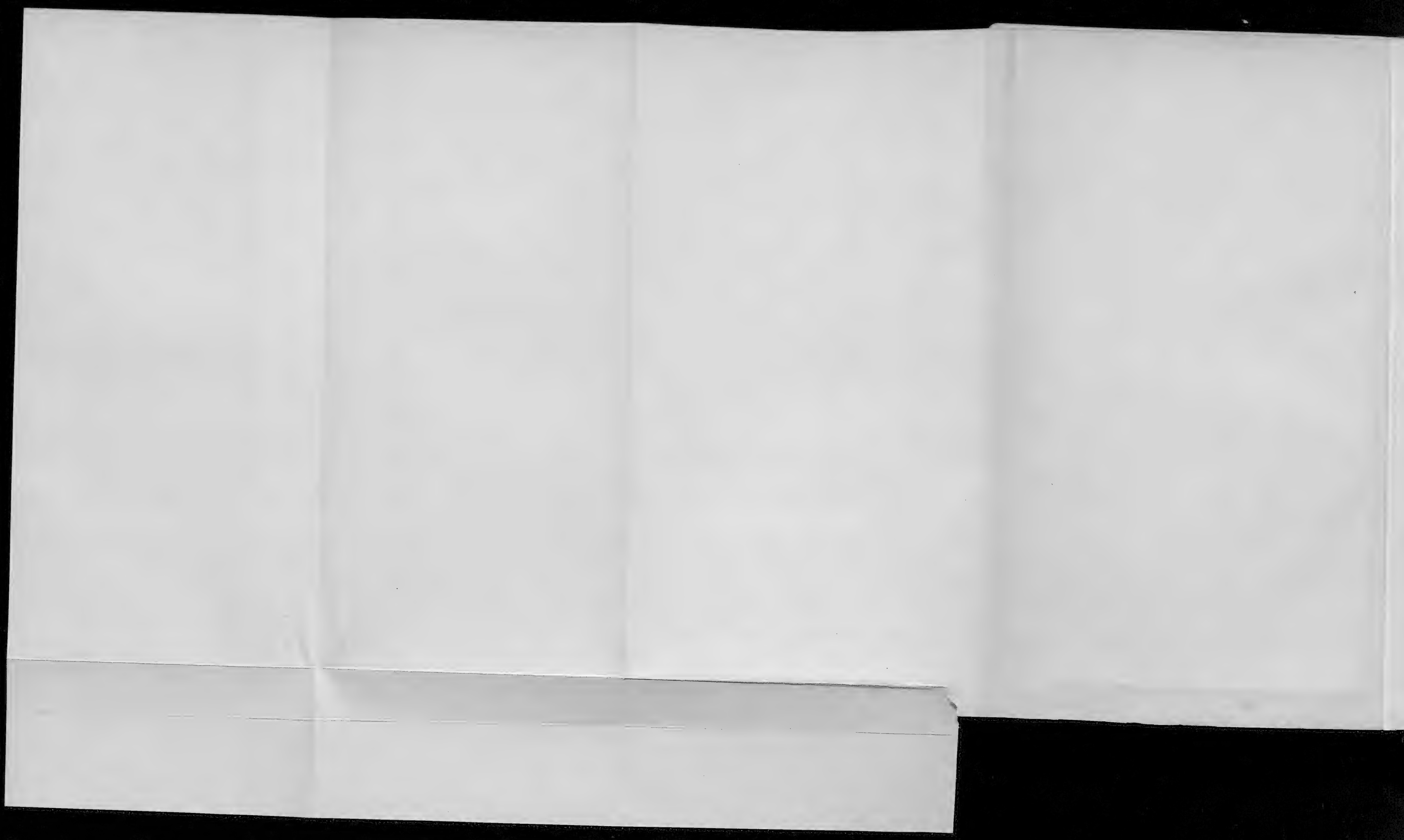
Къ чертежу лагеря Фронспергера.

A. Осажденный городъ или крѣпость.
B. Верхній передовой бой гарнизона противъ непріятеля.
C. Окопы кругомъ крѣпости.
D. Полевыя орудія за окопами.
E. Верхній охраняющій конный отрядъ.
F. Нижній охраняющій конный отрядъ.
G. Охрана въ окопахъ.
H. Нижній передовой бой.
I. Верхній лагерь саперъ (Schantzgräber).
K. Нижній лагерь саперъ.
L. Дневная или ночная стража при полевыхъ орудіяхъ.
M. Сборное мѣсто на случай тревоги впереди лагеря за полевыми орудіями.
N. Лагерь судебнаго персонала.
O. Верхній полкъ пѣхоты.
P. Квартира главнокомандующаго.
Q. Лагерь главныхъ чиновъ (штаба).
R. Главное продовольственное мѣсто (öberst Profandt Platz).
S. Квартира главнаго помощника (Oberst Leutenant).
T. Квартира начальника артиллеріи (фельдцейхмейстера).
V. Квартира фельдмаршала (начальника штаба?).
X. Тыльный пѣхотный полкъ.
Y. Общее продовольственное мѣсто.
Z. Рынокъ маркитантовъ.
A.A. Продовольственное мѣсто конницы.
B.B. Боевые припасы и орудія, окруженныя отдѣльнымъ вагенбургомъ.
C.C. Квартира начальника снаряженія (Geschirrmeister).
D.D. Бойня и мясной рынокъ.
E.E. Квартира Интенданта конницы и другихъ высшихъ начальниковъ.
F.F. Средній полкъ пѣхоты.
G.G. Вагенбургъ.
H.H. Лагерь конницы—кругомъ всего лагеря.
I.I. Задній нижній конный отрядъ.
K.K. Задній верхній конный отрядъ.
L.L. Передовой нижній полкъ пѣхоты.
M.M. Квартира главнаго профоса (фельдфогта юстиціи).
N.N. Отхожія мѣста.



Лагерь подъ стѣнами осажденной крѣпости.
(по Фронспергеру).
1566.

Эконом. типо-лит. Спб., В. О., 14 л., д. № 5.



№ 25.

Ордоннансовый латникъ.
(по Харди).

№ 26.

Вооруженіе рыцаря 1450 года.
(по Віоллэ-ле-Дюкъ).

№ 27.

Императоръ Максимильянъ I.
(по Іенсу).

№ 28.

Легко-конный всадникъ (шеволежеръ).
(по Харди).

№ 29.

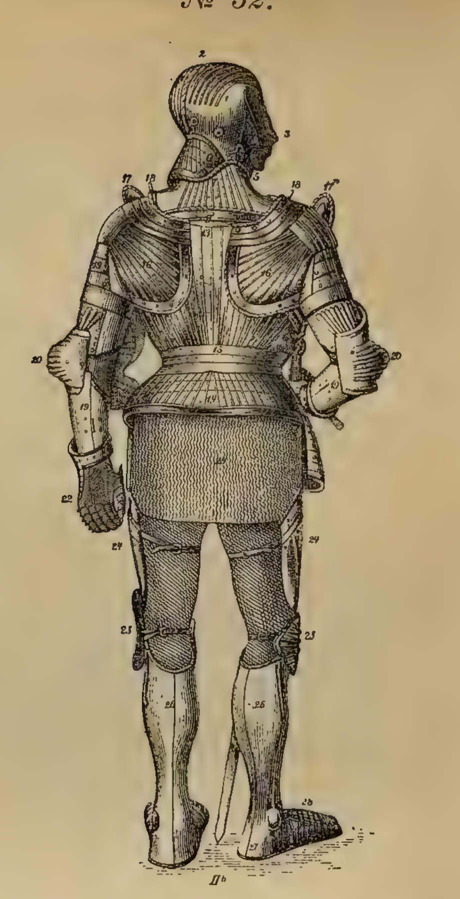
Стратіотъ.
(по Харди).

№ 30.

Конный аркебузеръ (аргулетъ).
(по Харди).

№ 31.

№ 32.



Полное рыцарское предохранительное вооруженіе.
(по Іенсу и Віоллэ-ле-Дюкъ).

1) Шлемъ, 2) гребень, 3) закрытіе лица, 4) подбородникъ, 5) закрытіе горла, 6) султанная трубка, 7) барлица—нашейникъ, 8) кираса (латы), 9) нагрудникъ, 10) подмышечная чешуя, 11) набрюшникъ (передникъ), 12) набедренникъ, 13) наспинникъ, 14) закрытіе крестца, 15) поясъ, 16) оплечія, 17) воротъ, 18) связи кирасы съ нашейникомъ, 19) поручи, 20) налокотники, 21) локтевой шарниръ, 22) рукавицы, 22) крюкъ для копья, 24) налядвенники, 25) наколѣнники, 26) наножники, 27) пяточное закрытіе, 28) закрытіе ступни, 29) сѣдалищное закрытіе.

№ 33.

Пѣшій латникъ 1520 г.
(по Вейсу).

№ 34.

Ландскнехты.
(по Іенсу).

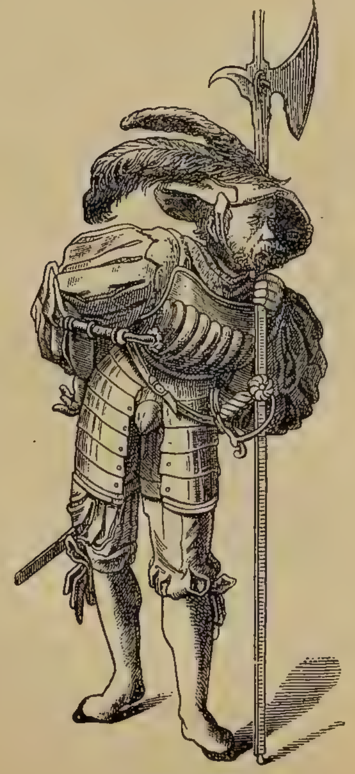
№ 35.

Легіонеръ.
(по Харди).

№ 36.

Капитанъ пѣшей дружины.
(по Харди).

№ 37.



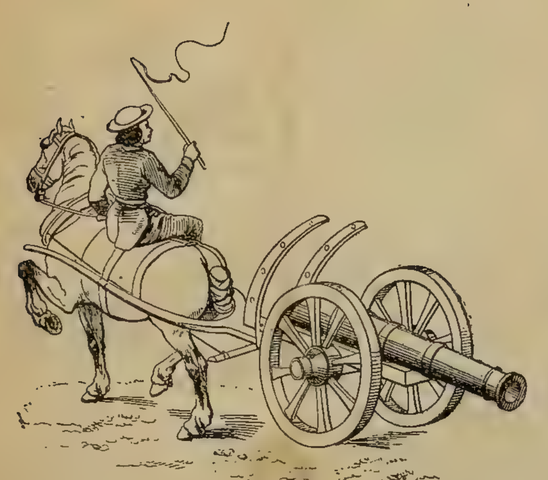
Аллебардистъ.
(по Вейсу).

№ 38.

Стрѣлокъ съ 3-хъ ствольной аркебузой. 1550 г.
(по Вейсу).

Экспед. Типо-Лит. В. О., 14 линія, д. № 5.

№ 39.

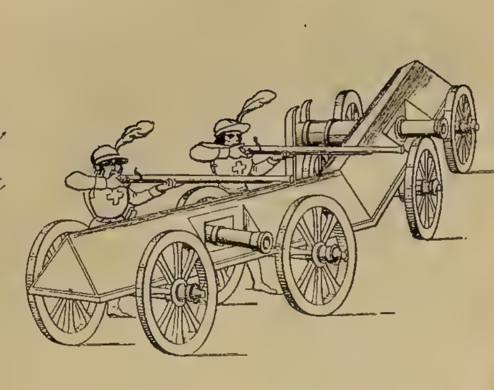


Фоконно.
(по принцу Бонапарте).

№ 40.

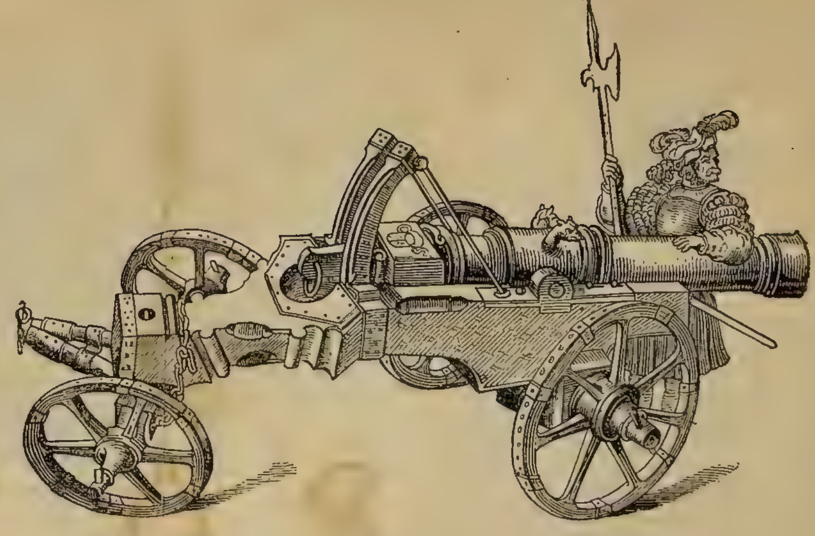
Боевая повозка, съ разными видами пѣхотинцевъ на ней.
(по Іенсу).

№ 41.



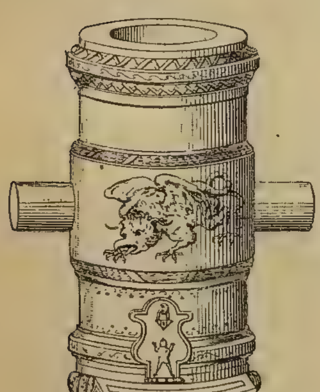
Боевая повозка съ орудіями.
(по принцу Бонапарте).

№ 42.



Полевое орудіе временъ Максимильяна I (1493—1519).
(по Вейсу)

№ 43.

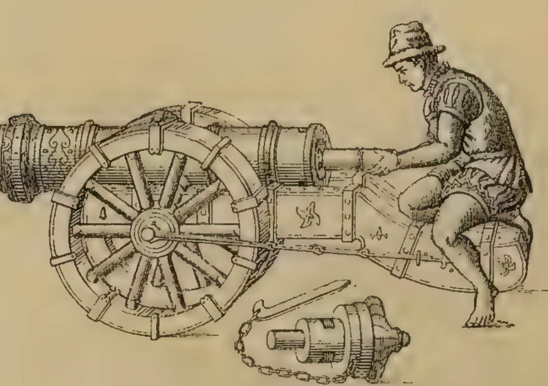


15-ти дюймовая нѣмецкая мортира „драконъ", въ серединѣ XVI вѣка.
(по Фаве́).

№ 44.

Копія барельефа на гробницѣ короля Франциска I. (Полевое орудіе на фонѣ редута подъ Павіей).
(по Фаве́, т. III)

№ 45.



Заряжаемое съ казны орудіе XVI вѣка.
(по Іенсу).

№ 46.

Копія барельефа на могилѣ Гальо де-Женульяна († 1546). Орудіе съ запряжкой въ 11 лошадей.
(по Фаве́, т. III).

Эконом. Типо-Лит. В. О., 14 линія, д. 5.